ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

Ш

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

БУЛЬДОГИ ПОД КОВРОМ

РАЗВЕДКА БОЕМ

ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

АНДРЕЕВСКОЕ БРАТСТВО

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ВРЕМЯ ИГРЫ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

ЭКСМО

2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
З 45

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрации на переплете *А. Дубовик*

Звягинцев В.Д.

З 45 Одиссей покидает Итаку: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 640 с. (Русская фантастика).

ISBN 5-699-04816-2

Земля становится ареной тайной и продолжительной войны, которую ведут две могущественные космические цивилизации, мечтающие заставить людей вершить свою историю в интересах пришельцев. Но не все земляне согласны быть безвольными марионетками в чужом театре. И на далекой планете Валгалла, и в Советской России, вступающей в Великую Отечественную войну, — везде Андрей Новиков и его друзья доказывают, что никогда не станут слепым орудием в руках представителей «высшего разума».

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-04816-2

© Звягинцев В.Д., 2003
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003

Я буду писать историю людей более свободных, чем государственные люди, историю людей, живущих в самых выгодных условиях жизни для борьбы и выбора и желаний, людей — таких же, как мы, могущих выбирать между рабством и свободой, между образованием и невежеством, между славой и неизвестностью, между властью и ничтожеством, между любовью и ненавистью, людей свободных от бедности, от невежества и независимых.

Л. Н. Толстой

Предисловие

Но мы идем вслепую в странных местах,
И все, что есть у нас, — это радость и страх.
Страх — что мы хуже, чем можем,
И радость — того, что все в надежных руках.

Борис Гребенщиков

Уже сегодня можно предположить, что Василий Звягинцев войдет в историю литературы как автор одной Книги. Однако в такой характеристике не кроется ничего унизительного или обидного. Книга (с большой буквы), о которой идет речь, по многим статьям стоит десятка издаваемых нынче книг (с маленькой буквы).

«Одиссей покидает Итаку», будучи произведением, не выходящим за рамки классического канона научной фантастики (далее — НФ), благополучно тем не менее оказывается в ряду тех единичных творений современной российской литературы, ставших художественным явлением (можно было бы сказать — «отображением») времени. В. Звягинцев написал, пожалуй, самую широкомасштабную и практически всеохватную эпопею в истории отечественной фантастической литературы. И дело даже не в том, что он удивительно гармонично «энциклопедировал» в своем труде все мыслимые сюжетные и жанрово-тематические ходы современной НФ. Одна из главных заслуг В. Звягинцева кроется в том, что ему удалось создать многоплановый литературный портрет: поколения, к которому принадлежит сам писатель (семидесятники), времени, России...

Родился писатель в 1944 году в печально ныне известном городе Грозном. А сейчас живет в Ставрополе, где в свое время закончил медицинский институт. Прежде чем стать профессиональным писателем, успел Василий Дмитриевич поработать врачом «Скорой помощи», в качестве военврача служил на Сахалине, трудился на редакторской ниве...

В 1987 году в журнале «Ставрополье» состоялся дебют Звягинцева-писателя — рассказы «Хотеть — значит мочь» и «Уик-энд на берегу». Чуть позже в одном из сборников появилась небольшая повесть «Критерий отбора». Если не ошибаюсь, этими произведениями и ограничивается «публикаторский стаж» доодиссеевского периода В. Звягинцева. Яркими дебютные произведения писателя не назовешь — добротно сделанная, но в целом стандартная космическая НФ. Может быть, и сам писатель рассматривал эти публикации лишь в качестве легкой разминки. А настоящий литературный старт состоялся в следующем году — появление на читательский суд эпопеи «Одиссей покидает Итаку». Сначала, в 1988 году, в сборнике «Десант из прошлого» вышла первая часть романа «Гамбит бубновой дамы», благосклонно встреченная любителями фантастики. И наконец в 1992 году первые две книги эпопеи увидели свет отдельным изданием. Наступил триумф В. Звягинцева и его романа, без малого десятилетие пролежавшего в письменном столе (написан он был в 1978—1983 гг.) в ожидании своего часа. В начале восьмидесятых публикация «Одиссея» была в принципе невозможна — слишком много «несвоевременных» идей и мыслей содержалось в произведении, за которое можно было схлопотать и известную статью УК. По выходе романа в свет некоторые критики поспешили заметить, что роман-де опоздал и сегодня неактуален. Позволю себе не согласиться. Хорошие книги, как и герои, всегда приходят вовремя. Дело даже не в политических и идеологических акцентах. Если бы книга состояла из одного лишь рекомендованного обзора того или иного периода в истории страны — грош цена такому произведению. Но к «Одиссею» как раз это не относится.

Выход книги сопровождался огромным резонансом. Немало копьев было сломано в кулуарных дебатах и критической прессе. Критике подвергались и идеология романа (политические воззрения автора), и литературная форма, и типажи. Может, и не все совершенно в «Одиссее», но это не помешало эпопее стать поистине народным бестселлером. А читатель — он всегда прав, что бы там ни говорили критики. Уже в следующем году роман был переиздан питерским издательством «Северо-Запад». Продолжается жизнь книги и сегодня — уже благодаря стараниям издательства «ЭКСМО». В 1993 году за эпопею «Одиссей покидает Итаку» Василий Звягинцев был удостоен сразу четырех престижных литературных премий — «Аэлита», «Интерпресскон», Премии имени А. Р. Беляева и специальной международной премии «Еврокон»...

Мне в руки эта книга попала в конце 1992 года. Я буквально провалился в мир романа, он пленял и завораживал. Потому что это был мой мир, я его чувствовал, прошу прощения за банальщину, всеми фибрами. Дело не в том, что Василий Звягинцев нарисовал какой-то принципиально новый, оригинальный для НФ мир. Нет,

как раз все вполне знакомо, сюжет-инициация очень даже традиционен. Две галактические сверхрасы — агтры и форзейли — воюют между собой за сферу влияния. И в эту борьбу оказываются втянутыми семь молодых парней, наши современники, типичные представители творческой и «инженерной» интеллигенции (что уже не очень типично для фантастики «экшн»). Одно приключение нанизывается на другое. Новиков и компания перемещаются в пространстве и времени, вступают в кровавые битвы, изменяют реальность и ход исторических событий... Все по законам приключенческой НФ. Но в том-то и дело, что роман на поверку оказывается не книжкой для досужего чтения. Он много сложнее. И по проблематике, и по художественной структуре. И вот уже фантастический боевик очень скоро превращается в проблемный жанр «альтернативной истории».

В последние годы этот жанр получил широкое распространение в российской литературе. Писатели пытаются заново осмыслить историю человечества и конкретно историю России средствами фантастического допущения. А фантастика позволяет, вопреки учению марксизма-ленинизма, рассматривать Историю и в сослагательном наклонении. Подобный художественный метод в советской литературе был напрочь исключен. Оно и понятно: такой «пересмотр» истории наводил читателя на «неправильные» размышления. А следует сказать, что вопреки утверждениям некоторых историков НФ одними из первооткрывателей жанра «альтернативной истории» были русские писатели. В начале века, например, этот художественный метод плодотворно развивал талантливый, но сознательно забытый советской цензурой писатель Михаил Константинович Первухин (1870—1928), написавший немало замечательных фантастических повестей и романов. Лучший из его романов — «Пугачев-победитель» (издан в Берлине в 1924 г. и переиздан в Екатеринбурге в 1994 г.) — советские цензоры запретили в первую очередь. Еще бы, ведь писатель написал исторический роман о том... как восстание Емельки Пугачева одержало победу и кровожадный разбойник воссел на Российский престол. И выводы романа далеко не в пользу канонизированного советской властью «героя»...

После десятков лет искусственного забвения жанр получил наконец право голоса в нашей литературе 90-х. Вячеслав Рыбаков, Лев Вершинин, Андрей Валентинов, Андрей Лазарчук... При желании нетрудно продолжить сей достойный список современных писателей, серьезно и талантливо пытающихся исследовать «подноготную» истории нашей страны. Василий Звягинцев в этом ряду занимает особое место. Во всяком случае, его, кажется, до сих пор никто не превзошел по широте охвата материала. Следует также заметить, что Василий Звягинцев на редкость самобытно подходит и к самому жанру. Он не рисует мир вопроса «Что было бы, ес-

ли?..» как «свершившееся». Его вопрос несколько иного порядка: «Что будет, если попытаться изменить историческую действительность извне?» Именно этим и занимаются герои «Одиссея»...

Я долго пытался найти правильное определение эпопее Звягинцева. По-моему, мне это удалось. Василий Звягинцев написал УНИВЕРСАЛЬНЫЙ РОМАН. В прямом и переносном смыслах. «Одиссей покидает Итаку» не вмещается на все сто процентов ни в одну жанровую нишу. То, что в большинстве случаев выглядит несуразным нагромождением, В. Звягинцев превратил в тщательно выверенное изящное архитектурное сооружение. Роман построен на синтезе жанров. В рамках одного конкретно взятого текста каким-то непонятным образом уживаются фантастический боевик и исторический триллер, космическая опера, альтернативная история, социально-политическая фантазия. И весь этот внешне эклектичный механизм работает! И многочисленные детали его не вступают в логическое противоречие друг с другом!

Ко всему сказанному хотелось бы добавить, что эпопея «Одиссей покидает Итаку» чисто русский роман в самом глобальном смысле этого понятия. В. Звягинцев написал произведение в лучших традициях русской литературы, которой всегда было свойственно глубокое проникновение в суть описываемых явлений, масштабность проблематики, извечные вопросы бытия, поиски смысла Жизни и... смысла Государства... Все перечисленное присуще и роману Василия Звягинцева. И вместе с тем «Одиссей покидает Итаку» остается увлекательнейшим чтением. Именно это я и имел в виду, говоря об универсальности звягинцевского произведения. Оно рассчитано по-хорошему на массового читателя — от любителей захватывающих приключений до ценителей проблемной литературы, написанной к тому же талантливой рукой.

И в заключение несколько слов о конкретном издании эпопеи «Одиссей покидает Итаку». Это не совсем переиздание. Дело в том, что издававшиеся ранее пять частей эпопеи во многом были не завершены, между ними существовали определенные логические и событийные неувязки. Настоящее издание романа представляет собой ПОЛНУЮ и несколько доработанную версию популярной эпопеи. Но когда вы перевернете последнюю страницу последнего тома — не отчаивайтесь. Приключения «великолепной семерки» не закончены. Василий Звягинцев и издательство «ЭКСМО» подготовили читателям приятный сюрприз. И в скором времени увидит свет продолжение эпопеи — роман «Вихри Валгаллы». Любимые всеми герои вновь будут сражаться, любить и ненавидеть, а вместе с ними и вы — дорогие читатели. И я не без оснований надеюсь, что новая книга будет столь же интересна, как и предыдущие. Приятного вам всем чтения!

ДАНИИЛ АРБАТОВ

КНИГА I

ГАМБИТ БУБНОВОЙ ДАМЫ

О да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срываться с высоких башен,
Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц —
Железо, сталь и свинец.

Н. Гумилев

Пролог

На далеком берегу

В пространстве все происходит беззвучно. Соприкасаются ли кристаллики льда в хвосте кометы, или взрывается звезда. Вполне возможно, что и в этом выражается рациональность природы, ее нежелание тратиться на ненужные эффекты там, где их некому оценить. И действительно — кто мог бы наблюдать, как в одном из секторов Дальнего космоса, бог знает в скольких сотнях или тысячах парсек от обжитых и освоенных мест, вдруг материализовался подпространственный звездный крейсер типа «Кондотьер-VII» — огромный, зеркально-блестящий, полыхающий фиолетовыми импульсами генераторов, — появился в реальном пространстве, гася околосветовую скорость до планетарной, и начал вдруг изгибаться по всем осям, деформироваться и искажаться, как искажаются очертания дальних предметов в жарком мареве пустыни. Затем — через миг непредставимо короткий (или настолько же длинный — на границе подпространственных туннелей время теряет размерность и знак) крейсер исчез, растаял, растворился, после него осталось только невообразимой яркости бесшумное лиловое пламя. А потом — совсем уже ничего.

...Три человека в штурманской рубке крейсера — путевая вахта — вдруг ощутили легкую дрожь палубы. Дрожь мелкую, едва уловимую, возникшую где-то далеко в корме, но от которой внезапно и остро заныли зубы. Штурман вскинул голову на приборы, но не успел ничего увидеть и оценить. Потому что второй, теперь уже катастрофически мощной, ударной волной

корабль скрутило судорогой деформации, разрывая уши пронзительным до тошноты скрежетом рвущегося металла и грохотом ломающегося пластика.

И все!

Люди так и не успели ничего понять и почувствовать. Катастрофы в космосе если происходят, то происходят быстро.

Среагировали автоматы. Совсем ненамного, на тысячную долю секунды опередив ту вспышку, что превратила в плазму огромный, по человеческим меркам, корабль. Ходовая рубка, вынесенная на восемьсот метров вперед от главного ствола и на три километра от маршевых генераторов, имела автономный псевдомозг, и сигнал крайней опасности поступил в нее прежде, чем испарились волноводы.

Закрученные в тугие силовые коконы спасательных капсул тела трех космонавтов отделились от крейсера, уже начавшего превращаться в излучение, и, изолированные от времени и пространства, полностью подчинились всему, что предусматривала включившаяся аварийная программа. Остальные двадцать два члена экипажа разделили судьбу своего корабля.

Спасательные средства — вещь, безусловно, полезная. Беда лишь в том, что иногда они вместо смерти легкой и незаметной предлагают конец долгий и мучительный. Как в свое время, например, надувной жилет в полярных водах. Через триста лет в этом смысле мало что изменилось. Хотя виноваты, конечно, не средства, а всегда и только — не соответствующие средствам обстоятельства.

Три человека стояли на пологой, уходящей вдаль и вниз равнине. У дальнего горизонта стеной чернел лес, будто размашисто нарисованный тушью по серой бумаге, ближе по склону беспорядочно росли одинокие неохватные сосны, с низкого рыхлого неба бесшумно падал медленный снег, задергивая сумрачный пейзаж прозрачной, колеблющейся завесой. Трудно представить и еще труднее передать ощущения людей, только что, сию минуту, сидевших в удобных креслах, в уютной и привычной тишине ходовой рубки могучего звездолета, не успевших ничего подумать, осознать, просто испугаться, наконец, — и вдруг выброшенных на унылую серую равнину, где косо летит пушистый снег, мертво шуршит промерзшая трава на голых подветренных склонах и вместо теплого ароматизированного воздуха из климатизаторов легкие обжигает сухой морозный ветер.

Возможно, это похоже на то, что может чувствовать человек, вдруг выпавший холодной ночью за борт круизного лайнера и еще не успевший поверить, что все кончено, что в ночи, сияющая огнями, тает и исчезает твоя жизнь, твоя судьба... Ведь все случилось так быстро, так внезапно, что кажется — это не всерьез, это так только... ...Одно усилие воли, сильное-сильное желание, и все можно вернуть, сделать, как было...

Но это только иллюзия — последняя и недолгая. За ней — пронзительная ясность, отчаяние и — конец. Причем на твердой земле этот процесс продолжается дольше и мучительнее, чем в море.

...Три человека стояли посреди снежной равнины: двое мужчин — штурман и кибернетик и женщина — экзобиолог. Нормальная ходовая вахта, только женщина была здесь лишняя. Ей полагалось спать в своей каюте, как и всему остальному экипажу, а она вместо этого в свободное время стажировалась в космонавигации. Как оказалось, для того лишь, чтобы в последние часы случайно продлившейся жизни увидеть наяву пейзаж, который свел бы с ума всех экзобиологов системы во главе с их могучим мэтром, академиком Арпадом Харгитаи.

Но наяву ли? В десятках световых лет от Земли — землеподобная планета...

— Что это было? — с удивлением выговорил штурман, как принято спрашивать: «Где я?» — после глубокого обморока.

— Я даже не успел повернуться к пульту, — ответил кибернетик. — Вибрация, удар — и все!

— Но планета! Откуда здесь планета? До выхода из туннеля оставалось еще триста с лишним часов.

— Похоже, вы просчитались где-то, навигаторы... Туннель деформировался под воздействием неучтенных полей тяготения, и на искривлении нас размололо. Не думал я, что и при этом можно уцелеть...

Кибернетик был намного старше остальных, больше чем полжизни провел в глубоком космосе, давно готов был ко всякому, к смерти тоже, и единственное, на что он всегда надеялся, что судьба подарит ему какое-то время, чтобы успеть умереть осознанно. Он ненавидел мысль о внезапной смерти, может быть, именно за то, что обычно такою она и была для тех, кто умирал в Пространстве. Человек должен успеть понять, что умирает, и приготовиться к этому, считал он.

И вот, похоже, что судьба дала ему эту возможность. Кибернетик прислушался к себе и отметил, что действительно доволен, если здесь уместно это слово, значит, раньше он не рисовался и не кривил душой. Каждый, кто родился, должен умереть. Это неприятно, но необходимо. Дело лишь в сроках. Он думал так всегда и сейчас — так же.

А штурману умирать не хотелось до спазмов в желудке. Но его мнение, похоже, судьбой в расчет не принималось.

— Не было здесь никаких искривлений. И звезд не было, и планет! — со злостью выкрикнул он, хотя на кого ему было злиться?

— Значит, мы вышли не там, где считали, — сказал кибернетик. И поежился. — Здесь здорово холодно.

Экзобиолог была так молода, что о возможной смерти просто не задумывалась. Главным для нее оказался шок от крушения теории, в которую она верила с излишней, но понятной страстью. И крикнув: «Я сейчас!» — побежала к ближайшему дереву, чтобы убедиться, что это никакая не сосна, а лишь ее конформный аналог.

— Девочку жаль... — сказал кибернетик. — Хорошо бы огонь разжечь... — Но в карманах у него было совершенно пусто.

— Вон там, слева, какие-то скалы, — показал штурман движением головы. — Пойдем туда, вдруг пещеру найдем...

— И что? Замерзнем на два часа позже?

— Но не стоять же посреди поля?

— Верно, конечно. Пойдем. Смотри, девочка что-то нашла...

Экзобиолог вернулась, держа в руках сосновую шишку, и хотя лицо у нее уже горело от мороза, а тело начинала бить дрожь, она все еще не могла переключиться.

— Это же невероятно! Абсолютно земная сосна. А Харгитаи говорил, что геоморфизм невозможен в принципе...

— Я боюсь, что он так и останется при своем заблуждении, — мрачно сострил штурман, и только сейчас девушка начала осознавать истинное положение вещей.

...Тесно прижавшись друг к другу, они сидели на обнаженном корне дерева. Так казалось чуть-чуть теплее, тем более что толстый ствол и угол скалы прикрывали их от усилившегося, ставшего совершенно пронзительным ветра. Мягкий стереосинтетик, отличный материал для рабочего костюма — легкий, немнущийся и самоочищающийся, от здешней погоды защищал немного лучше, чем нарисованный зонтик от реального дождя.

— Ничего... — выговорил непослушными губами киберне-

тик. — Я думал, что еще немного — и станет теплее. Вообще, когда-то считалось, что замерзнуть — самая приятная смерть.

Штурман молчал, стараясь как можно теснее прижать к себе девушку, заслонить ее от ветра и хоть немного согреть. Сомнительное, если подумать, благодеяние — позволить ей замерзнуть последней.

Снег летел все так же монотонно и тихо. И в других условиях этот дикий пейзаж, и сумрачное небо, и далекий темный лес показались бы, несомненно, красивыми. Но не сейчас. Сейчас это больше походило на изощренную насмешку судьбы. Спастись от внезапной и неминуемой гибели, выпавшей остальным их товарищам, оказаться на кислородной планете с биосферой, какой не находила еще ни одна экспедиция за всю историю межзвездных полетов, и к тому же планете, так похожей на Землю, и только для того, чтобы последние минуты жизни были отравлены ненужными, терзающими душу мыслями.

Кибернетик хотел осознанной смерти. Для чего? Чтобы подвести итоги, уйти с ощущением, что жизнь прожита по правилам. Правильная жизнь и достойная смерть. Но отчего же сейчас, когда он все обдумал и приготовился, в душе ничего, кроме острой обиды на нелепость происходящего?

Штурман, у которого мысли уже путались от холода, тоже никак не мог поверить, что это — конец. Привыкшему, что все в жизни зависит от воли человека, ему казалось диким собственное бессилие. Ты жив еще, не ранен и не болен, полон сил — и не в силах ничего сделать и изменить. Можно пройти еще километр или десять, через снег и мороз, но итог будет тот же.

Девушке было просто очень холодно и страшно. Ног и рук она уже не чувствовала, и ледяная волна стояла возле самого сердца. И именно ее обостренные отчаянным желанием выжить чувства уловили что-то вдруг изменившееся в обстановке, новый, выпадающий из общего фона звук.

— Слышите? Что это?

Кибернетик вскинул голову, приподнялся, сбрасывая густо облепивший спину и плечи снег.

Действительно — глухую тишину нарушил протяжный шорох, или, скорее, шелестящий свист. По длинному пологому склону, вдоль которого они долго шли, пока не потеряли последнюю надежду, сейчас быстро перемещалась какая-то темная точка, на глазах увеличивалась, приобретая размерность, и вдруг сразу, скачком превратилась в отчетливый контур.

— Человек... — срывающимся шепотом сказала девушка и

встала. Они с кибернетиком, не отрываясь, смотрели на приближавшуюся фигуру. Только штурман по-прежнему сидел, прикрыв глаза. Ему как раз сейчас стало все равно, холод наконец исчез, и хотя он еще слышал слова, но уже не улавливал их смысла.

— Абориген... — тоже шепотом подтвердил кибернетик. Отчаянная надежда захлестнула сознание, но трезвая привычка исходить из худшего тут же остерегла: — А если он сейчас подъедет, и — каменным топором по голове?

Чем этот вариант в конце концов будет хуже, он решить не успел. Человек — действительно человек, весь в мехах и коже, заросший светло-русой бородой, резко затормозил с поворотом, взметнув веер снега, и остановился в пяти шагах, опираясь на блестящие, явно металлические палки.

С полминуты они молча смотрели друг на друга. Потом абориген улыбнулся совершенно по-человечески и, странно растягивая слова, с непривычными интонациями, но все равно понятно произнес низким хрипловатым голосом:

— Если не ошибаюсь, земляки? В смысле — земляне? По-русски понимаете?

Это было дико, нелепо, невозможно, более чем невероятно, но — было! Туземец вполне отчетливо говорил на русском, хотя и очень архаичном языке.

— Да... Земляне... Понимаем... — растерянно ответил кибернетик, и абориген вдруг раскатисто захохотал, тут же оказался рядом, ударил его по плечу тяжелой ладонью. Как-то очень быстро сбросил свое одеяние, закутал в него девушку, рывком поставил на ноги штурмана, встряхнул его так, что тот открыл наконец непонимающие, отсутствующие глаза.

Потом в руке аборигена появился инструмент, визуально малознакомый звездолетчикам, но оказавшийся не секирой или там каким-нибудь бердышом, а именно топором. Двумя ударами туземец свалил ближайшую молодую сосенку, искрошил ствол на полуметровые куски, которые еще и рассек вдоль стремительными точными взмахами сверкающего металла, особым образом сложил, с помощью уже совсем забытого механизма добыл огонь, и через минуту на снегу пылал жаркий костер, снег под ним шипел и таял, и волнами разливалось вокруг мучительно приятное тепло.

— Ну, ребята, вы даете!.. — шумел своим зычным голосом туземец, подбрасывая в огонь поленья. — Замерзать устроились, это надо же... Непротивленцы, так сказать, слепая покор-

ность судьбе... А если бы я ваши следы не заметил, так и отдали бы концы рядом с жильем?

— Это что? Бред? — спросил штурман кибернетика.

— Какой там бред! — ответил тот, уже свыкнувшись с мыслью, что смерть откладывается. — Это, скорее, штурманские фокусы! Похоже, вы загнали корабль в петлю обратного времени...

— И откуда вы, земляки, свалились? — не умолкал спаситель. — Я так понимаю, что никакой корабль здесь не садился, да и не похожи вы на нормальных путешественников. «Клуб самоубийц» какой-то, если Стивенсона вспомнить. Или его же «Потерпевшие кораблекрушение». Только каким образом вы его потерпеть могли, это мне пока не понять, надеюсь — разъясните...

Кибернетик с трудом улавливал смысл его речи, потому что многих слов он вообще не понимал, а другие хоть и звучали знакомо, но туземец вкладывал в них какое-то иное значение. Словно говорил он не на русском, а на неведомом, хоть и славянском, языке.

— Ну как, отогрелись? — сменил тему туземец. — Или все никак в себя не придете? Тогда могу противошоковое предложить... — и протянул обтянутую грубой серой тканью флягу с резьбовой зеленой крышкой на короткой цепочке.

Кибернетик машинально взял посудину и поднес к губам, но в нос ударил отвратительный спиртовой запах.

— Не привыкли, что ли? Не употребляете? Оно, конечно, на морозе не рекомендуется, но в рассуждении нервной системы — можно. Способствует. Особенно — взамен безвременной кончины...

Но кибернетик вернул флягу.

— Нет, не надо. Скажите, наконец, кто вы и откуда появились здесь? Это разве Земля?

— Что вы! Какая может быть Земля? Это гораздо дальше. А вот вы, вы сами какими судьбами здесь?

— Звездная экспедиция... Корабль «Кальмар»... Взрыв двигателя... — все еще непослушными губами выговорил штурман, взял из рук спасителя сосуд и решительно глотнул. Горло и рот ему опалило огнем, он задохнулся, но глотнул еще и еще.

— Хорош, хорош, хватит... — Абориген отнял у него флягу. — Глотку опалишь. Давай вот, снегом закуси... А век у вас какой, ребята?

— Двадцать третий век, планета Земля, отряд дальней галак-

тической разведки, крейсер «Кальмар», — давясь снегом, отрапортовал штурман. — Ему стало вдруг тепло и спокойно.

— Так. Вполне увлекательно, — медленно сказал спаситель.

Кибернетик, кажется, понял, почему таким странным показался ему русский язык этого загадочного человека. В такой манере — замедленно, вычурно, со многими словами и оборотами, смысл которых отличался от обычных значений, писали и, очевидно, говорили очень-очень давно, лет, может быть, пятьсот назад. И девушка это тоже поняла или просто ощутила интуитивно. Своими ярко-голубыми глазами она посмотрела в глаза их спасителя.

— А вы сами откуда?

— Конечно, с Земли. Я как раз с Земли. Но немного раньше. Двадцатый век. Слышали о таком?

...Он заставил их бегом пробежать весь путь, и это оказалось совсем не рядом, как он говорил, тем более что бежать пришлось не напрямик, а выбирать дорогу по гребням холмов и водоразделам, где почти не было снега.

Андрей Новиков — так звали этого человека — отдал им всю свою верхнюю одежду: и меховую парку, и легкую кожаную куртку, и свитер, но сам словно не ощущал мороза в тонкой трикотажной рубашке в бело-синюю поперечную полоску. Он то бежал на своих лыжах впереди, выбирая дорогу, то пропускал космонавтов вперед, а сам останавливался и осматривал окрестности в бинокль. При этом он почти все время держал в левой руке массивное огнестрельное устройство — винтовку, хотя у нее имелся ремень для ношения через плечо. Кибернетик отметил это и с тревогой подумал, что не очень, видимо, спокойное место эта планета, сестра Земли.

Хоть дорога оказалась и длинной, и трудной, она все же закончилась. Впереди обозначилась на крутом холме высокая деревянная ограда, массивные ворота, окованные широкими железными полосами, над ними — решетчатая башня с шелестящим трехлопастным винтом, очевидно, ветросиловая установка.

Через узкую калитку они вошли внутрь ограды и увидели обширный двор, двухэтажный бревенчатый дом с застекленной верандой и резным крыльцом. Огромные мохнатые собаки выкатились откуда-то с гулким радостным лаем, стали бросаться тяжелыми лапами на плечи, пытаясь лизнуть в лицо влажными красными языками и Андрея, и его гостей. Потом за ними за-

хлопнулась массивная, как крышка реакторного отсека, дверь, и космонавты, ощутив сухое, устойчивое тепло, поняли, что они дома.

Вот в чем, оказывается, истинное счастье — иметь надежный, прочный дом, чтобы было где укрыться от холодов, опасностей и тревог внешнего мира, и чем неуютнее, злее погода за стенами, тем он дороже, твой дом, твое убежище и защита.

На какое-то время звездоплаватели — не забыли, нет, но — отстранились от всего, что произошло за короткие и такие невыносимо долгие часы: гибель корабля и гибель товарищей, ожидание собственной смерти... Мозг и душа просто не могли вместить и пережить сразу так много, и сейчас космонавты испытывали лишь обычное человеческое облегчение, что для них все закончилось благополучно, наслаждались теплом и вдруг пришедшим покоем. А настоящая боль и скорбь по исчезнувшим друзьям придут позже.

Мужчины молча сидели у камина и, не отрываясь, смотрели на огонь, совсем слабый, догорающий, лишь кое-где пробивающийся из-под толстого слоя золы и пепла, и только девушка с любопытством осматривала обширный зал, в котором они оказались. Как это удивительно — не в музее за толстыми спектроглассовыми витринами, а наяву, в живой реальности видеть такие редкости: старинное оружие, стоящее в открытых деревянных шкафах и развешанное по стенам, толстые бумажные книги на полках, черно-белые двухмерные фотопейзажи на блестящих листах картона, восковые свечи в фигурных подставках из черного и желтого металлов. И запахи — настоящего живого дерева, смолы, ружейной смазки, каких-то растений и еще чего-то незнакомого, но необыкновенно волнующего своей непонятностью и причастностью к давно ушедшей жизни. Затянутые морозным утром оконные стекла, шкуры животных на полу, тяжелая деревянная мебель... В музеях и гипновизорах все это воспринимается совсем иначе, оттого, наверное, что выключено из потока подлинной жизни, утратило свои функции, слишком стилизовано. А здесь старину видишь вблизи, можешь коснуться рукой, уловить самые тонкие запахи... Запахи ушедших веков особенно волновали. Она остановилась перед зеркалом в резной золоченой раме, присмотрелась. Там, в зазеркалье, молодая и, без жеманства нужно признать, красивая девушка показалась ей в таком изысканном интерьере тоже новой, неузнаваемой, не от мира сего...

В глубине зеркала раскрылась широкая дверь, и в холл во-

шел их спаситель, туземец Андрей Новиков. Девушка смотрела на него с изумлением и непонятной ей самой радостью. Теперь он выглядел совсем иначе, вполне цивилизованно, даже элегантно: борода и усы подстрижены, волосы аккуратно причесаны, одет просто — узкие синие брюки, отстроченные цветной ниткой, желтовато-зеленая рубашка с открытым воротом, хотя и отличающиеся по покрою от того, что носили ее современники, но тем не менее не делающие его похожим на персонажей исторических фильмов.

Быстрыми пружинистыми шагами он пересек холл, сел рядом с космонавтами, но и чуть в отдалении, подбросил дров в камин, отчего в нем сразу заиграло яркое пламя, взял с каминной полки длинную прямую трубку, зажег ее от мерцающей головни, окутался облаком сизого, сладко пахнущего дыма, и только проделав эти разнообразные, но настолько вытекающие друг из друга операции, что казались они одной фигурой сложного ритуального действия, — только после этого Новиков откинулся на спинку кресла и широко улыбнулся:

— Итак, дорогие гости и потомки, позвольте теперь уже официально поздравить вас с прибытием на планету Валгалла, форт Росс, где я имею честь и одновременно удовольствие вас принимать. Эрго — прошу чувствовать себя и держаться, как дома у мамы. Я вам уже представлялся, теперь хотел бы знать и ваши имена, а также и подробности о печальных обстоятельствах, сделавших нашу встречу возможной...

Его речь, половина слов в которой опять была не понятна, да еще и произнесенная в быстром темпе, вызвала у гостей некоторое замешательство. Кибернетик, уловив основное и пока игнорируя нюансы, указал на девушку — «Альба Нильсен», назвал себя — «Борис Корнеев», а штурман представился сам — «Герард Айер».

— Отлично, — еще раз улыбнулся Новиков. — Программа «Интеркосмос» по-прежнему в действии. Вы — капитан, уважаемый соотечественник?

— Нет, наш капитан погиб вместе с кораблем и остальным экипажем.

И Корнеев вкратце, подбирая слова того ряда, который наверняка должен был быть понятен Новикову, обрисовал ситуацию.

Помолчали. Потом Новиков нарушил тишину.

— Примите искренние соболезнования. Вечная память, как говорится... Но — живым надо жить. Вы понимаете, что я сгораю от нетерпения узнать, как вы там у себя теперь живете, по-

слушать, что новенького на свете, здесь-то у нас — глушь, и вообще... Однако как ни сильно у меня желание поговорить со свежими людьми, все должно быть по протоколу. А он гласит, что соловья баснями не кормят. Поэтому подчинимся неизбежному. Не знаю, в моде ли у вас стиль ретро, но другого предложить все равно не могу. И выдам вам его по полной программе. Даму мы эксплуатировать, разумеется, не будем, а товарищей мужчин прошу мне помочь. Для скорости. Сначала у нас будет легкий ужин, а там... сами увидите.

Длинный дубовый стол в холле Новиков застелил белой и блестящей льняной скатертью, накрахмаленной до металлической жесткости, уставил ее серебряными, стеклянными, фарфоровыми и глиняными стаканами, бокалами, чарками. Тарелками, салатницами, соусницами, братинами и многими другими предметами сервировки праздничного стола времен чуть ли не феодальных, причем подробно называл их и комментировал назначение каждого появляющегося прибора. Потом он повел мужчин на кухню, а Альба осталась на время одна. Она даже обрадовалась этому, потому что вдруг поймала себя на странной и неожиданной мысли, что Новиков — человек, умерший за два века до ее рождения, давно распавшийся на атомы под своей могильной плитой и тем не менее живой, — показался ей гораздо более интересным как личность (и как мужчина тоже), чем многие ее знакомые и по Земле, и по кораблю.

«Впрочем, почему же умерший? — подумала она. — Раз он сейчас здесь, с нами? Он жив, и мы живы, и живем в одном времени, а его ровесники и современники, что лежат (лежали?) в могилах на Земле, чьи памятники она видела, иногда бывая на старых кладбищах, — какое они имеют отношение к этому? А ее интерес к нему — не вызван ли он просто-напросто тем, что уже больше года она не видела ни одного нового человека? Или дело совсем в другом?»

Мужчины возвратились из кухни с подносами, и на столе стали появляться тарелки и блюда с тонко нарезанными пластинками розового сала, ветчиной, колбасами разных сортов, маринованными утрями, шпротами, трепангами, мидиями со специями, всякого рода сырами, в глубоких мисках алели соленые помидоры, переложенные чесноком и брусничным листом, влажно поблескивали зеленые пупырчатые соленые огурчики вперемешку со стручками горького перца, еще там была икра, черная и красная, нежный балык, креветки и крабы, а в завершение появился круглый ржаной хлеб, распространяю-

щий умопомрачительный запах, и блюдо с горой золотистых, истекающих жиром, зажаренных целиком маленьких птиц.

Альба смотрела на это великолепие, это буйство и разгул красок и запахов с изумлением и чуть ли не страхом, а Новиков — возбужденный, какой-то яростно-веселый, — завершая сервировку, выставил на стол цилиндрические, круглые, квадратные и витые посудины с плещущимися в них неведомыми напитками. На этикетках девушка видела золотые медали, цветные ленты, гербы, рыцарские щиты, геральдических львов, орлов и единорогов, читала выведенные причудливыми русскими и латинскими буквами названия: «Боржоми», «Малага», «Камю», «Фанта», «Чинзано», «Пепси», «Клико», «Московский квас».

Все это не могло восприниматься иначе, как сон, посетивший космонавтов после сотен дней питания корабельной синтетикой, не поддающейся никакой густивации. Да и на Земле редко кому приходилось видеть подобный стол...

— Ну что, братцы, прошу! Чем богаты... На скорую руку, конечно, но думаю — понравится. Все — высшего качества. Из собственных запасов. Как известная Елена Молоховец писала в своей кулинарной книге: «Если к вам пришли гости, а у вас ничего нет, пошлите человека в погреб...» Ну и так далее.

Оказалось, ко всему прочему, что предок владел еще и легендарным искусством застольной беседы. Он поднимал бокалы, произносил цветистые речи, смысл которых в общем-то ускользал от космонавтов, но говорилось в них нечто лестное каждому из гостей в отдельности и всем вместе. Попутно Новиков пророчествовал и изрекал заклинания. Звучало это таинственно и увлекательно и восходило прямо к временам Византии. Люди двадцать третьего века, тем более космонавты, к гастрономическим вопросам относятся достаточно сдержанно. Но под массированным давлением Новикова, которое подкреплялось голодом, зрительно-обонятельными эффектами и обычным любопытством, наелись так, как не ели, может быть, никогда в жизни. Утомленные, осоловевшие от сытости и тепла, звездоплаватели уже начали терять нить реальности. А Новиков был бодр и свеж. Только раскраснелся слегка и говорил еще громче.

— Ребята, бросьте грустить... Все понимаю, конечно, но что сделаешь? Я же говорю — вечная память! А разве у вас не умирают больше? И вы не представляете, что чувствуют люди, когда после боя взводом приходится пить водку, отпущенную на батальон! Я тоже не представляю. И не дай нам бог...

— Скажи, Андрей, — нетвердым голосом перебил его штурман, мучающийся неразрешимой загадкой. — Как это может быть — пробой в прошлое? В будущее — это ясно, а в прошлое? Теория не допускает...

Новиков вдруг напрягся. Посмотрел на Герарда очень внимательно, перевел глаза на Корнеева, на Альбу.

— Не допускает, говорите? Да, интересно получается... Ну, ладно, о теориях завтра поговорим. Сейчас давайте вернемся к этим... Равенон а но мутон[1], короче. Как вы там все-таки живете, в светлом будущем? У вас, конечно, полный коммунизм, единое человечество и все прочее, о чем мы мечтали и за что боремся?

Корнеев начал излагать, как можно более популярно, основы политического, экономического и социального устройства земных федераций, конфедераций и союзов, а Альба отошла к окну, взяла с полки толстый том репродукций совершенно ей незнакомых художников: Сомова, Бакста, Бенуа... А их картины оказались великолепными. Наверное, и все остальное у них так — чудесный, сказочный мир за завесой времени...

Искоса она посматривала вправо, где Новиков, навалившись грудью на край стола и жестикулируя рукой с зажатой в ней дымящейся трубкой, горячо доказывал что-то Корнееву. Девушка поражалась, насколько легко и быстро адаптировался к их обществу Новиков, что ни говори — человек все-таки примитивный. Нет, космонавты изучали историю, знали, что было сделано людьми двадцатого века для человечества, представляли огромность их исторического подвига. Но это все разумом. А душой, эмоциями люди двадцатого века все же ощущались Альбе далекими, непохожими на людей освобожденного мира, малознающими, обиженными судьбой. Предки жили и умирали в болезнях, скудости, темноте. Мир их был жесток и кровав, и, соответственно, люди такого мира не могли не быть грубыми, пусть по необходимости — но жестокими и, конечно, с болезненно деформированными чувствами. Альба, например, не представляла, как человек, пусть и признанный героем на самой справедливой из войн, собственноручно уничтоживший не то двести, не то триста врагов, мог оставаться нормальным, спокойным, не утратившим обычных человеческих черт человеком...

И ничего странного в таких ее мыслях не было. Что могла по-

[1] Вернемся к нашим баранам...

черпнуть она из учебников, обычная девочка, потом, девушка двадцать третьего века, никогда специально не изучавшая социопсихологии? История двадцатого века в популярном изложении умещается на двух видеокристаллах, это шесть часов текста с хроникой. Что можно понять из этих часов, разбитых на десятиминутные уроки, о внутреннем мире живших тогда людей, об их чувствах, радостях, побуждениях, делах и заботах?

Конечно, есть литература тех лет, сохранились подлинные фильмы, видеозаписи. Но кто их смотрит и читает, кроме специалистов? Сокровища духа былых времен для большинства потомков — только имена гениев, два-три афоризма, десяток цитат...

Многим доводится пожалеть своих предшественников — несчастные, как им не повезло, что не дожили до нашего, самого лучшего из времен... Но жили и тогда люди, и, пожалуй, не хуже нашего, а если чего не имели из нынешних благ, так и не нужно это им было, и может, с бóльшим основанием — им бы нас пожалеть?

...Новиков никак не соответствовал сложившемуся у Альбы стереотипу. Веселый, энергичный, подвижный, лишенный каких бы то ни было комплексов, и архаические слова звучат у него совсем иначе, чем на страницах древних книг. Оказался он крепок, подтянут, мускулист; совсем не похоже, что мучают его тысячи болезней и подстерегает неминуемая ранняя смерть.

Ему, очевидно, надоело сидеть, он встал из-за стола и начал, не прекращая разговора, ходить между окном и камином. При каждом шаге его хлопал по бедру массивный кожаный футляр.

— А что вот это, Андрей? — спросила Альба, когда он поравнялся с нею в очередной раз.

— Это? — Новиков вновь внимательно посмотрел ей в глаза, как давеча, после вопроса Герарда. Лицо у него вдруг стало неприятное. Отстегнув ремешок, перехлестывавший крышку футляра, он вытащил и показал ей тусклый блестящий пистолет с длинным стволом и изогнутой деревянной рукояткой.

— Прошу. «Борхарт-Люгер 08». Огнестрельный механизм на предмет самообороны в период межгосударственных конфликтов и классовых битв, годится, разумеется, и в других ситуациях. Если останетесь здесь, придется научиться пользоваться.

— А что, есть необходимость? — спросил Корнеев.

— Стал бы я его таскать, — дернул щекой Новиков. — А у вас какое оружие?

— Сейчас — никакого. А вообще, конечно, имеется, только на других принципах...

— А этот чем плох? Ну ладно, об этом тоже еще успеем...

Новиков спрятал пистолет и вновь стал веселым и добродушным. Впрочем, разговор затухал.

Корнеев тоже подошел к окну. Садящееся солнце окрасило ледяные узоры в нежно-матовый цвет. От стекла тянуло холодом.

Страшно все же. Сейчас он уже сдал бы свою вахту, посмотрел гипнофильм или почитал бы и ушел в сон на свои сорок суток. А где он сейчас? Голова плавно кружилась, в ушах слегка шумело. Словно поднес к уху большую раковину. Новиков подошел неслышно, стал рядом.

— Вы, я вижу, постарше других и покрепче, — совсем новым, негромким и сочувственным голосом сказал он. — Я все понимаю, но так сейчас надо. Не считайте меня бесчувственным болваном. Мы просто знаем толк в соответствующих ситуациях. Вы сколько лет живете?

— Я? Пятьдесят пять...

— Нет, не вы лично. Вообще люди.

— Кому как повезет. А в среднем лет сто пятьдесят — сто восемьдесят.

— Да... А мы — семьдесят. Ну, чуть бывает больше. А то и это не дотягиваем.

— Я знаю. И еще у вас войны.

— Это тоже есть. Так что с траурными моментами почаще вас сталкиваемся.

Помолчали еще. Новиков хрипел трубкой, деликатно пускал дым в сторону.

— Но все же — откуда вы здесь? Ведь в наше время, в двадцатом веке, к звездам не летали...

Новиков усмехнулся.

— Вы знаете, как далеко мы сейчас от Земли?

— Знаю. Больше тридцати парсек.

Новиков кивнул и отвернулся. Засмотрелся на Альбу, которая увлеченно занималась книгами. Брала их в руки, перелистывала, вдыхая ни с чем не сравнимый запах старой бумаги и переплетов. Через эти пакеты печатных листов прошлое удивительным образом смыкалось в ее руках с настоящим, тем более что на полках стояли книги не только двадцатого, а и девятнадцатого, даже восемнадцатого веков.

— Знаете, давайте обо всем — завтра, — как бы даже просительно сказал Новиков, отрывая взгляд от девушки... — А сейчас я предлагаю — в баню. Очень способствует. — Он уже не в первый раз употребил это бессмысленное, но какое-то очень многозначительное выражение. — Кстати, вы знаете, что такое настоящая русская баня без всяких новомодных тенденций?

— Я знаю, — сказал Герард. — Это гигиенический ритуал, основанный на древнескандинавских философских и религиозных воззрениях. Имеет отношение также к культам богов огня и воды...

— Здорово! — восхитился Новиков и посмотрел на Корнеева, словно приглашая его принять участие в веселом розыгрыше. — Только, по-моему, ваша формулировка страдает излишним академизмом, что ли... Похоже, на практике вы с этим ритуалом не сталкивались. Странно. А он есть альфа и омега российской культуры, никак не скандинавской. Впрочем, если вы имеете в виду финскую баню, так называемую сауну... Хотя и она — не более чем заимствование русской же идеи.

Они прошли через холл, еще через несколько комнат, тоже наполненных приметами чужой, незнакомой и непонятной жизни, потом Андрей вел их длинным коридором с голыми бревенчатыми стенами, и наконец они очутились в обширном помещении, которое все светилось нежным медовым светом полированного дерева. Вдоль стен стояли дощатые скамьи, а пол покрывали сплетенные из растительных волокон толстые желтые циновки. Пахло сухим деревом и какими-то травами, пучки которых в изобилии были развешаны под потолком.

Новиков выложил на лавки мохнатые белые простыни и цветные полотенца, сказал, что здесь можно раздеться, и исчез. Вернулся он в довольно странном наряде, состоящем из холщового фартука, рукавиц и глубокой войлочной шапки. Космонавты к этому времени разделись. Альбе показалось, что, взглянув на нее один раз, Новиков в дальнейшем старательно отводил глаза, но причина оставалась для нее непонятной.

— Функция у меня специальная, — пояснил Андрей, имея в виду свое одеяние, — а всякая функция требует соответствующей формы. — И открыл с приглашающими жестом очередную дверь.

Там в полутьме падали на пол и стены багровые блики из открытой топки массивной каменной печи. Во вмурованном в печку котле бурлил кипяток, у дальней стены стояли огромные приземистые бочки с холодной водой, а за ними снова была

дверь, из которой, как только она открылась, пахнуло невыносимым зноем.

Функции свои Новиков выполнял настолько добросовестно, прогнал гостей через такие круги рая, что через полчаса, распаренные, промассированные, натертые лыковыми мочалками, они почти без сил выбрались в прохладные сени и, завернувшись в простыни, почти растеклись в плетеных креслах перед столом, на котором пыхтел и посвистывал средневековый прибор, именуемый самоваром. На начищенных до красного сияния боках этого чуда просматривалась гордая надпись «Поставщикъ двора Е. И. В. Сукинъ и сыновья. Фирма существуетъ съ 1859 года».

Пили огненный чай, с наслаждением утирали обильный пот, расслабленные и умиротворенные.

Дав звездоплавателям отдохнуть минут двадцать, Новиков вновь погнал гостей в раскаленный объем парной. И вот тут они поняли, что все предыдущее было лишь увертюрой банной симфонии. Впрочем, вначале Андрей усыпил их бдительность, лишь слегка помахав веником в отдалении, потом поколдовал над дубовым ковшом с водой, добавляя туда какие-то снадобья, и вдруг с размаху выплеснул его содержимое в глубокую нишу в стене.

Со страшным гулом и свистом оттуда ударил столб пара, горячего, как дейтериевая плазма, и пахнущего свежим хлебом, сосновой хвоей, мятой и еще неведомо чем. Жара стала абсолютно нестерпимой, и космонавты инстинктивно почти распластались на полу, с трудом подавив желание выскочить вон.

— Ну, земляки, вот оно как по-настоящему деется!

Новиков взлетел на верхнюю полку и начал сперва чуть оглаживать себя веником, а потом все сильнее избивать тело этим варварским орудием пытки. Когда на него стало страшно смотреть, он отшвырнул веник, распахнул совсем уже маленькую и неприметную дверку — за ней внезапно открылся заснеженный двор, выскочил наружу и начал кататься в огромных сугробах, загребая снег охапками и растирая пылающее тело. Когда он вернулся, лицо его выражало непередаваемое блаженство.

— А ну, кто еще со мной! — и снова взмахнул веником...

— Нет, это конечно, изумительно, — говорила Альба, когда все кончилось. — Я чувствую себя совершенно обновленной. Такое впечатление, что до этого я вообще никогда не мылась...

Новиков сидел напротив, перебирая струны гитары, и не-

громким приятным баритоном пел соответствующую случаю, ритуальную, по всем признакам, песню:

Истопи ты мне баньку по-белому,
Я от белого света отвык...

— Ну, понравилась вам встреча с прошлым? — спросил он, заглушив ладонью гул струн, и у Альбы, да, может, и не у нее одной метнулась вдруг в душе нелепая, но отчаянная надежда, что сейчас все кончится и Новиков объявит, что они были участниками нового туристического аттракциона с таким вот названием.

— Каждое время имеет свои преимущества, — осторожно ответил Герард.

— А мне понравилось без всяких оговорок. Как у вас тут все... Естественно. И пища, и запахи, и обычаи. Все. Я давно мечтала пожить как-то похоже. Один раз отдыхала в Канаде, но там все равно не так. А здесь все подлинное. Вы, наверное, были очень интересные и... сильные люди.

— Наверное, — улыбнулся Новиков. Все рассмеялись. Действительно, он сидел от них на расстоянии вытянутой руки, и его атлетическая фигура в буграх и жгутах мощных мышц была налицо. И Корнеев и Айер ему намного уступали.

Новиков поставил перед каждым по чарке какой-то спиртовой настойки ароматических трав, сославшись при этом на авторитет великого русского полководца эпохи позднего феодализма, якобы говорившего: «После бани портки продай, а чарку выпей».

— Я вот что хочу, чтоб вы поняли, — медленно сказал он. — Вы начинайте постепенно перенастраиваться. Это ведь не экзотика и не экскурсия в заповедник. Скорее всего вам теперь в этом времени жить. Обратной дороги, по-моему, нет.

Все затихли, осмысливая его слова. До них постепенно доходила и эта истина. Они не только потеряли корабль и друзей, но и свое время. Навсегда.

— Но ничего, вы не отчаивайтесь. Вам себя жалко, и друзей, и родных... Понимаю. Как тут поможешь? Сочувствием? Вот послушайте лучше:

Он начал читать негромко:

Нас не нужно жалеть, ведь и мы б никого не жалели,
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от грязи и крови шинели,
На могилах у мертвых расцвели голубые цветы...

Новиков долго читал эту балладу, дошедшую к ним через горы времени, триста лет, что отделяли их от автора стихов, были больше, чем раньше тысячелетия, но все равно, за незнакомыми и вышедшими из употребления оборотами речи они чувствовали душу и настроение неведомого поэта, который грубыми и даже циничными, с их точки зрения, выражениями утверждал бесспорную истину, что нет ничего выше исполнения долга и что павшие в бою в сочувствии не нуждаются.

...Это наша судьба, это с ней мы сражались и пели.
Умирали и рвали над Бугом мосты.
Нас не нужно жалеть, ведь и мы б никого не жалели.
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

— Какие слова, — со слезами на глазах сказала Альба, когда Новиков замолчал. — А мы ничего этого не помним...

— Да и странно было бы, если б помнили. Библию прочитывать не приходилось? — спросил Андрей.

— Нет.

— Так там написано: довлеет дневи злоба его. Или, если изложить доступнее — каждому хватит своих забот. Много ли я, к слову сказать, помню и понимаю из времен Бориса Годунова? А у нас с вами как раз такой разнос получается. И о чем там пели или разговаривали ратники Минина?

Все помолчали, и слышно было, как за окном набирает силу ветер, гудит в дымоходах и бросает в стекла пригоршни жесткого, как песок, снега.

— Скажите, — нарушил молчание Корнеев, — как это сочетается — космическая эра, вы ведь уже далеко выходили в космос в конце века, и такая примитивность быта?

— А вы что, воспринимаете наш век блоком? Как одно целое? Какой двадцатый век вы себе представляете? Он ведь, ох, какой длинный. Начался сорокасекундным полетом братьев Райт, а через шестьдесят шесть лет люди уже высадились на Луне. Более противоречивого века, по-моему, не было в истории. Триллионы тратили на вооружение, никому в принципе так и не пригодившееся, а две трети населения Земли ни разу в жизни не ели досыта. Я сам видел людей, которые не вышли из каменного века, а другие люди в это время создавали гениальные произведения искусства, делали сверхминиатюрные компьютеры и газовые душегубки, десяткам умирающих пересаживали сердца, а миллионам здоровых сбрасывали на голову бомбы и напалм... Это вам, наверное, тоже предстоит увидеть и

жить на такой вот забавной планете. А то оставайтесь здесь, на Валгалле. Хорошо, спокойно и ноль проблем. Впрочем, это еще как сказать... — И он непроизвольно вновь покосился на кобуру своего пистолета, небрежно брошенную на лавку.

— Андрей, — ответил ему Корнеев. — Может быть, достаточно гонять нас по кругу ваших антиномий? Мы не такие уж инфантильные существа, какими вы нас пытаетесь изобразить нам же. Или вы соскучились по слушателям? Не перегружайте нас проблемами вашего мира. Возможно, это будет и наш мир, но не спешите. Мы сами во всем разберемся...

— Ну воля ваша. Тогда послушайте еще стихи.

Было уже довольно поздно, когда Новиков наконец развел гостей по комнатам. Корнеева и Айера он разместил внизу, Альбе же досталась маленькая комната на втором этаже, где только и было места, что для широкой деревянной кровати, столика, шкафа и подвесных полок для книг.

Она погрузилась в постель, набитую сухой, тревожно пахнущей травой. На столе дрожал и раскачивался огонек свечи, в маленькое окно ветер с тихим шорохом по-прежнему бросал горсти жесткого снега.

Постель чуть покачивалась под ней, слегка кружилась голова, и все это — пламя свечи, шум ветра и шорох снега, непривычные запахи, поскрипывание дерева где-то в недрах дома — вызывало в ней такое острое и щемящее чувство потерянности, жалости к самой себе, что она едва не разрыдалась и долго лежала без сна, глядя в низкий потолок с колеблющимися на нем тенями. Потом, чувствуя, что заснуть все равно не удастся, встала, надела то, что Новиков для нее приготовил, — синий шерстяной костюм с белыми полосами вдоль брюк, рукавов куртки и воротника, и со свечой в руках вышла на лестницу.

Андрей с толстой книгой на коленях сидел перед пылающим камином и не сразу заметил ее появление. Потом вскинул голову, очевидно, ощутив взгляд, встал и чуть поклонился.

— А вы здорово уже вписались в реальность. Я сразу и не узнал, думал, кто из ребят вернулся... Что-нибудь не так?

— Нет, все в порядке. Но спать не могу. Можно, я посижу с вами?

— Безусловно. Буду рад.

Он жестом предложил ей сесть.

Альба спускалась вниз, не совсем понимая зачем, даже не

имея в виду, что застанет здесь Новикова, а вот увидела — и ей стало вдруг спокойно. Она еще не сумела этого осознать, но Новиков уже был ей не безразличен, словно древним женским инстинктом ее потянуло к самому сильному и надежному в этом опасном мире мужчине. Несмотря на то, что между ними бездна времени. Но, с другой стороны, между ней и героями, скажем, Шекспира вообще почти целое тысячелетие, а Гамлет во многом ближе и понятнее, чем люди с детства знакомые. Так что не в столетиях дело...

— О каких это вы ребятах сейчас сказали? Разве вы не один здесь? — спросила Альба.

— Ну что бы я тут делал один? Нас тут довольно много, когда четыре, а когда и все шесть... Отличные, между прочим, ребята. Знают, что делать по любую сторону от мушки... Завтра сами увидите.

Альба кивнула. Это сообщение было интересно, но ее сейчас не занимало.

— Как вы все же считаете, Андрей, сумеем мы освоиться в вашем мире? Мне не по себе...

— Я думаю — да. Вы уже начали осваиваться. Дальше пойдет легче.

— Нет. Пока я просто держусь. На том запасе сил, что остались... еще с корабля. Как ныряльщик на дне. Да и вы человек, по-моему, не характерный. Чрезвычайно контактный. И психолог. С вами мне легко. А как будет с другими?

— И с другими сможете. Я от них мало чем отличаюсь. Может быть, даже в худшую сторону. Да и вообще человек — существо универсальное, приспособится к чему угодно. А наше время не самое худшее из времен. В раннем, скажем, средневековье я бы вам не позавидовал.

Что-то с ней произошло совсем для нее незаметно, как-то изменился мир вокруг, важное стало неважным, и наоборот. От того, что они говорили наедине?

Разговор мужчин — это разговор мужчин. Он может быть умным, деловым, доверительным — и ничего не решать. А легкое, ни к чему вроде бы не обязывающее общение мужчины с женщиной приводит подчас к серьезным последствиям.

Андрей встал, вышел из круга света, отбрасываемого камином и лампой на химическом топливе, и как бы растаял во мраке. Как сильно отличается помещение, залитое ровным однотонным светом, от такого вот, когда свет — свет, а тьма — тьма, и дрожащие световые блики раздвигают на мгновение завесу

темноты, но она все равно не исчезает, присутствует на расстоянии вытянутой руки. Словно как символ жизни — ты здесь, вокруг светло и тепло, а рядом — постоянные холод и мрак.

Новиков появился из мрака, катя перед собой столик на колесах со стоящим на нем сложным агрегатом, исходящим душистым кофейным паром. Тут же имели место черная пузатая бутылка, крошечные серебряные рюмки и фарфоровые чашки, сахарница, другая бутылка — с пузырящейся минеральной водой, и нарезанный лимон на тарелочке.

— У вас прием алкоголя сопровождает каждый поступок? — спросила Альба, поняв французскую надпись на этикетке.

— Не каждый. И не поступок. А некоторые моменты жизни. Днем я спасал вас от нервного срыва, мне нужно было размороз ить вас, заставить сбросить напряжение. По-моему, получилось. Сейчас — другое. Есть такой термин — гедонизм. Не вдаваясь в философские тонкости, это умение извлекать из жизни наиболее изысканные и приятные детали. Как изюм из булки. Особенно это приятно, когда все время ходишь по краю и не знаешь, что с тобой будет завтра, а может, и сегодня. И в эту острую ситуацию ты привносишь еще некий штрих, неуловимый для непосвященного, но бесценный для знатока. Да вот попробуй — глоток кофе, совсем маленький глоток коньяка и долька лимона. Потом все это можно запить боржоми. Да, к слову. Слышала ты когда-нибудь про Романова Николая Александровича? Пустой был человек. Работал последним русским императором. И вспоминать бы его не стоило, а вот поди ж ты — оказалась в нем этакая артистичность мышления, именно он придумал закусывать коньяк лимоном. Чем и прославился...

Альба послушно попробовала, потом, отставив рюмку, стала пить просто кофе.

— Ответь мне, Андрей, — они незаметно перешли на «ты», как это и было принято в двадцать третьем веке в большинстве случаев. — Я говорю сейчас с тобой, понимаю твой язык и чувствую, что не понимаю в тебе ничего. Я не могу даже приблизительно представить, что ты скажешь и что сделаешь в следующее мгновение. А ведь именно это означает — понимать человека. Или у вас не так? Мне сейчас не важно почти все — что случилось с нами, откуда здесь вы, что будет дальше... Я хочу одного — разобраться в вас. Скажи, что вы за люди, там, на своей Земле и в своем веке? Пойму ли я вас? Хоть кого-нибудь?

Новиков довольно долго молчал, глядя на Альбу каким-то оценивающим взглядом.

— Пока что я тебя не совсем понимаю. Сегодня ты уже не раз возвращаешься к этой теме. Понимание. Что такое — понимание? Твоя формулировка похожа на правду, но она касается лишь одной стороны проблемы. Тебе пока не понятно наше время, удивляют какие-то реалии образа жизни, непривычна моя манера разговора... Можно не сразу разобраться в тонкостях политики и экономики. А сами люди... Люди всегда одинаковы. Понимаем ли мы плач Гильгамеша, диалоги Сократа, стихи Басе и Хайяма? Вот и мы тоже. Люди как люди. Не лучше и не хуже тех, что жили до нас и после нас. Со своими недостатками, проблемами, мечтами и страданиями. Если бы я знал, какие вы, я мог бы сравнить. А я вас не знаю, но мы с тобой разговариваем сейчас и понимаем друг друга. Наверное, мы грубее вас, наверняка — жестче во многих случаях. Найдешь ты в нас и цинизм, и эмоциональную ограниченность, и нехватку культуры. Есть фанатизм и беспринципность. Но все же в основном мы стремимся к добру. К счастью для всех людей, сколько их есть, хоть и звучит это, на мой слух, высокопарно. И во имя этого готовы на непредставимую, наверное, для вас жестокость. Но и на самопожертвование тоже. Но это, конечно, все-таки — слова, слова, слова... Слишком их много говорили. Кто угодно и по любому поводу. Ничего я тебе не объясню, пока ты не поживешь с нами, не почувствуешь, как свои, наши заботы и радости. Один поэт у нас лет двадцать назад написал «Письмо в XXX век». Есть там слова: «Как понять вам, что такое, когда закипает вода в пулемете?»... Очень, кстати, емкий образ. Ну, ты на семь веков к нам ближе, и понять это тебе будет легче. Я тебя скоро с одной молодой дамой познакомлю, очень вам интересно побеседовать будет... — и чему-то вдруг улыбнулся.

Альба, к собственному удивлению, очень хорошо начала понимать язык и речь Новикова, может быть, не столько даже по смыслу, как эмоционально. Ей больше не мешала его чудовищная небрежность синтаксиса, манера обрывать фразы в самых неожиданных местах, заменять осмысленные обороты иносказаниями и идиомами, пристрастие к жаргонным словечкам. Ей даже стал нравиться этот энергичный и раскованный стиль. Она, по молодости, еще не понимала, в чем тут дело.

Но уловила во взгляде Новикова легкую грусть и словно бы снисходительное сожаление. Как будто он действительно был старше ее на триста лет.

— Скажи, Альба, а пришельцы со звезд вам когда-нибудь встречались?

Она удивилась этому вопросу, так выпадавшему из строя их беседы.

— Нет. Сколько мы летаем, а миров с разумной жизнью не обнаружили. А почему ты спросил именно об этом?

— Да так. Чего-то, похоже, я не понимаю. Или мир еще более сложен, чем нам кажется...

Его слова прозвучали так, будто и о мире он знает гораздо больше ее. Хотя такое предположение выглядело бы более чем абсурдно. Но она не удивилась. Была в этом просто еще одна тайна.

— Объясни мне, Андрей, как же все-таки вы оказались здесь раньше нас и почему нам неизвестно о межзвездных путешествиях в двадцатом веке?

— Меня это как раз и занимает... Почему вам неизвестно. Есть одно предположение, лежит на поверхности, но настолько оно неприятно, что и думать об этом варианте не хочется. Второй вариант лучше, но не намного. Вот завтра появится здесь еще один товарищ, тогда рассмотрим мы эту проблему квалифицированно. А как мы оказались здесь... — Он вновь набил трубку волокнистым табаком из жестяной банки, отпил глоток кофе. — История эта достаточно длинная и запутанная. Сразу не расскажешь. Но, похоже, главную роль сыграл тут один мой знакомый. Молодой человек, который слишком предупредителен по отношению к красивым женщинам и ни в чем не может им отказать. Даже в том случае, когда их желания выглядят по меньшей мере странно...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сентиментальный сюжет с вариациями

...Иногда мне не работается — а в тот день был именно такой случай, я обычно беру свой «Салют», заряженный цветной пленкой, и иду в город. Хожу по улицам, иногда снимаю кое-что, а в основном просто смотрю по сторонам. «Изучаю жизнь». Всего два слова, но они подводят под мое безделье мощную теоретическую базу, и совесть успокаивается.

В таких многочасовых, без всякой цели и плана прогулках иногда возникает пронзительное ощущение, что вот-вот произойдет нечто для меня очень важное или даже происходит уже, но не здесь, а в другом месте, может быть, за ближайшим углом. Я охотно поддаюсь этой иллюзии и начинаю кружить по улицам, беспорядочно меняя маршрут, напряженно всматриваясь и вслушиваясь, чтобы не пропустить, выражаясь высоким слогом, знака судьбы.

Но в этот раз никакие предчувствия меня не посещали — это точно, и не пели для меня незримые трубы.

Просто когда я спускался вниз по Кузнецкому мосту, щурясь от летящей в глаза влажной мороси, из туманной мглы вдруг возникло женское лицо, возникло, как из коричневатой мути проявителя выплывает контрастное и сочное изображение, более реальное, чем сама реальность.

Я даже не сумел как следует рассмотреть это лицо, а тем более понять, что заставило меня его увидеть, выделить мгновенно из спешащей навстречу многотысячной безликой толпы, задержать шаг, обернуться вслед.

Но она уже слилась с общей массой, вновь растворилась в тумане.

Лет десять-пятнадцать назад я, наверное, попытался бы догнать ее, заговорить, просто рассмотреть поближе, но сейчас такие вещи делать уже не принято. Тем более — среди моих ровесников.

Если бы через два примерно часа я не увидел эту женщину снова. На углу Арбата и Староконюшенного переулка, напро-

тив Вахтанговского театра. Без всякой связи с предыдущим я зацепился взглядом за высокую и тонкую фигуру, словно нарисованную смелым и быстрым мазком.

Она стояла — руки в карманах длинного кожаного пальто — и, чуть закинув голову, рассматривала что-то на фасаде углового дома. Я почти поравнялся с ней, женщина медленно повернулась, и я понял, что это — она и что не заметить и не запомнить ее даже среди миллионов было нельзя. Такое врезается в память, как пуля в дерево — глубоко и навсегда.

Черты слишком правильные, чтобы быть обычными на наших улицах, взгляд удлиненных, тревожных глаз из-под полей шляпы, резко очерченные, чуть приоткрытые губы. И еще что-то, чего не передашь словами. Она выглядела лет на двадцать пять, если бы не этот взгляд, не выражение лица. Сердце мое пропустило такт, я уже почти готов был подойти к ней, заговорить о чем угодно, как умел в свое время, но тут она скользнула по мне совершенно безразличными, даже невидящими глазами, и это был словно отстраняющий жест. И я вновь прошел мимо.

На секунду мне стало очень грустно, что она ждет не меня и что, пожалуй, мой поезд вообще ушел: никогда больше меня не будут ждать такие вот загадочные красавицы; но сразу же эта жалость к себе стерлась ощущением неоформленной пока тревоги. Таежный, скажем, житель по неуловимым приметам, по малейшим изменениям привычной обстановки может почувствовать приближение опасности. Так и я, выросший в каменных лабиринтах необъятного города, полжизни пытающийся выразить его душу на холсте и бумаге, сразу уловил — кожей, подсознанием — какое-то нарушение привычной среды, законов, действующих в этом городе. Один из этих законов гласит, что дважды случайно встретиться в Москве нельзя, практически невозможно. Этот закон не распространяется только на специфические социальные группы: соседей, сослуживцев и приезжих, разыскивающих в магазинах самоклеящуюся пленку «под дерево». Ни к одной из этих групп нас с незнакомкой отнести было нельзя. Но уровня тревоги не хватило до критической массы, и через определенное число шагов я вновь забыл о прекрасной даме и тем самым получил еще несколько безмятежных часов. Как оказалось потом — последних в моей нынешней жизни.

Уходившись по улицам до чугунной тяжести в ногах, сделав десяток снимков для возможного «осеннего цикла», решив еще кое-какие дела, я возвращался домой.

К вечеру разъяснилось, мелкий пылевидный дождь прекратился, но зато поднялся холодный пронзительный ветер. Мокрые деревья Тверского бульвара размахивали голыми черными ветками на фоне лимонно-багровой полосы закатного неба, выше которой громоздились рыхлые сине-черные тучи. Прекрасный и тревожный закат, от него делалось холодно и тоскливо на сердце, в то же время и глаз не оторвать. Хотя рисовать бы я его не стал, на холсте он покажется безвкусным, нарочитым.

Я шел от Никитских ворот, бульвар был пуст, словно крепнущий ветер выдул с него вместе с туманом и случайных прохожих. И когда в далекой перспективе возникла одинокая черная фигура, я понял, что это опять она, понял раньше, чем смог ее рассмотреть, и вновь ощутил острое чувство опасности и тревоги. Но не удивился. Словно весь день готовился к этой третьей встрече. Невозможной, как выигрыш прижизненного издания Гомера по книжной лотерее, и в то же время неизбежной.

Если даже предположить, что незнакомка сама ищет встречи со мной, как она могла знать, что я буду проходить именно здесь и сейчас? Я ведь этого сам не знал пять минут назад, мой путь был вполне произвольным, и я мог свернуть в любой переулок, по которому к дому гораздо ближе. И она ведь не за мной шла, она и сейчас, и раньше шла мне навстречу...

Все это я успел подумать, пока мы сближались.

Женщина шла не спеша, поднятый воротник пальто слегка спасал ее от ветра. В черной гамме ее одежды выделялось единственное яркое пятно — бело-сине-красный шарф на шее. Она шла, опустив голову, словно погруженная в свои мысли, и было в нашем неторопливом сближении нечто от Кафки или же от Антониони — не знаю.

Я невольно все замедлял и замедлял шаг, зачем-то вытащил отсыревшую пачку сигарет, стал прикуривать, заслоняя зажигалку от ветра ладонями и искоса, словно персонаж шпионского фильма, осматриваясь. Наверное, со стороны, если б кому оценить, выглядел я смешно. Почувствовав это, я словно стряхнул с себя детективно-мистическую паутину. Все снова стало реальным. Сумеречный свет, пустынный бульвар, одинокая женщина в черном, ветер, отражения в мокром асфальте...

До предполагаемой точки нашей встречи оставалось метров двадцать, и тут она резко свернула влево, пересекла бульвар и, не взглянув в мою сторону и не обернувшись, вошла в двери художественного салона на углу.

Признаться, давно я не чувствовал себя так глупо...

Но в салон-то я зайти имею право в любом случае, тем более что здесь выставлена на продажу одна моя работа и я, может быть, давно намеревался узнать, как она...

Женщина стояла возле моей акварели, и я услышал, как она спрашивает у завсекцией:

— А нет ли у вас других работ этого автора?

— Отчего же нет, — сказал я, подходя. — А что именно вас интересует?

В каком-то метре от себя я увидел ее глаза, уловил запах совершенно мне незнакомых духов, и хоть голова у меня слегка закружилась, я за короткие мгновения прочел в бездонно фиолетовых глазах, что она меня великолепно знает, но согласна принять мои условия игры.

И несколько минут мы с ней говорили так, будто она действительно приняла меня за товароведа или, допустим даже, директора. Выяснилось, что она неплохо для любителя разбирается в живописи, знает мои работы и, в частности, мечтала бы приобрести одну из ранних картин цикла «Московские дожди».

Не скрою, столь глубокое знание моих произведений польстило бы и безотносительно к внешним данным ценительницы, но сейчас я был деморализован и меня можно было брать голыми руками.

— Думаю, это можно будет устроить, — слегка поклонившись, сказал я. — Но придется совершить небольшую прогулку. До мастерской. Тут совсем рядом, — и назвал себя.

Она столь искренне удивилась и обрадовалась, что я мгновенно и почти окончательно забыл все свои сомнения и тревоги. Что там говорить о вероятностях? Не зря сказано: «Все будет так, как должно быть. Даже если будет иначе».

Некоторое время мы шли молча. Потом она спросила:

— Я вижу, что вы уже догадались?

— Простите, о чем? Разве о том, что наша встреча сегодня не случайна?

— Хотя бы. Это совсем не мало... Вы очень наблюдательны.

— Профессия такая.

— Да, конечно... Ваши работы мне очень нравятся, и я давно искала подходящего случая, чтобы познакомиться с вами. Сегодня этот случай представился.

Я вновь и несколько иначе посмотрел на нее. Увидел исхлестанное ветром лицо, подрагивающие от холода губы и представил, как она устала, если повторила весь мой сегодняшний маршрут. Пять часов на ногах, да еще на каблуках. У меня и то ноги

как не свои, а ей каково? Да... И все это — из-за святой любви к моему творчеству? Лестно, куда как лестно... А я ведь далеко не Пикассо и не Модильяни, да и за теми, насколько я знаю, поклонницы по улицам не бегали. Среди художников и их ценителей это как-то не принято.

...Мы, наконец, пришли, поднялись по темной лестнице в мезонин донаполеоновского еще особняка, притаившегося позади многоэтажных домов на Пушкинской, где мне в свое время неким чудом удалось устроить мастерскую. Толстые каменные стены и сплошная дубовая дверь надежно отделили нас от внешнего мира с его непогодой и проблемами. Что интересно — полжизни я провожу на улицах, а уверенно и раскованно чувствую себя, только как следует от этих улиц отгородившись.

Я помог незнакомке, которую, по ее словам, звали Ириной Владимировной, снять пальто. Невероятно, но если бы пришла в голову идея изобразить идеальную в моем понимании женщину, я вряд ли придумал бы что-нибудь иное. Ефремову бы, Ивану Антоновичу, на нее полюбоваться — для подтверждения его теорий... С полчаса она знакомилась с моими работами, и живописными и фотографическими, а я в это время готовил кофе и легкий ужин и думал, что мне, кажется, наконец повезло, и если я не буду дураком, то этот шанс не упущу.

Когда я вернулся, она сидела в кресле у камина. (Камин появился у меня не как дань моде — он был в этом доме всегда.)

— Посмотрели? — стараясь казаться светски небрежным, спросил я, разливая кофе.

— Да. И нашла то, что хотела... — Она показала на старый холст, где я когда-то изобразил перспективу Столешникова переулка, затянутого сеткой дождя.

— Вот эта пепельная гамма, ощущение печали и одиночества... Вы как-то выставляли ее в Манеже.

— Да, было... — Мне понравилось, что она уловила мое настроение. Значит, мы с ней похоже воспринимаем мир.

— Сколько это будет стоить?

— Ну, вообще-то я с рук не торгую, да и не положено это. Вот если вы согласитесь принять в подарок... При условии, что сегодня — не последняя наша встреча.

Она не стала отказываться, манерничать, а спокойно и серьезно посмотрела мне прямо в глаза — как там, в салоне.

— Что ж, это я, пожалуй, могу вам обещать. А кстати, что вы вообще обо мне сейчас думаете?

— Не хочу показаться банальным. Вам, наверное, и так говорят достаточно комплиментов...

Она смотрела на меня внимательно, понимающе и словно даже жалеючи. С таким выражением хорошо похоронки вручать.

— Вы наблюдательный, умный человек, с большой выдержкой, крепкими нервами...

Я сделал попытку встать и, поклонившись, звякнуть шпорами. Ирина остановила меня коротким жестом. В смысле, мол, — брось дурака валять.

— Но сможете ли вы спокойно выслушать то, что я сейчас скажу... — В ее тоне не было вопроса, она скорее размышляла вслух.

— Смогу, — сказал я, закуривая. Близких родственников, за которых можно было тревожиться, у меня нет, а лично меня испугать трудно. Я был готов к чему угодно, но, так сказать, в привычных рамках. В любви она сейчас объясняться явно не будет, следовательно... Она вполне могла представиться сотрудницей иностранного посольства, любой разведки мира, на худой конец — какой-нибудь мафии по делам искусства... Предложить мне подписать коллективный протест против чего угодно или наладить массовое производство «подлинников» Сальвадора Дали или Шишкина. До сих пор ко мне с такими предложениями как-то не обращались, но ведь могут и начать?!

— Даже если я скажу, что говорю с вами по поручению внеземной цивилизации?

«Ого! — подумал я. — Жаль. А с виду выглядишь вполне нормальной...» Но взятый ранее тон даже в этой ситуации обязывал, и я кивнул:

— Отчего же нет?

Я был разочарован, даже шокирован. Такой поворот сюжета не соответствовал ее облику. Даже сумасшедшие должны подчиняться определенным правилам. Так сказать, единству формы и содержания. А она — не соответствовала. Я знавал ее единомышленников. Один все свободное время посвящал сбору фактов об НЛО, выступал с лекциями, мотался по конгрессам соответствующего уровня и агрессивно вербовал неофитов в общество покровительства пришельцам, другой, повредившись на индийской философии, с 21 до 23 часов ежедневно медитировал в Измайловском парке в целях приобщения к Шамбале. Но и тот и другой в моих глазах заведомо были жертвами

чрезмерного распространения всеобщей грамотности, Ирина же такого впечатления никак не производила.

Впрочем, почему это должно меня волновать? Мало ли кто как с ума сходит? Если за знакомство с такой женщиной нужно прикинуться дураком — отчего бы и нет? Я уже понял, что готов согласиться даже на обращение в ислам, если потребуется.

По-моему, она испытала некоторое разочарование от моей покладистости, как человек, у которого слишком легко удался тщательно подготовленный розыгрыш.

— И вы так спокойно это воспринимаете?

— А вы ждали, что я в ужасе полезу под стол, начну творить крестное знамение или хотя бы закричу: «Нет! Никогда!» Что вас удивляет? Точка зрения Джордано Бруно у нас признана официально, сомневаться в ней только товарищу Шкловскому позволительно, для остальных же — как бы дурной тон. Обскурантизм как бы. Люди посерьезней меня симпозиумы устраивают по проблемам контакта. Тут другое смущает. Какая причина заставила уважаемых пришельцев уведомить меня о своем прибытии, да еще столь приятным способом? Надеюсь, вы занимаете достаточно высокое положение и уполномочены вести переговоры? Правда, я, к моему глубокому сожалению, к встрече не готов. Не облечен, а также не знаком с этикетом и протоколом...

Сказал я все это и испугался, что переиграл. Возьмет, обидится и уйдет. Кого попроще искать.

— Не надо, Алексей. Этот тон вам не к лицу. А причина есть, как ни странно. Я сама в свое время задавала этот вопрос. Можете себе представить: с точки зрения инопланетного разума, мы с вами — наиболее подходящие объекты для контакта и выполнения некой миссии...

— Как это для нас с вами ни лестно — не могу. Но допускаю.

— Странный вы, — вздохнула Ирина. — «Не могу, но допускаю». Надо же.

— А чего тут странного? Очень просто. Основания верить в свою исключительность среди пяти миллиардов землян у меня, при всем самоуважении, нет. Но если контакт все же должен осуществиться на индивидуальном уровне, то отчего бы не допустить, что субъектами, а равно объектами такового можем быть и мы с вами? Как и любой другой, произвольно выбранный индивид.

— Да... Логика у вас...

— Логика вполне простая. Но в обычной жизни люди пред-

почитают, вполне бессознательно, заменять логику эмоциями, стереотипами, так называемым здравым смыслом, и попытки кого-то к действительно логическому мышлению воспринимаются окружающими как странность и даже вызов. Стройные логические рассуждения любят также называть демагогией. Те, кто знает это слово. Но суть сейчас не в этом. Если я избран, то хотелось бы знать: чем же пришельцы руководствовались?

— Видите ли, в строгом смысле их нельзя назвать пришельцами. На Земле они физически не присутствуют.

— Да? А где же они? На орбитальном корабле? На базе в поясе астероидов? На комете Галлея?

— Нет. Тут совсем другое. В вашем понимании они... вообще не существуют.

«Так, хорошо, — подумал я. — По крайней мере, неординарно».

Поскольку я уже решил любым путем продолжить столь неожиданное и в высшей степени интригующее знакомство, мне оставалось только играть в ее игру и по ее правилам. А в них еще предстояло разобраться, не давая ей оснований усомниться в моей искренности и лояльности. Когда тебе под сорок, такими подарками судьбы не разбрасываются. Это в юности я мог на предложение нравившейся мне девушки пойти в кино ответить, что этот фильм я уже видел...

— Знаете, Ирина Владимировна, давайте так: вы мне все расскажете подробно, с самого начала, а то я не силен в теории. Как говорил Козьма Прутков: «Многие вещи нам непонятны не оттого, что наши понятия слабы, а оттого, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

— Ну, если вы так считаете и располагаете достаточным временем...

— Неограниченным! — без тени лицемерия воскликнул я. Но про себя добавил: лишь бы не оказаться в положении супруга Шехеразады... А в глазах Ирины вдруг, как мне показалось, промелькнуло нечто очень похожее на плохо скрываемую иронию.

Я сейчас, разумеется, не в состоянии более или менее связно пересказать все, что она мне говорила этим долгим вечером. И потому, что заведомо настроился не принимать ее слова всерьез, и потому еще, что не с моим образованием все это можно было понять.

Пришельцы, от имени и по поручению которых говорила со мной Ирина, в природе действительно не существуют. Может быть, они будут существовать неизвестно где через непредста-

вимое количество лет, если я оправдаю возлагаемые на меня надежды.

Как известно, наша Вселенная началась 10—20 миллионов лет назад, или около того, так называемым Большим взрывом, когда из некой элементарной частицы возникло все остальное. А также и многое другое, чего даже самые светлые умы представить себе не могут. Закончит же свое существование указанная Вселенная через десять, по-моему, в 69-й степени лет превращением всех звезд и галактик в черные дыры с последующим их испарением. И вот когда во Вселенной вообще ничего не останется и ее самой тоже, тогда все и начнется сначала.

А поскольку очевидно (sic!), что время там, у финиша, поменяет знак, то развитие новой Вселенной происходит навстречу нам, и вот в этом все дело. Когда мне об этом говорила Ирина, я как-то лучше все понимал, сейчас же я опять путаюсь... В итоге идея встречных вселенных воплотилась для меня в образ кинопленки, которую механик перематывает, когда фильм окончен.

На самом деле все выглядит несколько иначе. Ирина мне объяснила, что время — в широком смысле Время, а не то, что мы с вами под этим понимаем, — следует рассматривать в виде потока некой субстанции, ну, допустим, чем-то напоминающей водяные потоки. И как в горной реке, в нем масса струй, вихрей, водоворотов, заводей и омутов. И целая, в нашем понимании, вечность может оказаться лишь пузырем в одной из воронок на перекате. А какая-нибудь метагалактика — щепкой в стремнине. Впечатляюще звучит, не так ли?

А теперь к этому следует добавить, что их время — такой же горный поток, мчащийся навстречу нашему.

И вот если все это представить и допустить, то остальное уже проще. Существуя в своем противоположном времени и иной Вселенной, развиваясь на сотни тысяч лет больше нашего, они — эти инопланетяне, а точнее — иновселенцы и иновременцы, сугубо усовершенствовались в познании природы, проникли в тайны времени и научились почти свободно использовать его в практической жизни и деятельности, не хуже, чем наши, скажем, гидротехники ту же воду во всем ее многообразии. А может, даже и лучше. Эйнштейн, говорят, пытался создать теорию единого пространства — времени — тяготения. А они, по словам Ирины, пошли на много порядков дальше. И если бы я мог хоть как-то осмысленно или хотя бы наукообразно изложить то, что услышал, то имел шанс претендовать на Нобелевку, как минимум.

Проникнув в столь невообразимые тайны естества, наши гипотетические сапиенсы вдруг осознали, что на пути их безграничного прогресса камнем преткновения обнаружилась какая-то необозримо примитивная цивилизация. И даже не она сама как таковая, а некоторые из нее следствия. По расчетам их теоретиков, историческая мировая линия (?) нашей цивилизации таким образом взаимодействует с их мировой линией, что в некий момент неминуема «хроноаннигиляция», которая поставит точку на их прогрессе, развитии и самом существовании. И, естественно, на нашем тоже, хотя для них, как я понял, этот факт имеет сугубо побочный интерес.

Вот примерно такие вещи она мне изложила в виде преамбулы. Впрочем, из ее рассказа я сумел вычленить, наверное, столько же, сколько сумел бы передать своим приятелям из двухчасовой беседы о научных и социальных проблемах сегодняшнего мира какой-нибудь средний интеллигент-гуманитарий Киевской Руси XI века.

Следует признаться, что я не только, а может, и не столько вникал в тонкости теории, как пытался понять, отчего с ней приключился такой сдвиг по фазе, женщинам, как правило, несвойственный. Но более всего я эстетически наслаждался. Потому что прямо перед собой, в каких-нибудь двух метрах, видел ее ноги, немыслимо изящные, прелесть которых она великолепно осознавала и безжалостно подчеркивала высоким разрезом юбки.

Как бы не замечая специфической направленности моего внимания, она продолжала излагать свою жуткую историю.

Единственный путь, который пришельцы нашли для спасения своего, а попутно и нашего мира, — искусственно искривить эти пресловутые мировые линии, как на железной дороге переводят стрелки, чтобы избежать столкновения встречных поездов.

— То есть, простите, — перебил я Ирину, — если я правильно улавливаю, они намерены вмешаться в нашу земную историю? — Меня, ей-богу, даже начал увлекать ход ее рассуждения.

— Да, совершенно верно. Вы быстро сообразили. Только самое главное в том, что сделать это можете именно и только вы, Алексей.

Это у нее хорошо получилось. Небрежно и вместе с тем категорично.

— Они в совершенстве изучили земную историю, филосо-

фию и культуру, определили пути и способы поворота, но сами не могут произвести нужное воздействие.

— Эм-эн-вэ, — сказал я.

— Что?

— Да так, Азимова вспомнил. Минимально необходимое воздействие. Термин из романа «Конец вечности». Ситуация там похожая описана.

Она не читала, кажется, но кивнула. Помолчала, потом попросила сварить еще кофе. Меня эта просьба более чем устроила. Требовался тайм-аут хотя бы на пять минут.

Пока я помешивал сандаловой палочкой густую суспензию в турке, у меня появились кое-какие мысли, неясно только — уместные ли.

— Так вот, — продолжала Ирина, — они знают о нас все, но физически вмешиваться не могут. Нужна наша помощь.

— Странно... Зачем менять нашу историю? Она какая ни на есть, а привычная, родная. Пусть свою и меняют, — возразил я.

— Собственное время необратимо, — объяснила она, — их прошлое для них недоступно, а будущее неопределенно. Наше же прошлое — для них будущее, причем по другой координате, и они в состоянии переместить туда человека, где он и сделает то, что нужно. Они рассчитывают, что это сделаете вы.

— Все-таки я. Из миллиардов и миллиардов живущих и живших на Земле, каждый из которых, по вашим словам, для них равно доступен, — только я, и сейчас. Почему?

Я решил, как говорят шахматисты, обострить партию. И таким путем определить, до каких пределов это у нее зашло.

Она вздохнула:

— Ну, давайте снова обратимся к аналогии с поездами. Кто-то на одном поезде понял, что столкновение неизбежно. Но тормозов на этом поезде нет. По условию задачи. Остается одно — передавать сообщение о грядущей катастрофе по радио, надеясь, что некто, имеющий приемник, услышит сигнал тревоги, поверит в него, поймет, что нужно делать, затормозит свой состав, найдет и переведет стрелку... Считайте, что приемник оказался у меня. Но все остальное мне не под силу. Известно, что это можете сделать вы, но как мне вас убедить? А больше никто сигнал не принял. У кого-то приемника вообще нет, другой вместо аварийной волны слушает концерт по заявкам, третий просто не понимает язык, на котором ведется передача...

Спорить было просто не о чем. Или принимать ее вводную целиком, или отвергнуть. Как говорится, третьего не дано. От-

вергать я не собирался изначально, но продолжать... У меня уже просто не было сил. Состояние мое напоминало такое, что бывает, когда целый день ходишь по достаточно большому музею. Вялость, отупение, безразличие...

Конечно, проще и приятнее всего было бы перевести наше слишком уж сложное общение в совсем иную плоскость. С любой другой женщиной я бы и не стал колебаться, ведь тот факт, что она здесь, уже сам по себе подразумевает все остальное. Но с Ириной так не получалось. Как говорят режиссеры, я просто не видел ее сейчас в этой роли.

И я впрямую ей намекнул, что на сегодня с меня хватит. Вопросов масса, но я не чувствую в себе достаточной ясности мысли, чтобы хотя бы грамотно их сформулировать, а не то чтобы принимать исторические решения. Надо отдохнуть. Она может остаться ночевать здесь, нимало не опасаясь за свою честь, либо, если таковое предложение чем-нибудь не удобно, я почту долгом сопроводить ее в любую точку города или далее...

Мой пассаж произвел на нее благоприятное впечатление, она даже улыбнулась, оценив тем тонкость моего обхождения.

— Спасибо, но я действительно лучше пойду домой.

Мы шли по пустынным улицам, в тумане неизвестно для кого оранжево светились высокие фонари, изредка с гудением, словно сторожевики в ночном море, проносились последние троллейбусы. Мы шли и говорили так, как говорят недавно познакомившиеся и почувствовавшие взаимную симпатию люди — обо всем сразу, будто спеша сказать и услышать как можно больше, не зная, представится ли еще такая возможность.

Она несколько лет назад окончила филфак МГУ, занималась творчеством Уайльда, кое-что переводила, фантастикой никогда не увлекалась и даже не интересовалась, как и большинство здравомыслящих женщин, для души читала в основном толстые журналы, книг, за исключением нужных для работы, не коллекционировала. По средам ходила в бассейн, а по субботам — в конно-спортивный клуб. Иногда — театр, реже — консерватория. Приличный, но довольно стандартный стиль и образ жизни женщины ее типа и круга. Никак не соответствующий сегодняшней ситуации.

Как бы между прочим, я спросил, не будет ли у нее семейных осложнений по поводу нашей с ней поздней прогулки.

— Я третий год не замужем, — спокойно сказала она, и я, чтобы скрыть радость, смешанную с некоторым удивлением, деликатно ушел от этой темы. С давних времен меня поражало,

что женщины и девушки, на мой взгляд, неотразимые, отнюдь не всегда счастливы в личной жизни. Умом я это понимать научился, а вот эмоционально — нет.

Под аркой на Большой Переяславке мы простились, договорившись о завтрашней встрече, совсем как в безвременно ушедшей молодости, и я с трудом удержался, чтобы по тем же традициям не попытаться поцеловать ее на прощанье.

Я шел обратно по еще уцелевшим старым переулкам мимо Ботанического сада, по проспекту Мира, Садовой, Цветному бульвару, Трубной, курил не знаю какую по счету сигарету, ловил губами капли мелкого дождя, не спеша приводил в порядок эмоции и мысли.

Разумеется, все это можно и нужно считать приятным приключением, подарком судьбы, сведшей меня если не с «девушкой моей мечты», то уж, во всяком случае, с женщиной, наиболее отвечающей самым строгим категориям внешней привлекательности. И если не заглядывать слишком далеко вперед, и всем другим критериям тоже. А изощренные космогонические построения следует считать ее сугубо личным делом. Я сам не чужд тому, чтобы в подходящей компании потешиться мыслью, и не поручусь, что все и всегда понимают меня правильно. Так что «не судите, да не судимы будете». И на этом можно было бы и прекратить прения, если бы...

Как и для чего она меня нашла? Как сумела три раза за день перехватить на никому не известном и непредсказуемом маршруте?

Ей что, больше в Москве и поговорить не с кем? Рационального объяснения этим вопросам я дать не мог. Иррациональные же объяснения меня устраивали еще меньше, ибо иррационального не приемлю в принципе. Хотя бы потому, что тогда исчезает всякая возможность действовать адекватно обстановке.

Зато все это еще более усиливало мой к Ирине интерес. Ну ладно, предположим, что рано или поздно все объяснится... И будем с нетерпением ждать завтрашнего дня и дальнейшего развития событий.

...Она уже ждала меня у Сретенских ворот, как раз в тот час, когда люди с улиц вдруг, как по сигналу, исчезают все разом и в городе становится неожиданно просторно, только светят радужными огнями витрины да с шелестом пролетают ма-

шины, мелькая белыми и красными огнями. Еще десять лет назад такого явления не наблюдалось, и Москва, как любой крупный город мира, до глубокой ночи кипела людскими водоворотами, а по улице Горького и вообще было не протолкаться. А теперь только одинокие прохожие попадались нам навстречу. При виде вполне обычной пары могли ли они представить, что не просто мужчина и женщина идут рядом, а осуществляют контакт две цивилизации, нет — даже две вселенные.

Говорили мы с ней на этот раз о вещах практических. Я, в силу ограниченности своего воображения и излишней начитанности, представлял вмешательство в историю слишком драматически. Вплоть до физического устранения каких-то значительных личностей, экспорта техники и технологии, еще чего-то столь же конкретного и впечатляющего, вполне в духе лучших образцов нашей и зарубежной фантастики.

Ирина же меня одновременно разочаровывала и успокаивала. Наша история, говорила она, и наша цивилизация выглядят такими, как есть, оттого, что в силу неведомых причин в ограниченном регионе Земли, а именно в Европе, вдруг изменились стиль и способ человеческого мышления. Люди стали по-иному смотреть на мир, иначе оценивать связь явлений. Возникли европейская психология и философия, вызвавшие развитие науки в нашем понимании, прогресс, научно-техническую революцию и так далее. Нигде больше ничего иного не произошло. Ни в Индии, ни в Китае, ни на американском континенте самые гениальные открытия и озарения не стыковались, не воздействовали друг на друга, не подкреплялись хоть какой-то общей теорией. Те же китайцы сотни лет жгли порох в фейерверках, но так и не догадались засыпать его в подходящую трубу, вложить какой-нибудь снаряд, хоть камень, и поджечь с другого конца... Ну, и так далее. Значит, без европейского поворота в способе мышления мир был бы совсем другой, на наш никаким образом не похожий. Все было бы другим — и культура, и уровень материального производства, и психология. Лучше это было бы или хуже — совсем другой вопрос. Все остальные народы жили по-своему тысячи лет и не испытывали потребности в чем-то ином. Кстати, для наших пришельцев сама концепция так называемой истории — вещь совершенно чуждая. Да и на Земле история, как цепь взаимосвязанных событий, определяемых объективными законами, тоже чисто европейское понятие, в других местах имели место совсем иные мнения на этот счет. Вот и у тех (тут Ирина махнула рукой ку-

да-то вверх и в сторону) и логика совершенно иная, и взгляд на то, что важно и что нет в жизни разумных существ, и даже представление о том, что это такое вообще — событие. И какие из этого события последуют причинно-следственные связи... Мы, к примеру, думаем, что цель постройки электростанции — снабдить энергией промышленность и граждан, а с их точки зрения гораздо важнее, что в освещенном городе ночью не видны звезды, следовательно, мышление его обитателей будет совершенно иным, нежели при регулярном тех же звезд созерцании...

— Так как же! — возмутился я, уже захваченный правилами предложенной ею игры. — Как же они в таком случае могут понимать что-то в нас, в нашей жизни, определять, что и как нам делать? Они могут решить, что главная цель появления на свет, скажем, Лермонтова — в том, чтобы он принял участие в сражении при Валерике и убил там кого-то, кто мог стать основателем новой религии. Или создать великую мусульманскую империю. А стихи — так, побочное...

Ирина тихо рассмеялась:

— А вы действительно непоколебимо уверены, что это не так? Что невозможны другие варианты и другие выводы из известных вам событий? Ну, если вы решили прибегнуть к литературным примерам, давайте рассмотрим еще один. Что, если поручик Лев Толстой обязан был погибнуть в Севастополе? Но произошло недоразумение, и он выжил чисто случайно. И от этого совершенно изменилась жизнь и судьбы миллионов людей, прочитавших его романы, воспринявших его философию. Может быть — именно в этом основное значение Крымской войны! Что на ней не погиб Лев Толстой...

В предложенных обстоятельствах возразить мне было нечего. Но сдаваться тоже не хотелось.

— Ладно, допустим, можно выстроить цепочки внешне неадекватных причин и следствий, найти примеры самых неожиданных корреляций, которые наиболее важны. Но — для кого? И чем более вы правы, а не я, с тем большим основанием я повторяю: как же они могут решать наши проблемы своими способами? Пусть, с точки зрения высшего разума, мое существование абсолютно бесполезно и даже вредно, я вряд ли соглашусь это существование добровольно прекратить. Но это частность. Как вообще может осуществляться хоть какой-то контакт столь несопоставимых разумов?

Ирина, не переставая улыбаться, словно мои возражения

доставляли ей прямую возможность блеснуть находчивостью и остроумием, тут же возразила:

— Ничего странного. Представьте — мы и муравьи. Мы не имеем и никогда, пожалуй, не будем иметь понятия о внутреннем мире каждого отдельного муравья, о взаимоотношениях между двумя конкретными особями, нас крайне мало волнует персональная судьба данного представителя вида формика руфа, но даже при нынешних знаниях специалисты довольно уверенно судят о жизни и деятельности муравейника, знают способы обмена информацией, распределение ролей внутри сообщества, могут прогнозировать поведение и реакции этого суперорганизма. Есть способы с помощью механического и химического воздействий заставить этих муравьев прокладывать новые дороги, воевать с себе подобными и не трогать подлинных врагов, изменять наследственность и вообще играть по отношению к несчастным муравьям роль высших сил... Устроит вас такая аналогия?

Я поморщился, но опять не нашел что возразить. Обидно, но убедительно, к сожалению. Я живо представил себе все эти штуки, что придуманы любознательными естествоиспытателями: искусственные ульи, экспериментальные муравейники, крысиные лабиринты. Если стать на такую позицию, что угодно можно допустить... Капелька душистого вещества для муравья или бабочки — то же самое, что для меня вилла на Рижском взморье, белый «Мерседес» и четыре персональные выставки в год. Капнул аспирант пипеткой перед помеченной особью — и порядок, заноси результаты в лабораторный журнал. Конечно, если он достигает желаемого, зачем ему мой внутренний мир? Но — на равных этот аспирант с муравьем не общается. Диалога между ними нет. Меня, то есть муравья, надо бы убедить принять этот самый белый «Мерседес», учитывая мои воззрения, жизненные принципы и прочие, еще менее осязаемые моменты. А если мы с муравьем не пожелаем слизывать капельку меда, что делать аспиранту? Учесть мою точку зрения или... поменять особь? Примерно так я и ответил Ирине.

— Вот здесь вы правы, — ответила она и посмотрела на меня слишком, по-моему, пристально. — Здесь главная сложность: И контактеру, чтобы действительно общаться с нами на равных, приходится искусственно снижать уровень интеллекта на несколько порядков. И они вынуждены идти на это, рискуя, что многие потери окажутся необратимыми. Вообразите себя в такой роли. Не будем больше трогать муравьев, слишком они

вас шокировали, даже обезьян не надо. Вообразите, что вам предстоит роль Штирлица, но не в Германии, а при дворе царя Хаммурапи. Справитесь, если вашу психику не изменить, моральный порог до безопасного уровня не занизить? Боюсь, дня вы там не продержитесь. А до того царя нет и четырех тысяч лет, и культура близкая, и общественный строй известен... Что же сказать о существе совсем иной биологической, социальной, психической организации, которое мы даже и вообразить не можем?

Беседуя столь содержательно, мы словно бы незаметно вновь оказались возле моего дома. Поднялись наверх. Сегодня на ней был другой туалет, как бы праздничный — нечто такое облегающее и в то же время свободное, из тонкой голубоватой шерсти. Сидели у огня, снова пили кофе и шартрез и продолжали все ту же тему, хотя я бы лучше поговорил совсем о другом.

— И вся цель наших пришельцев, — тоном лектора из общества по распространению, так не вяжущимся с ее обликом, говорила Ирина, — внести в наш мир некий импульс, который — может, через десятилетия, а может, через века — проявится в новой тенденции прогресса, откроет иные перспективы в науке или философии, позволит как-то иначе сформулировать сверхзадачу человеческого существования... А снабжать Дмитрия Донского пулеметами или Пирогова антибиотиками — это слишком по-человечески получится. Вроде как регулировать компьютер зубилом и кувалдой.

— Пулеметы лучше не Донскому, а Мстиславу Удалому... — машинально поправил я Ирину и сам рассмеялся. Опять она меня побила. Но слишком уж у нее это все проработано! Далеко зашло дело, ничего не скажешь.

Чтобы сохранить душевное равновесие, я стал смотреть на нее глазами японца, любующегося цветущей сакурой. Как там у Басе:

Перед этой вишней в цвету
Померкла в облачной дымке
Пристыженная луна.

Стало легче.

— Ну ладно, — сказал я, чтобы поскорее с этим покончить и перейти к чему-нибудь более мирскому, — а как все это мыслится практически?

Она поудобнее устроилась в кресле, поправила упавшую на глаза косую прядь волос:

— Представим все ту же реку. Мы сейчас находимся в некоторой ее точке, и нас несет вниз по течению, допустим, на плоту. Против течения, как вы понимаете, плот двигаться не может. Но если приложить к нему нужную силу извне, толкнуть как следует против течения... Насколько-то он продвинется в обратную сторону, остановится на миг в мертвой точке и снова поплывет вниз, все с той же скоростью течения. Это грубая аналогия, но достаточно ясная. Остальное — дело техники. Они переместят вас в будущее, с их точки зрения. Движение в будущее не запрещено даже Эйнштейном. Парадокс — впрочем, вполне условный — этим снимается. Вы достигаете нужного момента в вашем прошлом, проводите там определенное количество часов или дней, пока действует импульс, а потом давление времени сдвинет вас вниз, к моменту отправления, то есть тоже в будущее. И все. Никаких машин времени и прочих механических ухищрений.

И опять же звучало все вполне убедительно, точнее — непротиворечиво. Если принять основные посылки. Но в багаже у меня оставались и еще доводы, почерпнутые все из некоего свода околонаучных знаний, именуемого серией «Эврика».

— А как же с прочими парадоксами? Насчет безвременно убитого мною дедушки, женитьбы на собственной матери и прочих безобразий? Их разве ваше объяснение снимает?

— Нет, Алексей, это несерьезно. В нормальной жизни вы тоже имеете массу возможностей еще и не на такие вмешательства в настоящее и будущее. Но, кажется, еще никого не убили из любопытства? И даже ни один из тех, кто может сбросить с самолета атомную бомбу, за сорок лет не сделал того, чтобы посмотреть, как это влияет на будущее. И когда вы собирались за границу, вас специально даже и не предупреждали, что нельзя, например, приехав в Париж, поджигать Лувр, ибо это вредно скажется на истории. Или все же предупреждали? — Она вздохнула. — По-моему, вам просто фантасты голову заморочили...

Я только развел руками и склонил голову. Конечно, есть определенные моральные ограничения, а если уж они нарушаются, так не все ли равно, когда это происходит? Это для меня мое эфемерное время жизни и все с ней связанное — самое-самое главное. А на самом деле? В школьном учебнике отводят по полстраницы на век. Для нас Хеопс и Македонский — почти современники. И что там судьба моего дедушки, был он, не был... В США вон и про Вторую мировую некоторые уже позабыли.

— Ладно, Ира, опять сдаюсь. Но, знаете, в таких дозах я новую информацию плохо усваиваю. Давайте отвлечемся. Как писал ваш Уайльд, простые удовольствия — последнее прибежище для сложных натур. А мы с вами — натуры явно сложные.

Она согласилась вполне охотно, и мы поехали в одно очень приятное место, где можно было и в полночь поужинать, послушать музыку, встретиться с не вполне ординарными людьми, ну и не скрою, показать в том кругу Ирину. Отчего-то это для меня было важно, словно, появившись с ней на людях, я как-то закреплял наши отношения.

Вечер в общем удался. Ирина была весела, раскованна, пользовалась безусловным успехом, и один человек, мнение которого по ряду причин было весьма для меня важным, конфиденциально сказал: «Ну, старик, ты даешь», — с уважением и даже с завистью в голосе. И настолько Ирина была в этот вечер светской и женственной, что я почти успокоился насчет ее умственного состояния.

Когда мы ехали обратно в такси, она спросила между прочим:

— А машины у вас нет?

— Нет, знаете ли. С одной стороны, не так уж много я зарабатываю, с мастерской и то не до конца развязался, а к машине и гараж нужен, и бензин, и время, и все прочее... Да и потребности особой не чувствую. Иногда, конечно, очень бы пригодилась, а в целом обхожусь.

В полумраке мне проще показалось взять ее за руку, потом я слегка обнял ее за талию, и она не отстранилась, но чуть позже сказала шоферу:

— Сначала на Переяславку, пожалуйста.

И дальше мы встречались каждый день. И так получалось, что на фоне наших целомудренных и культурных развлечений — театр, концерт, вечер в обществе — она находила время и способ, чтобы продолжать и галактическую тему. Я привык к этому, как к неизбежности, строго соблюдал правила и вполне уже профессионально ей подыгрывал. Сам Станиславский не мог бы бросить мне своего грозного «Не верю!».

Я послушно запоминал все ее инструкции, правила техники безопасности и прочее, задавал глубокомысленные вопросы. Даже спросил однажды, когда мы сидели у костра на даче одного из знакомых:

— А вот нескромный вопрос, Ира, — за мой героизм и мужество, проявленные при выполнении особо важного задания, мне что-то будет? Рукопожатие перед строем или премия в раз-

мере месячного оклада? Я однажды в чине лейтенанта воздушно-десантных войск уже участвовал в решении мировых проблем. Удостоен медали «За отвагу». А у них с этим как?

Ирина сбоку посмотрела на меня с интересом. Как-то по-новому?

— Ну а, к примеру, какой награды ты бы хотел? Если допустить, что для них все возможно?

Я задумался. С детства люблю играть в желания.

— Да как тебе сказать? По Козьме Пруткову, зубочистка в бисерном футляре, данная нам в сувенир, несравненно дороже двух рублей с полтиною... Я человек не гордый, не честолюбивый даже. Таланта они мне не прибавят, какой ни есть, а мой, другого не надо, замки и сокровища вышли из моды, к высоким постам не стремлюсь, бессмертие, говорят, невозможно, а может, и не нужно. Вот если б мы с тобой дожили до свадьбы нашего младшего правнука и смогли бы там до утра танцевать «семь-сорок» без вредных последствий — я счел бы себя достаточно вознагражденным.

— Лет сто тебе тогда будет... — прикинула она, словно не заметив намека. — Ничего особенного. Мог бы и больше попросить.

— Я же говорю — я человек скромный. А если-от щедрот добавят, возражать не стану.

— Да, действительно скромный, — повторила она, и я даже не понял, в похвалу или в осуждение она это сказала.

В моем желании, конечно, и еще одна хитрость была скрыта. Дожить до свадьбы правнука — это ведь не проблема моего личного долголетия...

Тут нас призвали к пельменям, и тема дальнейшего развития не получила.

А потом наконец настал день, когда Ирина решила, что все. Преамбула, она же увертюра, закончилась. Пора.

К переходу она меня полностью подготовила. Проинструктировала. Задание определила несложное. И дистанция предлагалась короткая. Каких-то двадцать лет всего, и то неполных.

Вот когда она все по полочкам разложила, разобъяснила все подробнейше, осталось, как говорится, только сдать документы и награды, вот тут у меня наконец что-то в душе нехорошо шевельнулось. Разговоры, приятные ночные прогулки, планы на будущее — это, конечно, здорово. Медленнее, чем мне хотелось бы, но отношения развивались. Но вот что будет, когда ничего не будет? В смысле сорвется ее представление. Как мне то-

гда себя вести и в какие эксцессы все выльется? Эх, черт, надо было найти возможность где-то осторожно проконсультироваться... Вдруг с ней истерика выйдет или припадок какой? А может, и того хуже — «обманули дурака» и идиотский смех? Любой из этих вариантов сулил отвратительные минуты, которые предстояло пережить. А я даже в кино очень неловко себя чувствую, если знаю, что с героем какая-нибудь стыдная неприятность ожидается. Тоже, наверное, своего рода дефект психики.

Оптимальный выход с ее стороны был бы такой: разыграть тяжелое переживание от неудачи, придумать со свойственной ей находчивостью убедительное объяснение. Отложить вторую попытку на когда подальше. Лет на тридцать. Но, может быть, получится гораздо хуже...

Утром она заехала за мной на серебристой «семерке». Я уже знал, что у нее есть «Жигули». Как космонавт или разведчик, я был собран, спокоен, немногословен. Согласно ее указаниям, одет универсально на последние четверть века — джинсы, черная рубашка, черные мягкие туфли типа мокасин. Для тех времен модерновато, но со вкусом. Все необходимое — в карманах. Чтобы руки были свободные.

Ирина гнала по Ярославскому шоссе, к ею намеченной и вычисленной «точке перехода». Она много говорила, стараясь поднять мой тонус, а я сидел рядом, больше молчал, смотрел, как лихо она ведет машину. Признаюсь, эта новая грань ее сложной натуры навела меня на давно отброшенную мысль — может, она все-таки самая банальная агентша иностранных разведок? Это было бы идеально. Потом я бы ее перевоспитал, и мы бы зажили долго и счастливо, я не переживал за ее психику и прочее... Утешало меня только одно: в любом случае вся эта ерунда скоро кончится, и вновь пойдет реальная жизнь с реальными проблемами, какими бы они ни были.

Я смотрел на ее тонкий профиль, сжатые губы и напряженно прищуренные глаза, неуловимые движения рук в черных перчатках, репетируя мысленно тот вариант спасения ситуации, который придумал, и вдруг сообразил, что меня больше всего интриговало в ней все время, да и мучило неосознанно. Предохранитель! В ней словно был предохранитель, который каким-то образом не позволял мне перейти определенный рубеж в наших отношениях и даже — что я сейчас и обнаружил — не позволял мне представить ее без одежды. Какой-никакой, а я художник, но раздеть ее мысленно не мог. Не получалось гармонии, образ рассыпался. Сейчас, например, в юбке, обтягивающем свитере, в сапогах и перчатках, она смотрелась

как идеал совершенства. А только пробовал все это убрать, получалось... Ну, возьмите и подрисуйте Нике Самофракийской голову и руки. Вот и с Ириной то же самое...

Этот эстетический парадокс так меня увлек, что я даже не сразу заметил, что мы уже стоим. На поляне, рядом с довольно толстым и корявым дубом. Приехали. И что теперь?

Ирина сняла руки с руля. Часы на приборном щитке показывали 10:27.

— Не боишься? — вдруг спросила она.

«Боюсь, — чуть не ответил я, — только не того, что ты думаешь, а совсем наоборот». Но промолчал, только мотнул головой и открыл дверцу.

После многих дней ненастья погода сегодня выдалась на удивление, какая редко бывает в наших краях в это время. Небо абсолютно безоблачное, густо-голубого, почти индигового цвета, воздух свежий и какой-то, я бы сказал, хрустальный, и лес полыхает всеми оттенками старой бронзы и багрянца... Изумительно. Как говорится, кто вчера умер — сегодня жалеет.

— Становись сюда, — показала Ирина. Я обошел машину и стал рядом с левой дверцей. — Не забыл? Вернешься через двенадцать часов. Резерв — еще три часа. Если что-нибудь непредвиденное помешает — бодрости не теряй. Тебя все равно найдут и вытащат...

Она смотрела на меня внимательно и словно даже печально, и мне вдруг стало не то чтобы страшно, а просто сильно не по себе. Как в армии перед ночным прыжком в лес. Я до сих пор вспоминаю о тех прыжках безо всякого удовольствия. Но прыгал же, никуда не денешься...

Она смотрела на меня не отрываясь, приоткрыв дверцу и поставив одну ногу на траву, словно собираясь выйти из машины. От ее необычного взгляда я ощутил не сказать что головокружение, но нечто вроде. И чтоб совсем не потеряться в этом взгляде, я сделал то, что и собирался, что позволяло, по моим расчетам, достойно завершить эту затянувшуюся шутку.

Если с ней все в порядке, но она не знает, как выйти из тупика, в который сама себя загнала, мой вариант будет для нее оптимальным. Если же это всерьез, то, может быть, клин клином...

Я шагнул к машине, подхватил Ирину под колени и за талию, почти поднял на руки, коснулся губами ее губ, увидел невероятно вдруг расширившиеся глаза, ничего, кроме глаз, и тут меня отбросило назад. Кажется, она как-то вывернулась и удари-

ла меня в грудь ногами. И еще будто бы я услышал ее вскрик, не то возмущенный, не то испуганный...

Взмахнув руками, я едва сумел удержать равновесие и не упасть навзничь. Ошеломленный такой бурной и столь неадекватной реакцией на вполне невинный поцелуй, я чуть не произнес нечто, подходящее к случаю, но только воздух, что я судорожно вдохнул, застрял у меня в горле...

Машины передо мной не было. И лес вокруг стоял густо-зеленый, как в самом разгаре лета.

Если бы я был мастером слова, я, возможно, нашел бы какие-нибудь слова, чтобы передать свои ощущения в тот момент. Но — не умудрил господь. Зато я знаю, что должен был испытывать в этот момент острое потрясение. А оттого, что не представлял себе, как его переживают наедине с собой, почувствовал самый настоящий стыд. Кажется, даже застонал. Все эти дни единственным в округе дураком был именно я и никто другой, что с особенным блеском продемонстрировал в последние моменты. Эстет, интеллектуал, скептик, чтоб тебя...

Тишина вокруг была оглушающая. Сквозь ветви деревьев на поляну падали косые столбы яркого и горячего солнечного света. Хорошо, что никто сейчас меня не видел. Я закурил и начал брать себя в руки. Будем считать — приземлились. Полагается собрать парашют и сориентироваться в пространстве. А эмоции и прочие сопли — до возвращения оставить! Прежде всего надо понять, куда меня занесло. Теперь-то все выглядит совсем иначе. И ее испуганный вскрик, и толчок в грудь... Я сам делал еще и не такое с замешкавшимися после команды «Пошел!».

Путаясь ногами в высокой траве, я пересек поляну, продрался сквозь кусты и подлесок, нацепляв на волосы какой-то паутины, и вышел на опушку.

Поле передо мной плавно понижалось к югу, метрах в пятистах видна была автострада, и одного взгляда хватило, чтобы окончательно во всем удостовериться. Но я постоял там еще минут пятнадцать, глядя на мелькающие машины, и за все это время в их жиденьком потоке не проскочило ни одного «Жигуля», «двадцать четвертой» «Волги» или, скажем, «КамАЗа»...

На старинной электричке, с забыто просторными тамбурами и вручную открывающимися дверьми, я доехал до Ярославского вокзала. Почти весь вагон занимали студенты МИСИ, возвращавшиеся с полевых занятий, с теодолитами, нивелира-

ми, полосатыми рейками. Отвернувшись к окну, я слушал их разговоры, древние шутки, непонятные уже намеки и забытый сленг. Это же были мои ровесники, мы, наверное, не раз встречались на улицах и институтских вечерах. И вот я вернулся после долгого отсутствия...

Настороженный, как разведчик, только что перешедший через нейтралку на ту сторону, я почувствовал, что чем-то привлекаю внимание этих парней и девушек. Ощутил спиной, по взглядам, по неуловимо изменившейся атмосфере, по интонациям. И хорошо, что вскоре замелькали за окном красные закопченные корпуса Москвы-Товарной, я вышел в тамбур и, как только поезд остановился, распахнул дверь и растворился в толпе на перроне. Хотя ерунда, конечно. Шпионский синдром. Причем шпиона плохого, трусливого, которому кажется, что все смотрят только на него. А студентов скорее всего заинтересовал мой наряд, все-таки слишком броский для этих времен и для моего возраста.

Перейдя площадь, я купил в ларьке возле гостиницы «Известия», взглянул на дату. Хоть с этим нормально. Ирина сумела удержать контроль за переходом. Как и намечалось, сегодня 6 июля 1966 года, среда. И я, таким образом, отныне являюсь первым лично мне известным путешественником по времени. Ни о каких других времяпроходцах сведений, так сказать, не поступало. Жаль только, что я так и останусь известен весьма ограниченному кругу лиц и ни оркестров, ни красных дорожек, ни званий и наград не предвидится. В чем и заключается явное преимущество большинства литературных героев, что у них все кончается благополучно и заслуги вознаграждаются.

А мне... Мне хотелось одного — найти сейчас укромное место, где бы можно было спокойно все переосмыслить заново. С учетом открывшихся обстоятельств.

В сквере у Красных Ворот я сел на скамейку, почти скрытую со всех сторон кустами жасмина, придал себе беспечно-отдыхающий вид и стал приводить в порядок чувства и мысли. Все, что говорилось с Ириной там, с моей стороны был чистый треп, абсолютно безответственный. А теперь надо решать всерьез, с совсем иных позиций и — быстро. Сделать все, что мне поручено, и, может быть, действительно неузнаваемо изменить историю и дальнейший путь человечества? Или с негодованием все отвергнуть? И что тогда? Неужели имеющим такие, с нашей нынешней точки зрения, неограниченные возможности пришельцам помешает мой героический демарш? Скорее все-

го — нет. И своего они, раз уж взялись, так или иначе добьются. Найдут кого-нибудь другого, уговорят, сагитируют, купят, наконец. Не может быть, что я для них совсем уж такой уникальный исполнитель на этом свете. А что будет со мной в случае отказа? Сочтут контракт расторгнутым и, к примеру, просто не захотят вернуть меня обратно. И что я буду тут делать со своим паспортом в красной обложке, выданным через двенадцать лет, в 1978 году? А возможно, за саботаж у них еще и построже наказание полагается.

Впрочем, не во мне же главное. Но вдруг до того ясно, что я вдруг застонал, до меня все это дошло в полном объеме. Вот сейчас я могу встать, пойти домой, встретить там живых родителей, себя. Они тут вновь живут на свете, и до них всего несколько кварталов...

Мне жутко захотелось обратно. Вернуться, все забыть, заставить себя не думать... Не от страха. Скорее от инстинктивного стремления защитить психику от запредельной нагрузки. Все уже произошло в свое время, я смирился с потерями, и вдруг — все снова. Это как отрывать от ран присохшие бинты.

Я посидел с минуту, закрыв глаза и закусив губу, и вроде отпустило, как проходит внезапный сердечный спазм, вроде бы бесследно, но оставляя после себя неприятный, намекающий холодок.

Делать нечего, надо работать. Подрядился спасать Вселенную — действуй. Не зря сказано: издалека многое кажется непонятным и невозможным, но при ближайшем рассмотрении оказывается простым и естественным.

Когда Ирина меня готовила, я все слушал вполуха, как институтскую лекцию по ненужному предмету, и вдруг оказалось, что этот предмет и есть самый главный. Но основное я запомнил.

По улице Кирова я поднялся к главпочтамту, вошел внутрь и опустил в ящики те письма, что дала мне Ирина. Два местных, шесть — в разные города Союза и два за границу. Что бы в них там ни было написано, немедленной катастрофы они не вызовут, в этом я был уверен. Не может быть такого письма от частного лица другому частному лицу, чтобы оно произвело действие кардинальное. Если там описание открытия — его поймет только тот, кто и так уже на пороге, если сообщение об измене жены, так завтра все равно друзья намекнут. А если написать, к примеру, Насеру, что через десять месяцев и 29 дней начнется 6-дневная война, он все равно не поверит. Поскольку думает об этом иначе.

По телефону я организовал три встречи неизвестных мне людей. В том смысле неизвестных, что в своей прошлой, обычной жизни я никогда ничего об этих людях не слышал. Среди них были не только мужчины, и одним из звонков я как раз свел вместе мужчину и женщину, не знаю, к радости или к беде, в целях исключительно научных или, напротив, для устройства личной жизни. Еще одному человеку я перевел 500 рублей телеграфом, сделав приписку: «На известные вам цели. Виктор». По тем временам сумма достаточно солидная, но меня не столько она заинтересовала, как то, насколько глубоко пришельцы проникли в детали и хитросплетения нашей жизни, рассчитав даже, кому, когда, от кого и какую денежную сумму требуется послать. Вот тебе и капелька меда...

Следующее задание было для меня наиболее трудным и, если хотите, самым неприятным. Потому что касалось уже не абстрактных конвертов с письмами в неведомые адреса. Мне нужно было организовать опоздание на самолет некоего старшего лейтенанта медслужбы, а значит, вступить в непосредственное общение с людьми этого времени, грубо вмешаться в их судьбы.

Я не Остап Бендер и Джеймс Бонд какой-нибудь, всякого рода авантюрные проделки всегда плохо у меня выходили, я даже в розыгрышах не любил из-за этого участвовать. Так что до сих пор удивляюсь, что эта штука получилась у меня так гладко и даже, я бы сказал, изящно.

Я провожал своего старлейта в белой морской форме от квартиры до самого Внукова, тщетно ожидая какого-нибудь случая, который все решит сам собой и который, разумеется, так и не представился. Парень этот, лет двадцати семи на вид, сразу отчего-то вызвал у меня симпатию, хотя естественней было наоборот. У него было приятное, я бы сказал, аристократического типа лицо интеллигента далеко не первого поколения. В иных обстоятельствах я бы с ним с удовольствием побеседовал. Сейчас же, увы, мы друг для друга были всего лишь объект и субъект межвременного контакта.

Доктор, как человек пунктуальный, прибыл в аэропорт за двадцать минут до конца регистрации. И пока он стоял в не слишком длинной очереди на посадку, я отчаянно перебирал все свои довольно нереальные варианты. А время утекало неудержимо, тем более что в те идиллические времена никто и слыхом не слыхал о воздушном терроризме, и в самолеты сажали не только без досмотра, но даже и без паспорта. То есть оче-

редь двигалась быстро. И как-то вдруг, неожиданно, я придумал. Из ближайшего автомата, не упуская из виду своего клиента, я позвонил в аэропортовскую военную комендатуру, решительным и напористым голосом немаленького начальника из МУРа попросил, то есть почти приказал под любым предлогом на полчаса задержать стоящего у седьмой стойки опасного преступника в морской форме, приметы такие-то. Опергруппа на подходе, но тем не менее...

Или тон мой подействовал, или дежурный был прилежным читателем адамовских детективов, но через три минуты я наблюдал, как к старлейту подошел усиленный офицерский патруль, проверил документы и, невзирая на протесты, препроводил. Честно говоря, чувствовал я себя в этот момент крайне погано, хотя вполне вероятно, что этой акцией я открыл военврачу путь к бессмертной славе. Если он в этой истории столь важная фигура. А может быть, с той же долей вероятности, только что напрочь сломал человеку жизнь...

После этого в моих делах появился просвет, и я смог наконец, перевести дух и спокойно осмотреться.

Поначалу Москва показалась мне незнакомой, недостаточно праздничной, что ли, запущенной, грязноватой, в общем — не соответствующей моим ностальгическим, романтизированным воспоминаниям. Но чем больше я привыкал и вживался, чем дольше дышал воздухом ушедших минут, подстраивался под другой, гораздо более медленный ритм жизни, тем ближе мне становился этот полузабытый, мило провинциальный город моей юности. Спокойное уличное движение, гремящие трамваи в центре, целые кварталы ныне бесследно исчезнувших и довольно привлекательных на вид домов, девушки в юбках, которые через год стремительно укоротятся до самого некуда, а пока скромно прикрывают колени, ребята через одного в синих китайских брюках по пять рублей, лотки букинистов почти на каждом углу, с такими книгами, что если рассказать — не поверят; первая серия «Войны и мира» в «России» (все улицы заклеены афишами с Бондарчуком, Савельевой и Тихоновым), английская промышленная выставка в Сокольниках, выставка «Роден и его время» в Пушкинском музее, табачные ларьки с радугой сигаретных пачек давно исчезнувших марок, длиннейшая очередь возле «Детского мира» — продают новый сборник Асадова...

Все вспоминается, все это было, где-то тут я крутился в те дни — может, минуту назад пробежал вот этим подземным пе-

реходом... — знакомился с девушками, все больше с приезжими, как раз сейчас наплыв абитуриенток, толкался у входа в Дом кино, добывая два билета на «Загадочного пассажира», проникал на выставки, пил пиво из желтых бочек и шиковал сигаретами «Астор» и «Лорд», которые появились вдруг и так же навсегда исчезли. Словно и не уходил отсюда на двадцать долгих и так незаметно промелькнувших лет.

Но самое сильное ощущение в этом невероятном дне, жарком, даже душном, чуть пасмурном и безветренном, — люди.

Я смотрел на них, идущих по улицам, разговаривающих, стоящих в очередях, чему-то смеющихся или грустящих, и не мог не думать, что половина из них уже наверняка умерла и похоронена — любой почти человек, которому за пятьдесят, а сейчас — вот они, передо мной. Ни о чем не подозревают. Не догадываются, что прошли уже свой путь и существуют только потому, что сейчас я здесь. Не станет через несколько часов меня в этом пока еще вполне реальном мире, и они тоже мгновенно переместятся с улиц и площадей туда, откуда вызваны чужой волей на краткий миг. Вот где истинный парадокс. Страшновато...

А может, не стоит пугаться и удивляться? Не менее ли это страшно, чем обратное — когда ты сам умираешь, а все вокруг остается совершенно, до ужаса по-прежнему. Все живут, смеются, грустят, любят — и никому нет дела, что тебя, именно тебя, единственного, вдруг не стало и не будет больше никогда. А так и есть, и ни одного человека в XXI веке не волнует и не удивляет мое в нем отсутствие.

А я сам? Где я сейчас, что делаю? И если бы мне встретиться с тем, молодым, о чем бы мы говорили? Что я хотел сказать себе сейчас, от чего предостеречь и что подсказать? Наверное, ничего. Потому что это просто незачем. Ничего бы я этим не изменил. В лучшую сторону, я имею в виду. В худшую — запросто. Ну, допустим, увидев меня, он уверовал, что в любом случае доживет до моих лет, и по молодой глупости что-нибудь такое выкинул опрометчивое. А благие советы — кто их в девятнадцать лет слушает? Я, по крайней мере, наверняка не слушал тогда и не стал бы слушать теперь. Даже от себя самого. Или тем более.

Чтобы отвлечься, я стал думать, как бы мне отметиться тут, чтобы осталось доказательство, убедительное для меня самого, чтобы не мучиться потом всю жизнь, как герой Шекли, пыта-

ясь понять — в свой мир вернулся или в какой-нибудь параллельный?

Перебрал разные варианты, все они явно не подходили, а потом увидел вдруг вывеску и понял — в самый раз. Зашел в сберкассу и почти все свои деньги положил на срочный вклад. Риск, конечно, был — деньги последние, дома ни копейки, и поступлений не предвидится, но настроение было такое, что не до мелочных счетов. А подтверждение выйдет самое стопроцентное, на гербовой бумаге и с казенной печатью.

И осталось еще одно желание, самое последнее и самое заветное, которое глубоко сидело у меня в подсознании с того момента, когда Ирина впервые назвала дату моего десанта.

Я сел в метро, доехал до «Студенческой», перешел через улицу, свернул под арку возле магазина товаров для слепых с довольно бестактным, на мой взгляд, названием «Рассвет» и нашел скамейку в тени старых лип, с которой хорошо был виден весь двор.

Здесь жила девушка, та, может быть, единственная, которая была мне определена на всю оставшуюся жизнь, с которой когда-то все так хорошо началось под новый, такой теперь давний год и внезапно, неожиданно, нелепо кончилось. Из-за нее, этой девушки, я и не женился потом, оттого что никакая другая не вызвала в душе ничего похожего. (Конечно, другие девушки впоследствии имели место, но...)

Когда мы расстались, я начал даже писать стихи, и получалось вроде бы и неплохо. Что-то вроде: «Во сне увижу — буду плакать, проснусь, опомнюсь, улыбнусь...» Тогда мне хватило воли и характера уйти и больше никогда не искать встреч, не говорить жалких слов, а ведь было, было непреодолимое желание и год спустя, и два, и пять: разыскать, подойти — сильным, уверенным в себе, — взять за руку, предложить: «Давай с тобой так и условимся — тогдашний я умер, бог с ним, а с нынешним — остановимся и заново поговорим». Нет, не сделал этого.

И вот теперь, через двадцать лет, когда и вспоминать бы уже не следовало, я снова здесь. За месяц с лишним до рокового вечера в Серебряном Бору.

Я помнил время, когда она должна была появиться, и не ошибся. Она шла с гордо вскинутой головой, на плече сумка на длинном ремешке, легкая юбка вьется вокруг загорелых ног, резко звенят каблуки по каменным плитам, и звон их долго висит в колодце двора. Все три или четыре минуты, пока она не скрылась в подъезде, я смотрел не отрываясь, подавляя невы-

носимое желание окликнуть, подойти, заговорить. Смешное, наверное, и жалкое было бы зрелище...

Она исчезла в темном дверном проеме, моя первая, несчастливая, незабытая любовь, а я еще долго сидел, и в голове прокручивалась старая песня, которую тоже не вспоминал бог знает сколько лет: «На то она и первая любовь, пойми, чтоб мы ее всю жизнь не забывали...» А жил же и вроде забыл.

Медленно я вышел на улицу. Солнце уже сползло к дымному горизонту, и его краснеющий сплюснутый круг больше не слепил глаза. От недавно политого асфальта пахло влажной пылью и бензином. Оставалось последнее дело в этом времени и в этом городе. Я остановил такси, серую «двадцать первую» «Волгу» с красной крышей, такую старую, что она напоминала разношенный ботинок, сел на заднее продавленное сиденье.

— В центр, шеф, и не будем смотреть на счетчик. Хоть через выставку...

В машине был приемник, по «Маяку» передавали мелодии, под которые мы танцевали свои первые танцы на школьных вечерах: «Красивую мечту», «Серебряную гитару», «Маленький цветок»... Я чуть не выругался вслух. Что они все, сговорились, что ли?

— Куда теперь? — спросил всю дорогу молчавший таксист.

Я увидел, что машина поворачивает с улицы Горького на Манежную площадь.

— До ЦУМа, и хватит...

В Столешниковом я нашел подъезд нужного мне дома, поднялся на третий этаж по широкой чугунной лестнице. На площадке было сумрачно и тихо, сквозь витраж падали пятна разноцветного света. Вот дверь, обитая вытертым черным дерматином. Три звонка один под другим и таблички с фамилиями. Две нормальные среднерусские фамилии. А одна какая-то странная, нарочитая — Дигусар. Почему не Монодрагун? Из заднего кармана я вытащил предмет, который дала мне Ирина. Можно сказать, что он выглядел как дорогой и со вкусом сделанный портсигар. На рифленой золотой крышке замысловатый вензель из мелких, как бекасиная дробь, рубинов. Поднес эту штуку к середине двери — и нажал кнопку-защелку.

Дверь на мгновение расплылась перед глазами, словно вышла из фокуса, и тут же вновь все стало отчетливо. Только обивка теперь была совсем новая, стеганная ромбами и блестящая, как паюсная икра, и никаких звонков и табличек.

Я повернул фарфоровую ручку и вошел. Удивляться мне

просто надоело. Зато впервые за этот утомительный, несколько нервный день нашлось место, где можно было перевести дух, перекурить, не чувствуя на себе чужих глаз.

Сел в глубокое кожаное кресло, вытянул ноги и только теперь почувствовал, как устал за сегодняшний день. Так устал, что больше не оставалось сил ни на одно движение. Усталость происходила от какой-то непонятной безысходности, от плутания в бесконечном лабиринте проблем, когда за поворотом возникает другой поворот, ход оканчивается тупиком и теряешь терпение в нескончаемом переплетении развилок и троп.

Все в эти последние дни запуталось невероятно, сплелось и перемешалось: Ирина, иновселенцы, мои желания, намерения и сомнения, прыжок в прошлое, военврач, встреча на «Студенческой», наконец, эта квартира и то неведомое, что меня еще ждет здесь... Слишком много для одного. Кто я такой, в конце концов, чтобы решать и не за себя, а за всю мировую историю? Мне же взводом командовать не доставляло удовольствия, я люблю отвечать только за себя. Бросить бы все к черту, и пусть будет как будет... Только вот беда, ничего не бросишь и не переиграешь теперь. Как не вернешься обратно, шагнув в открытый люк... Квартира эта при ближайшем рассмотрении производила странное впечатление. В ней словно бы и не жили никогда. Обставили пять комнат дорогой и со вкусом подобранной мебелью, словно готовили интерьер для съемок фильма из дореволюционной жизни, навели идеальный порядок и ушли куда-то. Все настоящее — и все неживое. Единственный след чьей-то исчезнувшей жизни — раскрытая коробка «Северной пальмиры» на письменном столе и два окурка в ребристой хрустальной пепельнице. Я обошел все комнаты и коридоры, вновь вернулся в кабинет, взял из коробки папиросу, закурил. Вполне нормальный вкус.

Сквозь толстые стены и двойные рамы снаружи не проникали уличные шумы, от плотных портьер в комнатах стоял золотистый полумрак...

Черт знает, где меня носит...

Чтобы наконец разделаться со всем, я вытащил из нагрудного кармана письмо, что уже в машине отдала мне Ирина, разорвал конверт. Почерк у нее оказался удивительно четкий и правильный, я видел такой только в старых прописях по чистописанию. Нормальный образованный человек, по моим понятиям, писать так просто не может.

«Алексей, — писала она. — Я знаю, что ты мне так и не пове-

рил и считаешь меня шизофреничкой. Поэтому я не сочла нужным говорить тебе то, что сейчас пишу. Надеюсь, теперь твои взгляды изменились в должном направлении...» И дальше на трех страницах, в спокойном академическом тоне она сообщала мне, что квартира, где я сейчас нахожусь, является как бы опорным пунктом пришельцев, их операционной базой. Выключенной, как скала в реке, из нормального течения времени. По неизвестной причине ее прежний хозяин пропал без вести где-то в начале 60-х годов, и квартира застряла там же, как кабина лифта между этажами. И, разумеется, попасть в нее из середины 80-х так же невозможно, как сесть в ушедший двадцать лет назад поезд. Ирина предлагала, если я захочу, остаться там, где я сейчас, в роли полномочного резидента и эмиссара, то есть в такой же, какую сама Ирина занимает в нашем времени. Все необходимое для моей легализации в квартире имеется. Если меня такая перспектива почему-либо не устраивает, я могу возвращаться, как условлено, произведя определенные манипуляции с автоматикой управления. Инструкции прилагаются. Далее Ирина вдруг сбилась с официального тона.

«Алексей, чтобы не было никаких неясностей... Ты мне небезразличен, я хотела бы вновь встретиться с тобой. Я бы не должна этого говорить, но хочу, чтобы ты знал. Если же ты останешься там, то получишь возможности и способности, которые непредставимы для обычного человека. Мне будет жаль, что я больше не увижу тебя. Но ты, если захочешь, 1 августа 1972 года сможешь встретить меня утром, возле здания МГУ. Я буду там сдавать вступительные экзамены. Остальное зависит от тебя». Дальше она вновь вернулась к практическим вопросам. Письмо заканчивалось словами: «Как бы ты ни решил, тот предмет, что лежит в верхнем ящике стола, — твой. И пригодится в любой жизни. Прощай или до свидания. Ирина».

— Вот так, — сказал я вслух, аккуратно сложил письмо и спрятал в карман. — Делайте вашу игру, джентльмены...

Вновь прошел по комнатам, окидывая уже хозяйским взглядом предложенную мне служебную жилплощадь. Неплохо, совсем неплохо. Особенно при существующих нормах. И как я понял, квартплаты ни за основную, ни за дополнительную площадь с меня не потребуют. На данном историческом этапе ее регулярно вносят граждане Муравьев, Филиппов и тот же Дигусар. А как с легализацией? Хоть прописка мне и не нужна, все же как-то значиться в этом мире потребуется. Хоть бы даже в поликлинику обратиться...

Согласно инструкциям, я открыл секретер. Тоже неплохо, я бы даже сказал — вполне солидно. Полный набор всех существующих бланков принятых у нас документов, а также и все нужное для их оформления с приложением образцов заполнения. В других ящиках обнаружились деньги — даже не знаю сколько, заклеенные банковские пачки занимали никак не меньше полукубометра. Причем там была и валюта.

Жить можно будет со вкусом. Я даже зажмурился и для успокоения пошел на кухню, где в холодильнике видел пиво, настоящий «Будвар».

Вернусь на «Студенческую», найду способ познакомиться, и все будет, что было и не было, — ресторан «София», поездки на Истру, вокруг Европы, вечера на Воробьевых горах, ночи у костра в Саянах... И она получит то необычное и несбыточное, чего так хотела и из-за чего мы на самом деле, а не по придуманной ею причине, расстались... Подумаешь, разница в возрасте. И не такие примеры известны. Жить, правда, скучновато будет. Ох, как скучно! Знать все наперед, жить без мечты и надежд, без ощущения, что завтра вдруг случится нечто такое... По второму кругу читать газеты, журналы, книги, вновь смотреть те же фильмы. И ежедневно мудро-печально улыбаться, слушая чужие разговоры, планы и призывы. Вновь переживать бесконечную череду смертей, ходить на похороны, готовиться к ним за много месяцев. Неузнанным стоять в толпе на похоронах матери, потом отца, брата... Я же не смогу не пойти. Смотреть со стороны на себя... Нет, что-то здесь для меня не по характеру. Так что пусть, пожалуй, эта база-явка ждет кого другого. А меня ждет Ирина.

В верхнем ящике стола я обнаружил пистолет — «браунинг» 35-го года, тяжелый и весьма мощный. Оружие для серьезных дел. Мне он явно ни к чему, и не его, наверное, Ирина имела в виду. Там же, в плоской коробке, обтянутой кожей, нашлось и то самое. Черное устройство, вроде электронных часов на черном же пружинистом браслете. К прибору прилагалась инструкция, составленная на обычном для такого рода документов наукообразном языке.

«Гомеостат портативный полууниверсальный. Предназначается для поддержания и стимулирования приспособительных реакций организма, направленных на устранение или максимальное ограничение действия различных факторов, нарушающих относительное постоянство внутренней среды

организма. Максимально эффективен при постоянном ношении, может также использоваться кратковременно для диагностических и лечебных целей. Включается автоматически при замыкании браслета на левом или правом запястье пациента. При соответствии внутренней среды организма генетической норме цвет экрана зеленый. Желтый сектор указывает на степень нарушения внутренней среды. Сплошная желтая засветка экрана свидетельствует о степени нарушения, не совместимой с жизнью. Во всех остальных случаях гомеостат обеспечивает полное восстановление нормы в период от 4 до 6 часов в зависимости от тяжести нарушений. При постоянном ношении гомеостат гарантирует 100-процентную регенерацию тканей в случае механических, термических и химических повреждений (если таковые не вызовут одновременного полного разрушения организма вместе с гомеостатом), исключает воздействие на организм любого рода инфекций, токсинов, органических и неорганических ядов, алкоголидов, ионизирующего излучения и т. д. Запрещается: вскрывать гомеостат, подвергать воздействию магнитного поля напряженностью свыше 1 млн. гаусс, нагреву свыше 2000 К. Срок действия гомеостата не ограничен. Питание встроенное, в подзарядке не нуждается».

Вот такой прибор. Если бы даже все ранее случившееся меня не убедило в существовании пришельцев и высоком уровне их развития, теперь сомневаться в этом было бы недостойно мыслящего существа. Всякий скептицизм должен иметь предел. Я надел гомеостат на левую руку, а часы сунул в карман. Придется теперь завести карманные, чтобы не вызывать у окружающих ненужного любопытства. Видел, кстати, в одной комиссионке шикарный золотой «Лонжин» с репетиром. Как биологический объект, защищенный от внешней среды, я могу себе это позволить — за счет экономии на лекарствах.

На обещанном поле экрана высветился желтый сектор, закрыв зелень процентов на 45. Для своих лет, оказывается, я неплохо сохранился, даже половины ресурса еще не выработал. А теперь, выходит, стану здоровым, как Гагарин перед стартом. И буду таковым неограниченно долго, если не допущу одномоментного полного разрушения. Что это может значить в наших условиях? Прямое попадание шестидюймового снаряда, наверное. Или падение в кратер действующего вулкана. Постараюсь избегать.

Мне стало как-то непривычно весело. Пожалуй, мое пожелание Ирина восприняла всерьез. Тогда и все остальное может иметь значение. А еще говорят, что нельзя верить женщинам.

Я не знаю точно, когда меня отсюда вытолкнут, и минут сорок бродил вдоль и поперек поляны, курил, смотрел в небо, где с юга наползала черно-фиолетовая грозовая туча. Не зря день был таким томительно-душным. Внутри была звенящая пустота, но все же я держался. Скорее всего — уже на чистом упрямстве. Потому что физических сил остаться не должно было. Меня даже не волновало, как я вернусь и вернусь ли.

Все снова произошло неуловимо. Деревья чуть подпрыгнули вверх, листва на них стала желтой, а с некоторых совсем исчезла.

Но машины на поляне не оказалось. Короткий импульс страха, как удар под дых. Впрочем, это сразу прошло. Поляна та же самая, вот следы от машины и вот окурок в траве. А Ирина? И только сейчас я окончательно понял, что не покушения на свою честь она испугалась, когда я подхватил ее на руки. Скорее всего мой дурацкий шаг из указанной точки мог что-то нарушить, сбить наводку, допустим, и, оттолкнув меня, сама она могла провалиться черт знает в какое завихрение или дыру во времени.

Третий раз за этот растянувшийся на два десятилетия день я повторил свой путь в электричке, угнетенный и подавленный. Пришел домой, не раздеваясь, повалился на тахту и сразу отключился...

А Ирина так до сих пор и не появилась. Все мои попытки отыскать ее окончились ничем. Я обошел все квартиры на Переяславке, раз десять ездил на ту поляну, заходил на Столешников. Там тоже ничего, хоть и исчезли три звонка и таблички с фамилиями — квартиру занимает генерал-полковник авиации.

Но надежды я все же не теряю. Не могут, по-моему, ее могущественные друзья допустить, чтобы она так и исчезла в дебрях времен. И она ведь обещала, что мы встретимся.

За окнами падает снег. Медленный, декабрьский, московский. Низкое небо почти касается крыш. В нашем мире пока ничего не изменилось. Я перелистал все возможные энциклопедии и справочники.

Ни один из тех, кому я отправлял письма, в них не значится. Интересно бы узнать судьбу старшего лейтенанта, но управление кадров ВМФ вряд ли мне ответит.

Вклад в сберкассе оказался на месте и тем самым неопровержимо подтвердил, что никаких парадоксов нет и, возможно, вообще не бывает. Я освоился с новым физическим состоянием абсолютного здоровья. Оказывается, я давно забыл, что это значит, и ощущение было весьма необычным, сравнимым разве с тем, что я чувствовал в раннем детстве. Удивительная бодрость, легкость в теле, свежесть и ясность мыслей. Да и внешние изменения... Пришлось даже отпустить усы и бороду, чтобы не бросалась в глаза знакомым моя слишком уж помолодевшая личность. Даже старые шрамы исчезли. Как-то появилась мысль для эксперимента сунуть руку под дисковую пилу, но по зрелом размышлении решил воздержаться. И — еще одно. Самое необъяснимое, даже с тех позиций, о которых говорила Ирина. Я теперь умею угадывать выигрышные номера в «Спортлото». Все шесть. Или пять. В зависимости от вида игры. Четко за неделю. Я проверил экспериментально. Убедился несколько раз — и бросил опыты. Потому что выходит так, что я не угадываю выигрышные сочетания, а сам их создаю. А это совсем другое дело. Случайно так получиться не может. Слишком избирательный эффект. Если допустить, что это аккордная плата и полный расчет, то я могу чувствовать себя оскорбленным. Словно полтинник на чай дали. За спасение двух вселенных.

А если нет? Может, все ерунда — и прыжок в прошлое, и письма, перевод, старлейт, квартира? А весь смысл и цель, по извращенной логике, в том, что я стану нарушителем закона причинности? Или, злоупотребив даром, сказочно обогащусь, нарушив в стране денежное обращение? Или, лишенный забот о хлебе насущном, создам бессмертные полотна, которые потрясут сердца и души людей? Или, напротив, погрязну в сытости и роскоши, чего-то самого главного не совершив?

А может быть, все и было затеяно только для того, чтобы я еще раз бросил самый последний, прощальный взгляд вслед юной девушке в клетчатой юбке, с прической «конский хвост»... И временами появляется еще одна мысль: вдруг все случившееся совсем ничего не значит, не имеет самостоятельного смысла. А было это испытание, подготовка к чему-то. А может — каприз женщины с нечеловеческими возможностями... Не знаю, не знаю. И делаю сейчас только одно. Как граф Монте-Кристо — жду и надеюсь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Жду твоего звонка...

К сожалению, не существует службы, которая изучала бы и анализировала все события, происходящие на Земле, в едином комплексе их взаимосвязей, оценивая суть, тайный смысл, необходимость и случайность. Это практикуется некоторыми экономическими, политическими и военными организациями, но по отдельным регионам, проблемам и ситуациям. А в масштабах планеты для этого пока нет технических, а главное — других, более важных предпосылок и возможностей.

Но если все-таки кто-нибудь имел бы возможность охватить единым взглядом все случившееся за последние четыре месяца, то картина ему представилась бы поразительная.

Словно неведомая сила перемешала и спутала все графики, планы и расписания, которыми руководствуется в повседневной деятельности история, судьба или, как раньше говорили, провидение.

Многие люди, которым в эти дни полагалось бы стать жертвой болезней и несчастных случаев, уцелели, а другие, напротив, без видимой причины и необходимости умерли или пропали без вести. В разных концах света внезапно составились, а равно и рассыпались в прах крупные состояния. Награды нашли лиц, которые не только не были к ним представлены, но и не имели права на такое представление. Возникли или вдруг прекратились без чьего-то осознанного воздействия крупные политические скандалы. Итоги выборов в отдаленных и мало кого интересующих странах вдруг потрясли политологов и аналитиков, заставив их срочно пересматривать свои желания, выкладки и теории. Неизвестно отчего взорвался на старте космический корабль одной великой державы, сам по себе синтезировался в чьей-то лаборатории новый трансурановый элемент, студент-троечник без видимого труда расшифровал наконец письмена острова Пасхи, и случилось еще многое, многое другое, что удивило, осчастливило, повергло в ужас и отчаяние тех, кого это непосредственно касалось, дало богатую пищу журналистам — охотникам за сенсациями, но по-настоящему не

заинтересовало разделенное на блоки и государство, и ко всему привыкшее человечество...

И уже никому, разумеется, не могло бы прийти в голову, что причиной всех этих катаклизмов, катастроф и счастливых совпадений явилась молодая, очень красивая, но совсем не по сезону одетая женщина, только что остановившая свою машину во дворе одного из старых домов на Рождественском бульваре.

Свирепая февральская метель, внезапно для синоптиков сорвавшаяся с цепи где-то над Новой Землей, ударила по Москве, и город исчез, растворяясь в косых струях стремительно несущегося снега. Термометр упал ниже тридцати и, похоже, собирался падать еще. Словно вернулись те давние, уже легендарные времена, когда такие зимы и такие метели были в порядке вещей.

...Ирина захлопнула дверцу и, согнувшись пополам, одной рукой прикрывая глаза, а другой придерживая у колен юбку, перебежала двор и наконец очутилась в подъезде. Эти последние тридцать метров по двору и четыре марша вверх по лестнице стоили ей не меньше, чем велосипедисту финишный рывок после пятидесятикилометровой шоссейной гонки.

Она кое-как стянула насквозь мокрые сапоги, юбку, свитер и без сил упала на тахту, до глаз натянув одеяло.

Ситуация, конечно, сложилась совершенно отчаянная. Мало того, что своим неуместным порывом Берестин деформировал псевдовременное поле и ее отбросило вперед, так взбаламутив поток времени, что пока даже трудно представить, к чему это приведет, но в довершение всего она оказалась в эту сумасшедшую пургу на глухой лесной поляне, по колено заваленной снегом. Страшно вспомнить, как она разгребала снег под колесами, надрывая мотор и буксуя, ползла через заносы в насквозь продуваемой и пронизываемой снегом легкой одежде, искала дорогу в белой воющей мути. Вряд ли не только современная элегантная женщина, но и обычный городской мужчина смог бы выбраться, оказавшись на ее месте. Как известно, даже матерые ямщики замерзали на своих рабочих местах...

Ирина лежала, уткнувшись лицом в подушку, в выстуженной, через открытые еще с лета форточки, квартире, где за время ее отсутствия поселился отвратительный нежилой запах, вслушиваясь в вой метели за окнами, стуки и дребезжания, доносившиеся с чердака и крыши, где, наверное, оторвало лист железа, и до того ей было смутно, тошно, томительно на душе, что хотелось разрыдаться. Но не получилось.

Если можно было б сейчас оказаться в мастерской Берестина, сесть, поджав ноги, в кресло у горящего камина, попросить Алексея приготовить глинтвейн и, согреваясь, слушать его рассказ о том, что и как с ним было там, в не прожитом ею прошлом! И больше не прятаться от него за маской неприступности, а напротив, дать понять, как хочется услышать от него что-нибудь ласковое, нежное...

И это, увы, сейчас более чем недостижимо. Даже если Берестин не поддался на ее, честно сказать, не от большого ума сделанное предложение остаться там, в 66-м году. Она не могла бы сейчас объяснить, для чего ему это предложила. Чтоб окончательно убедиться, что он именно таков, каким старался ей показаться? Или все же была попытка любой ценой остаться на страже интересов долга, «великой миссии»?

Даже если Алексей не поддался на соблазн ее предложения и все у него прошло нормально, он вернулся сейчас в тот же теплый октябрьский день и между ними — четыре непреодолимых месяца. И что произойдет, если она все же сумеет как-то исправить положение? Теория, которую она изучала, таких случаев не предусматривала.

Но, несмотря на все эти отчаянные мысли, усталость была так велика, что планировать и последовательно анализировать положение она просто не могла. Согреваясь и чувствуя, как расслабляется перенапряженное тело, утихает нервная дрожь в мышцах, Ирина начала соскальзывать в сон.

И на самой грани сна и яви ей пригрезилось то ясное, прохладное утро, с которого все и началось.

...Мокрый после прохода поливальных машин асфальт, длинные утренние тени, ослепительный диск солнца над крышами Исторического музея, сочная зелень лип, шумные толпы абитуриентов перед старым зданием университета. И среди них она, пришедшая на первый вступительный экзамен.

Восемнадцатилетняя красавица-провинциалочка, приехавшая учиться в столицу. Оптимальный вариант для внедрения в земную жизнь. Аттестат, паспорт, школьная характеристика, справка номер 286 — вот и все документы. И неограниченное право на ошибки, промахи, вполне простительные для девочки, никогда не покидавшей до этого далекий южный городок.

Молодость, наивность и красота — что может быть надежней и неотразимей?

Экзамены она сдала с блеском. Тогда же, впрочем, наметились и первые непредвиденные сложности. Надменная дама на

экзамене по истории всеми силами старалась ее завалить, раздраженная непробиваемой самоуверенностью девчонки, фигурой и ее диоровским костюмчиком.

— А кто ваши родители, девушка? — спросила она после пятого, кажется, дополнительного вопроса.

— Мама — врач, а папа — управляющий курорторгом...

Дама скривилась, как от сказанной вслух непристойности. Или от чего-то другого.

— Ясно... А что вы можете сказать о «Русской правде» Ярослава Мудрого?

Уже позже Ирина поняла свою ошибку. Ей следовало подобрать гораздо более скромную внешность и гардероб комплектовать, ориентируясь не на импортные каталоги, а на ассортимент местной швейной фабрики. Психологически гораздо выигрышнее возбуждать у окружающих женщин, тем более облеченных хоть какой-то властью, презрительное сочувствие, а не зависть...

Но обратного пути не было, пришлось перестраиваться и приспосабливаться на ходу. Диоровский и неккермановский гардероб она сменила на джинсы, неброские свитера и куртки, с помощью косметики научилась сводить свою внешность к допустимому среднему уровню, быстро уловила нравы и обычаи непосредственного окружения.

И при всем том жизнь на Земле и в Москве ей сразу понравилась. Понравилось все: невиданная ранее свобода, независимость, огромные темно-красные корпуса общежития, комната на восемь коек и веселая студенческая жизнь. Ее ощущения были сродни чувствам человека, вернувшегося в живой и многолюдный мир после многих лет, проведенных на необитаемом, хотя и комфортабельном, острове.

Она жила и наслаждалась жизнью, попутно постигая неуловимые тонкости и детали, определяющие бытие московской девушки последней трети XX века, училась чувствовать и думать, как положено землянке по рождению, а не просто хорошо подготовленному агенту иного разума.

Это было нетрудно и даже доставляло дополнительное удовольствие.

...Утром Ирина встала отдохнувшей и от этого смотрящей на жизнь несколько более оптимистично.

За окнами по-прежнему бесчинствовала полярная вьюга, и на улицу выходить совсем не хотелось, да и не было пока необходимости. Полдня она приводила в порядок квартиру. Мыла,

чистила, вытирала пыль, полировала натертые воском полы. За этой работой она и наметила первые, пока весьма предварительные варианты действий.

Самый простой и надежный оказался лежащим практически на поверхности, сулил почти верный успех, но обратиться к нему вот так сразу мешала прежде всего гордость — самая обычная, женская, и, поняв это, Ирина подумала, что адаптация перешла все допустимые теорией и правилами пределы.

Наведя порядок, она кое-как перекусила тем, что нашлось в холодильнике и не успело испортиться за время ее отсутствия. И мысль о необходимости пополнить запасы продовольствия вновь вернула ее к инстинктивно отвергнутому варианту. Даже и не варианту, а подсознательному душевному порыву кинуться за помощью к единственному в Москве человеку, который без всяких ненужных вопросов и условий сделает для нее все, что в его силах. Но для этого ей надо заставить себя по-иному отнестись ко многому в прошлом.

Одевшись по сезону, она вышла во двор. За ночь машину занесло толстым слоем снега, и от одной мысли, что придется разрывать этот сугроб, прогревать двигатель, ей стало не по себе. Лучше уж пешком.

Снег с воем и свистом, словно в аэродинамической трубе, несся вдоль улиц, а на перекрестках дул, кажется, со всех четырех сторон сразу. Но ей это даже нравилось сейчас, нравилось преодолевать упругое сопротивление воздушного потока, чувствовать, как горит лицо, вообще ощущать себя внутри этого буйства стихий. Любая непогода с первых дней ее пребывания на Земле отчего-то возбуждала ее, а безветрие и ясное небо, наоборот, вызывали тоску и скуку.

Обойдя центральные магазины, Ирина решила, что теперь вполне можно приглашать к себе гостя, который, как она хорошо помнила, весьма неравнодушен к ее кулинарным способностям. Подгоняемая попутным ветром, почти бегом она вернулась домой.

...Если две комнаты ее квартиры выглядели именно так, как и должно выглядеть жилище молодой, одинокой и обеспеченной женщины с тонким вкусом, то третья, вход в которую скрывало фотопанно с репродукцией «Оперного проезда в Париже» Писсарро, являло нечто среднее между корабельной радиорубкой, вычислительным центром и кабинетом журналиста-международника. Если бы заглянул сюда какой-нибудь гость, он подумал бы именно так, увидев микрокомпьютер, плоский

телевизор с полуметровым экраном, нечто вроде передатчика армейского образца, несколько телефонов, селекторов и еще какие-то приборы неизвестного на Земле вида и назначения, стеллажи до потолка с книгами, разноцветными папками, видео- и магнитофонными кассетами. Здесь было все, что ей требовалось для работы.

Основой и сутью всего был здесь один-единственный прибор размером с баскетбольный мяч, который она принесла с собой оттуда, остальное же собиралось на Земле из готовых элементов и подручных материалов. И в результате она имела доступ к любой имеющейся в фиксированном виде информации, а подключаясь к мощным компьютерным сетям Земли, могла эту информацию сопоставлять и анализировать, моделировать любые процессы и ситуации, приближаясь тем самым по одному из параметров к самому Господу Богу, который, как известно, всеведущ. Хотя и уступая ему же по остальным показателям.

Ирина включила компьютер, набрала на клавиатуре условный номер нужного ей человека, и на дисплее тут же возникли необходимые ей данные, в том числе телефон и место его нахождения в данную секунду.

Еще серия микрокоманд — засветился экран телевизора, и возникло изображение большой комнаты со многими столами, заваленными бумагами, со многими людьми, одни из которых торопливо писали, окутываясь табачным дымом, другие, столпившись в обширном эркере, обменивались анекдотами, свежими и не очень, третьи, явно тут посторонние и даже не очень желанные, терпеливо ждали, когда на них обратят внимание.

Ей нужен был высокий худощавый мужчина, или, по ныне принятой классификации, парень лет тридцати — тридцати пяти, с резкими чертами лица и насмешливыми внимательными глазами, в потертом кожаном пиджаке и черном свитере с высоким воротником. Он боком сидел на краю одного из главных здесь столов и терпеливо смотрел, как столоначальник, толстый, лысый и при этом неумеренно бородатый, с увлечением, время от времени облизывая полные губы, листает яркий иностранный журнал.

— Я же тебе говорил, — услышала Ирина его слова, — никогда она сроду в этом фестивале не участвовала, ты все перепутал...

Ирина сняла трубку ближайшего телефона, набрала номер. Аппарат на столе бородатого зазвонил.

— Извините, — сказала Ирина волнующим голосом, — не могли бы вы посмотреть, у вас там где-то должен быть товарищ Новиков, известный писатель...

Толстый с недоумением посмотрел на трубку, потом с еще большим — на своего визави.

— Это ты — известный писатель?

Новиков пожал плечами.

— Минуточку, девушка, я вас сейчас соединю... — Одной рукой он протянул собеседнику трубку, другой схватил фломастер и крупным корявым почерком написал на обороте листа лежащей перед ним рукописи: «Новиков, изв. пис., мания велич., бабы, развить, обыграть» — и сунул этот лист в стол.

— Здравствуй, Андрей, — сказала Ирина.

На расстоянии вытянутой руки она видела его лицо, на котором недоумение и растерянность сменились огромным удивлением.

— Ирина? Ты? Откуда? И как ты меня здесь нашла?

— Ну, Андрей, ты разве уже забыл, что я ведьма?

Ей вдруг стало стыдно, что она смотрит на него в упор, а он этого не знает, и она выключила изображение.

— Да, конечно... Но все же... Где ты, как?

— Долго рассказывать. Ты помнишь свое обещание?

— Какое? — в его голосе прозвучало искреннее непонимание, Ирина закусила губу, но Андрей тут же поправился: — Ах да, конечно! Я тебе нужен?

— Нужен, Андрей. И очень... Ты скоро освободишься?

— Хоть сейчас. Где тебя найти?

— У Сретенских Ворот удобно?

— Понял, жди. Через полчаса буду...

Ирина повесила трубку.

Накрывая стол для праздничного ужина вдвоем, Ирина с грустной усмешкой подумала, что, наверное, есть доля истины во взглядах ее соплеменников-еретиков, утверждающих, что нет двух космических рас и двух цивилизаций, а есть один народ, разнесенный по времени и зеркально в нем отраженный. Иначе действительно трудно объяснить, отчего у нее все так сложилось и откуда у нее такие слишком человеческие эмоции.

...В первые годы на Земле, пока она вживалась и приспосабливалась, мужчины ее не интересовали. Для выполнения поставленных задач и сбора информации женского общества ей вполне хватало. Потребности же в неформальном общении с противоположным полом у нее еще не было, тем более что тео-

ретически мужскую психологию она изучала довольно подробно и затем на практике убедилась, что сама она интересует мужчин в весьма утилитарном смысле.

И хотя где-то курсу к третьему ее мнение по этому вопросу постепенно начало меняться, в своих кругах у Ирины сложилась достаточно прочная репутация. Ребята называли ее недотрогой, ледышкой, снежной королевой, а девушки нашли свои, гораздо менее приличные обозначения и клички. Вдобавок подруги очень четко ощущали ее нестандартность и тщательно скрываемое превосходство. Ну и, конечно, ее внешние данные очень многих раздражали до остервенения.

Ирина постепенно оказалась в изоляции, не слишком явной, но прочной. Ее избегали приглашать в тесные компании, с ней не делились тайнами и не сплетничали. Это не мешало заданию и соответствовало намеченной роли, но ее задевало, и довольно болезненно. Значит, она слишком адаптировалась, переступила какую-то грань. При подготовке от подобного предостерегали как от серьезной опасности.

Борясь с собой, она ушла из общежития, сняла однокомнатную квартиру в Северном Чертанове, стала жить еще более замкнуто и одиноко, решив полностью сосредоточиться на делах служебных.

Вот тут и случилась ее первая встреча с Новиковым, с которой, собственно, все и началось.

...Она медленно шла по набережной. Настроение было отвратительное. Наверное, думала она, наступил как раз тот кризис, о котором ее предупреждали. Когда все кажется ненужным и бессмысленным, цель настолько далекой и нереальной, что не стоит приносимых ею жертв, а пребывание в чужом мире — непереносимым. И хочется одного: бросить все и вернуться обратно, домой. Неважно, что дома своего ты не помнишь и почти ничего о нем не знаешь (он представляется ей похожим на тот земной южный город, откуда она якобы родом)... Так и должно быть. Если бы Ирина отчетливо помнила реалии иного мира, здесь она вообще не смогла бы жить и работать. Умом она все это понимала. Теоретически можно вернуться обратно в любой момент, а на практике... Везде она теперь чужая.

Ирина свернула на мост. Вдали, почти у середины, увидела стоящего у перил человека и ощутила легкую тревогу. С чего бы? Бояться ей нечего, защитить себя она всегда сумеет. Прибли-

зившись, услышала тихую музыку и различила, что, опираясь спиной о парапет, засунув руки в карманы белого с поднятым воротником плаща, стоит и курит молодой, похоже, парень. Если судить по месту, позе и магнитофону. Сначала, как помнится, она обратила внимание именно на музыку. «Сент-Луи блюз» в очень хорошем исполнении. Далеко не каждый будет стоять ночью над рекой и слушать классический джаз.

Она поравнялась с этим парнем, успела увидеть, что он действительно молод и даже весьма недурен собой, почти в том вкусе, что у нее к этому времени сложился. И тут он ее окликнул:

— Вы не можете постоять здесь немного?

Она остановилась, посмотрела внимательно в его лицо. Он тоже смотрел на нее спокойно и молча ждал.

— Что, тоска? — спросила Ирина. — Подруга не пришла?

— Не в подруге дело...

— Тогда хуже. Тоска без причины. Это мне знакомо. — Она подошла к парапету, заглянула вниз, на темную поблескивающую воду. Минуту оба молчали.

— Что вы курите? — спросила Ирина, давая ему повод продолжить беседу.

— «Вавель».

— Не слышала. Польские?

— Да, краковские. Неплохие. Составите компанию?

Она не курила, не находя в этой земной привычке никакого удовольствия, но дым пускать научилась, чтобы и тут не выделяться.

Сколько-то времени они молча курили, исподволь поглядывая друг на друга. Потом она спросила:

— А вы не туда, случайно, собрались? — показав на реку.

— Нет. Вот это — нет. Тут я с Джеком не согласен.

— Каким Джеком? — не поняла она.

— С Джеком Лондоном. В этом вопросе мы с ним резко расходимся.

Еще помолчали. Ирина даже начала испытывать резкое раздражение: обычно при встрече с ней молодые люди, стараясь произвести впечатление, болтали без перерыва.

— У всех сложности, — сказала она. — Даже сейчас: заговорила с совершенно незнакомым человеком, и у него тоже какие-то жуткие проблемы и мировая скорбь. Разве нет?

— А что вы хотите? Оригинальность в мыслях и чувствах встречается еще реже, чем в поступках.

— Пожалуй, — кивнула она. Спросила: — Вы женаты?

— А разве похоже?

Так они несколько минут перебрасывались ничего не значащими фразами, потом парень замолчал, выдержал длинную паузу и сказал:

— Конечно, нет.

— Что — «нет»? — удивилась Ирина.

— Я прокрутил до конца наш возможный диалог и ответил на вашу последнюю реплику. Вы должны были сказать: «Как я понимаю, нам сегодня не следует знакомиться...» Я с вами согласился.

Ирина впервые посмотрела на него с подлинным интересом и уважением. Действительно, нечто подобное она имела в виду сказать в заключение этой необычной встречи, и не так уж на поверхности это лежало.

— Вы ученик Вольфа Мессинга?

— Нет, я просто психолог. Поэтому считаю, что нам нужно перейти на «ты» и не знакомиться как можно дольше. Мы с тобой люди одной серии...

— Что это значит?

— Видишь ли, набор психотипов человека довольно ограничен. Как есть четыре темперамента, так существует примерно три десятка основных психотипов. Остальные различия между людьми определяются разницей в возрасте, воспитании, опыте, эрудиции, национальности... Если совпадает психотип, а также и темперамент, возраст, культурный уровень, то можно говорить об одной и той же серии. Как бывают серийные корабли или самолеты.

— Или автомобили, — добавила Ирина.

— Нет, автомобили — это слишком массовое производство, в них почти нет индивидуальности. А вот корабли одной серии все одинаковые — и все чуть-чуть разные. У каждого своя судьба... — Он увлекся разговором и в подтверждение своей мысли привел несколько примеров из жизни эсминцев серии «Новик».

— Это все ты сам придумал? — спросила Ирина, имея в виду жизнь людей, а не кораблей.

— Да, это моя теория. Непризнанная, конечно. Корифеи говорят — слишком механистическая и метафизическая.

Незаметно для обоих они уже перешли мост и поднимались вверх, к площади Ногина.

— На улице я тебя днем не узнаю, если встретимся, — сказала она.

— Это и к лучшему. Хорошо, когда в жизни появляется что-

то не до конца понятное. А то как у всех... поболтались бы сейчас по улицам, зашли куда-нибудь выпить сухого или лучше шампанского, потом завернули бы к тебе или ко мне, — медленно рассуждал он вслух. — Только нема в том ниякого сенсу...

— То пан стучно мувит, нема сенсу, — согласилась Ирина.

— О! Пани размовляет по-польску! — восхитился он.

«Пани размовляет на любом языке», — подумала она, но ответила только:

— То есть так.

И дальше они продолжают разговор на польском. Акцент у него ужасный, но говорит он вполне свободно и даже изысканно, как старый варшавяк.

— Вот видишь, моя теория блестяще подтвердилась в первые же полчаса, а они говорят — лженаука, профанация! — веселился ее странный собеседник, но, к удивлению Ирины, совсем не пытался узнать, откуда она знает язык, хотя за эту тему он мог бы зацепиться, наговорить комплиментов ей и заодно себе, вообще использовать удобный случай что-нибудь про нее выведать.

Часа два они бродили по улицам, старательно избегая всего, что могло показаться банальностью в словах и поступках. И даже когда он, забывшись, предложил проводить ее, она со смехом отказалась. Не позволила и в троллейбус посадить.

— Нет, прямо вот сейчас расстанемся. Я направо, ты налево. А если хочешь, встретимся через три дня в то же время на том же месте. Будет хоть что-то необычное в жизни...

— Пусть так. Только вот еще — если один из нас не появится, считаем, что он умер. И оставшийся устроит ему поминки и закажет панихиду. В костеле...

— Это как-то уж слишком мрачно. Но я обещаю: если буду в состоянии двигаться — приду. Или любым способом дам о себе знать...

— И я. Слово шляхтича!

Ирина протянула ему руку, и он галантно коснулся ее губами.

...Она возвращалась домой, и впервые за последнее время ей было как-то необычно хорошо. Чего скрывать, этот парень ей просто понравился. Она знала, что следующей встречи будет ждать с нетерпением. С улыбкой вспомнила: когда они вошли в полосу света и он увидел ее лицо, то явно был поражен, но мгновенно взял себя в руки. Что ж, в список его достоинств смело можно записать еще и немалую выдержку. Кто бы на его

месте, увидев, с какой немыслимой красавицей (она объективно оценивала свою внешность) свела его судьба, кто бы смог так тонко не придать этому значения?

...И на это отдаленное от предыдущих многими годами свидание он появился с обычной точностью. Едва Ирина вышла на условленное место, рядом затормозило такси, из него выскочил Андрей. Щелкнул дверцей, и машина сразу же исчезла в снежной мути, а он, оглянувшись, увидел ее, и по лицу его Ирина поняла, что он не лицемерил по телефону, а действительно с нетерпением и радостью готовился к встрече.

Новиков обнял ее за плечи, коснулся губами ледяной щеки; чуть не всерьез, как бы подчиняясь протоколу, подал гвоздики в целлофане — два белых и три красных цветка; и они заскользили вниз по бульвару по раскатанным ледяным дорожкам.

У ворот дома она чуть не упала, он подхватил ее, на мгновение прижал к себе, и у нее по-старому замерло сердце.

В прихожей он помог снять ей дубленку, теперь уже при ясном свете всмотрелся в ее лицо.

— Ну, Иришка, ты все хорошеешь. Что-то я по пути мало сраженных тобой мужиков заметил... Или тела регулярно убирают?

— Мужик нынче слабый пошел. Метель всех распугала...

— Сколько же мы не виделись? Да пустяк, в общем-то. А как расцвела.

Она пошла приводить себя в порядок и через открытую дверь видела, что Новиков цепко и внимательно осматривается, стараясь в первые же минуты понять, кто она сейчас, что ее окружает и какие из этого следуют выводы.

Заметив в глубине комнаты накрытый стол, демонстративно довольно хмыкнул, выразительно потер руки, повернулся к Ирине и сказал:

— А кажется, я действительно не зря через весь город гнал. А на горячее что будет?

— А вот потом и увидишь. Учти, что ужин еще отрабатывать придется.

— Это уж как водится. Службу знаем. Работа наша, харчи ваши...

Ирина открыла дверцу бара, достала бутылку итальянского вермута, который он когда-то любил. Андрей благодарно кивнул, налил в широкие бокалы на треть, добавил лимонного сока

и льда. И заскользил дальше легкий, необязательный разговор, словно расстались они всего на днях и не стояли между ними эти долгие годы, а вместе с ними — два очень неудачных, бессмысленных прощания...

Особенно грустно было вспоминать первое. Наверное, оттого, что началось все слишком хорошо. Она тогда очень быстро и по-настоящему влюбилась в Андрея, это было непривычно и восхитительно. Каждый день без встречи тянулся мучительно бесконечно, и думала Ирина только о предстоящем свидании. И при этом они месяца два продолжали никому уже не нужную игру в инкогнито. Пока она первая не нарушила договор. Конечно, в пределах легенды. Но справедливость требует сказать, что о своем инопланетном происхождении она тогда почти и не вспоминала.

Лишенная врожденных женских предрассудков, она, может быть, держала себя с Андреем слишком раскованно, не старалась скрыть своего к нему отношения, даже напротив. Она научилась целоваться в двадцать один год и предавалась этому занятию с восторгом новообращенной. Совершенно не стеснялась Новикова и, если позволяла обстановка, купалась при нем обнаженной, счастливая от того, что он восхищается ее красотой.

Вот только Андрей выводил ее из себя своим подчеркнуто джентльменским обращением и нежеланием злоупотреблять представляющимися возможностями. В моменты самых нестерпимых страстных объятий он ухитрялся сохранять контроль над собой и, балансируя по краю, за него не переступал.

Было в этом нечто для нее странное и даже обидное.

Только когда они поехали однажды в Боголюбово под Владимиром и на обратном пути их застала ночь, они сидели у костра, а потом забрались на свежий стог и, обнявшись, смотрели на низкие звезды, тогда наконец все и произошло. После этого у нее был еще целый год, который и сейчас еще можно назвать самым счастливым. А потом она поняла, что Андрей не любит ее. И никогда не любил. Вернее, любил, но скорее — как хорошего и верного товарища. Он не изменял ей, всегда был ласков, нежен, предупредителен, и если бы она не была тогда максималисткой, вполне могла бы не придавать значения тому, что он ни разу не сказал ей «люблю». Говорил все, что угодно, но не это. А ее это бесило, иногда приводило в отчаяние.

Потом все кончилось само собой. В один из дней он пришел к ней и сказал, что его посылают за границу. На два года.

И чуть-чуть неуверенно (но она это сразу почувствовала) спросил:

— Поедешь со мной?

Она все об этой поездке знала давно и все обдумала. Уезжать из Москвы ей было нельзя, она еще слишком всерьез относилась в то время к своей миссии и за весь этот год ни разу не намекнула Андрею, кто она на самом деле. А его отъезд был прекрасным поводом поставить точку на их безнадежных и мучительных отношениях.

— Нет, Андрей, не поеду.

Так они и расстались в первый раз.

Ей сначала было очень плохо — ничуть не лучше, чем обычной земной девушке в подобном случае, не помогли ни подготовка, ни умение управлять своими эмоциями.

Зато никогда Ирина не работала так увлеченно и эффективно, как после отъезда Новикова. Она провела несколько сложнейших многоходовых комбинаций, достойных внесения в учебные пособия, и анализатор подтвердил, что вероятность расчетного смещения мировых линий в ее секторе значительно превосходит среднестатистическую. И целых три года не было, пожалуй, на Земле координатора ее класса, более активного и преданного своему делу, чем она.

Ирина с блеском закончила университет, ее пригласили в аспирантуру, и диссертация о позднем творчестве Уайльда продвигалась более чем успешно.

Она даже вышла замуж. Не по любви, разумеется, после первого эксперимента она и слышать этого слова не хотела. По точному расчету. Руку и сердце предложил Ирине человек лет на тридцать старше ее, но настолько известный в мире искусства, что преимущества, связанные с этим браком, невозможно было обеспечить лучше никаким иным реальным способом. Став его женой, она получила возможность вращаться в самых представительных кругах, выезжать за границу, а это и многое другое как раз и обеспечивало наилучшее выполнение служебных задач.

Кроме того, ей не приходилось больше задумываться над проблемой легализации своих денежных средств, что в свое время очень осложняло их отношения с Новиковым. Располагая любыми суммами, Ирина с болью в душе видела, как Андрей старается скрывать от нее свое истинное финансовое положение, отказывает себе во всем, чтобы сводить ее в ресторан, сделать подарок или организовать поездку на выходные в

Ленинград или Ригу. Однажды, узнав, что он сдает кровь (двадцать два рубля пятьдесят копеек четыреста граммов), она попробовала дать ему триста рублей, якобы присланные родителями, и они чуть не поссорились.

Чтобы исключить теперь любые вопросы финансового и психологического плана, она придумала себе шикарное и экстравагантное хобби, никому до нее в кругах равных ей гранд-дам в голову не приходившее.

Она стала женщиной-игроком. Посещала бега и азартно ставила на тотализаторе, сотнями приобретала карточки «Спортлото» и конвертики «Спринта». Носила на шее кулон-калькулятор для просчета вариантов, дома у нее кучами валялись беговые программки, какие-то таблицы и сложные схемы. Это позволяло ей почти в открытую заниматься основной работой, в толпах завсегдатаев находить нужных людей и включать их в свои комбинации.

Мужа это увлечение поначалу удивляло и несколько раздражало, но потом он не только смирился, но даже научился извлекать из оригинальности супруги ощутимые выгоды. Его рассказы о подвигах Ирины на ниве азарта почему-то пользовались неизменным успехом у нужных людей и позволяли легко решать некоторые вопросы. А иногда, в минуты финансовых сложностей, он мог попросту перехватить сотню-другую у удачливой жены на неизбежные мужские расходы.

Но в глубине души Ирина все больше и больше изнемогала от одиночества, душевного и физического, от необходимости нести почти непосильный крест двойной и даже тройной жизни...

Тут и подвернулся, совершенно случайно, потрепанный американский журнал «Тайм» трехмесячной давности.

На очередном «суаре» в одном «приличном» доме, болтая с женщинами о модах, листая зарубежные каталоги, Ирина вдруг увидела этот небрежно брошенный на столике журнал. И по тому, как сжалось, засбоило, как недоученный рысак, сердце, она поняла, что ничего не прошло и ничего не забылось.

Всю обложку, перечеркнутую в верхнем углу красной полоской, занимала сочная, мастерски сделанная фотография. И на ней был Новиков.

В расстегнутой песочной рубашке с пятнами пота, со своей обычной усмешкой, он сидел, свесив ноги, на капоте джипа, держа на коленях винтовку «М-16». И, прищурившись, смот-

рел ей прямо в глаза, так, что она не могла отвести взгляда. Надпись на обложке сообщала: «Вот, наконец, русские и пришли!»

Хозяйка, заметив, что Ирина выпала из общего разговора, тут же пояснила:

— А это совсем смешная история... Неужели не слышала? Этот парень, Новиков, журналист, я его немного знаю. Работал где-то там в Латинской Америке, написал книжку, у меня есть, и случайно попал в кадр американцам. Ну, те и расписали, мол, советские военные советники на заднем дворе, то да се, а журналист этот, мол, вообще переодетый бригадный генерал... В общем, парень имел у нас крупные неприятности, и его, конечно же, отозвали. И даже, кажется, выперли из журнала, где он работал. А ничего мальчик, да? Надо будет пригласить, скажу своему...

— Интересный мальчик... — сказала Ирина и отложила журнал. — Пригласи. Кстати, на той неделе мы выезжаем на дачу, можно будет собраться... Туда и пригласи. А книжку дай, почитаю.

...Новиков, когда его пригласили в эту компанию, согласился скорее из любопытства. Все же — высший литературный свет. Андрея, разумеется, хозяин не знал, приглашение Новиков получил из вторых рук и приехал вместе с довольно большой и пестрой группой того живо реагирующего на скандальную славу круга, где после возвращения стал персоной грата и где его вполне средняя книга считалась модной.

Программа была обещана стандартная: дача, лес, шашлыки, тонкое вино, неформальное общение, для остроты — несколько знаменитостей и свежие сплетни из кругов, близких к информированным. Для большинства все это было привычно и даже рутинно, но для Андрея — довольно интересно.

Но все это так и осталось бы для него не лишенным приятности эпизодом, если бы...

Если бы хозяйкой оказалась другая женщина.

Он узнал ее, еще не увидев лица, хотя прошло несколько лет. Ирина, конечно, изменилась. Теперь это была не юная, спортивного склада девушка с огромными удивленными глазами редкого фиолетового оттенка, а молодая дама, к которой очень подходило определение «прелестная» или «очаровательная».

Ему перехватило горло. Или от ее новой красоты, или от остро вспыхнувшего чувства вины перед ней, или просто от того, что он всего три недели как вернулся домой и еще «не вошел в меридиан», по выражению друзей-моряков.

Он постарался не попасться ей на глаза, не приведя свои чувства в порядок.

Дача стояла в глубине дремучих лесов, рядом с безымянным озерцом. Отделившись от общества, Андрей вышел на берег, сел на толстое, специально для этого сюда притащенное и затесанное бревно. Над дальней кромкой леса сгорал осенний закат, вызывающий своими красками сложное чувство грусти, сладкой печали и восхищения. Вокруг стояла тишина, которую совсем не нарушали отдаленные голоса, звуки музыки, неуверенный стук топора. Иногда в озерце всплескивала большая рыба и по неподвижной воде расходились медленные круги.

За спиной зашуршали сухие листья, и, обернувшись, Андрей увидел Ирину. Заметив, что он приподнимается ей навстречу и хочет что-то сказать, она остановила его движением руки, присела рядом. Вытащила из нагрудного кармана наброшенной на плечи куртки плоскую золотую сигаретницу, протянула Андрею. Он раскрыл, взглянул, и ему вдруг стало не по себе. Так, наверное, чувствовали себя жертвы его психологических опытов. Эти сигареты, краковский «Вавель», уже лет пять не появлялись в продаже.

— Откуда это? Неужели для меня специально расстаралась? Признаюсь, поражен...

Она же, словно они только что увиделись и даже еще не представлены друг другу, сказала:

— А я смотрю, вы тут сидите, решила подойти, вдруг вам скучно. Вы же у нас человек новый...

Андрей понял, что «Вавель» — это сигнал, знак того, что вновь начинают действовать правила их старой игры и они отныне незнакомы. И ему показалось, что он понял, в чем дело.

— Нет, я отнюдь не скучаю, напротив. У вас хорошо. Просто я увидел это озеро, и небо, и закат и подумал, что, может быть, как раз сегодня самый великолепный вечер всех времен и народов. Должен же такой когда-нибудь быть? А вдруг — сегодня? И вот — знакомство с вами, Ирина Владимировна...

Она смотрела на него своими фиолетовыми глазами, в глубине которых будто вспыхивали и гасли искры, и в глазах ее, в чуть надменной и иронической улыбке угадывалось нечто такое, что делало Ирину намного старше и опытнее его. Ему показалось, будто она видит его насквозь и заранее знает, что он поведет себя так, как захочет она. «Ну-ну, — подумал он. — Не слишком ли много вы стали о себе понимать в замужестве, дорогая?»

— Над вашими словами стоит подумать, — сказала она. — Хотя, глядя на вашу фотографию в «Тайме», я не предполагала, что вы — такая романтическая фигура. Пойдемте, шашлыки, наверное, уже готовы...

...Костры догорели, опустилась глухая ночь без звезд, и россыпи гаснущих огней в костровищах напоминали вид ночных городов с самолета. Вечер продолжался в дачном тереме, который сам по себе произвел на Андрея сильное впечатление своим интерьером. Он с сожалением и каким-то застарелым раздражением подумал, что сколько ни говори о победе социальной справедливости, а есть и всегда, наверное, будут такие вот дачи, что даже он, человек, отнюдь не лишенный воображения и полета фантазии, с трудом воспринимает ее как нечто реально существующее в личной собственности конкретного гражданина. Ему, Андрею Новикову, к примеру, ничего даже близкого за всю жизнь не построить... А это плохо, потому что любой жизненный стандарт должен быть достижим хотя бы в принципе. Иначе вместо желания достичь появляется нечто совсем противоположное.

А вечер катился по накатанной колее, умные и не очень разговоры перемежались танцами и музицированием, возникали и распадались группы по интересам, и Новиков тоже на короткое время стал центром одной такой группы. Даже хозяин подошел к Андрею с бутылкой «Хванчкары», и минут десять они поговорили, пока в беседу не встрял до отвращения эрудированный юный критик и с ходу не перевел разговор на собственную последнюю статью, в которой, как оказалось, он милостиво похлопал по плечу Новикова и теперь жаждал ответных реверансов. Андрей ему вежливо нахамил, чем вызвал довольный хохоток хозяина.

Но все же главной в этом вечере была Ирина. И все мероприятие было как оправа для ее блеска.

Она сменила сафари на отливающее зеленой бронзой вечернее платье и стала совсем иной, однако по-прежнему неотразимой. Несколько раз Новиков приглашал ее на танец. Запах ее духов, терпких, горьковатых, тревожил и волновал его, растормаживал забытые чувства и тянул на поступки смелые и решительные, а может быть, даже безрассудные.

Ночь стремительно катилась к середине, и скоро все должно было кончиться. От этого портилось настроение, хоть он ничего и не ждал, да и не имел права ждать, от такой внезапной и скорее всего не нужной ни ей, ни ему встречи.

Он вышел из нижнего холла на широкую веранду, охватывающую дом по фасаду, вытащил сигарету. Зашумевший в кронах запущенного сада ветер донес до него знакомый наркотический запах.

Андрей не ошибся. Придерживая подол длинного платья, к нему из темноты шла Ирина.

— Вы не в духе, искатель приключений? Отчего?

— Нет, все более чем великолепно. Ради этого стоило вернуться.

— Вы выглядите этаким Аленом Делоном в молодости. Среди здешних дам вы произвели фурор. Не упускайте шансов.

— Боюсь, вам это просто показалось. Шампанское «брют» и ночное освещение...

Она вдруг наклонилась и едва ощутимо коснулась губами его щеки, но когда он попробовал обнять ее, легко отстранилась.

— Но-но... Ваша предприимчивость делает вам честь, но не думаете ли вы, что это непорядочно по отношению к хозяину?

Андрей пожал плечами. Он уже пожалел о своем порыве.

— При чем тут хозяин... Я огорчен, если мой жест оскорбил лично вас.

Она ничего не сказала.

Все кончается, кончился и этот затянувшийся вечер. Вернее, даже не кончился, а самоликвидировался: кто незаметно исчез, кто заснул в укромном уголке, и когда Андрей понял, что ему пора, Ирина с хозяином проводили его до машины. Мэтр набрался порядочно и держался уже на автопилоте, впрочем, сохраняя рафинированность и решпект.

Когда Новиков поднес к губам руку Ирины, она вдруг шепнула ему почти беззвучно:

— Жди меня за первым мостом.

...Андрей остановил взятую напрокат у приятеля «двадцать первую» в густой тени трех вековых сосен, сел на сухую хвою, прислонившись спиной к шершавому стволу, и стал ждать. Он слишком хорошо знал Ирину — не только потому, что они провели вместе целый прекрасный и сумасшедший год, но и потому еще, что они действительно были одной серии, и он не верил, что она могла так измениться и ею движет только тяга к галантному приключению, желание в новом качестве переиграть то, что уже однажды было сыграно до последнего листа партитуры. У нее наверняка есть какие-то серьезные основания и

необходимость поступать именно так. А зачем — он скоро узнает. Тогда и выберет линию поведения.

Через час замелькали огни фар, и с шелестом покрышек рядом затормозил вишневый «Вольво». За рулем в строгом, тоже вишневом бархатном костюме — этакая деловая женщина из Новой Англии — сидела Ирина.

— Поезжай за мной. И не отставай, а то потеряемся... — Она хлопнула дверцей, мотор взревел, из-под колес фонтаном ударила щебенка.

Она лихо вела свою мощную и тяжелую машину, так лихо, что несколько раз у Андрея замирало сердце от ее отчаянных и ненужных виражей — с визгом покрышек — и таких обгонов на улицах, что видавшие виды ночные таксисты грозили ей вслед кулаками, произнося, наверное, разные энергичные слова. Потребовалось все его отточенное на чужих дорогах умение, чтобы не отстать от нее в лабиринте улиц.

И пока они ехали, Андрея не оставляло веселое возбуждение от этого ночного полета сквозь Москву. Ну, Иришка... Он нашел ее, немало сил приложил, чтобы огранить этот бриллиант, во многом сделал ее тем, что она сейчас, и сам отдал в чужие руки... А теперь вот она его нашла. Конечно же, приглашение без нее не состоялось бы, теперь-то ясно.

Через полчаса машины влетели под высокую ажурную арку самого когда-то большого дома столицы.

— Я подумала, что нам стоит продолжить вечер в более узком кругу, — сказала она, поднимаясь впереди него по лестнице.

Через темный коридор Ирина провела его в просторный, почти пустой холл, включила торшер, легко и быстро, словно танцуя, совершила круг по комнате, и заиграла музыка, на низком столике появились чашки и бокалы, вспыхнул свет в баре... Лицо ее в мягком рассеянном свете казалось еще более красивым. Он обратил внимание, что Ирина так гармонично вписывается в обстановку, словно это помещение подгонялось по ней, как платье. А может, так оно и было.

— Подожди-ка минуточку, я сейчас... — сказала она.

Все правильно, отстраненно подумал Андрей. Он дурак и свинья, а Ирина заслуживает именно такой жизни, недоступной ему и подавляющему большинству населения. Какую можно увидеть лишь в кино или так вот случайно приобщиться. Жизнь в пятикомнатных, огромных, как артиллерийский полигон, квартирах, на трехэтажных дачах, отделанных карельской березой и обставленных павловской мебелью, с ма-

шинами непременно лучших иностранных марок, напитками и закусками из «Березки», с квадрофонами, видеомагнитофонами, поповскими сервизами и богемским хрусталем на каждый день... С рублями, длинными, как портянки... Бриллиант получил подобающую оправу.

Он опустил голову, играя желваками на скулах, и не сразу заметил, что Ирина стоит в проеме двери и глядит на него. Она переоделась четвертый раз за этот вечер, теперь на ней был длинный, до пола, черно-красный, как бы его назвать... Андрей не помнил, пеньюар, что ли? В общем, та штука, что сейчас рекламируется в не наших журналах, как выходное платье и одновременно ночная рубашка. Такое воздушное, летящее, моментами почти прозрачное.

Лицо у нее было печальное и отстраненное. Андрею захотелось обнять ее, как раньше, погладить по волосам, пожалеть и утешить, потому что ей явно было плохо. Как это ни странно, но он не сделал этого, он кусал губы и ждал чего-то. Молчание затягивалось. Только тихо звучала музыка.

Она сама подошла к нему, села на подлокотник кресла.

— Чего ты добиваешься, психолог... — сказала звенящим голосом, — чтобы я разрыдалась перед тобой сейчас? Или бросилась к тебе на шею? А я ведь не за этим тебя позвала...

Он не выдержал и обнял ее, прижался лицом и губами к тонкой высокой шее. Она тоже обняла его так, словно боялась, будто в следующую секунду он исчезнет...

Андрей проснулся как от толчка. В комнату уже вползали рассветные сумраки. Ирина сидела рядом на широкой постели и, не отрываясь, смотрела на него. Он потянулся к ней, но она вдруг отодвинулась. И вдруг ему стало страшно от ее взгляда.

— Нам надо поговорить, Андрей... Я хотела сразу, но потеряла голову. Прости. Теперь тебе будет труднее...

— Может, мы сначала встанем, оденемся?

— Хорошо. — Она спустила ноги на ковер, встала, помедлила, будто не зная, что делать дальше, нашла глазами пеньюар и набросила на плечи. Отвернулась, помня, что он не любил одеваться при ней.

Андрей подошел к окну. В светлеющем воздухе вытянулись сонные дома. Льдисто отсвечивал гранит цоколей. Из подворотни напротив вдруг вывернулся велосипедист в бело-красной майке и, качаясь на педалях из стороны в сторону, быстро скрылся из виду.

...Ирина медленно, с длинными паузами, ни разу не взглянув

ему в лицо, рассказала ему свою подлинную историю с самого начала. Когда она замолчала, небо над крышами густо зарозовело.

— Вот, значит, как... — сказал Новиков. — Вот какие пироги с котятами...

Ирину передернуло.

— Извини, вырвалось. Дожили, значит... Что ж, когда ни помирать — все равно день терять. И к чему ты мне все это изложила?

Ирина смотрела на него и опять поражалась. Да, Андрей — это Андрей. Больше всего она боялась, что в глазах у него отразится страх или отвращение к ней. А увидела прежде всего сочувствие. То есть она сама в его понимании не изменилась. Изменились сопутствующие обстоятельства.

— Спасибо. Слушай дальше. Пока ничего страшного не произошло. Но я устала. Я больше не могу. Еще чуть-чуть — и сорвусь. Или сойду с ума. Вашего, человеческого. Мне нужен помощник. Не случайный фигурант для технической работы, а друг, с которым я могу говорить обо всем. Ноша оказалась не по мне. Судьбы мира — слишком тяжелый груз... А ты не пожалеешь. Спаситель вселенной — роль как раз для тебя. Мы будем вместе, и ты сможешь осуществить любое-свое желание. Любое, Андрей...

Новиков слушал ее и улыбался. Но голос, когда он заговорил, был серьезным.

— На свете есть много вещей, насчет которых разумный человек мог бы пожелать оставаться в неведении. Это сказал Эмерсон. Вы его должны были проходить. Ну да уж ладно... А тебе ничего не будет от твоих начальников за разглашение?

— Конечно, нет. Меня никто не контролирует, и вообще — я же не на мафию работаю...

— Дай-то бог... — с некоторым сомнением сказал Новиков. — А все, что хочешь, — это, конечно, заманчиво. Я бы даже сказал — весьма. Знаешь что, давай-ка лучше еще поспим. Досталось тебе крепко, и, как я подозреваю, в ближайшее время спокойной жизни не предвидится.

Эти слова поразили ее своей совершенной неуместностью. Но, подчиняясь его уверенному тону, она послушно легла в постель и, когда он обнял ее, поняла, что именно это ей и нужно сейчас. Прижалась к нему всем телом и удивительно быстро провалилась в глубокий сон.

Зато Новиков лежал, глядел в потолок, и спать ему хотелось меньше всего на свете. Он поверил Ирине сразу. Просто ощу-

тил, что, как бы невероятно ее слова ни звучали, все они — чистая и абсолютная правда. И потрясен он был не невероятностью, а скорее обыденностью исторического момента. А ведь, если припомнить, так всегда и случалось. Взять ту же высадку Армстронга на Луну. Что он особенного ощутил, когда, сидя за мороженым в кафе «Якорь», услышал сообщение по радио? Кажется, подумал: «Ну вот...» И тут же отвлекся.

А сейчас? Ну и что из того, что на плече у него тихо дышит во сне инопланетянка? Вполне можно предположить: услышь он информацию о долгожданном контакте по каналам евро- и интервидения, она произвела бы гораздо большее впечатление...

И много еще чего подобного передумал Андрей Новиков.

...Встали они около полудня. Пока Ирина занималась собой в ванной, Новиков включил запись концерта Арнольда Биша конца пятидесятых годов и сидел на подоконнике, слушая причудливые голоса саксофонов, кларнетов, тромбонов. Беспокоила его сейчас одна только мысль, которую он и высказал, когда вошла Ирина, свежая и будто светящаяся изнутри.

— Все в порядке, — ответила она. — Мы с мужем живем на два дома. Он почти круглый год на даче, а я в основном здесь. Так что за мое семейное счастье можешь не тревожиться.

— Это, конечно, очень удачно. В том плане, что тебе ничто не мешает съездить со мной кое-куда на денек. Другого же я как-то и не опасался.

— Куда это мы должны съездить?

— Ты Левашова помнишь?

— Как же...

Андрей понял ее интонацию. Левашов был единственным из их общих друзей, с которым у Ирины установились тогда отчетливо неприязненные отношения. Во многом потому, что чары Ирины не производили на него никакого видимого впечатления. И Олег не только этого не скрывал, но не упускал возможности при каждом удобном случае доводить ее до белого каления. Весьма, впрочем, деликатно и с извиняющейся улыбкой.

— Так вот, Левашову очень интересно будет с тобой познакомиться. В новом качестве... У вас с ним найдется о чем поговорить.

— Я, кажется, его в виду не имела. Мы с тобой разговаривали...

— Знаешь, Ириш, тема-то у нас с тобой довольно серьезная.

А Олег как раз тот человек, который может нам весьма пригодиться. И вообще, ум хорошо, а два сапога пара.

— Не нравится мне это. Да и ты меня удивляешь. Разучился сам решения принимать? Я тебе, кажется, ничего страшного не предлагаю. Да — значит, да, а нет — забудь, и закончим об этом...

— Ира... Не все даже то, что можно делать безнаказанно, следует делать. По крайней мере сразу. А тебе чего, трудно прокатиться? Провести денек на природе? Вчера я у тебя, сегодня ты у нас... Ну?

Ей вдруг представилось, что ничего не было, она ему ничего не говорила, они просто нормальные, обычные муж и жена, обсуждающие проблему воскресного отдыха.

— Ох, Новиков, годы тебе на пользу не идут. А куда хоть ехать?

— До Осташкова, а там совсем близко.

...Поехали на ее машине, потому что Андрей не рискнул отправляться в дальний путь на чужой и порядком разболтанной «Волге». В пути разговаривали на совсем посторонние темы, в основном — заново знакомились, с двух сторон наводя мост через разделившие их годы. Как бы невзначай, просто любопытствуя, Андрей коснулся и текущего момента.

— А вот интересно все же, чем вы, пришельцы, от нас отличаетесь? Что в вас есть такого, потустороннего?

— Господи, ты ж со мной столько дней и ночей провел. Неужели не разобрался?

— А вдруг ты умело маскировалась, втираясь мне в доверие?

— Не валяй дурака, ради бога. Я уже жалею, что с тобой связалась. Столько есть серьезных мужчин.

— То, что случилось, уже нельзя неслучившимся сделать...

— Успокойся, ничем я от тебя не отличаюсь. Ну, память лучше... Знаю то, чего ты не знаешь. Но это, впрочем, взаимно... Кое-какой техникой владею, вам неизвестной... Изучала способы работы с временем... И заметь, Новиков, при желании могу всему этому тебя обучить.

— Заманчиво, дарлинг, даже очень... Но все это так пока. Не очень впечатляет. А истинные чудеса чтоб? Левитация, трансгрессия, телепатия, трансмутация, тушение звезд. Воскрешение покойников, наконец!

— Тебе вредно читать низкопробную фантастику...

— А что? По-твоему, выходит, миллионы лет развития — и ничего такого эдакого, грандиозного? Скучно...

— Не замечала раньше за тобой некоторой туповатости. Обывательский уровень...

— Это потому, что я всегда играл только на своем поле...

— Объясняю на доступном уровне. Ты вот тоже очень могущественный человек, представитель великой цивилизации. Возьму я и телепортирую, как ты выражаешься, тебя в... Какое время ты предпочитаешь в прошлом?

— Вас понял. Ты намекаешь, что без современной техники и ноосферы я ничто? Согласен. Но ты специально готовилась...

— И ты готовься. К поездке в Древний Рим. Но с собой возьмешь не больше того, что унесешь в руках... Ну?

— Надо прикинуть...

Он думал километра три.

— Выходит, туда вообще почти ничего не возьмешь стоящего. Автомат с патронами, антибиотики, справочники какие-нибудь. Прожить можно и даже крупные беспорядки учинить. А больше ничего. Никакая техника работать не будет, не от чего...

— Вот и я в той же ситуации. Пара специально сконструированных под ваше электричество приборов, кое-какая мелочь автономного питания, а остальное в голове. И после прибытия — кружок технического творчества на дому.

Новиков словно вдруг потерял интерес к разговору, стал отвлекаться на проносящийся за окном пейзаж, переменил тему. Самое главное он узнал. С помощью некоторых приемов прикладного психоанализа он выяснил — перед ним все та же самая Ирина, а никакая не межзвездная Мата Хари в образе красивой женщины. Остальное пусть выясняет Левашов.

Ирина едва его узнала. Дочерна загорелый, с высветленными солнцем и солью усами и бородой, он напоминал средневекового новгородца или помора. Как рассказал ей по дороге Андрей, он оставил свой НИИ и несколько лет уже плавает на новороссийских танкерах инженером-электронщиком, обретя желанную свободу научной мысли, финансовую независимость и право отдыхать по своему усмотрению четыре месяца в году. И сейчас проводит очередной отпуск в рыбалке и размышлениях.

...День медленно, как это бывает в северной России в разгар лета, угасал, и его закат был полон неизъяснимой и непонятной тому, кто сам не видел, прелести.

Они втроем сидели в дальнем углу усадьбы, как назвал Левашов купленный в прошлом году громадный пятистенок с вырезанной на фронтоне датой: «1914», с заброшенным и выродив-

шимся яблоневым садом. Внизу блестела гладь Селигера, за нешироким плесом отражались в воде стены и башни древнего монастыря, который никто не пытался охранять как историческую реликвию по причине абсолютной удаленности от всякого подобия цивилизации, а дальше, за островом Столбным, склонялось к закату большое медное солнце. В камышах на берегу шелестел ветер.

Они сидели в дряхлых плетеных креслах, не спеша отхлебывали пиво из тяжелых, как трехдюймовые снаряды, литых стаканов, и Новиков близко к тексту пересказал Левашову то, что узнал от Ирины, а сама она, словно это ее как бы не касалось, смотрела по сторонам совершенно отсутствующим взглядом, демонстрируя то ли полное доверие к мнению и позиции Новикова, то ли, наоборот, желая показать, что она не хочет иметь со всем этим ничего общего.

Левашова ее поведение нервировало, он все пытался понять, в чем вообще смысл ситуации, при которой его вынудили присутствовать, и не напоминает ли это семейную сцену, когда супруги общаются через посредников. Ему также приходилось думать, как расценивать возобновленную связь Новикова и Ирины, и уж потом, в третью только очередь, до него дошел истинный смысл и суть разговора.

— Знаете, мальчики, вы тут общайтесь, а я пойду по деревне пройдусь. Сто лет не видела такой глуши. К озеру спущусь...

Ирина ушла, друзья остались вдвоем.

— И все так и есть? — после долгой паузы спросил Левашов.

— Нет, пошутить захотелось.

— И ты ей веришь?

— Не хотел бы, но...

— Сподобились. Впрочем, это даже справедливо. Я о чем-то эдаком всю жизнь мечтаю.

— Концерт по заявкам продолжается. К твоей теме это близко?

— Не слишком. Я больше искривленными пространствами интересуюсь. Но кое-что позаимствовать можно. Например, идею канала. Пробой через время, но значит — и через пространство тоже. Как-то же она к нам попала.

— Ну, поговори с ней. Может, что и выяснишь. Правда, состояние у нее сейчас... Смотрю, и душа переворачивается... Я ее чего и привез: глядишь, рассеется. И тебя проконсультирует по старой дружбе...

— Дружбе... — покривился Левашов. — Ты же знаешь, как она ко мне относится.

— А вот она уверена, что это ты её терпеть не можешь. Интересно, да? «Синдром Левашова» — хорошее название для специфических форм определенного недуга, когда скрытые эмоции из подсознания, вытесняясь в сознание, преобразуются в псевдонеприязненное отношение и поведение при общении с возбудителем. Красиво сформулировано? Продаю...

— Да пошел ты со своим юмором...

— Чтобы я так был здоров, сказали бы тебе в Одессе. Скажи лучше, а тебя что, совсем не задевает, что она оттуда?

— Что *она* оттуда или что она *оттуда*?

— Второе.

— Знаешь — абсолютно. Для меня она — та же самая Ирка.

— В которую ты, как я теперь понял...

— Может, прекратишь?

— А зачем? Кстати, она не только свободна сейчас, а жутко одинока. Космически... Гляди, каламбурчик вышел.

— А ты?

— Я... Мой поезд уехал вон аж когда... И окромя сентиментальных воспоминаний и суровой мужской дружбы, нас с ней ничего не связывает.

— Мели, Емеля... Развелось психологов, а нет, чтобы девушке попросту в глаза посмотреть. Стала б она с каждым недоумком за полтыщи кэмэ ни с того ни с сего гнать... Поверь моему опыту. Особенно у замужних, году так на третьем-пятом, сентиментальные воспоминания способны превращаться в материальную силу...

— Ладно, размялись. Давай по делу.

...Ирина вернулась, когда уже почти стемнело. Ее прогулка по деревне не вызвала у местных жителей, проживающих тут в количестве около пятнадцати человек, никаких внешних проявлений интереса. Тут всяких туристов видели.

Мужчины встретили ее радостными возгласами и непривычными в их устах комплиментами, и она поняла, что ее дело плохо.

— Предлагаю считать сумерки сгустившимися и перейти в дом, а то свежеет, да и комарики... — сказал Левашов.

— Принято. Ведите меня...

Левашов зажег большую двенадцатилинейную лампу под зеленым абажуром. Пряный запах керосина, тьма, собравшаяся по углам из центра комнаты, мягкий золотистый отсвет свежевыскобленных и проолифенных бревенчатых стен сразу создали уют.

Ужин Левашов подал самый простой — уха и жареные грибы. Он не страдал комплексом Лукулла и с собой привез только табак и напитки, в остальном полагаясь на дары земли, воды и сельпо.

Так они и провели этот последний в ее памяти счастливый вечер. Неспешный ужин, разговоры, чай из самовара с гордой надписью на боку «Сукинъ и сыновья...». Словно между прочим касались бытовых подробностей первой Ирининой жизни. Не уделяя им большего внимания, чем, кажется, рассказам Левашова о нравах грузчиков Латакии или воспоминаниям Новикова о встречах с американками из Корпуса мира.

И снова она поражалась выдержке своих друзей. Пусть она и знала их, как ей казалось, великолепно, но ведь были они для нее всего лишь люди, а она читала серьезные, не фантастические книги, где рассматривались проблемы гипотетических контактов. И всегда в них более или менее проводилась мысль о шоке невероятной силы, тотальном комплексе неполноценности, угрожающем человечеству при встрече с высшим разумом. И выходило, что либо Новиков с Левашовым необыкновенно шокоустойчивы, либо просто не считают ее носительницей означенного высшего разума. Какой вариант для нее лучше, она пока не решила.

Наконец Левашов встал.

— Ну, хватит. Спать мы тебя положим наверху, есть там светелочка, в самый раз для тебя. Можно бы и на сеновал, да вот сена там нет уже лет тридцать.

...Она уже задремала и не знала, сколько еще друзья сидели внизу без нее. Дверь скрипнула, и, открыв глаза, Ирина увидела, как вошел Новиков. Остановился у изголовья, постоял молча, словно не зная, что делать дальше.

— Ты что? — шепотом спросила она.

— Не спишь? Вот и я тоже.

Ирина села на постели, подвинулась к стене. Простыня соскользнула, открыв плечи и грудь. Она не стала ее поправлять.

Андрей присел рядом, провел рукой по ее щеке. Она вздрогнула от этой привычной ласки и вдруг возникшего влечения к нему.

— Оставайся у меня. Если не противно теперь...

— Ты что говоришь!.. Тебе ж со мной нормально было?

Она не ответила. У нее было совсем иначе, а у землян даже расовые и национальные различия имеют огромное значение.

Новиков снова погладил ее по щеке, шее, плечам. Неровно и шумно вздохнул:

— Олег там... неудобно...

Она отвернулась, подтянула простыню к подбородку.

— Все советуешься... У самого смелости не хватает? Или еще чего? Я тебе правду говорила — у тебя будет все. Любые возможности жить как хочешь. Деньги, книги, путешествия, почти вечная молодость, возможность влиять на судьбы людей и народов... Ты же всегда этого хотел, я помню. Так твои мечты — только жалкая тень того, что я тебе могу дать...

— Все-таки придется говорить сейчас. Я хотел утром. Слова, сказанные ночью, это, знаешь... — он махнул рукой. — Ну, слушай... Лично тебе я верю. Знаю тебя и в твоей честности не сомневаюсь. Но вот тем, кто тебя послал... Почему они не обратились к нам по-хорошему, в открытую? Значит, им есть для чего прятаться? Что это за мировые линии, куда они идут и как пересекаются — дело темное. Не для слабых умов. Может, их действительно надо разводить, сводить, менять историю и прочее? Допускаю, но согласиться не могу. У нас так не делается. Втемную — в преферанс играть можно. Со своим ходом и семью взятками на руках. А быть слепым агентом незнамо у кого, играть под суфлера, не читавши пьесы... Нет.

Она поразилась твердости его тона. Пыталась его убедить, концентрируя все свои способности, но все оказалось бесполезным.

— Пойми, Ира, пусть ты во все веришь и считаешь, что так и надо. В конце концов, это твоя работа. Но я вам помогать не могу. У Земли свой путь. И — наши принципы. Если даже мой отказ ничего не изменит, если ты найдешь себе более покладистых, доверчивых или просто взыскующих благ помощников, для меня важно, что я в этом не участвовал... Я не считаю себя вправе решать за человечество, если даже поверю, что ему от моих действий лучше. А кроме того, я думаю, твоя работа вообще бессмысленна. История, мне кажется, настолько упругая штука, что силой с ней ничего не сделаешь. Сколько уже примеров было, даже в наши времена. И в ту, и в другую сторону. Баварская республика, Венгрия в девятнадцатом году, фашистские эксперименты. Чили, Португалия, Китай, волюнтаризм всякий... И все возвращалось на круги своя. В русло главной исторической последовательности. Да ты же сама истмат учила. Это, может, сейчас у вас там иначе считают, да и то, если в

архивах покопаться, что-то похожее найти можно. У вас какой там способ производства?

Она с недоумением поняла, что не знает, как ответить. И сказала совсем другое:

— Но, может быть, те примеры и есть итог воздействия в нужном направлении, а иначе...

— Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе.

— Возьми другие примеры, — не хотела сдаваться Ирина. — Вот если бы князь Владимир силой ввел другую религию, не православие, как бы сейчас выглядела наша история?

С острой радостью он отметил эту ее оговорку: наша.

Но промолчал. Сказал другое:

— Хороший пример. Но и здесь можно возразить. Он и выбрал именно православие, потому что другая религия просто не накладывалась на национальную идею и национальный характер. Но это уже повод для другого разговора. Давай пока оставим тему полуоткрытой. Смотри, Ирок, я с тобой честен до предела. Будь на твоем месте кто другой, я бы считал своим долгом силой пресечь его деятельность. По законам военного времени.

— Вот даже как... Спасибо... Шел бы ты правда вниз, Новиков. А то боюсь, передумаешь...

И только после этих слов он обнял ее, начал целовать, преодолевая молчаливое сопротивление. Она отворачивала голову, избегала его губ, но уже знала, что уступит, что его искренний порыв сейчас для нее важнее, дороже и гордости, и принципов, и так называемого долга.

...Утро настало серое, пасмурное, словно и не было накануне солнечного вечера и ясного заката. В плотной, словно придавленной рыхлыми низкими тучами тишине отчетливо слышался монотонный шорох медленного дождя.

Завтракать сели поздно, и за столом все время ощущалась общая неловкость, будто после ссоры, в которой все были не правы.

Первым вернулся к вчерашней теме Левашов. И то, что он сказал, словно бы выворачивало предложение Ирины наизнанку. Он, оказывается, давно уже занимался проблемой внепространственных переходов. И даже собрал установку, предназначенную для создания окна между двумя как угодно далеко разнесенными координатными точками. И хоть работала установка ненадежно и неустойчиво, на уровне первых телевизоров, иногда совмещение получалось вполне убедительное.

Ирина поразилась, как близко подошел он к решению, которое считалось вершиной развития неизмеримо дальше ушедшей науки и техники на ее родине. И Левашов предлагал ей поделиться своими знаниями и техническими возможностями, помочь довести до ума его конструкцию, одновременно, разумеется, отказавшись от своей галактической роли. Сменить, так сказать, флаг...

Она еще более была не готова к этому, чем они — к ее предложению. Даже нет, они были более готовы, у них сразу определилась позиция. Ирина же вдруг почувствовала себя голой на площади. Положение, из которого нет разумного и достойного выхода. Разве только прикрыться руками и бежать куда придется.

Прикусив губу, она отвернулась к окну. И засмотрелась.

Сквозь мелкую сетку дождя пополам с легким туманом виден был мокрый лужок, раскидистая трехстволая береза, опустившая свои ветви почти до земли, а дальше расплывчато просматривались контуры безмолвных изб.

— Да, красиво... и грустно. Селигерское настроение... — тихо сказала Ирина. — Спасибо, мальчики, за откровенность. Вы всегда были настоящими друзьями. Главное — честными. А я поеду, наверное. Дел у меня много, да и муж беспокоиться станет. Ты как, Андрей, со мной поедешь или тут останешься?

— Не спеши, Ира, — попробовал ее удержать Левашов. — Пойдем, я тебе свою технику покажу. А если сразу не можешь от присяги отступить, так подумай: ведь когда мы с тобой эту штуку мою до ума доведем и обнародуем, история сама собой так изменится...

— Не положено передавать остальным цивилизациям информацию или приборы, не соответствующие их уровню развития, — заявила она чужим голосом, лицо у нее было бледное и словно отсутствующее.

Новиков за ее спиной резко взмахнул рукой, приказывая Левашову замолчать. Олег пожал плечами.

— Ладно, Ира, поехали, раз так... — сказал Новиков.

Уже садясь в машину, Ирина вдруг сказала Левашову:

— Будешь в Москве — заходи, подумаем, чем тебе можно помочь.

Новиков повернул ключ зажигания. На душе было погано.

Отъехав километров десять от деревни, он остановился.

В лесу дождь, и вообще-то очень мелкий, совсем почти не ощущался, только шелестел, не переставая, в кронах одностволь-

ных сосен. Песок дороги был поверху схвачен слегка намокшей и затвердевшей корочкой, будто снег настом.

Тихо, сумрачно было в лесу, необычно, тревожно-торжественно, словно в заброшенном храме, где нет ни души, только почему-то горят, потрескивая, многочисленные свечи.

Ирина была совершенно городской женщиной, выросшей на московском асфальте, и безлюдный дремучий лес, совсем непохожий на тот, что окружал ее дачу, здесь, в сотне километров от ближайшего города, действовал на нее с необычной силой.

Ей не хотелось ни о чем говорить с Новиковым, но когда он открыл дверцу и протянул ей руку, молча подчинилась.

Она медленно шла рядом с ним, глядя себе под ноги, глубоко проваливаясь каблучками в песок, и вдруг ощутила, как начинает действовать на нее неяркая, но мощная красота окружающей природы.

— В березовом лесу — веселиться, в сосновом — богу молиться, в еловом — с тоски удавиться... Похоже? — нарушил тишину Новиков.

— Очень... Это ты сам придумал?

— Это лет за пятьсот до нас, наверное, придумано. Моими... нашими предками. Скажи, а сейчас кем ты себя больше ощущаешь, Ириной Седовой или... как там тебя называли?

— Не будем об этом. Ты для этого только остановился?

— Не только. Я просто не хочу, чтоб мы расстались навсегда. Да, я перед тобой виноват. И тогда, и сейчас. Только прими, как смягчающее обстоятельство, что я всегда стараюсь быть честным... Даже во вред себе.

— Новиков, ты знаешь, иногда мне хочется тебя ненавидеть.

— И сейчас. Сколько выгоды и удовольствия я извлек бы, завербовавшись в твои агенты. А я опять...

— У тебя в роду святых, случаем, не было?

— Святых не было. Но понятия о чести имелись. Возможно, и преувеличенные. Еще на Калке за эту честь головы клали. Кстати, и справка есть...

— От кого справка? — с веселым изумлением, впервые за этот день улыбнувшись, спросила Ирина. — От великого князя?

— Нет, из департамента герольдии. Деды-прадеды мои, к слову сказать, в бархатных книгах повыше Романовых записаны были, но по причине гонора и правдолюбия в основном в опалах пребывали.

— Вот как даже? А я и не подозревала, что с аристократом дело имела... Чего ж ты раньше не рассказывал?

— Черт его знает... Тогда у вас, девочек, совсем другие вещи в цене были.

— А я, наоборот, под тебя подстраивалась... Ладно, Новиков, прощаю я тебя. Раз уж ты такой... несгибаемый. Только, наверное, видеться мне с тобой трудно будет.

— Ну, поступай, как решила. Только еще одно скажу, и все. Когда совсем уже кисло станет, и звезды твои тебе не помогут, и на земле друзей не найдется — вот тогда и вспомни про Андрея, сына боярского. «...И мечом, и всем достоянием своим послужу честно и грозно, воистину и без обмана, как достоит верному слуге светлой милости твоей...» Так в свое время в клятвенных записях ручались. А про все остальное забудем. А если пока видеть меня не хочешь... твое дело. Заслужил, значит.

Километров сто они проехали молча, а потом, будто ничего важнее ей в голову не пришло, Ирина спросила:

— А почему — сын боярский? Какое ты к боярам отношение имел?

— «Сын боярский» — это обозначение определенной категории военнослужащих в допетровские времена. Нечто вроде вольноопределяющейся гвардии. Потом дворянами стали называться.

Вскоре, не без ее участия, Новиков уехал вновь. В очередную горячую точку планеты. И она смогла заставить себя не думать о нем и не вспоминать. Не испытывать грусти и боли, даже встречая изредка в газетах и журналах подписанные его именем статьи и репортажи.

...И вот он снова сидит рядом с ней на диване, пришедший, как и обещал, по первому зову. Она чувствовала себя удивительно легко и хорошо сейчас, глядя на его лицо, слыша его голос, узнавая привычные интонации и жесты. Он расспрашивал о вещах совершенно несущественных и необязательных: о работе, о бывшем муже... И, не желая затягивать пустую беседу, она сказала, разом ставя все на свои места:

— Видишь, Андрей, по-твоему вышло. Пришло время...

— Острить мечи и седлать коней? Готов. Даже вдел ногу в стремя!

Словно вчера был тот разговор, так точно он попал в такт ее воспоминаниям. Ирина почувствовала, что глаза у нее вот-вот увлажнятся. Ослабли нервы. Или напротив. Отпускает пере-

грузка от сознания, что есть кому снять с нее давящую тяжесть.

— Вот так и выходит... Только ты у меня и остался, самый умный и самый верный.

Она рассказала ему историю с Берестиным и все, что ей предшествовало.

Новиков внимательно слушал, вертя в руках бокал.

— Нашелся, значит, герой-гвардеец. Ну, бог ему судья. А чего ж меня сразу не позвала? Такой ерунды я бы не сотворил.

— Я же знала твою позицию и договор помню. Впрочем, тебя и в Москве не было, раз ты к Новому году вернулся, это для меня все в неделю уложилось...

— Вот именно. Не верится мне что-то, недоговариваешь ты... Какая крайность была парня черт знает куда засылать? Сама же говорила, что все твои варианты вполне необязательны, и выбираешь ты их от фонаря, грубо говоря... Не так?

В который раз Ирина поразилась невероятной способности Новикова попадать в цель с первого раза, минуя массу промежуточных и для другого непреодолимых этапов мышления.

— Так, Андрей. Были бы мы с тобой заодно всегда, нам бы цены не было. Ладно, скажу и остальное. Дело в том, что у меня перестала работать вся моя аппаратура. Примерно год назад прервалась связь с центром и я осталась совсем одна. Я не просто потеряла возможность работать — пропала всякая надежда когда-нибудь вернуться домой. Пусть я и не собиралась пока, но все равно мне стало жутко. Хуже, чем любому Робинзону. Попробуй понять. Оставался единственный выход — попасть в 66-й год, где работал ближайший координатор со стационарным постом наведения. Надо было установить там такой... как бы усилитель, чтобы снова возник канал. Тот координатор исчез вместе со своим универсальным блоком бесследно, возможно — погиб.

— А не мог ли он послать все к черту, как я тебе предлагал, и начать нормальную частную жизнь? Он кто был, мужик или тоже дама?

— Я не знаю.

— Ладно, Бог с ним. И что, получилось у твоего десантника что-нибудь?

— И этого я не знаю. Сейчас все вообще перепуталось немыслимо. Алексей, если вернулся, попал туда же, в октябрь, но меня-то там нет, я уже в феврале...

— Ну и что? Вернулся, прожил разницу и все равно теперь здесь. Ты его искала?

— Нет, ты не понимаешь. Он до сих пор в октябре. Вот, смотри... — Она быстро нарисовала на салфетке ось времени, отметила точки, соединила дугами.

— Он здесь, а я сразу здесь. Ты все время жил по оси нормального времени, Алексей вернулся в точку отправления, а я сразу сюда. Понимаешь?

— Мало, но смутно. Ну а не черт ли с ним? Пусть этот парень остается там, где он есть, и живет, как жил. А для тебя непрожитые четыре месяца не такая уж потеря, я думаю? Или твой парень тебе не просто так?

— При чем тут это? Да, мне показалось, что я готова его полюбить, если ты этого от меня добиваешься. Он хороший человек, может, лучше всех, кого я знала...

— Рад за тебя... И намек твой понял. И со свойственной мне бестактностью позволь спросить. Что лучше — ждать и не дождаться или иметь и потерять?

— Издеваешься?

— Что ты? Просто думаю вслух. Извини, если что не так. Значит, нашла, почти полюбила и отправила черт знает куда для своих ракообразных каштаны таскать...

— Каких ракообразных, о чем ты?

— Ну, это я к слову... Парня твоего я понять могу — как же, если женщина просит... Знал бы, дурак, что всего-то мостик для нее наводит, чтоб в случае чего было на чем домой вернуться. Глядишь, и подумал бы лишний раз...

— Больно бьешь, верный рыцарь...

— Еще раз извини. Я до конца все понять хочу. Что дальше будет? Если ты сейчас сможешь вернуться к нему, значит, отсюда исчезнешь навсегда? И я, соответственно, не увижу тебя больше? Боюсь, ты меня переоцениваешь. На все готов, но своими руками отдать тебя постороннему мужику...

Его не очень ловкая шутка слегка разрядила напряжение.

— Не в мужиках дело. Если я сумею вернуться в эту точку, то ликвидируется главный парадокс. Ты не представляешь, в каком мы сейчас живем мире. Его как бы и не существует даже. И я не понимаю, как он возник. Такое раздвоение теория не предусматривает. Со вчерашнего дня существуют два вероятностных мира, и ни один из них не устойчив. Ты сидишь сейчас со мной и одновременно что-то делаешь в том октябре. И все остальные тоже. Эти миры отличаются только тем, что в

одном из них нет меня. Если я вернусь туда, все должно совместиться.

— И как это будет? На моем примере. Я где окажусь? Опять в октябре? А как с воспоминаниями?

— Нет. Если все получится, время совместится в эту сторону, по вектору. Я еще раз его проживу и догоню вас всех, здешних.

— И будешь помнить, как все было? Как мы сейчас сидим?

— Наверное...

Новиков тряхнул головой.

— Нет, не понимаю. Давай еще раз. Мы организуем тебе переход туда, ты исчезнешь из этого мира и снова в нем возникнешь. Прожив четыре месяца. В этой же квартире, где ты не жила. А я, если останусь здесь же? Ты доживешь до данной секунды, и я появлюсь? Допустим, ты сдвинешь диван месяц назад, тогда я рухну на пол? Но вот прошедший час мы с тобой проговорили, а ты придешь сюда не одна, а с твоим Берестиным, и значит, разговора этого уже не будет. Или не было?

— Не пытайся все решить при помощи твоего здравого смысла. Здесь все гораздо сложнее. Тут и принцип неопределенности, и многое другое. Но я надеюсь, что все образуется без особых катаклизмов и новых парадоксов.

— Ну-ну, май дарлинг. Неприятно чувствовать себя дураком, но, видно, никуда не денешься. На что не пойдешь ради любимой женщины...

— Любимой? Чего это вдруг? Или стареешь?

— Опять ты за свое... Я тебя всегда любил, как десять тысяч братьев любить не могут, и ты это знаешь. Просто в одной из точек пространства-времени у нас не совпали позиции в толковании этого термина применительно к конкретной ситуации...

— Ну, понесло... — Ей стало легче, как в юности, когда ничего еще не случилось, и она привычно слушала обычный новиковский треп.

— Давай прервемся пока. Ты лучше поешь, а то зря я, что ли, старалась?

— Поскольку я не соловей, то, кажется, сыт и баснями. Впрочем, судя по запаху, мясо по-французски уже готово.

...Отложив вилку, Новиков вновь посерьезнел. Заговорил жестко и напористо.

— Или я ошибаюсь, или ты наконец должна поумнеть. Что еще нужно, чтобы выбить из тебя окончательно всю твою межзвездную романтику и сомнительное мессианство? Во всю эту дурь с мировыми линиями и грядущими катастрофами я и то-

гда не верил, и сейчас тем более. А твоя родная планета, не знаю, как ее там называют, представляется мне довольно неприятным местом. Взять бестолковую девчонку, прошу прощения, заморочить ей голову, забросить бог знает куда и заставить выполнять непонятную ей работу. Крути верньерчики, пока крестики не совместятся. А что после этого, тебе знать не положено. А очень часто после этого ракеты летать начинают, раз уж цель в крестике! Это я, конечно, для примера говорю, но смысл тот же. Если человеку не объясняют смысл его деятельности, это не просто так, поверь моему опыту. Что здесь, то скорее всего и там. И, кстати, какая тебе за службу награда полагается? По наградам тоже можно о многом судить...

Ирина перед Новиковым действительно чувствовала себя растерянной девчонкой. Он вообще, с самого начала, сумел себя поставить в более выгодную позицию, тем более сейчас, когда она, все проиграв, обратилась к нему. И, не желая отвечать, все-таки ответила:

— Когда я возвращусь, меня окружат особым почетом. Весь мой род занесут в Книгу памяти, это очень большая честь и привилегия... Наверное, получу право на продление жизни без контроля и ограничений... — Отчего-то сейчас все те знаки высшей благодарности, что ждали ее на родине, в переложении на русский язык звучали крайне неубедительно, даже жалко.

— Ух, как здорово! — восхитился Новиков. — А оно тебе, Ирке-Иришке, надо? Все, что там тебя где-то якобы ждет? Кого ты там помнишь, кто по тебе тоскует? С кем в том раю бессмертие коротать придется? А наш вечер в Суздале, ту прогулку по Ленинграду, аварию под Верхними Двориками, где ты мне ногу перевязывала, забудешь? Хочешь забыть? И все остальное. Лермонтова что, с собой возьмешь? Избранные произведения. И заодно ночь на Машуке после грозы? Диссертацию об Уайльде там дописывать будешь? Еще что?.. — Андрей сейчас почти кричал, и ей страшно и стыдно было на него смотреть. — Рай взамен обещали! Ох, одинаково дураков, что здесь, что по ту сторону неба. Было, уже точно так было, таких, как ты, в самолет сажали — и вперед. Там тоже крестик в колечке совместить с целью требовалось. И каждый тоже автоматически обретал бессмертие. И даже Богом становился, по условиям игры. Камикадзе их называли, может, слышала? Ну а если даже не обманывают тебя? И сделают все, что обещано? Как тогда? При памяти тебя оставят или сотрут все, вернешься чис-

тенькая? Чего тебе больше хочется? Что ты себе про этот рай сейчас представляешь? Не выйдет так, как если бы у нас на Земле с разными раями ошибка вышла? Древнего скандинава — в библейский рай, с аллилуйями и древними евреями в хитонах, христианского святого из печерских пещер — в Валгаллу, чингисхановского монгола — в отель «Хилтон» на Гаваях... Понравится?

Новиков замолчал, прервав на полуслове свою филиппику, отошел к окну, закурил, нервничая. В черном стекле он видел замершую с опущенной головой Ирину. Ему было ее невыносимо жалко, он понимал, что бил по живому, по последней, может быть, оставшейся у нее иллюзии о далекой, ждущей ее и благодарной за подвиг родине. Но слишком она была ему дорога, чтобы позволить ей по-прежнему верить в тех, кто послал ее сюда, к кому он испытывал острую враждебность. За то, что вмешиваются в земные дела, что сделали несчастной Ирину. «Хотя, — подумал он с усмешкой, — я должен им быть только благодарен за то, что они прислали сюда именно ее».

Он подошел, погладил ее по волосам, и она вдруг прижалась лицом к его груди, громко всхлипнула.

— Самое время звать Левашова, — сказал он чуть позже, когда Ирина слегка успокоилась. — Откуда позвонить?

Она провела его в свой кабинет. Увидев аппаратуру в действии, он присвистнул:

— Здорово. Олегу это понравится. И, боюсь, не только ему, если что.

Экран показал Левашова, сидящего за столом, заваленным радиодеталями, проводами, прочим электронным хламом, в котором Новиков не понимал и не желал понимать ничего. У него там зазвонил телефон, и Левашов снял трубку.

— А, это ты. Что надо?

— Ничего особенного. Надо, чтобы ты был здесь и сейчас. И учти, что мы тебя сейчас видим. Как в кино.

— Понятно. Кто это мы?

— Я и девушка со звезд.

— О! Ирочек, я тебя приветствую, — он изобразил улыбку. — Ты с какой стороны? Куда кланяться?

— Ладно, потом будешь политес соблюдать. Я отключаю, действуй. Запиши адрес.

— Лечу...

Андрей положил трубку и глазами показал Ирине на тумблер. Она выключила экран.

— Ну, пойдем ставить чай. Олег наверняка голодный!

Не успели они налить чайник и поставить его на огонь, как прозвенел звонок. Ирина пошла открывать и вернулась вместе с Левашовым.

Вид у нее был слегка растерянный. Левашов стряхивал снег со свитера.

— Ну и погодка, черт возьми...

— Точность уже приличная, — сказал Андрей.

— Куда там. Метров на сто промазал. И боялся куда-нибудь в стену влипнуть. Рано еще радоваться. Это не аппарат пока, а фокус для цирка...

Ирина ничего не понимала, она видела только, что Левашов попал сюда внепространственным способом, и значит — он все-таки сделал, что хотел!

— У тебя получилось?! И все сам, за три года?

— Отчего же сам. Вон Андрей помогал. За пивом и сигаретами бегал, — вежливо ответил Левашов. — Я слышу, у вас тут мясом пахнет. И еще чем?

— Ради такой встречи и «Наполеона» не пожалею. Мой бывший коллекционировал...

— Кстати, Ира, ты мне так и не сказала, что у тебя там вышло с твоим мэтром, — Новиков мгновенной гримасой очень похоже изобразил ее мужа.

Ирина засмеялась:

— Да так. Обычная история. Его ищущая натура нашла себе другой объект и источник вдохновения. Я, конечно, не возражала. Устала, честно сказать. И получила отставку с мундиром и пенсией. В смысле, устроил он мне эту вот квартирку, презентовал «семерку», и мы красиво расстались. В день рождения он шлет мне букет белых роз.

— Как трогательно. Чувствуется воспитанный человек... Ну а чем конкретно мы можем тебе помочь?

Ирина объяснила, в чем заключается суть и способ временного перехода, такого, каким она переправила в прошлое Берестина. Уточнила, в чем разница. Они вдвоем с Левашовым, перейдя на заумный язык рисунков, формул и символов, начали горячо спорить о чем-то и что-то выяснять. Новикову это было недоступно, а потому — скучно.

Он перешел к стеллажам, стал листать книги.

Удивительная вещь судьба! Ей было угодно, чтобы столько лет назад он остановился у перил Устьинского моста в печали и меланхолии, окликнул вдруг проходящую мимо девушку...

И такие из этого произошли последствия. Может быть, действительно жизненно важные для целых двух вселенных? Возможно ли это? И не права ли тогда Ирина со своими теориями? А если даже и права? Он-то сам все равно поступал только так, как находил нужным. Нет ни в чем ни вины его, ни заслуги. А вот если Ирина останется навсегда на Земле, встретит своего Берестина и будет счастлива — чего еще ему-то желать? Он столько доставил ей тяжелых минут, что если сейчас поможет ей, то хоть как-то искупит свою вину перед ней.

Ирина и Левашов, кажется, договорились. Андрей вернулся к столу.

— Придется выйти на улицу. Отсюда не получится, — сказала Ирина. — Сейчас я оденусь соответственно сезону там, и пойдем... Вот это все, — она показала на свою аппаратуру, — можете забирать себе. Мне больше не нужно, а вам пригодится в ваших экспериментах...

Левашов погасил в глазах жадный блеск и сказал:

— Только, Ира, надо ведь сказать Андрею...

— Что? — вскинул голову Новиков. Его задело, что теперь у них появились отдельные от него тайны.

— То, что имеется одна... м-м-м... техническая, а может, философская тонкость. При наложении миров и времен возможен вариант, в котором нас просто не будет. Вообще.

— Это то есть как? — поднял бровь Новиков.

— Вот так. Просто. Про интерференцию слышал? И мы, вроде волн, можем наложиться сами на себя, и привет... Митькой звали.

— Увлекательно... — сказал Новиков. Ему до смерти надоели вдруг все эти парадоксы. — Ну, наложимся... И как это будет выглядеть?

— А как выглядел бы мир, если бы ты совсем и не рождался? Да и твои родители тоже. Здорово бы тебя это угнетало?

— А зачем тогда нам все это нужно?

— Получается, что, если мы этого не сделаем, то же самое может выйти само собой. И даже хуже...

— Уловил. Если бы покойник ходил с бубен, еще хуже было бы. Что вы мне голову морочите? Я все равно в этом деле за болвана, так и спрашивать нечего. Аге квод агис, сиречь — делай свое дело и не высовывайся.

— Спасибо, Андрей. Ты даже сам не знаешь, какие вы с Олегом ребята... — сказала Ирина тихо.

— Ну да! Еще как знаю.

— Я постараюсь сделать все, чтобы устранить всякие парадоксы. Риск минимальный. И если все пройдет хорошо, я появлюсь здесь не раньше завтрашнего утра. Чтобы вас не шокировать...

Она ушла в спальню переодеваться, а друзья остались одни.

— Сможешь? — спросил Новиков.

— Думаю, да. Ничего тут сложного нет, оказывается. За исключением неизбежных в море случайностей.

— Смотри, — прозвучало это у Андрея чуть ли не угрожающе.

Ирина появилась одетая просто, но элегантно. В чёрном кожаном пальто, в широкополой шляпе, с трехцветным шарфом на шее. У Новикова защемило сердце. Вдруг он видит ее в последний раз?

— Я готова...

— Иди, Олег, мы догоним, — жестко сказал Новиков. Левашов вышел.

Андрей несколько секунд смотрел ей в глаза. Увидел, что губы у нее вздрагивают. Взял ее за руку, улыбнулся.

— У тебя часы есть?

— Конечно, — удивленно ответила Ирина. Новиков сдвинул вверх обшлаг ее пальто. Посмотрел. Часы хорошие, кварцевые, с календарем. Резким движением отстегнул замок, подержал часы на ладони и неожиданно сильно ударил их об стол. Она непроизвольно вскрикнула.

— Вот. Теперь не забудешь. Когда встретишь своего Берестина, проживешь там, сколько положено, вот в этот день и час с минутами, не сочти за труд, сними трубку и позвони. Вот сюда, на этот номер. А я буду здесь ждать. Когда встретимся, я тебе новые часы куплю.

Она судорожно вздохнула и, закинув руки ему на шею, коснулась губами его губ.

— Давай присядем на дорожку, — сказал он шепотом.

...Вышли во двор. В квадрате стен метался ветер, закручивая снег десятками беспорядочных смерчей и вихрей. Ирина сама выбрала место, указала, где стать Левашову, что делать Новикову.

Олег сосредоточился, закусил губу и нажал кнопку универсального блока, того самого золотого портсигара, из которого Ирина угощала Новикова сигаретами на своей даче. Обоим, и Левашову, и Новикову, показалось, что на мгновение исчезла сила тяжести или они стремительно провалились, как это бывает на скоростных лифтах. Снег стал черным. И все. Ирины больше не было.

Они вернулись в квартиру. Левашов был лихорадочно возбужден.

— Слушай, это гениально. И так просто. Теперь я даже не представляю, что сделаю. Мой синхронизатор — мура, каменный век... Метод сгибания пространства об колено. Теперь-то мы спокойно сможем посмотреть, что это за местечко в тот раз приоткрылось и где оно от нас прячется. Ты знаешь, откуда-то вдруг проскочила такая стабильность пола, и расход энергии почти нулевой...

— Помолчи, а? — оборвал его Новиков.

Он вновь стал у окна, закурил, хотя во рту и так было горько. Смотреть во двор, где исчезла Ирина, ему было тяжело, но он смотрел. Он только сейчас понял, как ему хотелось, чтобы у Левашова ничего не вышло и Ирина осталась здесь. Что же, выходит, все-таки он с запозданием на десять лет влюбился наконец в эту несчастную глупую девчонку? Хотя — это бывает. Его же теория дает объяснение. Да, были они одной серии, но не было у них совпадения по фазе. Вот только когда эта фаза совпала.

— Старик, что с тобой? Гайки отдаются? Брось! Все будет о'кей! Я ее точно отправил. А хочешь и тебя следом?

Левашов взял со стола едва начатую бутылку с обрюзгшим императором на этикетке, подвинул фужеры.

И тут, внезапно и резко, как топор по натянутому якорному канату, по нервам ударил телефонный звонок...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гамбит бубновой дамы

Вечер удался на редкость. Не так уж часто друзьям случалось собраться втроем, никуда не спеша и ни на что не отвлекаясь.

Левашов на днях вновь подскочил в Москву после коротких рейсов на Геную и Риеку, и у третьего из их когда-то неразлучной компании, Сашки Шульгина, жена сегодня утром уехала на Воды, и он по этому случаю был раскован и приподнято-весел. Олег привез датское пиво «Тюборг», Андрей по случаю разжился ведром крупных живых раков, их тщательно сварили со всеми нужными специями и потом долго, истово хрусте-

ли клешнями, высасывали лапки и поедали нежные, бело-розовые шейки, пахнущие укропом и тмином.

Много говорили — как встарь, ни о чем и обо всем сразу. И казалось, ничего не было и молодость не прошла. Даже Сашка отключился от своих вечных проблем и снова блистал своеобразным остроумием, составившим ему сомнительную славу еще во время оно.

Он вообще был своеобразным парнем, нынешний старший научный сотрудник Института судебной психиатрии. Бросала и заносила его сложная натура так, что не расскажешь сразу. То он в студенческие годы вдруг оказывался в академическом отпуске и прибивался к эстрадной студии сомнительной репутации, то, разочаровавшись в искусстве или в своем месте в искусстве, что точнее, восстанавливался в вузе и поражал наставников своим рвением и способностями. Вместо аспирантуры выбрал по распределению Хабаровск и три года гонялся по тайге за чудом уцелевшими шаманами, надеясь выведать у них некие тайны сверхчувственного. И, по слухам, что-то такое вроде бы выведал. Возвратившись в Москву, взял себе жену из Театра на Таганке и до сих пор не мог найти из этого положения разумного выхода. И много еще всякого с ним происходило. Хотя теперь он, кажется, остепенился.

Впрочем, Новиков не обольщался видимым благообразием. Он всегда помнил, что черного кобеля не отмоешь добела. И ждал...

Наконец с раками покончили, умыли руки и приступили к главному. Намечена была на сегодня серьезная игра. Классика — до утра, по гривеннику вист.

Шульгин распечатал новую, специально для этого случая припасенную колоду, выбросил лишние карты, со слегка нарочитой сноровкой старинного пароходного шулера стасовал, раздал — и дело пошло.

Пулька сегодня складывалась на редкость увлекательно и удачно для Новикова. Мизера, как им и положено, ходили парами, какие нужно — игрались, а прочие ловились, то и дело возникали комбинации неожиданные и даже поразительные, вроде девятерной без трех у Шульгина при его ходе. Ну и тому подобные коллизии, понять, оценить и насладиться которыми может только истинный поклонник игры.

Попутно Левашов продолжал свои многолетние попытки склонить Шульгина бросить размеренную и, по его же словам, исчерпавшую себя жизнь и перейти к нему на танкер судовым

врачом. Сашка в принципе был не против, но, как всегда, его что-то удерживало. На этот раз — жена.

— Есть у меня отчетливое ощущение, что в мое долгое отсутствие она обязательно загуляет... — вздохнул он, делая снос.

— Если ей захочется, она и так загуляет. Не далее, как завтра. В Кисловодске, — пожал плечами Новиков.

— Это совсем другое дело. Здесь от меня ничего не зависит, а кроме того, развлечься на курорте — это даже естественно... Если же я уйду в море, ей придется заниматься этим в домашних условиях, что аморально. Тем более от меня же потребуется снабжать ее и ее приятеля деньгами, чеками, импортным барахлом, то есть финансировать грехопадение. Не вижу интереса. И не думаю, что прелести дальних странствий окупают такой вот семейный расклад...

Шульгин был, пожалуй, единственный человек, которого Новиков никогда до конца не понимал, невзирая на многолетнюю дружбу. Он не мог с уверенностью определить, когда Сашка говорит серьезно, а когда валяет дурака. И причина была до удивления простая. Не интересуясь психологией специально, Шульгин как-то, от нечего делать, проштудировал взятый у Новикова трактат о логических связях высших порядков, и эта отрасль схоластики настолько его увлекла, что с тех пор он неумеренно ею злоупотреблял. А общеизвестно, что если один из собеседников умеет строить вторые, третьи и так далее связи, а другой об этом его умении знает, то из замкнутого круга антиномий им уже не выбраться никогда. Любое предположение становится равно истинным и ложным. И самым мучительным было то, что Новиков в силу навязчивой идеи не мог избавиться от потребности разобраться, когда же Сашка говорит то, что на самом деле думает или чувствует. Сейчас, в частности, он может быть прав, опасаясь за нравственность своей «кобры» и выдвигая это за причину, мешающую отправиться в плавание. Но ни один порядочный человек о своей жене говорить так в обществе не станет, следовательно, он валяет дурака, маскирует истинную причину нежелания плавать. Но, зная, что собеседники именно так и воспримут его слова, он вполне может позволить себе сказать правду, в которую никто не поверит, тем самым облегчив себе душу и заставив друзей доискаться до истинной причины, не пускающей его в моря. И эти построения можно продолжать до бесконечности...

Левашов, к его счастью, в такие тонкости не вдавался, поэтому только мотнул головой, не отрывая глаз от карты:

— Ну и зря. Бабы все одно как пожелают, так и сделают. А мы скоро переходим на регулярную японскую линию, и ты бы вволю попрактиковался в языке. Может, повидал бы наконец живых ниндзя...

Шульгин не успел ничего ответить. Новиков удачно разыграл третьего валета, взял необходимую седьмую взятку, и тут в прихожей мерзко заквакало устройство, заменявшее Левашову дверной замок. Он сделал эту штуку от нечего делать и часто развлекался, наблюдая за реакцией лиц, застигнутых врасплох отвратительными звуками. Были случаи, когда чересчур впечатлительные гости, особенно женского пола, навсегда после этого прекращали с ним дипломатические отношения.

— Кого это там принесло? — пробурчал Левашов. — У нас все дома... Открой, — кивнул он Новикову, ближе всех сидевшему к двери в прихожую, — а я пока раздам...

Андрей записал себе законную четверку в пулю и пошел открывать.

За порогом стояли двое мужчин, прилично, даже респектабельно, одетых. Один — лет пятидесяти, плотный, коренастый, очень похожий на Банионисa в «Мертвом сезоне», второй, что помоложе, больше напоминал Ланового. Андрей сразу отметил это странное двойное сходство, раньше даже, чем произнес отразивший его недоумение вопрос:

— Чем обязаны?

Младший сделал шаг вперед, как бы стараясь оттеснить Новикова и войти в прихожую, но Андрей инстинктивно заслонил ему путь и повторил вопрос, но уже в более простой форме.

Тогда вперед выдвинулся старший и, делая любезную улыбку, отчетливо, как диктор телевидения, произнес:

— Простите, пожалуйста, здесь проживает Седова Ирина Владимировна?

Новиков обычно играл в преферанс, а не в покер, но лицом, тем не менее, владеть умел. В долю секунды он, как водитель в аварийной ситуации, осознал и оценил обстановку.

— Как вы сказали? Седова? Вроде что-то такое... — И крикнул в глубину квартиры: — Олег! Тут твоей соседкой интересуются... — А когда появился Левашов с картами в руках, торопясь его предупредить, повторил: — Вот ребята твою соседку спрашивают. Она же Седова, да?

Левашов, привыкший на лету подхватывать предложенные обстоятельства, подыграл точно.

— Есть такая. Седова. Вон в той комнате живет. Подселили, чтоб их, а я себе думал комнату оттяпать...

Посетители словно бы растерялись.

— А она дома? Можно ее увидеть? — И снова попробовали мимо Новикова проникнуть в квартиру.

— Нет, ребята, — ответил Олег, становясь рядом с Новиковым. — Нету ее. С утра умелась. А куда — она не докладывает...

Гости растерялись еще больше, стали переглядываться, молодой зачем-то полез в карман, потом, словно спохватившись, вытащил руку.

— Она какая из себя? Высокая, лет двадцати семи, красивая светлая шатенка, правильно? — спросил старший.

— Правильно, правильно, только нету ее, я же вам сказал. Может, что передать?

— Нет, спасибо, не надо. Мы лучше позже зайдем...

— А куда позже, первый час, — показал часы Новиков. — Она уже где-то в другом месте ночует, — и усмехнулся соответственно. — Если завтра только, после работы...

— А где она работает?

— А кто ж ее знает? Мы с ней и не разговариваем почти... Так, поздороваемся, если на кухне встретимся, и все. По науке где-то трудится. А может, вовсе и не по науке, может, официанткой в «Национале»... Дома редко ночует. Ладно, ребята, если у вас все — привет. А то дела стоят... — Левашов показал карты и подмигнул.

Новиков развел руками и невежливо захлопнул дверь.

Секунду или больше друзья смотрели друг на друга.

— Ходят... хрен их носит... — громко и зло сказал Новиков, в надежде, что за дверью его услышат. — То грузины, теперь еще эти... — и медленно, разборчиво выругался.

— А тебе что? Пошли они все, — Левашов взял его за рукав и потянул в комнату.

— С кем вы там зацепились? — начал Шульгин, но, увидев лицо Новикова, замолчал.

Левашов повернул регулятор громкости магнитофона, резко прибавил звук, перенес одну из колонок на подоконник и прислонил диффузором к стеклу. Вторую направил в сторону двери, стол же оказался как раз между ними. Эти меры безопасности, широко освещенные в художественной литературе, вполне могли оказаться и не нужными, или бесполезными, но ничего другого в голову им не пришло. А даже ненадежные предосторожности все равно лучше никаких.

Шульгин, с интересом наблюдая за манипуляциями Левашова, ждал продолжения.

Новиков взял у него из рук сигарету, несколько раз глубоко затянулся.

— Беня, — сказал он тихо, возвращая сигарету, — Беня, мне сдается, что у нас горит сажа...

Он говорил это, а думал сразу о многих вещах одновременно. О том, например, что особенно и не удивлен, сказал же он когда-то Ирине, что «наверху» могут не одобрить ее поведения. И о том, что судьба, или рок, или предназначение, или нечто их заменяющее наверняка существует, иначе отчего же именно сегодня — не раньше и не позже! — он оказался здесь? И как раз в этой компании, которая единственно и подходит для всего, что теперь предстоит. И что нужно все объяснить ребятам, причем так, чтобы «гости», даже если и слышат их сейчас, ничего не поняли и не заподозрили. И как вообще использовать те несколько часов, которые есть еще в их распоряжении?..

Он повернулся к Левашову и сказал:

— Твоя сдача, так и раздавай... — И пока Олег бросал карты, словно между прочим обратился к Шульгину: — Что-то я давно ничего интересного не читал. То ли дело раньше книжки попадались... Помнишь, про философа греческого...

Шульгин кивнул.

— Вариант «Никомед», что ли?

— Вот-вот. «Одиссей покидает Итаку».

Новиков имел в виду бесконечный авантюрный роман, который он писал в студенческие годы, единственными благодарными читателями которого как раз и были Левашов и Шульгин. Роман, возможно, и не отличался особыми художественными достоинствами, но был переполнен самыми невероятными приключениями, погонями, побегами и преследованиями, большая часть которых происходила в городе, сильно напоминающем Москву. Герои тоже походили на автора и его читателей, да вдобавок каждое сюжетное хитросплетение, маршруты головоломных погонь друзьями подробно разбирались и обсуждались на предмет их правдоподобия и практической исполнимости, порой даже проигрывались на местности, если возникали сомнения. Роман этот служил им неплохим развлечением. И теперь Андрею достаточно было назвать соответствующую главу или ситуацию, остальное в пояснениях не нуждалось.

Само же название романа и его глав проистекало из тогдашнего увлечения друзей античной историей и философией.

Левашов закончил сдавать, и Новиков как ни в чем не бывало взял со стола свои карты, развернул их привычным веером.

— Раз собрались, так надо играть. Вот... — Он выбросил на стол бубновую даму. — С ней все понятно? Как следует из правил, дама бьется, своя и чужая... — и положил рядом с ней короля и валета, со значением показав их друзьям.

— Тут ничего не поделаешь, правила. И выход, я понимаю, один...

— Если правила не устраивают, их надо менять, так? — лениво поинтересовался Шульгин, хотя в глазах у него уже посверкивали искры разгорающегося азарта.

— Иногда за это бьют подсвечниками... — вставил Левашов.

— Трус в карты не играет. Поэтому главный вопрос — на что именно эти правила стоит поменять?

— Лично мне всегда импонировали шахматы, — сказал Новиков. — Возвышенная, спокойная игра, все чинно, благородно... Особенно одна штука. Гамбит называется.

Левашов усмехнулся, встал из-за стола, словно в сомнении, выглянул в прихожую, потом вернулся.

— Это изящно. И может сработать. Но пульку надо закончить до утра. Завтра некогда будет. У меня по программе пикничок намечается. Натурально — на обочине. На правой. Не доезжая известной дачи. Так что желающих приглашаю поучаствовать... — Левашов тоже увлекся импровизацией, стараясь говорить так, чтобы друзьям все было ясно, а для любого постороннего слова звучали вполне обыденно.

— Обязательно, — кивнул Шульгин. — Женщины за нами, техника ваша...

— Тогда я лучше прямо сейчас домой пойду. Потом доиграем. Спать хочется... — сказал Новиков. Вытащил из кармана ключ от своей квартиры и протянул Левашову. Отдал и показал три пальца. Левашов глянул на часы и кивнул. Потом взял со стола пачку сигарет. Покачал ее на ладони.

— Не зря я всю жизнь не любил курящих женщин. Вечно с ними через это всякая мура происходит...

Новиков понял, что он имеет в виду универсальный блок Ирины, в виде портсигара, который так и остался у Левашова после той февральской ночи. И что Олег считает, будто по этому блоку, очевидно, излучающему какой-то сигнал, пришельцы и вышли на квартиру именно Левашова. Действительно, ничего другого придумать было нельзя. И поняв это, Новиков обрадовался. Значит, логика пришельцев хотя бы в первом приближе-

нии поддается анализу. И еще — их технический уровень, судя по этому, отнюдь не сверхъестествен. Неважно, каков принцип, но эффект сопоставим с земными аналогами. Примитивная пеленгация. По-другому Ирину найти они не могут.

«Пока не могут», — уточнил он свою мысль. Не застав ее здесь, убедившись, что пеленгация подвела, они даже чисто человеческими способами за несколько дней могут пройти по всей цепочке ее биографии и выяснить все — и нынешнюю фамилию, и адрес. Так что времени практически нет. Дебют, миттельшпиль, эндшпиль — играть надо все сразу, и все в цейтноте.

— Если б та дама вовремя не бросила курить, было б еще хуже, — подал вдруг голос о чем-то своем задумавшийся Шульгин, не отрывая глаз от листа бумаги, на котором он уже несколько минут выписывал колонки двух- и трехзначных чисел.

— Тогда вообще говорить было бы не о чем... — пожал плечами Левашов.

— Хватит, ребята, — подвел черту Новиков. — Остановим сослагательное наклонение до спокойных времен. «Одиссею действительно пора покидать Итаку».

Это была условная фраза из его романа, после которой там начинались самые захватывающие события.

Андрей сунул в нагрудный карман пачку сигарет, похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли спички, и пошел к двери, считая, что все сказано. Но Шульгин не был бы сам собой, если бы и тут не ввернул одну из своих двусмысленностей.

— Пусть только Одиссей будет повнимательнее, а то как бы Пенелопа не оказалась Цирцеей.

— Я всегда говорил, что с классикой у тебя слабо. Пенелопа осталась на месте, Одиссей поехал спасать Елену. А это две большие разницы...

— Ну-ну, тебе виднее... — Шульгин изобразил на лице усмешку в стиле Арамиса, с которым одно время себя отождествлял. — Только с этими... дамами всегда есть шанс ошибиться.

Андрей промолчал, вскинул к плечу сжатый кулак и вышел.

Он прошел через пустынный и темный двор. Ветер шумел в кронах тесно обступивших дорожку старых берез, ветви раскачивались перед единственным горящим фонарем, и по асфальту метались изломанные тени. Никого не встретив, Андрей пересек проспект и почти вбежал в приземистую шайбу станции метро. В вестибюле и на эскалаторе было пусто, снизу по шахте тянул ровный поток пахнущего резиной воздуха. «Тот час, когда в метро закроют переходы...» — сказал он вслух и, пры-

гая через три ступеньки, побежал по слишком медленно ползущему эскалатору.

...Минут через десять после ухода Новикова из квартиры вышел Шульгин. Только он пошел не вниз по лестнице, а вверх. Поднялся на последнюю площадку, взятым у Левашова ключом открыл чердак и, подсвечивая фонариком, долго шел по хрустящему шлаку среди стропил, подпорных столбов, дымоходов, оставшихся от времен печного отопления, каких-то ящиков, измазанных известью бочек, обломков метел и прочего хлама, скопившегося чуть ли не с довоенных времен. По крайней мере, четверть века назад, когда они играли здесь в героев «Тарантула», все на этом чердаке было так же. Он пересек почти бесконечную в темноте длину дома, с трудом открыл щеколду заржавленного замка, толстую дверь и очутился в первом, выходящем совсем на другую улицу, подъезде.

Специально припасенной тряпкой он обмахнул пыльные туфли и не спеша пошел вниз, чтобы на углу поймать такси.

...Улица была узкая, запущенная, словно бы и не столичная совсем. Под ногами тускло отсвечивала брусчатка мостовой, поблескивали изогнутые плети трамвайных рельсов. Вдали, между крышами, косо висел узкий серп растущего месяца. Ободранные и грязные фасады домов начала века в ночной темноте приобрели даже некоторое мрачное величие. Насколько доставал взгляд, никаких признаков жизни не замечалось в их многоэтажных громадах, и лишь одно окно слабо светилось на третьем этаже в середине квартала. Невольно хотелось узнать: кто там живет, отчего он не спит, что делает при едва светящейся лампе, а может, и при свечах? При взгляде на такое окно тянет на размышления.

Новиков остановился на перекрестке. Влево и вправо тянулся еще более узкий и глухой переулок. «Не Москва, а прямо тебе трущобы старого Чикаго...» — подумал Андрей. Его вдруг охватило чувство необыкновенной остроты и реальности существования. Пронзительное до озноба. Чувство, которое у большинства горожан давно и окончательно задавлено стремительной монотонностью городской беспросветной жизни, когда годы мелькают так же быстро, как недели, и нет ни времени, ни повода «остановиться, оглянуться».

Ведь это именно он, Андрей Новиков, стоит здесь и сейчас. Он жив, полон сил, он чувствует и мыслит. Есть только он и это

мгновение настоящего... Именно с ним сейчас все это происходит — то, чего никогда еще и ни с кем не случалось. Он задумал и проводит немыслимую для нормального человека операцию, начал и ведет борьбу против целой суперцивилизации и, что самое смешное, твердо намерен выиграть. Пусть там дальше что угодно случится, но этого вот длящегося мгновения, ради которого, наверное, и стоит жить, никто у него не отнимет.

Подобные вспышки удесятеренного ощущения жизни и самого себя бывают у каждого человека, хотя и вызываются разными причинами. У одного это тихое шуршание опадающих листьев в березовой роще, у другого дым углей и запах шашлыка на берегу озера Рица, третий вообще постигает, что и он жил, только на смертном одре.

Из подворотни раздался тихий свист и вернул Новикова к прозе текущего момента. Андрей шагнул в темноту, густую и липкую, как тот запах, что заполнял двор и которого он раньше будто и не замечал.

У стены Шульгин курил в кулак, короткие алые вспышки высвечивали только усы и часть подбородка.

— Ну? — спросил Новиков.

— Все чисто, — суфлерским шепотом ответил Шульгин. — Только не дурака ли мы валяем? Разыгрались... Ни хрена за нами никто не следит.

— Ничего... Не пренебрегай. Осторожность еще никого не подводила. И шансов у нас не так много, чтобы разбрасываться...

— Ага. А они сейчас сидят в тепле и уюте и наблюдают за нами по стереофоническому экрану... Во, думают, дураки.

— И это возможно. Но вряд ли... Да и при этом раскладе мы их все равно обдурим. Это я специально для них говорю, чтоб подзавелись, если слышат. Им еще азартнее будет угадывать, что же мы для них приготовили...

— Само собой... А все же мандражно чуток, а?

— Я пока держусь, со мной это после дела начнется... — Новиков торопливо дотянул сигарету до фильтра и чуть было тут же не зажег вторую, но воздержался, чтоб не давать нервам воли. — Пойду я, Саш. Ты проводи меня до места, а потом езжай...

Очень редко за последнее время им удавалось ощутить состояние такого полного психологического контакта. Давно привычной стала манера постоянной иронии по отношению к чему угодно, почти бессознательного ухода от любого проявления подлинно серьезных и искренних чувств. Пришло это еще с конца шестидесятых, когда в их кругах стало обычным дока-

зывать друг другу: нет и не может быть в жизни проблем, заслуживающих того, чтобы терять из-за них присутствие духа и особого рода скептический оптимизм. В полном соответствии с заветами Марка Аврелия, императора-стоика: «Не теряйте мужества, худшее впереди...»

А сейчас вдруг оба одновременно почувствовали, что не надо, не стоит хотя бы сейчас продолжать эту пережившую свое время игру. Все же привычка взяла вверх, Андрей сдержался, слегка толкнул Сашку кулаком в плечо и вышел из подворотни.

С улицы Гиляровского он свернул в Самарский переулок. На углу темнела телефонная будка с выбитыми стеклами. Трубка, к счастью, была на месте, и Андрей на ощупь набрал номер. Светящиеся стрелки «Штурманских» показывали четверть третьего, и ждать, пока на той стороне проснутся, пришлось довольно долго.

Наконец монета провалилась внутрь, и сонный голос Берестина ответил:

— Слушаю...

— Десантник, это я. Ничему не удивляйся, ничего не переспрашивай, соображай быстро и отвечай только «да» или «нет». Ирина у тебя или дома?

Берестин в трубке сразу вскипел:

— Слушай, какого черта?

— Стоп! Без эмоций. Да, нет?

— Наверное, дома, но...

— Стоп! Слушай... — Новиков надеялся, что, если даже пришельцы наблюдают за ним, они не сумеют сразу включиться в линию, определить, кому он звонит и где установлен аппарат собеседника. — Кое-что случилось. Твою знакомую ищут земляки. Бегом к ней, передай мои слова, заводите мотор, и вперед. Запоминай маршрут: до агитатора, горлана, главаря, там разворот, и гони к площади того, что было много лет назад 18 марта в городе с железной башней. Там осмотрись и медленно езжай вдоль рельсов туда, где высаживал Ирину у дома подруги. По твоим мемуарам. На углу там гастроном, притормозишь на секунду... По пути оглядывайся...

— Ты что, перебрал? — раздраженно-растерянно спросил вдруг Берестин.

— Встретимся — подышу. Если понял и запомнил — вперед! И учти: на все — ровно час...

— Туда и быстрее можно...

— Слушай! — вскипел Новиков. — Быстрее всего мне было

бы самому к ней прийти и тебя не тревожить... Значит, надо, раз говорю. Вперед! — И хотя Берестин что-то еще хотел сказать или спросить, Андрей нажал на рычаг.

Примитивный, конечно, ход, но кто не знает Москву, как Берестин, ничего не поймет, или не сразу и не все...

Вдоль бесконечной ограды парка Андрей обошел по кругу Дом Советской армии, быстрым шагом пересек длинную пустую аллею, свернул на улицу Дурова. Здесь, в густой тени зарослей жасмина, ему была известна укромная, хитро расположенная скамейка, куда он — в то еще время — приходил со знакомыми девушками. Надежно прикрытый тыл и отличный обзор всех возможных подходов. Он сел и наконец позволил себе расслабиться.

Было тревожно и одновременно весело. Такое ощущение посещало его время от времени. Последний раз, например, — в сельве, когда остался один на дороге у джипа, а совсем неподалеку сухо потрескивали короткими очередями «АКМ», а в ответ им отрывисто и хлестко били самозарядки Гаранда.

Он сделал все, что в этих обстоятельствах можно было придумать и сделать за столь короткое время. Если этого достаточно, можно играть дальше. Если же пришельцы умнее или технически оснащеннее, чем он предполагает, тогда, конечно, дело другое. «Наверх вы, товарищи, все по местам»... Но думать об этом пока не стоит.

Тишина стояла просто поразительная. Впрочем, район здесь тихий, машин и днем немного, а уж сейчас... Поэтому треск промчавшегося вдоль улицы тяжелого мотоцикла заставил его вздрогнуть. Он посмотрел на часы. Пожалуй, пора. Как раз дойти не спеша...

Ирина спала плохо. С вечера ее томила беспричинная тоска, тревога, беспокойство. Неоформленная потребность куда-то пойти, что-то немедленно сделать... Временами эта тяга становилась почти непреодолимой. Внутри будто дрожала натянутая до предела струна. Ей хватило выдержки и здравомыслия не поддаться странному состоянию, которое было для нее абсолютно непривычным, но этому не было сил удивиться. Она заставила себя лечь и даже задремать, но и во сне успокоения не наступило. Вначале мелькали отрывочные, бессвязные картины и образы, а потом ей приснился сон.

Она идет по вечерней улице. Торопится, потому что опазды-

вает в кино, на фильм, который надо обязательно увидеть. Почти вбегает в пустой вестибюль. Билетерша машет рукой, показывает на часы. Ирина знает этот кинотеатр. И она сначала быстро идет, а потом и бежит. И вдруг с нарастающим ужасом замечает, что коридор все удлиняется и удлиняется, пол становится все более наклонным, медленно гаснут бра по стенам, а впереди начинает клубиться черный, все густеющий туман. Ее накрывает волна ледяного озноба. Ирина поворачивается и бежит обратно. У нее подламывается каблук, она сбрасывает туфли и бежит босиком. Стены впереди начинают сдвигаться. Но все же она успевает, обдирая плечи, в узкую щель выскочить наружу. И тут ей наперерез бросается билетерша. Раскинув руки, будто панночка из «Вия», старается поймать Ирину. Лицо старухи страшно и непрерывно меняется.

Ирина просыпается с отчаянным криком. Сердце колотится так, что от его ударов вздрагивает все тело. И не проходит ощущение ледяного озноба.

Включив свет, Ирина долго лежала, глядя в потолок. Мысль о том, чтобы вновь попытаться заснуть, она сразу отогнала. Если снова приснится что-нибудь подобное...

И в это время на ночном столике тихо загудел телефон.

Ох, эти ночные внезапные звонки! Бывает, что от них сгорает больше нервных клеток, чем у штурмовика при заходе на цель...

Голос Алексея, недовольный и вместе с тем растерянный, вибрировал в трубке.

— Только что звонил твой приятель...

— Что? Что он сказал?

— Говорит, что встретился с твоими земляками. Чтобы я срочно бежал к тебе и мы ехали...

— Все! Ничего не говори. Выходи на улицу, я минут через двадцать подъеду. Жди на углу на квартал ниже дома... — Она бросила трубку.

Вот и случилось. Она сразу поняла смысл слов Новикова и все его предосторожности. Андрей, как всегда, действует быстро и единственно верным в его положении способом. Только непонятно, почему они пришли к нему.

Ирина торопливо оделась. На пороге, уже выходя из квартиры, оглянулась. Придется ли вернуться сюда еще раз? Или она уходит навсегда? Сейчас Ирина особенно отчетливо осознала свою принадлежность к миру людей и почувствовала мучительный, пульсирующий и ноющий, как зубная боль, страх при мысли о встрече со своими коллегами и соотечественниками.

Торопясь и нервничая, Ирина открыла гараж, завела двигатель и, не прогревая его, чего обычно не допускала, выехала на улицу.

Теперь прояснилась и причина непонятного состояния и ночного кошмара. Очевидно, явившись к Андрею и не обнаружив там ее (как, интересно, он сумел от них вырваться?), гости, точнее — агенты неизвестной ей службы, начали ее искать.

Ирина понятия не имела об аппаратуре, которую они могли в этом поиске использовать. Она вообще знала о назначении, организациях, методах работы и техническом оснащении своих старших коллег гораздо меньше, чем рядовая землянка ее лет знает о таких учреждениях, как ЦРУ, АНБ, БНД, Моссад и прочее. Здесь выходят десятки и сотни книг, фильмов, статей, отражающих их деятельность. Там же — ничего. Мрак, туман, молчание и тайна...

Но, исходя из общего представления об уровне развития техники, она могла вообразить, как поисковый луч, настроенный по ее характеристикам, кружит по городу, пытаясь ее зацепить. И самые первые, на пределе дальности, контакты уже оказали такое воздействие на ее психику и нервы. И как хорошо, что Новиков, даже не зная сути дела, опять пришел к ней на помощь, потому что, нащупав ее, локатор стал бы автоматически подстраиваться, и очень скоро возросшая интенсивность воздействия полностью подавила ее индивидуальность, она пошла бы по лучу, как те крысы на звук дудочки...

Теперь же, предупрежденная, она сумела заблокировать свое подсознание от волнового воздействия.

Ей стало легче, но тут же она подумала, что ничего эта маленькая победа в принципе не меняет, все равно они ее найдут, и Новиков ей ничем не поможет, потому что против профессионалов из ее мира он, каким бы ни был надежным парнем и верным другом, не более чем ребенок детсадовского возраста против рейнджеров.

И все же она ехала туда, где ждал ее Андрей. Больше в целом мире рассчитывать все равно было не на кого.

...Тихая теплая ночь, одинокая неспешная дорога по старым кривым переулкам, огонек сигареты, вкус и запах табачного дыма успокоили его настолько, что Андрей смог наконец рассуждать легко и почти отстраненно, анализируя происходящее, как чисто логическую задачу. Сценарий сомнения не

вызывал, и он был почти уверен, что сумеет его выполнить. А вот другая сторона проблемы внимания заслуживала.

Зачем? — вот вопрос. Хорошо, что ни Сашка, ни Олег сразу об этом его не спросили. Он ведь и сам до конца не знает. Там, у Левашова, он просто подавил друзей своим напором и решительностью, сразу переведя проблему в сферу практической реализации. По известному, хотя и не нашему, принципу: сначала стреляй, потом думай.

А думать-то все равно надо.

Неужели им руководит действительно чистый альтруизм, и он, не колеблясь, рискует жизнью — своей и не только ради того, чтобы попытаться помешать выяснению отношений между существами, глубоко людям чуждыми, посторонними и, может, даже и негуманоидами? Какое право он имеет на вмешательство в чужие дела?

Впрочем, это не из той оперы вопрос. Вмешиваться во что угодно, рисковать своей и чужой жизнью можно и нужно, но — ради высших ценностей. Долг, присяга, честь и так далее... Честь? Он же именно об этом говорил в свое время Ирине. И давал слово. Допустим. Но это опять только его личная проблема. И ведь самое смешное, что в реальном общечеловеческом мире этой проблемы просто нет, потому что ее не может и не должно быть. Признано, что контакты с пришельцами будут совсем не такими и не таким людям доверят их осуществлять. Соответствующую литературу читать надо. А он, некий Новиков А., если ему больше нечем заняться, играл бы в свой преферанс, не лез бы, куда не просят...

Андрей, как ему показалось, уловил некую нить. Вот-вот: не просят. А кто его должен просить? Если ждать, когда кто-то где-то задумается, потом сообразит, согласует с кем положено и лишь потом в установленном порядке кого нужно попросит... Но как тогда быть с формулой: «Если не ты, то кто? Если не сейчас, то когда?» Да и в конце концов, будь на месте пришельцев просто граждане иностранного государства, собравшиеся причинить вред лицу, просившему у них политического убежища, и то их действия подлежали бы пресечению. А уж в данном случае — тем более. И кстати, друзья его среагировали именно так. Это он сгоряча вообразил, что они слепо ему подчинились, а они ведь тоже сразу суть вычленили.

Новиков улыбнулся невольно. В общем, еще раз подтверждается, что всякое первое побуждение обычно бывает благородным.

Он вышел на площадь перед Рижским вокзалом. Несмотря на позднюю ночь, людей здесь было много. Войдя внутрь, Новиков, ожидая условленного времени, покрутился среди встречающих и отъезжающих, попил воды из фонтанчиков, на секунду задержался у зеркала в туалете. Нет, вид вполне уверенный, губы не трясутся. А что, собственно, рефлектировать? Выбора нет и не было. «Жизнь принуждает человека ко многим добровольным действиям», — вспомнил он.

Из глубокой тени за выступом стены Новиков увидел подъезжающую «семерку» со знакомым номером и, не дожидаясь, пока она остановится, нырнул в переднюю дверцу. Ирина, сидевшая за рулем, повернула к нему бледное лицо. Глаз видно не было, но Андрей ощутил ее тревогу, страх, немой вопрос. Такой он ее еще не видел. И от этого сразу стал собранным, ироничным, не знающим сомнений — каким она его знала.

— Привет! Молодцы, подъехали четко. Что значит десантная выучка! — он обернулся, кивнул Берестину. — А теперь по газам, Ира, и — вперед за орденами...

Ирина придавила акселератор.

— Что случилось? Теперь ты сообщишь, надеюсь? — спросил Берестин.

Новиков подробно рассказал обо всем. Берестин заговорил первым.

— Это похоже на правду, Ира?

Она не успела ответить.

Машина выскочила на перекресток, и Новиков, не успев даже понять, в чем дело, отчаянно выкрикнул: «Стой!» — и изо всех сил вдавил правую ногу в пол, словно сам сидел за рулем. Ирина среагировала одновременно или, пожалуй, на полсекунды раньше, вывернув руль влево, и резко затормозила. И тут же на них обрушилось что-то черное, громадное, бесформенное. Удар, лязг, звон, машину поволокло боком — и все кончилось. По улице, стремительно удаляясь, уносился в темноту грузовик без огней, вроде бы «ЗИЛ-130».

Новиков и Берестин выскочили одновременно. «Семерка» стояла, развернутая почти на 180 градусов — и удивительно целая. Только смят был угол правого крыла да дребезжала облицовка фары... И все...

Ирина тоже выбралась из-за руля.

— Все целы? — севшим голосом спросила она.

— Все. Давай отъезжать, а то еще ненужные зрители появятся...

Произошел невероятный случай — одновременно с ними на перекресток вылетел идущий без света на всей скорости грузовик, кто там сидел за рулем: пьяный, сумасшедший или угонщик — неизвестно, и не хватило доли секунды и метра расстояния, чтобы их автомобиль, смятый, как бумажная салфетка, влепило в стену ближайшего дома.

Дальше машину повел Берестин.

— Это не похоже на ответный ход твоих коллег? — спросил Андрей, когда они выехали из путаницы темных переулков на Новокировский проспект.

— Нет. Думаю, исключено. Зачем им это?

— А если они все время за нами наблюдали, поняли, что ты полностью изменила святому делу, и решили поступить по всей строгости...

— Нет, — вновь возразила Ирина. — Если ты все рассказал верно, они прибыли совсем недавно, нашли по пеленгу квартиру, удивились, что меня там нет, ведь я, по правилам, не должна расставаться с блоком. И сейчас они меня ищут другими способами: по резонансным частотам биотоков. Но тут у них тоже не получится. В Москве сильный естественный фон, да и я умею защищаться... А таких видеодетекторов, чтобы найти незнакомый объект без селекторной информации, без корректировки полей, без подключений к местным компьютерным сетям, просто быть не может. Такую аппаратуру нужно собирать из земных деталей и элементов, согласовывать с характеристиками здешних информполей, долго настраивать и регулировать по эталонам... Это нереально... Я потратила на это больше года, в благоприятных условиях...

— Но ты по себе судишь, а они ведь могут иметь другое оснащение.

— Нет, — в третий раз сказала Ирина. — Ты никак не поймешь. Судишь по-земному. А там все иначе... Прогресса в нашем смысле (Новиков с радостью отметил это машинальное «в нашем») там давно уже нет. И ничего такого, чего не знала бы я, за прошедшее время там придумать просто не могли. Представь себя в середине прошлого века. Ты же мог гарантировать, что при любой ситуации никакой гениальный ученый телевизор собрать бы не сумел. Так и там. Все, что нужно и можно,— давно изобретено. По-моему, у них тысячу лет уже ничего не менялось...

— Ох и тоска, наверное, — сказал Берестин.

— Совсем нет, — как-то слишком горячо возразила Ири-

на. — В Древнем Риме и Афинах на скуку, по-моему, никто не жаловался, хотя технического прогресса там и не было. Скорее здешняя ситуация больше раздражает — ничего постоянного. Что пять лет назад было новинкой — сегодня ненужная рухлядь, за время активной жизни раз десять надо переучиваться...

— Короче, ты утверждаешь — случайность, — перебил ее Новиков. — Может быть, но если случайности такие, я отношусь к ним настороженно.

— Привыкай. После того, что мы с вами успели сотворить со временем, я уже ни за что не поручусь. С нами может случиться все, что угодно. И жаловаться будет некому...

— Отчего же обязательно жаловаться? Вот Алексею вообще жаловаться грех... — машинально съязвил Новиков, имея в виду не только историю со «Спортлото», но и всю его эпопею.

— Может, о чем другом поговоришь? — резче, чем следовало, отозвался Берестин. — Скажи лучше, куда ехать...

Ему было неприятно присутствовать при разговорах Новикова с Ириной, в эти моменты она очень менялась, становилась непохожей на себя, и его это злило, хотя, как человек воспитанный, он всячески старался этого не показать. Не говоря даже о разнице между четырьмя месяцами знакомства и десятью годами дружбы, главную роль в их разном отношении к Ирине играло то, что для Берестина она была представительницей высшего разума, которую он полюбил, для Новикова же — старинной, с юности подружкой, которая через много лет попала в какую-то глупую историю с пришельцами. Ни Ирина, ни тем более Новиков не посвящали Берестина в тонкости своих отношений. Старый знакомый, который помог Ирине исправить последствия берестинского опрометчивого поступка, — и все.

Вот и сейчас Берестин почувствовал острый укол ревности. Он написал свои записки отнюдь не для опубликования и презентовал их Ирине, чтобы она лучше поняла его к ней отношение. А она, получается, давала их читать Новикову. Это было как измена, насмешка над его доверием и откровенностью. И так их с Ириной отношения складываются трудно и странно. Поначалу она дала понять, что готова пойти ему навстречу, и вдруг все изменилось, стало зыбким и неопределенным. Они по-прежнему часто встречались, проводили вместе вечера, но — не более. Любая его попытка форсировать события, привести дело к логическому развитию и соответствующему результату, вплоть до свадьбы, наталкивалась на неявное, но твердое сопро-

тивление. А тут еще этот Новиков возникает то и дело, со всей его раздражающей манерой иронизировать, затевать споры...

Промелькнули за окнами фермы Крымского моста, и Берестин вовремя свернул налево, хотя и был здесь всего два раза.

Андрей успел сварить кофе, поставил, для успокоения нервов, кассету с записями Гершвина, и тут появился Шульгин. Минут через пятнадцать пришел и Левашов.

— Все чисто, босс, — доложил Шульгин, то ли продолжая валять дурака, то ли настраиваясь на предстоящую роль.

— Молодец. Хвалю. Можешь себя за это стимулировать... — Новиков кивнул в сторону спрятанного среди книжных полок, но хорошо известного Шульгину бара. — У тебя как? — повернулся Андрей к Левашову.

— Нормально. Никаких шевелений в районе объекта. А мои замки без динамита до утра не вскроют.

— Ну, значит, заседание продолжается. Вот, Ира, наш эксперт по ксенопсихологии утверждает, что никаких технических сюрпризов нам опасаться не нужно. Это приятно, разумеется, но непринципиально. Главное для нас что? Я бы хотел знать, допускает ли их нравственное чувство, а также позволяют ли инструкции применять на Земле силу против местных жителей. Вот это ты нам, пожалуй, освети...

— Ты что, действительно с ними воевать собрался? — с искренним удивлением спросила Ирина.

Она до сих пор считала, что речь идет о том, чтобы помочь ей как-то скрыться, избежать встречи с агентами.

— Ну, что мы собираемся — это сейчас не тема. Но если дойдет до конфликта, на что нам ориентироваться? Могут они начать, скажем, стрелять или иным путем нарушать постоянство нашей внутренней среды, как изящно выражаются авторы инструкции к гомеостату Алексея?

— Понимаешь... Никаких специальных правил на этот счет я не изучала. Но мне кажется, что категорических запретов нет...

— Если исходить из моего небольшого опыта, — сказал Берестин, — то, судя по наличию в квартире на Столешниковом пистолета с боезапасом, пацифистами и толстовцами их не назовешь...

— Ясно. Придется учитывать.

Шульгин хмыкнул.

— Пришельцы, значит, могут делать что хотят. А как мне

быть, если я в них даже не верю? И никто не верит. Ни участковый, ни Комитет, ни АН СССР. Но если мы с ними что-нибудь сделаем, поступят с нами по всей строгости. Прелесть, перспектива!

— Вот и имей это в виду. И не превышай...

— О чем вы, ребята? Даже не думайте! Не хочу хвалиться, но я и то с каждым из вас могла бы справиться. А там перед вами не слабая женщина, а настоящие специалисты будут. — Ирина от возбуждения поднялась с кресла, нервно заходила по комнате.

Улыбка на губах Шульгина стала отчетливо двусмысленной.

— Это, допустим, еще большой вопрос...

— Да, Ира, это действительно вопрос. Кое-что и мы можем. Саша вот у нас, между прочим, ниндзя. Не высшего класса, но все-таки...

Новиков говорил правду. Лет пятнадцать назад Шульгин от нечего делать выучил японский язык, а впоследствии, когда работал на Дальнем Востоке, нашел на чердаке у квартирной хозяйки целый чемодан бумаг: дореволюционные письма и дневники участника русско-японской войны, капитана генерального штаба, и среди этих бумаг — пять толстых рукописных тетрадей на японском. Старательно переписанный труд семнадцатого века «Бансен Сюккай» со всеми приложениями, где излагалась теория ниндзюцу — искусства проведения тайных операций, оставаясь невидимым.

Шульгин все прочел и приступил к практическим занятиям. Сначала с помощью хабаровских фокусников, жонглеров и акробатов. Ежедневными изнурительными упражнениями он довел до возможного совершенства заинтересовавшие его способы и приемы. Истинным ниндзя, конечно, не стал, но кое в чем вышел далеко за пределы нормальных человеческих возможностей.

И Новиков в своих планах отводил этим его способностям существенное место.

— Глупости! — раздраженно бросила Ирина. — Если они захотят меня отсюда убрать, вы им не помешаете...

Шульгин хмыкнул и с подчеркнутым безразличием отвернулся к окну. Андрей спросил:

— Ты как-то говорила, что чем больше человеческого в твоих соплеменниках, тем меньше инопланетного — так?

— Конечно. И физически, и интеллектуально...

— Они, как я успел заметить, весьма человекообразны. Значит, их физические возможности примерно на нашем уровне?

— Да. Если точнее — на оптимальном для человека данного физического склада.

— Среднего или специально тренированного?

— Скорее среднего. Возможности абсолютно здорового, занимающегося спортом — не для рекордов, а для поддержания формы — человека. Так будет вернее всего.

— С этим ясно. — Новиков, похоже, был удовлетворен. — Но, помнится, ты что-то такое говорила про растянутое настоящее? Поясни. Эта штука мне как раз не нравится...

— Знаешь, это трудно сразу объяснить. В какой-то мере это философская категория. При определенных условиях, с помощью универблока, можно создать поле автономного времени, в котором все процессы протекают иначе. Возникает иное понятие об обратимости явления. Коротко не объяснишь... Ну вот, если бы у меня сегодня был при себе универблок, настроенный на тот режим, то, когда я заметила грузовик — и даже в момент столкновения, но пока не зафиксировались необратимые явления происшествия и не возникла новая цепочка следствия, я могла бы все вернуть назад, развести машины и проехать подругому. Как на видеопленке — отмотать назад, стереть и записать новое изображение. Вот, грубо, что-то в этом роде...

— Хорошо, кое-что понятно...

Тут оживился Левашов.

— А ты покажешь, как это можно делать? — По его глазам отчетливо читалось, что новая идея для него гораздо интереснее и увлекательнее, чем планируемая Новиковым кампания.

Андрей тоже это заметил.

— Это не так просто, — ответила Ирина. — Ты бы мог, скажем, на словах объяснить первому встречному, как, имея в руках отличную скрипку, исполнить Сарасате?

— Стоп, стоп... — вмешался Новиков. — Как только закончим, Ирина первым делом обучает Олега растягивать Сарасате... То есть время, конечно. Это будет его гонорар. А Левашов, в свою очередь, обязуется создать Ирине соответствующие условия. Личную безопасность, как минимум... Договорено. Поехали дальше...

Берестин снова ощутил приступ раздражения. Все происходящее представилось ему откровенным балаганом. Собрались три, на первый взгляд, серьезных человека и вот уже второй час занимаются черт знает чем. Тешатся бесцельным трепом,

рисуются, как могут, перед Ириной и ничего сколько-нибудь разумного не предлагают. Он-то думал, если все действительно правда, так они выдвинут реальный план, а тут — сплошное словоблудие, дурацкие разговоры о вооруженной борьбе с пришельцами, интеллектуальное пижонство. Он все свое раздражение и высказал единым духом, не очень заботясь об изяществе выражений.

Выговорившись, он увидел, что все трое смотрят на него не возмущенно и не обиженно даже, а с сочувствием.

— Не заводись, Алексей, — спокойно сказал Новиков. — Это мы только на первый взгляд дураками кажемся, а если присмотреться — так вроде и ничего... Впрочем, тебя же, между прочим, в операцию и не планировали. Спокойно вернешься домой и будешь ждать. Обеспечивать тыл, по-научному...

— А вот это — пардон... Не хотите всерьез говорить — ваше дело. Но вот чтобы вы делом занимались, а я дома сидел — не получится. Я в конце-то концов единственный здесь боевой офицер. Воевал по-настоящему, когда вы не то что за автомат, а и за девчонок не держались...

— А разве кто спорит? — спросил Шульгин. — Но надо ведь, чтобы кто-то и живым на всякий случай остался. Ирине и дальше помощь потребуется... А ты — человек хоть и боевой, но к нашему делу не подготовленный.

— А вы — подготовленные? Когда ж успели? За три часа? Или курсы заканчивали специализированные, по борьбе с пришельцами?

— За три часа плюс еще двадцать лет. Андрей всю жизнь для нас всякие вводные придумывает, а потом решает. Вроде как шахматные задачи сочиняет. И сейчас он из старых заготовок новую схему слепил. На мой взгляд — вполне убедительную...

— Если те ребята настроены достаточно серьезно, ничего у вас не выйдет. Ирина, наверное, не хуже нашего разбирается.

— Все выйдет... — тихо и удивительно веско сказал Новиков. — Человеческих возможностей не хватит, чтобы наш план поломать. Нечеловеческих, может быть, и хватило бы, но не в этот раз. Всю операцию проведем четко и одномоментно. Другого раза у нас, конечно, не будет.

— Так вы поубивать их собрались?

— Что за манеры, где тебя воспитывали? — Шульгин пренебрежительно скривил губы в усмешке. — Говорить на такие темы надо деликатно и неопределенно. Ниндзя моего круга любят употреблять выражение «гасить облики». Если б только

за этим все дело стало... — в голосе его появилась мечтательность. — Но мы люди крайне гуманные. Мы считаем, что даже комара убивать безнравственно, ибо такое убийство не несет воспитательного значения ни для покойного, ни для его единомышленников.

— Ну, пошел... — словно даже одобрительно сказал Новиков. — Остановись. Никого мы, конечно, трогать не будем. Надо просто повидаться с этими персонажами, обменяться мнениями, найти взаимоприемлемое решение...

Ирина поняла, что ничего всерьез Андрей больше не скажет, и под столом толкнула Берестина ногой.

— А вдруг ничего такого вообще нет? С чего мы все взяли, что они плохое задумали? — неизвестно почему вдруг сказала она и тут же начала своим словам верить. — Вдруг это такие же координаторы, как и я, им просто нужна моя помощь или они хотят передать мне какое-то поручение, задание...

Друзья переглянулись.

— Если бы так — слава богу, — с сомнением ответил Новиков.

— Но мы предпочитаем исходить из худшего, — не дал себя расхолодить Шульгин. — Тогда другой расклад пойдет, как подарок. Два туза в прикупе.

— Посему схема остается в силе, — подвел черту Левашов. — Моя доля — вариант Валгалла в полевом исполнении. Кстати, здесь нам не обойтись без Алексея. Тем более он с машиной. Согласен?

— А что мне остается? Черт с вами, поваляю дурака на старости лет...

— Тебе не впервой... — довольно бестактно ляпнул Шульгин и, когда Берестин дернулся, чтобы тоже ответить резко, мягко добавил: — Не обижайся, я хотел сказать только, что определенный опыт у тебя уже есть...

— Все, мужики, будем заканчивать, — хлопнул ладонью по столу Новиков. — Мы сегодня уже столько натрепались, что пришельцам, если они все же нас слушают, до завтра придется свои извилины в обратную сторону раскручивать. Всем все ясно. Олег, забирай Алексея — и вперед!

— Если не жалко — оставь нам свою штучку. — Шульгин показал на гомеостат на руке Берестина. — Тебе здоровья и так хватит, а нам он заместо походной аптечки будет. Мало ли что приключится на трудной тропе войны.

Берестин снял браслет и протянул его Шульгину.

...Когда они остались втроем, Ирина словно даже расслабилась, вздохнула облегченно.

— Ну так что, полуночные ковбои, может, хоть мне одной вы что-нибудь скажете вразумительное? И еще, Андрей: зря вы так с Алексеем.

— Ириша, о чем ты? Просто дело слишком серьезное. Ничего вслух я действительно говорить не хочу, а чтобы он смог активно там помочь, надо знать нас так, как мы друг друга знаем. А если что еще думаешь, так это вообще ни при чем. Не в моем стиле... Вот смотри. Нам с Сашкой еще кое о чем надо договориться...

Новиков взял лист бумаги, нарисовал на нем несколько разного размера прямоугольников, кружков, каких-то значков и показал Шульгину. Тот кивнул. Андрей секунду подумал и изобразил целый веер стрелок в разных направлениях, потом выписал столбик четырехзначных цифр, украсил все это восклицательными знаками. Шульгин взял у него карандаш, зачеркнул одну стрелку, нарисовал другую, а два числа подчеркнул и тоже поставил вопрос.

— Ага, — удовлетворенно сказал Новиков и обратился к Ирине: — Поняла что-нибудь?

— Конечно, нет.

— А это как раз схема наших завтрашних действий с разбивкой по этапам. — Он скомкал листок и поджег его с угла зажигалкой.

— Нет, Андрей, сколько я вас знаю, а привыкнуть все равно не могу. Вы действительно какие-то уникальные...

— Мы не только уникальные, — солидно добавил Шульгин, — но даже где-то и гениальные. Нам только волю дай, да было бы дело...

— Вся хитрость в том, — сказал Андрей задумчиво, — что для всего, что угодно, люди всегда найдутся, словно для этого только и родились. А вот для отдельных людей далеко не всегда находится подходящее дело. Зато если удается попасть в масть, происходит самое интересное. Во времена всяческих катаклизмов самые, казалось бы, непримечательные люди такое способны совершить...

— Или натворить, — вставил Шульгин.

— Именно. Вот, к примеру, хоть Ковпака взять. Так и дожил бы человек до пенсии в тихом своем городке, а тут война, и вот уже он выдающийся партизанский генерал, дважды Герой и так далее. Наполеоновских маршалов возьми, которые из трак-

тирщиков и бондарей произошли... Или в науке и технике. Изобретают телевидение, и соседский дядя Миша с восемью классами вечерней школы оказывается талантливейшим наладчиком цветных телевизоров и видеомагов. Сам знаю такого, а я, при всех своих достоинствах, во всем этом — ни уха ни рыла... И спрашивается, не придумай кто-то это самое ТВ, что бы дядя Миша делал? Так и помер бы в дворниках и сантехниках. Вот, может, и мы с Сашкой — прирожденные ксеноконтрразведчики или какие-нибудь прогрессоры...

— А говоря попросту, на нашем месте так поступил бы каждый, — вмешался Шульгин. — Так у нас принято.

— Просто тебе повезло, что ты именно с нами познакомилась.

— А если бы не познакомилась, тоже ничего бы не потеряла, потому как не имела бы возможностей понять, что другие — это не мы... — опять влез Шульгин и окончательно все запутал. И тут же переключился на новую тему: — Ты вот лучше скажи, почему тебя именно к нам забросили? На Западе, по-моему, раздолья для ваших не в пример больше.

— Я говорила уже — ничего я не знаю. Меня готовили сюда, кого-то туда, наверное. У нас в школе общаться с однокашниками не принято было. Подготовка сугубо индивидуальная.

— Хватит, наверное, Ира, — заключил Андрей. — Спать пора. Ложись в той комнате. Завтра всех нас ждет много нового и интересного.

...До полудня Ирина спала, и ее никто не тревожил. Проснувшись, увидела на столике возле дивана записку:

«И.! Отдыхай, развлекайся в меру возможностей. Из дому не выходи ни в коем случае, дверь никому не открывай, никуда не звони и не подходи к телефону. Вернусь после обеда. Не скучай. А. Н.».

Она долго лежала в постели. Вставать не хотелось. От минувшей ночи остались шум в голове, горечь кофе во рту и смутная тоска, настоянная на страхе перед предстоящим днем.

Потом она все-таки встала. Обошла пустую и тихую квартиру. Здесь она была всего один раз и очень давно, почти в самом начале их первого знакомства, на встрече Нового года. И все здесь тогда было не так. Шумно и весело. Гремела музыка, собралось много народу, девушки в нарядных одеждах, элегантные ребята. Тогда еще не привилась мода ходить в гости в поношенных свитерах и джинсах, все надевали лучшее. На стенах висели собственноручно исполненные Андреем шаржи с остроумными пожеланиями, вдоль этой вот стены стоял стол,

вон там сияла огнями и игрушками елка... В темный коридор по очереди выходили целоваться...

И квартира тогда была совсем другой. И мебель другая, и обои, и запахи. Только старинное венецианское зеркало осталось с тех пор, и Ирина долго смотрела в него, будто пытаясь в глубине стекла уловить следы давних отражений.

Она оделась, привела себя в порядок, попила чай на кухне. Томительное предчувствие грядущего несчастья не проходило. Она пыталась читать, включила телевизор, не смогла смотреть и выключила.

Потом в кабинете Андрея, перебирая книги на полке над столом, она вдруг наткнулась на фотографию в тонкой металлической рамке. Очевидно, Андрей второпях сунул ее сюда, потому что на книгах лежал тонкий слой пыли, а стекло и рамка были чистые. На большом цветном снимке — она сама, молодая, счастливая, смеющаяся, в легком белом костюме, с поднятой рукой, которой пытается удержать разлетающиеся от ветра волосы. А позади, на тревожном фоне сизо-грозовой тучи, освещенный упавшим из-за туч косым лучом, брусочек храма Покрова на Нерли... И он до сих пор держит ее снимок на своем столе, и смотрит на него, наверное... Она долго стояла с фотографией в руках.

...Новиков появился около трех, когда она совершенно измучилась ожиданием. Он вошел, и ей сразу стало легче, потому что он был несгибаемо уверен в себе и даже весел.

— Как ты, Ириш? Ну, ничего, недолго осталось. — Он бросил на диван принесенную с собой спортивную сумку, сел к столу. — Присядь и ты. Перед дорогой.

Она хотела спросить его, но он остановил ее жестом:

— Усваивай обстановку. Вопросов не задавать, выполнять любые указания мгновенно и точно. Пандора, жена Синей Бороды и прочие дали наглядные примеры, что бывает, когда не слушают старших. С этого момента не задумываться, не рассуждать, только подчиняться. Вечером отпразднуем победу. — Он помолчал. — Не бойся ты ничего, Ирок. Когда я тебя подводил? Да и дело, как посмотришь, плевое... — Он опять замолчал вдруг и задумался, как шахматист, увидевший на доске новую комбинацию.

Она принесла с кухни горячий чайник, банку растворимого кофе, сахар, начатую бутылку коньяка.

— Нет, пить сейчас не будем...

Он густо замешал в чашке кофейный порошок с сахаром,

растер смесь по стенкам, залил кипятком, так что образовалась пышная кремовая пенка, почти залпом выпил и тут же пружинисто поднялся. Достал из сумки и протянул Ирине белые джинсы, кроссовки, белую, расчерченную желтыми и зелеными полосами ветровку.

— Переоденься.

— Зачем?

— Ну вот. А вроде договорились.

— Да, конечно, извини...

— Ничего. Сейчас еще можно, но настраивайся. Действуй...

Ирина ушла в соседнюю комнату и переоделась.

— Теперь так, — продолжал Андрей, оглядев ее в новом наряде. — Выходишь от меня — к Олегу. Адрес помнишь?

Ирина кивнула.

— Вот ключ. Заходи и жди. Сразу же положи в карман свой блок. Это самое главное. Сразу и обязательно. Ты идешь именно за ним. Он лежит в прихожей, в нише для счетчика, за вьетнамской циновкой с цаплями. Дальше делай что хочешь, но куртку не снимай ни в коем случае. Жди развития событий. Если придут гости, держись ровно и свободно, как будто ничего с тобой не случилось. И не бойся ничего. Мы рядом и надолго тебя с ними не оставим. Защитить сумеем. И пока будешь ехать к Олегу — тоже не бойся. Запомни одно — не садись в такси.

Он замолчал. Посмотрел ей в лицо, будто старался запомнить лучше. Вздохнул слегка.

— Я понятно объяснил?

Она кивнула.

— Ну и слава богу. Тогда вперед. На веселое дело идем, Иришка... — и подмигнул. Лицо у него стало такое, что ей захотелось броситься к нему на шею.

— Андрей... — Ирине помешали вдруг перехватившие гортань спазмы. — Андрей... Я не могу так больше. Я не понимаю, что происходит между нами. Кто мы друг другу? Зачем ты со мной так? Мучаешь меня и себя, наверное, тоже...

Он взял ее за плечи, повернул к себе. Задыхаясь от запаха ее волос и духов, коснулся губами ее уха, прошептал:

— Ириша, милая... Поговорим вечером. И держись. Главное — держись до вечера... Все будет хорошо.

Ирина освободилась от его рук. Вздохнула глубоко.

— Хорошо, Андрей. Спасибо. Я понимаю. Только ты не исчезай больше... — И вышла.

...В подъезде дома Левашова ее снова охватил страх, почти

исчезнувший, пока она добиралась сюда по самым обычным улицам, заполненным людьми, которые ничего не знали и не могли знать, не могли даже представить того, что с ней происходит и что предстоит.

А здесь, в гулкой пустоте сквозного семиэтажного пролета, она вспомнила о том, что ее ждет, и вошла в квартиру Левашова на совершенно ватных ногах.

Не так уж сильно важно, что она думала и делала в то неясное, расплывчатое время, пока, наконец, неописуемый квакающий звук из прихожей не известил ее, что пора сомнений и ожиданий кончилась, настал холодный и пронзительный момент окончательных решений.

— Вы ко мне? — спросила она.

Младший молча прошел мимо нее на кухню, заглянул в комнаты, а старший все это время стоял, скучающе рассматривая Ирину, словно все было ему глубоко безразлично, нудно даже, но ничего не поделаешь — служба. Младший, которого ребята назвали «Валетом», вернулся в прихожую, кивнул.

— Мы что, так и будем тут стоять? — наконец выдавила из себя Ирина. — Если у вас ко мне дело — проходите... — Она сделала приглашающий жест в сторону кухни.

— Чайку попьем... — мечтательно сказал старший, «Король». И моментально стер с лица не только улыбку, но и вообще всякое человеческое выражение. Это было неожиданно и страшно. Потому что такого не бывает. Даже покойники в гробу сохраняют хоть какое-то выражение. Ирина не знала, как это возможно. Ее такому не учили.

И заговорил старший на ее родном языке, которого она не слышала уже почти четырнадцать лет.

— Что с тобой случилось?

— Со мной? Ничего. А почему вы решили, что могло что-то случиться?

— Почему ты оказалась здесь, с посторонними людьми?

— Это временно. В этой стране существуют формальности, без которых нельзя произвольно менять место жительства и занимать то жилье, которое нравится. Но скоро я переселюсь в отдельное помещение.

Гости обменялись серией фраз на непонятном ей жаргоне.

— Допустим. А разве у тебя нет денег или других способов, чтобы обеспечить все необходимые условия?

— Все есть, но здесь особые правила, которые нельзя нарушать слишком явно.

Это объяснение их не удовлетворило, и она это почувствовала.

— Почему ты прекратила работу?

— Как прекратила? Все, что нужно, я делаю. Недавно провела сложную и опасную операцию по разблокированию базы в 66-м году.

— Это мы знаем. Но за последний местный год ты вообще не выполнила ни одного задания.

— Какого задания? Я работала по инструкции, а там ни о каких заданиях...

— Конечно. Но через шар тебе постоянно давались задания, хоть ты об этом и не знала. И раньше вопросов к тебе не возникало. Теперь они появились. Дело даже не в том, что ты игнорировала задания. Самое главное — по твоей линии вместо четких сигналов стали поступать помехи, которые вносят хаос и возмущения в работу нескольких секторов...

Когда Андрей попробовал предостеречь Ирину от преувеличенного представления об автономности в таком далеком от ее родной планеты мире, она возмутилась, обвинила его в антропоцентризме, в попытке перенести худшие черты и обычаи своих соплеменников на тех, кого он совсем не знает. Но сейчас, внезапно для себя узнав, что в ее функциях многое не зависело от ее воли, она вместо страха почувствовала злость. Ведь о своей родине она, даже приняв решение навсегда остаться здесь, все же думала с теплым, хоть и неопределенным, чувством. А родина оказалась неразличимо похожа на Землю в ее самом отвратительном обличье.

— Меня учили, что я свободна в своих действиях и могу принимать решения, исходя из собственного анализа обстановки, используя шар лишь как вспомогательное устройство...

Гости опять обменялись непонятными репликами. Потом старший сказал будто даже с сочувствием:

— Нельзя же все понимать слишком буквально. Но если даже и так, то координатор, как бы он ни мыслил, все равно не в состоянии делать что-нибудь неподобающее. Шар не даст ему такой возможности, ибо предлагает выбор только из обязательного набора вариантов. Роль координатора — всего лишь внести необходимый элемент случайности в проблему выбора... Если бы ты делала хоть что-нибудь, ты делала бы то, что нужно. Ты же вообще прекратила предписанную работу и каким-то образом нарушила работу шара. Это преступно. Тебя придется заменить.

— Зачем ты все это ей говоришь? Это никому не нужно. Ей — тем более, — сказал молодой, равнодушно глядя в окно.

— Да, действительно. Ей уже ничего не нужно. Мне просто захотелось побеседовать немного с такой красивой женщиной. Мы так долго ее ждали, что я успел почувствовать себя землянином. — «Король» деревянно улыбнулся. — А она очень соблазнительна...

И тут же его лицо вновь превратилось в маску:

— Отдай свой блок и покажи, где все остальное.

К Ирине вернулось то ощущение ужаса и безнадежности, которое она уже пережила прошлой ночью во сне. Может быть, только остатки надежды, не оставляющей приговоренного даже на эшафоте, позволяли ей сохранять подобие внешнего спокойствия. Или это уже началось предсмертное оцепенение, при котором человек без сопротивления входит в газовую камеру?

Она опустила руку в карман и вытащила блок. В случае необходимости его можно было использовать как оружие, гости знали это и были начеку. Один стоял рядом и фиксировал взглядом каждое ее движение, второй потянулся, чтобы принять у нее из рук прибор.

Боковым зрением Ирина увидела, что ближняя к ней дверь вроде бы начала приоткрываться. И тут же посреди прихожей возник Шульгин. Именно возник, потому что никаких промежуточных движений она не заметила. Дальнейшее происходило настолько быстро, что потом она так и не смогла восстановить в памяти последовательность и подробности событий.

Используя «правило лягушки» и потому оставаясь для пришельцев невидимым, Шульгин переместился за спину старшего. Блок, которого тот уже коснулся пальцами, непонятным образом растворился в воздухе, а сам агент взметнулся вверх, исполнил фигуру, напоминающую сальто с двойным винтом, и, гулко ударившись головой о паркет в дальнем углу, замер.

Младший только успел повернуть голову в сторону рухнувшего на пол коллеги, а Шульгин, по-прежнему не выходя из зоны невидимости, оказался с ним рядом, одним движением сдернул его элегантный пиджак с плеч до середины локтей, так, что с треском брызнули в разные стороны пуговицы, а руки пришельца оказались стянуты за спиной, как наручниками. В следующую долю секунды инопланетянин был отброшен к массивной деревянной вешалке у дальней стены. Звук при

этом получился такой, будто с размаху бросили на пол ком влажной глины.

Шульгин схватил Ирину за руку. Оттого, что он не успел еще перенастроить темп своих движений, рывок вышел болезненным.

— Бегом вниз! — свистящим шепотом выкрикнул он и вытолкнул Ирину за дверь.

Напротив подъезда во дворе стоял тяжелый, сверкающий лаком и хромом мотоцикл-одиночка. Зализанные формы обтекателей и целый веер выхлопных труб одновременно свидетельствовали об огромной мощи и рекордных скоростях, для которых создавалась эта машина. На левом роге руля висели и медленно раскачивались два белых с красными полосами шлема. Мотор тихо стучал на холостых оборотах.

Ирина поняла, что вся ситуация с момента появления Шульгина заняла от силы семь-восемь секунд.

Она еще не успела надеть шлем, как из дверей появился Сашка. Удивительно обычный, словно и не он свирепствовал только что наверху, Шульгин почти не спеша проверил, как она застегнула ремешок под подбородком, помог сесть на заднее сиденье и вложил в свой нагрудный карман тускло блеснувший блок. Оседлал мотоцикл, и поигрывая дросселем, будто ждал, пока она не усядется поудобнее, спросил:

— Устроилась? Теперь держись.

Мотоцикл взревел и поднялся на дыбы. Ей показалось, что они сейчас опрокинутся назад, но Шульгин навалился на руль, и на одном колесе мотоцикл стремительно вынес их со двора. На вираже, пока они сворачивали за угол, Ирина с ужасом увидела, как из подъезда выбегают оба ее врага. Спасения, в которое она уже поверила, не будет, поняла Ирина. Они больше не позволят Шульгину повторить его трюк — эффектный, конечно, но бесполезный. Он не учел, что они не люди и в несколько секунд оправятся от ударов, которых любому землянину хватило бы надолго. А у нее недоставало соображения подсказать Шульгину, чтоб бил насмерть. Они и тогда очнулись бы, но не так скоро.

...А Шульгин показывал класс уличной гонки. От внезапных виражей, когда колени чуть не касались асфальта, сердце у Ирины замирало, несколько раз ей казалось, что смерть под колесами рефрижератора, или панелевоза, или финского туристского автобуса неминуема, но Шульгин всегда успевал проскочить. И она вдруг подумала, что уж лучше разбиться

сейчас насмерть во время гонок, чем снова попасть в руки своих палачей. Ей стало совсем не страшно и легко.

Ирина сама была очень хорошим водителем, так что могла оценить класс езды Шульгина. Хотя и не знала, что с семнадцати лет, с первой своей «Чезеты», он накрутил уже на двух колесах чуть не миллион километров, не раз брал призы на серьезных соревнованиях и сейчас показывал отнюдь не все, что умел.

Шульгин гнал по Москве вроде бы без системы и цели, как преследуемый борзыми заяц. Везде, где можно, он нарушал правила, но внезапно и почти незаметно со стороны, а в основном использовал легальные возможности и отличное знание дорожной обстановки. И если бы за ними гнались обычные преследователи, пусть даже асы дорожно-патрульной службы, Шульгин ушел бы свободно. Но их преследователи были отнюдь не обычными людьми, даже совсем не людьми, человеческого в них вообще было куда меньше, чем казалось на первый взгляд. Они постепенно нагоняли. Ирина заметила погоню минут через десять и больше уже не теряла из виду приметный синий «Мерседес 300 С». Пришельцы проявили хороший вкус и знание техники, выбрав эту машину.

Только в самой глубине души у Ирины оставалась вера, что не все еще потеряно, что ее ребята рассчитывают на какой-то неожиданный ход. То, что уже произошло, не соответствовало стилю Новикова, выглядело примитивно и прямолинейно, он не должен был проиграть так просто. Или она по-прежнему ничего не понимала в его натуре.

Ирина еще не догадывалась, что именно сейчас в ней происходит окончательная перестройка личности. Все предыдущее было лишь подготовкой. И когда она решила прекратить работу, и когда ночью беседовала с Андреем и его друзьями, и весь сегодняшний бесконечный день. И только в этой отчаянной и безнадежной гонке она наконец нашла свою сторону баррикады. После прямого и непосредственного контакта с братьями по крови. Машина пришельцев резко увеличила скорость, и теперь их разделяло не более ста метров. Шульгин резко повел мотоцикл поперек потока, из левого ряда в правый, вышел к перекрестку и, невзирая на светофор, на возмущенные гудки и скрип тормозов встречных и попутных машин, нырнул в переулок. Он уходил с широких проспектов в лабиринт центра, где мотоцикл получал ощутимые преимущества.

— Все равно ничего не выйдет! — крикнула Ирина в ухо

Шульгину. — У них наверняка «шар» в машине, он вычислит наш путь...

Сашка повернул голову. Против ожидания, он весело улыбался.

— Спокойно, Ира! Не дрейфь! Я от них в любой секунд уйду! Все идет по плану.

Распугивая нежащихся на солнышке старушек, мамаш с колясками и кошек, мотоцикл понесся по гулким и узким переулкам, каких мало осталось в старой Москве и о которых не подозревает большинство не только гостей столицы, но и жителей новых районов. Сбавив скорость, свернул в низкую сводчатую подворотню.

Ирина и не знала, что в двух шагах от центра сохранились такие дворы — прямо готовая декорация для съемок фильма из жизни преступного мира нэповских времен.

Задохнувшись от счастья, она увидела, как от стены черного закопченного дома к ним бежит Новиков.

В такой же, как на ней, белой ветровке, джинсах и шлеме.

— Сашка, только не останавливайся! — закричал Новиков.

Шульгин ехал, отталкиваясь ногами от асфальта. Новиков уже бежал рядом, держась за дугу заднего сиденья.

— Где блок?

— У меня...

Андрей обхватил Ирину за талию, сдернул на землю. Теперь они бежали рядом, держась за руки, через арку свернули во второй двор, еще более грязный, заваленный строительным мусором, разбросанными лесами, бочками с побелкой, валяющимся на боку сварочным аппаратом, из которого растеклась лужа воняющего карбидом раствора. Такое впечатление, что строители штурмовали ремонтом эти антикварные строения, повозились, отчаялись и, плюнув, отступили в беспорядке, бросая оружие и технику.

— Спрячься здесь, подожди минут двадцать — и можешь идти домой. Ко мне. Жди, я скоро позвоню. И не бойся, теперь уже все в порядке... — торопливо говорил Новиков, потом толкнул ее к подъезду с сорванной дверью, запрыгнул в седло. Шульгин чемпионским жестом вскинул вверх обе руки, вновь перехватил руль, дал по газам, и они исчезли, оставив после себя лишь клуб повисшего в неподвижном и затхлом воздухе синеватого дыма.

Ирина по разгромленной лестнице поднялась на второй этаж, морщась от обычной в таких местах мерзости запустения, подошла к окну. И едва успела отпрянуть назад. Внизу

проезжал синий «Мерседес». За рулем сидел «Валет», а второй, опустив голову, внимательно смотрел вниз, похоже — себе на колени. Вид у обоих был спокойный и уверенный. Деловой, можно сказать. С привычным уже ужасом она представила, что вот сейчас они остановятся, выйдут из машины, и все будет кончено. Даже крика ее никто не услышит. Но машина проехала мимо, и вновь уши заполнила глухая тишина.

Без сил Ирина опустилась на грязные штукатурные козлы в углу.

...Новиков хлопнул Шульгина по плечу и крикнул, перекрывая гул мотора:

— Теперь давай! Предположим, что мы от них уже оторвались...

Он сам не знал, почему ему пришла в голову мысль, что Сашке ни в коем случае нельзя останавливаться во дворе. Просто вообразилось, как пришельцы смотрят на экран, по которому ползает зеленая яркая точка. И вдруг эта точка замирает. И у дурака возникает вопрос: зачем она остановилась? А раз вопрос, так и поиски соответствующего ответа. Вопросы же возникать не должны.

Им сейчас все ясно: загнанный заяц мечется по полю, петляет, хитрит, а охотнику все его хитрости — открытая книга.

Когда сзади вновь замаячил знакомый фирменный радиатор, Андрей почувствовал к себе уважение. Тоже мне, пришельцы! Логика у них прямая, как рельс. Никакой фантазии! Историю надо учить, ребята, знать, с кем дело имеете. Византия здесь, а не...

Дальнейшие перемещения, при всей их причудливой и видимой беспорядочности, постепенно уводили гонку в северо-западный сектор города. Здесь уже почти не осталось знакомых узких, загруженных транспортом улиц, и Шульгин повел мотоцикл по прямой, держа скорость около 90. Пришельцы больше не теряли с ними визуального контакта, видимо, уверенные, что их жертвы в последней надежде попытаются за городом оторваться от них на предельной скорости.

Сашка сбросил газ и плавно свернул вправо, в длинный проезд между глухими бетонными заборами, за которыми поднимались краснокирпичные корпуса не то гаражей, не то складов. По случаю субботы все здесь было тихо, уныло и безжизненно.

Стук мотора резким диссонансом взорвал сонную атмосферу и вдруг смолк, словно осознал свою здесь неуместность.

Дальше ехать было некуда. Проезд заканчивался тупиком — запертыми на массивную штангу железными воротами. Шульгин начал разворачиваться.

Новиков нашел еще время удивиться, как необычно и интересно выглядит этот проезд, освещенный косыми пыльными лучами солнца, уже коснувшегося краем кромки забора, как эта картина напоминает эпизод из заграничного авангардистского фильма, и увидел, что для полноты впечатления навстречу им не спеша вплывает в переулок, бесшумно и неумолимо накатывается надоевший до тоски синий автомобиль.

По правилам сюжета им следовало бы попытаться проскочить мимо него на полном газу, лучше — отстреливаясь из длинноствольных «магнумов». Или, подсаживая друг друга, кинуться через забор, чтобы еще и там побегать между корпусами, опять же — пострелять, обращая внимание на пронзительный вой рикошетов от кирпича и бетона. Но сколько же можно? Они и так добросовестно отыграли свою роль.

Оба агента уже выскакивали из машины и бежали к мотоциклу, держа в руках штуки, достаточно неприятные и многозначительные на вид.

До последнего момента Новиков прятал лицо за щитком светофильтра на шлеме и, лишь когда до пришельцев оставалось метров десять, поднял забрало и с откровенной насмешкой глянул им в глаза.

Чисто человеческая реакция инопланетян вознаградила его за труды.

Он соскочил на дорогу, с удовольствием потянулся, попружинил ногами, разминая затекшие мышцы. Шульгин установил мотоцикл на подножку, оперся спиной о забор и закурил, изображая полную непричастность к происходящему.

Помня об инциденте в квартире, пришельцы не стали подходить слишком близко и остановились, настороженно глядя на землян, сумевших их так просто и лихо обмануть банальной подставкой. Они не подозревали, что несколько крупных, с грецкий орех, шариков от подшипника, которые Шульгин прятал в рукаве, делали их предосторожности бессмысленными. Такими шариками метров с двадцати Шульгин заколачивал гвозди в стену, причем взмаха руки, бросающей шарик, заметить было практически невозможно.

— В чем дело, ребята? — радушно улыбнулся Новиков.

— Где Седова? — спросил старший.

— Постой-постой... Мы вроде знакомы? — Новиков прищурился. — А-а... Опять свою бабу ищете? А черт ее знает, где она есть. Мне со своими и то никак не разобраться... Вот, — и провел ребром ладони по горлу.

Такой стиль хорош, чтобы дезориентировать противника, заставить его думать — для чего тебе понадобилось валять дурака. Раз он знает, что ты все знаешь, он вынужден предположить, что за этим кроется какая-то особая комбинация. Но пришельцы в тонкости вдаваться не стали.

— Где та вещь, что она тебе передала? — спросил «Валет».

— Что ты плетешь? Какая вещь?

— Я сказал — не валяй дурака. Ту, что она отдала, когда ты ее подменил. Давай сюда...

Новиков пожал плечами. И тут же позвоночник его пронзила раскаленная игла. Так ему показалось. Сразу ослабели ноги, и рот наполнился горечью. Андрей несколько раз шумно вздохнул. Вспышка боли была мгновенной, но страшной и ясно намекала, что ждет его в дальнейшем.

Очевидно, и Шульгину досталось, потому что он прошипел нечто неразборчивое сквозь сжатые зубы и так глянул на Андрея, что тот понял — Сашка готов работать по полной программе. Пока еще есть такая возможность. И отрицательно мотнул головой.

— Ну ладно, браток, держи... — и протянул блок старшему.

Тот внимательно осмотрел прибор и спрятал в карман пиджака.

— Кто вы такие? Где Седова? Почему она отдала вам эту вещь?

— Мы ее друзья. Она попросила помочь, когда узнала, что вы заходили. Сказала, что ее преследуют враги, шантажисты. Как прошлый раз... В милицию она обратиться не может. Вот мы и помогли. Вам ничего плохого не сделали, как видите. Где она сейчас — не знаю. Наверное, далеко. А вот как вы нас достали — не понимаю. Чистая работа. Похоже, мы зря влезли в это дело...

Пока Андрей так старался, готовый, кажется, просить прощения, Шульгин явно портил ему игру. Слишком у него был профессиональный и независимый вид. Как у каскадера или мафиози. Будто его все это и не касалось, он осматривал мотоцикл — постучал по шинам, покачал спицы, проверил контакты на свечах. Словно готовился к новой и дальней дороге. «Ва-

лету», который по положению был явно главнее своего напарника, это не понравилось.

— А ну ты, стань сюда. И не шевелись...

Шульгин вновь вопросительно посмотрел на Новикова и, пожав плечами, стал, где указано.

А «Короля» заинтересовало другое.

— Ты сказал, как прошлый раз? Поясни.

— Ну, было уже так. Тогда за ней грузины какие-то гонялись. Но тех мы пугнули, и они сразу слиняли...

— Опять врешь... — с сожалением сказал младший.

Теперь боль была куда серьезнее. На грани шока. Андрею стоило огромного усилия удержаться на ногах, не сесть в пыль посреди дороги. Но зато теперь он тоже полностью избавился от пережитков гуманизма по отношению к братьям по разуму. Какое, к дьяволу, братство! Стрелять их надо, как классовых врагов...

А вокруг все по-прежнему было тихо, умиротворенно, будто и не в Москве вовсе, а в Переславле-Залесском. Безветрие, небо отливает перламутром, птички какие-то порхают над проводами... Новиков молил судьбу, чтобы никто случайно не нарушил их уединения, а то все могло пойти наперекосяк.

— После третьего раза ты уже долго не встанешь, — сказал пришелец спокойно.

— Хорошо. Пусть будет по-вашему. Что вы хотите?

— Молодец. Дошло, кажется. Мы хотим немногого. Покажете, где Седова, и свободны.

— И что дальше? Что вы с ней сделаете?

— Ну, это вас не касается. Понятно?

— Не все, — сказал Новиков совсем другим тоном. — Послушай теперь меня. Только не вздумай баловаться, не знаю, что там у тебя за игрушка. Без нашей помощи вы ее не найдете. Так что не перестарайся невзначай.

— У нас есть и другие способы.

— Возможно. Только и нас за мальчиков не держи. Ты что думаешь, мы сюда сдуру заехали? Место тут больно хорошее, присмотрись... Если с оптикой, так дырок в вас больше, чем в Кеннеди, наделать можно. И скрыться негде... Если так вопрос станет.

Пришельцы заозирались. Действительно, не так уж далеко виднелись ряды стандартных шестнадцатиэтажек, и из любого окна они были видны, как на ладони.

— Так что, коллеги, нам лучше поговорить вежливо. Согласны?

Резкая перемена в поведении Новикова, вдруг перешедшего к угрозам, его жесткий тон, по-видимому, пришельцев встревожили. Они обменялись несколькими фразами на своем языке.

— Ну и что же вы предлагаете? — спросил младший.

— Поехать в надежное место, а потом уже принимать решения. У вас есть свои интересы в этом мире, у нас тоже, вот и подумаем вместе.

Теперь пришельцы совещались дольше. Новиков ждал. Главное сказано, и выбора у них все равно нет.

Пришельцы вряд ли рассчитывали на такой поворот. Просто потому, что слишком упрощенно, наверное, подошли к своей задаче. Найти координатора-дезертира, провести расследование, принять меры. Все. И встретились вдруг с противодействием группы, подготовленной и действующей по четкому плану. Если б они чего-то подобного ждали... А им сказал, наверное, шеф: «Ребята, на Земле непорядок. Сбегайте на денек, разберитесь. Командировочные по норме, надбавка не положена. По возвращении предоставите отчет...» Вот и сбегали.

— Хорошо, мы согласны. Садитесь в нашу машину.

— Не пойдет. Мы поедем впереди, а вы за нами. Чтоб все на равных. Дистанция до ста метров, скорость шестьдесят.

— А вы не слишком много себе позволяете? Пока что вы у нас в руках...

— Не советую так думать. Не та позиция для переговоров. Так что поехали...

Пока они разговаривали, Шульгин еще раз обошел вокруг мотоцикла, потом, любопытствуя, подошел к «Мерседесу», заглянул в окно. Старший пришелец напряженно смотрел за его перемещениями. Услышав последние слова Новикова, Шульгин неторопливо вернулся к мотоциклу, по пути чуть не столкнувшись с пришельцами и вежливо уступив им дорогу.

Теперь они ехали не спеша, строго по правилам. Сначала по длиннейшему проспекту, переходящему в загородное шоссе. Здесь Шульгин чуть прибавил скорости, но совсем немного, чтоб только не выбиваться из ритма дорожного потока. На пятнадцатом километре от Окружной он помигал стоп-сигналом, выбросил руку вправо и свернул на узкую, но все же асфальтированную дорогу, плавными изгибами прорезающую массив мачтовых меднокорых сосен. И очень осторожно, по километру, начал наращивать скорость.

...Берестин с биноклем сидел на толстой ветке, под прямым

углом отходящей от мощного ствола векового дуба. Ветка плавно и широко раскачивалась от ветра, почти неощутимого внизу, и Берестину казалось, что он беззвучно летит над лесом, желтыми песчаными откосами, серой полосой дороги.

Солнце уже село, но прозрачные летние сумерки только чуть-чуть подсинили воздух, и дорога, то скрывающаяся в чаще, то вновь взлетающая на пологие вершины холмов, отлично просматривалась с двадцатиметровой высоты на добрый десяток километров.

Весь день они с Левашовым монтировали аппаратуру, подключались к низковольтной линии электропередачи, бились над настройкой.

С тех пор, как Левашов впервые сумел создать канал совмещенного пространственно-временного перехода и в полутемной комнате с забрызганными серым дождем стеклами раскрылось окно в яркий и праздничный неведомый мир, он провел уже сотни более или менее удачных опытов. Если бы не Ирина, отдавшая ему всю свою технику, его опыты так и остались бы манящим намеком на недоступные пока возможности. Но теперь канал между двумя планетами получался надежным, как рельсы пригородной электрички. Только вот первое полевое испытание происходит совсем не такое, как друзья планировали.

...Они назвали эту неведомую землю Валгаллой. Покрытая густыми сосновыми лесами, с пронзительно синим небом, с текущей вдали серебристой рекой, широкой, как Нева под Дворцовым мостом, эта планета поразительно напоминала Землю. Была даже мысль: а не Земля ли это в какие-нибудь иные времена? Но картина звездного неба, совсем не земного, убедила их в том, что все же луч привел в другую точку пространства, а не времени. В том месте, где распахивалась дверь с Земли, пейзажи планеты напоминали древнескандинавский рай воинов и охотников. Традиция требовала мифологического названия, но греческая мифология тут явно не подходила, а родной славянской, дохристианской поры, они, увы, не знали...

Берестин уловил напряженным слухом тихий, почти комариный звон, который постепенно густел. В дрожащем поле бинокля стала заметна скользящая вдоль дороги точка, за ней вторая, побольше. Алексей нервно вздохнул. Все-таки получилось!

— Олег! Едут! Ключ на старт!..

Левашов, сидя за кустами на пригорке, вывел стрелки на ра-

бочий режим. Теперь осталось только перебросить один тумблер в крайнее положение...

Не доезжая с километр до засады, Шульгин включил обе фары и до упора открыл заслонку дросселя.

Заметив, что мотоцикл стремительно уходит, «Мерседес» отрывисто засигналил и тоже рванулся вперед. «Судзуки» с гулом пронесся мимо Левашова, в лицо ему ударила тугая воздушная струя. И тотчас же он врубил поле. Метрах в тридцати перед несущейся машиной распахнулось, словно экран стереокино, окно через бесконечность пространства. На дорогу лег яркий конус света, и Левашов от отчаяния застонал. Как же он промахнулся?! Совершенно упустил из виду: здесь сгущаются сумерки, а там полыхает солнце в зените!

С оглушительным визгом покрышек «Мерседес» клюнул носом. Но при скорости сто тридцать километров в час тормозной путь составляет не меньше двухсот метров, а у них не осталось и двадцати. Синий автомобиль влетел в окно, в заросли сочной травы, и Левашов тут же снял напряжение с генератора поля. Картинка исчезла.

Пришельцам не помогла даже и концепция «растянутого настоящего». Они, может, и применили бы ее, но слишком уж быстро все произошло. Им бы еще секунды две...

Новиков с Шульгиным вообще ничего не заметили. В зеркале заднего вида «Мерседес» только что был — и сразу его не стало на дороге. «Окно» — категория односторонняя, с обратной стороны увидеть невозможно.

Левашов первым делом сдернул провода, подключавшие аппаратуру к ЛЭП, снял резиновые перчатки и вышел из-за кустов. Мотоцикл, развернувшись, стоял у обочины. Андрей и Сашка медленно шли ему навстречу по самой середине дороги. Позади раздался глухой стук. Это спрыгнул с дерева Берестин.

Они сошлись там, где обрывались на асфальте жирные черные следы торможения. В воздухе висел еще запах паленой резины. Все, что осталось на память о пришельцах в нашем мире.

— Вот так, значит... — сказал Новиков.

— Будем считать, что очередная попытка космической агрессии успешно пресечена, — бодро заявил Левашов.

— Потерь в живой силе и технике не имеем, — добавил Шульгин.

Новиков вдруг увидел, что Берестин держит левой рукой за цевье «вепрь» — автоматический охотничий карабин с оптическим прицелом.

— Ты что, Леша, стрелять собрался?

Берестин ответил без тени шутливости, с которой говорили друзья:

— Не только собирался, уже и спуск подвыбрал... Им бы, дуракам, сразу руль влево, там песочек, и выпрыгивать... Я так и подумал...

— И сразу на поражение? — с сомнением спросил Шульгин.

— А как же? Лично я второй раз в эти игры играть не собирался...

— Все верно, — кивнул Новиков. — Кое-что мы с Сашкой на себе испытали. Они б нас отсюда не выпустили, если б что... Ладно, поехали домой.

Шульгин, все это время стоявший, засунув ладони под ремень, раскачивавшийся с каблука на носок и тихо насвистывающий мелодию некогда популярной песенки «Здравствуй и прощай», неожиданно рассмеялся:

— Олег, тебе эта штука на будущее не пригодится? — и протянул ему на раскрытой ладони пресловутый блок-портсигар. — Вещичка больно красивая, жаль было оставлять...

— Когда это ты успел? — поразился Новиков.

— А когда мимо проходил. Кто ж такие вещи в наружный карман кладет? Грех не взять. Так их, фраеров, и учат...

Трудно придумать лучший способ, чтобы снять огромное нервное напряжение, и они долго хохотали, стоя посреди лесной дороги и хлопая друг друга по плечам...

У первого же городского телефона-автомата Шульгин, оторвавшийся от берестинской машины, остановился. Новиков набрал свой номер. Ирина не подходила довольно долго. Наконец сняла трубку.

— Привет, — сказал он. — Это я...

— Я так и думала. — В трубке слышалось дыхание. — А где ребята?

— Едут за нами. Все живы и вертят дырки в пиджаках. Мы победили, и враг бежит, бежит... И уже далеко убежал... За много-много световых верст.

Ирина молчала.

— Ну-ну успокойся... Мы едем. А ты накрывай столы. Все, что найдешь, выставляй. И учти, на Руси воинов из похода встречают с энтузиазмом и восторгом. Допускают радостные крики... Ты поняла меня?

— Да, Андрей. Жду. Только езжайте осторожнее...

— Все исполним. Мы будем в пути минут еще тридцать. У тебя есть время. Ну, всего. Целую...

Он повесил трубку, усмехнулся печально своему отражению в остеклении будки и вышел. Шульгин ждал, вновь делая вид, что ничего на этом свете его не касается. Левой рукой он подбрасывал и ловил сверкающий стальной шарик.

— Дай, я за руль сяду, — сказал Новиков. — Отвлекусь. Нервы ни к черту стали. — Шульгин кивнул.

Трогаясь, Новиков слишком резко отпустил сцепление, и мотор сбился с ритма, застучал, теряя обороты. Пришлось перегазовывать, выключать и вновь включать скорость.

— Кто же так ездит! — не удержался Шульгин. — Движок порвешь!

Андрей не ответил.

Шульгин подождал, пока они влились в поток движения и двигатель зашелестел на пятой передаче, и вдруг сказал, наклонившись к голове Новикова так, что глухо стукнулись друг о друга шлемы:

— Я вот все время думаю — зря тебя на классику потянуло. Придумал же — «Одиссей покидает Итаку»... Забыл, что потом было? И главное — сколько? А у меня жена через три недели приезжает...

На далеком берегу-2

Часы в высоком футляре у дальней стены, почти невидимые в полумраке, медленно и тягуче отзвонили четырежды. Новиков словно в удивлении оглянулся на них и отложил толстую рукописную тетрадь.

— Однако... Увлеклись мы. А уже почти утро...

Но на утро похоже было мало. Тьма за окнами не стала светлее. Присмотревшись, можно было заметить, как через разрывы в низко летящих тучах поблескивает полная луна. Почти такая, как на Земле, даже, пожалуй, ярче.

То, что Альба услышала, поразило ее. Она совершенно искренне сопереживала героям повествования, характеры которых вполне сочетались с теми представлениями об Андрее и его времени, которые у нее уже успели сложиться. Люди романтического XX века и должны были быть такими — решительными, отважными, самоотверженными, склонными к авантюрным поступкам, и вообще она с детства не мыслила прошлого без невероятных приключений и сильных страстей.

Но вот с точки зрения логики все ею услышанное выглядело странно. Прежде всего потому, что ни она, ни кто угодно другой в ее мире и понятия не имели, что еще триста лет назад Землю посещали представители иной, гораздо более развитой цивилизации, забрасывали на нее своих агентов, пытались вмешаться в историю человечества и с непонятной целью изменить ее.

С тех пор люди вышли в дальний космос, изучили и освоили его на полтораста световых лет вокруг Солнечной системы — и не обнаружили никаких следов и признаков существования хоть какой-нибудь иной разумной жизни. Вот это было странно, необъяснимо, невероятно даже, внушало сильные сомнения в достоверности новиковского повествования.

В то же время никак нельзя было отрицать факта, что она действительно сидит сейчас в кресле у камина, в деревянном доме, в девяноста с лишним световых лет от Земли и разговаривает с живым и реальным человеком XX века.

Об этом она и спросила, решив оставить уточнение многих других, интересных, но не столь сейчас существенных деталей до более подходящего момента.

— Вот! — словно даже с удовольствием сказал Новиков, ворошa длинной кочергой поленья в камине. — Я ведь не случайно сразу спросил: знаете ли вы что-нибудь о наших или любых других пришельцах? А раз не знаете, то выводы для всех заинтересованных лиц напрашиваются самые неутешительные. Вполне возможно, что никто из нас больше на Землю не вернется. По каким угодно причинам. На выбор: или указанные пришельцы до нас все же доберутся и, так сказать, нейтрализуют, или аппаратура у Левашова просто-напросто сломается и придется нам всем здесь свой век доживать, а записки мои, — он кивнул на брошенную вверх корешком на край стола тетрадь, — никто, кроме тебя, и не прочитает... Неприятные варианты, сама понимаешь. Но, к счастью, все же не единственные. Можно и другие придумать. Например, мы с вами живем в параллельных мирах, и наше настоящее — отнюдь не ваше прошлое. И наоборот, соответственно. Для меня это дело малопонятное, я гуманитарий, а не физик, но Ирина о подобных вещах говорила. Когда ты с ней познакомишься, сможешь на более серьезном уровне вопрос обсудить. С ней и Левашовым, он у нас самый натуральный гений. Ну, есть и третий вариант... — Новиков улыбнулся простодушно, словно заранее предлагая не принимать его слова всерьез. — Третий — это уже мое личное предположение, только что придуманное. Вообразим себе такую штуку... Если здесь, на Валгалле, время совпадает с земным и вы действительно как-то сумели попасть в реально существующее прошлое, то что получается? Раз наши приключения еще не завершились, то и на будущее они еще никак не успели повлиять. Все еще может и так, и наоборот повернуться. Следовательно, оказавшись здесь, с нами, до того как все определилось, вы в своей предыдущей жизни и не могли ничего знать. Поскольку ничего из того, что может случиться, еще просто не было. Вот когда все произойдет, тогда только история пойдет предназначенным ей путем. И поэтому ранее прожитая тобой жизнь не имеет ничего общего с той, которая будет. Улавливаешь?

Заметив, что она не до конца его понимает, Андрей пояснил, продолжая улыбаться:

— Ну вот, если бы я сейчас попал в XIII век и решил возглавить борьбу против монгольского нашествия, исходя из своего исторического опыта и технических познаний. Наверняка то,

что со мной бы там произошло, не имело ничего общего с тем, что мне сейчас известно о событиях 1237 года... Как тебе такой силлогизм?

— Силлогизм интересный, — ответила Альба. — Но оценить его по достоинству я не готова. Я ведь тоже не физик, я биолог. Так что оставим эти проблемы для специалистов. Наверное, Герард с Борисом в них лучше разберутся. А вот я, как биолог, с твоей Ириной буду очень рада познакомиться. Разумная инопланетянка — невероятно...

— Ну-ну... — все с той же непонятной усмешкой сказал Новиков. И вдруг спохватился: — Слушай, я же тебя, наверное, совсем замучил своими россказнями... Дорвался... Правда, собеседников у меня давно не было, тем более — таких. Извини. Спать тебе пора...

— Нет, не беспокойся. Двое-трое суток я вполне могу без сна обходиться. И слушать тебя интересно. Да еще после кофе. Сильный стимулятор. Мы натуральный кофе, да еще такой крепкий, редко пьем...

— Почему так?

Альба пожала плечами. Действительно — почему? Как объяснить изменение вкусов и пристрастий людей не за годы, за века? Тут и мода, и медицинские соображения, и социокультурные факторы.

Но сейчас ее интересовало совсем иное. Психология Андрея и его друзей занимала ее куда больше, чем гастрономические привязанности своих современников.

— Объясни мне лучше, почему вы все же оказались здесь, на этой планете, почему сразу не обратились к человечеству, не сообщили о встрече с пришельцами? Я не понимаю... Это же событие всемирного значения, а вы все стали делать втроем... Разве так можно?

Она подняла глаза и увидела, что Андрей смотрит на нее со сложным выражением — с усмешкой и будто бы печалью и непонятным ей сожалением. И она еще не была уверена, что поняла все его чувства.

Новиков встал, прошел несколько раз молча от стола до окна и обратно, потом присел у камина и вновь стал разжигать свою трубку.

— Ох, Альба... — он вздохнул. — Это долгонько объяснять... До ваших возможностей я еще не дорос, и если трое суток без сна и выдержу, то без всякого удовольствия. Даже в твоем об-

ществе. Лучше бы завтра... Помнишь — «наступило утро, и Шехеразада прекратила дозволенные речи»...

Но он прочитал в глазах гостьи такую заинтересованность и нетерпение, что тряхнул головой и развел руками.

— Ну, хорошо. Чего хочет женщина — хочет бог. Уже древние так считали... Только я, если можно, сегодня в подробности больше вдаваться не буду. Так, вкратце обрисую. А все прочее потом. Время будет. Надеюсь...

И опять Альба почувствовала в его словах невысказанную тревогу.

Слишком много тревоги вокруг, подумала она. Может быть, больше, чем за всю ее предыдущую жизнь.

— Извини, я сейчас отлучусь на минутку, служба требует, а ты отдохни немного. И продолжим... — сказал Новиков и вышел. Альба осталась одна.

И сразу на нее нахлынуло острое чувство тоски и одиночества.

До последнего момента она, увлеченная рассказом Андрея, как-то забыла думать о себе самой, а сейчас вдруг пронзительно ясно поняла, что действительно случилось непоправимое, привычная жизнь кончилась. Слишком много трагического и страшного обрушилось на девушку, хоть и прошедшую необходимую для космонавтов психологическую подготовку, но совсем не закаленную жизнью, такой жизнью, что выпадала на долю ее ровесницам в прошлые века, где смерти и страдания были почти что обыденными...

А вот теперь приходится учиться страдать и ей.

За один только день ее жизнь делала уже четвертый зигзаг. Всего лишь прошлым утром она была безмятежно и неосознанно счастливой двадцатитрехлетней девушкой. Какой-то миг — и вот она уже потерпевшая кораблекрушение, избегнувшая смерти на корабле, чтобы замерзнуть на снежной равнине. Если бы не появление Новикова, ее уже не было бы, окоченевшее тело бесследно замело метелью, что воет сейчас за окном, и никто никогда не узнал бы, где и как прошли ее последние часы.

Чуть позже Альба стала счастливо спасенной, получившей вторую жизнь, как подарок, из рук родившегося три века назад человека.

И вот теперь, после долгой ночной беседы с так внезапно вошедшим в ее жизнь человеком, все опять резко меняется, становится еще более сложным и непонятным... И еще эта пронзительная, безнадежная тоска о навсегда утраченном...

Но тут же сработал механизм психической самозащиты, не

дающий терять надежду даже на эшафоте. «Почему же навсегда? — подумала Альба, еще не успев вытереть навернувшиеся на глаза слезы. — Ведь ничего же не известно. И Андрей сам ничего не знает. А если все наоборот? И это он попал с друзьями в наше время? Даже по теории Эйнштейна движение по времени возможно только вперед. Мало ли что там написано у Новикова... А если так, то достаточно собрать установку гиперсвязи и передать сигнал бедствия. И нас найдут, за нами прилетят...» От этой мысли Альба сразу успокоилась, повеселела. Вопросы технической реализации ее не интересовали. Есть кибернетик Айер, есть здешний гениальный, по словам Андрея, инженер Левашов. Пусть они и решают.

И Альба уже думала совсем о другом. О том, что с Новиковым, в котором она бессознательным, но безошибочным женским чутьем определила человека, на которого можно опереться в новой жизни, получается тоже совсем не просто. Возникла со страниц его записок Ирина-инопланетянка и встала у Альбы на пути.

Но вот как раз здесь Альба решила, что шансы у нее очень неплохие, судя по тем взглядам Андрея, что она на себе ловила, и по тем рассыпанным в тексте повествования намекам, из которых следовало, что вряд ли у Новикова с Ириной возможно что-нибудь серьезное... Конечно, она понимала, что записки Новикова — это не дневник, скорее — художественное произведение с определенной дозой вымысла, но как раз интересующие ее интимные подробности вряд ли выдуманы...

К моменту возвращения Андрея Альба успела пройти полный цикл смены настроений — от горя и депрессии к энергичному оптимизму, овладевшему ею при мысли о том, что, кроме иных увлекательных приключений, перед ней открывается перспектива помериться силами с женщиной, судя по запискам Новикова, а особенно по рассказу Берестина, наделенной невероятной красотой и массой прочих качеств...

Пока Андрея не было, Альба подошла к бару с зеркальной задней стенкой, стала внимательно изучать свое отражение, одновременно пытаясь представить, как может выглядеть пресловутая Ирина.

Она увидела, что дверь за ее спиной открывается, и снова с удовлетворением и тайной радостью отметила тот неравнодушный взгляд, которым Новиков скользнул по ее фигуре. По молодости лет и недостатку опыта она еще не знала, что по-

добные взгляды мужчин не всегда выражают то, о чем думала она...

Очевидно, Андрей выходил во двор и пробыл там достаточно долго, потому что голову его густо запорошил снег.

— Так вот, — заговорил он, садясь напротив Альбы и вытирая платком влажное от тающего снега лицо, — ты спрашиваешь, почему мы не обратились к широкой общественности и компетентным органам. Резонный вопрос. Причин — три. Объективных и субъективных...

Первая — психологическая. Мы, честно сказать, до последнего как бы и не верили в реальность всего происходящего. Где-то в подсознании все время казалось, что это не всерьез. А для того, чтобы в наших условиях идти в официальные организации, убеждать, доказывать такую вещь, как вторжение пришельцев на Землю, нужна убежденность на грани маниакальности. Чтобы не задумываться о последствиях для себя лично...

— А какие для вас могли быть последствия? — не поняла Альба.

Новиков иронически хмыкнул:

— Самые разнообразные. С одной стороны, идею о существовании братьев по разуму никто не отрицал. Все признавали. Велись даже работы по поиску внеземных цивилизаций, собирались соответствующие конгрессы, специальные радиотелескопы строили... А с другой — эта идея обросла таким количеством спекуляций и домыслов, что взять и вслух заявить, что названный контакт наконец состоялся... Вообрази — я прихожу в Академию наук, не говоря уже о каких-то других серьезных организациях, причем прихожу к самому мелкому чиновнику или референту, и заявляю: здравствуйте, моя любовница — инопланетянка...

Новиков снова замолчал, будто проигрывая в уме эту сцену в подробностях. И даже фыркнул, не сдержав эмоций:

— Не знаю, как у вас, а я в Москве конца XX века не могу представить себе должностное лицо, которое смогло бы и захотело отнестись к такому заявлению серьезно и конструктивно. Но даже если бы и нашлись — что дальше? При нашей бюрократической манере до каких-либо практических решений прошли бы месяцы, и приятными они бы не были... А скорее всего меня или послали бы куда подальше, или, любезно-опасливо улыбаясь, вызвали «Скорую помощь». В том и проблема, что те, кто мог бы поверить безоговорочно, не могут ничего ре-

шать. А поставленные решать — в глубине души не верят даже в то, что Земля круглая...

— Ты правду говоришь? — с недоумением спросила Альба. — Но это же ужасно...

— Ничего, живем. — Новиков как-то странно скривил губы и махнул рукой... — Я вот тут, кстати, подумал, как оно будет, если вы вернетесь с нами на Землю и придется официально оформлять ваше право на существование. Тоже проблема. Хоть и стыдно мне о таком говорить, я ведь и испугался самым банальным образом, когда впервые задумался насчет необходимости объявить о пришельцах, да и об изобретении Левашова тоже. Подумал: узнают об этом — и все. Привычной жизни конец...

И тут же резко себя оборвал. Помолчал, отвернувшись.

— Впрочем, пока это только лирика. Еще не вечер... А если серьезно, так у нас просто времени не было. Ведь когда настоящие пришельцы появились, на все про все — и на размышления и на действия — меньше суток дано было. Какие уж тут обращения в компетентные органы...

Он снова замолчал. Подошел к окну, прислушиваясь. Посмотрел на часы.

— Кажется, едет кто-то. Давай выйдем, посмотрим.

На крыльце в лицо Альбы ударил сухой и жесткий снег. Вначале она ничего не услышала, кроме завывания ветра в кронах близко подступающих к дому сосен. Пурга совсем рассвирепела, и вновь девушка с содроганием представила, что сейчас с нею было бы, не выйди вовремя Новиков из дому.

— Слушай, — сказал Андрей и указал рукой направление.

Альба прислушалась.

— Похоже, это как раз Берестин. На полных газах идет, ни машины, ни головы не жалеет. Скоро здесь будет...

Они вернулись в дом, к уютному и успокаивающему теплу камина, вспыхивающего веселыми языками пламени.

— В общем, чтобы уж закончить наш разговор... Справились мы с теми пришельцами, порадовались по этому поводу, а наутро оказалось, что ничего не закончилось. Совсем даже наоборот. История приобрела неожиданное продолжение, такие в нее включились персонажи, такие силы, что единственный способ уцелеть, который впопыхах нашли, воспользоваться тем же самым каналом и скрыться сюда, на Валгаллу. Отсидеться в надежде, что уж здесь-то не найдут... Чести мало, конечно.

Новиков вздохнул сокрушенно и вновь употребил непонят-

ный Альбе оборот. Идиому, очевидно: «Тяжело в деревне без «нагана».

— Правда, отступили организованно, без потерь, с оружием и знаменами. Высадились, стали окрестности исследовать, дом этот построили...

Она поняла, что и здесь ничего не закончилось, скорее напротив, и Новиков с друзьями занимались на планете отнюдь не спокойным времяпрепровождением, охотой и гастрономическими утехами, как могло показаться и поначалу действительно показалось Альбе, а гораздо более серьезными делами.

— Во-первых, сами пришельцы куда-то исчезли. Машину мы нашли, а их самих — нет. Проблема. И еще. В одном из походов Левашов нашел на берегу реки, километров на четыреста южнее, следы самого настоящего сражения. Правда, довольно давнего. Обгорелые коробки, похожие на наши бронетранспортеры, много совершенно человеческих костей. Словно пехотная дивизия полного состава там полегла. Вот тебе и тихий уголок с курортным климатом. И, наконец, Берестин недавно заметил в бинокль пролетающий над горизонтом дирижабль или штуку, очень на него похожую. Так что есть над чем думать... Этим мы сейчас и занимаемся.

Новиков улыбнулся, тряхнул головой, словно окончательно отбрасывая все связанное со своим рассказом.

— Нет, Альба, все. Хватит. Время наше вышло. Берестин сейчас подъедет. Да и не хочу лишать тебя увлекательного чтения... Помню, в свое время достанешь какую-нибудь забавную книжку, растрепанную, натурально, — Буссенара там или «Наследника из Калькутты», прочтешь, а потом отдаешь следующему по очереди и завидуешь, что у него еще все удовольствие впереди.

Альбе показалось, что в голосе его прозвучала откровенная насмешка, только над кем, не поняла она: над ней или над самим собой?

Новиков, согнув тетрадь, пустил из-под пальца листы веером.

— Одни заголовки чего стоят... «Сольная партия Иуды», «Дипломатическое интермеццо», «Критерии отбора», «Пир на Валгалле», «Толстовец с пулеметом»... Ей-богу, сам бы такую книжку с руками оторвал.

Он хотел сказать что-то еще, но отдаленный гул резко приблизился, гнусаво завыла сирена у ворот.

— Пойду встречать...

За окном заскрипели створки, стукнул откинутый засов.

Вошел Новиков в сопровождении высокого, одного роста с Альбой мужчины в черной замасленной куртке с меховым воротником, от которого сильно пахло нефтью и продуктами ее перегонки. Голова мужчины была непокрыта, светлые волосы растрепаны, а лоб и правая бровь заклеены грязноватым пластырем, через который проступала свежая кровь.

— Знакомьтесь. Это Альба Нильсен, а это Алексей Берестин, десантник, художник и землепроходец... — представил их друг другу Андрей.

— Точнее — землепроходимец... — хмуро поправил Берестин.

Альба протянула ему руку, и он, с сомнением взглянув на свою грязную ладонь, слегка ее пожал.

— Видишь, я как знал — головы не жалеет, — указал Новиков на Берестина. — Влетел в яму, само собой — лбом в броню... Ты посиди пока, мы быстро...

Вернулись мужчины почти сразу же, хотя Альба и приготовилась к долгому ожиданию. Берестин лишь сбросил куртку, умылся и причесал волосы. Новиков перевязал ему голову, и полоса бинта резко выделялась на дочерна загорелом и обветренном лице.

Она рассматривала его в упор и заметила, что Берестин, как и Новиков поначалу, стесняется ее взгляда. Это было странно в таких на вид суровых мужчинах.

— Извините, Альба, мою невоспитанность, — сказал Берестин, подсаживаясь к столику, — но я не могу отказать себе в потребности съесть все, что здесь осталось. Если вы не возражаете, конечно. Знаете, десять часов за рычагами — это достаточно утомительно. Особенно когда перед глазами только снег...

Через пять минут на столе не осталось ничего съедобного, кроме лимонных долек на блюдце.

— Ну вот, укрепил слабеющие силы, — сказал Берестин, отодвигая от себя столик. — А теперь я должен без всякого удовольствия сообщить, что наконец вступил в очередной контакт с братьями по разуму. Тоже очередными. Не по моей вине. И не знаю, на счастье или на беду, но без потерь с обеих сторон. Так что не теряйте мужества; худшее впереди.

— Что за братья по разуму? — спросила Альба. — Те, что на Земле были?

— Вряд ли... — протянул Берестин. — Эти порядков на пять

примитивнее, я считаю. — И посмотрел на Новикова. Похоже — с неудовольствием.

Тот кивнул.

— Все нормально, продолжай.

Берестин сделал скептическую мину.

— Все торопишься, Андрей. Как всегда, торопишься. Сам же пел: «Ямщик, не гони лошадей...» А вообще-то все равно. Хуже уже ничего не будет. Вы умеете стрелять, Альба? — вдруг повернулся он к девушке. — Я дам вам «парабеллум»... — и отрывисто рассмеялся.

Альба, не понимая, посмотрела на Новикова.

— Не дергайся, Леша, — сказал Новиков. — Альба знает все, что можно и нужно. Деваться нам некуда, а тут три таких гостя. Высокоразвитые и мудрые. Глядишь, чем и помогут. Устроим завтра консилиум...

— И тему сформулируем очень изящно. Например, так: «Куды бечь?»

— Ну, так или не так, это видно будет. А пока с тобой давай разберемся. На тебя напали туземцы, это я понял. А в деталях?

— А деталей не так и много. Триста пятьдесят километров к югу по спидометру. Спокойно еду, никого не трогаю. Тут из-за туч на меня пикирует дирижабль. Совсем как настоящий. Только раскраска дурацкая — грязно-синяя с розовым. Как я увернулся — до сих пор не знаю. Рвал фрикционы так, что до сих пор плечи ноют. Он на второй заход. Я, через рычаги, к пулемету. Все колени посбивал. Врезал трассирующими. Он сразу все понял, ручку на себя — и в тучу. Ну и я, конечно, по газам, в сопки, потом в лес. Разошлись. Я из леса понаблюдал, никто больше не появлялся, и я — домой, по обратной директриссе. Метель следы замела, а что дальше будет — сказать не берусь...

— Теперь ясно. Хотя и меньше половины. Благодарю от лица службы. Я, правда, по другому случаю общий сбор объявил, но теперь уж все к одному.

Альба слушала, опять не понимая слишком специфических выражений, но суть ей была ясна совершенно. Похоже, новые ее друзья отличаются чересчур экспансивными характерами. Как она уже слышала от Андрея — сначала стреляют, потом думают. Но, с другой стороны, если они сами это понимают и даже пишут об этом, значит, это не безрассудная импульсивность, а осознанная линия поведения. Об этом еще придется поду-

мать, поглубже понять их характеры и лишь потом делать выводы.

Состояние у нее сейчас было странное, похожее на то, что бывает, когда впервые попадаешь в невесомость. Мир утратил четкость, надежность, устойчивость, привычные навыки и стереотипы перестали действовать, а новых еще нет, и неизвестно, когда они появятся и какими окажутся. Альба понимала, что сложившиеся у нее представления о жизни здесь, с этими людьми, уже не имеют почти никакого практического значения. Все нужно переосмысливать, учиться воспринимать совсем с других позиций.

До вчерашнего дня она всегда могла предвидеть, что произойдет с ней в мире сегодня, завтра, через неделю и через месяц, знала, как следует поступать в каждой возможной ситуации, разговаривая с любым человеком, догадывалась, как он воспринимает ее слова.

Даже катастрофа, уничтожившая звездолет, входила в число крайне редких, но возможных событий.

Теперь же Альба попала в непредсказуемый и алогичный мир.

Альба вспомнила, как старательно избегал смотреть на нее Новиков, когда она раздевалась в бане. Можно подумать, что вид обнаженного женского тела для него чем-то неприятен. Или это связано с тем, что он все-таки любит свою Ирину? Но почему, испытывая нежные чувства к одной женщине, нельзя смотреть на другую?

Кажется, XX век был не такой уж пуританский, насколько она помнит. Загадка... И только одна из многих.

Из записок Андрея она узнала, насколько сложными, запутанными и мучительными для обеих сторон могут быть отношения мужчины и женщины, какими бессмысленными ритуалами они сопровождаются. И это в ситуациях, которые, на ее взгляд, можно было бы разрешить легко и просто, без стараний и нервных перегрузок.

Но раз так, как избежать ошибок и не попасть в этически неприемлемое положение?

И это, разумеется, еще не главная проблема. Здесь есть возможность подождать, осмотреться, узнать из книг, фильмов, разговоров все необходимые ритуальные формулы и обычаи, а как быть со всем прочим?

Пусть в шутку, цитируя кого-то, Берестин сказал, что ей придется научиться стрелять, и, наверное, в людей... Отсюда вывод — ее жизнь и достоинство не защищены более категориче-

ским императивом. На них теперь может посягнуть кто угодно, раз люди здесь — даже такие располагающие к себе, как Новиков и Берестин, — постоянно носят при себе огнестрельное оружие и без колебаний пускают его в ход.

Из курса истории, который Альба прослушала в университете, она помнила о десятках миллионов жертв двух мировых и всех прочих войн, но, оказывается, личное знакомство с вооруженным и готовым стрелять человеком производит гораздо более сильное впечатление, чем абстрактные цифры и даже кадры старых кинохроник.

Она думала, что через несколько дней, возможно, попадет на Землю, и там все будет зависеть только от нее самой. Станет ли Андрей надежным другом и покровителем, поможет ли освоиться во враждебном и чужом, бесконечно чужом обществе? Как произойдет встреча с Ириной, так ли, как она вообразила вначале?

Думать обо всем этом было непривычно, страшновато даже. Что-то похожее она испытывала в десятилетнем возрасте, когда подруга постарше научила ее, как снимать блокировку с домашнего фантомата. И она, дождавшись подходящего момента, впервые в жизни очутилась в пространстве приключенческого фильма для взрослых.

Вот и сейчас Альба почувствовала, что ее влечет предстоящая жизнь. Со всеми неизвестными опасностями, но — и это тоже обязательно — с сильными чувствами, вспышками романтической страсти, горячей и верной любовью... Иначе просто быть не может.

Похоже, что в ней начала вдруг пробуждаться генетическая память о предках-викингах, выходивших на своих дракарах в беспредельное море в поисках неведомого. Она ведь и стала звездолетчицей именно потому, что манили ее чужие миры и мечта о встрече с братьями по разуму — об этом мечтают все космонавты и во все времена. А дожить до исторического момента выпало ей...

Новиков заметил, что девушка будто отключилась от происходящего и не слышит, о чем они с Берестиным говорят.

— Все, братцы, хватит... — Он хлопнул ладонью по столу и встал. — С меня на сегодня довольно. Язык уже не поворачивается. Как у акына какого-нибудь, который три тома «Манаса» наизусть и без передышки... Пойдем, Альба, я тебя провожу. Рассветает здесь поздно, так что часа четыре еще поспать можно, а там опять начнется...

— С чего ты взял, что только четыре? — возразил Берестин. — Пусть хоть до обеда поспит, какие у нее заботы? А я еще кое-что у нее выяснить хочу, иначе бессонница замучает. Ты как, Альба, в состоянии еще минут десять потерпеть?

— Конечно, сколько угодно. Я уже говорила Андрею. У нас на корабле вахты были по десять суток через сорок. Спать мне совсем не хочется.

— Ну, воля ваша, — пожал плечами Новиков. — Если дама не против... Только ты тоже, не сочти за труд, изготовь своего знаменитого, геджасского, с сандаловой палочкой... Гулять так гулять. И по пять капель, соответственно...

Берестин разлил по чашкам кофе такой консистенции, что ложка едва не стояла в густой суспензии.

Андрей отхлебнул, почмокал губами.

— Сказка Востока... И почему это у меня никогда так не получается?

— О чем вы хотели меня спросить, Алексей? — Альба из вежливости тоже сделала маленький глоток и отставила чашечку.

— Да есть у меня некоторые сомнения. Раз ты знаешь о моих приключениях в дебрях времен, то, наверное, обратила внимание на имевший место парадокс? Вот давай сразу и выясним, действительно ли мы — твои предки, а ты — наша пра в энной степени внучка...

Новиков толкнул его под столом ногой. Он не хотел, чтобы Берестин напоминал девушке сейчас о ее прошлой жизни. Он специально весь день и вечер занимал Альбу своими историями, почти добился того, что мысли ее сосредоточились на настоящем и будущем, и вот Алексей все ломает.

Берестин досадливо отмахнулся.

— Кто был первым космонавтом Земли, ты помнишь?

— Конечно, — удивилась Альба. — Юрий Гагарин. В 1961 году.

— Правильно. А высадка на Луну?

— Нейл Армстронг. 1969-й...

— Тоже сходится. А пилотируемый полет на Марс?

— 2012 год, совместный полет советского и американского экипажей... — Она назвала фамилии, которые прозвучали совершенно незнакомо. И неудивительно — в 84-м году эти парни ходили, наверное, в начальную школу.

— Ладно, предположим. Еще вопрос — как насчет третьей мировой войны?

Лицо Альбы выразило удивление:

— А разве такая была? Про Вторую я знаю... Закончилась, по-моему, в сорок третьем...

Берестин и Новиков коротко переглянулись.

— Точно в сорок третьем?

— Ну, я не помню точно... — Альба смутилась.

— Ничего страшного, — успокоил ее Андрей. — Я вон почти профессионал и то не помню, когда Ливонская война закончилась.

— А после Второй мировой какие большие войны ты еще помнишь? — продолжил экзамен Берестин.

— Их так много было... До середины XXI века почти каждый год где-то все время воевали. Я же говорила вам — я биолог. Давайте лучше расскажу, как в XXI веке восстановили мамонтов. Или как в Сахаре появились пальмовые леса, это очень интересно...

— Расскажешь, Альба, про все расскажешь, только такие уж мы с Андреем зацикленные — нас сейчас только политические проблемы занимают... Попробуй вспомни — атомное оружие на Земле применялось?

— Да, кажется, один или два раза. А где — не помню...

— Да хватит тебе, пристал к девушке! Экзаменатор... Лучше коньяка выпей, глядишь, и полегчает. Нужны ей твои заботы.

— Все, все, молчу... — Но видно было, что любопытство Алексея отнюдь не удовлетворено, даже напротив. Да это и неудивительно — когда перед тобой сидит человек, который знает, что случилось на Земле в следующие три века! — Ну, а хоть вы коммунизм-то построили?

— Построили, построили, успокойся, я тебе сам все расскажу, — пресек его настойчивость Новиков. — Видишь, совсем человека замучили, спит с открытыми глазами. — Андрей решительно взял Альбу за руку.

Они поднялись наверх. Новиков открыл дверь комнаты, пропустил девушку вперед, а сам остался на пороге.

— Спокойной ночи. Извини, если что не так. Мы все же люди темные, гимназиев не кончали... к сожалению... Отдыхай. — Новиков подмигнул ей, ободряюще кивнул головой, закрыл дверь, и Альба услышала, как застучали по лестнице его быстрые шаги.

Она разделась, легла на постель. Зашуршала сухая трава в матрасе. Альба прикрыла глаза, полежала на спине, глубоко и размеренно дыша, но через некоторое время почувствовала, что заснуть не сможет. Да и не хочет. Слишком много впечатлений.

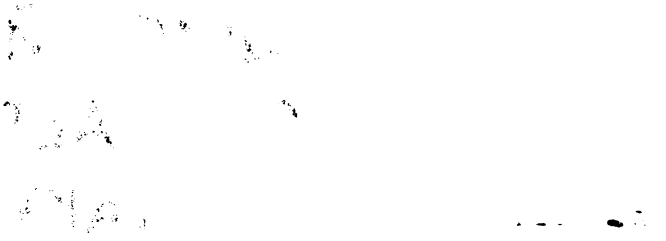
Вновь села на кровати. Свеча в медном канделябре почти догорела, фитиль начал трещать, а язычок огня — судорожно вздрагивать. Она взяла на полке новую свечу, толстую, пахнущую медом, зажгла, укрепила в гнезде, залитом потоками воска, и обрадовалась, как ловко у нее получилось. Может быть, и камин вскоре научится разжигать, и кофе варить...

Альба вздохнула, обвела глазами бревенчатые стены, низкий потолок, черное стекло, в котором мерцал отраженный огонек свечи, легла поудобнее, подмостив под локоть подушку.

И открыла тетрадь, исписанную мелким, но очень отчетливым почерком Новикова...

КНИГА II

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ



О боже, — вскричал я в тревоге, — что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В далекой и солнечной этой стране.

Н. Гумилев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРИТЕРИИ ОТБОРА

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Н. Гумилев

Проснулась она поздно, почти под утро и, ощутив сквозь сомкнутые веки, что в комнате светло, успела с досадой подумать, что не стоило поддаваться на Димкины уговоры и ехать с ним на Ленинские горы, возвращаться ночью пешком, да еще и долго стоять в подъезде. Мало ли что он завтра уезжает... Сегодня тоже будет день. А вот на экзамен теперь придется идти не выспавшись.

И открыла через силу глаза.

В комнате было сумрачно, и за окном шел дождь. Сначала она увидела только это, и лишь через секунду поняла, что не лежит в постели, а совершенно одетая стоит у окна, и за окном не знакомый с детства проспект с гудящим многорядным потоком машин и бело-зеленым зданием Рижского вокзала вдали, а какой-то сад или парк, на первом плане густые мокрые кусты и мокрая трава, а дальше, за серой пеленой дождя, виднеются высокие мокрые глухие стены.

Так тоже бывало — думаешь, что проснулась, а на самом деле сон продолжается. И тут же она окончательно и очень ясно поняла, что никакой это не сон, а самая настоящая, хоть и странная реальность.

Захотела испугаться и не смогла этого сделать. Было только недоумение и словно бы оглушенность от необъяснимого перехода в совсем другую жизнь.

Оглядевшись, она увидела, что находится в большой и почти пустой комнате. На золотистом, с длинным ворсом ковре стоял низкий журнальный столик, возле него — два кресла. И все.

Нет, она ошиблась. Всю противоположную стену занимал тускло отсвечивающий, почти незаметный на фоне обоев экран. Как у телевизора, только во много раз больше.

Еще не зная зачем, она решила подойти, взглянуть на него поближе.

Идти было неудобно, в теле ощущались скованность и слабость, словно после долгой болезни. И еще — мешали очень высокие каблуки. Она таких раньше никогда не носила.

Экран вдруг засветился, и с каждым шагом свечение становилось ярче, а когда она подошла вплотную, поверхность стекла исчезла, растворилась, и в образовавшемся проеме она увидела другую комнату — роскошно, в эклектическом стиле конца прошлого века меблированный кабинет.

В стилях она, будущий архитектор, разбиралась хорошо и не могла не восхититься сложностью и тщательностью отделки стен и потолка, тяжеловесной изящной мебели.

Иллюзия была полной, и, только коснувшись рукой холодного стекла, она убедилась, что перед ней все же изображение.

А там, в кабинете, заполненном сумеречным тоскливым светом, за массивным письменным столом на резных львиных лапах, в черном кожаном кресле сидел человек и читал толстую книгу. Лампа под зеленым абажуром освещала часть стола — с блестящим кофейником, граненой хрустальной пепельницей, над которой поднималась вверх тонкая и неподвижная струйка дыма, и лежащим чуть сбоку большим черным револьвером.

Поза человека, наклон головы, подсвеченный лампой профиль показались ей знакомыми, и тут же она узнала его. Конечно, это Дмитрий, он же — мичман Дим, как она звала его по созвучию с именем героя романа Конрада. Они расстались совсем недавно, часа четыре назад, у дверей ее квартиры, но как он странно изменился. Лицо покрыто красноватым густым загаром — вместо ленинградской осенней бледности, на голове не курсантский ежик, а довольно длинные, выгоревшие на солнце волосы. И другая одежда. Не черная форменка с якорьком на погонах, а оливковая рубашка непривычного покроя. Но дело даже не в этом. Она вдруг поняла, что Дмитрий гораздо старше, лет, может быть, на десять, если не больше. Не юноша, а довольно-таки поживший мужчина.

Он поднимает голову, смотрит на нее и тоже узнает ее не сразу.

«Постой... Наташа? Это ты, Наташа? — Он слабо как-то и растерянно улыбается. — Откуда? Как давно я тебя не видел...» — «Почему же давно? Еще сегодня ночью...» Он отрицательно качает головой: «Давно, Наташа. Я уже начал забывать твое лицо. Да и ты, надо сказать, изменилась, совсем красавицей стала...» И вот только теперь она просыпается по-настоящему. До конца. И все понимает. Что действительно прошло очень много лет, что у нее уже была другая жизнь, в которой много разного случилось, но Димы в той жизни не было.

И вспоминает еще одно, самое главное, отчего ей наконец становится по-настоящему жутко...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В том, что Фритьоф Нансен был прав и к холоду привыкнуть действительно невозможно, Воронцов сумел наконец убедиться в полной мере.

Вышло так, что после многих лет, проведенных на южных линиях, ему целую навигацию пришлось работать «на северах», от Мурманска до Певека и обратно. Погода все время стояла мерзейшая, устал он сильнее, чем когда-либо раньше, и, когда наконец дождался отпуска, решил провести его градусов на тридцать ниже по сетке координат. А на тех широтах его больше всего привлекал Сухуми. Тихий город на зеленых холмах, счастливо избегнувший опасности превратиться в курортный Вавилон, как, например, соседний Сочи; теплое море без всяких признаков битого, а равно и сплоченного льда; много пальм и другой субтропической зелени, спокойные закаты над жемчужными волнами.

Он приехал туда и понял, что не ошибся.

Целыми днями Воронцов валялся на разноцветном галечном пляже, в прозрачной перистой тени громадных эвкалиптов, перечитывал «Бросок на юг» Паустовского. Часто, откладывая книгу, он глядел на город по ту сторону бухты и представлял, как все здесь выглядело шестьдесят лет назад. А вечерами выходил на набережную, ел на веранде над морем горячие, похожие формой на корабли викингов хачапури, а потом выпивал много крошечных чашечек густого и горького кофе, который

раньше был «по-турецки», а теперь — по каким-то, очевидно, внешнеполитическим соображениям — стал «по-восточному», хотя варил этот кофе все тот же, что и двадцать лет назад, старый турок Гриша.

День, кажется, на пятнадцатый, начав уставать от монотонности жизни и в поисках новых впечатлений, Воронцов поддался на мегафонные призывы человека на пирсе и взял билет в Новый Афон.

Там, на ступенях старинного храма, он неожиданно встретил знакомого журналиста, с которым шел в прошлом году из Бомбея в Ленинград.

Конечно, оба обрадовались. Воронцов — от одиночества, журналист, по его словам, — потому, что давно искал Воронцова, дабы презентовать ему путевые, недавно изданные очерки, в которых было и о нем кое-что.

Прервав программу экскурсии, поехали на такси в Гульрипш, где журналист держал дачу. Надо отметить — великолепную. Дикий камень, полированное дерево, красная черепица, кованый чугунный забор и ворота, и все — в обрамлении магнолий, лавров и неизменных эвкалиптов.

Антон — так звали журналиста — надписал Воронцову довольно толстенькую, неплохо оформленную книжку, и Дмитрий, не удержавшись, тут же ее просмотрел. Отметил явный перебор по части экзотики, которую автор выискивал где придется, и то, что Антон подчас просто грешил дурной литературщиной. Читая о себе фразы типа: «Старпом нашего балкера по-мужски элегантен и сдержанно красив», «В нем постоянно чувствуется его военно-морское прошлое», и даже: «Меня поразили тонкость и парадоксальность мыслей, редкие у людей его типа и профессии», Воронцов усмехался, а в особо сильных местах довольно громко фыркал, но остался доволен. В главном все было верно и даже остро. Хотя, если данное творение попадется на глаза коллегам, язвительных шуточек не оберешься...

По случаю встречи поехали ужинать в Эшеры, в знаменитый пещерный ресторан, куда так просто не попадешь и куда любят приезжать серьезные люди из Сочи, Гагр, даже Тбилиси.

Антон много говорил о делах окололитературных, и слушать его было интересно. От Воронцова же требовалось только кивать в нужных местах, говорить «а-а» и «ух ты!», задавать наво-

дящие вопросы и изредка произносить тосты. Такое разделение труда, очевидно, устраивало обоих.

Следующие дни они тоже проводили вместе.

Все произошло как раз через неделю. С утра загорали на одном закрытом пляже в обществе двух московских поэтесс, которые, в отличие от Маяковского, были интересны не этим. А вечером сидели на балконе Антоновой дачи, дегустировали соломенно-желтое «Цоликаури» и густо-красную «Хванчкару» и любовались восходящей над морем луной. Как два утомленных жизнью самурая.

Может, из-за луны все и случилось.

— Помнишь, в Красном море мы говорили с тобой о моряках и космонавтах? — спросил Антон, глядя на серебристую дорожку на волнах, без всякой связи с предыдущим разговором.

— Вроде было что-то такое...

В том разговоре, одном из многих, что они вели на длинных ночных вахтах, Воронцов указал Антону, что его коллеги-журналисты зачастую переоценивают некоторые достоинства космонавтов, как реальных, так и условных.

«Не сказать дурного слова, ребята они хорошие, профессионалы, уважения заслуживают, однако слишком много превосходных степеней. И отнюдь не всегда по делу. А вот о моряках, напротив, стали забывать. Не то что лет двадцать назад. А космонавтам, как ни крути, жить на свете проще. Их тщательно отбирают, годами тренируют в сурдо-, термо- и барокамерах, вертят на центрифугах, обклеивают датчиками, отрабатывают на каждый полет все мыслимые и немыслимые ситуации, сотни людей и компьютеров следят за каждым километром каждого витка... И это при том, что ничего такого уж страшного их там не подстерегает. Все по законам Кеплера, Ньютона и прочей небесной механики.

А у моряков? Знает, к примеру, широкая публика, что ежегодно без вести пропадают в морях сотни кораблей? Что до сих пор погоду и на сутки вперед угадать не всегда получается, а хороший шторм ломает сталь, как картон, и тайфуну все едино: парусная джонка перед ним или атомный авианосец. И помощь к тонущим приходит гораздо реже, чем показывают в приключенческих фильмах. А каково яхтсменам-одиночкам, идущим вокруг света? Вроде капитана Чичестера или Нокст-Джонса? Год в море на десятиметровой яхте без захода в порты, и случись что, ни одна душа на Земле не только не поможет, а и знать ничего не будет.

И по-прежнему в морях можно встретить самых натуральных пиратов.

Да, кстати, и управлять этим вот балкером в сорок тысяч тонн куда сложнее, чем спутником на орбите. У него радиус поворота — страшно сказать, сколько кабельтовых, да инерция... И если еще в шторм, да ночью, вблизи берегов, по ненадежным картам...

На военном флоте — свои прелести даже в мирное время. Пришлось мне в этих как раз водах тралить израильские мины в порядке братской помощи. Удовольствие намного ниже среднего... А там, наверху, даже метеоритом за все годы освоения космического пространства ни в кого не попало...»

Такой вот примерно был тогда у них разговор.

— И ты по-прежнему считаешь, что хороший моряк ни в чем не уступит космонавту и всегда готов к любым неожиданностям? — спросил Антон.

— Разумеется. Если моряк действительно хороший. Я нашего брата не идеализирую, народ всякий случается. Но тут уж закон больших чисел работает. Моряков сотни тысяч, а космонавтов десятки единиц... И критерии отбора совсем разные, сам понимаешь...

Потеряв интерес к теме, в которой все для него было ясно, Воронцов налил в бокалы еще вина, со вкусом потянул, откинулся в плетеном кресле.

— Хорошо-то как, господи! Истинно — рай земной! Не дураки афонские монахи были... А вот кому здорово живется, так это вашему брату. Работа чистая, никаких тебе вахт четыре часа через восемь, никаких проблем с регистрами, пограничниками, таможней, с личным составом, грузоотправителями и грузополучателями... Сиди себе в Бомбее или там в Париже, раз в две недели дай информацию в газету, и привет...

— Твоими бы устами... — улыбнулся Антон.

— А то не так? Ну, упрощаю кое-что, само собой, однако не сравнить! И заработки опять же, гонорары... И харчи не те. Помнишь, чем нас последние недели кормили? Так тебе это раз в жизни, для экзотики, а нам... Да что говорить... Ты вот и недвижимостью владеешь... — Воронцов похлопал ладонью по перилам балкона.

— Что, нравится? Не отказался бы?

— Я бы, может, и не отказался...

— Могу посодействовать. Тут по соседству как раз продается... Еще и лучше моей...

Воронцов с энтузиазмом согласился.

— Ну безусловно! Давно мечтаю. Составь протекцию. У меня там тысчонки три на книжке завалялись, да страховку скоро получу еще пять, вот за эту цену и сторгуй, а я уж отблагодарю...

Антон был серьезен.

— Цена как раз не вопрос. Было б желание...

Воронцов взял со стола трубку, начал набивать. Ему сразу стало скучно. Слышал он уже такие разговоры. И знал, чем они обычно кончаются. Как раз недавно прошла целая серия процессов над контрабандистами из плавсостава и руководящих чинов нескольких пароходств.

— Я как раз не это имел в виду, — понял его мысли Антон. — Никакого криминала. Ни валюты, ни наркотиков. Ты же все равно сейчас в отпуске, спешить некуда?

— Ну и?

— Не хочешь поучаствовать в одном эксперименте?

— В принципе — отчего бы и нет. А какого рода?

— Психологического. На поведение в нештатных ситуациях.

— Если это не больно, да еще и на дачу заработать можно — запросто. Люблю всякие эксперименты...

— Можешь быть уверен. Совершенно необыкновенные впечатления, плюс гонорар по высшим ставкам...

— А если подробнее?

— Подробнее как раз нельзя. В том и суть. Так согласен?

Может быть, в другой обстановке и в другом настроении Воронцов отнесся бы к подобному предложению иначе, но тут все так сложилось, что он только пожал плечами.

— Если ты настаиваешь... Когда начнем?

— А чего тянуть? Сейчас и начнем...

Он вытащил из кармана синюю коробочку, вроде тех, в каких продают ювелирные изделия. Открыл ее и протянул Воронцову блестящую таблетку, около сантиметра в диаметре.

— Приложи позади левого уха. Вот сюда...

Таблетка прилипла, словно магнит к железу. Ощущение было несколько странное, но оно тут же прошло, и Воронцов перестал ее чувствовать. Даже потрогал рукой, чтобы убедиться, что таблетка на месте.

— И что дальше с этого будет?

— Смотри...

И Воронцов увидел.

ГЛАВА ВТОРАЯ

...Прямо перед ним поднимались темные, грубо сложенные из гранитных блоков стены замка. Совершенно реального и подлинного средневекового замка, с башнями, зубцами, бойницами, «ласточкиными гнездами», рвом вокруг и подъемным мостом на цепях потолще, чем якорные, и со всеми прочими приличествующими такому сооружению атрибутами.

А сам он стоял на ведущей к главным воротам дороге, вымощенной мелким красным кирпичом. Справа и слева расстилалась холмистая местность, покрытая жесткой травой, кустарником, отдельно стоящими кряжистыми дубами. Над всем этим пейзажем низко нависало предгрозовое небо, а позади, когда Воронцов обернулся, он увидел серое и даже на вид холодное море.

— Однако... — сказал Дмитрий вслух.

Выглядело все очень убедительно. Даже, пожалуй, слишком. Что-то ему и слышать не приходилось о таких иллюзиях с эффектом присутствия. Разве что у Лема читал, в «Сумме технологии»...

Но эксперимент — значит, эксперимент. От него сейчас ждут поведения. Нештатная ситуация налицо. Значит, все вопросы и сомнения оставить до лучших времен. Вводная принята.

Он провел руками по карманам. Абсолютный минимум. Деньги, неполная пачка сигарет, зажигалка и еще спринг-найф — пружинистый нож с десятисантиметровым лезвием. И все. Если, скажем, здесь какой-нибудь XII век и разгул феодализма, так будет трудновато. Историей он всерьез не занимался, языков, кроме сленгового англо-американского, не знает и даже «Янки при дворе короля Артура», как назло, с детства не перечитывал.

Но слишком долго раздумывать не стоит, решил Воронцов, вполне можно заработать несколько штрафных очков. Как на капитанском тренажере в Гренобле.

По мосту, переброшенному через широкий ров, заполненный неподвижной темной водой, он вошел в ворота.

Внутри было очень прилично. Даже более чем. Горел яркий свет, а в нише, где полагалось стоять часовым или, допустим, привратникам, Воронцов увидел гостеприимно раскрытую дверь лифта.

— Модернисты они тут, — сказал он негромко.

Створки дверей сомкнулись, и кабина плавно взлетела.

Остановился лифт тоже сам по себе и выпустил Дмитрия в круглый зал, из которого по радиусам, словно спицы от втулки колеса, расходились шесть широких, совершенно одинаковых коридоров.

Голый камень стен, высокие сводчатые потолки, полы, выстеленные темными дубовыми плахами. По сторонам, сколько хватает взгляда, двери в глубоких нишах через неравные промежутки. И неизвестно откуда льющийся ровный свет.

Про задачу Буридана Воронцов знал, повода для аналогий давать не захотел и выбрал самое простое решение — пошел прямо.

...Если рассказывать здесь обо всем, что Дмитрий увидел за те несколько часов, пока бродил по этажам и коридорам замка, то получится нечто вроде плохого путеводителя: длинно, скучно, утомительно. И очень мало похоже на правду.

Проще сказать — там было все. Вот именно: абсолютно все.

Как в рекламе магазинов Вулворта: «Если вы сами не знаете, чего хотите, заходите к нам. У нас это есть». А уровень и качество сервиса превосходили все когда-либо виденное Воронцовым в его многолетних скитаниях по свету.

Он перекусил в автоматическом экспресс-баре, где нужно было выбрать желаемое в толстой книге вроде нью-йоркского телефонного справочника, набрать кнопками номер на пульте и получить заказ, который возникал в нише за стеклянной шторкой. Бесплатно.

В оружейной лавке, похожей на ту, куда он любил заглядывать, бывая в Сан-Франциско, Воронцов, скорее для забавы, чем по необходимости, выбрал себе «смит-вессон» «хайвей патролмен» 45-го калибра. Застегнул на бедрах широкий пояс с полусотней толстеньких, тускло блестящих патронов и замшевой открытой кобурой и вопреки логике почувствовал себя гораздо увереннее и спокойнее.

Почти каждому мужчине оружие заметно прибавляет самообладания. Даже в тех случаях, когда реальная польза от него равна нулю.

На своем пути Воронцов видел рыцарские залы с титаническими каминами, украшенные латами, двуручными мечами и алебардами, богато обставленные гостиные; картинные галереи, библиотеки, курительные салоны, спортзалы, финские и турецкие бани, будуары для интимных бесед, зимние сады, па-

рижские бистро и средневековые неаполитанские траттории и, как уже сказано, многое и многое другое.

Здесь можно было прожить жизнь, не выходя наружу, и жизнь эта была бы приятной.

Если бы не угнетающее ощущение абсолютного одиночества и полной затерянности в грандиозном объеме замка. Муравей внутри башенных часов.

В конце концов Воронцов настолько устал от обилия впечатлений и бессмысленности происходящего, что, увидев в красном коридоре знакомую дверь и за ней помещение, до последнего гвоздя похожее на пятикомнатный апартамент в бомбейском отеле «Си рок», решил, что на сегодня хватит. Запер дверь и, с наслаждением приняв душ, вытянулся на нежно-абрикосовых батистовых простынях, предварительно включив над входом электрический транспарант «Не беспокоить» на трех языках.

— А не послушаетесь, — сказал он грозно, — всех уволю!

В тумбочке нашлась непременная Библия, а в мини-баре мартини, тоник, лимонный сок, лед. Воронцов замешал себе легкий коктейль и с полчаса почитал из Екклесиаста. Потом, успокоившись и укрепив свой дух, погасил свет и без усилий заснул.

...Проснулся он поздно, да это и неудивительно, потому что за окном тоскливо ползли по небу низкие и рыхлые тучи, из них сеялся сероватый мелкий дождь, за которым не видно было не только моря, но и близких холмов. Под такую погоду можно свободно проспать и сутки...

Ночью, очевидно, он получил дополнительную информацию и теперь отчетливо представлял, куда ему надо идти, хотя по-прежнему не знал — зачем.

Пройдя несколько анфилад, поднявшись по трем лестницам (одна из них была чугунная винтовая), Дмитрий открыл высокие резные двери, вошел в помещение, которое опять показалось ему смутно знакомым. Через секунду он догадался откуда. Это был кабинет управляющего царским Морским министерством адмирала Григоровича, точно такой, как на фотографии в училищном музее. Застекленные дубовые шкафы вдоль стен, в которых мерцали тисненые, кожа с золотом, переплеты книг, модели исторических бригов, фрегатов и клиперов на фигурных подставках, целая коллекция палашей, шпаг и кортиков, писанные маслом портреты бородатых и бритых адмиралов в звездах и лентах, большой глобус в углу.

И, похоже, Дмитрия здесь ждали, если судить по горячему, только что с огня, кофейнику на огромном, как артиллерийский полигон, столе.

Тут бы ему и понять все, но — нет, не сообразил Воронцов, не хватило критической массы информации. Тем более что его внимание захватили книги в шкафах. Наверняка тут могут быть истинные раритеты...

Взгляд сразу задержался на глубоко вдавленных в шоколадный сафьян вызолоченных буквах. Он открыл дверцу и извлек громадный, тяжелый том.

«Расписание чинов Российского Императорского флота за 1717—1913 годы».

«Ну что ж, теперь, по крайней мере, можно проверить достоверность семейных преданий», — подумал Воронцов, садясь в удивительно удобное кресло.

Выложив на стол, чтоб не мешал, килограммовый «смит-вессон», включил настольную лампу, потому что сизо-черный свет из стрельчатых окон наводил тоску, налил в чашку именно так, как нужно, заваренный кофе и погрузился в бесконечное и увлекательное перечисление фамилий, титулов, дат рождения и смерти, сражений и кампаний, чинов и наград, словно ничто другое его сейчас не интересовало.

Самое забавное, что так оно и было. Чувство, которое привело Воронцова в этот кабинет, больше ничего не подсказывало, а искать логику и смысл происходящего он не собирался. Делал же то, что считал для себя естественным в предложенных обстоятельствах.

Помнится, кандидатов на должность в английской разведке в прежние времена оставляли одних в кабинетах, а потом спрашивали, что лежит в верхнем левом ящике стола. Того экзамена Воронцов наверняка не выдержал бы.

...Краем глаза Дмитрий уловил, что обстановка в кабинете как-то изменилась. Поднял голову и увидел — дальняя стена исчезла, и там, подавшись вперед и напряженно глядя на него, стоит неуловимо знакомая женщина.

Чисто автоматически он отметил сначала изящество линий ее фигуры, длину и стройность ног, то, как они просвечивают сквозь почти прозрачное золотистое платье, успел даже ощутить естественное и волнующее восхищение (не каждый день удается увидеть такое), и только потом до него дошло, что это ведь не просто красивая женщина, это она — Натали!

С которой он довольно нелепо простился накануне выпуска

из училища, да так больше и не встретился никогда по не зависящим от него причинам.

Сердце, пропустив очередной такт, забилось тяжело, словно с трудом перекачивая вдруг загустевшую, тяжелую, как ртуть, кровь, и горло перехватило внезапным спазмом, а руки задрожали так, что он даже удивился этим забытым со времен первых свиданий с ней ощущениям.

И лишь вслед за этими чисто физиологическими реакциями организма на него обрушилось, как штормовая волна на мостик, осознание невероятности и тем не менее подлинности случившегося.

Он все-таки наконец встретил ее! После всех — таких длинных и так незаметно промелькнувших лет.

Сто раз он мог бы найти ее — через адресный стол, любым другим способом, но не хотел и не делал этого.

«Вот если бы случайно, — думал он не единожды, — вдруг, на углу знакомой улицы, в подземном переходе или даже в чужом портовом городе...»

Но и себе никогда не пытался объяснить Дмитрий, почему именно так, зачем нужна была ему непременно случайная, не назначенная встреча. Из-за той, давней, почти забытой уже обиды или от подсознательной надежды на благосклонность судьбы?

И вот — он видит ее наяву, совсем молодую и еще более красивую. Не сводя глаз с лица молодой женщины, он взял сигарету, стремительно, как бикфордов шнур, сгоравшую на краю пепельницы (или это у него изменилась восприятие времени?), успел раз или два глубоко затянуться, пока огонек добежал до фильтра, и только очень наблюдательный или хорошо знающий Воронцова человек заметил бы, что у славящегося своей подчеркнутой невозмутимостью старпома мелко дрожат пальцы.

— Это ты, Наташа? — спросил он, а сам продолжал смотреть на нее, не отрываясь.

Да, конечно, это она. Но совсем другая. Прежде всего — возраст. Ей должно быть сейчас тридцать два, а выглядит — лет на двадцать пять от силы, даже, наверное, меньше. Откуда она могла здесь взяться, что означает ее появление, в чем смысл такого варианта, каких событий можно ждать дальше?

В том стремительном просчете ситуаций как раз и сказывался отработанный долгими годами службы профессионализм, привычка в нужный момент отсекать всякие эмоции, уме-

ние из многих возможных поступков выбирать единственно верный.

Это она, но такой Наташа сегодня быть не может. Дело не только в возрасте. Есть и еще кое-что... Пожалуй... Невероятно, конечно, представить, но тем не менее... Это не она, а материализованное его о ней представление.

Много лет он все не мог успокоиться, вспоминал ее каждый день, считал сначала месяцы, потом годы разлуки, постепенно забывая ее подлинный облик, потому что единственную фотографию он сжег после письма, в котором Наташа писала, что не умеет любить на расстоянии и не хочет бесконечно ждать. Пусть он думает и сам все решает...

А что, интересно, мог решать лейтенант Тихоокеанского флота по первому году службы?

Позже он услышал, что она вышла за какого-то внешторговца с перспективами, вроде бы уехала с ним в Каир или в Аден... А потом он и сам отправился на Ближний Восток, тралить от мин Суэцкий канал после войны семьдесят третьего года, и был почти что рядом с ней, да только что толку от этого «рядом»?

Точно: именно так она могла бы и выглядеть — без учета реального возраста и со всеми идеализирующими поправками, что вносило его непослушное воле и рассудку воображение.

И значит, все происходящее — всего лишь еще один фокус.

Но Наташа смотрела на него растерянно и испуганно.

— Я не понимаю, что со мной случилось? Где это мы? Во сне? Это нам снится?

Воронцов усмехнулся.

— Снится? Причем обоим сразу одно и то же? Не думаю... Я, по крайней мере, наверняка не сплю. Про тебя пока не знаю...

И тут же, не удержавшись, спросил:

— Ну и как же ты жила потом, когда мы больше не встретились?

Ему стало грустно — но не так, как раньше, когда в основном были тоска и боль. Сейчас его охватила мягкая, сентиментальная печаль.

— Я потом еще раз выбрался в Москву, звонил, домой к тебе заезжал, а вечером улетел... К первому месту службы не опаздывают...

— Почему? — спросила она, и тут наконец по ее лицу он увидел, что она вспомнила. И все, что было тогда, и многое другое. Выражение очень отчетливо изменилось. И лица, и осо-

бенно глаз. Будто за несколько секунд она разом прожила все непрожитые годы.

— Вот оно, значит, как... — выговорила Наташа. Глубоко вздохнула, прикрыв длинными ресницами глаза. — Ты прости меня, Дим, если можешь. Я виновата. Но мне потом тоже стало плохо. И тебе хоть есть кого винить, а мне...

Еще помолчала и постаралась улыбнуться как можно небрежнее:

— Ну а как ты? Сейчас-то у тебя все в порядке? Где ты теперь, кто? Еще не адмирал, как собирался?

Воронцов тоже с удовольствием бы расслабился и дал волю светлым воспоминаниям. Однако обстановка не располагала.

— В основном не жалуюсь, нормально. Но разве ты и вправду ничего обо мне не знаешь? По-моему, должна бы...

Наташа посерьезнела. Словно прислушиваясь к голосу, который звучал только для нее. Даже голову слегка наклонила вбок.

— Да, ты прав, как всегда. Только... Это ведь совсем другое... Я не могу объяснить. Не понимаю, как оно получается, и не знаю, поверишь ли ты мне. Меня вызвали сюда, чтобы я говорила с тобой от имени чужого разума. Неземного. Я — это я. Самая настоящая, но моментами — словно просто переводчик. Мне сообщают то, чего сама я знать никак не могу. Если от меня требуют — я не в состоянии молчать или сказать иначе... Самое удивительное — отчего-то я почти спокойна, хоть и понимаю, что должно быть очень страшно, я ужасная трусиха, ты помнишь... Так, наверное, бывает у шизофреников. Почему это случилось именно со мной? С нами обоими?

Воронцов рад был бы знать ответ. Впрочем, половину ответа он, кажется, знал: почему это случилось с ней. Одновременно нашлось решение и для других мучивших его загадок. Дмитрий испытал то приятное ощущение, что бывает, когда на экзамене твоя штурманская прокладка один в один совпадает с истинным курсом.

Остается узнать, отчего неземному разуму так нестерпимо захотелось пообщаться именно с ним, что он не остановился перед затратами и даже предусмотрел, через кого с Воронцовым лучше всего договариваться.

Он поднял руку и сдернул из-за уха плоскую фишку.

И ничего не произошло. А Дмитрий думал, что все сразу исчезнет, он окажется опять на даче и уже там побеседует. Но не с Наташей, а с Антоном. Если только тот не окажется просто

подсадной уткой. Предателем, польстившимся на миллионерскую дачу. И все равно нашлось бы, о чем побеседовать...

— Зачем ты это сделал? — спросила Наташа.

— Видишь ли, — начал он напряженным и вздрагивающим от сдерживаемой злости голосом, — я отчего-то не люблю, когда черт знает кто лезет мне в душу, ковыряется в моих воспоминаниях и чувствах. Можешь им это передать. И пошли они все...

— Ты не прав, Дим. — И в голосе ее, и в выражении глаз он вновь уловил отблески прежней нежности. — Мыслей твоих никто не читает. Датчик всего лишь позволял использовать глубинные слои долговременной памяти, чтобы создать наиболее отвечающую твоим вкусам и наклонностям обстановку. И еще — чтобы контролировать психическое и физическое состояние по биотокам. А мысли читать они не умеют. В противном случае все это, — она обвела рукой вокруг, — просто не нужно было бы. Но если ты против — пожалуйста. Правда, теперь им не так удобно будет поддерживать контакт...

— Меня их удобство не занимает, — успокаиваясь, ответил Воронцов. — Мне важнее, чтобы я сам решал, что сказать, что нет и как именно... Так можно надеяться, что больше никаких сверхчувственных восприятий? А то знаем мы всякие детекторы лжи и полиграфы Киллера...

— Безусловно. Их этика, хоть и отличается от нашей, исключает поступки, нарушающие свободу воли разумных существ...

— Смотри ты, как благородно... Ну хорошо, верю. Продолжай... — Не прекращая говорить, Воронцов встал. Обошел стол, приблизился к Наташе, будто невзначай протянул руку и ощутил пальцами преграду. Он невольно вздрогнул, подсознательно до последнего мига надеясь, что Наташа все-таки живая, а не фантом на экране. Стало так обидно, словно он вновь потерял ее.

— Где ты на самом деле? — спросил он, словно между прочим.

— Как где? — удивилась Наташа. — Здесь, в этой комнате.

— Можешь сейчас выйти в ту дверь?

— Могу, конечно... — Она повернулась и, легко ступая по ковру, явно рисуясь своей походкой, пошла и скрылась за ней. В проеме полузадернутых штор мелькнула решетка балкона или веранды.

Через несколько секунд Наташа вернулась.

— Дождь, — словно бы виновато сказала она и протянула на ладони мокрый кленовый лист.

«Хитро», — подумал Воронцов и сказал:

— Ну, бог с ним, с дождем. Что там у тебя дальше по программе первого контакта?

Удивительно, но его по-прежнему совершенно не волновало значение происходящего. Только непосредственный смысл Наташиных слов имел значение...

И Наташа, явно довольная, что он так легко и правильно все воспринял, стала рассказывать ему про Великую Галактическую конфедерацию, включающую добрую сотню звезд в соседнем спиральном рукаве, то есть, по земным меркам, невообразимо далеко. И про весьма влиятельную секту, а может быть, сословие или касту «форзейлей», как их назвала Наташа, видящих цель и смысл своего существования в том, чтобы на протяжении десятков тысяч лет разыскивать и собирать во Вселенной высочайшие достижения в области мысли и духа, каким бы разумам они ни принадлежали.

Это было явно рекламное вступление. Воронцов слушал и думал, причем не только о том, что пришельцы-археологи пытались внушить ему устами женщины, которую он когда-то любил... Вот-вот, именно когда-то! И, однако, они считают, что как раз с ней он будет наиболее уступчив. Неужели галактические мудрецы понимают в его душе больше, чем он сам? Посмотрим, посмотрим...

«Форзейли»... Почему они выбрали именно такое слово для самоназвания? По созвучию? В парусном военном флоте так назывался корабль-разведчик. Фор-сейл. Передний парус, если дословно, или — парус, идущий впереди. Тонкий расчет на его образованность или невольный промах? А самое главное — что им нужно конкретно от него? Мало ли на Земле других людей, посговорчивее?

Да и в легенду о благородной, чисто познавательной миссии он верить не хотел. Жизнь била Воронцова достаточно, вдобавок в морях он пристрастился к неумеренному чтению. Особенно уважал Марка Аврелия, Шекспира, Салтыкова-Щедрина. Отчего приобрел скептический, с изрядной долей пессимизма взгляд на мир и человеческую природу. Кроме того, Воронцов очень не любил, когда его принимали за дурака. А это бывало. Как правило, со стороны начальства.

— Хорошо. Насчет их целей я понял. Вполне приветствую столь возвышенное занятие. А при чем тут я, не шибко куль-

турный моряк, сперва военный, а теперь вообще торговый? По части вершин мысли сроду не блистал, как ты должна помнить. Ничего, кроме докладных и объяснительных записок, в жизни не писал. Даже стихами, каковые могли бы внезапно оказаться бессмертными, и то не баловался...

Наташа посмотрела на него осуждающе.

— Не спеши, Дим. Я все объясню. И если можешь, не надо иронизировать. Мне и без того трудно. Я же не робот и не пришелец. И я тоже совсем о другом хотела бы с тобой говорить...

— И в другом месте?

Она с досадой вздохнула.

— Все-все. Молчу. Да ты бы села, что ли... Стоишь, как эта...

— Что значит — эта? — Глаза у нее стали опасно прищуриваться. Он хорошо помнил, что бывало обычно дальше.

— Ну, у Блока там... «Желтая роза в бокале золотого, как небо, аи...» Очень похоже...

Действительно, платье на ней было с бронзовым отливом, а под ногами — золотистый ковер.

— Ох, мичман, смотри...

Она села в кресло у дальней стены, и фокус невидимой телекамеры сразу сместился, вновь приблизив Наташу вплотную к рамке экрана.

«Здорово разыграно, — подумал Воронцов. — Они действительно используют не только мои воспоминания, но и полную запись ее личности. И даже более того. Запись статична, а тут образ в развитии. Никакой компьютер не сымитировал бы ее мгновенную реакцию на двусмысленность. Только она сама, живая, такая, как была тогда...»

— Значит, мы остановились на их благородной миссии и моей роли в ней. Верно? — спросил Дмитрий, будто именно и только это занимало его сейчас. — Продолжай, я весь внимание...

— Я постараюсь покороче, излишние подробности мы пока опустим...

Она стала вдруг похожа на знакомую лекторшу из парткома пароходства, не хватало лишь очков с цепочкой через шею и указки, чтоб объяснять морякам, где на карте Африка, а где Афганистан. Но как раз на политическую карту моряки не смотрели, находя иные достопримечательности.

— Известно, что любая цивилизация создает огромное количество всевозможной духовной продукции, — говорила Наташа, — от философских систем до шлягеров Резника и Пуга-

чевой, но ценность всего созданного, сам понимаешь, разная. Не только в масштабах Галактики, но и на местном рынке. Девяносто процентов становится ненужным уже следующему поколению, а в веках остается совсем уже мало...

— Ну и что? Вполне нормально. Довлеет дневи злоба его... — вставил Воронцов.

— Что? — не поняла Наташа.

— По-старославянски. Каждому дню важнее всего его собственные проблемы. Когда мы с тобой танцевали под «Маленький цветок» или какой-нибудь «Твист эгейн», нас мало волновало, на века эта музыка или на ближайший сезон. И детективы Чейза занимали меня куда больше трактатов Спинозы...

— Не буду спорить. Но ведь есть и абсолютные ценности. Они и интересуют форзейлей. Они изучили нашу историю и культуру и почти все заслуживающее внимания уже взяли... нет-нет, не возмущайся, естественно, копии, — заметила она реакцию Воронцова. — Не так уж много, на наш взгляд, они сочли достойным бессмертия, но все же. Человечество в их глазах выглядит далеко не худшим образом. На порядок выше многих, куда более древних цивилизаций. Тут дело еще и в том, что их интересуют лишь совершенно оригинальные идеи и мысли, не имеющие аналогий в других культурах...

— Разумно, — кивнул Воронцов. — Приличные коллекционеры так и должны.

— Но ты, наверное, знаешь, как много культурных ценностей безвозвратно погибло... — Наташа выполняла заданную программу, и реплики Воронцова не могли заставить ее отклониться от текста. — Пожар Александрийской библиотеки, например, и многие подобные случаи...

— Гибель Атлантиды, — продолжил Дмитрий.

— А о скольких великих творениях мы знаем только понаслышке, от более поздних авторов, а то и вообще не представляем, чего лишились. Форзейли эти ошибки истории исправляли.

— Молодцы, ничего не скажешь...

— Но неудачи бывали и у них. Никто не застрахован. В конце XIII века погибла одна из групп. Или, вернее, пропала без вести. Затерялась в лабиринте пространственно-временных переходов. А может, члены группы были и убиты в сражении или из-за угла. Как вражеские шпионы или злые демоны...

— У предков были крепкие нервы, — одобрительно отметил

Воронцов. — Не испугались они ни гнева богов, ни мести пришельцев... И что, ни защитные поля, ни бластеры не помогли?

— Что у тебя за страсть все упрощать до абсурда? — досадливо поморщилась Наташа.

— Не до абсурда, а до понятного мне уровня. Учти, что я последние десять лет воспитываюсь в основном на низкопробных американских боевиках. В рабочее время. А в отпусках вообще почти ничего не смотрю и не читаю.

— Не кокетничай, Дим, — попросила Наташа. — Я тебя знаю. Они — тоже. Иначе мы просто не встретились бы. Лучше слушай дальше. Группа погибла, но полная запись собранных ею материалов — назовем ее условно Книгой — уцелела. Попав в руки людей, она стала для кого-то сверхценной реликвией, уж не знаю по какой причине, и в этом качестве, передаваясь из поколения в поколение, дошла невредимой почти до наших дней. И вдруг — исчезла бесследно. По всем признакам — окончательно.

— Так. Версия интересная. На первый взгляд, убедительная. Только мне-то какое до всего этого дело? У нас на планете десять тысяч лет подряд ежедневно кого-нибудь да убивают. Пришельцы знали, куда шли. Их люди, их Книга, их проблемы... Чего им от меня нужно?

— Дим, что с тобой? Перебиваешь все время, и тон... Раньше ты со мной так не разговаривал... — Наташа, кажется, наконец обиделась.

— Мало ли... Раньше — оно и есть раньше. Раньше я в интеллигентном обществе вращался, в увольнительные в БДТ и Театр Ленсовета ходил, в Москву к тебе чуть не каждый месяц ездил... А теперь я царь, бог и воинский начальник для толпы в полсотни... тружеников голубых дорог, в условиях длительной изоляции от общества, месяцев по восемь подряд без берега, тут еще и не так заговоришь. Прости, если что... Но даже если я постараюсь быть дипломатом, все равно — пусть твои приятели мне кое-что сначала прояснят...

— Не понимаю, — пожала плечами Наташа, — что на тебя вдруг нашло. Ну, спрашивай...

— Это уже разговор. Итак — первое... Воронцов принял позу пораскованнее, глубоко погрузившись в кресло и закинув ногу за ногу, тщательно раскурил трубку (трубка хорошая, данхилловская, и кэпстен в жестяной банке как раз ко времени обнаружились на японском лаковом столике позади кресла). — Первое... Отчего твои... гм, работодатели в такую самодеятель-

ность ударились? Где обмен делегациями на высшем уровне, переговоры, освещаемые средствами массовой информации, подписание совместных протоколов с последующим братством цивилизаций? И уж тогда заводить разговоры на темы практические...

— Дим, ну что ты, в самом деле! Какое им дело до наших правительств, законов, обычаев? Не нужны им сейчас официальные контакты. Да еще в таком мире, как наш. Последствия могут быть самые непредсказуемые. Контакт инопланетян с любой из двух сверхдержав вызовет кризис, конфликты, культурно-политический шок, я не знаю, что еще. А форзейлям этого не нужно. Мирить нас потом, устранять последствия, нести моральную ответственность... У них достаточно негативный опыт... Сейчас речь идет только о Книге. Земные проблемы их не интересуют вообще, кто у нас прав, кто виноват, чей строй прогрессивнее... Стал бы ты при всех своих заботах выяснять, кто первый сказал «дурак» в младшей группе детского сада?

— Вот так даже? Спасибо, теперь ясно, что почем. Хорошо, поехали дальше. К чему вообще все психологические и технические ухищрения? Замок и так далее... Если им по силам все то, что они проделывают с нами, в чем загвоздка? Стоняли бы куда надо, забрали Книгу, заодно друзей выручили и тихо, без шороха вернулись к своим баранам. Какая помощь потребовалась умным взрослым дядям от воспитанников яслей или умственно неполноценных детей? Если ты мне сие убедительно прояснишь, будем беседовать дальше. А так... Сдается, пора кепку с тремя козырьками покупать...

— Какую кепку? — растерянно спросила Наташа.

— Анекдот. Один козырек впереди, два по бокам, чтобы лапшу на уши не вешали... — лаконично пояснил Дмитрий.

— Нет, с тобой не соскучишься... — Наташа достала из кармана в складках платья узкую коричневую пачку сигарет, зажигалку, плоскую, как бритвенное лезвие. Это удивило Воронцова. Раньше она не только не курила, но и терпеть не могла, когда кто-то курил при ней. И зачем вообще это делать изображению, даже такому совершенному? Не все, выходит, так уж тут понятно и просто...

— Ты касаешься слишком сложных вопросов, Дим. Почему они не возьмут Книгу сами... Тут сложности и технического, и, главное, этического свойства. Прежде всего в настоящее время они избегают предпринимать активное вмешательство в потенциально конфликтные ситуации. После гибели своей экс-

педиции и еще некоторых эксцессов. Считают, что цель не оправдывает средств. То есть ценность жизней исследователей несопоставима с ценой материального объекта...

— Я бы с таким утверждением поспорил, — заметил Воронцов. — Бывают такие «материальные объекты», ради которых жизней не жалеют... — И незаметно загнул для памяти мизинец на левой руке. Появилась у него хорошая мысль на будущее.

— В некоторых странах за кражу кошелька головы рубят, и что это доказывает, кроме дикости подобных обычаев? — И, предупреждая дальнейшие возражения Дмитрия, кивнула с ободряющей улыбкой: — А поспорить на моральные темы у нас еще время будет. И об этом, и о многом другом тоже... Но сначала давай с одним закончим. Без крайней, исключительной необходимости они в земное прошлое еще раз вмешиваться не хотят. Кроме того — и это очень важно, — сами форзейли взять у людей ничего не могут. Книгу должен взять обязательно человек и уже потом — добровольно, заметь, — передать им. Передать здесь, в Замке.

«Сложно, — подумал Воронцов. — Но ведь, честно говоря, не сложнее наших обычаев. Цивилизованное государство в мирное время тоже не может силой или тайно отнять у соседей понравившуюся вещь. И члены официальной правительственной делегации вряд ли рискнут ночью проникнуть в Лувр и спереть ту же Джоконду, хотя бы и хотелось... А вот к услугам наемников и прочих гангстеров прибегают часто и без лишних терзаний. Вот такую роль они мне и предлагают...»

— Да, Натали, — сказал он, — все это, с их точки зрения, наверное, выглядит вполне убедительно. И я должен быть благодарен, что меня сочли достойным столь почетной миссии. Но как следует правильно обозначить отведенную мне роль? Ландскнехтом, что ли, мне предлагают? Или, пользуясь современной терминологией, белым наемником? Сами они ввязываться не хотят или, проще говоря, боятся. А какого-нибудь Воронцова уговорить или купить всегда можно. Сделает — хорошо, не справится — ну и хрен с ним, не он первый, не он последний, так?

— Обязательно тебе нужно все довести до абсурда. — Наташа досадливо сломала в пепельнице едва на треть сгоревшую сигарету. — При таком подходе любую мысль можно наизнанку вывернуть...

— Значит, мысль недодуманная, раз ее даже я вывернуть могу. Сама посуди, разве красиво выглядит такое сопоставление:

их драгоценных жизней им же принадлежащая вещь не стоит, а туземца послать они готовы и ничуть за него не переживают. Но я не обидчивый. Бог с ними, раз у них такие принципы. Мне не привыкать. Когда меня посылали по минным полям с тралами прогуливаться, тоже, видимо, считали, что нам помирать будет легче, чем хозяевам, потому как мы привычные... Но если уж идти на рисковое дело, так хотелось бы знать: а ради чего? Какой тут для меня высший смысл?

— Но у тебя же был с Антоном разговор? — спросила Наташа, и Воронцову показалось, что по лицу ее мелькнула тень. Словно его слова ее неприятно поразили. Дмитрий догадался, о чем она подумала, и хотя, спрашивая, имел в виду совсем другое, с радостью ухватился за неожиданно возникшую возможность. Так даже интереснее.

— Ты дачку имеешь в виду? — спросил он с простодушно-хитроватой улыбкой. — Так дачка ни при чем. Он мне ее только за участие в психологическом опыте обещал. А тут уже не опыты, тут дела по другому разряду проходят...

— Не волнуйся. Дача вообще такая мелочь... Антон про нее просто для подхода к теме сказал. Возможности у них неограниченные. И этика форзейлей запрещает им торговаться или отказывать в просьбе тем, кто им помогает...

— Я не собираюсь просить! — резко возразил Воронцов. — На флоте у нас все четко. «Нет спасения — нет вознаграждения». Есть такое правило. В смысле, что без результата никакие затраты не компенсируются. И наоборот, разумеется. Вот я и спрашиваю: какая их цена? Мне лишнего ничего не надо, но и задаром стараться... Один знакомый говорил: «Не то обидно, что за растрату сел, а то, что по той же статье в десять раз растратить больше можно было...»

— Чего ты сам хочешь, милый? Миллиард долларов? Вечную жизнь? Звание адмирала флота? Скажи мне, и все будет...

Он готов был поклясться, что в голосе ее проскользнули нотки презрения. И в глазах, слишком ему знакомых, читалось нечто брезгливо-снисходительное.

Но откуда у нее вдруг такая щепетильность в вопросах чести, при ее не слишком почетной роли переводчицы, да еще и вербовщицы для неизвестно какие цели преследующих пришельцев? Да и раньше:.. Разве не она писала в прощальном письме: «Пойми, что полудетские эмоции не могут заменить логику взрослой жизни. Я должна думать о будущем, и есть люди, которые его гарантируют. Согласна, что это звучит цинич-

но в твоем выдуманном мире белоснежных парусов и белых офицерских перчаток, но, увы, возможно, ты теперь единственный обитатель своего мира. Прости и, если можешь, не суди строго. Впрочем, если тебе будет легче — назови меня меркантильной дрянью и успокойся. Позже ты меня поймешь. Надеюсь, с другой тебе повезет больше. Целую тебя, мой верный рыцарь...»

Ей, значит, тогда можно было так рассуждать, а теперь она же его осуждает за вопрос всего лишь. Неужели по прошествии времени она так изменилась? Или, опять же, это он сам ее так подкорректировал в своем воображении?

Допуская, что за его эмоциями пришельцы все же следят, он распалял себя такими мыслями, а на самом деле все прекрасно понимал.

Она и вправду в нем разочарована. Оттого, что всю свою, наверное, не такую уж счастливую жизнь хранила в глубине памяти веру в него, Воронцова, в его, пусть несовременные, романтические представления о порядочности и чести. В те самые белые офицерские перчатки.

Слабые люди — слабые, но не подлые — любят верить, что порядочность все же существует. И, конечно, увидеть, что и его сломала неумолимая логика жизни, ей неприятно. Как будто не она предала его когда-то, а он сейчас предает ее веру в него...

Такой вот психологический этюд в желтых тонах.

«Какою мерою мерите, такою и отмерится вам», — вспомнил он слова из читанной ночью Библии. И успокаивающим жестом поднял руки ладонями вверх.

— Ну ладно-ладно... О цене сговоримся. Верю тебе и им на слово. Что я все-таки должен делать?

— Поверь, Дим, я хочу тебе только добра. И зря ты злишься. Ты еще сам не понимаешь, как тебе повезло. Тебя выбрали одного из миллиардов...

— Ценю, Наташа, ценю. Все это ужасно ласкает мое самолюбие. Я так нуждаюсь в признании. Свои не ценят, так хоть пришельцы поняли. По-хорошему, я давно уже мог и начальником пароходства стать, а все старпом. В капитаны самого малюсенького кораблика — и то не пускают. Рылом-с, видать, не вышли...

— Не обижайся, Дим. Не на что. Я тебя слишком хорошо знаю... Характер у тебя не тот. А вот сейчас как раз он и пригодится. Так что все к лучшему.

— ...в этом лучшем из миров, — закончил он ее любимую поговорку.

Ему вдруг трудно стало сохранять с ней взятый тон. С некоторым даже удивлением вслушиваясь в себя, Воронцов все больше убеждался, что ничего из прошлого не ушло и не забылось, и ее глаза, интонации, тембр голоса имеют над ним такую же почти власть, как и прежде, в самые счастливые минуты их любви.

И если б не было всего пережитого — тех страшных для него и мучительных дней и месяцев, когда в своей тесной, накаленной тропическим солнцем каюте он читал и перечитывал ее прощальное письмо, а потом, не подавая виду, что с ним творится, должен был нести службу, шутить и смеяться чужим шуткам в кают-компании, вообще жить, хотя жить как раз не очень хотелось, — сейчас ему не удалось бы оставаться внешне спокойным, ироничным, небрежно-самоуверенным.

И как-то совсем не важно было, что перед ним сидела сейчас отнюдь не она сама, а лишь ее изображение.

Наташа тоже почувствовала, что с ним происходит не совсем то, что он старается изобразить.

— Дим, ты знаешь, у тебя стали теперь совершенно другие глаза. Суровые, злые даже, а все равно, если присмотреться, что-то в них осталось прежнее...

Воронцов вздохнул, сосчитал в уме до пяти. Как учили, через ноль. Сказал тихо, без выражения:

— Ладно. Давай лучше к делу. А про тебя и про меня ты в другой раз доскажешь...

Наташа закусила губу и отвернулась. Возможно, чтобы он не увидел выступившие от обиды слезы.

— Ну хорошо, — наконец сказала она. — Я остановилась на том, что Книга дошла невредимой почти до наших дней и вдруг исчезла. Очевидно, навсегда. Сложность в том, что исчезла она в июле 1941 года. В районе северо-западнее Киева...

Воронцов тихо начал насвистывать сквозь зубы старую английскую солдатскую песню «Лонг вей ту Типперери», популярную среди мальчишек в пятидесятые годы.

— Намек понял, — сказал он, обрывая свист. — Пойти и взять, только и всего...

— Именно так. Не сочти за лесть, но ты один из немногих, кто может это сделать.

— Да уж конечно. Дураков мало. А ты случайно не помнишь, что имело место как раз в июле — августе сорок первого года

нашего века северо-западнее Киева? Как, впрочем, и западнее, южнее и юго-западнее тоже?

— Ну, Дим! Если б это было так просто, они и не обратились бы к тебе...

— Ох, Натали, за что я тебя всегда уважал, так за великолепную невозмутимость духа. Подумаешь, июль сорок первого, стоит ли говорить... И вообще, кому интересны переживания какого-то лейтенанта... Воронцова, что ли? С его дурацкими чувствами и бесперспективной биографией... До них ли, когда есть возвышенная цель.

Очевидно, он немного перебрал, потому что Наташа теперь смотрела на него с испугом, словно ожидая еще более обидных, бьющих наотмашь слов.

— Прости, Дим, я не хотела... Это не я, это они так говорят, а я повторяла, не задумываясь... А ты все злишься на меня, никак не хочешь забыть и простить...

— Да нет, что ты, давно не злюсь. Дело прошлое. Вырвалось. Значит, говоришь, сорок первый. А где там искать и как?

— Я тебе все объясню, — заторопилась Наташа, не скрывая радости оттого, что он, кажется, действительно не сердится и что миссия ее благополучно подходит к концу. — Тебе и искать особенно не придется. Тебя высадят в нужное время и в нужном месте, соответственно подготовив, специальный детектор укажет координаты контейнера, ты его подберешь и вернешься...

— Действительно, плевое дело. Они у тебя четко соображают. Подобрать, пока дым не рассеялся, — и ходу... С транспортом как? На машине времени сгоняю?

— Зачем машина времени? Все гораздо проще. Замок сейчас находится вне любых пространственно-временных координат. Любая точка из него одинаково доступна. Выход в реальный мир можно открыть в любом месте пространства и в любом времени. Математически все это крайне сложно, ты не поймешь, хоть и сдавал высшую математику... — она с улыбкой постаралась смягчить оценку его умственных способностей.

— Я не претендую, — успокоил он ее, — я практик. Но выходит, что путешествия во времени вообще не будет?

— Правильно. Представь, что перед тобой карта мира и на ней нужно поставить точку карандашом. Главное — определить, куда ее ставить. А какова кинематика движения руки, затраты энергии, механизм переноса частичек графита на бумагу — ты об этом и не задумываешься...

— Оно так. Ну а как с парадоксами?

— Да нет никаких парадоксов. Мир всегда только таков, как есть. Если ты побывал в прошлом и в свое время уже оказал влияние на развитие событий. Если нет — то же самое.

— Постой, Натали. Вот как раз тут и неясность. Я имею определенные знания о прошлом. Я пойду за вашей Книгой и захочу там сотворить нечто противоположное тому, что уже случилось. Как тогда?

— А разве ты можешь быть уверен, какую именно цепь причин и следствий возбудит твой поступок? Может, как раз он через десятки и сотни промежуточных событий приведет к тому, что есть на самом деле?

— Можно придумать такое, что ни в какие ворота, — не унимался Воронцов, которому очень хотелось хоть в чем-то поставить в тупик Наталью с ее пришельцами.

— Значит, у тебя ничего и не получится. Помешает что-то... Или все равно так или иначе ляжет в общую схему. Все, что могло случиться в прошлом, — уже случилось, и именно так, а не иначе.

— Ясно. Объяснение принимается, — кивнул Воронцов. — А куда в этой штуке лошадь запрягать, потом уточним, — к случаю вспомнил он старый анекдот.

В общем-то, он уже до предела устал от бредовости ситуации, нравственных и технических проблем, парадоксов, которых не бывает, и мучительно-прекрасных глаз своей визави, глядя в которые ему хотелось лишь одного — встретиться и поговорить с ней наяву, без живых и электронных посредников.

Потому и сказал наконец то, что давно собирался, но никак не мог найти подходящего момента в разговоре.

— В общем, хватит, Натали! Сделаем перерыв. Я дух перевести хочу, воздухом подышать, рассеяться и расслабиться. А уж потом контракты подписывать будем.

Отметил, как удивленно приподнялись у Наташи брови, усмехнулся злорадно. Не ждали они от него такого пассажа, определенно не ждали. И закончил фразу:

— А ты пока со своими приятелями посоветуйся, подготовься лучше. Потому что, пока вы мне на два вопроса не ответите, дела не будет. Я и в худшие времена не продавался, сейчас — тем более...

— Опять ты, Дим! Пожалуйста, спрашивай, что хочешь. Я готова ответить на любой вопрос сейчас же...

— Сейчас не надо. Куда спешить? Завтра и ответишь. Во-

просы у меня простые. Что записано в пресловутой Книге, и какие причины заставили обратиться именно ко мне и ни к кому другому. Вот и все. Только постарайся, чтоб ответы были... убедительные. Хорошо, дорогая?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

...Для одного человека и в один день всего случившегося было многовато. Следовало успокоиться и заставить себя как следует подумать.

Воронцов вышел в коридор и прикрыл за собой дверь кабинета, сумев не оглянуться и не посмотреть, что за его спиной делает Наташа. Пусть не рассчитывают на легкую победу, психологи... Воронцова голыми руками не возьмешь. Эксперимент — так для всех эксперимент.

Куда идти — ему было совершенно все равно. Дмитрий уже понял, что ничего сверх того, что ему захотят показать, он не увидит, но, с другой стороны, ему было интересно, как далеко простираются их фантазия и технические возможности. Как если бы он попал в некий супердиснейленд, отданный в его единоличное и полное распоряжение.

Пройдя метров пятьдесят по длинному и узкому переходу без окон, не очень ярко освещенному вычурными хрустально-бронзовыми бра, Воронцов толкнул первую попавшуюся дверь.

За ней оказался небольшой холл с глубокими креслами, медными пепельницами на гибких подставках, видеокомбайном «Сони» в углу и копией (а возможно, и оригиналом) «Бульвара Капуцинов в Париже» на левой стене.

Четыре ступеньки вели в уютный бар. Обтянутые коричневой кожей стены и стойки, сотни всевозможных бутылок на подсвеченных снизу зеркальных полках, четыре двухместных столика и глубокий эркер с абстрактной металлической скульптурой посередине.

Что-то в таком роде Воронцов и рассчитывал увидеть. Исходя из своего настроения и внутренней потребности. Так что удивлен не был. Вот если бы, открыв дверь, он попал на заседание парткома родного пароходства, тогда да...

За стеклами эркера было уже совсем темно. Как-то неожиданно наступила ночь. Ему казалось, что встреча с Наташей

продолжалась не так уж долго, а оказывается — полный световой день. Впрочем, он не знает географическую широту Замка и, соответственно, продолжительность дня. Но, судя по ощущению своих довольно точных биологических часов, он решил, что сейчас должно быть около семнадцати по времени Москвы. Проверить не мог, его кварцевый «Дельфин» со вчерашнего дня показывал, по образному выражению старых штурманов, день рождения бабушки.

Он заказал себе рыбно-моллюсковый ужин, взял со стойки бутылку сухого «Сент-Эмильтона» и, возвращаясь к столу, плотно закрыл входную дверь. Так спокойнее. Бесконечное пространство прилегающих коридоров, пустых и тихих, вселяло томительное чувство дискомфорта.

Приступая к разделыванию омара, по приобретенной на ночных вахтах привычке думать вслух, Воронцов вполголоса сказал:

— Надо что-то делать... — Тотчас вспомнил, что наверняка его слушают, и закончил фразу наскоро придуманной бессмыслицей: — Недоваренные ракообразные опасны для здоровья...

Тишину нарушил резкий звук гонга. Подняв глаза, Дмитрий увидел вспыхивающее над окном выдачи блюд алое табло: «Приносим извинения. Замена произведена!» Он не ожидал, что его слова будут восприняты столь буквально.

Новый омар был раза в полтора больше и наверняка соответствовал самым строгим санитарным и кулинарным нормам.

Поужинал Воронцов с аппетитом, не торопясь, под негромкую музыку камерного квартета.

Изображая безмятежное состояние духа, перешел в холл, вставил в приемник видеомагнитофона кассету с названием позабористее, погрузился в пухлые подушки кресла и, сибаритствуя, закурил любезно приготовленную для него невидимыми лакеями десятидюймовую бразильскую сигарету.

Но мозг его работал с бесстрастной четкостью. Время эмоций на сегодня прошло.

Следовало представить все возможные повороты сюжета, которые подготовят ему пришельцы, определить тональность предстоящей с Наташей беседы, заготовить два-три изящных парадокса, которые в трудный момент позволят выиграть время и перехватить инициативу. Проигрывать он не собирался.

Вполне прилично выспавшись за бесконечно длинную ночь в уже обжитом и ставшем привычном номере, Воронцов встретил утро на балконе. Не будь он моряком, перевидевшим всякое, картина здешнего рассвета могла бы вывести его из душевного равновесия.

Слоистые сизо-серые тучи почти касались маслянистых, будто застывших волн. Неподвижный мглистый воздух гасил любые звуки. Близкие кроны деревьев казались аппликациями, наклеенными на театральный задник. Постепенно сиреневая мгла просветлела, подошвы туч подкрасились розовым, четче стала граница, разделяющая море и небо. Где-то там, за тучами, наверное, уже поднималось солнце, но здесь по-прежнему держалась полутьма, словно в кубрике, освещенном лишь синей лампочкой над входом.

Но солнце поднималось все выше, и ярче становился багряный отблеск на тучах. Казалось, вот-вот лучи прорвутся наружу, однако их хватило лишь на то, чтобы последним усилием высветить над горизонтом мрачно-торжественную, густо-красную полосу, а потом она померкла, и все вокруг залил светло-пепельный мертвый свет.

Тучи глухо сомкнулись, и по листьям деревьев, по траве, по выскобленному, как палуба парусника, настилу балкона зашуршал неизбежный дождь.

— Вешаться хорошо в такое утро, — со знанием дела сказал Дмитрий. Перед новой встречей с Наташей в груди ощущался неприятный холодок. Примерно как в день выхода на боевое траление. Привычно, но непредсказуемо.

Чтобы взбодриться и обрести подобающую уверенность, Воронцов прихватил взятый вчера в той же лавке — взамен забытого в кабинете револьвера — короткий «винчестер», вышел на берег моря и долго стрелял по голышам на пляже, убеждаясь, что рука тверда и глаз верен.

Расстреляв две пачки патронов, распугав чаек на берегу и ворон на стенах Замка, Дмитрий почувствовал, что готов к предстоящей борьбе умов.

Тогда он разделся и вошел в обжигающе холодную воду, соленую, как Индийский океан на экваторе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На этот раз Наташа появилась в строгом темно-синем костюме, по-иному причесанная, и встреча сразу приобрела суховатую официальность, будто и не было вчерашней взаимной растерянности и плохо скрываемого волнения в ее голосе.

«Подрегулировали эмоциональный блок, — подумал Воронцов. — Тем лучше для меня, только неясно, какой они с этого планируют иметь выигрыш».

— На первый твой вопрос я отвечу сразу, — сказала Наташа после нескольких протокольных фраз. — А на второй — несколько позже.

— Как знаешь, — согласился Дмитрий, подвинув кресло к самому экрану. Теперь их разделяло не более полутора метров. И он мог наблюдать за тончайшими нюансами ее мимики и выражения глаз.

— Тогда слушай. Содержание Книги одинаково важно и для них, и для нас. В ней — полный рабочий дневник экспедиции. Что это такое — сам понимаешь.

— Еще бы, — кивнул Воронцов. — Вроде вахтенного журнала. Понимаю и сочувствую, но не более того...

— Подожди. Кроме дневника, там же записаны практически все древнерусские летописи IX—XIII веков, вплоть до монгольского нашествия, духовная и светская литература... Ты же знаешь, что, кроме «Слова о полку Игореве», до нас не дошло ничего. А там могли быть шедевры, по сравнению с которыми «Слово»... — она замялась, подбирая сравнение.

— Как записки фронтового корреспондента рядом с «Войной и миром», — помог ей Воронцов.

Наташа посмотрела на него с сомнением.

— Неожиданное сравнение. Но в принципе... Отчего бы и нет?

— Вот именно. Только не по адресу вы обращаетесь. Вам бы филолога найти, библиомана настоящего. Тот бы так рванул — втроем не удержишь. А я что? Признаюсь, хоть и стыдно, я и «Слово» до конца не читал. «Лепо ли ны бяшеть, братие...» Так, что ли? Вот и все мои познания. Умом я все понимаю, но голову ради этого в петлю совать не стал бы.

И не так уж он кривил душой, говоря это. Как всякий актер, которым поневоле вынужден быть человек, поставленный руководить другими людьми, Воронцов мог убедительно имитировать только те чувства, которые находили отклик в глубине его натуры. Иначе фальшь была бы видна любому мало-мальски проницательному зрителю.

— Не буду спорить, — продолжал он, — если эти тексты ввести в обращение, определенная польза для отечественной культуры будет. Но какая? И для кого? Для десятка интеллектуалов, жаждущих тем для диссертаций? А еще для кого? Как будто ты не знаешь нашу публику. Спроси у любого. Девяносто

процентов не назовут даже имен и порядковых номеров царей, правивших в прошлом веке, а ты им — летописи десятого...

— Если даже и пять человек будут владеть подлинным знанием, и то рано или поздно оно станет достоянием всего народа...

Воронцов рассмеялся. Снял со стены парадный офицерский палаш с филигранной медной гардой, попробовал, удобно ли он лежит в руке, повертел перед глазами, разбирая надпись на клинке.

— Эх, черт, вот жизнь была... Золотое времечко. А сейчас... Ну, кому оно все нужно, Натали? Что изменится? Принесу я их Книгу, не принесу... Прожили с тех пор семьсот лет — обошлись, как видишь. Может, без тех знаний даже лучше? Не думала? Впрочем, что это я спрашиваю, ты тут совсем ни при чем. А ты... Тебе самой как, кого больше жалко, меня или те летописи?

Наташа ничего не сказала, отошла от экрана, повернувшись к Воронцову спиной, остановилась у окна в глубине своей комнаты, минуту или больше молча смотрела в затуманенный сад.

Как будто он и вправду обидел ее своим вопросом.

Воронцов ждал — что еще они придумают для него. И внимательно рассматривал Наташину фигуру. Ему даже хотелось, чтобы она подольше не оборачивалась.

Самое смешное, что он совершенно не ощущал невозможности происходящего. Пришельцы, путешествия во времени, свидания с призраками... Но раз это все случилось, какой же смысл переживать по поводу теории вероятностей?

Возможность и вероятность попасть в данный момент времени в автомобильную катастрофу для каждого конкретного индивидуума на Земле равна около одной миллиардной. Но разве тот, кто уже вытянул этот редкостный шанс, остался в живых, но, предположим, лежит в кювете с переломанными ногами, думает о законе больших чисел? Пожалуй, его интересует в этот миг нечто другое.

То же самое можно сказать и о Воронцове.

Ему важнее всего было определить наконец, чего он сам в этой истории значит, чего хочет и какой выбор сделает.

Принять Наташино предложение, стать, попросту выражаясь, тайным агентом инопланетных пришельцев, неизвестно зачем проникших на Землю?

Или же избрать для себя благородный путь сопротивления агрессору? Без всякой гарантии, что его инстинктивный негативизм принесет пользу, а не вред человечеству, которое он, без всяких на это прав, вынужден сейчас представлять.

Сложность была в том, что Воронцов не видел третьего пути: каким-либо способом уклониться от решения вообще. Не только потому, что не знал, как вообще можно уклониться в такой ситуации, но и потому еще, что не в его характере было в трудные минуты уходить в кусты. Если проблема выбора существует, то выбор должен быть определенным.

— А там ведь не только тексты, — будто размышляя вслух, сказала Наташа, поворачиваясь к нему лицом. — Там ведь и видеозапись. Представляешь — подлинная кинохроника битвы на Калке, взятие монголами Рязани и Владимира, сражение на Сити... Даже историки не представляют, как все было на самом деле, а здесь — документальный фильм. Форзейли считают, что их наблюдатели как раз и погибли в том сражении, вместе со всеми русскими князьями. После 4 марта 1238 года на связь они больше не выходили...

— Безусловно, фильм может быть потрясающим, — согласился Дмитрий. Он представил — заснеженный лес, лагерь русских воинов, внезапное появление монголов, отчаянная и безнадежная битва, крупным планом — лицо князя Юрия, подлинные голоса исчезнувших семь веков назад людей... — Тут можно прославиться. Фильм наверняка станет бестселлером века. Но...

— Ну что «но»?! Что ты все время находишь какие-то отговорки? — не выдержала Наташа. — Не думала я, что ты стал таким... осторожным... — На губах ее мелькнула неприятная, если не презрительная улыбка. — Я считала, что кто-кто, а уж мой мичман с восторгом примет это предложение. Небывалое приключение, возможность стать национальным героем, даже всемирным, путь к исполнению любых желаний... А ты, выходит, превратился в обыкновенного обывателя? «С одной стороны, с другой стороны...» — передразнила она.

И Дмитрию захотелось махнуть на все рукой и согласиться, а там будь что будет. Действительно: выглядеть в глазах той, которая... расчетливым и трусоватым хлюпиком, хрестоматийным интеллигентиком в мятой шляпе и захватанном пальцами пенсне... Ему, всегда рисовавшемуся перед Наташей манерами старорежимного офицера...

Только реакция эта была тоже из того, давно прошедшего времени, и девушка за плоскостью экрана внешне напоминала свой прототип.

— Что ж тут поделаешь? — Воронцов слегка развел руками, недоуменно посмотрел на палаш, который все еще держал в

руке, и бросил его на кресло. — Жизнь — она всех учит. Хватит, погеройствовали. И воздаяние было... Помнишь, как Рощин в «Хождении по мукам» сказал? «Благодарное отечество наградило штыком в брюхо».

— Обидели тебя сильно... — не то спрашивая, не то утверждая, сказала Наташа. — Только при чем тут весь народ? Кажется, ты сам говорил, что Воронцовы всегда служили не властям, а России...

— Говорил. А России моя служба сейчас нужна? Вот эта, что ты мне сейчас предлагаешь? Наоборот не получится?

Наташа подошла к самому краю экрана, оперлась рукой о его внутреннюю поверхность. Их лица почти соприкоснулись.

— Что ж, давай попробуем вместе разобраться. Заодно отвечу и на второй твой вопрос. Ты — Воронцов. Последний, кажется, представитель своей ветви, так?

— С твоей помощью, — не сдержался от упрека Дмитрий.

— Согласна. Пусть с моей. Молодая была, глупая... Не в этом сейчас главное. Скажи, что ты знаешь о второй линии своих предков со стороны матери?

Вопрос был неожиданным, и Воронцов растерялся. Действительно, эта сторона собственной генеалогии была для Дмитрия покрыта туманом какой-то сомнительной тайны.

Из коротких, отрывочных, случайных почти что разговоров с матерью он знал, что она происходила из кубанских казаков, что дед его имел чин есаула и был станичным атаманом, в Гражданской войне участия будто бы не принимал, но в конце двадцатых или начале тридцатых годов был раскулачен и сослан со всей семьей, только мать каким-то образом уцелела, оказалась в Ленинграде, где вышла замуж за молодого командира РККФ Воронцова.

Говорить обо всем этом вслух в семье считалось непринятым. Дмитрий даже не знал отчества своего деда. Да, признаться, не слишком и интересовался.

Правда, мать, не желая выглядеть среди Воронцовых безродной крестьянкой (а в анкетах ей приходилось писать: «из крестьян»), подчеркивала, что предки ее происходили из польской шляхты и один из прадедов в XVII, кажется, веке, сменив веру и подданство, вступил в Запорожскую Сечь.

— Неужели тебе никогда не хотелось узнать подробностей? — спросила Наташа.

— Как тебе сказать? Возникало иногда такое желание... Мать и сама мало что успела в детстве узнать, да и вспоминать

ей, судя по всему, было не особенно приятно. По-моему, и она, и отец просто вычеркнули ее прошлое. Времена тогда были, сама знаешь. Только какое отношение...

— Отношение самое прямое, — перебила его Наташа. — Именно из-за твоего происхождения на тебя и обратили внимание. Не просто ж так, вдруг, взяли одного из пяти миллиардов, ты правильно отметил. Но чтоб разговор у нас дальше стал действительно предметным, ты кое-что почитай... Там в шкафу, на второй полке справа, зеленая кожаная папка. Посмотри внимательно, а потом продолжим.

Она кивнула ему ободряюще, изобразила нечто вроде воздушного поцелуя, и экран медленно потемнел. Как будто там, у нее в комнате, опустились светомаскировочные шторы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Первая часть папки вызвала у Воронцова только положительные эмоции: естественный интерес к малоизвестным фактам истории запорожского и кубанского казачества, приятное чувство гордости за свою кровную причастность к славным делам и подвигам людей, о которых до этого и не знал ничего, выходящего за пределы «Тараса Бульбы» и знаменитой картины Репина.

А оказывается, начиная с XV века, запорожские казаки были грозой турок на Черном море, на своих «чайках» брали на абордаж до зубов вооруженные боевые корабли, высаживали десанты в окрестностях самого Стамбула...

Выходило так, что в нем, Дмитрии Воронцове, сомкнулись две линии российской морской истории — черноморской отчаянной казачьей вольницы и балтийского, созданного Петром, регулярного флота. И не так важно, что после переселения на Кавказское побережье казакам пришлось забыть свои морские подвиги, сменить палубы на седла и водные просторы на просторы ковыльных степей...

Воронцову подумалось, что на основании прочитанного им можно было бы снять десятки остросюжетных фильмов, не уступающих рыцарским, ковбойским, пиратским и прочим заграничным боевикам, столь популярным среди детей и взрослых, не имеющих понятия о собственной истории и уверен-

ных, что все интересные и захватывающие события происходили только там, в прериях и пампасах, флибустьерских морях и средневековых Парижах и Лондонах, а у нас в прошлом, кроме бояр в нелепых шапках и собольих шубах, пьяных стрельцов, бунтующих против просвещенной власти, забитых крепостных и сонных обломовых, ничего и не было...

Воронцов вдруг с неприязненным удивлением осознал, что он сам, оказывается, даже о любимом своем русском флоте видел только два фильма, снятых лет тридцать назад: «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы». А больше смотреть-то было и нечего. Открытие оказалось неожиданным и печальным.

А материалы в папке подбирала рука очень квалифицированная. Имеющая доступ к любым хранилищам.

Знакомство с документами естественно подводило к мысли, сформулированной Львом Толстым: «Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европейцы казаками. Народ казаками желает быть». В казачестве исторически как бы сконцентрировалась идея русского свободолюбия, неприятия всякого насилия над личностью, осознанный героизм, последняя опора древней памяти о вечевой новгородской демократии.

Подтверждалось это страницами из фундаментальной «Истории Кубанского казачьего войска» В. А. Щербины, неизвестной современному читателю, материалами из архивов, воспоминаниями современников.

Специально выделено было все, что касалось прямых предков Воронцова. С волнением и неясным чувством вины увидел он наконец выполненный рукой неизвестного художника графический портрет прадеда Акима Петровича, войскового старшины, и фотографию деда, Василия Акимовича. С датированной шестнадцатым годом овальной карточки смотрел на него суровый, немолодой есаул с подкрученными усами. На белой черкеске два офицерских ордена — Владимира и Станислава, оба с мечами, и солдатский Георгий, наверное, за японскую войну. «Неплохо, — подумал Дмитрий. — Не подвел дед...»

Но настоящее потрясение Воронцов испытал, перейдя к разделу послеоктябрьской истории.

Он не считал себя совсем уж неосведомленным, знал кое-что сверх обязательной программы о подробностях Гражданской войны и о «перегибах» коллективизации, о репрессиях тридцатых годов, слушал и сам рассказывал анекдоты про «Иосифа и Лаврентия», но все это было настолько поверхностно,

настолько забивалось бесчисленными славословиями «героическому пути», «невиданным успехам», «неслыханному энтузиазму», что существовало как бы в ином измерении, за пределами подлинной, научной, классово выдержанной истории. Враги оставались злобными и трусливыми, кулаки подлыми и коварными, красные конники беззаветными и героическими. А линия, разумеется, единственно верной на непроторенном пути.

А сейчас перед ним открывалась совсем другая история. Поистине страшная. Не уступающая ужасам полпотовской Камбоджи.

Он читал копию (или подлинник?) подписанной Я. М. Свердловым директивы 1919 года:

«Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления.

Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью.

К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти...»

Имелась также спецдиректива, которой предписывалось физическое истребление по крайней мере 100 тысяч казаков, способных носить оружие, физическое уничтожение так называемых верхов станиц (атаманов, учителей, судей, священников), хотя бы и не принимавших участие в контрреволюционных действиях...

Читал Воронцов справки о действиях карательных отрядов на Кубани и Дону, количестве уничтоженных и выселенных станиц, расстрелянных офицеров, фронтовиков, юнкеров, Георгиевских кавалеров... Некоторые из этих справок и документов были подписаны именами людей, которых Дмитрий с детства считал героями.

Документы подтверждались соответствующими фотографиями.

Дойдя до материалов, повествующих о зловещей «экспедиции» Кагановича на Кубань в 1933 году, Воронцов захлопнул папку.

Картина национальной трагедии не просто потрясала, она

переворачивала душу, перечеркивала все его сложившиеся за тридцать пять лет жизни представления.

До нынешнего года (а на дворе стоял, прошу заметить, 1984-й) политические взгляды Воронцова немногим отличались от позиций подавляющего большинства людей его возраста, образования и круга общения. Несмотря на то, что за последние десять лет он побывал в доброй сотне иностранных портов, стереотипы оказывались сильнее.

Да, живут они там лучше, чем мы, да, имеют там место так называемые буржуазные свободы, но зато наша страна — самая передовая, самая миролюбивая, опора и надежда всего прогрессивного человечества. А если что и не так, как хотелось бы, — на то есть объективные причины: войны, неизведанность пути, происки империалистов, родимые пятна капитализма и прочее из того же набора.

И вообще, крупнейшей национальной катастрофой он считал Цусиму и связанные с ней последствия для русского флота, который на полвека утратил возможность занимать подобающее ему место среди флотов прочих мировых держав.

Это в нем, конечно, говорил кастовый дух и оскорбленная профессиональная гордость.

Но вдруг Воронцов столкнулся совсем с другой историей. Которой просто не могло и не должно было быть!

Однако самое странное, что он ни на минуту не усомнился в подлинности открывшихся ему фактов, хотя, казалось бы, они настолько противоречили всему, что он знал о «самой великой и гуманной революции»... Или документы показались ему абсолютно убедительными, или подсознательно Воронцов был готов к принятию именно такой информации, потому что сотни маленьких неправд, умолчаний и искажений исподволь складываются в одну большую грандиозную неправду, и тогда достаточно внешне незначительного удара, чтобы кривое зеркало разлетелось вдребезги.

Стоя у окна, он жадно курил, но здравый смысл и логическое мышление его не покинули. Вопрос, который тут же возник у Воронцова, был чисто практическим: а зачем форзейлям потребовалось, чтобы он узнал все это? На какие действия должна подвигнуть его такая информация и нынешнее душевное состояние?

Завербовать его в стан белой эмиграции? Привлечь на сторону «правозащитников» и «диссидентов»? Подготовить к участию в военном перевороте?

Смысла в этом мало, да и речь все время шла о другом. Как соотнести сведения о репрессиях против казачества — и необходимость помочь пришельцам в поисках Книги?

Разумного ответа на находилось. Оставалось выслушать, что на сей счет скажет Наташа.

Но экран оставался темным, несмотря на то, что Дмитрий подошел к нему вплотную, всем своим видом изображая готовность к продолжению переговоров.

Возможно, ему предоставлен перерыв для обеда и более глубокого усвоения пройденного материала.

Воронцов и не заметил, как погода за высокими окнами изменилась. Поднявшийся ветер унес дождевые тучи, яркие солнечные полосы легли на вощеный паркет, а вдали от горизонта раскинулось слегка пенящееся море, не серое, как вчера и сегодня утром, а веселое, сине-фиолетовое, вспыхивающее сотнями бликов.

Он повернул бронзовую задвижку балконной двери, и порыв ветра едва не выбил ее из рук, шторы взметнулись сорванным парусом.

Внизу шумели и раскачивались кроны могучих дубов и кленов, издали доносился гул прибоя, в воздухе ощущался запах морской соли и обсыхающих на полосе литорали бурых водорослей.

Чудесное место. Если секстан в адмиральском исправен, можно определить координаты. Только вряд ли стоит. Единственным местом, где возможно сочетание берегового рельефа, такого типа растительности и открытого океана (а перед ним именно океан, тут уж он не ошибается), может быть лишь побережье Новой Англии.

Но берег от Финляндии до Бостона — сплошной мегаполис, таких заповедных уголков, пригодных для размещения базы, там давно уже нет. Если... Если за бортом не декорация или не любой век раньше семнадцатого...

Наташа появилась на экране почти через час.

— Все прочитал? — спросила она.

— Достаточно. Какой реакции ты от меня ждешь?

— Дело не в реакции. Что ты умеешь владеть собой, я знаю и так.

— Тогда к чему все? Надеюсь, реставрация монархии не входит сегодня в наши планы?

Наташа улыбкой показала, что ценит его чувство юмора.

— Пока нет. Но связь между нашими разговорами и тем, что

ты сейчас узнал, самая прямая. Ты присядь, спешить нам некуда... Значит, так. Книга уцелела после гибели наблюдателей, мы об этом говорили. Она находилась в специальном контейнере, непроницаемом для любых видов излучения. Поэтому ее невозможно запеленговать. Только когда контейнер вскрыт...

— Тут у них технический просчет, — вставил Воронцов. — Датчик следовало вынести наружу, тогда и проблем бы не было.

— Значит, они не рассчитали на такой случай. Но не это сейчас главное. За минувшие века контейнер вскрывался лишь трижды. Время и место установлено. Первый раз — на следующий день после битвы на реке Сить, очевидно — тем человеком, который спас Книгу после гибели владельцев. Потом — через триста лет, на острове Томаковка, на Днепре, где размещалась ранняя Запорожская Сечь. И наконец — сорок первый год... Вот такая картина получается.

— Понимаю, — сказал Воронцов, раскуривая новую сигарету, помолчал, неторопливо затягиваясь и стараясь, чтобы не обломился длинный столбик пепла.

Он добился своего, пепел не упал, а Наташа не выдержала паузы и заговорила сама:

— Выходит, что человек, спасший контейнер, сберег его. Возможно, образовалось особое общество, братство хранителей, для которых Книга стала высшей ценностью, реликвией... Они сумели переправить ее на Украину, и там она хранилась до наших почти что дней. О причинах можно только гадать... Наверное, это было сверхтайное общество, могущественное и достаточно многочисленное, раз почти тридцать поколений традиция не прерывалась.

— А почему именно так? — спросил Воронцов, по привычке тут же изобретая альтернативы. — Может быть, все проще? Никаких хранителей, исключительно воля случая. Подобрали Книгу монголы, переходила из рук в руки: Золотая Орда, генуэзские купцы, крымские татары, в какой-то момент и запорожцы, потом ростовщики-евреи с Волыни, и так далее, пока немецкая бомба или снаряд не попали в подвал, где ваша штука валялась забытая и никому не нужная...

Наташа покачала головой, чуть приоткрыв губы в улыбке, словно ей нравилось, какой у них пошел интересный разговор, где можно посоревноваться в остроумии.

— Не получается. Я же сказала — открывали всего трижды. А пойди Книга по рукам, контейнер или вообще бы выбросили, и Книга пеленговалась бы непрерывно, или ее саму разломали

бы в поисках спрятанных внутри сокровищ, а то из чистого любопытства. И все. А здесь — три раза за семьсот лет, и каждый раз на очень короткое время... Согласен?

— Что тут возразишь? Четко мыслишь, молодец. Ну а теперь давай завершающий штрих. Чтоб уж добить меня наверняка...

— Дим, ты ведь уже все понял сам... Но если так хочешь — пожалуйста. Форзейли предполагают, что твои предки имели отношение к хранителям. Проанализировав массу информации, они установили, что их положение в иерархии Старой и Новой Сечи, целый ряд необъяснимых деталей биографии говорят о том, что реальный статус мужчин вашего рода был гораздо выше официального. Знаешь, как, например, у членов сицилийской мафии...

— Ну, спасибо, — рассмеялся Воронцов. — А может, они просто анекдоты лучше других умели рассказывать, отсюда и авторитет. И вообще не сходится. Ведь мои деды-прадеды на Кубань с войском переселились. Отчего бы? Раз они такие важные персоны, ну и сидели бы возле своей реликвии...

— Дим, — вдруг сказала Наташа неожиданно мягким голосом, — ну а с чего ты взял, что Книга обязательно осталась на Хортице? Вспомни — шестнадцатый век, потом сразу середина двадцатого. А что между? Тебя сбила с толку географическая близость Запорожья и Киева... А если наоборот? Против часовой стрелки? Сечь, Кубань, Сибирь — и только потом снова Украина...

Вот только после этих слов Дмитрий как-то окончательно поверил в реальность, или, вернее, достоверную возможность, предложенного ею варианта.

Ничего слишком уж убедительного Наташа не сказала, а Воронцов поверил. Может, оттого, что вдруг ощутил психологическую и кровную связь с возникшим из небытия дедом? Он сам поступил бы, наверное, подобным образом...

Боевой казачий офицер, кавалер нескольких орденов, да еще член древней и тайной организации, ничем не провинившийся перед новой властью, вдруг объявлен врагом, вместе с семьей, станичниками, старыми друзьями засунут в промерзший вагон, в насмешку названный теплушкой, и отправлен воистину куда Макар телят не гонял.

И в одном из наскоро собранных узлов с остатками имущества — та самая вещь. Смысла и названия которой он и сам не знает (а вдруг знает?), но которую сберегла в веках теряющая-

ся из глаз вереница предков... А теперь должен сохранить он в условиях, хуже которых, наверное, не было на Руси все предыдущие семь веков.

После Батыя уж точно не было...

И вот он живет бог знает где, может, в Игарке, а может, на Алтае, а сам ищет выхода. Чтоб цепь не прервалась, чтоб исполнился не им возложенный на себя обет...

Где-то перед войной такая возможность представляется. Старый хранитель с верными товарищами бежит из ссылки, или по закону его отпустили, мало ли... Возможно, зачем-то ему обязательно нужно на Хортицу, на землю предков, а может, и в Турцию, к казакам-некрасовцам, соблюдающим древнее благочестие.

А тут война, стремительный прорыв немцев...

Однако помочь ему узнать истинную правду не в силах даже форзейли, при всей неограниченной мощности их компьютеров и анализаторов. И хочешь не хочешь, принимать решение придется лишь по косвенным данным.

Воронцов не сразу заметил, что уже принял его, а теперь ищет только обоснования — почему?

Действительно ли повлиял на него внезапно осознанный голос крови? Или важнее чувство долга перед отечественной и мировой историей и культурой? А может, всего лишь желание красиво выглядеть перед Наташей?

Последнее предположение звучало наиболее иррационально, но тем не менее казалось ему существенным. Так, наверное, ощущает истинно верующий внутренний трепет перед ликами икон.

А еще вспомнились строки из стихотворения Гумилева:

Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нет ни за что, ни за что!
Значит, настала пора.
Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!..

Неплохо бы, конечно, взять еще один тайм-аут, хотя бы на сутки, чтобы как следует спокойно все обдумать. Но лучше сразу. Решать — так решать!

— Хорошо, — сказал он. — Предположим, ты все же меня уговорила. Дальше как?

Наташа облегченно вздохнула, как человек, справившийся наконец с трудной задачей.

— Да дальше-то просто. Ты, если окончательно согласен, можешь до завтра отдыхать. Потом начнется подготовка. Серьезная подготовка, но там уже все предусмотрено, и теория, и практика, тебе заботиться не о чем. Все необходимое будет предоставлено, ты только выберешь наиболее подходящий для тебя вариант действий. Сходишь, принесешь контейнер. И на этом все. Вернешься домой. Все свои обязательства форзейли выполнят. В обиде не останешься...

— А ты? С тобой как будет?

— Я? — Она покачала головой. — Вот как раз про себя я пока ничего не знаю...

— Думаю, с тобой тоже будет полный порядок, — успокоил ее Дмитрий. — Ежели они, как ты говоришь, понимают толк в приличном обхождении. Даст бог, в Москве встретимся, обменяемся впечатлениями. Отпуск у меня еще три месяца. А в Писании сказано: «Мавр сделал свое дело, мавр может гулять смело».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

...Подготовка заняла больше времени, чем Воронцов предполагал. Потому что программа, которую он сам себе определил, не довольствуясь планом пришельцев, непрерывно расширялась.

Ведь нормально его положение в прифронтовой зоне ничем не будет отличаться от положения немецкого шпиона. В чужой роли, с чужими документами, выполняющий задание иноземной разведки... А какой именно и с какими намерениями — кто в таких мелочах будет разбираться?

И неважно, какой длительности окажется его там пребывание. Чтобы угодить к стенке, может хватить и часа. В то суровое время и со своими не церемонились, невзирая на звания и заслуги, а уж со шпионами — безусловно.

Правда, он с самого начала поинтересовался было, не снабдят ли его чем-нибудь этаким, из научно-фантастического реквизита: антигравитатором, защитным полем, невидимостью, на худой конец.

Ответ, увы, был неблагоприятный. Форзейли могли синте-

зировать для него что угодно, но в основном следуя образцам, уже существовавшим на Земле к текущему моменту. Инопланетную же технику вообще приспособить к человеческим параметрам и к использованию за пределами Замка якобы практически невозможно. Оттоворка не показалась Дмитрию убедительной, но спорить у него не было оснований.

Несколько дней он добросовестно изучал исторические документы и материалы, относящиеся к начальному периоду войны, и наши, и немецкие. Читал газеты, журналы, дневники и письма, пересмотрел километры кинохроники и тысячи фотографий, чтобы вжиться в обстановку, усвоить манеры поведения, стиль и обороты речи, даже способ мышления людей, среди которых придется жить и которых предстоит имитировать.

Оказалось, что отличия тут были гораздо значительнее, чем ему казалось раньше.

Воронцов заучивал наизусть сотни фамилий более-менее известных работников наркомата обороны и главного политуправления, командующих фронтами и армиями, командиров корпусов и дивизий, комиссаров и членов военных советов, популярных тогда писателей, журналистов, актеров театра и кино, вспомнил или узнал впервые названия тогдашних московских улиц и площадей, уточнил маршруты и номера трамваев, троллейбусов, автобусов и метро.

Он не допускал мысли, что ему и вправду придется проходить проверку на столь глубоком уровне, но все же... В случайном разговоре при тогдашней всеобщей шпиономании, которая называлась бдительностью, можно допустить оговорку всего лишь раз — и погореть.

Только теперь, кстати, он с удивлением задумался — а как же мог работать под немецкого офицера Николай Кузнецов? Допустим, язык он знал в совершенстве, но и только. Пятиминутного разговора с любым настоящим немцем должно было хватить для полного провала. Что-то в его истории не так. Или немцев следует признать полными идиотами, или писатели и очевидцы темнят...

Разумеется, для Воронцова изготовили документы, неотличимые от подлинных даже на молекулярном уровне, одежду, предметы снаряжения, оружие, спички и папиросы, бритвенные лезвия, мыло и одеколон, все прочие мелочи, необходимые человеку в командировке на фронт. Несколько газет трехдневной давности, отпечатанные именно в Москве, пара бутылок коньяка со штампом ресторана гостиницы «Националь», блок-

нот со страницами, исписанными адресами и телефонами. И так далее, и так далее...

Главным же для него самого были карты. Комплект крупномасштабных топографических карт с нанесенной на них обстановкой, отражавшей положение наших и немецких войск на неделю вперед, начиная с момента перехода, для всех подразделений в полосе фронта от роты и выше.

Ценность таких бледно раскрашенных листов бумаги с красными и синими цифрами и условными знаками невозможно ни выразить словами, ни даже в полной мере вообразить штатскому человеку. Командир, получивший в руки такую карту, сразу же окажется в положении зрячего, играющего в жмурки со слепым. А цена ставок в этой игре известная — тысячи жизней ежечасно.

Никто никогда, за всю историю войн, не располагал достоверной информацией о положении на фронте в текущий момент. Любая информация, даже о своих войсках, всегда запаздывает. А о силах неприятеля, их дислокации, замыслах вражеского командования полководец обычно узнает слишком поздно. Часто — только после конца войны.

Воронцов со своими картами должен был стать первым, после господа бога, всеведущим лицом на театре военных действий. А если учесть, что существование бога нельзя считать доказанным, то и вообще первым.

Последние три дня он носил форму постоянно, даже спал в ней, не раздеваясь, чтобы не выглядеть как манекенщик из главного военного ателье.

Вечером перед переходом Воронцов, по древнему обычаю, организовал себе баню. В дальнем углу парка нашлась подходящая бревенчатая банька, стоящая как раз посреди старой березовой рощи, у родника. Она никак не подходила по стилю к архитектуре Замка, но подобные несообразности давно уже не удивляли Дмитрия. Хозяева Замка просто наилучшим образом учли и такую его склонность.

Низкие разорванные тучи быстро плыли над головой, почти цепляясь за вершины берез, из них то и дело срывался холодный мелкий дождь, как почти все время здесь, и только далеко на западе мрачный горизонт еще алел полоской неуютного, тревожного заката.

Воронцов медленно прошел по тропинке, заваленной палыми листьями, нагнув голову, вошел в темный предбанник, освещенный керосиновой лампой «Летучая мышь», не спеша снял гимнастерку, покурил, сидя на пороге и глядя в сизо-черное рыхлое небо, на гнущиеся под ветром, почти облетевшие дере-

вья, на лужи, то поблескивающие тусклым оловянным блеском, то мгновенно вскипающие от дождевого залпа.

И странно размягчаясь душой от этого невеселого пейзажа, подумал, что хорошо б Наталья сейчас подошла и села рядом на толстый, кое-где уже подгнивающий брус. Чтоб не было никаких пришельцев, никакой войны впереди, а просто встретились наконец два человека, понявшие, что все случившееся в прошлом было нелепой ошибкой, в которой никто на самом деле не виноват, поговорили бы по-хорошему и решили, что и как им теперь делать дальше.

Он усмехнулся этим мыслям, раздавил о порог окурок папиросы, которые курил теперь вместо сигарет, несозвучных той эпохе, куда он собирался, встал и закрыл за собой тяжелую дверь.

...Попарившись всласть, он снова сидел в предбаннике. Под закопченным стеклом лампы дрожал узкий клинок пламени, по стенам метались призрачные тени, пряный запах керосина и копоти напоминал о детстве.

Ему было хорошо сидеть, никуда не спеша, и слушать шорох дождя по крыше.

Если б только не возникала моментами между сердцем и желудком неприятная тошнотворная пустота.

Как-никак, а завтра будет война, причем совершенно незнакомая ему сухопутная, а не морская, к которой он имел некоторую привычку. И хотя он, в отличие от других людей, сможет быстро уйти с нее и почти наверняка останется жив, все-таки серьезнее этого момента у него еще в жизни не было.

Уж больно плохо сейчас там, в отмеченном на карте квадрате северо-западнее Киева...

Утром он встал в четыре по восточноевропейскому времени. Еще раз проверил свое снаряжение: автомат «ППД», несколько круглых дисков к нему, гранаты, бинокль, планшет с картами, кое-какое продовольствие на первый случай. Обычный командирский «тревожный чемодан». Все это он загрузил в маленький штабной броневичок «БА-20». Он тоже в полном порядке. Из башни торчит тонкий ствол пулемета «ДТ», баки заправлены, снаружи на броне укреплены канистры с водой и бензином, лом, лопата, топор, две запаски. Все по уставу. Протекторы в меру стерты, примерно как после тысячи километров пробега, окраска тоже не новая, номера наркомата обороны. От серийной машины броневичок отличали две подробности.

Накануне он попросил Наташу:

— Ты скажи им... Пусть, если можно, бронирование заменят. Титановую поставят или хромоникелевую, я не спец, что-

бы хотя бы крупнокалиберную пулю выдержал, а то же его из винтовки прострелить можно. Для их же пользы, между прочим. За себя я не боюсь, не думай, мог бы и на мотоцикле сбегать... — Он не удержался, чтобы не отвести от себя возможное подозрение в трусости. Тоже своего рода офицерский гонор. — И движок желательно помощнее, мерседесовский, например, сил на двести. С его родным полстасильным далеко не уедешь, приличный дождь пойдет — и привет...

— Разумеется, Дим, — заверила его Наташа, — все, что нужно, они сделают.

Словно оттягивая время, Воронцов снова вернулся в Замок и вызвал Наташу. Она появилась на экране сонная, в наброшенном на плечи пеньюаре.

«Вот сволочи», — подумал он про авторов этой мизансцены и спросил:

— Ну, как у меня вид, подходяще? — Расправил под ремнем гимнастерку, самую по тем временам модную, из тонкого коверкота с легким красноватым отливом, с двумя рубиновыми ромбами на петлицах и звездами на рукавах. На груди два ордена Красного Знамени, монгольская «Полярная звезда», медаль «XX лет РККА» и значок за Халхин-Гол. Дело не в честолюбии, если нужно, он мог бы надеть форму и рядового, просто в роли дивизионного комиссара из центра, облеченного неограниченными полномочиями, он обеспечивал себе полную свободу действий.

— Как в кино, — сказала Наташа, и ему показалось, что говорила она искренне и от себя, а не по поручению пришельцев.

— Так я пошел. Не скучай тут...

— Ты там поосторожней, Дим, — попросила она.

— Как-нибудь... Кое-чему меня тоже учили. Восемь лет подряд. А ты повторяй про себя стихи Симонова. Те самые. А я отбыл... — Щелкнул каблуками, поднес руку к козырьку и вышел.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

...Пронизанный отвесными лучами солнца лес, густой запах сосновой смолы, хвои, цветущих трав, заброшенная грунтовая дорога, по которой, похоже, давно никто не проезжал, — все создавало ощущение ленивого, дремотного покоя, и Воронцов на какое-то время этому ощущению поддался.

Поэтому, когда из-за вершин мачтовых сосен вдруг беззвучно выметнулись и пошли на бреющем полете вдоль просеки два желтых, с черными консолями крыльев и коками винтов «мессершмита», он на мгновение замешкался, и лишь строчка пылевых фонтанчиков, косо резанувшая дорогу в нескольких шагах, заставила его броситься на песок и откатиться к обочине, в колючие заросли кустарника.

Ударил по ушам сдвоенный грохот моторов, сквозь который едва слышен был пулеметный треск, и пара исчезла, словно ее и не было. Воронцов полежал еще секунд десять, вывернув голову и глядя в зияющее небо. Немцы не возвращались. Да и не нужен он им — одинокий, едва различимый с высоты человечек в зеленой форме. Так, для забавы нажали на спуск, не пожалели десятка патронов и полетели дальше по своим фашистским делам. Чего-чего, а целей им сейчас хватает. Не в воздухе, где практически нет русской авиации, а именно на земле.

Он поднялся, отряхивая бриджи и гимнастерку, выругался сквозь зубы, зябко передернул плечами. Пройди он еще метра три — и лежал бы сейчас, изорванный пулями, на всеми забытой дороге, на быстро впитывающем кровь песке, и вся его эпопея на том и закончилась бы...

Впрочем, у него еще все впереди.

Воронцов отошел чуть в сторону, где под низко нависшими ветвями стоял его броневичок с открытой дверцей, сел на подножку, закурил длинную, еще довоенную папиросу «Северная пальмира».

— Ладно, не вибрируй, — сказал он сам себе вслух. — Всего и делов-то, сутки-другие продержаться. Так что покурим — и вперед. Но отпуск, конечно, получается своеобразный... А начинался совершенно банально...

Воронцов вдруг насторожился. С дороги послышались голоса. Он встал и потянул с сиденья автомат.

...Утром этого дня 14 немецких моторизованных дивизий нанесли внезапный удар по измотанным в предыдущих, не прекращающихся от самой границы боях войскам Юго-Западного фронта, прорвали оборону южнее Новоград-Волынского и устремились вперед по расходящимся направлениям, отрезая от основных войск фронта несколько наших корпусов.

Наступали немцы сравнительно узкими клиньями, и тот район, где высадился Воронцов, оказался своего рода ничейной зоной. Наши части, разрозненные и потерявшие управление,

начали отход, пытаясь прорваться из окружения, кто к Коростеньскому укрепрайону, а кто — на Киев.

Немецкие пехотные дивизии, догоняя ударную группировку, в этот район еще не подошли, да и двигались они только по основным магистралям, пока не отвлекаясь на выполнение второстепенных для них задач.

Ориентируясь по карте, Воронцов определил, что очутился почти на семьдесят километров юго-восточнее того места, где должен был появиться контейнер. Сработал принцип неопределенности, не позволяющий с точностью обеспечить совпадение по месту и по времени. Но это как раз Воронцова не очень огорчило. Километры можно проехать за несколько часов, хуже, если бы он опоздал. И даже то, что придется двигаться в глубь захваченной врагом территории, его не смущало. Вот оказаться по другую сторону линии фронта он бы не хотел...

Стволом автомата Воронцов раздвинул кусты.

Прямо на него шли двое — лейтенант и старшина, оба с черными артиллерийскими петлицами. Старшина держал наперевес короткий кавалерийский карабин, а плечо лейтенанта оттягивал тяжелый вещмешок.

Его внезапное появление, а особенно звание смутили их, однако лейтенант взял себя в руки и довольно четко доложил, что является командиром огневого взвода из гаубичного дивизиона, три часа назад полностью уничтоженного на позициях неожиданно появившимися с тыла и флангов танками.

Лейтенант Долгополов, как значилось в его документах, окончил училище всего два месяца назад, к войне в таком ее варианте не был подготовлен ни тактически, ни политически и смотрел на Воронцова, вернее, на его знаки различия, с надеждой, что товарищ дивкомиссар все же объяснит и скажет, как жить дальше. Старшина же Швец, кадровый сверхсрочник, служил в армии двенадцатый год и знал по опыту, что от большого начальства добра ждать не приходится. Было ясно, что больше всего он мечтает как-нибудь незаметно скрыться в лес и действовать по своему разумению.

Да и Воронцов тоже предпочел бы не встречаться ни с кем.

Ощущение, что он говорит сейчас с людьми, которые на самом деле давно, наверное, погибли, сорок с лишним лет лежат под бесследно сровнявшимися с землей холмиками и вновь существуют только потому, что он оказался здесь чужой волей, нельзя было назвать приятным.

Но положение обязывало, и он стал вести себя соответст-

венно. Как и должен был поступать в сложившейся ситуации старший по званию и должности командир.

Раскрыв планшет, Воронцов предложил лейтенанту показать на карте позиции его дивизиона и батарей, направление танкового удара, задал несколько уточняющих вопросов.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Документы у вас в порядке, личное оружие оба сохранили, это говорит в вашу пользу. Я — дивизионный комиссар Воронцов, представитель Ставки Главнокомандующего. Вы поступаете в мое распоряжение. Машину водите, лейтенант? Да, а что это у вас в мешке? Личное имущество?

— Никак нет, товарищ дивкомиссар. Это прицелы от орудий моей батареи. Те, что уцелели. Согласно инструкции положено... «Господи, — подумал Воронцов, — прицелы... Хорошо еще, что гильзы, согласно той же инструкции, не собрал... Но парень, значит, надежный. Генералы дивизии бросают, а он — прицелы через фронт тащит».

— Молодец, лейтенант, — сказал он вслух. — Благодарю от лица службы. Положите мешок в машину, и поехали. Только так — аккуратно. Скорость тридцать, и не газуйте, здесь двигатель форсированный...

В течение ближайших часов они несколько раз встречали группы выходящих из окружения бойцов и командиров, и неожиданно для себя Воронцов на практике убедился в правильности философского положения, что не только содержание определяет форму, но и наоборот. Причем в данном случае форма подразумевается не в философском, а в военно-интендантском смысле...

Проще говоря, он оказался здесь не просто старшим по званию. Он ведь имел высшее военное образование, был взрослее всех не только реальным возрастом, но и опытом войны и послевоенных лет, знал и умел такое, что здесь и сейчас никому, вплоть до командующего фронтом, и в голову прийти не могло, и очень быстро почувствовал, что не в силах проезжать мимо этих людей, как богатый сноб мимо голосующих в дождь пешеходов.

И форма на нем была дивизионного комиссара, что немаловажно.

Бойцы, на время потерявшие возможность, но не желание сражаться с врагом, нуждались в руководителе, и Воронцову пришлось им стать.

В течение первой половины дня он собрал на лесных дорогах и тропах более полусотни окруженцев.

Построив людей на глухой поляне, он быстро распределил их по званиям, должностям и специальностям; из майора, двух капитанов и четырех старших политруков сформировал штаб опергруппы, бойцов свел во взводы — управления, комендантский и охраны штаба.

Теперь, имея штаб и штабные подразделения, Воронцов мог подчинять себе не только одиночек, но и целые воинские части.

У него по ходу дела возник некий стратегический замысел, который он и решил осуществить — не в ущерб своей основной задаче. Ход войны он, конечно, не изменит, но кое-что сделать можно. На этом как раз участке фронта.

...Он вел свою группу через лес, туда, где согласно его карте находилась разгромленная немцами колонна тыловых подразделений Шестой армии, попавшая сначала под удар пикирующих бомбардировщиков, а потом — передовых отрядов 48-го немецкого моторизованного корпуса.

Дорога с обеих сторон была плотно зажата лесом, и сворачивать с нее некуда. Поэтому, насколько хватало взгляда, она была забита сотнями машин — исковерканными бомбами и снарядами и совсем целыми, сползшими в кюветы, уткнувшимися радиаторами в стволы сосен, сцепившимися бортами и крыльями. Некоторые уже сгорели дотла, остались только рамы и диски колес, от других еще тянуло черным зловонным дымом.

Убитых осталось сравнительно мало, большинство водителей и сопровождающих успели укрыться в лесу и разбрелись кто куда.

Но все равно смотреть на картину внезапного беспощадного и безнаказанного разгрома крупной воинской части было тяжело. Если бы еще в настоящем бою, где противник оказался сильнее, но все же заплатил за победу достойную цену... Все это напоминало Воронцову картину заключительного периода четвертой арабо-израильской войны, так называемой войны судного дня.

Но рефлектировать сейчас и размышлять, кто и почему виноват, не было времени.

— Майор! — резко подозвал он к себе начальника штаба. — Выслать по дороге охранение на километр в каждую сторону. При появлении противника — задержать. Одному взводу убрать погибших в лес. По возможности — захоронить. Главная задача — найти не меньше десятка исправных машин, собрать как можно больше стрелкового оружия, боеприпасов, продо-

вольствия. Исходите из того, что еще сегодня вам придется сформировать из окруженцев примерную бригаду. На все — три часа. Колонну выстроить вот здесь, — он показал на карте место. — Быть готовыми к движению в восемнадцать ноль-ноль. Все. Выполняйте.

Он отъехал на полкилометра западнее головного дозора, свернул в сторону и остановился на невысоком песчаном откосе, откуда хорошо было видно вперед, где возможно появление немцев. Его самого надежно скрывали кусты орешника.

Сидя на подножке, Воронцов расстегнул планшет, вновь достал нужные листы карт. Только он один может сейчас принимать решения, исходя из точного, а главное — своевременного знания. И гораздо более современного стратегического мышления.

Дмитрий вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Достал из чемодана сверток с бутербродами, налил, согласно приказу наркома обороны, полстакана армянского коньяка. Выпил в два приема, закусил твердой, как фанера, колбасой с московским хлебом, закурил и опять обратился к карте.

Да, никто не знает сейчас, что происходит в этой полосе Юго-Западного фронта. Ни командующий Кирпонос, ни Генштаб, ни сам товарищ Сталин, которому положено знать все.

Рейхенау и Клейст думают, что уж они-то знают все на десять ходов вперед, но тоже ошибаются.

Судя по карте, в радиусе пятнадцати километров сейчас находится до двух десятков более или менее организованных групп наших войск, от рот до остатков полков. К вечеру их можно собрать. И тогда — ударить под основание немецкого клина, перерезать основную коммуникацию, а главное, под весь этот шум и гром можно попытаться окружить и уничтожить штаб 48-го корпуса. Вряд ли немцам тогда будет до продолжения операции. А такие отчаянные штуки довольно часто удаются именно в силу своей полной внезапности... Только нужен способный и решительный командир. Придется поискать. Вот, хотя бы здесь, где флажок с пометкой «33 ТД».

А под кронами вековых, двухобхватных сосен было совсем тихо и настолько спокойно, что даже странно представить, как в десятке километров отсюда сгорает в ожесточенных сражениях вера и надежда миллионов людей, будто война окажется короткой и победоносной, подойдут войска вторых эшелонов и на старой границе мы остановим немца и погоним его назад.

На самом деле враг уже глубоко вклинился в линию послед-

них укрепрайонов и кое-где уже вышел к Днепру, и сдерживать его Юго-Западному фронту больше нечем.

...Впереди пылил по дороге броневик Воронцова, за ним «ЗИС-5» с четырьмя бойцами, доверху загруженный бочками с бензином. По расчету, оставалось не более шести часов, чтобы успеть организовать рейд, а сил пока не хватало. И с командиром неясно. Впрочем, майор Карпов получил все необходимые указания, заканчивает формирование ударной группы примерно в пятьсот штыков, и крови немцам он сегодня в любом случае пустит и попортит порядочно.

Машины свернули с большака. Просека была узкая, и если б Воронцов не знал заранее, он вряд ли догадался бы, что тут недавно прошли танки.

Опираясь грудью на закраину люка, он внимательно всматривался в глухой и темный лес. Вот-вот можно ждать встречи с боевым охранением.

Интуиция не подвела. Метров через сто просека оказалась перегорожена толстым бревном, и как только броневик остановился, на дорогу с двух сторон вышли люди с автоматами, в черных комбинезонах и серых танкистских гимнастерках.

А впереди шевельнулся куст боярышника, и Воронцов увидел за ним башню танка «БТ-7» с направленным прямо на него стволом пушки.

— В чем дело? — властно крикнул Воронцов. — Кто такие? Старший — ко мне!

Сцена была мучительно узнаваема, Воронцов наверняка видел что-то похожее в кино, только не мог вспомнить, в каком именно. Как будто сейчас это могло иметь какое-нибудь значение.

— Это я сейчас спрошу, кто вы такие! — С танка спрыгнул коротконогий, но удивительно широкоплечий человек и пошел навстречу, загребая носками сапог желтый песок. Левой рукой он придерживал болтающийся на длинном ремне немецкий автомат «МП-40». — Всем выйти из машины.

И тут увидел петлицы Воронцова.

Дмитрий, не торопясь, вылез наружу, за ним, с оружием на изготовку, лейтенант Долгополов и батальонный комиссар, которого Воронцов планировал назначить замполитом бригады.

— Что же вы замолчали, товарищ капитан? — медленно спросил Воронцов. — Станьте как положено, представьтесь, доложите.

Танкист нехотя подвинулся.

— Помначштаба 142-го танкового полка капитан Ковалев, товарищ... — Он не сразу разобрал, кто перед ним, комдив или комиссар, и только потом увидел звезды на рукавах. — ...Товарищ дивизионный комиссар.

— Кто у вас старший по команде?

— Командир дивизии.

— Ведите.

— Есть. Только, извините, машины придется здесь оставить, не положено.

— Хорошо. Ведите, — повторил Воронцов.

Капитан быстро шел впереди, предупредительно отстраняя с дороги низко нависающие ветки. Тропа сделала несколько поворотов, поднялись на взгорок, и вдруг сразу открылась длинная, полого уходящая вниз поляна, покрытая пестрым разнотравьем, с несколькими кустами терновника посредине.

Слева на опушке леса Воронцов увидел две большие штабные палатки под маскировочной сетью, а за ними несколько забросанных зеленью «эмок» и два танка «Т-26». Людей видно не было, только перед палатками прохаживался человек с винтовкой «СВТ» на ремне.

— Доложите комдиву: прибыл представитель Ставки, — коротко приказал Воронцов.

Капитан скрылся в палатке, и через несколько секунд оттуда шагнул через брезентовый порог высокий, очень для своего звания молодой генерал-майор в тонкой хромовой куртке поверх гимнастерки.

Как раз из тех удачливых, безусловно, способных молодых командиров, которым волей судьбы и истории повезло (или, лучше сказать, пришлось) за три-четыре года перескочить через десяток лет службы, пять-шесть должностей и званий, чтобы занять посты, которые, кроме них, занять было просто некому. Которые в большинстве своем честно и отважно, хоть и не слишком умело, воевали в первые, самые трудные дни и месяцы и которые, как правило, не дожили до Победы.

...Интересно было наблюдать смену выражений его лица. Он шел, явно готовясь увидеть генерала высокого ранга со свитой, услышать разнос на повышенных тонах, а обнаружил совсем не то. Своего почти что ровесника, наверняка тоже окруженца, да к тому же и не генерала совсем, а комиссара.

Оттого мгновенное облегчение на его лице сменилось разочарованием. На помощь рассчитывать не приходится, а хлопот прибавится.

Однако привычка к субординации и авторитет должности гостя тем не менее сработали. Генерал отдал честь. Воронцов назвал себя.

— Извините, товарищ дивкомиссар, но я прошу предъявить ваши полномочия, — твердо сказал генерал.

— Пожалуйста, — Воронцов протянул документ, прочитав который, генерал еще более подтянулся и, возвращая, снова поднес руку к козырьку.

В палатке, где собрались все уцелевшие в боях старшие командиры и политработники дивизии, Воронцов узнал, что фактически дивизия состоит из восьми легких танков, да и те с почти сухими баками, зенитной батареи, разведроты и сводного полка, штыков примерно в семьсот. И все.

— А тыловые подразделения? — спросил Воронцов.

Генерал вздохнул и отвел глаза.

— Тылов тоже нет. Есть две ремлетучки, несколько грузовиков с боеприпасами и кое-каким продовольствием, редакция дивизионной газеты и санитарный автобус. Это все. Да что вы хотите? — вдруг повысил он голос. — Дивизия идет с боями от самой границы. Без поддержки, без подкреплений... Пока танки еще были — вперед, в атаку, разгромить, уничтожить! Броня на броню! А что у немцев броня в три раза толще, да артиллерия, да авиация сверху долбает как хочет — кому это объяснишь? А когда пожгли танки — две сотни танков, как спички, пожгли, вот тогда стоять насмерть! И стояли! То стоим, то ползем задним ходом с рубежа на рубеж. А немцы уже на полста километров в тыл зашли! Я пехоты своей неделю в глаза не видел! Самолетов своих — ни одного! Только немцы летают... Сегодня утром два последних бензовоза сгорели. Связи — и той не было. Пять дней назад прорвался лейтенант с пакетом на мотоцикле из штаба фронта, а в пакете приказ: фланговым ударом опрокинуть и разгромить! Чем? Это вы мне скажите, товарищ дивизионный комиссар из Москвы, можно мне так воевать? У меня же одни легкие танки, для глубоких рейдов и преследования противника... Были. Можно их было использовать во встречных боях?

...Генерал Москалев три года назад был отличным командиром батальона. Возможно, из него получился бы неплохой командир полка. Однако его сделали комдивом, и, кое-как справляясь с командованием в мирное время, на войне он сумел доказать только одно: безукоризненной личной храбрости и беспрекословного выполнения приказов на таком посту, увы,

недостаточно. Только вот цена этого открытия оказалась непомерно высокой.

— Если я вам скажу — нельзя, вам станет легче? — спросил Воронцов нарочито тихо. — Считайте — сказал. И давайте ближе к теме. В нынешних условиях какие ваши планы?

Он обратил внимание, что присутствующие в палатке командиры прячут глаза, будто не желая, чтобы представитель Ставки подумал, что они одобряют внезапную вспышку потерявшего над собой контроль комдива. Только один молодой, интеллигентного вида батальонный комиссар смотрел и слушал с жадным интересом. Как в театре.

— Какие тут планы... — Генерал потерянно махнул рукой. — Танки взорвем и будем пробиваться на Киев. Главное, что обидно — снарядов сколько угодно, а горючего совсем нет... Если из всех машин слить в санитарку и пару грузовиков, километров на сто хватит...

— Решение преждевременно. Там у меня в машине около двух тонн бензина есть. Пошлите людей, заправьте танки. Пока хватит, а к вечеру бензину будет выше головы. Прикажите приготовиться к маршу. И отпустите людей, пусть идут в подразделения.

Командиры покинули палатку, Воронцов сел на раздвижной парусиновый табурет:

— А мы с вами сейчас немного поработаем...

Он развернул на столе свою карту, с обстановкой на сегодняшнее утро во всей полосе фронта.

Москалев долго изучал ее, потом поднял голову:

— Да, теперь для меня кое-что проясняется...

— Вот и давайте думать, исходя из реальности. В моем распоряжении опергруппа в виде усиленного батальона, у вас — дивизия. Вы, я вижу, академию закончили, вот и принимайте решение с учетом всех обстоятельств. Насмерть стоять больше не надо и в лобовые атаки ходить — тоже. Надо грамотно воевать.

— Я все понимаю, — будто с усилием начал генерал. — Не понимаю только одного. Откуда у вас такая карта? Это невозможно в принципе...

— Федор Андреевич... — Воронцов посмотрел на генерала в упор, будто бы даже с сожалением. — Где вас учили ставить такие вопросы? Этак можно зайти далековато... Того и гляди, вы захотите узнать, почему мы с вами сейчас на пятьсот километров восточнее госграницы, а не настолько же западнее. И так далее... Давайте лучше займемся конкретным делом. В преде-

лах нашей компетенции и реальных возможностей. Вот наше место. — Дмитрий показал карандашом. — В этом районе можно собрать еще пару тысяч человек, вполне боеспособных, даже с артиллерией. Они сейчас только и ждут, кто бы их объединил и поставил задачу. Мы это и сделаем. А с такой силой уже можно попытаться хоть немного, но изменить ход событий. Смотрите — вот штаб немецкого корпуса, здесь штаб дивизий. Понятно? — Воронцов тонкими штрихами изобразил несколько стрел, направленных остриями под основание ударной группировки. — Я думаю, после такой нашей диверсии они два дня точно наступать не будут. А мы утром отойдем в леса и к вечеру еще раз, теперь уже сюда... За три дня и штаб фронта сориентируется, может, сумеет закрыть прорыв...

Москалев смотрел на карту, не поднимая глаз.

— Не сочтите меня скептиком, но я вашего энтузиазма не разделяю. Что могут сделать случайно собранные люди там, где потерпели поражение регулярные воинские части?

— Могут, еще как могут... Следите за моей мыслью. Вы, не только вы лично, но и вся наша дивизия были заведомо обречены на поражение с первых дней боев...

— Отчего это? — вскинулся генерал. — Не могу с вами согласиться. Вы бы видели, как сражались и погибали мои люди...

— Вот поэтому, генерал. Поэтому — тоже. Один иностранный полководец сказал как-то своим войскам: «Ваша задача не в том, чтобы умереть за свою родину. Вы должны заставить мерзавцев с той стороны умереть за свою родину». Довольно тонкая мысль, не правда ли? А вы были не готовы к настоящей войне, оттого и погибли практически зря. Не возражайте, я поясню. Ваша дивизия, двести танков, могла нанести немцам огромный урон, если бы вы просто сообразовывали свои решения и действия с обстановкой. А вы? Вы дали себя уничтожить...

— Как вы можете так говорить? Мы выполняли приказ... — возмутился Москалев, словно и не он только что сетовал на свои огромные и напрасные потери. — И фашистам от нас досталось крепко...

— Бросьте, Федор Андреевич. Что такое для них сейчас два-три десятка танков, даже пусть сотня? Смотрите на карту. Вот: Житомир прикрывает один железнодорожный батальон. А была бы тут ваша дивизия? Если бы вы вовремя думали, вовремя маневрировали силами...

— Нарушая приказы?

— А что такое приказы в нынешней обстановке? Кто их отдавал? Те люди, которые намного хуже вас представляли обстановку, руководствовались или довоенными разработками, или тем, что видели на позавчерашних картах!

— Но все равно, приказ есть приказ...

— С тех, кто вам приказал, уже не спросишь... А вы свой долг примитивно понимаете. Наш с вами долг сейчас, я уверен, нанести врагу максимальный урон, задержать его насколько можно. Представьте: имея в руках дивизию, хоть половинного состава, вы сейчас могли бы, действуя из засад, маневренными группами перерезать все основные магистрали, фланговым ударом заставить немцев остановить движение, развернуть фронт на юг и хоть на сутки перейти к обороне. Потом вы могли бы и отойти. Но в порядке и готовым к выполнению следующей задачи... Впрочем, мои слова, я вижу, для вас пока неубедительны. Значит, перейдем к практике, которая единственный критерий истины. Сейчас у вас первый, а может, и единственный шанс сыграть с Клейстом на равных, — попробовал подзадорить генерала Воронцов. — Под Луцком вы тоже могли, но не сумели, так хоть здесь...

— Так точно, — дернул головой генерал. — На равных. У него пятьсот танков, а у меня восемь...

Воронцов встал, протянул Москалеву коробку папирос.

— Не мне вам объяснять. Пятьсот — это на сто километров по фронту и двадцать в глубину. Причем вы о них все знаете, они о вас — ничего. Да и вообще — восемь танков в нужном месте, ночью, внезапно, прямо по расположению штаба корпуса... Артиллерия у нас тоже есть. Очень неплохо может получиться... Да что это я вас уговариваю? — с изумлением спросил Воронцов. — Вот цель, вот задача... Мои указания для вас обязательны. Принимайте решение и готовьте приказ. Времени у нас очень мало.

.

Все, что от него зависело, он сделал. И, увлекшись, чуть не забыл, зачем сюда явился. Слишком его захватила возможность хоть немного помочь всем тем, с кем свела его судьба. Он понимал, что на фронте грандиозных и трагических событий этих дней все его поступки имеют исчезающе малое значение, но если при его участии немцев задержат хоть на сутки, уничтожат сколько-то солдат, еще пару десятков танков, общий счет войны изменится в лучшую сторону. Правда, он знает,

как было на самом деле... Значит ли это, что его вмешательство бесполезно? «Нет, — сказал он себе. — Все равно — нет».

Просто без его вмешательства было бы еще хуже. Не задержанные здесь немцы, может, на сутки раньше возьмут Киев, на несколько километров ближе подойдут к Москве, погибнут новые тысячи людей, и среди них, возможно, те, без которых мир будущего будет еще беднее. Погибают-то всегда самые смелые и честные, кого так не будет хватать после войны, чье отсутствие будет сказываться еще многие десятилетия. Если не всегда.

И в то же время он чувствовал, что и то дело, за которым он пришел, тоже надо сделать. Не опоздать.

Здесь уже пошло заведенным порядком. Пишется боевой приказ, люди и техника готовятся к маршу и бою. Бойцы и командиры и без его присутствия исполняют все, на что способны. А сейчас он уедет. Пусть считают, что дивкомиссар исполняет свою миссию в другом месте.

Интересно бы, вернувшись, прочесть во вновь написанных исторических трудах: «В период оборонительных боев на киевском направлении важную роль сыграла опергруппа дивизионного комиссара Воронцова, действовавшая на коммуникациях группы армий «Юг». И так далее... Да нет, не напишут. По крайней мере, в известном ему мире не напишут. И, значит, не суждено ему вести в бой этих людей, и никого из тех, кто мог бы доложить о его участии и роли в Киевском сражении, в живых не останется. Или, если кто и остался, то за всем последующим просто забыл об этом кратком эпизоде. Не мог же знать Воронцов, что после его отъезда генерал, так и не избавившийся от своих сомнений, решил не ввязываться в авантюру, в успех которой не верил, и предпочел с остатками своей дивизии и группой майора Карпова прорываться по кратчайшему направлению на Житомир. И уж совсем непредставима для Воронцова была такая повлиявшая на Москалева причина, как обнаруженное генералом сходство между дивкомиссаром из Ставки и теми, ныне исчезнувшими комдивами и комкорами, которые читали в академии лекции о тактике глубоких операций и перспективах грядущей мировой войны, командовали округами и армиями, считались гордостью и надеждой РККА и вдруг... Ради своих бонапартистских замыслов предавшие дело Ленина — Сталина, пошедшие в услужение троцкистам, фашистам, японским милитаристам и понесшие справедливую кару, они ведь предали и лично его, генерала Москалева. Хотя бы тем, что оставили его один на один со страшной немецкой

военной машиной. Он, генерал Москалев, готов был идти в бой под командой прославленных полководцев, а они его бросили... Возложили на него огромной тяжести груз, вынудили играть роль, к которой он совсем не был готов, а сами ушли... Они и виноваты в его сегодняшнем поражении. И вдруг появляется дивизионный комиссар, который говорит, думает, держится очень похоже на тех, бывших... Вновь требует от него самостоятельных ни с кем не согласованных решений, пытается подорвать веру в слова, сказанные товарищем Сталиным в речи от третьего июля... Нет, хорошо, что дивкомиссар уехал, избавил его от необходимости обращаться в Особый отдел фронта.

Как только Воронцов покинул КП, генерал начал действовать по-своему. Отчаянным рывком он пробивался через слабое еще крыло окружения, вывел свою группу в распоряжение наших войск и тут же оказался в самом центре сражения, развернувшегося на южном фланге фронта. И судьбы его и его людей неразличимо слились с судьбами тех, кто сражался и умирал в жестоких, трагических боях лета сорок первого года.

Кто знает, не вспомнил ли в свой последний час Москалев, погибая в новом окружении под Уманью, странного дивизионного комиссара с его непонятными речами, со слепым до безрассудства и все же реальным планом, не подумал ли, что все могло повернуться иначе и не он сейчас бы расстреливал последние патроны из самозарядной винтовки, готовясь к смерти, а немецкий генерал, застигнутый врасплох со всем своим штабом, поднимал бы перед ним руки, сдаваясь в плен...

Ничего этого не предвидя, Воронцов, убедившись, что все идет по плану, подозвал батальонного комиссара.

— Я сейчас отлучусь. Передайте генералу, что все остается в силе. Когда будете готовы — начинайте движение. Проводите на соединение с вашей группой. Пусть принимает командование у майора Карпова. Начало операции — как условлено. Я вас найду...

Он уже садился в броневик, когда к нему подбежал лейтенант Долгополов.

— Товарищ комиссар, а как же мне со старшиной? Мы с вами. Вам нельзя одному ехать...

Воронцов твердо было решил, что не будет брать с собой никого, чтобы потом, возвращаясь домой, не оставлять бойцов одних в глубоком тылу. Но, глядя на лейтенанта, он изменил свое

решение. На войне быстро привыкаешь к людям, мало ли что может случиться? В одиночку и машину из колдобины не вытолкнешь. А как быть потом, он сообразит, исходя из обстановки. В крайнем случае — кто или что помешает ему забрать лейтенанта и старшину с собой, если не будет иного выхода? Не форзейли же...

При этой неожиданной мысли он усмехнулся.

— Хорошо, Долгополов. Зовите старшину...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вновь броневик неспешно пылил по дороге. Воронцов стоял, опираясь спиной о кромку правого люка, лейтенант сидел за рулем, а старшина Швец шевелился и погромыхивал какими-то железками в тесной коробке пулеметной башни.

Как известно, обстановка на войне — дело темное, даже и в сравнительно спокойные моменты, а уж тем более — в разгар ожесточенных маневренных боев. Броневик, взревев мотором, пробуксовал в песке, выскочил на крутой перегиб дороги, и Воронцов буквально в двух десятках шагов увидел перед собой целое стадо тяжелых мотоциклов «Цунап», именно стадо, потому что двигались они во всю ширину дороги без всякого видимого порядка, грохоча выхлопами, окутываясь струями и клубами синего дыма, на каждом — по три веселых немца образца сорок первого года, которым война еще в охотку и в удовольствие, напрочь свободные от неарийских мыслей, настроенные только на скорую и неизбежную победу.

Каски свалены в коляски, рукава закатаны до локтей, воротники расстегнуты, наверное, и фляжки со шнапсом уже далеко не полные...

Воронцов еще только начал реагировать, а старшина, не успев даже упереть в плечо приклад пулемета, нажал на спуск.

Длинная, патронов на тридцать, очередь прошла поперек колонны, вышибая из седел и водителей, и стрелков.

Потом Швец поймал обтянутую черным дерматином подушку приклада и стал стрелять прицельно.

На дороге мгновенно возник завал, несколько мотоциклов вспыхнули высокими факелами светлого пламени, задние еще

пытались развернуться под пулями, но ни времени, ни простора для маневра у них не оказалось.

Безусловно, немцам не повезло, просто невероятно не повезло. На их стороне были все шансы, только один какой-то — против. И он как раз и выпал.

Полсотни солдат — против троих, пятнадцать пулеметов — против одного. В любых других условиях тут бы и говорить не о чем было. Развернулись бы веером и прямо с колясок изрубили струями пуль жестяную броню, закидали гранатами, не дали бы никому выскочить.

Подвел сбой по фазе. Если бы немцы первыми оказались на гребне — тогда все! Впрочем, и это еще неизвестно. Скорость реакции тоже кое-что значит. Старшина Швец пять лет служил в кавалерии, воевал с басмачами, бывал в сабельных рубках, умел на полном аллюре поднимать зубами фуражку с земли, без промаха бил в цель с седла из карабина и «нагана». Так что и при прочих равных молодые подвыпившие немцы могли не успеть. А дальше уже понятно. Кинжальный пулеметный огонь с предельно короткой дистанции, практически в упор, способен вырубить толпу и побольше этой. И растерянность, конечно, и паника — все, спрессованное в секунды. И принимать осмысленные решения уже некому.

Меньше чем за минуту старшина расстрелял два двойных диска, и вдруг стрелять стало не в кого. Много мятого железа и тела, лежащие по одному и грудами, как кого застигли пули.

Сдернутый с места грохотом пулеметов, Воронцов вывалился через правую дверцу наружу, дернул затвор автомата. На другую сторону выскочил лейтенант с револьвером.

— Вроде все, товарищ дивкомиссар... — крикнул из башни старшина, поводя стволом.

Воронцов тоже не видел никакого шевеления. Кто убит — убит, а живые если и есть, то затаились.

Для Дмитрия все произошло слишком внезапно. Вот тебе и неторопливая война! Мотоцикл исправный, пулемет, пару автоматов, патроны...

А сам сел за руль и начал разворачивать броневик. «На сей раз повезло, вывернулись, — думал он. — Спасибо старшине. Но теперь бы дал бог ноги унести, потому что, если это разведка, за ней следует серьезная часть. Но на карте-то моей ничего в этом районе не обозначено. Что получается? Мои здесь действия уже настолько меняют реальность? Тогда через сутки-двое карты вообще можно выбрасывать, потому что все пойдет

совсем по-другому? Вот и парадокс: знание прошлого ничего не дает тому, кто в нем оказался, поскольку для него оно становится неопределенным будущим. Неужели форзейли этого не заметили? Или как?..»

Вдали бахнуло несколько выстрелов. Воронцов вышел из броневика. Швец махнул ему рукой: все, мол, в порядке. Потом они с лейтенантом выкатили на дорогу мотоцикл, стали что-то грузить в коляску.

Минут через пять старшина подошел, и не просто так, а с двумя автоматами на плече, в левой руке он, как рыбу на кукане, нес десяток магазинов в узких кожаных пеналах, а в правой — гроздь обтянутых сукном продолговатых не по-нашему фляжек.

Свалил все добытое добро внутрь броневика, перевел дух.

— Живых нет, товарищ дивкомиссар. Там один лейтенант у них был, остальные рядовые и унтера.

— А в кого стрелял?

— То так, из жалости. Пользы с них не было... Я там мотоцикл подготовил, загрузил кой-чего. И еще пошукаю...

Воронцов понял, что если дать ему волю, то по своей старшинской натуре Швец нагрузит броневик так, что рессоры не выдержат. И по-своему он прав. Но не в данном случае.

— Хватит. Ты что, лавку открывать собрался?

— Та товарищ комиссар, жалко же... Добра столько, а шо оно дальше будет?

— Сказал — хватит. Давай лучше с лейтенантом вперед проскочите... У немцев карта была?

— Была, да пустая...

Действительно, убедился Воронцов, типичная лейтенантская карта. Кое-как обозначена ближайшая задача и предположительно — линия боевого соприкосновения с советскими войсками.

— В общем, проскочите на пару километров, посмотрите. И сразу назад. Объезд искать будем. Не зря же они тут катались...

Воронцов едва успел перекусить, как из-за поворота, нарастая и отдаваясь гулом в органных стволах сосен, донесся гул терзаемого на неподходящей передаче мотора. «Цунаи» выскочил на закругление дороги, как глиссер, с веером песка из-под заднего колеса. Старшина почти лежал грудью на руле, выкручивая манжетку газа, а лейтенант, выставив ногу вперед, собирался выпрыгивать из коляски.

— Товарищ комиссар, немцы! Близко, метров пятьсот! Транспортеры и танки. Много...

— Давай вперед, не останавливайся! — махнул рукой Воронцов. Включил вторую скорость, резко взял с места. «Как у «жигуля» приемистость, — отметил Воронцов, — и песок нипочем. А старшина чего так виляет, никак с рулем не справится?»

Разогнавшись, броневик резко полез на очередной пологий подъем. Через открытую дверцу Дмитрий то и дело поглядывал назад. Из-за поворота, где они только что были, появился низкий, скошенный и пятнистый лобовик полугусеничного «Бюссинга». «Это ерунда, — подумал Воронцов, — от этого уйдем, у него парадный ход тридцать километров...»

С угловатого железного корыта прогремела первая очередь.

Возможно, все дальнейшие события развернулись бы совсем иначе, если б местность имела здесь другой рельеф. Но дорога протянулась впереди совершенно прямой линией, сжатая с обеих сторон лесом, и, наверное, очень хорошо смотрелась через оптику прицелов. И сама дорога, и все, что на ней было.

Первый снаряд из танковой пушки ударил далеко впереди, но ведь то был первый. Наводчику не нужно даже менять установку. Достаточно неподвижного заградогня.

Так и получилось. Мотоцикл старшины буквально влетел в следующий взрыв. Его швырнуло в сторону, поволокло боком, однако осколки никого не задели. Швец сумел выровнять руль, еще прибавил газу и, высмотрев справа какой-то просвет, на полной скорости проломился через кусты и скрылся за деревьями.

Им с лейтенантом еще раз повезло, и Воронцов от души пожелал, чтоб везло и дальше.

Наверное, они добрались потом до своих, но знать это Воронцов уже не мог.

А сам он по-прежнему оставался на бесконечной и отвратительной прямой дороге. Позади появился второй танк, теперь они били по броневику из двух стволов и все-таки никак не могли попасть. Или Воронцова хранила всегда благосклонная к нему фортуна, или Наташа с форзейлями вовремя отклоняли траектории снарядов. Скорее всего — без мистики — и калибр танковых пушек был маловат, тридцать семь миллиметров, и требовалось обязательно прямое попадание, и наводчики у немцев не слишком умели стрелять по малоразмерной движущейся цели.

Однако разрывы ложились рядом, по броне гремели оскол-

ки и камни, и Воронцов, вдавив педаль акселератора до пола, бросал броневик от одной обочины к другой, каждую секунду ожидая последней, смертельной вспышки перед глазами или сокрушительного удара сзади, которого и почувствовать не успеет.

Ошибкой немцев было еще и то, что стреляли беглым огнем оба танка сразу, наводчики путали разрывы и не могли корректировать установки прицелов. Из одного ствола они бы попали быстрее.

Воронцов увидел слева заросшую бурьяном не то просеку, не то тропу и, не задумываясь, вывернул руль. Броневик подбросило так, что Дмитрий чуть не выпал в открытую дверцу, под днищем заскрипело и заскрежетало. Воронцов с ужасом представил, что сейчас оторвется кардан или камнями пропорет передачу с третьей на первую. Трясясь и подпрыгивая, ломая колесами валежник, возмущенно рыча мотором, броневик вынес его из-под огня.

Примерно через километр Воронцов проскочил по трухлявому мостику заболоченный ручей и оглянулся. Лес позади стоял стеной, и было даже непонятно, как он сумел через него проехать.

Дмитрий выключил зажигание и откинулся на сиденье. Он весь бы мокрый, и сердце колотилось так, будто не ехал он, а толкал двухтонную машину перед собой.

Он вылез наружу, откинул броневую крышку капота и отвернул пробку радиатора. Столбом ударил перегретый пар. Теперь нужно ждать минут двадцать, пока двигатель чуть остынет, залить свежую воду и только потом ехать дальше.

А в лесу было тихо.

Нет, конечно, с дороги доносился гул моторов и лязг танковых гусениц, пулеметные трассы еще секли верхушки деревьев, но все это уже было далеко и Воронцова словно не касалось. Сюда немцы соваться не рискнут, да и не нужно им это. Не то время, чтобы за каждым русским солдатом поодиночке гоняться. На сегодня все закончилось. День почти угас, небо из голубого стало золотисто-зеленым, из глубины леса потянуло прохладой и сыростью, неожиданно громко вдруг заквакали лягушки в ручье.

Дмитрий сориентировался по карте. До цели оставалось не так далеко.

В шею впился с омерзительным визгом крупный комар.

— Вот сволочь, пятая колонна! — Воронцов прихлопнул вампира и вытер платком окровавленные пальцы. Захлопнул двер-

цу. Осторожно тронул машину. Судя по пунктирной линии на карте, тропа должна была вывести его почти точно на место.

Больше в этой глуши ему не встретилось ни своих, ни чужих.

Детектор ожил ранним утром. Едва успело встать солнце. Воронцов как раз умылся в ручье, сжевал пару бутербродов, запил остатками остывающего кофе из термоса и услышал зуммер оформленного под ручные часы прибора.

На циферблате светился индикатор, и стрелка показывала направление. Значит, вот как раз сейчас и открывался контейнер.

Направление стрелки в основном совпадало с отмеченным на карте грейдером. Километров через восемь дорога пересекла мелкую прозрачную речку. Тут все и произошло.

...Разведка немцев застигла их на месте ночевки. Чуть в стороне от брода.

Опрокинутая и раздавленная гусеницами крестьянская телега с обыкновенным для такого случая имуществом — узлами, одеялами, вспоротыми мешками с мукой и картошкой, вмятым в землю самоваром.

Брошенный на бок возле догорающего костра закопченный чугунный казан, на холщовой скатерке нарезанные куски хлеба, несколько луковиц, деревянные ложки, нож, небольшой шматок желтоватого сала.

Кони, очевидно, разбежались, а людей немцы расстреляли из пулеметов.

Шагах в пяти от телеги лицом вниз лежал маленький, совершенно седой старик в расстегнутом суконном бушлате.

Еще трое немолодых, но крепких мужчин в разных позах, как кого застала смерть, лежали по разные стороны костра.

Пятого, богатырского сложения человека, очередь достала на берегу, когда он уже успел скрыться в плотно окружавших поляну кустах. Левой вытянутой рукой он вцепился в траву, рядом с правой валялся вспоротый ножом или штыком потрескавшийся, очень старый кожаный саквояж с медными застежками. В нем, очевидно, и хранился контейнер.

Отвернувшись, Воронцов торопливо выкурил папиросу. Тут же зажег от окурка вторую. Он уже начал привыкать к виду внезапно убитых людей, но все равно было тяжело. Тем более что сейчас присоединился и личный фактор. Многовато всего выпало ему за последние сутки.

Он снял фуражку и, держа ее на сгибе левой руки, прошел к центру поляны.

Этот старик, наверное, и есть Хранитель. Остальные... Охрана — или как их еще назвать? Ассистенты, послушники, младшие жрецы?

«А если бы я не задержался, догнал их вчера? — думал Воронцов. — Могло бы получиться по-другому? Нет, вряд ли. Они меня просто не стали бы слушать. И от немцев я бы их не защитил. Ручной пулемет и картонный броневик против танков...» Он совершенно упустил из виду, что до тех пор, пока немцы не вскрыли контейнер, он просто не смог бы обнаружить этих людей, даже находясь рядом с ними.

С некоторым душевным трепетом Дмитрий наклонился над стариком. Нет, ничего общего с тем бравым есаулом, что он видел на фотографии. Дело не в разнице возрастов, это был совершенно другой человек, и значит, деда своего он не увидел даже мертвым.

Но зато Воронцов увидел другое. Люди на поляне не были просто беспомощными жертвами. Они попытались оказать вооруженное сопротивление, несмотря на внезапность нападения. В подвернутой под грудь руке старик сжимал вытертый до белизны офицерский «наган». Дмитрий осторожно разжал пальцы худой, еще теплой руки. В барабане остался всего один патрон, а из ствола ощутимо тянуло сгоревшим порохом.

А рядом с убитым на краю поляны Воронцов обнаружил в траве отлетевший при падении обрез трехлинейной винтовки. Из него был сделан один выстрел, оно и понятно — на бегу, с саквояжем в другой руке затвора не передернешь...

Дмитрий вздохнул, еще немного походил по поляне, разбирая следы. Судя по ним, немцев было много. Танкетка или легкий танк с узкими гусеницами, несколько мотоциклов. Обнаружили беженцев на привале, решили допросить и обыскать, а те вдруг открыли огонь... Хотя могло быть и по-другому. Но в любом случае саквояж привлек их внимание. Расстреляв людей, немцы выпотрошили его, надеясь обнаружить нечто важное. Или ценное. Контейнер показался им заслуживающим внимания. Они забрали его и отправились дальше. И сейчас находятся совсем недалеко, вон как разгорелся индикатор, и стрелка даже не вздрагивает, показывая направление.

Воронцов выкопал могилу на краю поляны. Заворачивая в брезент тело старика, увидел под расстегнутым воротом рубахи золотой нательный крест. Не простой, значит, крестьянин, действительно, скорее всего из казаков-офицеров.

Топором он вырубил две подходящие жердины, проволокой туго стянул накрест. На гладком белом затесе написал химическим карандашом: «5 неизвестных казаков». Подумал и прибавил еще черточку: «запорожцев». Помолчал и надел фуражку.

Вот и все, чем мог пришелец из будущих времен почтить память своих предполагаемых сородичей.

...Воронцов аккуратно съехал с дороги в лес. Дальше придется пешком. На здешних разъезженных колеях мотор гудит слишком громко. Он взял автомат, сумку с запасными дисками и другую, с гранатами. План действий он себе составил почти безупречный. Если только опять не случится непредвиденного. Слишком много его уже случалось. Или так всегда на войне?

Если бы ему пришлось ответить сейчас, ради чего он ставит на кон свою голову, Дмитрий не нашел бы что сказать. Такие вещи, очевидно, просто невозможно выразить однозначно. Все сказанное было бы правдой и одновременно так же далеко от нее, как и прямая ложь. Совсем как у Тютчева в известном стихотворении.

...Вначале он уловил запах дыма от сухих дров и жарящегося мяса, а потом услышал и голоса.

Это было очень красивое место, будто специально для пикников на лоне природы. Конечно, не таких, как сейчас...

Среди редкого лиственного леса, рядом с дорогой, стоял большой деревянный дом с резной верандой, несколько хозяйственных построек, амбар с просевшей, крытой камышом крышей.

Воронцов подстроил бинокль. Деревья раскачивались под ветром, и по зеленой лужайке перед домом скользили их фигурные тени.

Немцев явно не оставляло игривое настроение, поэтому они не стали открывать ворота усадьбы, а просто снесли их вместе с одним столбом и частью забора.

Дмитрий немного ошибся, разбирая следы. У немцев была не одна, а две танкетки «Т-1» со спаренными пулеметами в башнях и три мотоцикла.

Неизвестно, что они имели за приказ, но явно никуда не спешили и расположились на привал основательно. Десять человек, кадровые, еще довоенного призыва рослые парни лет по двадцать пять. Точно такие же, как те, что остались на дороге после встречи с пулеметом старшины Швеца.

Но эти пока живы, радуются внезапно выдавшейся свободе, разделись, кто по пояс, а кто и до трусов, разожгли посреди двора большой костер, двое жарят на вертеле целого поросенка, прихваченного где-то по пути, остальные обливаются водой у колодца, готовят стол к завтраку, загорают на ярком утреннем солнце. Громко разговаривают, часто хохочут. И война, и Россия им пока нравятся. Так же, как тем, вчерашним.

Правда, радуются не все. Для двоих встреча на поляне с хранителями реликвии оказалась последней. Их трупы, замотанные в брезент, из-под которого торчат кованые подошвы сапог, приторочены позади башни одной из танкеток. Но судьба убитых не омрачает радостного настроения живых.

Воронцов опустил бинокль, чтобы не выдать себя блеском стекол. Перевес у них серьезный. Подавляющий, как говорится. В любом случае и пробовать бы не стоило. Семь пулеметов. И броня. Они в полминуты разнесут его пулями в клочья и сядут доедать своего поросенка. Да и с одними автоматами, без пулеметов и танков, справятся с Воронцовым шутя. Загонят, веселясь, как оленя в горах Гарца. Вояки ему не чета.

Но пока шансы на его стороне. Белые начинают и выигрывают. Если повезет.

Он слез с дерева, с которого наблюдал, обошел хутор, далеко углубившись в лес, и вновь вышел к нему с другой стороны. Сюда смотрели глухие стены амбара, а рядом с ним немцы поставили всю свою технику. Это они хорошо сделали, удачно.

Воронцов опустился в глухие заросли крапивы, окружавшие усадьбу с этого фланга и почти полностью скрывающие забор из жердей.

«Как-то интересно такая ограда называется по-украински», — неизвестно к чему вдруг попытался он вспомнить, подавляя пронзительную боль от ожогов.

Полз он медленно, чтобы не шуметь и не раскачивать жирные темно-зеленые стебли.

Перевалился через нижнюю жердину и очутился в лопухах. После крапивы — совсем другое дело.

Оставалось самое опасное — преодолеть открытое место между оградой и амбарами. Не дай бог вздумается кому-нибудь как раз сейчас по нужде прогуляться.

Но, судя по интонациям голосов, немцы все оставались на своих местах и ничего не замечали.

Жаль, что он не знает языка. Интересно бы послушать, о чем они так перед смертью расшумелись.

...Теперь — все. Он стоял, прижимаясь плечом к нагретой солнцем стене. Слева, всего в нескольких метрах, борт одной из танкеток. За ней вторая, с покойниками. Стволы башенных пулеметов повернуты к нему, и кажется, что из них еще тянет запахом кордита. Мотоциклы чуть в стороне, ближе к воротам. Как бы то ни было, к своей технике немцам уже не прорваться.

Будь Воронцов героем историко-развлекательного боевика, сейчас бы в самый раз выйти из-за укрытия, поднять автомат и громко сказать: «Хенде хох!» Или просто начать стрелять от бедра, пошире расставив полусогнутые в коленях ноги и сильно откидываясь туловищем назад.

Но съемочной камеры поблизости все равно не видно, а патроны у немцев отнюдь не холостые. Да и возраст у него уже не тот. Так что лучше действовать без эффектных трюков и поз, но наверняка.

Пока он ползал, немцы успели расставить на большой, расшитой петухами скатерти бутылки, стаканы, закуску и громкими криками поторапливали поваров.

Воронцов выложил на траву противотанковую «РПГ-40», рядом четыре «Ф-1». До основной группы метров пятнадцать, до костра еще десять. Нормально.

Он примерился и, шагнув вперед, изо всей силы бросил противотанковую, целясь в центр скатерти. Тут же упал, вжимаясь в землю, пряча голову за толстыми венцами сруба.

Не успев посмотреть, что там получилось, он одно за другим швырнул в тучу пыли и дыма три ребристых чугунных яйца.

Взрывы, верещание осколков, щепки, летящие от стен, сыплющаяся сверху соломенная труха.

И отчаянный, заходящийся крик, даже вой, возникший неизвестно откуда.

Воронцов вышел из-за укрытия.

Гранаты легли настолько точно, что по меткому, хотя и слегка циничному выражению мичмана с тральщика «Т-254», немцев можно было собирать ложками и хоронить в котелках.

Погибшие у брода казаки могли бы чувствовать себя отомщенными. Да воздастся каждому по делам его...

А кричал так нестерпимо единственный сравнительно уцелевший любитель поросятины на вертеле. Его только посекло осколками и отбросило прямо в костер, и он сейчас, ворочаясь среди разбросанных пылающих головней, орал не переставая.

Подавив тошноту, Воронцов навскидку дал длинную очередь. Стало тихо.

...Контейнер Дмитрий нашел на сиденье стрелка во второй танкетке.

Выглядел он как не очень большой ларец из материала, фактурой и цветом напоминающего карельскую березу. Крышку и боковые стенки покрывала инкрустация, которая могла изображать вязь неизвестного алфавита.

Немцы основательно потрудились над ним, вскрывая подручными средствами. Торец и крышка там, где вгоняли зубило, были в забоинах и вмятинах.

Изделие древних мастеров не устояло пред мощью тевтонского гения. Как правильно отметил Блок — «сумрачного».

Бриллиантов немцы, к своему разочарованию, не нашли, но выбрасывать ларец не стали. Решили, наверное, представить начальству.

Воронцов поднял крышку. Внутри, в гнезде, выстеленном похожей на парчу металлизированной тканью, лежало то, что называлось Книгой.

И книгой это не было. Был массивный, размером в стандартный кирпич, блок густо-синего стекла, обтянутый по периметру тремя узкими полосками желтого металла. На полосках — непонятные знаки, ни с чем знакомым не ассоциирующиеся. Может, иероглифы, а может — символы ритуального значения. Еще на полосках имелись несколько групп отверстий, штук десять коротких штырьков — и все.

Вникать в смысл этой арматуры не было времени. Пора возвращаться, раз уж повезло.

Правда, оставалось еще одно дело, совсем маленькое.

Нельзя уходить, бросая исправную боевую технику.

Пусть и цена ей на фоне всего происходящего никакая, и валяется сейчас по лесам и полям сражений десятки тысяч единиц какого угодно оружия, а вот все равно нельзя, он это с первых дней военной службы знал.

Он собрал автоматы и пулеметы с турелей мотоциклов, свалил их внутрь ближайшей танкетки, вылил на моторные жалюзи бензин из запасных канистр, открыл сливные краники на всех бензобаках и, отойдя подальше, бросил туда тлеющее полено из костра.

Пламя поднялось парусом, а он, зажав под мышкой контейнер, пошел к лесу, стараясь не спешить и не оглядываться на дело рук своих.

...Когда он сказал Наташе, встречавшей его в своем Зазеркалье, что все прошло более чем успешно, она только кивнула.

— Я все видела. Ты был великолепен. Не знаю, удалось бы кому-нибудь еще сделать это...

Ее оценка была Воронцову приятна. Во времена наивной юности ему часто хотелось, чтобы она могла увидеть его в те минуты, когда он сам себе нравился. Но сейчас он понимал, что наблюдала за ним совсем не та Наташа, чье мнение было ему дорого, а лишь перцептроны компьютера, и значит, цена лестным словам соответственная.

Выглядела Наташа по-прежнему великолепно, красиво причесана и со вкусом подкрашена, костюм на ней был совершенно сногсшибательный, будто ей предстояло посетить какой-нибудь великосветский раут, но Дмитрию показалось, что равнодушнее стал ее взгляд и холоднее голос.

«Ну-ну», — подумал он и сказал:

— Не преувеличивай, Натали. На моем месте так поступил бы каждый. Скажи лучше, что теперь будем делать.

— Как я и говорила. Оставь контейнер здесь, на столе, и можешь возвращаться домой. Хоть сейчас. Разумеется, условия остаются в силе. Вознаграждение ты получишь, какое захочешь.

Воронцов кивнул.

— Мавры делают свое дело, но какова текучесть кадров... Что бы такое попросить пооригинальней. Но для полноты картины расскажи, что же я все-таки принес. По правде... И как эта штука функционирует?

— Как что? Я же тебе уже говорила. Если тебе не нравится название «Книга», можешь считать ее своеобразной видеокассетой. К ней подключается источник питания. Информация воспроизводится на внешней поверхности. Можно подряд, можно выборочно. Ничего сложного.

— Могли бы и автономное питание встроить... Где его теперь искать? И какие должны быть у него характеристики? Сила тока, напряжение, емкость?

— Почему это тебя интересует? — спросила Наташа подозрительно.

— Ну как же, интересно. Головой рисковал, а за что? Думаю, здесь все же можно найти подходящий аккумулятор...

— Ничего у тебя не получится. Оставь, без тебя разберутся...

— А так хотелось картинки посмотреть, — протянул Воронцов. Перед возвращением он для снятия напряжения принял

очередную наркомовскую норму, в Замке выпил кофе, и настроение у него было несколько веселое.

Но когда он перешел к главному, взгляд у него стал жестким, будто прицеливающимся. Таким Воронцов бывал нечасто, и этот его взгляд не любили подчиненные, да, пожалуй, и начальство...

— А если без шуток, то ничего я оставлять не буду. — Он выдержал паузу. — Знаешь, когда я так решил? У брода. До того колебался, а там четко понял. Чего вдруг? Мало ли что там записано? Сколько наших людей за нее кровью платили, и своей, и чужой. Пусть вначале форзейли все покажут, а там уже делиться станем: что нам, что им...

Похоже, такого поворота событий пришельцы представить не могли.

Сначала его уговаривала и убеждала Наташа. Она использовала все доступные ей эмоциональные, этические и логические доводы, припомнила даже древнеримское правило: «Договоры должны соблюдаться», сулила все мыслимые блага как земного, так и галактического ассортимента. Он же, изображая на лице упоение собственной значимостью, сидел в кресле, вытянув ноги в пыльных сапогах, пил пиво «Тюборг» из ледяной бутылки и изощрялся, изобретая все новые формы вежливых, но категорических отказов.

При этом с усмешкой думал о себе, что человеку, умеющему часами бродить по торговым кварталам Бомбея, Манилы, Стамбула, при этом ничего не покупая, наводящему страх и уныние на самых прожженных стивидоров и агентов по снабжению в портах трех континентов, не страшны никакие пришельцы. Слабо им по-настоящему торговаться.

— Ладно, Натали, давай заканчивать. Я сказал, да и устал порядочно. Соглашайтесь. Ваша позиция отдает дешевым снобизмом — непременно вам подавай право первой ночи. Поразмысли там вместе с хозяевами спокойно, и поймете, что я прав. А мне пора домой, честное слово... — Наташа молчала, и он продолжил: — Не думаю, что они меня тут задержат навечно. Принципы не позволят. Уважение прав человека, свободы воли и так далее. А если я, упаси бог, ошибаюсь, то и это предусмотрено... Когда-то я был довольно неплохим минером и на всякий случай сообразил тут кое-что. — Он похлопал ладонью по крышке контейнера. — Пятьсот граммов гексогена, взрыватель тройного действия с секретом. Как говорится, в случае моей смерти прошу не обижаться...

— Да, Дим, — сказала Наташа. — Они тебя неправильно

просчитали. И я тут виновата. Они ведь через мое восприятие и мои чувства тебя оценивали, поскольку датчик ты отключил. А я и вправду поверила, что ты все сделаешь как надо.

— А я и сделал как надо. Разве нет? Или ты, кроме как по-ихнему, думать сейчас не можешь?

— Я сейчас как раз по-своему думаю. И мне грустно, что я снова в тебе ошиблась. Сейчас мне придется уйти, свою роль я сыграла... Я уйду, мы опять расстанемся, теперь уже навсегда, а что и как будет со мной, я не знаю... — Лицо у нее стало потерянным и несчастным.

Воронцов ее искренне пожалел. Кем бы она там ни была на самом деле и какую бы цель в этой роли ни преследовала, в ней оставалось то, что делало ее так похожей на живую женщину, его Натали...

— Пожалуй, ты все же не во мне, а опять в себе ошиблась, — сочувственно сказал он. — Ну да бог с ним... Ты лучше попроси, чтобы они тебе там, в Москве, память сохранили. Заслужила... И я бы к такой просьбе присоединился, да боюсь, моя просьба для них теперь неубедительна. Вряд ли они меня спокойно видеть и слышать могут... А так бы, конечно, что им стоит? Не фашисты же они, у живого человека память стирать.

— Попрошу, — покорно согласилась она. — Только не знаю, лучше мне будет или хуже?

— Отчего же хуже? Новые впечатления всегда полезны. Жизненный опыт, опять же... А там, глядишь, и наяву встретимся. Будет настроение — позвонишь мне. Запомни телефон, в ближайший месяц я отвечу, пока снова в моря не соберусь. А то и сам позвоню. Если ты меня вспомнишь, конечно.

— В любом случае позвони. И все расскажи... Ей, той, что в Москве. Она сейчас о многом жалеет...

Воронцов встал. Начиналась мелодрама. А мелодрамы он не любил. В любых видах.

— Хорошо. Судя по твоим словам, они меня все же собираются отпустить. Если так, то надо бы переодеться. Появись так в курортном городе, — он провел ладонью по петлицам и орденам, — не поймут...

Выходя из комнаты, Наташа на секунду приостановилась на пороге, опершись рукой о косяк, обернулась, словно собиралась еще что-то сказать на прощание, но только кивнула головой и исчезла.

Исчез и экран. Перед Воронцовым вновь была глухая стена, обтянутая коричневым, с золотым рисунком штофом.

— Красивая девушка... — услышал он за спиной знакомый голос. — И она ведь до сих пор тебя любит...

Дмитрий резко повернулся.

У окна, положив ногу на ногу и легонько постукивая пальцами по подлокотнику кресла, сидел и смотрел на него с сочувственной полуулыбкой Антон, точно так, как он сидел за столом своей дачи под Сухуми.

Воронцову пришлось сделать еще одно усилие, чтобы постараться и при этом повороте сюжета выглядеть спокойным.

— Вот уж что тебя совершенно не касается... Зачем явился? Спасать ситуацию? Девчонка не справилась, так теперь ты — резерв главного командования? — Он положил контейнер на край письменного стола и, по-прежнему придерживая его одной рукой, второй начал отстегивать ремешок портупеи. — Так я не шутил, — движением головы он указал на контейнер, — если что — рванет прилично...

Помолчали, глядя друг на друга.

— Считай, что ты выиграл, моряк, — первым прервал паузу Антон. — Я знал, что ты надежный парень, но не представляешь, сколько раз приходилось ошибаться в самых, казалось бы, безупречных.

— Отчего же? Как раз вполне представляю, — пожал Воронцов плечами. — И что дальше?

— Вот и пришлось тебя немного проверить... Извини. Понимаю, что ты сейчас очень зол на меня.

— Ну, чего уж... Моментами было довольно весело. — Воронцов бросил ремень с портупеей и тяжело громыхнувшей кобурой прямо на пол, сел напротив Антона, положил локти на контейнер. — Так что, все фокус, как я вначале и думал? Театр одного актера?

— Да нет, зачем же? Все правда. И Замок, и война, и Книга. А я, если угодно, как раз главный здесь форзейль, если оставить в силе такое название... Не совсем точно, ну да уж ладно.

Воронцову вдруг стало гораздо легче на душе.

Самым непереносимым, оказывается, была мысль, что он разыгрывал под гипнозом, или чем там еще, дурацкий спектакль.

— Тогда в чем смысл?

— А в том, что мы на самом деле не можем вступать в официальные контакты с таким человечеством, как ваше. Хотя вы,

люди, интересуете нас больше, чем многие и многие другие. Есть в вас черты, цену которым вы поймете еще не скоро. И приходится долго, очень долго искать тех немногих из вас, с кем можно иметь дело уже сегодня.

Воронцов изобразил попытку привстать и щелкнуть каблуками. Антон не отреагировал и продолжал, как ни в чем не бывало:

— Мы ничего не имитировали в прошлом. Обстановка подлинная. Был ли риск для тебя? В конечном счете нет, мы тебя спасли бы, однако умирать пришлось бы по-настоящему... — Он развел руками, мол, ничего не поделаешь. — Смысл — самый поверхностный — этой проверки ты можешь определить и сам. Заодно мы выяснили о тебе такое, чему в ваших языках нет и названий. Здесь тоже все в порядке. С Книгой как? Думаю, мы и тут найдем общий язык. Держи ее пока у себя, как гарантию, что ли. Только смотри, сам не подорвись, хоть ты и минер... Главное, что она вернулась в мир стабильной реальности. Ведь до нынешнего момента ее как бы не было в природе. Потому и детекторы ее наши не определяли. Оттуда, из-под Киева, ты ее забрал сорок лет назад, а здесь она появилась только что... В промежутке находилась. Нигде. Красиво звучит? Впрочем, это все ненужные тонкости. А себя ты теперь можешь считать прошедшим отбор, проверку и посвящение. Перспективы перед тобой... — Антон даже зажмурился, словно от восторга перед открывающимися Воронцову перспективами. — Ты сможешь узнать все, что знаем мы, побывать на нашей планете-метрополии, еще на многих других, увидеть такое, о чем пока не в силах и помыслить... Как равный, ты будешь принят на Конгрессе ста миров. Если захочешь — вместе с Наташей... Антон говорил еще что-то, но смысл плохо доходил до Воронцова из-за внезапно навалившейся огромной усталости, безразличия, из-за мучительного звона в голове. Похожее ощущение он испытал, когда в трале взорвалась мина и его здорово приложило ударной волной о щит кормового орудия.

Только одна мысль сохранила отчетливость в его перенапряженном мозгу.

«Эх, ребята, — думал он, обращаясь к Антону и прочим его друзьям и коллегам. — Вы-то своего добились, а вот как же мне теперь поверить в ваш сверхразум, гуманизм, бескорыстие, порядочность? Рад бы, ей-богу, рад, но — как?..»

Антон догадался о его состоянии.

Он встал, будто король, объявляющий аудиенцию оконченной.

— Понимаю, осознать все сразу трудно и тебе... Отдыхай пока, а завтра начнем разговаривать всерьез.

...Свет утра проник сквозь сомкнутые веки, и Наталья Андреевна с усилием открыла глаза. Опять дождь на улице, толпы раздраженных спешащих людей в метро и автобусе, этот бесконечный рабочий день.

А сон — длинный, яркий, необыкновенно подробный — ускользал.

Кажется, вот-вот сейчас все вспомнится, надо только сделать совсем маленькое усилие.

Но чем старательнее она пыталась вспомнить хоть что-то, тем более неопределенным, смутным и расплывчатым становилось то, что там, внутри сна, казалось таким отчетливым и логичным.

Ну хоть бы какая-нибудь зацепка... Только бы вспомнить — это казалось ей отчего-то очень важным.

Но одна за другой рвались тонкие нити, еще связывавшие сон с реальностью, его яркая узорчатая ткань расползалась, превращаясь в серый туман...

Только осталось ощущение, будто как-то все там было связано с Дмитрием, мичманом Димом. Древность какая, господи... А больше ничего.

Разве только непонятная фраза: «Мавр сделал свое дело. А ты?»

Да зачем стараться вспоминать? Будто других забот нет. Мало ли что приснится. Бывает такое, что потом весь день болит голова и кошки на сердце скребут...

Она встала, накинула на плечи халат, включила свет в ванной, автоматически, продолжая думать все о том же, принялась за привычные утренние дела.

Причесавшись и нанеся на лицо легкую дневную раскраску, Наташа пошла одеваться. И поймала себя на том, что делает это необыкновенно тщательно. Словно собирается на свидание. Выбирает из того, что есть, самое лучшее. Кстати, вспомнила услышанную на днях грустную шутку: «В наших условиях шикарная женщина — это та, кто надевает под джинсы новые колготки». Неужели сон вновь возродил в ней надежды на светлое будущее?

Наверняка девчонки в мастерской не преминут подколоть: «Ой, Наталья Андреевна, ты не иначе как влюбилась? Ну и кто же, если не секрет? А может, сам?..»

Да в конце-то концов, а почему бы и нет? Пока еще, слава богу, не самые худшие в институте мужчины оказывают ей недвусмысленные знаки внимания. И не скрывают готовности разделить с ней постель. Как минимум... И сказал бы кто, что ей мешает согласиться?

Непривычно долго всматривалась в отражение в зеркале, будто стараясь найти что-то необычное в своем облике. И ничего не нашла. В меру интересная, неплохо сохранившаяся женщина тридцати с чем-то лет. Разве только глаза слишком блестят? Пошла на кухню, развела в чашке кофе покрепче, чем всегда. И пока пила, все не оставляла ее неясная тревога. В памяти настойчиво крутились незнакомые цифры, похожие сочетанием на номер телефона. Только чей?

На всякий случай она записала их — 284-39-55 — прямо на обложке журнала с новым романом Пикуля.

Роман-то, по еще одной странной случайности, тоже о моряках, крейсерах, сражениях, романтической любви и офицерской чести.

Она его читала до полуночи, так, может, потому и всплыл из глубин подсознания именно Дмитрий?

А по «Маяку», наверняка чтобы стимулировать трудящихся на очередные победы, передавали настолько разухабисто-патриотические песни, что она с раздражением выдернула шнур из розетки. Совсем это не соответствовало ее настрою. Уж лучше бы «Лунную сонату» послушать...

Закончив скудный завтрак, вышла в прихожую, взяла в руки плащ с вешалки. Постояла, словно не зная, что с ним делать, и вновь повесила на крючок.

Вернувшись в комнату, торопливо стала перебирать книги в шкафу, отыскала наконец на самой верхней полке бог знает когда, еще в замужние времена, засунутую за второй ряд фотографию в узкой металлической рамке. С тонированного сепией листа картона на нее смотрел, улыбаясь иронически, слегка склонив голову, совсем молодой лейтенант, снятый на корабле, среди надстроек, шлюпок, орудийных башен. Наверное, в тот день был какой-то праздник, потому что на нем парадная форма при кортике и белые перчатки в левой руке.

И она вдруг заметила — впервые, — что вид-то у него здесь совсем не лихой, а скорее невыносимо печальный. Будто храбрится мальчик, изо всех сил старается показать, какой он мужественный и бравый, а глаза выдают. Прямо просят: «Ну посмотри на меня внимательно! Ну догадайся же, как мне без тебя плохо. Приезжай или хоть напиши что-нибудь ласковое,

хорошее...» Как она сразу, еще тогда, этого не поняла и не услышала? Впрочем, тогда ей было ведь не столько лет, как сейчас, и совсем другой жизненный опыт... Наталья Андреевна перевернула снимок. На обороте четким, почти печатным шрифтом — строки из стихотворения:

Давай с тобой так и условимся,
Тогдашний я умер, бог с ним,
А с нынешним мной остановимся
И заново поговорим...

Ниже дата, название далекого портового города и корабля, где служил Воронцов, размашистая подпись.

Последняя его фотография. Дмитрий прислал ее вместе с письмом, в котором с отчаянной, но напрасной надеждой пытался изменить то, чего изменить было уже нельзя.

Глядя на эту фотографию, она и написала показавшиеся ей тогда очень остроумными слова о белых офицерских перчатках, при воспоминании о которых стыдом вспыхнуло сейчас лицо. Почему-то тогда именно его щеголеватый вид и эти самые белые перчатки особенно ее разозлили. На самом деле, как она поняла сейчас, в глубине души и тогда ей была ясна, скажем так, неэтичность ее поступка, и резкостью слов она пыталась заглушить, выражаясь старинным стилем, «голос совести», переложить вину на него, якобы не желающего войти в ее трудное положение...

Наталья Андреевна вздохнула и поставила фотографию на полку, лицом к двери.

Выходя, еще раз оглянулась. «Вот и стой так. Хоть какой мужик в доме».

Пожала плечами, удивляясь сама себе. И заспешила.

Торопясь, Наташа шла, почти бежала в сгущающейся перед входом в метро толпе, невыспавшейся, раздраженной, норовящей наступить на ногу, столкнуть в лужу, ударить под коленки узлом или чемоданом, обругать без повода...

А сверху все сыпал мелкий, серый, нудный дождь.

Совсем как там.

Во сне...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА ДАЛЕКОМ БЕРЕГУ

И кажется, в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

Н. Гумилев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Надеюсь, ты все же примешь правильное решение, — сказал Антон. — Но в любом случае ты абсолютно свободен в выборе. — Он сидел на полукруглом диванчике у окна и рассеянно перелистывал какую-то книгу в картонном, под мрамор, переплете.

— Сначала скажи, а что все же с Натальей? — спросил Воронцов. Он с удивлением отметил, что не испытывает больше вчерашнего раздражения и злости. Как будто ничего и не было, и просто встретились они с Антоном в очередное свое сухумское утро.

— Абсолютно ничего, — пожал плечами Антон. — Проснется у себя дома, может быть, со временем кое-что вспомнит, если сама этого сильно захочет. А нет — так нет. Мы никому ничего не навязываем.

— Но она сказала, что хочет помнить...

— Это она тебе так сказала. А на самом деле она в этом совсем не была уверена. Женщина, что поделаешь... — И Антон развел руками с самой что ни на есть естественной улыбкой. Ничуть не выходя из своего человеческого образа. — Как спалось? — тут же, без связи с предыдущим, спросил он.

— Будто не знаешь...

— Для чего мне знать? Я не гувернантка. И в то, что меня не касается, не лезу... без крайней необходимости.

— Пусть не гувернантка. А кто? Надзиратель? Вербовщик? Дьявол, желающий приобрести очередную безгрешную душу?

— Безгрешную... — хмыкнул Антон. — Впрочем, по большому счету, пожалуй, и так... Если же всерьез говорить, мы с тобой на сей момент просто союзники.

— Интересное дело. Союзники... Против кого или в чем? Не сочти за труд пояснить.

— Тогда лучше начать с самого начала. Не возражаешь?

Воронцов кивнул. Все-таки Антон ему нравился. Даже и такой вот манерой разговаривать. Сейчас, увы, люди почти разучились вести беседу. Не болтать, не трепаться, не плести косноязычно невесть что, а вот именно — вести беседу. С таким человеком приятно общаться, даже если и расходишься с ним в позиции. Что, кстати, как раз и предстояло выяснить.

— Прежде всего, — заговорил Антон, откладывая книгу, — то, о чем вчера говорили, — чистая правда. Хотя и не вся. Да, тебя проверяли. Доступными нам способами. Этичны они или нет, с твоей точки зрения, выяснять сейчас не будем. Главное, что они эффективны. — Он сделал короткую паузу, будто собираясь с мыслями. — Поведение твое с момента нашей встречи безупречно. Прежде всего, по мотивам, которыми ты руководствовался. А кое-где ты ухитрился расширить рамки тестов. Они оказались многозначнее, чем мы предполагали. Но это не все. Проверка твоих моральных качеств, психологической устойчивости, адаптационных возможностей, гибкости мышления — первый этап операции. Спасение Книги, которая, кроме древних текстов, содержит жизненно важные для нас документы экспедиции, — второй этап, который планировался как завершающий. Однако по ходу дела неожиданно сложились обстоятельства, повлекшие за собой совершенно непредвиденные последствия. Нам пришлось изменить свои планы и в отношении тебя. Хотя, повторяю, все, что я предложил раньше, остается в силе. Если захочешь, вернешься домой. Или сегодня же мы можем отправиться к нам, в метрополию...

— Что-то преамбулы у тебя длинные, — перебил его Воронцов.

— Иначе не получается, извини. Но уже все. До сути добрались. Дело в том, что мы, форзейли, и вся наша конфедерация находимся в состоянии... я бы не сказал — войны, но перманентного, не ограниченного во времени и пространстве конфликта...

— Ни хрена себе формулировочка, — вновь не сдержался Дмитрий. — А я всегда думал, что конфликт от войны только ограниченностью и отличается...

— Не будем спорить о формулировках. Я знаю, о чем говорю. Так вот — конфликта с некой суперцивилизацией, также галактического масштаба, но несовместимой с нами по всем параметрам. Мы, как и вы, люди, отрицаем войны, не считаем их способом решения проблем, но что прикажешь делать, если

выбора нет? Противник не способен к компромиссам и считает, что в галактике не может быть двоевластия... Мы вынуждены защищаться адекватным способом.

— Все так говорят. Я еще не слышал иных трактовок. Даже Гитлер, по его словам, вел вынужденную превентивную оборонительную войну.

— Ты прав, конечно. Однако... Мы защищаем принципы, которые близки вашим. Мы вообще с вами очень близки. Я беседую с тобой в своем подлинном облике, у нас почти одинаковая психология, сходные взгляды на... — он усмехнулся, — на исторический материализм. В общем, мы способны понять друг друга, потому что мы в свое время прошли путь, подобный вашему. Наши же враги одинаково далеки и от землян, и от форзейлей. При прямом контакте ты, к примеру, просто не понял бы их абсолютно, как каких-нибудь осьминогов... Хотя они как раз умеют приспосабливаться и выходить на нужный уровень общения с гуманоидами.

— Ты хочешь сказать, что они не гуманоиды и превосходят нас с вами в развитии?

— Я такого не говорил. Кто кого превосходит и в чем — таракан, кальмар или соловей? Да нравственные оценки условны. Мы лишь констатируем, что в настоящее время их образ жизни, идеология, а главное — практическая политика несовместимы с исторически обусловленными и в правовом порядке оформленными общегалактическими нормами.

— Туманно ты выражаешься, брат по разуму. Или меня по-прежнему за дурака держишь, или в своей позиции не уверен. Давай лучше попросту.

— Я тебя понял. Но поверь, что очень трудно вот так сразу изложить общественно-политическую обстановку в галактике, о которой ты до сего момента и понятия не имел, да еще и за многие тысячелетия. Наверно, лучше отложить это до более подходящих времен. Достаточно сказать, что Земля довольно давно является объектом внимания наших противников. Удобное расположение ее в пространстве, позволяющее создать здесь операционную базу, богатые ресурсы Солнечной системы, а главное — люди, которые могли бы стать их, а не нашими союзниками... Есть у вас такие качества, которые делают союз с Землей очень заманчивым.

— И для вас, и для них? — спросил Воронцов.

— Для нас тоже, — согласился Антон. — Я и не скрываю. Вообще пора бы мне и представиться. В близком переводе моя должность звучит как «шеф-атташе департамента активной

дипломатии на планете Земля». Довольно высокий пост, смею заметить.

— Польщен знакомством. Ну а чем все-таки мы всех вас так прельщаем?

— Скажу в свое время. А сейчас я слегка отвлекусь,— он вновь взял в руки книгу в картонном переплете. — Ты слышал такую фамилию — Андреев?

— И неоднократно. Леонид Андреев, писатель. Вадим Андреев, его сын, тоже писатель. Виктор Петрович Андреев, командир учебного отряда на Балтике...

— Даниил Андреев.

— Такого не знаю, — ответил Воронцов.

— Это второй сын Леонида Андреева, отсидел десять лет по пятьдесят восьмой статье, вскоре после освобождения умер. В тюрьме создал философское учение, которое изложил в книге, названной «Роза мира». Естественно, издана она не была. Однако специально для тебя я это сделал. Вот она...

— Любопытно. Что-то на самом деле интересное?

— Можно сказать, что этим трудом он поставил себя в ряд крупнейших мыслителей человечества. Впрочем, когда прочтешь, сможешь составить собственное мнение. Сейчас же для тебя интересна космологическая составляющая его теории. Кое в чем она точно совпадает с реальностью. Поразительна сама сила провидения, тем более что никаких фактов он не имел и иметь не мог, сидя в тюрьме.

— Когда это было? В тридцать седьмом? — Все представления Воронцова об эпохе «большого террора» связаны были только с этой датой.

— На десять лет позже. С сорок седьмого. Умер в начале пятьдесят девятого.

— Так вроде после смерти Сталина всех стали выпускать и реабилитировать...

— Значит, не всех... Не отвлекайся. Так вот, по Андрееву, Вселенная представляет собой многослойную систему. Слой, где живем в данный момент мы с тобой, — это средний слой системы. Выше его целый ряд Миров Просветления, ниже — Миры Возмездия. Те, что нас интересуют, Андреев называет Дуггур и Аггр. Один из высочайших Миров Просветления — Раорис. Его можно отождествить со Вселенной, в которой действуем мы — форзейли. Если угодно, нас можно считать силами Света. У Андреева силам Света противостоят силы Тьмы. Все люди в той или иной мере, даже независимо от своего же-

лания, участвуют в борьбе Света и Тьмы... Важный, прошу заметить, момент... И еще: каждому человеку, сознательно вступающему в борьбу против сил Тьмы, способствует посланник Миров Просветления. Имя его Даймон... Всякие аналогии, сам понимаешь, поверхностны, однако совпадения поражают. Даже меня, привычного ко многому... Если бы ты сам прочитал весь труд и знал то, что знаю я, ты бы со мной согласился.

Воронцов слушал его и покусывал по дурной привычке мундштук трубки, сплевывая в открытое окно крошки эбонита.

Черт его знает, этого Антона. Снова плетет очередную заумь. Ну, даже если и написал от тюремной тоски человек книжку, что из того? Мало ли, кто что писал? Любую легенду можно приспособить к чему заблагорассудится. Тем более такую универсальную. Силы Света — силы Тьмы, их вечная борьба, да в любой религии можно найти что-то подобное. Гадание самой обычной цыганки тоже применимо к каждому, было бы немного воображения и желание найти в них рацио...

— Хорошо, полистаю твоего Андреева на досуге. Только давай все же поконкретнее, на уровне фактов, а не легенд. Можешь?

— Могу, естественно. — Антон словно был несколько разочарован тем, что на Воронцова сказанное им не произвело ожидаемого впечатления. Словно не убедился еще межзвездный дипломат, с какого типа землянином имеет дело. — Просто в свете моей информации тебе кое-что в дальнейшем станет легче оценить. Поскольку законы исторического материализма в нашей ситуации еще менее применимы, а я, как и положено Даймону, буду продолжать наставлять тебя и способствовать исполнению возложенной на тебя миссии. — Предупреждая готовое вырваться у Воронцова возражение, Антон поднял руку. — Не спорь, слушай. Разве ты не понял еще, что ни от твоей, ни от моей воли объективный ход событий практически не зависит? Ты же ведь за много лет до знакомства со мной мечтал встретить свою Наташу. И верил, что это случится. И с мужем она разошлась не по моей прихоти, и друзей себе ты выбирал сам...

— При чем тут еще мои друзья?

— Все в свое время узнаешь и поймешь. Один из земных философов еще в прошлом веке сказал: «Не воображайте, что неучастие в политике убережет вас от ее последствий». Я хочу сейчас просто несколько спрямить тебе твой путь и, насколько это возможно, — помочь тебе.

...Когда Антон перешел в своем рассказе к моменту, когда так и не названные по имени представители сил Тьмы нарушили конвенцию и перешли к активным, в их понимании, действиям, чтобы вытеснить форзейлей с Земли и, естественно, включить ее в сферу своего влияния, Дмитрию стало смешно. Слишком все это не соответствовало его представлениям о Высших Разумах, о целях и нормах взаимоотношений инопланетных цивилизаций, далеко обогнавших человечество в своем развитии. И если бы не реальность всего уже происшедшего, проще и удобнее было бы прекратить затянувшуюся мистификацию.

— Ничто не ново под луной, — сказал он, когда Антон сделал короткую паузу. — Если хочешь, все это здорово напоминает ситуацию вокруг Турции в августе четырнадцатого года. Когда и Антанта, и Германия из кожи вон лезли, чтобы перетянуть ее на свою сторону... Плохо кончилось для большинства участников. А у вас во что это выльется? Опять «звездные войны»?

— Уникальная способность у вас, людей, немедленно сводить все к знакомым примерам. Абсолютно ведь ничего общего между нашими делами и началом Первой мировой... Хотя... Примитивно, конечно, до крайности, но какая-то аналогия есть.

— Мало ли что примитивно, — ответил Дмитрий несколько даже с вызовом. — Главное, такой подход себя оправдывает. Воображение просто надо иметь. Пацану палка автомат заменяет, зрителю в театре намек на декорацию — весь реальный мир, и так далее... Зато экономия средств и мозгов.

— Ну, пусть так, при случае мы это тоже обсудим, а сейчас я бы все же хотел с нашим вопросом покончить. Поверь, свои проблемы мы предпочитаем решать сами, но в игру оказались, против всех правил, активно вовлечены земляне, твои соотечественники. У нас существует твердая, многократно подтвержденная и гарантированная договоренность — разумное население планет, не входящих в галактические сообщества, не может и не должно быть объектом или субъектом прямых контактов. И вдруг они нарушили конвенцию...

— Как Паниковский, — пошутил Воронцов, но вскоре у него настроение шутить, ерничать, подначивать и провоцировать собеседника прошло. И надолго. Потому что дальше Антон начал говорить вещи слишком серьезные и теперь даже для Воронцова убедительные.

Несколько десятилетий назад те, чужие пришельцы, до сих

пор лишь пассивно наблюдавшие за Землей, перешли к активным действиям. Причем настолько осторожно, что форзейли долго ничего не замечали. Но по ряду косвенных признаков, малозаметным, но постепенно нарастающим отклонениям происходящих на Земле событий от предсказанных теорией и статистически наиболее вероятных стало очевидно, в чем причина этих флюктуаций. Антон без ложной скромности поставил такое открытие себе в заслугу.

Метод вмешательства был прост, эффективен, хотя и требовал для своей реализации достаточно продолжительного времени. Не более десятка специально подготовленных для работы в земных условиях агентов путем тщательно просчитанных микровоздействий на узловые точки ноосферы, причем разнесенные во времени и пространстве, должны были в итоге настолько сместить мировые линии исторического процесса, что к некоему моменту Земля автоматически оказалась бы естественным союзником тех, враждебных Антону пришельцев.

— Да, а почему ты никак их не называешь? — спросил Воронцов. — Странно звучит: «те», «они», «противник», «неприятель»... Имя-то у них должно быть?

Антон странным образом замялся.

— Понимаешь, я не могу назвать их по имени... Это, как бы тебе сказать, не принято.

— Что, суеверие такое? «Про серого речь, а серый навстречь»? Или наоборот — «Не поминайте имени божьего всуе»?

— Мне сложно тебе ответить. Ни то, ни другое, и все же... Если хочешь, давай назовем их аггарами. Тебе удобно будет?

— Да ради бога. Хоть аггарами, хоть дуггурами...

— Нет, дуггурами нельзя, это совсем другое...

«Ну и ну, — подумал Воронцов. — Суперцивилизованные пришельцы — и такой ерунде придают значение...»

— Ну пусть аггры, о чем тут спорить. Продолжай, я слушаю со вниманием.

И Антон продолжил.

Сам по себе коварный и вызывающе неэтичный образ действий агтров усугубился еще и тем, что они сначала косвенно, а потом и впрямую начали привлекать к своим операциям людей. Иначе случиться и не могло, поскольку никакие, даже самые деликатные, исторические корректировки без сознательного участия людей просто невозможны. Как бы ни были мужественны аггры, на практике их разработки должны были осуществлять земляне. И некоторые из них посвящались, пусть

и не полностью, в суть происходящего. Трудно сказать, как долго могло сие безобразие продолжаться, если бы...

— Если бы им все не испортила женщина, — сказал Антон со странным удовлетворением в голосе. — Одна их весьма способная сотрудница, отвечающая за европейскую часть Союза, отобранная, очевидно, не слишком тщательно, а скорее просто чересчур вжившаяся в роль, самым банальным образом влюбилась. Как это ни смешно звучит. Влюбилась в твоего ровесника и соотечественника, забыв, естественно, свой служебный долг. Все рассказала своему избраннику, морально и технически разоружилась, захотела, как у вас принято говорить, простого человеческого счастья. Естественно, ни одна спецслужба, хоть земная, хоть галактическая, таких измен своим сотрудникам не прощает. Предатель и дезертир отзывается или изымается, а затем с ним поступают в соответствии со сложившейся практикой и местными обычаями. Та же судьба ждала и означенную отступницу. Но ее друг оказался на высоте... — В голосе Антона прозвучало неприкрытое одобрение. — Совершенно неожиданно для всех он вдруг вмешался в предопределенный ход событий, с помощью нескольких своих товарищей разработал и осуществил удивительно простую и эффективную операцию, не только переиграл прибывших для устранения девушки профессионалов, но и вообще удалил их за пределы Земли... Боюсь, ты в это не поверишь, но так и было. По-моему, он сам не подозревал, с какой могущественной и беспощадной силой вступает в борьбу.

— Кто его знает... Раз ты сам признаешь, что он победил, значит, план боя в конечном итоге был правильным. Молодец парень. Таких я люблю. А что случилось дальше?

— Вот это сказать затруднительно. Потому что дальше пока ничего не случилось. Все произошло буквально только что. Накануне нашей встречи в Новом Афоне. Собственно, и встретились мы с тобой в связи с этой историей.

— Не совсем понял... — Воронцов, выигрывая время, поднялся и взял оставленную на столе банку с трубочным табаком, неторопливо стал набивать трубку и раскуривать, затем вернулся и снова сел, но не на стул, а на подоконник, спиной к свету. — Какая связь, прямая или косвенная, существует между тобой, мной, нашей встречей в Бомбее, в Сухуми и здесь, между Книгой, Наташей и той космической оперой, что разыграли мои земляки?

— Есть связь, есть... — Антон прямо светился от радости, ко-

торая распирала его, как рассказчика, приготовившего слушателю мастерски закрученную историю с эффектной развязкой. — Еще немного, и все узнаешь. Чуть-чуть терпения...

И стал говорить о том, как инопланетянка перед окончательным прекращением своей деятельности сумела завербовать еще одного человека, довольно известного в соответствующих кругах художника, а в прошлом воздушнодесантника, переправила его в прошлое, где он осуществил серьезное вмешательство в историю, не ведая, правда, что творит. Но акция получилась весьма опасная — прежде всего тем, что последствия ее до конца не представимы.

Воронцов слушал, начиная догадываться, что судьба вновь подкидывает ему задачку с нетривиальными условиями, решать которую так или иначе придется. Зная Антона, можно предположить, что он наверняка приготовил некий гвоздь, за который предстоит зацепиться штанами и повиснуть, как на чужом заборе. Иначе он и не стал бы затевать свою интригу. Просчитал небось сто двадцать вариантов и веселится, глядя, как жертва трепыхается... Ну-ну, ваше благородие, давай, а мы еще тоже поглядим. Бой покажет...

— Одним из последствий прогулки в прошлое — в 1966 год, если точно, — названного художника, Берестин его фамилия, как раз и оказалась встреча агтрианки с ее милым другом, сражение с пришельцами, ну, и наше с тобой предприятие тоже.

Тут Воронцов его перебил:

— Подожди. Вначале речь шла о психологическом эксперименте, потом о спасении Книги, затем — гожусь ли я на роль земного представителя при вашей федерации. Теперь еще вариант, из которого следует, что и ты и я — оба вообще статисты в чужом спектакле. Не так? Тогда поясни. И второе. Какая-то фантазия у вас бедноватая. Стоит приличному человеку с вами познакомиться, так вы его обязательно сразу в прошлое засылаете... Не знаю, как там в деталях, а по форме выглядит однообразно. Его в шестьдесят шестой, меня в сорок первый. Женщины опять же... Там агтрианка, у меня Наталья... ей-богу, с сюжетами у вас туго.

— Верно подметил, — одобрительно кивнул Антон. — Все так и есть. Если рассматривать с позиций читателя детектива. Но ты же высшее военное образование имеешь. Стратегию, тактику, историю войн изучал. А на войне противники используют практически одни и те же методы и приемы. Окружение, обход, фланговый удар, высадка десанта в тыл врага... И даже в

шахматах дебюты одни, что у Фишера, что у Карпова. А у нас ведь тоже война, я говорил... Своеобразная пусть, на ваши непохожая. Битвы космических эскадр, бомбардировки планет, минирование волновых туннелей — это далекая история. Сейчас уровень другой. Воздействие на закон причинности, блокада исторических последовательностей, создание ложных развилок времени, деформация мировых линий, информационный террор... Сам понимаешь, разница такая же, как между второй Пунической войной и четвертой арабо-израильской. Но суть не в том, каким оружием стороны пользуются, а в том, что всегда пользуются они одинаковым оружием и одинаковой тактикой. Разница — в стратегии и таланте... А по первому вопросу отвечу так — все мои объяснения и доводы в каждый конкретный момент были правдивыми. То есть я тебя ни разу не обманул. Не говорил сразу все — да, но не обманывал. Сейчас тоже говорю правду.

— И опять не всю...

— В пределах допустимого на данный момент.

Воронцов открыл балконную дверь. После теплого, насыщенного уютными запахами воздуха кабинета сырой ветер с моря подействовал на него, как нашатырный спирт.

— Чего ты добиваешься? Сказал же я — не хочу в твои игры играть. Точка. Надоело. Пусть те ребята сами разбираются...

— Монтеня читал? — Антон тоже подошел к двери. — Так вот, у него написано: «Мелочное и настороженное благоразумие — смертельный враг великих деяний».

— На великие деяния не претендую. Вот, правда, Киевское сражение чуть не выиграл, да и то по твоей милости пришлось на самом интересном месте бросить.

— Еще не все потеряно, перспективы у тебя безграничные.

Дмитрий поднял руки:

— Нет уж, хватит. Предпочитаю мирную жизнь в тылу.

Антон помолчал, глядя на Воронцова не то с сожалением, не то с иронией.

— Твоя воля. Но неужели тебя не волнует, что всякие там пришельцы на Земле делают что хотят, то и дело вмешиваются в вашу жизнь, в вашу историю, а ты отходишь в сторону?

— Волнует, конечно. Я даже возмущен. Но воевать против одних и тем самым помогать другим, которые столь же непрошено явились к нам, — для чего? «Великолепную семерку» смотрел? «Ковбои всегда проигрывают», — говорил Крис. Нет. Лучше подождать. Осмотреться. Глядишь, что-нибудь прояс-

нится. А то завтра прилетит некто третий и столь же доходчиво объяснит, что вы тоже гнусные захватчики и агрессоры и давить нужно прежде всего тебя. А в Сухуми пальмы, кофе, чача... Женюсь, если Наташка согласится. Загорать будем, в пещеры афонские сходим, куда ты мне попасть помешал... Отчетливо я тебе объяснил? Ну и с богом...

— Как угодно. Только смотри — не было бы поздно. Потому что есть люди, которым некогда ждать. Ты знаешь такого Левашова Олега Михайловича, инженера по электронному оборудованию с танкера «Кавказ»?

Воронцов вскинул голову и напрягся. Это уже что-то новое. Тот самый гвоздь?

— Олега? Конечно, знаю. Только должность у него по-другому называется.

— Несущественно. Главное, что инженер он на редкость талантливый. Именно с помощью его установки те парни смогли выиграть первый поединок с агграми. К сожалению — только первый. Второй раз у них не выйдет. Знали бы они, на кого замахнулись.

— Ты это точно говоришь? Олег, значит... Можно поверить... Постой, а как же все-таки ты на меня вышел? Он тебе сказал?

— Зачем же? Ты меня совсем не ценишь. Даже с вашим сегодняшним уровнем за пять минут можно получить любые сведения почти о любом человеке. Биография, связи, увлечения, друзья, враги, знакомые. Книжки нужно читать. Я, как уважающий себя резидент, узнав о происшедшем инциденте, подобрал досье на всех участников, установил, что ближайшим другом одного из них является мой старый приятель, человек весьма неординарный и готовый, по его же словам, к любым неожиданностям. Вот и все. Остальное — дело техники.

Хитер, мерзавец, думал Воронцов. Специалист по тонким душевным струнам. Вот он меня и поймал. Сообразил, что тут уж без вариантов. А я все пытался догадаться, какие он ходы подберет. А Олег и в самом деле для таких дел не подходит. С железками возиться — да, но не с пришельцами воевать. Только если этот гад опять подставку сделал, как бы ему самому не пожалеть.

— Не надейся, никаких договоров я с тобой не заключал и не заключаю. Что мне делать и как — сам соображу. Ты меня проинформируй подробно, переправь куда надо — и на этом все.

— Тебе виднее. Левашов твой и его товарищи, от пришель-

цев избавившись, собрались на квартире главного героя сей авантюры — Новиков его фамилия, звать Андреем — и празднуют победу. Сегодня они в безопасности. Что случится завтра — не знаю. Враг силен, коварен, жесток, и своего Штирлица я у них в штабе не имею. А рискуешь ты крепко. Если попадете к ним в руки — это будет действительно страшно. Не хочу пугать, но смерть или любые ужасы инквизиции — мелочь по сравнению с тем, что будет. Они займутся вашей психикой и сделают это профессионально.

— Постараюсь не попасться. Особенно если подскажешь — как.

Антон кивнул.

— Кое-что подскажу. Но в общем-то ты будешь в безопасности до тех пор, пока ничем себя не проявишь. Как только войдешь в контакт с Левашовым и его друзьями — окажешься под ударом.

— Снова крутишь, атташе. Сначала всеми силами старался меня завербовать, теперь пугаешь и отговариваешь...

Главный форзейль развел руками.

— Если бы ты согласился работать под моим руководством и прикрытием! Но ты желаешь оставаться вольным стрелком. Пожалуйста. Без помощи я тебя, конечно, не оставлю. Возьми... — Он протянул Воронцову знакомый синий футляр. — Если что — по старой схеме. Приложи за ухо, и вернешься сюда. Тогда и побеседуем, с учетом вновь открывшихся обстоятельств.

— Думаешь, сговорчивее буду? — криво усмехнулся Дмитрий. — Впрочем, спасибо. Я разберусь, и посмотрим...

— Где тебя в Москве высадить? — спросил Антон, давая понять, что бесконечная беседа все же заканчивается. — В Сухуми тебе возвращаться незачем. Что там у тебя из вещей ценного было? Сейчас сдублируем...

А как же в пансионате? Искать же будут, подумают — утонул...

— Я все оформлю. Какие еще пожелания?

— Какие там пожелания... Пусть будет площадь Курского вокзала. Поздний вечер. А багаж у меня самый примитивный, и говорить не о чем. Ты лучше пистолет мне какой-никакой организуй. Этот же я не потащу с собой, — он указал на лежащий на столе «смит-вессон». — «Вальтер» можно, модель «РР». Раз твои коллеги такие страшные, так хоть застрелиться чтоб было из чего, — мрачно пошутил Воронцов.

— Ради бога, ничего не стоит. Однако вкусы у тебя — времен раннего детства, не иначе. Зачем такая древность? Могу предложить и посовременнее. К примеру — «беретту» последнего образца. Калибр девять, магазин на шестнадцать патронов. В случае чего беглый огонь важнее меткости... И вообще вещичка элегантная, в руки взять приятно.

— Знаток ты, я вижу, — с ироническим уважением сказал Воронцов. — Экспертом можешь работать. Или коммивояжером «Интерармко».

— В вашем мире оружие занимает слишком важное место, чтобы позволить себе быть дилетантом.

В последний момент Антон предложил Дмитрию машину.

— Удобнее будет. Свобода маневра, независимость, престиж, и все такое...

— Хорошо, давай и машину. Для пользы дела. Будем считать — по ленд-лизу. Подбери что-нибудь неброское, но помощнее. «БМВ», допустим, в специсполнении, дизелек чтоб сил на двести. Цвет не слишком вызывающий, и с номерами, какие под любой знак пропускают, и по резервной полосе... терпеть не могу с гаишниками объясняться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Воронцов медленно вел машину по ночным, почти пустым в этот злополучный час улицам, привыкая к новой для себя технике, и одновременно жадно смотрел по сторонам. Он всматривался в облик улиц и пытался найти следы и признаки нового — не те, что могли появиться естественным путем, а совсем другие. Ему казалось, что после того необыкновенного, пришедшего в мир с инопланетными агентами, орудующими в Москве, с временем, которое утратило свое постоянство и необратимость, с его собственными приключениями, после которых тоже ведь должно было поменяться что-то на Земле, — после всего этого мир не мог остаться прежним.

Умом он понимал, что вряд ли сможет заметить нечто существенное из окна скользящей по засыпающему городу машины, и все же искал, то в афишах кино и театров, то в лозунгах и призывах, начертанных белой нитрокраской по кумачу и алым неоном по черному небу.

Еще — Дмитрию было страшновато. Всю жизнь он проводил на глазах десятков и сотен людей: в училище, на палубе тральщика, на мостике балкера — и всегда был обязан не только не давать волю естественным эмоциям, а напротив — демонстрировать спокойствие, выдержку, небрежное мужество. И много иронии. Зачастую — довольно злой. А ему ведь тоже бывало не по себе. И тошно, и тоскливо. Например — в ночь перед выходом на первое боевое траление. И вот сейчас. Когда он один, вокруг — огромный город, впервые не родной и желанный, а настороженный, скрывающий в себе неведомую и жуткую опасность, как мина неизвестной системы с включенным таймером.

Если Антон не врет и пришельцы-аггры действительно беспредельно хитры и жестоки, то перспективы перед ним далеко не вдохновляющие.

Но в то же время — и это еще одна странность — Воронцов испытывал состояние удивительной, полной внутренней свободы.

Пожалуй, впервые в жизни он не считал себя обязанным никому и ничему, кроме своего нравственного чувства. После всего уже пережитого и предощущения того, что должно произойти, абсолютно незначительным казалось все, что раньше представлялось естественным и необходимым. Его не волновало ни мнение начальства, ни служебные заботы, от которых раньше не удавалось отвлечься и в отпуске, ни даже чисто материальные и бытовые проблемы. Что может волновать человека, побывавшего у Антона в Замке и знающего, что в любой момент он может туда вернуться? А о финансовой независимости здесь, в мире людей, Антон тоже побеспокоился — в перчаточном ящике («бардачок» в просторечии) Воронцов уже в Москве обнаружил прощальный подарок, толстую, сантиметров в пятнадцать, пачку умеренно потрепанных двадцатипятирублевок. Слегка возмутился поначалу, а потом подумал: может, это просто командировочные? И успокоился. Что ждет здесь, кто знает? Деньги же, как известно, тоже оружие, особенно в мирные времена.

Перед лобовым стеклом распахнулась Колхозная площадь. Значит, нервничать, вибрировать, тешить себя иллюзией выбора можно еще минут пять, не больше. Ехать ли прямо к Олегу на Преображенку или сворачивать влево, туда, где живет Наталья?

У нее можно было бы дать себе хоть сутки передышки, заняться личными проблемами, еще раз, возможно — послед-

ний, почувствовать себя частным лицом, а не суперменом галактического ранга, призванным воевать неизвестно с кем и неизвестно за что.

При условии, правда, что Натали захочет его узнать и впустит в квартиру в два часа ночи. Как-то даже глуповато — переминаться с ноги на ногу на площадке и пытаться объяснить заспанной женщине в пеньюаре, кто ты и чего тебе надо. Через цепочку в лучшем случае, а то и сквозь запертую дверь.

Тем более что там будет совсем другая женщина, живая, наверное, ничуть не похожая на электронный фантом в Замке.

Воронцов повернул руль, скатился под гору к площади трех вокзалов. Увидел слева, у въезда на Каланчевскую улицу, патрульную милицейскую машину и сержанта возле нее, как-то очень внимательно всматривающегося в неожиданно медленно для этого места и времени движущийся «БМВ», сказал себе негромко вслух:

— Вот и знак судьбы. И на том спасибо.

Прибавил газу и, больше не терзая себя расслабляющими сомнениями, поехал прямо. К Левашову.

...Левашов сам не знал, отчего его так потянуло домой, но он отчетливо чувствовал, что ему не хочется оставаться у Новикова, а хочется оказаться одному в своей квартире, где не нужно будет больше ни с кем разговаривать, снова и снова переживая перипетии победоносного сражения и натужно празднуя викторию.

Да и, к слову сказать, ночевать в чужом, даже и дружеском, доме он никогда не любил.

Олег поднялся на свою площадку и увидел человека, сидящего на большом белом чемодане перед дверью квартиры. Хотя лицо его прикрывала надвинутая на глаза шикарно измятая капитанская фуражка, а точнее — именно поэтому он его сразу узнал. И обрадовался. Они давно уже не виделись с Воронцовым, с которым отплавали несколько лет и сдружились на почве... Впрочем, почву эту определить каким-либо конкретным термином было бы очень трудно. Наиболее точно будет — на почве одинакового восприятия жизни. Именно — способа, потому что взгляды на жизнь у них различались порой очень сильно. Приходилось им по нескольку месяцев жить в одной каюте, а это — серьезное испытание на психологическую совместимость, попадали они и в ситуации, которые могли им стоить навсегда закрытой визы. Правда, с тех пор, как Левашов

перешел на Черное море, а Воронцов остался на Балтике, они еще не встречались.

Поэтому и обрадовался так Олег, увидев друга, что Дмитрий появился удивительно ко времени. В нынешней ситуации именно Воронцов был более чем кстати. И еще Левашов поразился своему внезапному предчувствию, заставившему его безо всякого видимого повода ехать домой через пол-Москвы, когда «метро закрыто, в такси не содют».

По мнению Левашова, и не только его, Воронцов принадлежал к тому редкому у нас типу людей, с которыми случаются только неординарные происшествия. Доказательств тому имелась масса. И выкручивался он из них тоже какими-то неожиданными, не до конца ясными способами. Вот этот самый человек сидел и дремал сейчас на лестничной площадке многоквартирного дома, нимало не заботясь, прилично ли выглядит со стороны.

Левашов легонько постучал ногтем по козырьку роскошной, не иначе как в Лондоне шитой фуражки.

— Вам кого? — отозвался Воронцов, поднял голову и с интересом снизу вверх посмотрел на Олега. Потом перевел взгляд на часы. — Все ясно, — печально сказал он. — Парень отвязался. Пора женить... — И только после этого пружинисто выпрямился, приобнял Олега, похлопал по спине. — Как, все в порядке?

— Пока так. А ты откуда?

— Непосредственно из Сухуми. Наотдыхался — во! — Воронцов черкнул большим пальцем по горлу и как-то непонятно для Левашова усмехнулся.

— Ну ладно, чего это мы тут, давай зайдем... — Олег повернул ключ и вдруг с легким замиранием сердца подумал: «Что, если за дверью — снова — пришельцы?» Но тут же устыдился своего испуга, словно бы проявил слабость на глазах товарища. В присутствии Воронцова мысль об инопланетянах, возможно, притаившихся в темной прихожей, показалась не такой уж страшной. Что значит авторитет...

Дмитрий разделся по пояс, наскоро сполоснулся под струей холодной воды, причесал мокрые волосы и явился перед Левашовым свежим, бодрым, покрытым океанским загаром, к которому курортное море вряд ли что-нибудь прибавило. Раскрыл чемодан и выставил на стол дары юга в виде свежего лаваша, сыра сулугуни, умопомрачительно пахнущей аджики до-

машнего приготовления, бастурмы и бутыли сине-фиолетового вина.

— Садись, рассказывай, — приказал Левашову несгибаемый старпом, которому кто-то когда-то привесил эпитет «вечный», по аналогии с Агасфером.

— О чем я могу рассказывать? — покривил душой Олег. — На флотах спокойно, в море штиль, а отпуск как отпуск... Кино, театры, карты, девочки...

Он просто не готов был так сразу делиться с Воронцовым своей историей. Чего-чего, а беспочвенного фантазирования Дмитрий не любил. В принципе. Доказывать же свою правоту у Олега сегодня не было сил.

— Олежек, ты же давно и отчетливо знаешь, что я умнее и настырнее тебя, все вижу насквозь, так и так заставлю расколоться. Зачем же мы будем играть в доктора Ватсона, задавать наивные вопросы и восхищаться ходом моей проницательной мысли? Ну, если хочешь, изволь! Ты являешься домой в третьем часу ночи, ты взволнован и нервничаешь, хоть и пытаешься изобразить безмятежную радость от встречи со мной, от тебя совсем слегка припахивает коньяком, но ты практически трезв, что неестественно для нормального человека в данной ситуации, а главное — когда я пришел, дверь была приоткрыта, внутри никого не просматривалось, но вешалка была сорвана и вообще отмечался некоторый беспорядок, свойственный предшествующему мордобою. Я позвонил в ваше отделение милиции и очень вежливо поинтересовался: не попадал ли к ним в том или ином качестве гражданин имярек? Мне не слишком любезно ответили, что оного гражданина пока не имеют чести знать, а в чем дело и кто есть я сам? Попрощавшись с сотрудником, я позвонил еще в «Скорую» и морг. Так, из любопытства, чтоб не оставлять неиспользованных возможностей. Там о тебе тоже еще не слышали. Я успокоился и стал ждать. Конечно, внутри, а не снаружи. Услышал лязг дверей вашего древнего лифта, предположил, что явился именно ты, и вышел на площадку разыграть тебе мизансцену и захватить врасплох. Что и достигнуто. Как, четкая работа?

— Да уж, кто может сравниться с Матильдой моей! Лихая работа... — искренне восхитился Левашов и снова подумал, что именно Воронцова им и не хватало. Теперь все будет проще. — Тебе бы в цирке выступать...

— Ага, — кивнул Воронцов. — Впервые на арене. Укротитель с группой плохо дрессированных нарушителей трудовой

дисциплины. Смертельный номер: развод на работы в день прихода в родной порт. Не приходилось видеть?

— Приходилось. Незабываемое зрелище. Дамы падают в обморок...

— Вот то-то. В общем, давай, рассказывай.

И Левашов сел и за полчаса рассказал все. Про своего школьного друга Андрея Новикова и его давнюю подружку Иру, которая внезапно оказалась шпионкой из другой Вселенной (!). О том, как еще один их знакомый, Алексей Берестин, художник, ходил по Иркиному поручению в шестьдесят шестой год и что с ним там случилось. О том, как Олег с Андреем его спасали, а еще потом появились два жлоба типа межзвездных гестаповцев, чтобы забрать Ирину с собой, и пришлось спасать и ее тоже. («Ну какая из нее инопланетянка, ты б посмотрел, нормальная девчонка, десять лет ее знаю, а вот те мордовороты — это да!») Про хитрый, придуманный Новиковым план и про установку совмещения пространства-времени, которую он сам, Левашов, изобрел и собрал и с помощью которой чужаков выбросили на неведомую планету, найденную наобум, будто радиостанцию при вращении вариометра приемника. «Вся эта кутерьма началась прошлой осенью, а закончилась сегодня вечером. Сделали дело, хотели отпраздновать победу, да и не получилось. Устали все насмерть. Так, посидели часик, как на поминках, и разошлись...»[1]

Во время рассказа у Левашова вдруг прорезался аппетит, и он даже с некоторой жадностью навалился на гостинцы, отчего не все его слова звучали внятно.

Воронцов выслушал его спокойно, с непроницаемым выражением, только время от времени уголки его рта подергивались, то ли от сдерживаемой улыбки, то ли, напротив, от нервности. В основном слова Олега совпадали с тем, что говорил Антон, но было и кое-что новенькое.

Замолчав, Олег с нетерпением ждал, что же на все это скажет его трезвомыслящий друг.

А тот словно и не усмотрел во всем рассказанном ничего удивительного.

— Ну, пожалуй, действовали вы довольно грамотно. Молодцы, можно сказать. Однако и дураки в то же время. Твой Новиков, видать, остроумный парень. Интересно будет с ним познакомиться, время у меня есть, так что — к вашим услугам...

---

[1] Левашовым коротко пересказано содержание первой книги романа.

Левашов рад был это слышать, но одновременно испытал нечто похожее на разочарование: слишком нейтрально отнесся к их приключению Воронцов. Будто ему рассказали о вполне рядовой, пусть и рискованной, проделке скучающих лоботрясов по типу курсантского прошлого.

Зато ему показалась забавной ситуация, которая неизбежно возникнет, когда в их компании окажутся сразу два лидера, Новиков и Воронцов. Левашов об этом и сказал.

— Есть рыцари без страха, но с упреком, — многозначительно изрек Воронцов. — А вообще все это ерунда. Я в вашей компании человек новый, почти посторонний, куда мне в лидеры? На службе надоело. Заведомо готов подчиняться. Разве если советом помочь или там грубой силой... — И улыбнулся простодушно, закинув руки за голову, вытянув длинные ноги на середину кухни, пуская дым в потолок, и кто угодно, кроме Олега, свободно поверил бы в его простодушие и искренность. Да нет, не кто угодно, а лишь тот, кто не сходил с Воронцовым Дмитрием Сергеевичем хотя бы в один рейс за пределы Маркизовой лужи. — Оставим, Олег, эту тему. Чего загадывать? Сначала хоть до утра дожить надо. А тебе, кстати, и спать пора. Ты в зеркало давно смотрел?

— А что? — удивился Левашов.

— Нет, просто к слову. Не смотри, не надо. Потому как вид у тебя сейчас... Вторую ночь не спишь? Ну и хватит. Еще бокал данного нектара — и в койку. Черт знает что, то бабы мужику спать не дают, то пришельцы...

— Какие бабы? — не понял Олег, чувствуя, что глаза у него и вправду закрываются сами собой.

— Откуда я знаю? Обыкновенные... А что, нет баб? — вдруг встревожился Воронцов. — Тогда плохо. Для организма вредно. Будем лечить... — И вид у него действительно стал озабоченный, как у судового доктора, обнаружившего на горизонте кандидата в пациенты. Только глаза оставались хитро-веселыми.

— Все-таки здорово, Димка, что ты приехал, — сказал Левашов и пошел готовить постели.

— Ты ложись, Олег, — крикнул ему вслед Воронцов. — А я тут посижу, чайку изготовлю, обмыслю кой-чего. Я-то на месяц вперед отоспался. И ехал не спеша...

«Странно, — подумал Левашов, стремительно засыпая. — Ехал не спеша, а лаваш совсем свежий».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Утром Воронцов сказал Левашову, что у него есть некоторые неотложные дела в Москве, что появится он скорее всего ближе к вечеру, а если нет, то позвонит, и если Олег не передумал и готов ввести его в игру, то может пригласить своих друзей сюда или в любое другое место по их усмотрению.

— А главное, советую тебе соблюдать сугубую осторожность. Судя по всему, от ваших клиентов можно ожидать любой гадости. Обидели вы их крепко...

Олег долго дозванивался до Новикова. Наконец трубку взял Шульгин. Сонным голосом он сообщил, что Андрей, по всем признакам, должен быть у Ирины, поскольку больше ему податься некуда, но тревожить его не стоит, когда нужно — сам объявится. Он же, Шульгин, собирается соснуть еще часика три. После чего будет готов на любое применение.

В конце концов все устроилось, нашелся и Новиков, и остальные, встретиться договорились у Берестина в мастерской — близко от центра, просторно, и точка совершенно не засвеченная, как выразился Андрей, имея в виду, что там их пришельцы вряд ли обнаружат, поскольку Берестин у них по данному делу не проходит.

Левашов повесил трубку телефона и подумал, что все опять мыслят одинаково, предполагая, что вчерашней историей ничего не кончилось, а, наоборот, только начинается. Не зря вчера Шульгин первый тост поднял «за нашу пиррову победу».

Примерно через полчаса Левашову неожиданно пришла в голову мысль, что дело может обстоять еще хуже, чем они надеются, потому что упущен один весьма существенный момент, и снова набрал номер Андрея, но там уже никого не было. Он послушал длинные гудки, и ему стало тревожно и муторно на душе, как у разведчика перед визитом на ненадежную явку.

Потом опять позвонил Воронцов, спросил, как дела и какой намечен расклад.

— Черт знает что! — не выдержал Олег. — Сделали из меня диспетчера. Весь день сижу на телефоне. Если со стороны послушать, так меня уже можно брать. Не то содержатель притона, не то резидент...

— А может, это для тебя и был бы самый лучший выход? — засмеялся на другом конце провода Воронцов. — В общем,

как говаривал Черчилль, не теряйте мужества, худшее впереди. Я подъеду к восемнадцати. Плюс-минус чуть-чуть...

Олег начал говорить, что встреча намечена у... но Воронцов его перебил.

— Стоп токинг. Вот этого не нужно. Тебе говорить, а мне знать. Читай книги из серии библиотечки военных приключений. Адиос, мучачо.

...Воронцов повесил трубку на рычаг телефона-автомата и вышел из будки. Вечерняя встреча интересовала его сейчас очень мало. У него была другая, главная цель — встретиться с Натальей. После долгих бесед с ее фантомом в Замке он острее, чем когда-либо за все прошедшие годы, хотел поговорить с ней наяву. Посмотреть ей в глаза и понять — кем она стала? Раз у него ничего не ушло и не забылось, так, может, и у нее тоже?

Слова девушки с экрана давали некоторые основания думать так, но насколько она, придуманная Антоном, соответствовала оригиналу, вот вопрос.

Увидеться, поговорить и тогда уже решать все остальное. Была тут для Воронцова одна тонкость. Если живая Натали совпадет со своей проекцией, тогда можно допустить, что и в остальном Антон заслуживает доверия, если же нет, его слова и поступки — способ оказать на Воронцова психологическое давление и использовать в своих целях. То есть — если средства неэтичны, то и цели недостойны.

Не выходя из машины, он наблюдал за подъездом дома, где она жила, наблюдал так долго, что начал уже сомневаться в правильности своих расчетов и полученной от Антона информации, но вот наконец дверь открылась очередной раз и в ее проеме появилась несомненно Натали — высокая, красивая, такая знакомая и столь непохожая на свое компьютерное воплощение. Спустилась по ступенькам и быстрой, летящей походкой пошла по аллейке между корпусами. Выжав сцепление, Дмитрий ждал, куда она свернет — направо, к станции метро, или налево, к троллейбусу. Наташа свернула налево. Он облегченно вздохнул и плавно тронулся с места.

Езда по московским улицам за троллейбусом — занятие утомительное, требующее выдержки и внимания. И все время нужно смотреть, не выйдет ли твой объект на очередной остановке, и быть готовым мгновенно принять решение — как по-

ступить в этом случае. Если она вдруг нырнет в двери ближайшего универмага или свернет в непроезжую улицу?

Но Наташа доехала до конечной остановки, пересела на автобус, и все началось сначала. Наконец, на достаточно безлюдной остановке она грациозно перепрыгнула с подножки на бордюр через обширную лужу, отчего-то осмотрелась по сторонам и пошла к ближайшему перекрестку. Попетляла немного по пустынным переулкам и скрылась за косо висящей на одной петле дверью дома, по всем признакам забытого не только богом и людьми, но и всеми коммунальными службами тоже.

Воронцов притер машину к тротуару метрах в тридцати, заглушил мотор и закурил, опустив боковое стекло.

Куда она пришла и зачем? Неужели к любовнику на свидание? Верить в такой вариант Дмитрию не хотелось. А может, она тут присматривает за парализованной старушкой из бывших, в расчете на богатое наследство? Или посещает притон наркоманов? В любом случае — Эжен Сю и парижские тайны. Не многовато ли их вокруг? Тут усомнишься, осталось ли вообще в сей жизни что-нибудь нормальное, бесхитростное, незамысловатое...

Воронцов включил приемник. Последние известия по «Маяку» его слегка успокоили. Жизнь идет как ни в чем не бывало. Такая, как и должно быть в разумно устроенном мире. На Северном Кавказе завершается уборка зерновых, урожай выдался на славу. Металлурги Череповца разлили столько-то тонн стали сверх плана. БАМ вот-вот пропустит первый рабочий поезд. Народ Сальвадора продолжает свою справедливую борьбу. В полете «Космос» тысяча с чем-то. Температура воздуха в Москве плюс 16 градусов, туман, возможны осадки. Дмитрий тоже так думал. Сумрачно как-то вдруг стало, небо заволокла мутная пелена, и туман несло полосами.

Погода в самый раз к пейзажу, подумал Воронцов. Перед ним тянулась унылая улица, настолько унылая, что трудно было поверить, будто она существует в современной Москве, а не в дореволюционном Бердичеве. Узкие тротуары, не обрамленные зеленью, выщербленные кирпичные цоколи двух-трехэтажных домов с ободранной штукатуркой, глубокими провалами подворотен и, наверное, с сотворения мира не мытыми серыми стеклами окон. Непостижимо, как человек с неповрежденной психикой может постоянно жить на такой вот улице. Но живут ведь, и даже, возможно, довольны жизнью: отсюда всего минут двадцать пешего хода до улицы Горького, а не

полтора часа на электричке и метро, как из иных шикарных районов.

Темно-бронзовый «БМВ» Воронцова выглядел в этом ландшафте довольно дико. Как франт в лаковых ботинках и фраке в окопах позиционной войны под Верденом или на Сомме. Он сам удивился пришедшему на ум сравнению, но не успел его как следует обдумать.

Из недр зловещего дома появилась знакомая фигура.

Почти не касаясь ногой акселератора, он медленно догонял стройную женщину в светло-сером кожаном плаще и серых же высоких сапожках с медными декоративными шпорами. Ее легкой походки не портила даже туго набитая, судя по всему, тяжелая сумка, оттягивающая правое плечо.

Он бесшумно накатывался на нее сзади, и руки на кольце руля у него слегка подрагивали. Не так, как при первой встрече в Замке, но все же ощутимо.

Воронцов обогнал Наташу, чуть не коснувшись бортом полы ее плаща, в боковом зеркале уловил любопытствующий взгляд на красивую заграничную машину, прокатился вперед метров сто, затормозил и вышел на замусоренный асфальт. Облокотился на полуоткрытую дверцу, вновь закурил и стал ждать.

Несмотря на свои тридцать пять и на не совсем удавшуюся жизнь, в глубине души Воронцов все же оставался романтиком. Не мог он отказать себе в некотором налете театральщины, организуя столь долгожданную встречу.

Он стоял к Наташе спиной и все равно почувствовал обостренной интуицией ее нарастающее беспокойство: эта внезапная машина на пустой улице, ее водитель, кого-то неуловимо напоминающий...

Воронцов обернулся не раньше и не позже, чем нужно, как раз когда до Наташи оставалось меньше десятка шагов. Увидел, что она узнала его — сразу — и сбилась с ноги, и он сделал движение ей навстречу, широко, почти простодушно улыбаясь.

— О боже! Ты? Откуда? — Прошедшие годы не изменили тембра ее голоса, интонаций и любимых выражений. И тоже как когда-то: «Ну, здравствуй», — сказал Воронцов.

Она сидела с ним рядом, в зеркале заднего вида Дмитрий рассматривал ее лицо и убеждался, что, воспроизводя Наташу, Антон не погрешил против реализма. Постарше она, конечно, чем в Зазеркалье, но в целом один к одному. Кое в чем даже лучше. Может, потому, что рядом, касается его локтем, слышен за-

пах ее духов, к которому примешивается запах натуральной кожи нового, не обношенного еще плаща.

Но о том, что было между ними всего лишь позавчера, Наташа не помнила ничего. Здесь Антон тоже оказался прав. Но как раз это неважно. Главное, что она не просто рада встрече, она ею потрясена не меньше, чем сам Воронцов в Замке. И, значит, все было не зря.

— Нет, ты представляешь, я же тебя видела во сне недавно. Вот пусть и говорят, что вещих снов не бывает. За все время ни разу не снился, и вот на тебе...

«Постой, постой, что она говорит? Как это недавно?» — От удивления Воронцов чуть не спросил это вслух. Но сумел не показать своих чувств, сказал шутливо и как бы между прочим:

— Есть многое на свете, друг Горацио... В каком хоть виде я перед тобой предстал? Сны, они тоже разные бывают, не всегда к добру.

— Старалась-старалась вспомнить, и никак, — погрустнела Наташа. — Знаю, что был именно ты, разговаривали мы много, а вот о чем и какой ты был — хоть убей...

— Ну и выбрось из головы. А когда хоть снился-то? Я, когда сюда ехал, тоже тебя вспоминал.

— Недели две назад, кажется, или дней десять... Тогда утром особенно сильный дождь лил.

«Совсем ерунда началась. Две недели назад я только-только в Сухуми обосновался, никакого Антона и в помине не было». Впрочем, на фоне прочих событий двухнедельный сбой во времени можно счесть пустяком. Как ошибку в пару миль при определении координат по звездам.

— А я еду — смотрю, изумительная девушка впереди движется. И кого-то мне ужасно напоминает. Неужели, думаю! Обгоняю — точно! Вот тебе и теория вероятностей. Ты что, живешь здесь?

— Да ну, вот еще... — Наташа замялась, будто не зная, стоит ли говорить правду. — К спекулянтке приезжала. Девчонки на работе адрес и пароль дали. Туфли купила, платье австрийское, кофе фээргэшный, на десять банок разорилась. По-другому не достанешь ничего.

Воронцов прикинул, что при средних заработках одинокой женщины деньги на сегодняшний визит Наташе пришлось копить чуть не полгода.

— Знать бы, я тебе такого добра сколько хочешь привез... Куда поедем?

— Не знаю. Если хочешь, можно сначала ко мне. Брошу барахло, а там видно будет. Твоим планам это не помешает?

— Без вопросов. А муж твой что скажет? Впрочем, логика мне подсказывает: раз приглашаешь, значит, можно. В командировке?

Наташа пожала плечами.

— Три года, как разбежались...

— Ясненько... Случай ненадежен, но щедр. А помнишь, как мы расстались? Выходит, я прав был?

— Помню все, да что теперь об этом говорить? Не переделаешь. Скажи лучше, как ты? Не адмирал еще?

Воронцову снова стало не по себе. Она дословно повторила тот же самый вопрос, что и в Замке. А подумать, так чему удивляться? Один и тот же человек, одинаковые обстоятельства, и вопрос самый естественный, имея в виду их общее прошлое. Он тоже ответил почти по-прежнему:

— В основном нормально. А адмиральство мое там же, где и многое другое-прочее. Я теперь исключительно в мирных целях используюсь. Из порта А в порт Б. Туда руду, оттуда зерно.

— Жаль... — с искренним сочувствием в голосе сказала Наташа. — Ты же всегда хотел быть только военным. Кому же, как не тебе?

— Значит, нашлось кому. Да и вообще это не тема. Давай о чем другом. Тем более, служи я на ВМФ, уж точно тебя не встретил бы сегодня.

— Давай, расскажи, как у тебя. Женился, дети есть? — При этих словах Воронцову показалось, что голос ее чуть заметно дрогнул.

— Не пришлось как-то. Кому я такой нужен? По году в море, ни кола, ни двора...

В этот момент машина вывернулась из переулка на Кутузовский проспект, Воронцов резко прибавил скорость — так, что Наташу вдавило в кресло. Вцепившись в подлокотники, она с замиранием сердца ждала, что вот сейчас, в следующую секунду, Дмитрий врежется в любую из тех машин, которые он обгонял, или его остановит первый же милиционер. Все ее друзья-автовладельцы боялись сотрудников ГАИ почти панически, она не раз видела, как лощеные, знающие себе цену мужики становились заискивающе-жалкими, как только их тормозил и подзывал к себе повелительным жестом лейтенант, а то и сержант с полосатым жезлом. И ей бы очень не хотелось увидеть в подобной роли Воронцова.

Но их не останавливали, вопреки всякой логике, а на одном из перекрестков, который Дмитрий проскочил под перемигнувший с желтого на красный светофор, стоявший у патрульной «Волги» офицер отдал им честь.

Это было загадочно, но приятно, и Наташа спросила, что такая вежливость означает.

— Наверное, на флотах со мной служил. И до сих пор забыть не может...

Накренившись, как торпедный катер на циркуляции, «БМВ», едва не столкнувшись с троллейбусом, прошел поворот на Садовое кольцо.

Наташа тихо вскрикнула.

— Все, все, больше не буду. Раз взялся, значит, живой довезу. Ты где, собственно, обитаешь, я так и не спросил?

— Пока правильно едем. Я думала, ты знаешь...

— Откуда? — простодушно удивился Воронцов.

...В прихожей он помог Наташе снять плащ, повесил его на крючок и, повернувшись, увидел через открытую дверь свой портрет на книжной полке. «Вот это действительно сюрприз...» Он непроизвольно оглянулся.

Наташа, опустив голову, расстегивала «молнию» на голенище. Почувствовав его взгляд, выпрямилась, тоже увидела фотографию, досадливо прикусила губу и, кажется, даже покраснела, но в полумраке прихожей Воронцов мог и ошибиться.

Он сделал несколько шагов, остановился перед глянцевой картонкой, навек зафиксировавшей давно исчезнувшее мгновение жизни. Ни корабля, здесь снятого, давно нет на свете, ни бравого лейтенанта в нахимовской фуражечке. Однако самым поразительным для Дмитрия оказался сам факт, что, вычеркнув из жизни оригинал, Наталья сохранила фотографию, да еще держит в красном углу.

Наташа подошла к Воронцову, неслышно ступая по паласу. Услышав ее неровное дыхание, Дмитрий повернулся и, еще секунду назад имея совсем другие планы и намерения, вдруг привлек ее к себе, сомкнул руки у Наташи на спине, начал жадно, пожалуй, даже слишком, целовать. Она успела только коротко ахнуть от его внезапного порыва, потом сама прижалась к нему грудью, ответила на поцелуй.

Как будто не было ничего между их последней встречей и

этим моментом. Под пальцами Воронцова оказался язычок застежки платья, с тихим шелестом он пошел вниз.

Наташа не сопротивлялась, скорее напротив, но, оторвавшись от ее губ, чтобы перевести дыхание, Дмитрий вдруг увидел широко открытые глаза. Они словно кричали: «Да, да, милый, все правильно, я твоя, только твоя, но если можно — не сейчас...»

Он вздохнул глубоко и отстранился, убрал руки. Воронцов понял, что с ней происходит. Она просто не готова к безоговорочной капитуляции. Ему показалось даже приятным сделать такой жест. Как полководцу, который давно потерял надежду осадой или штурмом взять крепость, от взятия которой зависели его судьба и карьера, и вдруг узнавшему, что неприятельский комендант только и думает, как бы сдаться, но только сдаться прилично, сохранив оркестр и знамена.

Наташа благодарно опустила ресницы, сама потянулась к нему и коснулась губами его щеки. Доверчиво повернулась спиной, и Дмитрий, усмехаясь над собой, подчеркнуто медленно застегнул ей платье.

На улице как-то сразу пошел дождь, капли забарабанили по оцинкованному козырьку подоконника, под ветром зашумели, раскачиваясь, ветви вытянувшейся до третьего этажа березы. В комнате стало почти темно.

Совсем как в Замке, подумал Воронцов, только между нами нет стекла.

Наташа за руку подвела его к дивану, села в уголке, положила голову на плечо Дмитрия. Он осторожно обнял ее за талию.

— А ты правда из-за меня не женился? — шепотом спросила Наташа.

«Везде вам нужно найти повод для тщеславия», — чуть не ответил он то, что вдруг пришло ему в голову, но сдержал готовую сорваться фразу. Сказал иначе:

— Обязательно тебе нужно знать — почему, отчего... Угадай лучше, в чем смысл. За столько лет ни разу не встретились, а именно сейчас это вдруг случилось. В мой прошлый приезд ничего бы у нас не вышло. Нет?

Наташа не ответила. Она думала о своем.

— Все-таки почему ты тогда так бесповоротно отказался от меня? — неожиданно спросила она. — Сейчас я вспоминаю... Я ведь ничего по-настоящему не решила. Если бы ты прие-

хал, пусть на день, на два, все могло бы получиться совсем по-другому.

— Брось. Не обманывай себя. — Воронцов посмотрел в потолок, по которому скользили зеленоватые тени. — Ничего бы не было. В твоем тогдашнем возрасте отвергнутых поклонников обратно не принимали. Их тем больше презирали, чем они настойчивее добивались. Это с годами вы начинаете ценить каждого влюбленного в вас мужчину. А в двадцать лет жизнь кажется бесконечной и за каждым углом чудится новый капитан Грей... Только, правда, разговоры эти сейчас ни к чему, теория...

Они снова начали целоваться.

Потом Наташа, совсем, кажется, потерявшая голову и свою обычную сдержанность, вдруг резко отстранилась, высвободилась из объятий Воронцова, встала, одернула платье, провела обеими руками по лицу, убирая с глаз волосы, и, ничего не сказав, вышла из комнаты.

Дмитрий подумал, что она сейчас вернется, но ее все не было, а с кухни стали доноситься характерные звуки.

— Иди, я тебя обедом буду кормить, — позвала Наташа. — Если хочешь в комнате, выдвинь стол на середину.

— Придумала — в комнате. Тарелки-то мне придется носить, а я отвык. Давай на кухне.

За столом они вели легкий, совершенно нейтральный разговор, молчаливо согласившись, что еще не время обсуждать перспективы дальнейших отношений. Воронцов заодно решил не делать пока и попыток пробудить ее память о встрече в Замке, хотя средство для этого имел безотказное. Он просто не видел необходимости в таком шаге. Достаточно и тех проблем, которые возникли сами собой и которые предстоит решать. С Левашовым, его друзьями и пришельцами, буде они себя проявят. Если и Натали окажется сюда замешанной, у него просто не хватит душевных сил. Пока он может отвечать и решать только за себя. А Наташа — пусть она останется его запасной позицией, тем рубежом, куда можно отступить.

«Мыслю только фронтовыми категориями», — с иронией подумал он, но ирония, признаться, получилась вымученная.

— Давай куда-нибудь сходим сегодня, — предложила Наташа. — Сто лет никуда не выбиралась. В театр, например, или даже в ресторан...

Ему очень не хотелось ей отказывать.

— Давай, — согласился он. — Только вот встреча у меня одна назначена. Исключительно деловая, с товарищем и колле-

гой... — Он посмотрел на часы. — Можно бы ее, конечно, отменить, но там еще и другие люди завязаны, я же не знал, что тебя встречу... Давай так. Я туда быстренько сбегаю, постараюсь в час или два уложиться. И — в полном твоем распоряжении. Идет? А ты пока думай, что и как. Полный тебе карт-бланш. Но ежели хочешь знать мое мнение, так я за ресторан. На искусство не очень тянет. А вот «Прага», к примеру, зимний сад... Помнишь?

— Помню, конечно, — вздохнула она. — Только мы туда не попадем. Отстал ты от жизни, сейчас не семьдесят первый год.

— Как раз здесь вопросов нет, — успокоил он ее. — Не бывает ресторана, куда не пустили бы капитана Воронцова, тем более — с дамой.

Он вздернул подбородок жестом не то Цезаря, не то Остапа Бендера.

— Ох, Дим, какой ты был, такой остался...

— Чем и хорош. Жаль, что, кроме тебя, это никто не ценит.

Наташа наморщила лоб.

— Слушай, опять то же ощущение. Мучительно стараюсь вспомнить. Кажется, в том сне ты очень похоже говорил... Вообще, как будто все уже второй раз повторяется.

— Конфабуляция, она же — ложное воспоминание. Есть у психиатров такой термин. У всех бывает. У меня довольно часто.

— Дим, давай, ты сегодня никуда не поедешь, — жалобным тоном попросила Наташа. — Не по себе мне как-то. Словно боюсь, что не увижу тебя больше. Исчезнешь — и все. Я ведь и адреса твоего не знаю, вообще ничего о тебе...

Был бы он верующим, наверняка бы перекрестился. Можно бы также трижды сплюнуть через плечо или произвести иные ритуальные действия. К его настроению только Наташиных слов и не хватало. «Исчезнешь — и все». Знала бы она, насколько близка к истине в своих интуитивных опасениях.

— Брось ты... — как можно небрежнее сказал Воронцов. — Я на два часа, не больше. Слово русского офицера. А адреса у меня в Москве нет. В Питере — да, имеется. Телефон разве Олегов дать... — и тут же прикусил язык, вспомнив свои и Антона опасения. — Хотя я к нему заходить не буду. Так, переговорим накоротке... Вот багаж свой я у тебя брошу. В залог. Я же с моря еду, так все в машине и лежит. Не против?

— Оставляй, конечно. А я пока буду ждать и собираться. Как там у вас говорят — форма одежды парадная?

— Примерно. — Воронцов посмотрел на часы. — Сейчас семнадцать. Ждут меня к восемнадцати. Значит, в двадцать нуль-нуль буду как штык. Плюс-минус десять минут на превратности судьбы и уличного движения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Самое смешное, — думал Воронцов, — заключается в том, что я всегда был уверен в особенности своего предназначения».

Тут он не отличался особой оригинальностью. Неизвестно, найдется ли человек, считающий себя хуже других, заведомо ориентированный на беспросветную банальность и никчемность отпущенной ему жизни.

Разница состояла лишь в том, что и в прошлом, и тем более теперь уверенность Воронцова имела конкретные подтверждения.

Наверняка не он один рисовал в воображении картины необыкновенных приключений, дальних странствий, геройских подвигов. И уж, конечно, большинство потерпевших неудачу в любви (особенно первой) мечтали о реванше, в чем бы он ни выражался. Однако мечты эти обычно мечтами и оставались. У него же получилось совсем иначе.

Откинувшись на спинку сиденья, свободно положив руки на обтянутое кожей кольцо руля, Дмитрий перебирал в памяти подробности только что происшедшей встречи, сравнивая их со своими грезами, которые время от времени посещали его на протяжении всех минувших лет.

И не мог не признать, что все получилось даже лучше, чем ему представлялось. Было все — и внезапность встречи, и ее ко времени подоспевшая свобода от семейных уз, готовность Наташи ответить на его постоянство и верность юношеской любви — и ее признание в том, что она ошиблась и сожалеет о своей ошибке...

Воронцов даже не замечал, насколько сама встреча и его теперешние мысли о ней отдают классической индийской мелодрамой. Несмотря на то, что сам мелодрам не любил — ни в книгах, ни в кино, ни в реальной жизни. А если бы заметил, то скорее всего засомневался: все ли в происшедшем вызвано есте-

ственным ходом вещей и нет ли чего, так сказать, привнесенного извне?

Но ведь может человек на какое-то время расслабиться, забыть хоть на немного о своем трезвомыслии и скептицизме, обыкновенным образом порадоваться жизни?

Вот он и размышлял, как хорошо бы забыть обо всем, в том числе и об Олеге с его компанией, провести оставшиеся два месяца отпуска с Натали, целыми днями бродить по улицам и музеям, вечерами — по театрам и ресторанам или рвануть в Сухуми, на вроде бы теперь принадлежащую ему дачу... Сполна насладиться абсолютным исполнением всех желаний, что приходили к нему бесконечными вахтами. Желаний заведомо тщетных, оттого и по-особенному волнующих...

И ведь не заставляет никто поступать по-другому. Разве перед инопланетянином Антоном стыдно? А чего стыдиться? Он ведь, в принципе, поймал его на «слабо» — изящно оформленное, но все же... А ведь с детства известно: «На слабо фраеров ловят». А вот поди ж ты! Остается утешиться другой мудростью, неизвестно когда и где подхваченной: «Мечтать о чем-либо — значит обладать многим, получить что-либо — значит тотчас все потерять». Прямо будто про него...

Одна надежда, что «тотчас» — понятие достаточно растяжимое.

Время у него еще было, и он сначала заехал в «Прагу», заказал двухместный стòлик — именно там, где хотел. Трудности, естественно, возникли, но разрешились сразу же, как только в руке мэтра исчезла зеленовато-серая десятидолларовая бумажка. Сам Воронцов не до конца понимал механизм особой власти данной продукции Федерального резервного банка США над работниками отечественной сферы обслуживания, но пользоваться им умел. Были и другие способы, тоже вполне эффективные, однако они требовали гораздо больше времени и сил, да и уважение, достигаемое с их помощью, имело оттенок несколько вымученный.

А так всего через десять минут, сделав предварительный заказ, он уже легко сбегал вниз по беломраморной, украшенной зеркалами лестнице, уверенный, что все будет сделано по высшей категории.

Развернувшись на заставленной машинами площадке, Воронцов выбрал подходящий момент и стремительно бросил взревевший мотором «БМВ» в проносящийся сквозь Калининский проспект автомобильный поток.

Ему еще хватило времени заскочить в ближайшую «Березку» и оставить там все свои инвалютные ресурсы, загрузив взамен багажник коробками, пакетами и свертками, содержимое которых не могло оставить равнодушной и гораздо более привычную к красивой жизни женщину, чем Наташа в ее нынешних обстоятельствах.

Настроение постепенно пришло в норму, он уже с обычной иронией думал о посетившей его на миг душевной слабости, отнеся ее на счет общей усталости и слишком эмоционально пережитой встречи. Дмитрию даже стало казаться, что и опасения Антона преувеличены, история с пришельцами всех родов и видов благополучно завершена, сегодняшняя беседа с Левашовым, Новиковым и прочими это подтвердит, и он со спокойной душой вернется в дом напротив Рижского вокзала.

Воронцов успел представить с приятно замирающим сердцем, как Наташа сейчас уже начала собираться, сидит перед зеркалом, нанося на и без того красивое лицо вечернюю боевую раскраску, и то, как все будет вечером и после. Начал впрок набрасывать краткие тезисы застольной беседы, шутки и тосты, в меру остроумные и с подходящим подтекстом, одним словом — разрабатывать диспозицию...

А через минуту все пришлось забыть.

Он затормозил, потому что улицу перед ним перекрывало ограждение из красных металлических решеток, охраняемое милицией. Воронцов собрался заглушить мотор, но, вовремя вспомнив о магической силе номеров своей машины, коротко и требовательно просигналил.

Прием сработал безотказно. Командовавший нарядом лейтенант махнул рукой, сержанты дружно сдвинули решетки и вдобавок козырнули.

Предчувствие, кольнувшее в сердце, не обмануло Дмитрия. Он понял это, увидев перед знакомым домом скопление пожарных, санитарных, милицейских и просто начальственных машин. Припарковался рядом с ними, но чуть в стороне, чтобы не слишком бросаться в глаза и в случае необходимости без затруднения исчезнуть.

Угол дома. Как раз тот, где помещалась квартира Левашова, выглядел необычно. Необычно для мирного времени и в зоне, безопасной в сейсмическом отношении. Два нижних этажа остались на месте, а выше громоздилась груда камней, из которой торчали погнутые двутавры, обломки балок и половиц. Обрушился как раз стык фасадной и торцевой стен, метров по де-

сять в каждую сторону, раскрыв угловые квартиры, как театральную декорацию. Часть мебели в них раздробило и сплющило рухнувшими стенами и деталями покрытий, часть разлетелась по тротуару и газонам перед домом, остальное так или иначе удержалось на своих местах.

Оттесненная милицией и пожарными во внутренний двор толпа жильцов пострадавших квартир, соседей и случайных прохожих шумела и волновалась. Слышались оттуда истерические крики и женские рыдания. В воздухе носилась известковая пыль и ощущался запах газа.

Покусывая губу, Воронцов подошел к группе офицеров с ключами и молотками на петлицах, где давал указания молодой и резкий подполковник.

Подождав, Дмитрий вклинился в разговор.

— Жертвы есть? — отрывисто спросил он.

— Покойников нет, а покалеченные имеются. Разной степени тяжести, — с разгону ответил подполковник.

— Причину выяснили? — продолжал Воронцов сбор информации.

Подполковник взглянул на него будто бы с сомнением, но Дмитрий успокаивающе коснулся левого нагрудного кармана, словно намереваясь вытащить лежащее там удостоверение.

Этого жеста оказалось достаточно.

— Непосредственная причина — разрушение стен третьего этажа. Но чем оно вызвано... Что-то тут странное произошло.

Воронцов кивнул и отошел. Он уже и сам сообразил, что имеет в виду пожарный начальник.

Здесь напрашивалась отчетливая военно-морская ассоциация. Такие именно повреждения мог бы вызвать, к примеру, бронебойный снаряд главного линкоровского калибра (типа «Нью-Джерси», допустим), если бы он попал как раз в стену квартиры Левашова, прошел, не разорвавшись, навылет и, разумеется, разнес в пыль и обе стены, и все, что находилось между ними. А уж после этого, лишенные опоры, рухнули верхние этажи.

Но поскольку на самом деле из шестнадцатидюймовых пушек здесь никто не стрелял, оставалось предположить, что сбылись (и так быстро!) слова Антона и не кто иной, как означенные пришельцы-аггры, начал действовать.

Неизвестным, но вполне очевидным способом они изъяли из дома всю квартиру Олега целиком...

Воронцов специально подошел вплотную, потрогал стену ру-

кой. Все верно. Срез прошел точно, будто сделанный лазерным лучом, и только обвал двух верхних этажей и вторичная деформация конструкций слегка маскировали сверхъестественность случившегося.

Но специалисты, конечно, быстро все сообразят. И станут в тупик. Для собственного успокоения скоренько разберут развалины, наверное, уже сегодня ночью, и обсуждать будет нечего. До ученых просто дело не дойдет. Да и что они скажут?

А технику-смотрителю жэка объявят выговор. На том все и кончится.

Воронцов повернулся и не спеша пошел к машине. Ему снова стало не то чтобы страшно, а не по-хорошему жутко. Как там, в сорок первом, на лесной дороге. А может, и хуже. Все-таки война есть война, и вещи, хотя и трагические, но для войны обычные, совсем иначе воспринимаются в мирное время.

С тем, что Олега больше нет, придется смириться. Он скорее всего жив. Для того чтобы просто убить человека, нет необходимости извлекать из дома кусочек объемом кубов этак в двести.

Если только им не понадобилась именно квартира. Из-за ее содержимого. А содержимое как раз им понадобиться могло. Левашов показывал ночью комнату, забитую полученной от инопланетянки Ирины аппаратурой...

Чтобы попытаться выяснить судьбу Левашова, придется обращаться к Антону. Ничего не поделаешь. То есть — никуда он от этого дела не ушел, как Антон и предвидел.

Воронцов, не сдержавшись, выругался вслух. Стоявший поблизости милицейский сержант заинтересованно вскинул голову, ожидая продолжения. Дмитрий сделал грозное лицо. Открыл дверцу, сел, положил руки на руль. Полез в карман, нащупал пустую пачку от сигарет и еще раз не сдержался. Но уже шепотом.

В конце концов, можно и по-другому. Показать Антону и всем прочим, что не такие уж они психологи и пророки. Послать их всех к черту. Наплевать и забыть. Олега нет. Его не вернешь. Смешно думать, что человек — существо жалкое, слабое, полудикое — может всерьез рассчитывать играть на равных с субъектами, свободно устраивающими такие вот штуки. Свободно манипулирующими пространством и временем.

А мы? Словно папуасы какие-нибудь развивающиеся, заманили белого колонизатора в яму, замаскированную сучьями и травой, стукнули по голове бамбуковой оглоблей и в полном

восторге от своей лихости начали веселиться, пить пальмовое вино и закусывать малосольными ананасами.

В то время как другие колонизаторы, которые в яму не попали, похватали автоматы, погрузились в вертолет — и вот они! Прилетели наводить порядок.

Очень убедительная аналогия. И в его, воронцовском, положении самое разумное — возблагодарить бога, что (и если) пришельцы лично до него не добрались. Ехать надо сей же час к Наталье и — вести ее в ресторан. Помянуть Олега как положено — и точка. Прицелы зачехлить, стволы вернуть в диаметральную плоскость, команду свистать к вину и на обед...

Воронцову показалось, что на него начали обращать внимание. Ожидать, пока кто-нибудь решит познакомиться с ним поближе или проверить документы, Дмитрий счел глупым. Да и делать ему здесь больше нечего было. Цепочка оборвана. Ни адресов, ни телефонов друзей Левашова он не знает. А если бы и знал? Логично предположить, что операция изъятия коснулась не только Левашова. Любая грамотная спецслужба брала бы всех причастных одновременно. Закон жанра...

Мотор тихо зашелестел, машина покатилась мимо изувеченного дома. Воронцов в последний раз посмотрел туда, где всего полсуток назад они сидели с Олегом за столом и Левашов излагал ему свою эпопею.

Наверное, если бы не было у него позади двух войн, он испытывал бы сейчас отчаяние, печаль и горечь потери друга. Теперь чувства были другие. Как у разведчика, потерявшего товарищей за линией фронта. Горевать там просто некогда. Надо думать, как в одиночку выбраться, остаться в живых. А если для этого сутками придется лежать в болоте, ночью ползти по минному полю и ножом снимать вражеских часовых — ничего не поделаешь, такая работа...

— Ну и как, капитан, вам эта хохмочка с яйцами? — услышал он за спиной знакомый голос.

Стиль требовал ответа быстрого и достаточно остроумного, но на это у Воронцова резерва эмоций уже не оказалось. Он стиснул пальцами руль, подержал так секунд пять, глубоко вздохнул, ослабил хватку и, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно, слегка повернулся к Левашову, уже поднявшемуся с пола и вытянувшемуся вдоль заднего сиденья:

— Шуточки у вас... низкопробные... мон шер. — Подумал и добавил: — Только прячешься ты, по-моему, зря. Думаешь, оре-

лики, которые полдома смогли выхватить и унести, через миллиметровую железяку тебя не разглядят?

— А очень может быть, — Левашов отвечал бодро и весело, незаметно было, что с ним только что произошло нечто из ряда вон выходящее, а по большому счету даже и невероятное. Впрочем, как раз для него, изобретателя установки совмещения пространства-времени, может быть, и вправду ничего такого не произошло? У монаха Бертольда Шварца взрывом разнесло дом, что здесь неожиданного? Профессиональный риск в пределах допусков.

— Я уже все обдумал. Или на них принцип неопределенности действует, или они, как тот охотник, при выстреле оба глаза закрывают. Техника-то у них классная, что скажешь... Стенка между мной и соседом — в два кирпича, так ровно ряд срезали, а другой остался. Я посмотрел...

— А подробнее если? У меня времени анализировать не было, и для дедукции информации не хватает...

— Да я ведь, может, не намного больше твоего знаю. Сидел ждал тебя. Посмотрел на часы, семнадцать пятьдесят пять было, точно. В дверь позвонила соседка. За деньгами пришла, за уборку подъезда. Я ей дал трояк. Она говорит — сейчас сдачу принесу. Пустяки, говорю. Она: нет, нет, как же, сейчас отдам — и идет к себе. Я машинально выхожу на площадку — и вот тут все и случилось. Сейчас не соображу, показалось или действительно: нечто вроде мгновенного свиста — и сразу стало очень светло на лестнице. Вместо моей стены и двери — открытый вид на улицу. На секунду я обалдел, тут же затрещали перекрытия, потолок стал пригибаться, мусор всякий посыпался, штукатурка с потолка начала отваливаться... Я соседку за руку — и под лестницу. Лестничные клетки прочнее, чем перекрытия...

— Это еще когда как, — вставил Воронцов. — Бывало и наоборот. Дом совсем новый, а пролеты все обрушены. В Порт-Саиде...

— Не спорю. Только мне перебирать варианты некогда было. Но не ошибся. Лестница уцелела. Я довольно резко выскочил во двор. Там уже крик поднялся, народ сбегаться стал, а я вдоль стеночки — и к трансформаторной будке. Ключ на всякий случай универсальный у меня при себе. Сообразил, что возле трансформаторов всякие вихревые токи, искривления полей и тому подобное. Не должны они меня там были заметить. Я в их электронике уже прилично разбираюсь...

Воронцов слушал Олега и думал, что, несмотря на грандиозные масштабы втянутых в конфликт сил, экзотически звучащие термины межзвездных стратегий и тактик, внешние результаты проявления этого величия вполне мизерные. И даже — отдающие некоторым провинциализмом. Казалось бы — суперцивилизация, власть над пространством, временем, перебросы энергии галактических масштабов — и в то же время с тремя земными парнями справиться не могут. Это было странно, непонятно, подозрительно и наводило на мысль: а нет ли здесь тонкого, хитро спланированного и замаскированного подвоха? От таких предположений все еще больше запутывалось, и голова казалась заполненной вместо мозгов сырыми опилками, как у одного из персонажей детской книжки.

— Залез я туда и стал тебя ждать... И все. Ты куда сейчас едешь? — спросил вдруг Левашов и приподнялся на сиденье, чтобы выглянуть в окно.

— Пожалуй, что никуда. Поскольку не знаю, как нам дальше быть. Сейчас на Таганку выезжаем...

— Наверное, не стоит тебя сейчас к нам тащить... — с сомнением сказал Олег. — Лучше ты меня возле метро выброс, прямо у самого входа. А попозже позвонишь... — Он назвал телефон Берестина. — Если же и там на мой случай что-нибудь похожее произошло — давай договоримся, как связь восстановим.

— Считаешь, в метро безопаснее? Тогда так: я через час звоню. Телефон не ответит — звоню еще раз, через три часа. Не получится, встречаемся в полночь на «Рижской». Внизу, возле эскалатора. Если что помешает тебе или мне — тогда завтра в девять утра на переходе с кольцевой на радиус на «Проспекте Мира». Годится?

— Да все равно... Ну а совсем на последний случай — завтра вечером, в двадцать один... Опять на «Рижской». Устроит или другие пожелания есть? — Чувство юмора Олег не утратил и сейчас.

— Боюсь, к завтрашнему утру нас и как звали забудут, если сегодня не увидимся.

— Да кто его знает... Люди через десяток лет встречаются. Ты еще два телефона запомни: Андрея Новикова и Саши Шульгина. Вдруг, да пригодится.

В разговор, который сам по себе звучал достаточно нарочито, они вложили все свои познания, почерпнутые из заграничных детективов и отечественных шпионских книжек. Ну а что

же поделаешь, если пришлось жить в мире, который стал похож на предписания метода социалистического реализма.

— Договорились. Надеюсь, все будет о'кей. Предчувствие такое. — И неожиданно Воронцов сказал то, чего говорить не хотел без крайней необходимости: — Но если даже что и случится... неприятное... — ты не мандражь. Чего-нибудь придумаю. На каждый газ есть противогаз.

Видимо, в голосе его прозвучали такие нотки, что Левашов насторожился. Он знал, что болтать из любви к искусству Воронцов не приучен и от сентиментального желания подбодрить друга ничего не значащими словами далек так же, как старушка — выпускница Смольного — от боцмановского сленга.

Но если так, то в чем смысл его слов? Но задумываться Воронцов ему не дал.

— Все. Приехали. Сейчас выскочишь — и метро прямо перед тобой. Может, тебе пистолет дать? — предложил он, имея в виду не столько реальную огневую мощь «беретты», как ее психологическое воздействие на Левашова.

— С каких это пор ты пушку при себе носишь?

— С сегодняшнего утра...

— Оставь себе. А лучше выброс, от греха. Спокойнее будет.

— Спокойнее уже никогда не будет... Ну, пошел! — скомандовал он, притирая машину к бордюру перед Павелецким вокзалом.

Левашов быстрым шагом, настороженно осматриваясь, но все же сохраняя достоинство и не переходя на бег, пересек тротуар и скрылся в потоке людей, втекающем в двери станции.

Воронцов постоял минуту, непонятно чего ожидая, прикинул, как быть дальше — ехать ли сразу к Наталье или еще покататься по городу и позвонить ей из автомата?

Решил, что любая шпиономания должна знать пределы, и резко включил скорость.

...Наташа ждала Воронцова. И не просто так, а творчески. То есть — мобилизовав все возможности своего гардероба и парфюмерно-косметического фонда, придавала себе тот внешний вид, который должен был убедить Дмитрия, что женщины лучше ее он не видел и не увидит впредь.

Однако ирония иронией, а и действительно в их внезапной встрече она увидела знак судьбы, от которой давно уже ничего хорошего не ждала. Жизнь после развода с мужем, оказав-

шимся совсем не тем человеком, который был ей нужен, воспринималась (да и была на самом деле) сплошной серой полосой, бесконечным чередованием не приносящих радости рабочих дней с пустыми вечерами, субботами и воскресеньями. Не очень частые выходы «в свет», то есть посещения более или менее интересных спектаклей, концертов, фильмов и выставок, или вечеринки в обществе таких же, как она сама, одиноких женщин, ничего не меняли.

Несколько коротких связей с мужчинами, подходящими кандидатами в новые мужья, не принесли ни радости, ни результата. Мужчины эти очень быстро оказывались всего лишь ухудшенными вариантами ее Сергея, людьми, на которых нельзя было ни положиться, ни опереться. И будущее представлялось абсолютно беспросветным.

И вдруг — невероятная, немыслимая встреча с Воронцовым. Единственным человеком, который любил ее по-настоящему и который — так она поняла теперь — мог бы в свое время стать именно тем в ее жизни, кого ей так не хватало. И что она поняла слишком поздно.

Та вспышка страсти, внезапная, неожиданная для обоих, что охватила их сегодня, окончательно подтвердила — с Дмитрием она сможет быть... ну, если и не счастливой, то хотя бы спокойной. Если... Если для него случившееся столь же важно и серьезно, как стало для нее.

Наташа долго выбирала платье, колеблясь между стилем ярким, праздничным, вызывающим (ведь шила же и такое неизвестно для чего) и строгим, приглушенно элегантным. Остановилась, наконец, на летнем костюме английского покроя, из легкой зеленовато-песочной ткани, к которому как раз хорошо подходили купленные сегодня туфли и подаренный свекровью к свадьбе топазовый гарнитур.

Потом она долго возилась с прической, с особым тщанием наносила макияж.

Наконец все было готово. Наталья Андреевна смотрела на себя в зеркало и понимала, что достигла предела своих возможностей. И если Воронцов не оценит сегодня ее стараний — иного шанса у нее может и не быть. Того, что мужчина мог желать в такой ситуации, Воронцов уже добился, а вот захочет ли он продолжения — зависит только от нее.

Время подходило к восьми, а он все не шел. Тщательно скрываемая тревога охватывала Наталью все сильней. А вдруг он больше не появится? Вообще. Мало ли что могло с ним случиться. От дорожной катастрофы до вмешательства соперни-

цы. Отчего и нет? Жил же он как-то все эти годы, и вполне может быть любовница в Москве. Даже наверняка. Для чего он тогда сюда приехал? Не к ней же, если смотреть правде в глаза. Он явно не монах, скорее напротив. На такого видного мужчину бабы летят, как мотыльки на свечу. Это только она сочла его недостаточно для себя хорошим.

Она как бы забыла, что всего восемь часов назад вообще не представляла себе Воронцова, как реально существующего человека, а сейчас ревновала его чуть ли не ко всем женщинам Москвы. Ревновала, не успев еще полюбить.

Ни читать, ни делать что-нибудь другое она уже не могла, только смотрела поминутно на часы, садилась и снова вставала, выходила на кухню и пила воду, чувствуя, что ее начинает сотрясать внутренняя дрожь, такая, как перед решающим экзаменом.

От звонка в дверь она дернулась и с трудом заставила себя не побежать, а выйти в прихожую спокойным шагом. И даже придала лицу надменное, несколько недовольное выражение — мол, опаздываете, Дмитрий Сергеевич, и только мое доброе к вам отношение заставляет извинить вашу возмутительную необязательность... А в душе она почти молилась: «Лишь бы это был он, лишь бы все было в порядке!»

Воронцов вошел веселый, с букетом метровых фиолетовых гладиолусов и, увидев Наташу, округлил глаза.

— Натали! Сражен наповал! Ничего ослепительнее я в жизни не видел последние пятнадцать лет. Позвольте, мадам, предложить вам руку и увлечь за собой на поиски приключений, кои ждут нас за пиршественным столом...

— Ну, Воронцов... — покачала она головой снисходительно, — ты все такой же. Что с тобой поделаешь... — И не удержалась: — А я уж было подумала, что ты передумал.

— Как можно? Пока Воронцов жив — он держит слово. Ты извини, я совсем быстренько переоденусь и побреюсь, если ты не против. Рядом с такой женщиной я не могу выглядеть, как биндюжник... — Он взял ее руку, провел ладонью по своей щеке и на секунду прижал к губам.

...Воронцов смотрел на Наташу, сидящую напротив, и на ее отражение в зеркальной стене, к которой был вплотную приставлен столик, смотрел и чувствовал, что заноза, много лет сидевшая в сердце, то месяцами не дававшая о себе знать, а то

без видимых причин начинавшая вновь шевелиться, вызывая саднящую боль, теперь исчезла.

Никогда у него не было так легко на душе. Несмотря на все происшедшее сегодня с Левашовым и на то, что еще ждет его, всех их, в недалеком будущем.

«Довлеет дневи злоба его». А все посторонние мысли и дела — завтра. Вообще все — только завтра.

Достаточно того, что Левашов благополучно добрался до своих друзей. Агтры там скорее всего его не найдут, есть у Олега по этому поводу какие-то свои специальные соображения, будем надеяться — основательные.

А он, Воронцов, хочет сейчас только одного — смотреть на Наташу, говорить с ней, танцевать, наливать в ее бокал пузырящееся шампанское и благодарить судьбу. Как там у Тютчева: «На мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной...» А может, не совсем так, и не у Тютчева, а совсем даже у Пушкина, он не помнил точно. Сентиментальны его мысли и желания, глупы и примитивны? Ну и пусть. Ему хорошо. Наташа с ним — вот что важно...

Он читал ей стихи. В основном Гумилева, три книжки которого купил лет десять назад по случаю — с рук — в Ленинграде, и с тех пор считал, наравне с Лермонтовым, лучшим из русских поэтов.

— Вот ведь ерунда какая, — говорил он. — Кого только у нас не печатают. Антисоветчика Бунина, крепостника Фета, феодалов всяких и рабовладельцев, иностранцев — само собой, далеко не марксистов, а Гумилева — нет. Никто уже и не помнит, когда его расстреляли и за что, участвовал он в заговоре или нет. Темное дело. Цветаева вон какие стихи белогвардейские писала — «Лебединый стан», и ничего. Великая поэтесса. Савинкова помиловали, а уж тот действительно враг был... Бред в буквальном смысле. Или нечистая совесть...

И снова читал.

Наташе было все равно. Гумилев ее не интересовал, но ей приятно было слушать Воронцова, и она поддерживала разговор.

— А мне кажется, что он слишком манерен. Позер, я бы сказала. Красивостей чересчур...

— Значит, я тоже такой, потому что мне именно это в нем нравится. Будто я сам все написал. Ну, разве не великолепно?

Застонал я от сна дурного
И проснулся тяжко скорбя:
Снилось мне — ты любишь другого
И что он обидел тебя...

Впрочем, если не нравится — брошу.

Расскажи еще что-нибудь о себе. Как ты жила, что интересного с тобой случилось...

Подтянутый, как кайзеровский офицер, официант, облаченный к тому же, волею общепитовского начальства, в черную пару с серебряными лампасами и витыми шнурами на плечах, то и дело возникал у столика, что-то убирал, добавлял, переставлял, очевидно, должным образом сориентированный метрдотелем; его подчеркнутая предупредительность наглядно подтверждала роль материальных стимулов в сфере обслуживания, но раздражала Воронцова, потому что все время прерывала нить разговора.

Наташа говорила тихо и грустно:

— Я ведь тоже вспоминала тебя. Нечасто, — она старалась быть искренней. — Когда мне тоже бывало плохо. Очень мы были глупые тогда... — вздохнула она.

«Кто глупый, а кто и нет...» — подумал Воронцов. Она словно уловила его мысль.

— Не думай обо мне слишком плохо. Ты тоже виноват. Ты был... не в меру деликатен тогда. А надо было вести себя решительней. Вот как сегодня. И никуда я от тебя не делась...

«Чудо как здорово. — Воронцов с трудом сдержал улыбку. — Посмертный инструктаж, можно сказать...»

Он прикрыл ладонью ее лежащую на столе руку.

— Оставим это. Все было правильно, наверное. Пойдем лучше потанцуем.

Когда они вернулись, места их были заняты. Парень лет около тридцати, поразительно похожий одновременно на артистов Ливанова и Тихонова, когда они были в соответствующем возрасте, сидел на Наташином стуле и рисовал ручкой ножа узоры на крахмальной скатерти, а другой, человек годами ближе к пятидесяти, толстый, носатый, с неухоженной седеющей бородой, но в безупречном синем костюме, опирался локтем о стол и с радушной улыбкой смотрел на приближающегося Воронцова. У Дмитрия захолодели пальцы рук, и он отчетливо ощутил тяжесть «беретты» во внутреннем кармане пиджака.

— В чем дело? — спросил он как можно вежливее у старшего. Тот с готовностью поднялся, старорежимно шаркнул ножкой.

— Простите великодушно, что позволил нарушить ваше уединение. Но если позволите — буквально на пару слов. Дело совершенно неотложное.

Он сделал жест рукой, его спутник тоже подскочил, согнулся в талии, пропуская Наташу на ее место, и пересел на стул Воронцова.

— Мой товарищ пока займет вашу даму, а вас я попросил бы отойти в сторонку. Хотя бы на лестницу или в курительную...

Дмитрий поймал недоуменный взгляд Наташи. Кивнул ей небрежно-успокаивающе.

— Я сейчас, Натали.

В холле неожиданный собеседник указал на кожаный диван в углу.

— Итак? — поинтересовался Воронцов, извлекая из протянутой ему пачки длинную черную сигарету с серебряным ободком, а перед глазами вдруг всплыла сцена фильма из нэповской жизни — стрельба в ресторанном зале, визг женщин, звон стекол, прыжок в окно и отчаянный бег по крышам. Увы, не те времена, не тот этаж, и вообще тут другой случай, судя по всему.

— Мы, видите ли, разыскиваем известного вам Олега Левашова. У нас с ним в Одессе были свои дела, а встретиться перед его отъездом не удалось. Ну, сами знаете, как бывает... — В произношении этого странного человека, только что безукоризненно русском, вдруг отчетливо зазвучал классический, литературно-фольклорный акцент. — И вот нам стало известно, что вы его близкий друг, вы с ним виделись ночью, так не могли бы вы помочь нам его отыскать?

— Виделся. Эт-точно. И ночевал. Пока не нашел более подходящего места. — Воронцов принял предложенные условия игры. — Восхищен вашими способностями. Найти человека в Москве... Я себя подразумеваю. Это надо уметь. Вам бы ваши способности сразу по назначению употребить. Неужто Олега труднее разыскать, чем меня? А я тут проездом. И ждут меня, как видели... ничем не могу помочь.

— Не надо, — увещевающе сказал мужчина. — Не держите меня за мальчика. Вы же его подвозили сегодня...

— Ну, раз вы даже про это в курсе, так должны знать, где и как мы расстались и что я делал после этого. Нет?

— Знаем. А дальше?

— А дальше я здесь, а он... Я же не хирург, как у вас в Одессе говорили. Во времена Бабеля. — Он позволил себе этот маленький подкол. Чтоб не забывались. — Человек попросил, я подвез. У него свои дела, у меня свои. Если б у нас были другие планы, мы бы в другом месте и оказались. А так... Вы мою спутницу видели? На кой мне, простите, ляд, знать и думать про что-то

другое? Олег, допустим, тоже свои вопросы сейчас решает. Мне он станет нужен — я позвоню. И наоборот. Ву компрене?

— Это все, что вы имеете сказать? — голос «одессита» был так же ровен и даже ленив.

— Абсолютно. Сами посудите...

— Жаль. Искренне и глубоко. Выходит, не помогли вы нам.

— К сожалению. Вам бы сразу, — Дмитрий решил оставить последнее слово за собой, — не за мной ехать, а за ним смотреть. Делов-то — догнать человека в метро. Эскалатор один, направлений всего два. Я бы догнал, если б потребовалось.

— Возможно, вы и правы. Пойдемте, раз так. К вам у нас претензий нет. На данный момент. А там посмотрим... С Олегом сами разберемся.

Они вошли в зал, и Воронцов сразу же глянул в угол, на свой столик. Мало ли что... Но Наташа была на месте, более того, она так весело и заливисто смеялась, что на нее оглядывались.

— Ой, Дим, — сказала она, с трудом переводя дыхание и прикладывая платочек к уголкам глаз, — Миша такие анекдоты рассказывает... — И снова прыснула, не сдержавшись.

— Благодарю вас, — вежливо кивнул Мише-Воронцов. — Я бы тоже с удовольствием послушал...

— К сожалению, нам пора, — развел руками «одессит».

Все церемонно раскланялись. Уже уходя, «одессит» шепнул по-суфлерски:

— Отдыхайте в свое удовольствие. За ужин заплачено.

Воронцов сделал рукой жест, будто приподнимая над головой канотье.

— Правда, Дим, этот Мишка такой остроумный... Это твои знакомые? — Наташа взглянула на Воронцова и вдруг встревожилась. — Что случилось, Дим?

— Пустяки, не бери в голову.

Уже после полуночи они шли пешком по самым темным и тихим переулкам, держась за руки, как в юности, и время от времени останавливались и целовались там, где было потемнее. Воронцов все старался повернуться чуть боком, чтобы Наташа не почувствовала через тонкий тропикаль жестких углов пистолета.

И еще он часто оглядывался, будто ожидая внезапного нападения с тыла.

Войдя в прихожую, Дмитрий вдруг вспомнил, что подарки для Наташи так и лежат в багажнике, за всем происшедшим он о них напрочь запамятовал. Да оно, может, и к лучшему, сейчас вручить их будет уместнее. Исходя из того, что отношения стали гораздо определеннее.

Он вновь спустился во двор, проверил, на месте ли колеса, подергал дверцы. Автомобильные воры пока до машины не добрались.

Воронцов присел на скамейку напротив подъезда, закурил на сон грядущий.

Интересно все же, действительно ли Наташа так ничего и не помнит об их встрече в Замке? И ее эмоции и поступки совершенно искренни? На самом деле только и мечтала, когда в ее жизни появится отставленный за ненадобностью и, по идее, напрочь забытый поклонник? Фотография на полке вроде бы за это. Но может быть и второй вариант — продолжается внушенная Антоном линия поведения, которую Наташа изображала с экрана. А также и третий — одинокая женщина, измученная одиночеством, потянулась навстречу первому более или менее подходящему партнеру, а то, что он оказался давним знакомым, лишь упростило дело...

За спиной в кустах зашелестело, и Воронцов резко дернулся, рука сама метнулась к карману с пистолетом.

На освещенную дорожку выбежала мелкая пестрая собачонка.

— Тьфу ты... — выругался Дмитрий и нервно рассмеялся, вспомнив к случаю английскую шутку: «Джентльмен — это тот, кто называет кошку кошкой, даже наступив на нее в темноте».

«Однако как же держать себя дальше?!» — думал он, поднимаясь по лестнице с коробками под мышкой. Вроде бы Наташа недвусмысленно намекнула, вспомнив о его «чрезмерной сдержанности» в прошлом. Странные, казалось бы, сомнения для уверенного в себе и порядочно пожившего на свете человека, а вот поди ж ты...

Тихо войдя в темную прихожую, Воронцов понял, что его сомнения разрешились сами собой.

В глубине комнаты подрагивал огонек свечи, чуть слышно играл магнитофон, незнакомая девушка пела низким вибрирующим голосом: «Здравствуй и прощай, здравствуй и прощай, помни обо мне...» А Наташа ждала его, стоя у задернутого шторой окна, поразительно похожая на саму себя в тот по-

следний вечер, в который еще все могло случиться так, как он хотел, но не случилось, по его ли вине, по ее ли, кто теперь скажет...

Когда Наташа, успокоившись, лежала, обняв Воронцова, поглаживая пальцами его щеку, он сказал голосом, в котором звучало удивление:

— Смотри-ка, а у нас ведь совсем неплохая встреча получилась. Я, грешным делом, думал, что будет все гораздо хуже и вообще ничего не будет.

— Почему? — Она даже оттолкнула его от себя, привстала, опираясь на локоть.

— Успокойся, не в тебе дело. — Дмитрий вновь привлек ее к себе, поцеловал ладонь. — Просто есть в таких запоздалых встречах что-то... ненормальное. Я, по крайней мере, раньше так думал. Может быть — для самоуспокоения. Чтобы не слишком тосковать о тебе. Вот, послушай...

В листве березовой, осиновой,
В конце аллеи у мостка
Вдруг падал свет от платья синего,
От василькового венка.

Твой образ легкий и блистающий
Как на ладони я держу
И бабочкой неулетающей
Благоговейно дорожу.

И много лет прошло, и счастливо
Я прожил без тебя, а все ж
Порой я думаю опасливо:
Жива ли ты и где живешь?

Но если встретиться нежданная
Судьба заставила бы нас,
Меня бы, как уродство странное,
Твой образ нынешний потряс.

Обиды нет неизъяснимее:
Ты чуждой жизнью обросла,
Ни платья синего, ни имени
Ты для меня не сберегла.

И все давным-давно просрочено,
И я молюсь, и ты молись,
Чтоб на утоптанной обочине
Мы в тусклый вечер не сошлись...

— Фу, как жутко... Опять твой Гумилев?

— На сей раз нет. Эмигрант один... Они там все от ностальгии малость того.

— Ты и теперь так думаешь?

— Слава богу, что ошибся... Но думал, врать не буду.

— Дим, честно, — прошептала Наташа, касаясь губами его уха, — ты правда рад? Не будешь больше ни о чем вспоминать?

Воронцов молча стал ее целовать. Как раз на последний вопрос ответить он не мог.

Перед самым рассветом Воронцов осторожно, чтобы не потревожить Наташу, поднялся, вышел на кухню и уже там оделся. В несколько затяжек выкурил сигарету, глядя через открытую балконную дверь в затянутый серо-голубой дымкой двор, потом, окончательно решившись, достал из кармана футляр.

Мелькнула мысль: «Недолго удалось на воле погулять». Потом подумал, что, если придется задержаться, Наташа может неправильно понять, написал на салфетке крупно: «Извини, опять дела. Скоро вернусь. Целую. В. Д.»

И поднес к уху зажатую в пальцах фишку.

Все произошло точно так же, как в первый раз. Даже оказался он на том же самом месте перед входом в Замок. Очевидно, была в этом некая высшая целесообразность.

Привычно взглянув на часы, Воронцов знакомым маршрутом отправился на поиски Антона. Предположение о том, что они скованы теперь одной цепью и Антону, где бы он ни был, придется бросать все свои занятия и спешить сюда на рандеву, показалось Дмитрию забавным.

Но скорее всего тут должна работать более сложная схема. Основанная на независимости пространственно-временных координат.

Как бы там ни решались такие проблемы, а Антон оказался на месте и ждал Воронцова, прогуливаясь перед входом в адмиральский кабинет. Встретились они просто. Даже буднично, как сослуживцы утром в понедельник. И самочувствие у Дмитрия было соответственное. Даже не понедельничное, а как второго января.

Прошли в кабинет, сели по обе стороны письменного стола,

причем Воронцов, словно невзначай, на хозяйское место. Капитуляцию подписывать тоже надо, не теряя самоуважения.

— Ты мне одно скажи, — начал Воронцов без предисловий, — кто все же дурак, я или все вы?

— Ну-ка, ну-ка, поясни, — искренне заинтересовался Антон.

— Неужто надо пояснять? Пожалуйста. Вот это все, что у нас с тобой происходило, а теперь и вчерашние события... Как получается? С одной стороны — все ваши возможности (я сейчас различия не делаю, все вы для меня пришельцы), на мой взгляд, невероятные, а с другой — вопиющая бестолковость. Гнать таких работничков без мундира и пенсии. Любой наш дурак из соответствующих ведомств намного бы лучше и проще прокрутил подобную акцию.

— Подожди, — перебил его Антон. — Мы, кажется, об этом уже говорили. На наглядных примерах. Ты Арсеньева читал?

— Ну?

— Тебя не удивляло, что Дерсу Узала в тайге во всем превосходил автора, а ведь тот по развитию на века опережал тунгуса. Как бы не настолько же и мы обогнали вас... Во времена Арсеньева и теория относительности уже была, и самолеты летали, и Уэллс машину времени придумал.

— Это я понимаю. А конкретно? Почему вчерашние визитеры смогли разыскать меня и не нашли Олега? Почему изъяли квартиру, а хозяина прозевали? Почему вообще так одинаковы все их промахи и просчеты? На примере Левашова и его ребят они же могли уточнить свои методики, внести поправки на личности и еще вчера разделаться с нами полностью и окончательно. А то у меня складывается впечатление, что дело тут не в способностях и возможностях, а совсем в другом... И это другое мне совсем не нравится.

— Поподробнее про вчера, пожалуйста...

Воронцов рассказал, стараясь быть как можно более точным в деталях.

— Понятно, — кивнул Антон. — Кое-какие выводы можно сделать. Хотя я и не ожидал, что они бросятся в такие крайности. Но нам это даже на руку, пожалуй. А насчет твоих сомнений... Видишь ли, тут и психология, и чисто технические тонкости. Как во всяком чересчур централизованном, иерархическом обществе, функционеры у аггров ограничены в степенях свободы. Выходки твоих соотечественников требуют немедленных и оригинальных контрмер, а начальника, имеющего право на свободу решений, у них на Земле и поблизости нет.

Вот и получается. Но ты не обольщайся, если попадешься, они тебе и в пределах своей компетенции веселую жизнь устроят. Сейчас же картина складывается следующим образом: квартиру Левашова они изъяли вместе со всей начинкой — и тем самым лишили себя единственной надежной привязки. Те вещи, что он хранил, очень легко детектировались. Теперь, чтобы найти Левашова и его товарищей, им придется использовать обычные человеческие способы. Пройти по всей документированной у них цепочке связей, и все в реальном масштабе времени. Так что дня три-четыре в запасе есть. И даже больше, если принять меры противодействия — тут я помочь могу.

Он вытащил из внутреннего кармана горсть мелких, с вишневую косточку, серебристых деталек, похожих на транзисторы — с длинными тонкими усиками,

— Вот имитаторы. Или маячки, как угодно. Если их разместить в местах массового скопления людей, например, на вокзалах, в аэропортах, стадионах, а еще лучше — пристроить к постоянно перемещающимся объектам, они отвлекут на себя внимание противника, создадут как бы фантомы каждого из вас. Побегают... — Воронцов не разобрал последнего слова, прозвучавшего не то как ругательство, не то как некий специфический термин, относящийся к тем, кому предстоит бегать. — Но это все так, неделя, максимум — две... — Антон знакомым жестом щелкнул пальцами. — Могу предложить такой вариант: перебирайтесь сюда, в Замок. Тут вас никто не найдет и не тронет.

— Спасибо за приглашение. Замок — это вещь. Особливо в хорошей компании. А вот ты говорил насчет последствий. Что они, к примеру, могут сделать со мной? Если по правде? Убить — это я понимаю. А еще? Допрашивать меня не о чем, пытать просто так? Глупо. Высечь муху за то, что спать мешала?

— О, здесь ты их недооцениваешь. Сам факт причинения мучений врагу — уже удовольствие. Существенный компонент аггрианской культуры. Но не основной. А вот использовать врага в своих целях, заставить его делать то, что нужно тебе, да вдобавок наказать жестокими и бесконечными нравственными страданиями... Ты пойми, это же совершенно иной тип психологии, несоизмеримый с нашим, как бросок камня из пращи с запуском внепространственного зонда. Я изучал аггров много лет — и то постиг только поверхностные грани их нравственности. Если они сочтут кого-то заслуживающим наказания, они могут сделать его, к примеру, живым тренажером

в своих учебных центрах. Обладающим сознанием и памятью, но лишенным свободы управления собственным телом. Будут отрабатывать на нем варианты поведения человека в заданных ситуациях или новые способы психологического воздействия. Другой вариант — в тебя введут соответствующую программу и забросят в Древний Египет. И ты вынужден будешь в роли жреца, сановника, а может, и десятника на постройке пирамид выполнять предписанное: собирать и передавать информацию, вносить нужные коррективы в действия тех или иных исторических персонажей, шпионить за нашими, допустим, исследователями... Будешь все понимать, чувствовать, страдать от одиночества, ностальгии, ужасов тогдашней жизни, невозможности хоть что-нибудь изменить даже в рамках предложенной реальности, и все это будет длиться долго... Может быть — века. Потом тебя вернут обратно. Дадут пожить в свое удовольствие год или неделю, и — снова... Работа для таких «каторжников» всегда найдется. В новом воплощении ты можешь оказаться кем угодно: евнухом при дворе императора Цинь Ши-хуанди или, наоборот, наложницей шаха Аурангзеба, а то и Вечным жидом... Впрочем, Агасфер — далеко не так плохо... По крайней мере — смена впечатлений, обстановки, свежий воздух.

Все услышанное не то чтобы поразило Дмитрия, скорее — наполнило его душу горестным недоумением. До каких пределов бессмысленной жестокости может дойти... не человек, но вообще — мыслящее существо. И это после миллионов лет развития разума, которому следовало бы становиться все более и более гуманным.

А почему? — тут же возразил он сам себе. С чего это я взял? Это ведь только наше, европейское изобретение — гуманизм. И только. В Китае, Индии, вообще в Азии, да, наверное, и на других континентах такого понятия не было. Может, и в иных мирах оно совершенно необязательно. А мы, европейцы, не более чем мутанты. Умеющие, впрочем, запросто с сей обременительной деталью при необходимости расставаться. Мало ли что там Федор Михайлович насчет слезинки ребенка писал... Так Воронцов подумал, а вслух сказал:

— Тебя послушать, так для вас Земля прямо-таки натуральный театр... Развлекаетесь тут, проблемы свои решаете, а люди кто? Даже не так. Мы — это мы, а как вас называть? Вот ты, например, когда на мне экспериментировал, сильно от тех агтриан отличался?

— Сильно, — серьезно сказал Антон. — Разве ты сам не заметил? Во-первых, у нас все добровольно. Ты и сейчас сам ко мне пришел. Во-вторых, я ни в чем не вышел за пределы принятых у вас норм морали. В-третьих, вся моя проверка была направлена на выявление у тебя именно возвышенных качеств личности, а не низменных... И при сохранении свободы воли. Ну и в-четвертых: как раз против всего, что тебя так возмущает, мы и боремся. Не совсем теми методами, что привычны тебе, но это уже непринципиально. Ты удовлетворен?

И снова Воронцов не понимал, как же ему быть: верить или не верить Антону, и насколько, в чем?

Поверить ему — и как бы перестать быть человеком двадцатого века, вернуться к тем эпохам, когда землю, и небо, и души людей населяли злые и добрые демоны, нечистая сила, человек был бессилен перед роком и никто даже не слышал об историческом материализме.

И однако, однако... Есть ли у него основания обижаться? Разве не стала его жизнь куда более интересной и наполненной именно тем, чего так не хватало в предыдущей? Не о такой ли судьбе ему всегда мечталось?..

— Удовлетворен, — наконец ответил он. — По крайней мере, ничего другого мне сейчас не остается. А насчет твоего предложения подумаем. Если выхода не будет — скорее всего воспользуемся. А сейчас мне нужно возвращаться. Желательно в то же место и время.

— Не составляет труда. Прими один совет на прощание. Постарайся все-таки мне верить. Разве то, что я тебя все время убеждаю, когда мог бы просто внушить все, что угодно, — не доказательство?

— В какой-то мере да. И я тебе в основном верю. Но и ты пойми... Я с тобой разговариваю, как с человеком. Прочие твои ипостаси мне недоступны. Твоей человеческой составляющей я готов доверять. Ладно, — Воронцов взмахнул рукой. — Поговорили. Я пошел. И начнем смотреть: фильм «Звездные войны», серия вторая. «Империя наносит ответный удар».

— Подожди, — сказал Антон. — Что такое честь — мы тоже знаем. Чтобы ты не думал, что я тебя все время только в углы загоняю, прими в подарок... — он посмотрел на Дмитрия с совершенно искренним сочувствием и уважением, — или по ленд-лизу, как ты выражаешься... — Взял со стола лист плотной голубоватой бумаги с адмиральским вензелем, быстро набро-

сал на нем какую-то схему, под ней колонку формул и вычислений. Протянул Воронцову. — Вот, отдай Левашову. Он разберется. Если решитесь воевать в одиночку — пригодится. С помощью этой приставки сможете сами, без меня, синтезировать любые существующие на Земле предметы. Ничего подарочек, да? Рог изобилия! Система простая, Левашов с его способностями за час постигнет. Ваше счастье, что он свою установку не дома хранил...

Воронцов спрятал бумагу в нагрудный карман.

— Спасибо. Боюсь, что нам придется с тобой встречаться.

— Я тоже на это надеюсь. Хочешь ты этого или нет, а жизнь у тебя пошла нескучная.

— Я и раньше не слишком жаловался.

— Постарайся только не делать глупостей.

— Это я тебе обещаю. В пределах своего разумения... Так я пойду?

— Иди, дверь открыта.

Еще секунду кабинет адмирала Григоровича и кухня Наташиной квартиры сосуществовали в одном объеме пространства, и выглядело это довольно странно, потом потусторонний интерьер обрел полную материальность, а обстановка, окружающая Антона, исчезла вместе с ним.

Электронные часы на холодильнике показывали то же самое время. До минут. На секунды Воронцов, уходя, внимания не обратил.

В комнате тоже ничего не изменилось. Наташа лежала на боку, подложив под щеку ладонь. Легкое одеяло сползло на пол. Воронцов, остановившись в двух шагах, смотрел на нее, будто видел впервые.

«А и действительно, вот так — впервые...» — подумал он с нежностью и грустью. Впервые она полностью принадлежит только ему. И, как ни печально, скорее всего — только до утра. До совсем уже недалекого утра. А что будет потом — не сумеет предсказать даже вездесущий и всеведущий Антон. Который, может быть, наблюдает за ним и сейчас. Из праздного любопытства или в оперативных целях. Ну и бог ему навстречу, как говорил все тот же боцман с соседнего тральщика.

Воронцов разделся, осторожно накрыл Наташу одеялом и лег рядом с ней.

До подъема флага вполне можно еще часика три поспать.

Дипломатическое интермеццо

Глиссирующий диск, едва касаясь пенных гребешков прибрежных волн, с точностью хоккейной шайбы влетел в узкие ворота бухты, образованные башнеобразными, покрытыми густым лесом утесами, теряя скорость, лег на тихую, насквозь просвеченную солнечными лучами воду, прочертил по ней плавную дугу, по причальному пандусу выскользнул на берег и замер, сверкая зеркальным покрытием днища.

Антон — под этим именем его знали на Земле, и мы будем называть его так и здесь, хотя у него есть и собственное, достаточно громкое имя, — оттолкнувшись руками, выпрыгнул из глубокого кокпита диска на вымощенную разноцветными каменными плитами террасу.

После свиста ветра в ушах и гула воды под палубным настилом тишина на острове показалась ему чересчур глубокой. Захотелось даже потрясти головой, как пассажиру слишком быстро снижающегося самолета. Сюда, на площадку у подножия берегового откоса, не доносился ни шелест тропического леса, ни тихий плеск набегающих волн. И вместе с тишиной на него снизошло ощущение покоя, неведомого на тревожной планете, где он безвыездно провел несколько последних лет.

Правда, глаза раздражали краски, слишком яркие и насыщенные после мягкой цветовой гаммы Земли. На взгляд человека, все здесь было слишком: густо-фиолетовый океан, безоблачное, с изумрудным отливом небо, раскаленное до нестерпимой белизны светило в зените, слепящее даже сквозь самые плотные светофильтры, сверкающий оранжевый песок пляжей, безвкусно-сочная зелень деревьев...

Антон поморщился, достал из кармана рубашки и надел мгновенно потемневшие очки. Он рассчитывал провести здесь, на административной планете метрополии, всего несколько часов, а затем вновь возвратиться на Землю. И потому не стал проходить процедур рекондиционирования, обычных для форзейлей, прибывающих из чужих миров.

Оттого и лучи родного солнца жгли слишком уж немилосердно, и от избытка кислорода першило в горле. Час-два на открытом месте грозили серьезными ожогами, а то и тепловым ударом, и Антон заспешил вверх по крутой зигзагообразной лестнице, вроде бы обычной, однако для человеческого глаза,

безусловно, чужой по архитектурным пропорциям. Чужой на уровне подсознания. Как лица людей в незнакомом городе.

В тени широких зонтичных крон, между продуваемых прохладным бризом узловатых розовых стволов ему сразу стало легче.

Новое здание Департамента, повисшее над крутым океанским берегом, умело и с большим вкусом вписанное в горный ландшафт, напоминало Антону лучшие образцы земных построек, тот же знаменитый «Дом над водопадом» Райта, своим сочетанием горизонтальных и вертикальных объемов, расположенных на разных уровнях и под разными углами плоских параллелепипедов, неожиданным сочетанием дикого камня, дерева и стеклобетона. В сооружении чувствовалась рука талантливого, а может, даже и гениального архитектора.

Оно появилось здесь недавно, и Антон, усмехнувшись, подумал, что ничего не меняется в метрополии и эта мода — каждому новому администратору возводить новую резиденцию — тоже.

Он еще не был представлен Председателю совета администраторов Департамента активной дипломатии, но встречался с ним в его прежнем качестве и не мог не признать, что выбор сделан не самый худший. Хотя, как опытный профессионал, относился к выдвиженцам с легким пренебрежением. Возможно, из-за неистребимой, многовековой кастовости, столь же свойственной форзейлианским дипломатам, как и всем прочим их коллегам в обозримой части Вселенной.

Разумеется, он никогда не позволил бы себе даже намеком выразить подобное отношение к своему пусть временному, но руководителю, да и справедливость требовала согласиться, что талантливый философ-политолог, писатель и мыслитель более способен к принятию нетривиальных и взвешенных решений, чем погрязший в рутине чиновник.

Его уже ждали, и ярко-зеленая стрела, вспыхнувшая на полу вестибюля, повела его по лестницам и переходам, через предупредительно распахивающиеся двери, туда, где должна была произойти аудиенция у председателя, экстренной связью потребовавшего шеф-атташе с Земли для личного и конфиденциального доклада.

Случай явно неординарный и потому — неприятный. Заведомо. Обычный протокол предусматривал приглашение на отдых на одну из курортных планет, а уже после этого, как бы ме-

жду прочим, организовывались необходимые встречи и собеседования...

Председатель встретил его на пороге просторной веранды, открытой в сторону поросших серебристыми травами альпийских лугов. Конечно, это он — профессор Бандар-Бегаван, крупнейший знаток и теоретик неканонического права, автор десятка нашумевших книг, непременный лидер всех академических оппозиций, эстет и экстремист... Но многое, значит, изменилось в метрополии, раз именно его сочли подходящим на этот пост.

Худой, жилистый, подтянутый, похожий на прусского генерала в отставке, одетый в светлый, земного покроя костюм, председатель первый протянул Антону руку, потом полуобнял за талию и повел к низкому столу. Уже накрытому для первого ужина. Антон еще более насторожился. Наряд профессора показывал, что он полностью поглощен делами именно планеты Земля. Это же подтвердил и выбор блюд, и то, что Бендар-Бегаван заговорил по-русски.

С одной стороны — знак уважения приглашенному сотруднику, но и деликатный упрек. Пока деликатный.

— Рад видеть тебя, уважаемый шеф-атташе, надеюсь, я не слишком нарушил твои планы? Насколько я помню, ты занимался в моем семинаре?

— Имел такую честь. Но должен признать, что особых успехов, по вашему же мнению, не проявил.

— Это и неудивительно. Ты выдающийся практик, как мне известно, мой же предмет принципиально далек от практического применения.

— Тем не менее вы тоже теперь призваны к самой что ни на есть практической работе.

— Диалектика, уважаемый. Нет ничего практичнее хорошей теории, если, конечно, углубиться в нее как следует, а не в пределах факультативного курса... Что будешь пить? Чай, кофе, мате, кокосовое молоко?

— Я бы, конечно, с удовольствием выпил чего-нибудь более отечественного, например, свежего синтанга, но раз уж вы тоже в образе, пусть будет чай.

Бендар-Бегаван налил Антону хорошо заваренного липтоновского чая и как бы между прочим заметил:

— А вот в этом виноват ты сам. Незачем было нарушать конвенцию и переходить к силовым приемам. Договоры должны выполняться. А теперь я вынужден носить этот костюм, заби-

вать себе голову варварской грамматикой и пить с тобой чай, да еще и думать, во что это выльется. В то время как думать положено тебе, а мне следует мыслить... Чувствуешь разницу? Нужно признать, есть в этом языке некая примитивная изысканность.

На этом Бандар-Бегаван оставил маску старомодного, чудаковатого, хорошо воспитанного землянина-профессора, видимо, навеянную просмотром видеолент не совсем того периода, сочтя долг вежливости исполненным, а разминку законченной. Дальше начался разнос — тщательный, хорошо подготовленный, ничуть не смягчаемый тем, что производился в рамках изысканной беседы двух интеллектуалов-теоретиков. В конце концов дело ведь не в форме. И какая разница, что вместо фельдфебельского: «Кретин, у тебя не голова, а лохань с дерьмом (шайзекюббель)», звучит: «Коллега, ваши действия с известной долей деликатности можно назвать непродуманными», если обе стороны понимают, в каком смысле это произносится?

Шеф-атташе выслушал подробный разбор и оценку своих действий за отчетный период, из которых следовало, что абсолютно все делалось не так, и если в стратегическом плане вина уважаемого коллеги не так велика, потому что он некритично следовал линии и инструкциям прежнего руководства, чья несостоятельность, к сожалению, была вскрыта совсем недавно, то в области практической политики ему ссылаться не на кого, тут он сам проявил тщательно замаскированную некомпетентность.

Иначе чем объяснить, что неприятель превратил вверенную ему область планеты в свое змеиное гнездо, где беспрепятственно осуществляет планы и проекты, грозящие серьезными, если не сказать — непоправимыми последствиями?

Попытка Антона объяснить, что приведенные примеры как раз и свидетельствуют о том, что деятельность неприятеля находится под неослабным контролем, что все серьезные акции пресечены в корне, а то, о чем говорит уважаемый председатель, есть только остаточные возмущения абстрактно взятой реальности, вызвала лишь новый взрыв раздраженного профессорского красноречия.

Антону пришлось выслушать целый ряд тезисов, и старых, известных еще по семинарским курсам, и новых, что называется — с пылу, с жару.

Все они в конечном счете сводились к одному: инициативу в

земных делах нельзя упускать ни в коем случае, Земля наиболее ценный (подразумевай — единственный) наш естественный союзник, действия неприятеля следует предвидеть, прогнозировать, а еще — провоцировать (профессор употребил термин — организовать), тогда и бороться с ним будет возможно не в пример эффективнее, чем до сих пор. Необходимо в ближайшее время подготовить и провести широкомасштабные операции темпорально-идеологического характера, локализовать, инкапсулировать и дезактивировать вражескую агентуру, лучше всего — тут Бандар-Бегаван мечтательно прикрыл глаза — вообще ограничить сферу деятельности противника (раз пока приходится мириться с его существованием) рамками раннего средневековья.

Услышав все это, Антон расслабился, приготовился выслушивать еще долгие многословные теоретические построения, любопытные как продукт мысли, но не имеющие реального применения, однако председатель его перехитрил.

— Впрочем, — с иезуитской усмешкой сказал он, — не думаю, что мои слова для тебя сейчас имеют значение. Поскольку очень сомнительно, что тебе в дальнейшем придется заниматься чем-то подобным... — Антон приподнял бровь и изобразил внимание. Это уже что-то новенькое. Кажется, председатель слишком вошел в роль и забыл, что он все же не земной авторитарный правитель. — Твоя последняя акция беспрецедентна по своей нерациональности и столь грубо нарушает сложившуюся практику взаимоотношений с представителями противной стороны, что я считаю своим долгом вынести вопрос о твоей компетентности, а пожалуй, и вменяемости, на суд сессии малого галактического совещания...

Антон смутно начал догадываться, о чем идет речь, но пока еще не все понимал.

— В результате санкционированной, а возможно, и проведенной при твоем участии акции был похищен один агент-координатор 3-го класса, погиб экстерриториальный инспектор-ревизор, а старший контролер получил тяжкие телесные и психические травмы. Кроме того, было захвачено оборудование первой степени секретности. Тоже экстерриториальное. Причем направляемые тобой туземцы были настолько глупы и неосторожны, что разгласили нашу причастность к операции, которая в противном случае могла бы сойти за спонтанный конфликт местного значения. Факт нашей причастности документально зафиксирован, и доказательства приложены к вербаль-

ной ноте протеста, каковая вчера внесена в межгалактический комитет по невмешательству. Оправдания заранее отклоняю, поскольку быть их не может..

Антон не выдержал и начал бестактно смеяться. Действительно, в изложении Бандар-Бегавана история выглядела мрачно. Используя земные аналогии, примерно так: посол одной великой державы организует с помощью наемных террористов налет на посольство другой великой державы, захватывает в плен часть сотрудников, другую часть уничтожает, вывозит диппочту и шифровальные машины, причем террористы широко информируют прессу, чей заказ они выполняют. Вполне доброкачественный казус белли.

Мировые войны, как известно, начинались по гораздо более безобидным поводам.

Так что смех смехом, а ситуация действительно серьезная, несмотря на свою анекдотичность. Так он и сказал председателю и сообщил ему те же факты, но в иной трактовке. У него получилась история в духе Дюма: прекрасная инопланетянка, страстная любовь, наметившееся счастливое будущее, внезапное появление зловещих контролеров-ревизоров, верный рыцарь вступает в сражение за честь и жизнь своей дамы, мастерски разыгранная интрига, враги посрамлены и спасаются бегством...

— Как частное лицо, я готов заплакать от умиления, — ответил председатель, когда Антон замолчал. — Но как лицо, облеченное властью и ответственностью, я обязан руководствоваться более прозаическими чувствами. Имеете еще что-нибудь добавить?

— Познакомьте меня с «доказательствами» нашей причастности, — попросил Антон.

— Не думаю, что тебе это поможет. Но документы я представлю. У меня сейчас время вечерней медитации, встретимся под первой луной. Кабинет и все необходимое в твоем распоряжении.

...Антон включил проектор. В глубине трехмерного экрана возникло изображение глухого, ограниченного высокими бетонными заборами переулка. На переднем плане, заложив руки за спину, стоит высокий широкоплечий парень в белых джинсах и белой нейлоновой ветровке. Презрительно кривя губы, он говорит, глядя прямо в объектив:

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Что вы хотите?

Голос из-за кадра отвечает:

— Молодец. Дошло, кажется. Мы хотим немногого. Покажите, где Седова, и свободны. Еще и подзаработаете. Тысяч по пять на нос вас устроит? Если снова дурака валять не начнете...

Антон знает этого парня. Тот самый Новиков, который и затеял безнадежную операцию по спасению инопланетянки. Седова — это ее земной псевдоним. А то, что он видит на экране, — запись, которую вели потерпевшие.

Позади Новикова, не в фокусе, можно различить большой кроссовый мотоцикл и еще одну фигуру, напарника Новикова по фамилии Шульгин.

— И что дальше. Что вы с ней сделаете? — продолжается диалог на экране.

— Ну, это вас совсем не касается. Понятно?

— Не все. У нас свои принципы. Только не вздумай баловаться, не знаю, что там у тебя за игрушка. Послушай теперь меня. Без нашей помощи вы ее не найдете. Так что не перестарайся невзначай.

— У нас есть и другие способы... — Голос за кадром звучит. Антон знает, что способы заставить разговориться любого у них действительно есть. И только неосведомленность Новикова позволяет ему сохранять независимость и даже некоторую наглость.

— Возможно. Только и нас за мальчиков не держи. Ты что думаешь, мы сюда сдуру приехали? Не знаем, где тупик, где дорога? Место тут больно хорошее, присмотрись... Если с оптикой, метров с пятисот в вас дырок больше, чем в Кеннеди, наделать можно. И скрыться вам негде... Если так вопрос станет.

Объектив камеры заметался по сторонам и уперся в ряд стандартных шестиэтажек вдали. Ряды их окон отсвечивали закатным солнцем и выглядели действительно многозначительно и тревожно.

— Так что, коллеги, нам нужно поговорить вежливо.

Прозвучало несколько коротких фраз на языке, который Антон знал, но разобрал он только общий смысл, нечто вроде: «Если даже туземец блефует, лучше не рисковать. Послушаем его условия, а там видно будет».

— Ну и что же вы предлагаете? — Голос за кадром вновь перешел на русский.

— Я предлагаю поехать в надежное место, где можно беседовать спокойно, обсудить все на равных, а потом уже прини-

мать решения. У нас есть свои интересы в этом мире, у вас тоже, вот и подумаем вместе...

Теперь ревизор с контролером совещались дольше. Говорили они по-прежнему на профессиональном сленге. Антон понял, что после слов Новикова они действительно приняли его за форзейля. Это было смешно, но тем не менее... И решили не обострять отношений. Перевеса в силах у них пока не было.

После нескольких уточняющих фраз Новиков с приятелем вновь оседлали свой мотоцикл. Агенты в плоском синем «Мерседесе» поехали следом.

Антон пропустил получасовую запись монотонной езды по московским улицам, потом по загородному шоссе. Белая фигура Новикова, как привязанная, маячила впереди, а разговоры аггров между собой если и велись, то записи были стерты. События начались неожиданно и развивались стремительно.

Глазами сидящих в автомобиле Антон увидел, как мотоцикл на узкой лесной дороге вдруг резко прибавил скорость и стал уходить вперед, в перспективу смыкающегося у закатной полоски леса.

Слева мелькнул высокий песчаный откос, узловатый и раскидистый дуб наверху, и внезапно мотоцикл исчез, а на его месте распахнулся на всю ширину дороги сияющий квадрат, в нем, как в экране стереокино, — освещенный полуденным солнцем в зените изумрудный луг, заросли высокой сочной травы и широкая медленная река вдали.

От резкого торможения автомобиль сел носом, изображение дернулось и перекосилось, начало переворачиваться, все поле зрения заслонила ставшая вертикально зеленая стена — и дальше темнота. Запись кончилась.

Вот, значит, как оно было все. Пожалуй, что и сам Антон недооценил решительность и остроумие этих ребят. Такого поворота он просто не мог себе представить. Какое вдохновение подсказало Новикову экспромт насчет «общих интересов в этом мире»? Если бы не эта фраза, его враги никогда не согласились бы на предложение о переговорах, а обезвредили бы Новикова с его приятелем там же, на месте. Вывернулись сами и одновременно сильно осложнили жизнь всему Департаменту активной дипломатии и лично ему, Антону.

Но при здравом размышлении из данной ситуации можно извлечь определенную пользу. Только надо все как следует проработать...

Перейдя к пульту ситуационного вычислителя, шеф-атташе

ввел в операционный блок всю имевшуюся на текущий момент информацию — и ту, что он собрал на Земле, и ту, что имелась в анналах Департамента. Главную трудность представлял выбор подходящего алгоритма. Все остальное — чисто техническая работа — вариационный анализ на основе знания психологии противника, всех имевшихся в ходе войны прецедентов, данных о технических возможностях сторон, стратегических и тактических концепций и приемов. Неопределенной переменной оставались психологические характеристики землян. Но на первом этапе их можно было смело вынести за скобки, все равно достоверность любых прогнозов здесь не превышала тридцати процентов. Последний раз Антон убедился в этом на примере Воронцова.

Отождествляя себя с обобщенным образом вражеского командования, он должен был определить наиболее возможное развитие событий и наметить допустимые контрмеры с учетом граничных условий. Их тоже следовало определить и смоделировать. Затем представить первый вариант плана действий на утверждение председателя, получить его санкции, после чего внести в план коррективы и приступить к реализации. При условии, что санкции будут получены. Если нет — придется подать в отставку, а на его место придет другой, лучше его способный руководить активной дипломатией на такой сложной планете.

А вот этого Антон как раз и не хотел. Ему нравилось работать на Земле. По многим причинам. И он считал, что лучше его, тем более сейчас, с работой там не справится никто. Не видел он таких специалистов в своем департаменте. Да если бы таковой и нашелся — с какой стати из-за анекдотического происшествия уходить в отставку, подвергаться скучной и утомительной процедуре переквалификации по усмотрению Департамента интеллектуальных ресурсов, в один не такой уж прекрасный день узнать, что тебя сочли оптимально подходящим на роль инспектора-попечителя Управления тупиковых квазицивилизаций. А то и того хуже — адъюнктом на кафедру самого Бандар-Бегавана... Веселенькие перспективы тебя ждут, товарищ шеф-атташе, если не придумаешь сейчас же чего-нибудь этакого...

Последнюю фразу Антон произнес вслух, после чего попросту, по-человечески, выругался, кстати вспомнив плавание с Воронцовым и тамошний палубный лексикон.

Подстегнутое воображение заработало живее, путаница мно-

горазрядных альтернатив на дисплеях начала приобретать некую осмысленность в первом приближении, и дело если не пошло, то, по крайней мере, сдвинулось с мертвой точки, обещая вольным и невольным участникам этой истории много новых и волнующих впечатлений...

— Профессор, — сказал Антон Бандар-Бегавану, входя в его кабинет, когда первая луна поднялась над зубчатой линией горного хребта. — Если вы готовы меня выслушать, я могу изложить соображения по своей дальнейшей деятельности, как я ее представляю в свете последних событий...

Бандар-Бегаван на этот раз принимал его в гораздо более неофициальном виде, а именно — одетым в многослойное кимоно из полупрозрачных натуральных тканей, лежа на свежих циновках. Похоже, что медитации повлияли на него в лучшую сторону. Теперь он выглядел не строгим начальником, недовольным нерадивостью своего подчиненного, а скорее, пожилым сибаритом, настроившимся провести время в нескучной беседе.

— Что ж, изложите. Пить будете по-прежнему чай?

— С вашего позволения...

Старательно подбирая слова, чтобы неудачным оборотом или малоизящной конструкцией фразы вновь не вывести профессора из равновесия, Антон приступил к докладу.

— Вся суть моей программы заключается в том, что на первом этапе кампании делать не нужно вообще ничего. Ноту противника вы отклоните на том основании, что, как следует из их же видеозаписи, использованная в операции землян аппаратура по своим характеристикам и принципам отстает от применяемой нами как минимум на тысячу лет. И, разумеется, не применяется и не применялась. Слова же землянина доказательством не являются, так как не содержат никаких намеков и указаний на нашу к ним причастность. Что же касается сути проблемы... Я просмотрел варианты развития событий во всех одиннадцати равновероятных реальностях, которые мы можем создать, активно вмешавшись в земную действительность. Ни один из них не обещает существенного, тем более — коренного изменения положения в нашу пользу. Иными словами — ситуация стабильна настолько, насколько это позволяет определить разрешающая способность наших методик и наших анализаторов. Уверен, что неприятелю столь глубокий

анализ пока недоступен. По крайней мере, я такими данными не располагаю. Можно запросить еще и Центр неэтичных методик, но вряд ли они знают больше, чем мы. Отсюда следует, что, уступая нам в глубине анализа, противник наверняка ошибается при просчете вариантов, и вот тут мы их поймаем... Смотрите.

Антон легким волевым усилием включил комбинационное поле, сформировал его и продемонстрировал председателю несколько наиболее убедительных инвариантов.

— Да, пожалуй, это выглядит обнадеживающе... — согласился Бандар-Бегаван. — Но отчего вы все время задаете условия, не предусматривающие расширения масштабов операции? Разве у вас нет достаточного количества сотрудников? Я считаю, что ваши возможности позволяют работать... с большим размахом, скажем так.

— Разумеется, профессор, я бы мог подключить весьма широкие круги специалистов моей группы, даже и на транснациональном уровне. Если хотите — генерализовать конфликт, добиться того, чтобы неприятель вообще покинул вверенный мне регион, но... Посмотрите сюда и вот сюда... сочетание этих факторов никак не обещает выигрыша. У них ведь тоже есть способы нанести нам неприемлемый ущерб, и никто не может сейчас с уверенностью сказать, сколь тяжелыми могут быть последствия в далекой перспективе. А в предложенном варианте все получается чрезвычайно удачно. Я намеренно блокирую всякую возможность расширения не только участвующих, но даже и могущих быть осведомленными лиц. Вот здесь, здесь и здесь, — Антон указал, где именно, — мы минируем информационными фугасами три развилки времени, и даже если противник попытается их обойти или форсировать силовыми методами (это невероятно, но даже если) — у него ничего не получится. Вы лучше меня знаете, как это делается... Немного цинично, разумеется, но... На войне, как на войне.

— Нет, подождите, — оживился и даже возбудился председатель. — Я не уверен, что вы предусмотрели все варианты. Согласно разведданным, неприятель планирует полную оккупацию Таорэры, развертывание на ней мощной станции преобразования времени и с ее помощью — в пределах формально допустимых методов — макровоздействие чуть ли не по классу ноль. И что тогда?

«Дилетант! — с сожалением, но и с чувством профессио-

нального превосходства подумал Антон. — Оригинальное, цепкое мышление, но поверхностное. Все они таковы, кабинетные стратеги...»

Однако ответил по-прежнему почтительно, стараясь не затронуть самолюбия начальника:

— Именно в этом и состоит ключ замысла. Пусть делают, что наметили. Вот тут и сработает третья мина. И мой агент перехватит инициативу в тот самый момент, когда игра уже будет как бы сделана. Проще говоря, всю работу за нас проделает противник, а мы с вами только снимем банк.

Бандар-Бегаван еще раз всмотрелся в радужное мерцание взаимопроникающих информационных объемов, увидел наконец то решение, на которое указывал Антон, и одобрительно почмокал губами:

— Пожалуй, шеф-атташе, пожалуй... Что ж, я рад. Я всегда говорил, что мои ученики заслуживают тех усилий, что я на них затратил... Очень, очень нетривиально. Только не забывайте и об эпифеноменах... Они иногда бывают весьма неприятны. Но я санкционирую... Воплощайте.

Посмотрел на Антона тем взглядом, которым обычно смотрел на студентов, сдавших экзамен на «отлично», но не внушавших, тем не менее, полного доверия. Чувствуется, что обманули, но уличить невозможно... А это само по себе заслуживает высокой оценки. Однако страдает гордость экзаменатора. Зато может быть доволен наставник. Такая вот эмоциональная гамма.

— Да, кстати, если хотите, можете воспользоваться... как это у вас на Земле... двухнедельным отпуском.

— Благодарю, профессор. Если позволите, я лучше вернусь обратно. Отпуск на родине слишком выбивает из колеи. А отдохнуть можно между делом и там. На «Солнечном берегу», в Болгарии, к примеру. Если не были, очень рекомендую. Получите незабываемые впечатления.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда Левашов привел Воронцова в мастерскую художника, все были в сборе. Солнце давно уже село, сумерки сгустились до синевы, разбавленной серым, вот-вот должны были зажечься уличные фонари, и только вдали, над деревьями и крышами

Бульварного кольца, никак не могла догореть полоска багрянца на сизых тучах. Во время несколько натянутой процедуры знакомства Дмитрий подумал, что вполне понимает состояние и настроение друзей Олега. После того, что с ними произошло, и в предчувствии предстоящего они и не могли выглядеть и держаться иначе.

«Слава богу, что никто тут не подозревает, кто я на самом деле, — подумал Воронцов. — Первое, что люди теряют во время социальных потрясений и катаклизмов, — это беспристрастность и чувство юмора...»

Берестин, Новиков и Шульгин внешне оказались почти такими же, как он представлял их себе по словам Левашова, а Ирина — бывшая инопланетянка — превзошла все ожидания. Таких красивых женщин он вообще не видел, даже в иностранных рекламных проспектах и каталогах. И при всем этом она ему скорее не понравилась. Возможно — из-за недоверчивого, почти враждебного взгляда глаз немыслимого фиалкового цвета. Воронцов постарался сделать вид, что не понял их выражения, улыбнулся ей как можно простодушнее и поскорее отошел к картинам, которыми были завешаны стены огромной, довольно захламленной, но тем не менее уютной мастерской.

Воронцов довольно долго и внимательно рассматривал картины Берестина, делая время от времени замечания, долженствующие показать, что он тоже кое-что понимает в живописи, но в конце осмотра как можно небрежней сказал, что по большей части вся современная живопись — мура и не стоило бы хозяину держаться за протертые штаны импрессионистов, лучше уж изобрести что-нибудь свое, вроде социалистического неосюрреализма. Впрочем, если основная цель автора — выставляться и добиваться официальных почестей, то ему виднее.

Такое достаточно хамское начало знакомства Дмитрий выбрал сознательно, исходя из того, что ничто так не способствует сближению, как хороший интеллектуальный спор. Неважно, на какую тему, лишь бы она задевала его участников за живое.

Он не ошибся в своих расчетах, и после примерно пятнадцатиминутной дискуссии они с Берестиным ощутили себя давно и хорошо знакомыми.

Стол хозяин приготовил исключительно безалкогольный и вегетарианский, так что принесенная Воронцовым бутылка джи-

на «Бифитер» выглядела среди фруктов и пепси-колы чужеродной и неуместной. Однако встретили ее появление хорошо, а Берестин вспомнил имевшую место во время его военной службы смешную историю с безалкогольной рыбалкой для проверяющих из центра.

Когда все расселись, Берестин оглядел стол и сказал, еще не закончив улыбаться...

— Прямо тайная вечеря...

— Ну и напиши, — предложил Новиков, выбирая в вазе персик посочнее.

— Вот только угадать бы, с кого Иуду писать... — вдруг добавил Воронцов, не поднимая глаз от трубки, которую он сосредоточенно набивал.

Наступила тишина. Все взгляды обратились к гостю, будто он произнес бог весть какую бестактность, а Дмитрий, ничуть не смутившись, сделал наивные глаза.

— Раз действительно тайная вечеря, то как же без Иуды? Иначе это будет совсем другой сюжет. Например — отчетное собрание Общества Красного Креста и одноименного полумесяца...

— Оно конечно... — протянул Шульгин, и в его лице Воронцов уловил одобрение. Или просто готовность поддержать даже и такую шутку. Для разнообразия. Остальным же слова Дмитрия, скорее, не понравились. Хотя она и была в духе собравшейся здесь компании, но из уст чужака они ее принимать не захотели. Не заслужил он еще права делать такие намеки.

Даже Левашов покачал головой растерянно. Зря старпом идет на обострение. Знал бы он, скольких трудов ему стоило убедить друзей встретиться с Воронцовым.

— Вообще эта мысль интересна, — сказал наконец Новиков, и Олег понял, что он принимает вызов и сейчас начнется острый, на грани допустимого в приличном обществе поединок. — А если — с вас?

Воронцов улыбнулся удовлетворенно и кивнул.

— Действительно — отчего бы и нет? Роль не самая худшая. Иуду, к сожалению, всегда трактуют неверно. А из всех апостолов он единственно необходимая фигура. Что бы Христу, да и богу-отцу тоже, делать, если б Иуда свою роль не исполнил? Весь сценарий только на нем и держался... А его на веки вечные предателем ославили. Как рязанского князя Олега... Но в вашей истории, по-моему, нужда в таком персонаже пока не просматривается? Или я не все понимаю?

— Ну, это вам виднее, — ответил Новиков. — А мы, конечно, лучше бы обошлись без...

— Как скажете. Я тоже на подвиги не рвусь.

— Вот и отлично. Будем считать должность вакантной. Но вашу готовность послужить общему делу учтем. Попутно хотелось бы узнать поподробнее, какие у вас имеются соображения, которыми, со слов Олега, вы можете с нами поделиться...

— Олег, наверное, был не совсем точен. Таких соображений у меня нет. Я, признаться, имею весьма смутное понятие о ваших делах. И до вчерашнего вечера вообще испытывал сильные сомнения в достоверности его рассказа. — Воронцов увидел удивленно-протестующее лицо Левашова и сделал успокаивающий жест: мол, не торопись, я знаю, что говорю и делаю. — Однако произошедшие события меня убедили. Пришлось подойти к вашей ситуации всерьез. Заранее прошу прощения, если в чем-то задену ваши самолюбия, но не тот момент, чтобы в политесах упражняться...

Он помолчал, обводя глазами присутствующих. И все молчали. Хотя и по разным причинам. Первым сделал попытку ответить Воронцову Шульгин, но его остановил Новиков. Было в словах моряка нечто не совсем ему понятное, нестыковка неуловимая, и Андрей решил дать ему выговориться до конца.

— Вы в тупике, ребята, — благодарно кивнув, продолжил Воронцов. — Олег употребил вчера шахматный термин. Гамбитом назвал он то, что вы с пришельцами разыграли. А мне еще один термин из той же оперы пришел на ум. Цугцванг. Это когда любой ход ведет к проигрышу, а не ходить тоже нельзя. Флажок упадет — и все...

Новиков хмыкнул разочарованно. Это им и без Воронцова ясно. Не стоило и надеяться, что «человек со стороны» откроет им глаза. Однако зачем-то он же захотел с ними встретиться? Не затем же, чтобы ограничиться банальностью. Пусть продолжает.

— В вашем, вернее, теперь уже в нашем, положении нужно сделать то, что ни при каких обстоятельствах не придет в голову так называемым пришельцам. Вы, Ирина Владимировна, кажется, являетесь экспертом по данному вопросу? Что ваши бывшие коллеги могут сделать в ближайшее время с максимальной вероятностью?

Ирина явно не ожидала, что Воронцов обратится к ней, и на секунду растерялась. Потом ответила, не поднимая глаз:

— Ну, тут нельзя сказать слишком определенно. Выяснилось,

что я тоже много не знаю об их методах. Но раз они уже перешли к таким действиям, то не остановятся ни перед чем. Вас они тоже вычислили. В любую секунду они могут появиться... — зябко передернула плечами.

— Если до сих пор не появились, значит, сбой у них какой-то... В чем причина? Несовершенство техники? Или тактический расчет?

— Не могу сказать... С помощью такой аппаратуры, с которой приходилось работать мне, найти вас, пожалуй, невозможно. Но если за вами следили...

— Я принял все возможные предосторожности. С учетом того, что знал от Олега и по личному опыту.

— А весь личный опыт — из американских детективов? — простодушно спросил Шульгин, которого на этот раз не остановил никто. — «Три дня Кондора» и в этом духе?

— Плюс консультация Олега... — в тон ему ответил Воронцов. И опять повернулся к Ирине. — Но в принципе они нас все равно обнаружат?

— Конечно. Не можем же мы вообще не общаться, не разговаривать, не выходить на улицу... Разве только всем спрятаться в бронированное убежище.

— Да, это не выход. Как там Гамлет декламировал насчет того, что не нужно покоряться судьбе?

Новиков процитировал по-английски.

— Благодарю. Очень верно сказано... — Воронцов встал, подошел к окну, выглянул во двор, внимательно осмотрел крыши ближних домов. Как будто рассчитывал увидеть там изготовившихся к броску пришельцев. А на самом деле — чтобы поестественнее изобразить экспромтом принимаемое решение. — Из всего сказанного вытекает следующее... — Он поднял голову, и только тут все увидели, какой у него стал жесткий и не допускающий возражений и сомнений взгляд. — Если принять, что у наших контрагентов было две цели: изъять Ирину Владимировну и принадлежащее ей оборудование, и второй цели они достигли, то остается только первая. Предположим, что в сей момент они не догадываются о ее местонахождении, но ведут активный поиск. В этом поиске им приходится пользоваться общепринятыми способами. Если предположить другие, сверхъестественные, тогда, конечно, и говорить не о чем. Но мне такой вариант не нравится. Значит, стоило бы на какое-то время вывести Ирину Владимировну из игры, раз она — главная цель. И ей спокойнее, и нам проще. У меня в Питере пустая

квартира стоит. Ничего особенного, но отдельная и в центре. Если сегодня же ее туда переправить? На «Красной стреле»? Там паспорта пока не спрашивают. Пусть поживет, погуляет, рассеется, так сказать. Музеи, театры и прочее. Уж там ее искать точно не будут. Чтобы не страшно было, отрядите ей сопровождающего. А мы здесь тоже зря сидеть не будем. Есть забавная идея, но о ней позже. Как?

Предложение Воронцова всех в первый момент ошеломило. Но когда, преодолев инстинктивный протест, его стали проворачивать так и этак, пробовать на изгиб и на разрыв, оказалось, что оно удовлетворяет практически всем условиям в пределах заданных обстоятельств.

Тем более что всерьез оно касалось только троих. Берестина, Новикова и, безусловно, самой Ирины.

Новиков с облегчением осознал, что если сделать так, то можно будет еще какое-то время ничего не решать, Ирина окажется в относительной безопасности, а он, в случае чего, сможет думать только о деле и опасаться лишь за себя лично. А это гораздо проще.

Берестин представил, как он окажется вдвоем с Ириной в Ленинграде и там, в возвышенной атмосфере великого города, отдыхая от московской суеты и затянувшейся бестолковщины, сможет наконец привести их непростые отношения к любому, но однозначному решению.

И даже Ирина неожиданно для себя самой обрадовалась. Ей не нужно будет поминутно вздрагивать, опасаясь, что вновь появятся те двое... Ребята не пережили того парализующего ужаса, который пережила она, увидев вблизи глаза своих бывших соотечественников. И она сможет, избавившись от страха, неторопливо, без цели гулять по проспектам и набережным Ленинграда, осмотреть наконец как следует Эрмитаж и Русский музей...

Самое же интересное, что все они трое, не сговариваясь, предрешили, что с Ириной поедет Берестин, и даже ей самой не пришло в голову, что мог бы поехать и Новиков. Хотя в другой ситуации она, безусловно, выбрала бы только Андрея.

...Несколько позже Новиков с Левашовым поднялись по узкой винтовой лестнице в стеклянный фонарь на крыше, где у Берестина был оборудован совсем крошечный, но уютный кабинетик — самодельный письменный стол, две полки с иностранными журналами по искусству, старомодное кресло с вытертой до белизны кожаной обивкой.

— Ты его хорошо знаешь? — спросил Новиков, имея в виду Воронцова, словно вчера Олег уже не говорил ему этого.

— Последние годы — лучше, чем тебя. В любых ситуациях. А что?

— Да вот настораживает он меня. Не пойму чем, а вот чувствую этакое... — Новиков пошевелил в воздухе пальцами. — Слишком все нарочито как-то.

— Ревнуешь? — будто в шутку, спросил Левашов.

— К тебе, что ли?

— Нет, вообще...

— А-а... Вас понял. Нет, этого нету. Но вот ты пойми... Появился он в самый, что называется, раз. Ни раньше, ни позже. Поверил тебе сразу и безоговорочно. Мы сами и то в эту идею дольше не врубались, хоть и себя вспомни. Сколько мы с тобой толковали, а ты ведь не чета ему, до совмещения пространства-времени самостоятельно додумался... И держится он... не так. Я вроде его психотип знаю, прикинул кое-что, экстраполировал... Не сходится.

— Если факты не соответствуют теории, то тем хуже для фактов.

— Не понимаешь ты меня. Или я объяснить не могу. Черт знает... — Новиков даже поморщился, как от зубной боли. — Я вот что думаю — не подставка ли он? Проверить бы надо...

Левашов махнул рукой.

— Если они такие подставки умеют делать, нам и рыпаться нечего. Застрелиться для простоты, и все. На чем ты его проверишь? Я с ним целый год в одной каюте прожил и разницы не вижу...

Левашов увидел на столе открытую коробку «Герцеговины Флор», отвлекся, шелестя фольгой, вытащил покрытую золотистой пыльцой папиросу.

— Ты смотри, чем наш художник наедине балуется. Не мания ли величия у него? Ну и мы приобщимся...

Новиков щелкнул зажигалкой.

— Если хочешь, — продолжил Олег, медленно выпуская дым через нос, — Алексея в таком разе тоже можно в пришельцы зачислить — какой нормальный человек одновременно курит папиросы, трубку и сигареты то с фильтром, то без? Но это к слову. — Он вернулся к прежней теме: — А вот как тебе про Иуду экспромтик?

— Хорошо сказано. Это он в Ирину целил...

— И?

— А что «и»? На его месте я так же думал бы. Или постарался, чтобы другие подумали...

— Так, может, он и прав?

— Отвечу твоими же словами — тогда тоже стреляться пора.

— А вот Димыч лучше решил. Пусть Ирка едет. Может, она и сама не знает, а ее используют.

Новиков, задумавшись, смотрел на панораму крыш, уходящую к дымному горизонту. Потом раздавил окурок в давно не чищенной чугунной пепельнице.

— Пусть едет. Я сразу так подумал... Но вот тут мы и посмотрим. Проверка... Проверка на дорогах. Вот и название нашли.

— Похоже, в каждом деле для тебя важнее всего название?

— Не важнее всего, но немаловажно... При случае объясню.

— Ну а по сути, что ты изобрел?

— Все узнаешь во благовремении... Тихо! — Новиков толкнул Левашова локтем. Снизу кто-то поднимался, поскрипывая старым деревом ступеней.

Ирина вышла на площадку, улыбнулась почти непринужденно.

— О чем вы, мальчики, шептались? Можно, и я с вами постою? На прощанье. Вам так не терпится от меня избавиться, что даже поезда ждать не хотите. Сбежали...

— Ради бога, Ирочек, не говори так, мне больно тебя слушать... Мы просто перебираем кости нашего нового коллеги, капитана цур зее Воронцова. Как он тебе, кстати? — Новиков подумал, что Ирина могла бы заметить нечто упущенное им самим.

— Серьезный мужчина. Эффектный. Только, по-моему, очень недобрый человек.

— Ты несправедлива, Ирен, — тут же возразил Левашов. — Он добрый парень, но просто в другом стиле. Кадровый и потомственный моряк с петровских времен. Причем военный. А это накладывает...

— Какое общество! — утрированно восхитилась Ирина. — Один — моряк с двухсотлетним стажем, другой — чуть ли не Рюрикович...

— Именно. Нам с тобой не чета, — кивнул Левашов. — И, как и наш друг Андрей, Воронцов страдает несколько преувеличенными понятиями о чести и достоинстве личности, что начальством не поощряется. За это и претерпел. Ему еще повезло, что сумел уволиться из ВМФ. А то бы до смерти командовал буксиром где-нибудь поближе к линии перемены дат.

— Рыцари без страха и упрека, — съязвила Ирина. — Не слишком ли их много в нашей компании на душу населения? Впрочем, ты его, кажется, обожаешь?..

— По крайней мере — рад, что он считает меня своим другом...

— Ну-ну, — сказала Ирина, глядя вдаль между Левашовым и Новиковым.

Олег отчетливо почувствовал себя лишним и, неловко пожав плечами, шагнул к лестнице. Его не остановили.

...Часа через полтора Ирина в сопровождении Берестина и на всякий случай Шульгина поехала к себе домой за вещами, а Воронцов с Левашовым отправились за билетами.

Когда все вновь собрались у берестинского камина, заменившего тот символический очаг, от которого отправляются в путь и к которому непременно положено возвращаться из странствий и походов, Новиков взял гитару и постарался рассеять овладевший душами минор, исполнив несколько старинных, никому не знакомых романсов.

Потом Андрей посмотрел на часы, и все сразу вновь погрустнели. Заканчивался еще один порядочный кусок жизни.

— Вот у древних китайцев было проклятье: «Чтоб тебе жить во времена перемен», — сказал Шульгин в пространство.

— Мудро, — согласился Воронцов. Остальные промолчали.

— Доверенность на машину мы не оформили, — вдруг вспомнила Ирина, — она бы вам пригодилась...

— Ничего. Надо будет — мы и так... — Новиков думал сейчас о другом.

Уже на улице Шульгин неожиданно сказал:

— Извините, ребята, на вокзал я вас не смогу проводить. Деловое свидание. Да и все равно в машине шестерым не положено. Так что счастливого пути. Будет трудно — пишите... — и он пожал руку Берестину, поклонился Ирине и не спеша пошел в сторону перекрестка.

— Чего это он вдруг? — спросила Ирина.

— Мало ли что... У человека жена в отпуске. Лови момент! А он и так третий вечер подряд на наши дела тратит, — доверительно наклонился к ней Новиков, но Ирина видела, что он говорит первое, что пришло в голову, даже не стараясь быть убедительным. И не пытаясь замаскировать ложь привычной и успокоительной иронией.

...Проводница начала загонять отъезжающих в вагоны. Ирина совсем расстроилась, глаза ее повлажнели. Она расцелова

лась с Левашовым и Новиковым, а Воронцову протянула руку, и тот галантно коснулся губами ее запястья.

— Я буду очень скучать и ждать... — шепнула Ирина Новикову, и он незаметно сжал ее локоть.

— Я тоже... — ответил он тихо, когда Берестин шагнул в тамбур. Я позвоню... завтра.

Берестин обернулся и протянул Ирине руку. Вагон медленно поплыл вдоль перрона.

...Они отогнали машину на Рождественский бульвар, поставили в гараж и дальше отправились пешком. Захотелось им просто прогуляться по свежему воздуху, никуда не спеша, и, следуя примеру древних философов-перипатетиков, размышлять, прогуливаясь. По случаю позднего времени и вообще-то было пусто на улицах, а Новиков еще выбирал глухие, мало кому известные переулки, сокращая путь, и вокруг не было видно ни души. И вообще мало что было видно. Лишь кое-где на узкие тротуары падал свет из еще не погасших окон, черными дырами зияли провалы подворотен, глухо отдавался между каменных стен стук каблуков по асфальту. И впечатление было такое, будто идут они по Переславлю-Залесскому, к примеру, а не по центру столицы полумира.

Все это создавало совсем особенное, напряженно-приподнятое настроение и заставляло говорить вполголоса.

— Я недавно на досуге один журнальчик научный пролистывал, и мне статья там попалась, — рассказывал Воронцов. — Большей части я, конечно, не понял, материи слишком для меня высокие, но одна штука заинтересовала. Бывают такие случаи в природе, когда дальнейший ход какого-нибудь процесса невозможно предугадать по его предыдущим состояниям. То есть все вроде бы вполне очевидно, а результаты получаются совсем даже неожиданными.

— Не слишком понятно, — сказал Новиков.

— Ну, если грубо — ты бьешь по бильярдному шару, он катится, направление известно, траектория тоже, через секунду он должен пойти от двух бортов в середину, а вместо этого шар взлетает в воздух, делает три круга, потом врезается тебе в лоб. Причем на строго научном основании...

— Жутко примитивно излагаешь, но по сути верно, — вмешался Левашов. — «Странный аттрактор» такое явление называется.

— Все равно здорово. Сначала мне просто так это понравилось, а вчера ночью, на кухне у тебя вдруг подумал — а если сие

к вашей ситуации приложить? То есть сделать так, чтобы развитие сюжета больше не вытекало из всего этот сюжет создавшего? Я вообще люблю такие задачки. Как мичман Лука Пустошкин, что при обороне Порт-Артура придумал атаковать японцев на суше морскими минами заграждения. Вот и нам надо изобрести такое, чтоб ни в какие ворота. Пришельцы, раз они специально очеловечились, должны, по-моему, мыслить гораздо более по-человечески, чем сами люди. Поскольку нутром не ощущают, какая степень отклонения от логики допустима. Я, скажем, могу коверкать русский язык, как хочу, оставаясь при этом в пределах приличий, а иностранец, кому язык не родной, всегда старается за пределы норм не вылезать, чтоб не дать маху... И я думаю, сейчас мы должны поступить совершенно неожиданно и бессмысленно. Есть предложения?

Левашов молчал, потому что знал: Воронцову сейчас собеседник не нужен, отвечать на его вопрос — то же самое, что на загадку армянского радио. А Новиков всерьез попытался предложить несколько вариантов, но сам понял, что они не тянут. Правда, особенно и он не старался, занятый больше мыслями о затеянной им самим проверочной операции.

— Да, все тот же тупик, и выходит, что самое время выкидывать вам белый флаг и торговаться об условиях капитуляции, — сочувственно сказал Воронцов. — Да и то вряд ли выйдет, обидели вы их сильно...

— Ну тогда и трепаться нечего, — раздраженно ответил Новиков. — Давай свою идею, если есть...

— Тут, правда, отчаянность нужна, лихость гардемаринская... — с сомнением произнес Воронцов.

Левашов вдруг уловил какой-то посторонний звук позади, оглянулся и с внезапно похолодевшим сердцем увидел, как из переулка выворачивает большая темная машина и медленно их догоняет. Фары у нее не горят, а за лобовым стеклом угадываются две человеческие фигуры. И серебристо взблескивает характерная решетка радиатора.

«Ну вот и все...» — успел подумать Левашов и чуть было не рванулся в ближайшую подворотню. Что его удержало, он не понял. Может быть, просто оцепенение.

Машина, шелестя покрышками, поравнялась с ними, и Олег осознал, что это желтый милицейский «Мерседес». Водитель с сержантскими погонами осмотрел друзей снизу доверху, потом отвернулся и чуть прибавил газ. Машина бесшумно ушла вперед, а Левашов громко вздохнул. «Черт знает что, так и свер-

нуться недолго», — подумал он. А Воронцов с Новиковым, кажется, ничего и не заметили, поглощенные разговором.

— ...Вот я и говорю, — уловил он конец сказанной Воронцовым фразы, — надо сделать резкий бросок вперед, через мертвое пространство, и если что — врукопашную. Или сразу приступить к сбору и дележу трофеев...

— То есть ты предлагаешь — туда, за ними?

— Именно. Олег, ты берешься опять организовать канал на планетку, куда вы сунули этих ребят?

— Это проще всего, — с чрезмерным энтузиазмом отозвался Левашов. — После пережитого страха ему стало легко и весело. — Система работает, как хорошо смазанный «маузер», — щегольнул он подходящим к случаю сравнением.

— Вновь открыть проход, приготовившись, конечно, как следует, и посмотреть, как там ваши клиенты поживают. Если слоняются по планете, оглашая ее тоскливыми воплями, взять их и порасспрашивать, что почем на Привозе. А если их там нет, на что я отчего-то надеюсь, на той Валгалле можно просто культурно отсидеться, пока они вас здесь ищут... По-моему — вполне нетривиально. А по-вашему?

— А это действительно интересно, — медленно сказал Новиков, одновременно прокручивая в голове варианты предложенной идеи. — Это в любом случае очень даже забавно. Особенно с учетом того, что я им подкинул мыслишку, будто мы тут тоже вроде пришельцев, свое задание выполняем... В сумме совсем неординарно получается.

— Как ты сказал? — заинтересовался Воронцов.

— Я тем парням сказал, что у нас на Земле свои интересы и что мы не любим, когда нам мешают. В этом роде...

Воронцов тихо засмеялся.

— Лихо. Вполне по-гардемарински. Ох и молодцы вы, ребята. За пару суток таких дел накрутили.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вниз по течению реки, размеренно потрескивая дизелем, спускалась длинная самоходная баржа, груженная не то углем, не то щебнем, сверху было не разобрать.

— Чего ты опять придумал? — недовольно спросил Лева-

шов, когда фигура Новикова исчезла во мраке за крайними опорами моста. — Переночевали бы у Андрея, а теперь куда среди ночи? — Воронцов, не отвечая, ждал, когда баржа втянется под пролет, у перил которого они стояли. Дождался и, разжав кулаки, бросил вниз маячок, на который записал те характеристики Новикова, по которым его могли бы обнаружить пришельцы. Теперь сам Новиков стал для них как бы невидимкой, а его имитация уплывала вместе с тысячей тонн щебня, среди которого желающие могли его теперь искать. Несколько раньше подобную же операцию Дмитрий проделал с имитаторами Ирины и Берестина, это действительно позволит выиграть сколько-нибудь времени.

Он повернулся к Левашову и сказал как можно небрежнее:

— Мы же договорились — я поступаю, как нахожу нужным. Сейчас, мне кажется, у Берестина будет удобнее... Пойдем на метро, а то скоро закроют.

Метров сто оба прошли молча, потом Левашов, очевидно, решив, что не стоит без нужды спорить или добиваться от Дмитрия объяснений, которых тот давать не намерен, спросил:

— Ну и как наши ребята?

— А что, нормальные ребята. Ты, кстати, ничего сегодня не заметил?

— В каком смысле? Как ты на Ирину смотрел? Это заметил. Только не советую. Тут и без тебя такой треугольник...

— Опять ты о бабах. Нет, тобою надо заняться, и я этим займусь. Но сейчас-то я как раз совсем другое имел в виду. Какие мы все очень разные. Берестин и Новиков вообще антиподы, Сашка тоже по своим параметрам ни на кого не похож.

— Мелко берешь, технарь. Поверху. Ты вдумайся: что нас всех четверых вместе свело, отчего после Новикова Ирина наша не кого-нибудь, а именно Берестина из четырех миллионов московских мужиков выискала, зачем еще и я в эту историю влетел и почему нам друг другу ничего почти объяснять не приходится, сразу все ухватываем?.. Попробуй на все эти вопросы сразу ответить. Или, чтоб тебе легче было — вот технический намек: если пистолет разобрать, а потом с любым количеством посторонних железок перемешать, все равно, кроме того же пистолета, ничего осмысленного собрать не удастся...

— Идею понял, только при чем тут сходство? Детали-то все равно все разные. И ствол на затвор никак не похож...

— К словам цепляешься. Я, кстати, не «сходство» сказал, а подобие. Конгруэнтность, если угодно. И мы, возможно, эле-

менты некоей социальной конструкции, которая, как и пистолет, стреляет только в сборе.

— У Андрея своя теория на эту тему есть. Он говорит — «люди одной серии».

— Тоже неплохо, что еще раз подтверждает мою мысль. Оттого и жизнь у всех у нас, без всякой посторонней помощи, сложилась почти одинаково. Смотри — одних практически лет, все — холостые...

— Сашка женатый, — вставил Олег, увлекаясь рассуждениями Воронцова.

— Не влияет. Если и женат, то неудачно. Нормальные женатые мужики с холостыми друзьями быстро контакты теряют... Дальше слушай. Все холостые, все по нормальным меркам — неудачники (но сами про себя мы так не считаем, ибо неудачники мы только в той системе координат, которую не приемлем в принципе). Насколько я понял, разногласий по проблеме отношения к пришельцам и к Ирине у вас не было? Все совершалось при полном единомыслии сторон?

— Так, — кивнул Левашов.

— Чего же тебе еще? И мое предложение прошло с ходу, практически без возражений, а я с твоими друзьями вижусь и говорю впервые в жизни. Да и вот еще... — Воронцов чуть было с разгону не сказал, что и его история с Антоном поразительно совпадает по схеме и даже по деталям с приключениями Берестина. Только там обошлось без войны. Но вовремя остановился. Рано еще Олегу об этом сообщать. И махнул рукой: — Впрочем, хватит и этих примеров. Вывод ясен. Не знаю, почему так получается, но чувствуется тут своеобразная предопределенность. Законы природы, может быть...

Мимо неторопливо прокатилась машина с зеленым огоньком, и Левашов перебил Дмитрия:

— Во, мотор — хватаем!

Воронцов придержал его за локоть.

— Пусть едет. Вон уже и метро.

— Чего ради, на такси пять минут — и дома...

— Было б куда спешить.

— Слушай, что ты раскомандовался? То не так, это не так. Объяснил бы хоть...

— Тынянова читал? Есть у него момент. Павлу Первому докладывают: «Поручик Синюхаев, умерший от горячки, оказался живым и подал прошение о восстановлении в списках», на что

Павел накладывает резолюцию: «Отказать по той же причине»... Усек?

Они вошли в пустой, неярко освещенный вестибюль станции, и, когда опускали пятаки в прорези турникетов, пожилая дежурная крикнула им из своей кабинки:

— Поспешите, ребята, скоро переходы закроем...

В вагоне Воронцов, отвыкший от Москвы, так долго смотрел на схему, что Левашов не выдержал:

— Чего тут думать, до «Краснопресненской», пересадка, и на «Пушкинской» выйдем...

— Не, по-другому поедем. Сначала сюда, у меня машина на улице брошена. Заберем и своим ходом на базу...

Воронцов сел на узкий диванчик в углу вагона, снизу вверх посмотрел на Олега:

— А ты чего стоишь? Минут десять еще ехать.

— Я в метро отвык сидя ездить. Рефлекс выработался, — ответил Левашов, но тем не менее опустился рядом, вытянул ноги, помолчал и вдруг спросил: — Слушай, Дим, тебе что, действительно совсем не страшно?

— Да в общем не по себе...

— Хожу по улицам и озираюсь, как беглый каторжник. А то представляется, что я — вообще не я, персонаж из фильма ужасов. Видел я недавно один... — Левашов передернул плечами.

— Страх есть благодетельное чувство, предостерегающее от многих опрометчивых поступков. Ладно, бог даст, прорвемся. Плохо, что мы не знаем пределов их могущества...

— Я думаю, что уже знаем. То, что уже случилось, — и есть предел. Иначе бы они нас давно прищемили.

— Хорошо бы... — с сомнением сказал Воронцов и встал. Поезд начал замедлять ход.

Только они двое вышли на перрон, и огромный безлюдный зал выглядел непривычно, даже пугающе, друзья поднялись по лестнице, свернули в плавно изгибающийся тоннель.

И остановились оба сразу, словно уперлись в невидимый барьер.

В самом изгибе тоннеля, поперек перехода, стояли два милиционера в полном снаряжении, при оружии и рациях, капитан и старший сержант, и вид у них официальный и неприступный донельзя. Пойти мимо них просто так, как ни в чем не бывало, казалось совершенно невозможным. Секунда-две, пока капитан не нарушил свое особое, многозначительное молчание, показались Левашову очень длинными.

— Вы задержаны, — сказал капитан ровным голосом. — Вам придется пройти с нами.

— Почему вдруг? — спросил Воронцов точно таким же тоном. — Мы, кажется, ничего не нарушали.

— Где нужно, вам все объяснят.

— Не выйдет, нас нельзя задерживать. Я, например, депутат... — и Воронцов опустил руку во внутренний карман. Дальше все произошло настолько быстро и неожиданно, что Левашов, собравшийся вмешаться в разговор, так и застыл с полуоткрытым ртом.

Воронцов выдернул руку из кармана, выбросил ее вперед, и капитан тоже сделал резкое движение навстречу блеснувшему металлу. И не успел.

Гулко, словно кувалдой по стальному листу, ударил выстрел. Левашов даже не понял, что произошло, и капитан еще не начал падать, а Воронцов крутнулся на каблуке и из-под руки два раза выстрелил в сержанта. Тот согнулся, прижав руки к груди. Третий выстрел сбил с него фуражку, и она покатилась по красным плиткам пола.

Острый пороховой запах повис в неподвижном воздухе.

Левашов, оцепенев, смотрел на лежащие у его ног тела в серых кителях. Воронцов схватил его за руку и сильно рванул.

— Ты что, мать... — рванул он и поволок его за собой.

Они скатились вниз по уже выключенному короткому эскалатору, слыша нарастающий гул подходящего последнего поезда.

Пустые вагоны ярко светились изнутри, и до них было совсем недалеко — через зал и перрон, — но уже раздался ласковый женский голос: «Осторожно, двери закрываются», и тогда Левашов рванулся вперед, как спринтер на олимпиаде за ускользающей победой, вцепился в обрезиненные створки, удержал, пока вслед за ним не протиснулся в сжимающуюся щель Воронцов.

...В дальнем конце вагона дремал на диване подгулявший полуинтеллигент в сползшей на очки капроновой шляпе. Левашов опасливо на него оглянулся и показал глазами на руку Воронцова, в которой тот по-прежнему сжимал пистолет непривычных очертаний, переводя дыхание.

— Зачем? Что ты наделал? — голос Левашова срывался.

Воронцов осмотрелся по сторонам, еще раз затянулся поглубже.

— Не врубаешься, что ли? Это опять они... Только как они нас перехватили?

Дмитрий был уверен, что система защиты, предложенная Антоном, сработает. И вот... Неужели он со страху стрелял в настоящих людей? Нет, не может быть. Милиции к ним цепляться просто не за что, да и работают они там иначе. И выглядели «сотрудники» слишком плакатно-уставно: сапоги надраенные, аж с синими искрами, ремни необмятые, в лицах непреклонность...

— У тебя с собой, случаем, ничего из ихних железок не осталось? — спросил он.

— Нет... — машинально ответил Олег. И вдруг хлопнул себя по боку. — ...Вот же!.. — Он достал из кармана и показал Воронцову тускло блеснувший золотой портсигар.

— Что это? — Воронцов взял его, подкинул на ладони, попробовал открыть.

— Не нужно... Это Иринин. Такая штука, вроде как многоцелевой манипулятор. И средство связи, дистанционный преобразователь... — Он не успел договорить.

— Так какого ж ты... — Вспышка ярости Воронцова была внезапной и бурной, Олег почувствовал себя матросом, попытавшимся закурить на палубе во время погрузки. Но так же быстро, как Воронцов вспылил, он успокоился. — Впрочем, ты-то тут при чем... Штука хоть ценная?

— Кроме моей установки, ничего ценнее я на Земле не знаю.

— Ну, это еще как сказать... Ладно. Если доберемся живыми — спрячем. Хрен найдут.

Они вышли из метро. На улице не было ни души. Даже пьяные все куда-то подевались.

— Ты здесь подожди. Вдвоем не нужно... — и Воронцов протянул Олегу свой пистолет, от которого до сих пор попахивало порохом. Их там еще двенадцать. Только не ошибись, в кого стрелять...

— Нет... Я все равно не смогу, — отказался Левашов.

— Как знаешь. Толстовец... Если другие — то пожалуйста, а сам — так нет, — беззлобно сказал Воронцов. — Тогда давай так. Клади свое сокровище хоть вот сюда... — Он привстал на носки и едва дотянулся до карниза над головой. — И иди, посиди в сторонке. Наблюдай. Надеюсь, за десять минут они дом не сдернут, как твой. А я сейчас... — и скрылся в темноте.

Вернулся он даже быстрее, чем обещал. Остановил машину у газона, с контейнером от «Книги» в руках прошел в тупичок,

снял с карниза «портсигар», спрятал в контейнер, туго обмотал крышку изолентой. «Будем надеяться, — подумал он, — что детекторы у них не мощнее, чем у форзейлей. Не учуют...» Окликнул Левашова:

— Поехали. — И, чтобы отвлечь внимание Олега от своих манипуляций и от контейнера, объяснить суть которого было бы затруднительно, заговорил с напором: — Я чего не понимаю — как они нас еще там, у Берестина, с твоей игрушкой не засекли. Засветил ты и ту явку, куда теперь деваться — не представляю...

— Нет. Блока там не было. Он у Сашки в багажнике мотоцикла лежал.

— Все равно непонятно. Отчего-то пареньки все время запаздывают. Или вправду каждую акцию в десяти инстанциях согласовывают? Больше ничего нигде не осталось? Подумай.

— У меня — ничего. А у Берестина еще одна вещь есть. Где — не знаю. Давно не видел. Может — в сейфе?

— У него и сейф имеется?

— Есть, старинный, когда дом по соседству ломали, в мусоре нашел. Капитальный, хоть и маленький. Стенки — сантиметров двадцать.

— Может, потому и не обнаружили. Давно та штука у него?

— Как тебе сказать? По одному счету — месяца три, по другому — год.

— Понятно. Доедем живыми — сразу начнем к эвакуации готовиться. Ловить больше, как говорится, нечего. Обложили нас намертво...

На проспекте Мира Воронцов резко прибавил газу. Ему сейчас сильно хотелось как следует выпить. Это Олегу кажется, что ему на все наплевать. А по людям стрелять, даже зная, что они не люди, все равно тяжело. Он вспомнил про очередной подарок Антона и протянул Левашову листок.

— Посмотри пока. Есть тут какой-нибудь смысл или полная ерунда?

Левашов при свете уличных фонарей, проносящихся над крышей машины, несколько минут всматривался в схему, шевеля губами, потом с недоумением повернулся к Воронцову, по лицу которого скользили то розовые, то синеватые блики.

— Откуда это у тебя? Ты сам понимаешь, что здесь нарисовано?

— Естественно. Хотя и в общих чертах...

— Нет, Дим, ты со мной дурочку не валяй... Я десять лет этим занимаюсь, а до такого не додумался. И как просто все!

— А гениальное все просто. Так сумеешь сделать?

— Или я совсем дурак, или Андрей прав... — Теперь Левашов смотрел на Воронцова, как на дрессированного осьминога, незнамо как оказавшегося за рулем летящего по Москве автомобиля.

— Смотри, только не вздумай с перепугу на ходу из машины прыгать. Придется заняться расширением твоего кругозора. Только давай — когда приедем. А я — все равно я, тут можешь не сомневаться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Новиков никогда не мог объяснить даже самому себе механизм возникновения у него новых идей. Он даже подозревал, что никаких новых идей у него вообще не возникает, а они как бы заложены в нем изначально. И по мере необходимости извлекаются из подсознания. А ему остается только отшлифовать их и «подогнать по месту».

Так было всегда, насколько Андрей себя помнил. Вот и сегодня, когда зашел разговор о проверке Воронцова. Только что и мысли об этом не было, а через минуту он уже знал все детали предстоящего...

Он отозвал Шульгина и как бы между прочим спросил:

— Отоспался как следует?

— Нормально. Почти двенадцать часов придавил.

— Молодец. Потому что сегодня вряд ли придется... А завтра с работой как?

— Что ты опять придумал? — почувствовал для себя недоброе Шульгин.

— Дело. Как раз по тебе. Сказано же — не зарывайте свой талант в землю. Так сумеешь еще на пару дней от службы освободиться?

— Не вопрос. Мне шеф чертову уйму отгулов должен.

— Ну и порядок. А то у нас с Олегом сомнения возникли: не австрийский ли шпион наш новый друг капитан Воронцов? Наводит на размышления его ленинградский вариант. Что может быть удобнее — выманить Ирину из-под нашего прикры-

тия и взять на конспиративной квартире... Тем более если они поверили в нашу дезу, что мы с тобой тоже приезжие.

— Литературщиной отдает. Сколько уже про это читано: хоть «Семнадцать мгновений» взять, хоть «Крестного отца»...

— А откуда им новых вариантов набраться? Они же на наших материалах подготовку проходили, а литература есть учебник жизни.

— Ладно, ты у нас теоретик. От меня что требуется?

— А вот слушай.

...Шульгин свернул за угол, в проезд Художественного театра, и простоял там, пока не отъехала «семерка» Ирины. Почти бегом вернулся в мастерскую Берестина и начал переодеваться. Пока Воронцов занимался билетами, Новиков сумел через друзей из МИДа достать бронь для Шульгина и съездил к нему домой за костюмом и всем необходимым.

Не более чем за двадцать минут Шульгин почти неузнаваемо изменил свой облик, благо жена его была артистка и все необходимое дома имелось. Еще через полчаса он уже был на перроне Ленинградского вокзала и демонстративно прохаживался перед глазами друзей, небрежно помахивая кейсом со всякой мелочью, потребной в обиходе частнопрактикующего ниндзя.

Он ощущал себя в своей тарелке, и ему было весело.

Многие знатоки высказывали не раз обоснованные сомнения в том, что он мог изучить тонкости профессии исключительно по старинному руководству. Шульгин же в ответ простодушно разводил руками, ссылаясь на врожденные способности и, возможно, гены, ибо кто из истинно русских людей может ручаться за свое происхождение? Разве только Новиков с его выписками из Бархатных книг.

В действительности все было довольно просто. Еще на Дальнем Востоке он начал заниматься самостоятельно и быстро понял, что ничего из этого не выйдет. Но так часто случается — ищущий да обрящет. В Хабаровске он встретился с группой ребят, изучавших карате под руководством дипломированного сэнсэя, прозанимался с ними почти два года, параллельно подгонял под эту базу нужные ему рецепты японского трактата.

А уже в Москве, в период увлечения богемной жизнью, близко сошелся с известным в прошлом артистом-престидижитатором, брал уроки у него и его коллег, вечерами пропадал за кулисами цирка на Цветном бульваре и репетировал вместе

с жонглерами, метателями ножей и другими специалистами оригинальных жанров. В итоге из творческого соединения всех достаточно разнородных навыков и умений и получилось то, что он не без успеха выдавал за древнее искусство средневековых самурайских рейнджеров.

Но как бы там ни было, с точки зрения авторов закона о недопущении самостоятельного изучения боевых видов экзотической борьбы он был человек опасный. Невзирая на то, что никогда не испытывал намерения употребить свои способности во зло. И вообще Шульгин считал, что как владение приемами рукопашного боя, так и право на ношение оружия всегда полезнее возможной жертве, нежели преступнику.

К сожалению, все его способности годились до последнего времени только для забав и развлечений приятелей обоего пола. И вот только сейчас пробил наконец его час. Вся мощь галактической цивилизации, и против нее — он. Две изящные руки хирурга и пианиста да к ним голова, в которой ума, хитрости и веселой бесшабашной изобретательности куда больше, чем мог предположить даже самый близкий ему человек. Пожалуй, и Новиков не до конца представлял себе истинные Сашкины возможности. Не зря Шульгин со школьных лет накрепко запомнил правило американских ковбоев: «Умеешь считать до десяти — остановись на восьми».

...В купе он забросил кейс на верхнюю полку, распустил узел галстука и потом долго объяснял проводнице на ломаном английском и русском, что он гражданин республики Фиджи, едет в Ленинград на конгресс вулканологов и очень боится проспать и проехать мимо. Зачем ему это было нужно, он и сам не знал, но с тупой настойчивостью продолжал доказывать девчонке из студотряда, что ему объяснили, будто поезд идет до Хельсинки.

Вконец замороченная студентка плюнула, выразилась словами, которые в напечатанном виде можно прочесть только в словаре Даля с дополнениями Бодуэна де Куртене, и пообещала разбудить тупого азиата сразу после Бологого.

После чего Шульгин отправился по составу в вагон, где ехали Берестин с Ириной. Заглядывая в каждое купе и извиняясь по-японски, он выяснил, что никаких подозрительных лиц в поезде не просматривается. Ни Алексей, ни Ирина его не узнали. Он занял позицию в отсеке перед туалетом, где только и разрешалось курить. Там он и провел все пять с половиной часов.

Минут за двадцать до финиша он наведался в свой вагон, забрал кейс, сообщил проводнице, что проснулся, и на Москов-

ском вокзале вплотную пристроился к своим подопечным. К его счастью, Берестин хорошо знал город и не стал ловить такси, чтобы проехать пятьсот метров до улицы Рубинштейна, где квартировал Воронцов.

Оставаться невидимым на еще безлюдном Невском для него не составило труда.

Квартира Воронцова помещалась на верхнем этаже красно-кирпичного дома, рядом с «пятью углами». Шульгин проводил Ирину с Алексеем до самой облезлой коричневой двери и постоял немного, вслушиваясь. Все пока было спокойно.

Прыгая через три ступеньки, он легко слетел вниз, пересек узкую улицу и поднялся на верхнюю площадку подъезда напротив.

С помощью портативного бинокля он долго наблюдал сквозь просветы в шторах, как Берестин с Ириной устраиваются, с усмешкой удовлетворения отметил, что Алексею пришлось устраивать для себя раскладушку на кухне, мысленно извинился перед Ириной, что из чувства долга вынужден наблюдать за процессом ее переодевания в ночную рубашку, и только когда она легла, с головой укрывшись одеялом, Шульгин посмотрел на часы.

«Да, — сказал он себе. — Им-то хорошо. Сейчас 6:35. Часа три они еще проспят, мало им было поезда. А я тут сиди, как дурак. А потом весь день придется за ними по городу. И вся выгода — бесплатный стриптиз. И даже без музыки. Моим коллегам — частным детективам на Западе — небось побольше платят. Ну да ладно, не корысти ради... Но с Андрея за подтверждение Иркиного целомудрия я слуплю... Если все будет хорошо, — суеверно предостерег он себя. — Еще не вечер...» И отправился искать, где в этот ранний час можно перекусить быстро и недорого.

«Но в общем-то все правильно, — думал он дальше, — известно же, что отрицательный результат — тоже результат, и теперь можно общаться с Воронцовым без опаски».

Ноги у него давно уже гудели, и вообще устал он до крайности, потому что ждать да догонять плохо, как известно, но куда хуже водить кого-нибудь на коротком поводке, так, чтобы и оставаться незамеченным, и по возможности быть рядом на случай чего. Тем более что Берестин вел себя неспокойно, часто оглядываясь, очевидно, опасаясь того же самого.

Врагу не пожелаешь такой работы. Да еще и без подстраховки, без подмены. И чем дольше все это тянулось, тем длиннее

становился счет, который он собирался предъявить Новикову. Только один раз представился ему случай слегка развлечься. Надо же было такому случиться, что в Гостином дворе, на Садовой линии, где Ирина покупала какую-то женскую мелочь, ею заинтересовался настоящий щипач-карманник. Шульгин точно определил момент, когда вор приготовился взять у нее кошелек, и, притершись к нему в толпе, провел ущемление локтевого нерва рабочей руки.

Никто так и не понял, отчего вдруг представительный мужчина вдруг сел на затоптанный пол, подвывая от боли.

А больше ничего интересного не случилось. Глубокой уже ночью, когда поднадзорные вернулись домой из артистического кафе, улеглись по-прежнему в разных помещениях и в окнах погас свет, Шульгин спрятал в кейс бинокль и, пошатываясь от усталости, пошел по Невскому к вокзалу.

Постоял на углу площади, оглянувшись на город, который так и не увидел за сутки, сокрушенно махнул рукой.

— Ну что ж. По крайней мере, я сделал все, что мог. Кто хочет, пусть сделает лучше, — слегка исказив, произнес он вслух латинскую поговорку.

Утром он доложил Новикову все, что счел нужным, в последний момент удержав при себе заготовленную фразу: «А еще, честь имею доложить, мадемуазель Ирен оказалась восхитительно сложена». Вовремя вспомнив свое жизненное правило.

— Вот и хорошо, — несколько рассеянно кивнул Новиков. — А мы тут без тебя кое-что еще придумали. Грандиозное. И события всякие произошли...

— Я же говорил, добром это не кончится, — ответил Шульгин, выслушав краткое изложение событий последних суток. — Одиссей, Одиссей... Вот тебе и Одиссей. С вами только свяжись. Причем, кто из нас Одиссей, пока не ясно, а вот что моя жена не Пенелопа — это исторический факт...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На то, чтобы собрать приставку в первом, упрощенном варианте, Левашову потребовалось меньше суток. Правда, выглядела она, как и многое другое, выходившее из рук Олега, довольно примитивно — технически некультурно, как он сам выра-

зился. Гирлянды проводов, наскоро припаянные контуры, пакеты печатных плат, какие-то неизвестные Воронцову блоки, выкорчеванные из цветного телевизора, новиковского компьютера «Филипс» и даже принадлежавшего Берестину двухкассетного «Шарпа». Работать это устройство могло бы, наверное, только в фильме о сумасшедшем изобретателе.

Но ни Воронцов, ни Левашов в успехе не сомневались, хотя по разным причинам.

Во время монтажа Олег не раз и не два вспоминал пришельцев самыми неодобрительными из известных ему слов. Если бы не их хамская выходка с похищением квартиры, все получилось бы втрое быстрее и впятеро лучше. А так, несмотря на то, что Воронцов несколько раз ездил с записками Олега по разным адресам и привозил от спекулянтов тщательно подобранные по кондициям наборы радиодеталей, выходная камера получилась объемом всего только в один кубометр.

— Мало, конечно, но пока хоть так, — сказал Левашов, откладывая паяльник. — Потом переделаю на японских микросхемах. Теперь часок поспать бы, и можно начинать испытания...

— Что, и выдержки хватит? — не поверил ему Воронцов. Посчитал, что позирует Олег, научившись этому от Новикова с Шульгиным. Сам бы он не утерпел.

— При чем тут выдержка, — рассеял его сомнения Левашов. — Тут наладка часа на три, а то и больше, а у меня и руки дрожат, и глаза не смотрят...

В расчетах своих Левашов и тут не ошибся, возиться с наладкой и настройкой ему пришлось даже чуть больше, чем три часа. Но зато когда все, на его взгляд, было в полном порядке, он посмотрел на Воронцова с нескрываемой гордостью.

— Ей-богу, я таки молодец. Без «брешешь». Конечно, Ирина мне здорово помогла и твой чертежик тоже, но я бы и без них справился. Тут главное — идея. А ты говоришь — пришельцы... Нобелевскую по физике я наверняка заработал!...

Воронцов слушал его, а сам думал, какие грандиозные возможности таятся в людях, неведомые им самим, если рядовой инженер Олег буквально из ничего создал такую штуку. И что совсем не дураки пришельцы всех мастей, окружившие Землю своим пристальным вниманием. Он не понимал физического и математического смысла совмещенного пространства-времени, но практические выводы были ему доступны вполне. И нет никаких сомнений, что другой изобретатель-одиночка или, ско-

рее, научный коллектив в любой момент может открыть или выдумать нечто другое, для чего и названия нет, но окончательно перевернуть все наши представления о мире. От таких мыслей становилось и весело, и жутко, и озноб пробегал по спине — как в тот раз, когда он выходил на боевое траление, а оркестр на пирсе играл «Прощание славянки».

— Так с чего начнем? — прервал его философические размышления Левашов. — Заказывай...

— Да я как-то и не соображу. Оно ведь все равно в принципе. Если только для истории, для мемуаров и некрологов... Не будешь же писать потом, что первым предметом, извлеченным из потустороннего континуума, оказалась бутылка виски «Джонни Уокер». Так что давай что-нибудь более идеологически выдержанное.

— Хорошо. Тогда я сразу начну свои проблемы решать. А то ведь я сейчас как инженер Смит на Таинственном острове. Отвертка — и та не своя...

Он начал, шевеля губами, как малограмотный при письме, набирать какие-то комбинации цифр, букв и иных знаков на клавиатуре. Внутри серебристых ящиков возникло и стало нарастать ровное трансформаторное гудение, между медными прутьями кубической конструкции, которая и являлась центральным элементом установки, заструилась голубоватая завеса ионизированного воздуха и начали проскакивать искры.

— Кожух надо будет поставить, — озабоченно сказал Левашов, — тут напряжение под сто киловольт...

Воронцов не заметил, как и что произошло, но в следующую секунду внутри камеры возник аккуратный, в красно-черном корпусе компьютер «Атари».

— Порядок, — сказал Левашов. — Теперь я подключу его вместо этого барахла, и дело пойдет...

И дело действительно пошло. Когда за окнами рассвело, уже не только Левашов, но и Воронцов наловчился управлять установкой почти свободно. Попутно Олег в доступной форме объяснил ему не только практическую, но и этическую сторону вопроса.

— По сути, можно было бы и не возиться. Тот же эффект достигается и напрямую. Я бы мог организовать совмещение с любой точкой на Земле, к примеру — со складом готовой продукции той же «Сони». Заходи и бери, что нужно. Кстати, и размеры камеры не лимитировали бы...

— Так в чем вопрос? Может, и вправду не стоило велосипед изобретать?

— Потому я об этике и заговорил. Это ведь уже будет кража или даже грабеж? Кому-то расплачиваться придется за наши дела, люди пострадают.

«Надо же, — подумал Воронцов, — у Олега еще и на нравственные размышления время остается». Сам он, честно сказать, этот аспект в виду не имел совершенно. Велика ли беда, если у классовых врагов позаимствовать кое-что? Тем более что на общечеловеческое, в конце концов, дело. Он настолько уже ощущал себя участником пусть и не объявленной, но войны, что считал реквизицию необходимых для ее ведения средств вполне законной.

— А в твоем варианте откуда товар берется?

— В принципе оттуда же. Только подсказанная твоим приятелем схема, обнаружив нужный предмет, дублирует его, снимает копию на молекулярном уровне. И запоминает, так что в дальнейшем копирование раз найденного изделия происходит автоматически. По мере надобности.

— Так это ж какой объем памяти нужен? Чтобы по молекулам запомнить один только компьютер?

Левашов усмехнулся.

— Тут совсем другие принципы.

Когда в мастерской появились Новиков с Шульгиным, подготовка к экспедиции была уже в полном разгаре.

Шульгин вошел первый, веселый и чем-то возбужденный, остановился на пороге, стряхивая капли дождя с потертой кожаной куртки, и вдруг замолчал, увидев установку, пол вокруг которой был завален ящиками, коробками, палатками. Спальными мешками и прочими необходимыми в дальнем путешествии вещами.

— Так, — сказал он, оборачиваясь к Новикову. — Как видишь, они здесь времени не теряли. Судя по всему, решение принято без нас...

Подошел, сдвигая ногой в стороны мешающие ему предметы, прочел вслух надпись на ящике с консервами, поцокал языком.

— Ну и что тут у вас? Рог изобилия? Скатерть-самобранка? Полевой синтезатор «Мидас»? Или шкатулка Пандоры, наконец? — спросил он, демонстрируя сообразительность и умение оценивать обстановку. Правда, особых способностей и не требовалось, чтобы догадаться, что импортные товары двух де-

сятков наименований и в таких количествах естественным образом в квартире среднего советского гражданина появиться не могут.

Левашов в двух словах ему все объяснил.

— Годится, — кивнул Шульгин. — Но желаю видеть лично. Блок сигарет «Данхилл» можешь?

— Прошу... — Олег, словно пианист-виртуоз, пробежал пальцами по кнопкам.

Шульгин повертел упаковку перед глазами, распечатал, вытащил сигарету и с сомнением закурил. При этом он, вдыхая дым, поднимал лицо кверху и прикрывал глаза. После третьей затяжки он кончил валять дурака и нормальным голосом сказал:

— Без обмана, разницы никакой...

А Воронцов в это время наблюдал за Новиковым. Тот отчего-то в разговоре не участвовал, смотрел на происходящее со смутной улыбкой, будто его здесь вообще ничего не касалось. И поводов для ажиотажа он не видел.

И с неожиданным раздражением Воронцов подумал, что слишком все здесь похоже на провинциальный театр. Каждый не живет, а старательно исполняет раз и навсегда избранное амплуа. И вдобавок переигрывает. Чтобы зритель, упаси бог, не перепутал, кто есть кто. Нормальный, без затей, человек никогда не следит за каждым своим словом и жестом, он может и глупость сказать, и повести себя неадекватно... А эти ребята — нет. Самоконтроль — как раковина у рака-отшельника...

Он подошел к Новикову и спросил, чем он так озабочен.

— Я просто просчитываю, сколько и чего нам еще потребуется по максимуму. На случай, если в ближайшее время нам не удастся вернуться.

— А по максимуму нам нужно практически все, что бывает на свете. А вот на полгода автономного плавания потребность рассчитать стоит.

И тут же переменил тему, спросил, не произошло ли за минувшие сутки с ним или Шульгиным чего-нибудь необычного, что можно истолковать в известном смысле.

— Нет. Насколько я могу судить — ничего. С Сашкой — тоже...

— Вот и слава богу. Возможно, они нас пока потеряли. Но отрываться пришлось с боем.

Выслушав рассказ об эпизоде в метро, Новиков только покрутил головой, не выразив вслух своего отношения. И Ворон-

цов не стал дальше развивать тему, тем более что Левашов громко сообщил, что готов к выходу на режим перехода.

...И вот снова открылась дверь из московской квартиры в иной мир, неизвестно где расположенный, в сотнях световых лет или нескольких миллиметрах от нашего мира, и оттуда задувал теплый, пахнущий цветами и лесом ветер, и в пасмурной мастерской сиял луч чужого жаркого солнца. Олег перегнулся через край рамки и коснулся рукой густой зеленой травы на той стороне.

Пересечь границу и ступить на почву чужой планеты довольно долго никто не решался. Все четверо стояли и смотрели, не говоря ни слова. Войдешь туда, а дверь вдруг захлопнется, и где тогда искать обратный путь?

Первым проявил решимость Шульгин. Он переступил черту и замер на расстоянии вытянутой руки, по колено в густой траве. Где он был в этот момент?

Он постоял там с полминуты и вдруг быстро шагнул обратно. Вытер рукавом пот со лба.

— Нет, ребята, это не дело. Хоть я и гусар в душе, но не до такой степени. Надо по науке. Проверить там все. На радиоактивность, наличие или отсутствие ядовитых газов, вредной микрофлоры...

— И микрофауны, — вставил Новиков.

— Именно. Это я беру на себя. Анализы мне наши институтские биохимики и микробиологи сделают, а остальное мы и сами.

— Дилетантство все это, — сказал Новиков. — Три-пять параметров ты проверяешь, а их там еще сотня, таких, что и в голову не придет... Начиная от спектра солнца.

— Любое дело можно считать хорошо спланированным, если предусмотрено хотя бы тридцать процентов возможных последствий, оставив остальные семьдесят на волю случая... Это Наполеон так считал, — вскользь заметил Воронцов. — Что можно проверить — давайте проверим.

Экспресс-анализы не показали ничего такого, чего можно было бы опасаться, и экспедиция, которую Новиков назвал, совершив небольшой плагиат, «Путешествием дилетантов», началась.

На планете было великолепно. И пейзаж, и воздух, пахнущий горячим от солнца сосновым лесом, и ощущение беспредельного простора, первозданности, нетронутости нового для

людей мира. Такой, возможно, была Америка пятьсот лет назад.

Но стоило большого волевого усилия заставить себя отойти от квадрата, очерченного светящейся каймой, проема в бесконечности, за которым осталась полутемная мастерская, заплаканные дождем окна и Олег перед пультом.

Новиков, Воронцов и Шульгин прошли около километра, путаясь ногами в высокой траве, распугивая многочисленных прыгающих насекомых, похожих на кузнечиков, достигли первых высоких деревьев, под которыми торчали три каменных клыка, как три противотанковых надолба, и остановились.

Толстую чешуйчатую кору сосен прорезали совсем свежие, еще не заплывшие смолой царапины очень неприятного вида.

— Не нравится мне это дело, — сказал Шульгин. — Как бы саблезубый кто-то когти точил. Не с нашим снаряжением здесь бродить...

Воронцов оттянул затвор автомата «узи». Он предпочел бы держать в руках нечто более надежное, вроде крупнокалиберного карабина, но выбор оружия определялся размером камеры.

— А все равно здесь здорово, — продолжил Шульгин, покосившись на металлический лязг. — Гляньте вон туда — совсем как у Шишкина «Лесные дали».

Действительно, ландшафт наводил на такие ассоциации. К северу обширная поляна, плавно понижаясь, упиралась в стену мачтового соснового, а может, и кедрового леса, который простирался во все стороны за черту видимого горизонта. А видно было отсюда километров на пятнадцать, не меньше. На юг поляна, сужаясь клином, заканчивалась обрывистым мысом, вновь густо покрытым высоченными, метров по пятьдесят, а то и больше, двухобхватными соснами. А внизу, изгибаясь и взблескивая солнечными искрами, сливались две реки.

Левая, главная — пошире, чем Нева перед стрелкой Васильевского острова, за ней на восточном, пологом берегу — всхолмленная равнина, покрытая зеркальцами озер, рощами и перелесками.

Правый приток — втрое уже, его противоположный берег покрыт непроходимой и не проницаемой для глаз стеной зарослей.

— Для базы местечко уникальное. Специально ищи — и не найдешь... — сказал Воронцов, подходя к краю обрыва и заглядывая вниз. Стена красноватого гранита, кое-где прорезанного

глубокими расселинами, почти отвесно уходила в прозрачную темную воду.

— Салют в честь прибытия...

— Что тут у вас? — раздался вдруг голос Левашова. Забытый увлекшимися друзьями, Олег услышал далекие выстрелы и вдруг сообразил, что нет ему никакой необходимости ждать их на месте, слегка повернул верньер настройки, и проем скачком переместился вперед на полкилометра. Еще две корректировки, и Левашов тоже ступил наконец на почву планеты, на которую, строго говоря, должен был выйти первым. Как первооткрыватель.

— Это ты хорошо придумал, — сказал Новиков, оборачиваясь. — А я думал, оттуда все таскать придется...

— Может, и хорошо, но лучше бы ты обратно лез, — вмешался Шульгин. — Стоит сейчас в Москве на минуту отключиться электричеству, да просто пробки полетят, и что тогда? Давай, давай, оттуда тоже хорошо видно, — почти втолкнул Левашова назад, в мастерскую.

...Неожиданно возникла проблема, о которой никто заранее не подумал. Как быть с установкой? Постоянно держать канал перехода открытым было нельзя, потому что счетчик в прихожей у Берестина гудел, как истребитель перед стартом, и уже начала перегреваться проводка. А переместить аппаратуру на планету тоже было невозможно — фокусировка «окна» зависела от определенного положения самой установки. Задача — как поднять самого себя за волосы.

Но и выход тоже нашелся неожиданный и изящный. Левашов вынес на поляну детали своего «репликатора», как назвал он приставку, вновь собрал его, но с камерой теперь уже пять на пять метров.

— Надо будет — больше сделаем, материала хватит. Я в этой новой камере сдублировал СПВ-установку.

Олег двадцать раз подряд включил и выключил канал и, не спуская глаз с приборов, сообщил, что поле работает абсолютно устойчиво, никаких сбоев нет, фиксация сохраняется с микронной точностью. Так что, обеспечив себя автономным энергопитанием, московскую установку можно отключить и начинать робинзонаду.

— Меня твои слова не убеждают, — сказал Шульгин. — Эта штука вполне может сломаться на двадцать первый раз...

— И что из этого следует? — спросил Левашов.

— А ничего, — с достоинством ответил Шульгин. — Реко-

мендую изготовить еще одну, обеспечить каждую отдельным движком, запастись запчастями, а потом говорить. Не желаю помирать из-за того, что какой-нибудь диод-триод сделали сверх плана в конце квартала.

— Резонно, — кивнул Воронцов, который последнее время больше помалкивал, чувствуя себя несколько лишним при решении чисто технических проблем. Зато, как человек военный, он немедленно объявил себя комендантом планеты, ввел осадное положение и приступил к организации обороны по всем азимутам.

Под его руководством развернули три большие армейские палатки, поодаль установили два мощных дизель-генератора и склад горючего с соблюдением положенных мер противопожарной безопасности, перетащили в одну палатку припасы и продовольствие, в другой разместили аппаратуру, в третьей устроили жилой комплекс, под тентом — столовую и бар с музыкой.

— А вот как же так, — спросил Шульгин, лежа на надувном матрасе, — все пишут, что землеподобные планеты — большая редкость, а может, их и вообще не бывает, а мы с первого раза — и так здорово попали? И природа, и климат, и стройматериалы под рукой, и пресная вода... После острова Линкольна — лучшее место для самых капризных Робинзонов.

— Ну и поинтересуйся, какой информацией пользовались авторы тех теорий, — насмешливо ответил Левашов с превосходством практика.

Воронцов встал, с хрустом потянулся и небрежно, ни к кому специально не обращаясь, изрек:

— Или вот еще вопросик того же плана — почему это по железной дороге, куда ни езжай, всегда приедешь на станцию, и как правило — с буфетом?

Друзья переглянулись несколько даже ошарашенно. Вот вам и капитан. Такой поворот сюжета в голову никому еще не приходил. Задумались и долго молчали.

Однако существовала проблема, которая не позволяла слишком уж отвлекаться на теоретические вопросы.

Никто не забыл про зловещие царапины на дереве. Вокруг простиралась территория не просто безлюдная и экзотически прекрасная. В ней существовала своя жизнь, и, скорее всего, достаточно высокоорганизованная. Простая логика подсказывала, что если флора столь напоминает земную, то и фауна должна быть примерно на таком же уровне, а это значит — и сабле-

зубые тигры, и пещерные медведи, и что-то вроде волков, плюс любое количество неизвестных, но наверняка агрессивных форм.

И, значит, располагаться на ночевку под защитой одного только палаточного нейлона было бы по меньшей мере опрометчиво.

Пришлось заняться фортификацией.

День на планете продолжался дольше, чем на Западе. По расчетам Воронцова, часов двадцать. И большая часть из них уже прошла. Светило ощутимо склонялось к закату.

Поэтому первым делом Дмитрий потребовал у Левашова десять коробок со спиралями Бруно. Это очень удобная штука. И к тому же забавная. Дергаешь рычаг на боку огромной зеленой кастрюли, и из нее с веселым звоном вылетает десятикилометровая колючая пружина. Не пройти через такое заграждение и не проехать, разве только на танке. А зверей любых видов такое препятствие отпугнет, кроме всего, запахом металла, солидола и нитрокраски.

Основание мыса в самом узком месте имело всего метров шестьдесят в ширину и отделялось от большой поляны естественным эскарпом почти в два человеческих роста с проходом-водомоиной посередине. Вокруг этих природой созданных ворот Воронцов и развернул работы.

Перекрыв подходы с поля трехслойным колючим валом, он внимательно обследовал береговую черту, и только убедившись, что с этой стороны угроза маловероятна, крутые каменистые откосы доступны разве что подготовленным альпинистам, успокоился и объявил перекур.

— В перспективе нужно будет оборудовать стационарное проволочное заграждение метров на сто дальше, а здесь неплохо соорудить частокол. Леса хватит. А то ведь мы здесь как на ладони. Неприятно...

— Замок надо строить, чего уж там, — с легкой иронией сказал Новиков.

— Замок не замок, а какой-никакой дом строить придется, — неожиданно серьезно возразил ему Шульгин. — Не в палатках же жить.

— Дом — не проблема, — сказал Левашов. — В заграничных каталогах какой угодно коттедж найти можно.

— Не то, — покрутил головой Воронцов. — Тут посолиднее надо, блокгауз такой бревенчатый или вообще терем в древнерусском духе... — Он обвел рукой вокруг. — Пейзаж требует...

— Не потянем мы... — Казалось, что Новикову просто нра-

вится спорить с Воронцовым. Похоже, что опасения Левашова насчет соперничества двух лидеров начали сбываться.

— Артель плотников из семи человек ставила двухэтажный терем дней за десять.

— Так то же были плотники, а мы... Тут на заготовку материала полгода уйдет.

Неожиданно в разговор вступил Левашов.

— Бросьте вы зря спорить. Есть у меня идея. Главное — хорошо все продумать и спланировать, а за постройкой дело не станет. Только на сегодня, я думаю, забот хватит. Давай, Сашка, принимайся за праздничный ужин, а я еще одно дело сделаю — и все.

Он поднялся и ушел к своей установке, а минут через двадцать вернулся, неся перед собой сверкающий лист, точнее — даже плиту беррилиевой бронзы, на которой неизвестным способом была учинена каллиграфическая надпись: «Планета Валгалла. Открыта 23 августа 1984 года экспедицией в составе...» — и ниже имена и фамилии в столбик. Под волнистой чертой этот же текст повторен на английском. Но буквами поменьше.

— Вот. Пусть все будет официально. Другие мнения есть?

— Нормально. Тем более как первооткрыватель имеешь право. Принимается...

Шульгин тут же сбегал за бутылкой «Вдовы Клико» и с поклоном протянул ее Левашову.

— Извольте-с... Из собственных ручек... Только чтоб непременно — вдребезги.

Жизнь постепенно начала приобретать определенную надежность. Да и Валгалла стала как-то ближе, моментами первопроходцы даже забывали, что работают за бог знает сколько световых лет или парсеков от Земли, а не в сибирском, к примеру, студотряде, как в молодые годы. Разумеется, такому ощущению много способствовал тот факт, что в любую секунду можно было открыть внепространственную дверь и оказаться в Москве. Сама мысль об этом успокаивала нервы.

Воронцов по этому поводу заметил, что не случайно сейчас удаются самые головоломные начинания, от лыжного перехода через Антарктиду до поездки к Северному полюсу на мотоцикле.

— Седов или Скотт знали, что им никто не поможет, и в сложной ситуации умирали, а нынешние землепроходцы в любой момент могут вызвать по радио спасателей и оттого в ка-

ждый данный час ощущают себя, как на воскресной лыжной прогулке. Уверенность в том, что тебе ничего не угрожает, — великая вещь. Все равно что пройти по одной доске, лежащей на земле. Не в пример легче, чем по ней же, но над пропастью...

Кстати, Левашов экспериментальным путем установил одну интересную закономерность. При отключенном канале СПВ время на Валгалле никак не зависело от земного, и, возвращаясь в Москву, наши герои попадали в один и тот же день, 23 августа, и получалось, что отпуска у них, таким образом, могут длиться вечно. Шульгина же особенно восхитила мысль, что и до возвращения из Кисловодска его супруги тоже вечность.

— Уважил ты меня, вещий Олег, — говорил он Левашову. — Я теперь тебя готов шампанским бесплатно поить на завтрак, обед и ужин...

— Именно что бесплатно, — подчеркнул Новиков. — За свой счет он бы еще подумал, что выгоднее...

Освоение планеты началось с астрономических и метеорологических наблюдений. В итоге было установлено, что сутки здесь длятся двадцать семь часов семнадцать минут и сколько-то секунд, тяготение — примерно ноль девять «же», кислорода в атмосфере около двадцати двух процентов, местное солнце по спектральному классу идентично настоящему солнцу, и размеры его такие же, а лун зато три, но только одна имеет приемлемые характеристики, а две другие совсем маленькие и невооруженным глазом почти не видны.

Короче — по всем показателям не планета, а курорт общеоздоровительного типа. Особенно хороши были вечера. Дневные труды закончены, территория вокруг убрана от строительного мусора, на траве под навесом расстелена холщовая скатерть, багровое солнце сползает к дальним холмам, заречные дали уже подернулись густой жемчужной дымкой, свежесрубленные бревна пахнут сосновой смолой и парусными кораблями. Настроение у всех четверых благостное, умиротворенное. Суровая мужская еда — сало, картошка в мундирах, лук, чеснок, малосольные огурцы, — разложенная на скатерти, и запах доспевающих шашлыков заставляют судорожно сглатывать слюну. Последние секунды перед ужином, достойно венчающим очередной день.

— А молодцы мы все же, ребята... — щурится, глядя на солнце, Шульгин...

— Ну, а что...

— Теперь недельку отдохнуть, осмотреться, хоть километ-

ров на полста в радиусе, поохотиться, надо же знать, кто тут водится, и снова за работу...

— Да, к слову, а где же все-таки наши клиенты? Хоть машина от них должна же была остаться? — вспомнил вдруг Шульгин. Поразительно, но за всеми хлопотами о пришельцах совершенно забыли.

Но забыли, оказывается, не все. Воронцов, похоже, уже размышлял об этой проблеме, потому что ответил сразу:

— Если я не ошибаюсь, они должны находиться примерно километров на сорок северо-восточнее, если принять, что наше место идентично центру Москвы и здесь применима наша система координат...

— Верно, — сказал Левашов. — Я тоже упустил, что при перевозке я установку не перенастраивал. Сдвиг на Земле должен соответствовать такому же смещению на Валгалле.

— А так даже лучше, — решил Шульгин. — Мы как-нибудь потом к ним съездим. На бэтээре.

— Тебе еще и бэтээр понадобился?

— И не только. Нужно скомплектовать арсенал на все случаи жизни. Я лично не сильно доверяю всей твоей технике. Завтра у нее полетят лампы — и все. Привет.

— Дурак, там нет ни одной лампы...

— А мне это без разницы, что лампы, что эти, как их, процессоры. Я не технократ, а гуманитарий и интеллектуал...

— Видали мы таких интеллектуалов.

— Ребята, давайте без дискуссий, надоело. Пусть Сашка занимается арсеналом, Дим — стратегическими проблемами, я — техникой, а Андрей украшает наш быт и отвечает за пищу духовную. Он человек творческий...

— Верно. Если нам суждено здесь застрять, я желаю скоротать остальные полвека в комфорте.

За таким легким трепом в стиле «звездных мальчиков» шестидесятых годов прошел один из вечеров «эпохи первоначального освоения», соединивший в себе и радость от уже сделанного, и надежды на будущее, и легкий хмель, при котором, как писал Ремарк, «человек счастлив прежде всего удесятеренным ощущением самого себя», и роскошный закат над могучей и все еще безымянной рекой.

А под утро пошел дождь. Сначала он нерешительно начал постукивать по крыше, стенкам палаток, потом зачастил; торопливая дробь в какой-то момент захлебнулась, и на лагерь зем-

лян и окрестности лег ровный шелестящий гул вертикально падающих струй воды.

Воронцов, внезапно проснувшись, сначала не понял, в чем дело, и ему показалось, что он снова на корабле, в море. Потребовалось определенное усилие, чтобы осознать, где он на самом деле. Дмитрий вышел на площадку под туго натянутым тентом, разминая сигарету, хотя не единожды зарекался до завтрака не курить. И замер, настолько неожиданно прекрасным показалось ему это раннее утро. Солнце не встало, но уже достаточно рассвело, чтобы видеть стволы деревьев на фоне серовато-сизого облачного неба, туман, поднимающийся над оловянной гладью реки, пузыри на лужах, седую от водяной пыли траву. И над всем этим — неутихающий, мерный, умиротворяющий шум никуда не спешащего дождя. Ясно, что он может идти так и сутки, и двое, и трое... И недоуменная мысль — если на Валгалле нет своей разумной жизни, то неужели до их появления здесь все равно вставало и садилось солнце, шли дожди, вспыхивали радуги — ни для кого? А вообще существует ли красота, если на нее некому смотреть?

Он простоял так, наверное, не меньше получаса, ни о чем специально не думая, вдыхая пахнущий сырой землей и мокрой зеленью воздух, потом замерз и вернулся в палатку, так и не закурив приготовленную сигарету.

Лег на койку и неожиданно быстро заснул.

Серый, сплошной и прохладный дождь действительно не перестал ни утром, ни к полудню, и вопрос о походе по окрестностям временно отпал. Зато у Новикова родилась идея и заслуживающая внимания мысль.

В ходе разговора о постройке стационарной базы, не только удобной, но и долженствующей представлять здесь человечество, то есть отражать определенные эстетические и даже идеологические моменты, Левашов предложил, увеличив до возможных пределов пропускную способность своей аппаратуры, воспроизвести любое нужное и подходящее строение, до храма в Кижах включительно.

Однако идея эта, несмотря на свою внешнюю простоту и привлекательность (Олег даже успел спланировать возможные варианты внутреннего оформления собора), большинством голосов не прошла. Сыграла роль психология первооткрывателей, не захотевших стать просто эпигонами.

И вот тут Андрей и сказал:

— А какого хрена мы мучаемся? У нас же есть дипломиро-

ванный художник. Вызовем сюда Лешку Берестина, и пусть сделает красиво...

— О'кей, — согласился Левашов. — Канал я хоть сейчас перестрою, а Алексей действительно может придумать то, что надо...

Шульгин при этих словах скрестил руки на груди и изобразил на лице некоторое сомнение. Впрочем, вряд ли относящееся к художественным и архитектурным способностям Берестина.

Новиков его сразу понял.

— А вот это ты зря... — в голосе его прозвучали неожиданно мягкие, увещевающие нотки. — Не путай грешное с праведным. Я имею в виду только Алексея.

— Ну-ну, — ответил Шульгин. Они вообще понимали друг друга более чем с полуслова, слишком многое в прошлом их связывало, включая и поверяемые тайны первых юношеских увлечений.

— Нет, отчего же, — тут же отреагировал Шульгин, причем так, что Воронцов с Левашовым даже и не уловили предыдущего, — просто я уже устал состоять офицером для поручений...

— А что делать, раз ты поручик? — улыбнулся Новиков, довольный, что Сашка воздержался от комментариев по сути вопроса. — Олега не пошлешь, он при технике, а Дим вообще человек новый. Я бы и сам пошел, но...

— Ладно, сбегаю, — сказал Шульгин.

Он действительно сбегал, дождался на уже привычной ему площадке дома напротив, пока уснет Ирина, и осторожно постучал в дверь.

...Задача, поставленная Берестину, была одновременно и крайне проста, и таила в себе хитрости архитектурно-эстетического плана.

Дом, или, как он уже назывался попросту, форт, который решено было воздвигнуть как опорный пункт человечества на Валгалле, должен был обеспечить комфортабельное размещение, защиту от возможных природных катаклизмов, агрессивных действий местной разумной и неразумной жизни, не располагающей, конечно, осадной артиллерией и ядерным оружием, гарантировать полную автономность на длительный срок и вместе с тем своим внешним видом достойно представить самобытную культуру и национальные традиции первопереселенцев.

Пока Берестин трудился над эскизами и чертежами, расче-

тами потребных материалов и набросками интерьеров, на строительной площадке развернулись работы «нулевого цикла».

Метрах в двадцати от края обрыва, у подножья колоссальных сосен, больше похожих на секвойи, разместили, а потом и выкопали с помощью двух экскаваторов котлован десять на десять метров. Вначале шел мягкий грунт, а потом ковши заскребли по сплошной гранитной подушке. И Воронцову пришлось вспомнить свою флотскую специальность минера и подрывника. Конечно, работа с минами заграждения и торпедами отличается от гражданской пиротехники, но только в деталях. И он вполне успешно бурил шпуры, начинял их итальянским пластиком, в щебенку дробил розовый зернистый монолит.

— Надгробные памятники из него делать — цены бы не было, — усмехнулся Новиков, налегая на перфоратор и сплевывая попавшую на губы каменную крошку.

— Ага. Особливо если с травленными портретами, — согласился Воронцов. — Счас как рванем — аккурат на миллион, если по десять тысяч за памятник считать...

Дойдя до глубины в пятнадцать метров, решили, что хватит. Отбойными молотками подровняли стены, выложили из готовых бетонных панелей пол, стены и три этажа перекрытий, обшили изнутри пенопластовыми щитами и вагонкой, проложили водопроводные трубы к ближайшему ручью и вывели за обрыв канализацию. Получились трюм и машинное отделение. В них установили три пятисотсильных дизель-генератора, емкости на пятьдесят тонн соляра, аккумуляторы от подводной лодки. Выше хватило места для складов, мастерских и стационарного поста управления СПВ.

Работали, разумеется, как хорошие армянские шабашники — часов по шестнадцать в сутки. И не потому, что было куда спешить, а от веселого трудового азарта, от непривычного ощущения, что работают для себя, от желания как можно скорее увидеть свои мечты и планы воплощенными в реальность.

К этому времени Левашов прямо между деревьями натянул медные шины, подвесив их на многозвенных фарфоровых изоляторах, по углам установил медные же параболические отражатели, и получилась третья по счету репликационная камера размером как раз с товарный вагон. Теперь он мог воспроизвести в ней все, что угодно, вмещающееся в эти габариты. Ну а если бы что-нибудь там все же не поместилось, камеру можно было раздвинуть и еще.

— Дожили, наконец, — сказал Шульгин, когда они сидели у

костра за вечерним чаем. — С детства я коммунизм именно так и представлял. Правда, последнее время начал несколько разочаровываться.

— Последнее время — это как? — с интересом спросил Новиков.

— А вот как Олимпиада началась. Тогда я понял, что поспешил Никита Сергеевич.

Посмеялись, хотя и невесело.

Потом Берестин показывал свои чертежи и эскизы. Наибольшее впечатление произвел акварельный рисунок, на котором янтарно светился свежим деревом трехэтажный боярский терем. Казалось, снова вернулось детство с учебниками «Родная речь» на кремовой трофейной бумаге, в которых царь Салтан работы Билибина выходил на крыльцо такого же свежесрубленного дворца.

— Оно, конечно, плагиат, — выразил общее мнение Шульгин, — но смотрится здорово. Знать бы еще, кто это может воплотить...

— Есть кому, — ответил Левашов, до сих пор стойко хранивший в тайне свою идею. — У меня на Селигере проживает великолепный плотник и столяр, дядя Коля Абакшин. Попивает, как водится, но мастер... Топором «Сейку» починит. Давайте, я с ним переговорю, он артель соберет и за приличное вознаграждение чего хочешь сладит.

— А как же?.. — спросил Новиков.

— Да элементарно. Я ему вкручу. Скажем, так: строим писательский дом творчества. На машине ночь покатаю по лесным дорогам — и сюда. При хорошей зарплате и чарке в нужное время им любая география с астрономией до фени. А хоть бы и что — все равно ему никто не поверит...

— Ну раз так — действуй.

— Только сначала нужно материал заготовить. Что ж, при них машину включать будешь?

— Тоже не проблема. А сколько? Ты считал, Леша?

— Да кубов триста надо. Причем желательно бревно метров двенадцать в длину и толщиной полметра...

— И чтобы дубовое...

— Да хоть палисандровое, — сказал Левашов и пошел листать справочники, чтобы выяснить, какая фирма и где располагает запасами нужного строевого леса.

...Так все и получилось. Дядя Коля, незначительного роста худощавый мужик с хитрыми глазами, не очень бритый и как

бы не совсем трезвый (хотя и без запаха), прибыл со своей бригадой в восемь топоров, долго и заинтересованно изучал чертежи, походил по площадке, пересмотрел и перещупал бревна, бормоча под нос неразборчивые слова, покурил, глядя на речную гладь, и лишь потом назвал свою цену.

— Ничо, ничо, — успокоил он Новикова, приняв его за главного. — Контора твоя не беднеет, бревна вон вертолетом тягаете, а оно в тыщу рублей час выходит, я цены знаю...

«Вот дьявол хитрый, — ругнулся про себя Новиков, — а мы и не подумали, что дорог сюда никаких нет...»

— По реке перевезли, на барже.

— Может, и на барже, а наверх-то все одно вертолетом, круча вон кака...

Новикову осталось только соответствующей мимикой показать, что да, было дело, сам понимаешь какое, и нечего вспоминать, и с тобой сговоримся, была б работа сделана.

Бригада у дяди Коли подобралась уникальная. В том смысле, что и мастера опытные, и понимали друг друга с полуслова. Кроме самого необходимого, и разговоров на площадке слышно не было. А топоры у них... Сказка, а не топоры, те самые, что и бриться можно, и карандаш чертежный заточить, ну и все остальное, само собой.

Наука плотницкая тоже куда как непростой оказалась. Простую клеть срубить, четырехстенок — и то, а если сложные хоромы, составные, из нескольких клетей, связанных переходами, да с потайными углами, крыльцо на стояке, гульбище на выпусках, с вырезными сенями, шатер с повалами, терем и горницы... Колонисты Валгаллы и слов таких не слышали в своей жизни, а тут пришлось узнать.

Конечно, инженерная смекалка Левашова и командирско-хозяйственные способности Воронцова тоже пригодились. Прежде всего — для рационализации традиционных приемов и способов деревянного зодчества.

Самое трудоемкое в этом деле — пазы вдоль бревна рубить, углы опять же. Ну и ворочать бревна, вверх заволакивать... Постарому если, вручную, хорошие мастера только-только два венца в день выведут. Вчетвером. Восемь человек смогут и пять, но не больше. Еще ведь и подмостки делать надо, чтоб наверх бревна поднимать, укладывать, подгонять... Здесь и пригодилась техника. Станок, чтоб за одну прогонку паз прострогать, фрезы специальные для углов, автокран с грейфером. Так

что плотникам осталась чисто творческая работа — бревна размечать и сборкой руководить, чтоб все куда нужно ложилось.

Вывели первый венец, и сразу обозначился размах и мощь постройки. По обычаю, пришлось плотников угостить. Оказывается, с древности еще полагается три раза мастеров поить. Первый — как положат нижние венцы, второй — когда доведут до верхнего угла, и последний — как поставят коньковое бревно. Такая вот традиция, не исключающая, впрочем, чтоб и каждый вечер тоже по стаканчику подносили.

Но как бы там ни было, а попотеть пришлось всем. С раннего утра и до самой темноты. Топоры мелькали, завывали моторы станков, над площадкой витал специфический плотницкий фольклор.

Еще и потому необходимо было плотников вечером чаркой уважить, что сутки на Валгалле, как известно, были длиннее земных, и нетрудно представить, что в таком случае показывали часы. Закаты и рассветы ежедневно смещались на три часа и могли происходить и в полдень, и в два ночи, и в девять утра. Поэтому каждую ночь, когда плотники укладывались спать, приходилось перекручивать на их часах стрелки в соответствии с разработанным Левашовым графиком.

А уж каких там очертаний созвездия на небе, мужиков интересовало мало.

Наконец — закончили. Центральный терем вышел аж в тридцать восемь венцов. Стропила положили, коня и все, что положено. Спросили только плотники: «А чем крыть будем, хозяева? Если железом — так одно, а можно и лемехом, как скажете...»

Лемехом — это, как известно, тонкими осиновыми пластинами, фигурными. Традиционно, но и сложно, а времени лишнего сколько потребует... Но и железом не хотелось, стиль нарушался. Берестин, как автор проекта, продумал, прикинул и приговорил: крыть листовой бронзой, бериллиевой, нетускнеющей, да вдобавок и полированной. Выйдет — как купола на храмах.

Хоромина получилась на удивление. Внизу — большой холл, сени, кухня, еще четыре комнаты под библиотеку, а наверху — холл поменьше, две горницы, шесть спален. И еще застекленная веранда в сторону реки, и открытая галерея поверху с навесом на резных балясинах.

Заодно срубили и отличную баню, соединили с теремом крытым переходом, чтоб по холоду не бегать, потому что, согласно расчетам Воронцова, зимой в этих широтах вполне можно ожи-

дать морозов градусов до пятидесяти, так что не очень и набегаешься.

Мужики оказались не только плотниками, но и столярами, печниками тоже. На все руки, в общем. И камин сложили, и плиту в кухне, и четыре печи-голландки, каменку в бане. Живи и радуйся. А в завершение еще и украсили крыльцо и наличники по фасаду деревянным кружевом.

Закончили все, повтыкали топоры в бревно у порога.

— Шабаш, хозяева. Ставь магарыч.

Поставили, конечно. Рассчитались с дядей Колей и сверху против договора добавили. За такую работу не жалко.

Платили, безусловно, настоящими деньгами, никаких фокусов с копиями. Другое дело, что для этого пришлось десяток «Шарпов» в московские комиссионки сдать. Но тут все по закону.

Кроме того, Левашову пришлось как следует подумать насчет возвращения к родным пенатам. Вряд ли поверил бы кто, если б мужики вернулись домой на другой день — и с большими тыщами. Участковый бы наверняка заинтересовался. А две недели — вполне подходяще. Еще и погордятся мастера, что такое дело так быстро отгрохали. Да никто и вникать не будет. Уехали — приехали, а где были да чего делали... Их слушай, они тебе такого расскажут.

Однако бригадир дядя Коля явно заподозрил неладное. И ежедневные возлияния не помогли. Во время перекуров и вечерами он как бы невзначай не раз заговаривал то с Новиковым, то с Левашовым по старой дружбе, с Сашкой само собой, только Воронцова сторонился. Не вообще, по работе он его уважал, а вот приватных разговоров избегал.

То удивлялся, что река такая большая, а за все время ни одного парохода не проплыло, то начинал прикидывать, в какой стороне Москва, а где Кострома, где Вологда — по расчету времени в дороге и положению солнца. И отвлекать его внимание становилось все труднее. В конце концов, когда Новиков высказал друзьям свою озабоченность, Воронцов, усмехнувшись, сказал:

— Ладно, я с ним поговорю.

И поговорил. Отвел вечером в сторонку, огляделся — не подслушивает ли кто.

— Тебя, Николай Семенович, зачем нанимали? Дом строить? Вот и строй. А остальное... Что такое секретный объект — знаешь? Тебя сюда ночью привезли, ночью и увезут. И про все

забудь, где был, что видел... Слыхал поговорку: меньше знаешь — дольше живешь?

Прием сам по себе достаточно пошлый, но зато и беспроигрышный. Избавляющий от необходимости каждый раз придумывать убедительные ответы. Да и самому бригадиру на пользу. Ему ведь сразу стало легче. Раз объект секретный, то все остальное объясняется само собой. И никаких недоумений.

Такая у нас национальная психология.

...Еще несколько дней, оставшись одни, друзья посвятили окончательному оформлению и оборудованию своего Дома и территории базы. Смонтировали ветросиловую станцию, чтобы не заводить каждый раз дизеля, закончили все электротехнические работы, перенесли в подвалы СПВ-установку, и Левашов наконец-то ликвидировал так раздражавшие его временные схемы. Теперь все в ней стало технически грамотно и отвечало требованиям эргономики и инженерной эстетики. Хоть на ВДНХ выставляй. Подобрали и расставили мебель с учетом вкусов и запросов каждого.

— Хорошо все же себя ощущаешь, когда любые идеи и желания воплотить можно, не задумываясь о низменных материях, — где взять да чем заплатить, — сказал Новиков, присев отдышаться на площадке второго этажа, куда по заявке Левашова они тащили аккуратный кабинетный «Стинвей». — Унижает это человека. Почему я, невзирая ни на что, остаюсь приверженцем идей полного и подлинного коммунизма? Потому как простор для творчества и созидания, максимальная самоотдача и самораскрытие человека возможны только при безусловной свободе от забот о хлебе насущном.

— Опять философия, — словно бы осуждающе ответил Воронцов. — А сейчас, напротив, господствует мысль, что самый наш настоящий бич — вещизм. Само желание обладать чем-то отсутствующим в магазинах — крамола и признак деградации личности. Не зря мы с первым помощником всеми силами стараемся морячков отвратить от заграничных лавок и направить их помыслы на нечто духовное. Как сие согласуется с твоими постулатами? Причем начальство наше так старательно ограждает простых смертных от заразы, что все стоящее забирает себе.

— Народ потребляет жизненные блага через своих представителей... — коротко хохотнул Шульгин. — Берись, братцы, понесли. А чтоб все по науке было, предлагаю объявить нас объ-

ектами эксперимента. Что с нами будет, если у нас будет все? Деградируем мы или, наоборот, превратимся в титанов духа?

— Вечером приходи, я тебе книжку одну дам почитать, там как раз про это все написано, — сказал Новиков, приподнимая угол рояля.

Вот уже сделаны последние, самые последние штрихи, вроде цвета и фактуры ковров, оформления кухни и столовой, заполнения складов и холодильников всем, что обеспечит кругосветное автономное плавание, как фигурально выразился Воронцов... И, кажется, конец! Остальное — в рабочем порядке.

Все четверо спустились вниз, сели на забытое бревно напротив дома. Какой он высокий, легкий на фоне ярко-синего неба. Светится весь янтарным светом.

— Ох, и красивы ж были, наверное, свежесрубленные русские города, когда таких теремов не один, не два, а сотни... Да церкви, да тын с башнями, а над всем — детинец и княжий дворец... — мечтательно сказал Берестин.

— Поначалу, конечно, да, — согласился Левашов. — Через зиму весь этот янтарь пропадет, выцветет, останется сплошь серый. Но все равно...

— А что, братцы, давайте ради благополучного завершения рванем куда-нибудь. В Рио-де-Жанейро, к примеру, отужинаем как люди, развлечемся...

Предложение, разумеется, было принято.

Пока Левашов регулировал настройку, остальные брились и принаряжались. И через час — вершина горы Корковадо, маленький, но дорогой и фешенебельный ресторанчик под кронами деревьев-великанов, под завесою лиан и бахромой лишайников, среди тропических цветов и душистых мимоз. Внизу сверкает электрическое море гигантского города, видна огневая подкова Копакабаны, а дальше — абсолютная тьма океана. Наверное, сотня прожекторов заливала ртутным светом тридцатиметровую статую раскинувшего руки Христа... Сюда не доходил шум улиц города, но, если прислушаться, можно было угадать мерные вздохи океанского прибоя.

Воронцов на английском, а Новиков на испанском успешно договорились с мулатом в белом пиджаке, и тот начал носить тарелки с чем-то национальным из фасоли, мяса, перца, бананов и бог знает каких южноамериканских специй. Попутно мулат сообщил, что бразильская кухня — самая изысканная в Америке, и рекомендовал обязательно попробовать «итапоа» — пудинг из крабов. Пудинг не обманул ожиданий. Не встретила

возражений и местная поговорка: «Лучше много хлеба, чем мало вина».

Шульгин сделал глоток и вдруг вспомнил Бендера:

— Жаль, что ему не повезло. Старику бы понравилось.

— Какому старику? Ему тогда было тридцать.

— Но сейчас-то восемьдесят четыре...

— Жить и жить бы на свете, да, наверное, нельзя... — после короткой паузы произнес Воронцов, будто только что сам это придумал.

— Да уж... — кивнул Шульгин. Остальные поддержали тезис сочувственным молчанием.

Мысль слишком глубока, и ее обсуждение кажется сейчас неуместным. Из всех четверых только Шульгин впервые попал в «свободный мир», и его охватила агрессивная меланхолия:

— Черт знает что! Мы граждане самой передовой державы, это про нас поется: «...владеть землей имеем право, а паразиты — никогда!» — а что получается? Полжизни прожил и ничего не видел! В Болгарию — и то, пока оформишься, все проклянешь и никуда не захочешь, а они, паразиты то есть, катаются... Хоть в Новую Зеландию, хоть к нам в Союз...

— Утешься, Саша, — печально вздохнул Воронцов. — Значит, так надо. Капиталистическое окружение и тлетворное влияние... Нельзя подвергать незакаленную психику запредельным нагрузкам и стрессам. А также вселять бессмысленные мечтания... Помнишь, что было, когда русские впервые за границу попали? 1814 год, Париж, а потом — 1825-й... Олег же предлагал тебе — оформляйся к нам на флот — и будешь кататься. Месяц в море, день на берегу и восемьдесят шесть валютных копеек в сутки. Тогда и разгуляешься...

— Нет уж, увольте. Свобода дороже. Лучше в следующий раз пошли ужинать в Веллингтон.

...В такой несерьезной, немного даже фарсовой тональности прошел этот вечер и ночь прощания с Землей, хотя каждый из них не мог не чувствовать, что сейчас окончательно меняется их жизнь. А может — именно поэтому. Пока база только строилась, все было словно не до конца решено, словно оставались еще варианты. Теперь же, как выразился Новиков, «ле вен э тире, иль фо ле буар», или, в переводе с французского — «вино откупорено, нужно его пить».

Так или иначе, им придется начинать жить на чужой планете, выйти за пределы ограды в огромный, неизведанный, таящий непредсказуемые сюрпризы мир. И тем самым первыми

из людей перейти в совершенно новое качество. Потому что и Лейф Эйриксон, и Колумб, и Гагарин с Армстронгом не покидали своей «ойкумены». Человек, даже ступив на Луну, оставался, если так можно выразиться, в пределах прямой видимости. И ничего неведомого там его не ждало. Не случайно буквально через несколько лет этот триумф американской техники как бы забылся, и имена лунопроходцев сегодня назовет едва ли один из сотни...

А наши герои вели себя более чем легкомысленно. Но легкомысленным их поведение выглядело в иной, чем признавали они, системе нравственных координат. Не следует забывать, что все четверо принадлежали к первому послевоенному поколению, и юность их пришлась на годы с совершенно особенной нравственной атмосферой, которая не походила ни на ту, что существовала предыдущие сорок лет, ни на ту, что опустилась на страну в конце шестидесятых. Но им и их ровесникам хватило и пяти-шести лет, чтобы навсегда приобрести иммунитет и к тщательно срежиссированному бескорыстному энтузиазму, и к циничному прагматизму последующих десятилетий.

Не зря среди их первых взрослых книг были Хемингуэй, Ремарк, Камю, Эренбург, Катаев, Солженицын, они читали наизусть стихи Евтушенко и Когана, слушали и пели сами песни Окуджавы, Городницкого, Галича, безошибочно ответили себе на прозвучавший из самых высоких инстанций вопрос: «Для кого поет Высоцкий?»

И, разумеется, даже «свой путь земной пройдя до половины», они так и не научились говорить и поступать «как положено» и «как принято».

Вполне можно предположить, что на месте наших героев могли бы оказаться совсем другие ребята. Лет на пять-шесть помоложе. Лучше приспособленные к сложностям жизни. Отчетливо знающие, где и как себя вести. Твердо помнящие, что советскому журналисту за границей нельзя вместе с повстанцами переходить границу сопредельного государства, пусть и с фашистским режимом, и уж упаси бог даже под страхом смерти брать в руки оружие, да еще и фотографироваться в таком виде. Что военному моряку нельзя намекнуть старшему по званию дураку, что он дурак, а моряку торговому нельзя привести в иностранном порту в свою каюту бывшего царского мичмана, поить его «Столичной» водкой и заводить для него пластинку «Старинные вальсы и марши». И что безусловно нельзя вы-

ступать с разгромной речью на защите диссертации любовницы сына замминистра...

Уж эти-то ребята приняли бы безукоризненно правильные и идеологически выдержанные решения при встрече с любыми пришельцами. (При условии, что пришельцы захотели бы иметь с ними дело.) Но даже и при таком условии у нас получилась бы, как говорится, совсем другая история.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Следующим утром, когда Шульгин и Левашов еще спали, утомленные приключениями, Новиков вышел на освещенный солнцем обрыв, сел на краю, свесив ноги в бездну, и задумался.

Мысли его обратились к событиям недавнего времени, к Ирине, которая по-прежнему, если верны расчеты Левашова, спит сейчас в ленинградской квартире Воронцова. Потом он стал думать и о самом Воронцове, который, несмотря на три прожитые бок о бок недели, оставался для него если и не загадочным, то не до конца понятным человеком. Биографию его Андрей знал практически в деталях, но интересовала его сейчас не биография.

Присутствовал во всех его словах и манерах неприятный привкус тайны, которую Новиков чувствовал, но не мог отчетливо осознать. За работой они говорили в основном о работе, в свободное время — о чем угодно, и всерьез и в шутку планировали будущее, анализировали настоящее, спорили по мировоззренческим и нравственным проблемам.

Мыслил Воронцов четко, остро. Новиков даже употребил термин — пронзительно, очень часто цитировал Салтыкова-Щедрина и цитаты тоже подбирал злые и резкие, но это как раз Андрея не удивляло, к кому и апеллировать в наши дни умному человеку, как не к Михаилу Евграфовичу, самое сейчас для него время. Сегодня он актуальнее даже, чем в момент публикации.

Испытанные психологические тесты не давали ожидаемого результата, отвечал на них Воронцов так, что вместо выводов получалась полная ерунда. Прямо тебе не Воронцов, а Швейк с высшим военно-морским образованием.

И еще Новикова задевала позиция Левашова. Старый друг вел себя так, словно его забавляло создавшееся положение и

сам он знает гораздо больше, чем говорит, но по неизвестным ему причинам не хочет своим знанием поделиться.

Но такое положение дальше терпеть невозможно. Предстоящая жизнь на Валгалле не допускает неясности и недомолвок. Вот ведь с Берестиным отношения наладились, смешно сказать — даже особого рода внутренняя близость образовалась, и отнюдь не потому, что существует Ирина, раньше у них именно на этой почве холодок чувствовался. А сейчас выяснилось, что они с Берестиным очень хорошо друг друга дополняют. Вот и с Воронцовым пора уточнить позиции...

Позади захрустел песок, и Новиков, обернувшись, даже не удивился. Воронцов же, подойдя, улыбнулся радостно, словно бог знает сколько не виделись, сел рядом, вытащил из кармана уже набитую трубку, подчеркнуто тщательно ее раскочегарил. Табак он теперь курил совершенно немыслимый по аромату.

— Замучил я тебя, компаньеро Андрей, — сказал он, словно читая в душе Новикова. — Совсем ты извелся. Что я, кстати, Олегу и предсказывал, когда он меня собрался с вами знакомить. Только не с той стороны ты замок ковырял. Никаких тайн психики во мне не имеется. Все что есть — на виду. В одном ты прав — не все я вам говорил и не с улицы к вам пришел. Была и у меня история, ничуть не хуже вашей, а во многом прямо-таки один к одному. Даже смешно. Послушай, а потом вместе обсудим, что, как, зачем и почему...

— Ну и как ты себя после всего чувствуешь? — спросил Новиков, когда Воронцов закончил свой рассказ.

— Да в общем нормально. Сплю по крайней мере спокойно. Это, наверное, в молодости такие вещи обостренно воспринимаются... Если ты войну имеешь в виду. А остальное... — Воронцов пожал плечами.

— Теперь все усложняется еще на порядок, — сказал Новиков. — А в остальном наше положение становится даже выигрышнее. Союзники у нас теперь мощные... — есть на что надеяться. Но вот что мне непонятно, так эти самые совпадения. Отчего они именно такой сценарий закрутили? Фантазия бедная или как?

— Знаешь, я не удивлюсь, если у них действительно «бедная фантазия». Как говорил один мой товарищ: «Увы, это правда. Придумать можно было и поинтереснее».

— А чего ж ты так долго молчал? — спросил Новиков. — Не доверял нам?

— Об «не доверял» не может быть и речи. Просто присмат-

ривался. Ирина меня ваша смущала. Чего это она вдруг флаг сменила? Перебежчик — ему тоже причина нужна. Хоть идейная, хоть шкурная... А она же не абы кто, лицо доверенное и подготовленное. Возьми опять же военные аналогии. Кто перебегал — пехота, рядовые все больше, офицеры — редко, а чтоб кадровые разведчики — такого и не слышал. Да и то наши примеры — в пределах одной расы и близких исторических формаций...

— Ну, не скажи, — возразил Новиков. Область чистой теории его устраивала, потому что уводила разговор от личности Ирины и подлинных причин ее перехода в лагерь землян. — Были в истории еще и не такие случаи. И на нашу тему тоже. Вспомни, к индейцам европейцы жить уходили в поисках справедливости и нравственной чистоты, к полинезийцам — Джека Лондона читай, Стивенсона и тому подобное.

— Ладно. Согласимся. Из рабства необходимости в царство свободы... Следующая причина — решил я выдержать и осмотреться. Чего мой друг Антон дальше делать будет. Отступиться он не должен, а раз так — его ход. А я пока развлекусь, чистым воздухом подышу, с интересным народом пообщаюсь... Вполне подходяще.

Новиков вдруг вскочил, хлопнул себя ладонью по ноге.

— Вот! А я уже измучился вконец, планы всякие строил, теории изобретал. А зачем? Только сейчас дошло — информация, которой мы располагаем, вообще ничего не стоит. По твоей же военной методике если рассуждать — попадает нам в руки «язык», но какой? Пусть даже взводный лейтенант. И что он может рассказать? Если и правду, то на своем же, взводном, уровне. А без знания стратегических замыслов их верхнего командования ей грош цена. Одно дело — стоять насмерть, если за тобой Москва и враг переходит в решительное наступление, совсем другое — если он решил на километр продвинуться, потому что на старой позиции комары сильно кусают.

— И что в итоге? — спросил Воронцов с интересом.

— То самое, что ты сказал. Ждать и не брать в голову. А то мы воображаем о себе бог знает что, судьбы галактик мечтаем решать, а на нас, может, давно плюнули и забыли. Дел у них других нет... Раз твой Антон такой умный, пусть сам свои проблемы и распутывает. А у меня в зубах навязло. Надо будет — нас позовут. Давай лучше сегодня же организуем большой банкет по случаю добровольного присоединения Валгаллы к Рос-

сии. Ирину из Питера заберем, твою Н. А. пригласим, еще кого-нибудь...

— Годится. Люблю повеселиться, особенно пожрать. Тем более я давно обещал Олегу его личной жизнью заняться, хватит ему в девках ходить.

Конечно, в один день они не уложились. Подготовка заняла гораздо больше времени. Слишком много недоделок выявилось, слишком много дополнительных идей возникло по ходу. То Шульгину захотелось реализовать свои юношеские мечты и украсить дом коллекцией огнестрельного оружия, охотничьего и боевого, причем требовалось не что придется, а такие, к примеру, экзотические образцы, как винтовки Краг-Йоргенсона, Шмидт-Рубина или Бердана № 1, пистолет-пулемет Томсона 1741 года или какой-нибудь штуцер Снайдера для охоты на слонов, и непременно с прикладом из сандалового дерева. А это, естественно, требовало серьезных поисков.

Берестин, в свою очередь, выдвигал идею организовать не просто заурядную вечеринку, но все до мельчайших деталей стилизировать под начало шестидесятых годов: пластинки и магнитозаписи, напитки и сорта сигарет, даже характерные наборы закусок и заграничные иллюстрированные журналы. Ну и так далее.

Причем трудно сказать, в чем тут было дело — в подсознательном желании компенсировать нереализованные юношеские мечты, в очередном приступе ностальгии по прошлому, или просто это была игра, веселое соревнование в остроумии, изобретательности и памяти.

Ведь, в конце концов, все они были достаточно умны, чтобы всерьез увлечься неограниченными возможностями к стяжанию материальных благ. Скорее наоборот.

Но наконец все было готово. Осталось только привезти гостей.

...Как-то получилось, что Левашов, перевалив за середину четвертого десятка, не обзавелся не только семьей, но и постоянной подругой тоже. В юности он создал себе идеальный образ девушки, которую готов был полюбить, но ничего подобного так и не встретил. Такое случается почтим с каждым, однако у большинства безболезненно проходит годам к двадцати пяти. А вот у Олега процесс приобрел злокачественный характер, и многие вполне приличные, но не соответствующие вымышлен-

ному образу девушки, готовые составить его счастье, отступали, поняв тщету своих усилий и чар.

Морская же служба сделала перспективу устройства личной жизни Левашова совсем уже проблематичной.

Поэтому, когда Воронцов сообщил ему, что не забыл своего обещания и что претендентка на руку и сердце ждет его с нетерпением, Олег усмехнулся скептически, но возражать не стал.

Через мастерскую Берестина, которая и на этот раз сыграла роль КПП на границе двух миров, они вышли на вечернюю Пушкинскую улицу, сели как ни в чем не бывало в стоящий у бордюра «БМВ» и отправились туда, где, по словам Воронцова, ждала Олега прекрасная незнакомка.

Подруга Воронцова, которую он даже за глаза называл отчего-то по имени-отчеству, жила в плоской шестнадцатиэтажке близ Крестового моста.

Наталья Андреевна, о которой Левашов был достаточно наслышан, оказалась вполне миловидной дамой в возрасте около тридцати. Она открыла дверь, провела их в комнату, и Олег увидел подружку Наталии Андреевны. Девушка сидела на диване у открытой балконной двери с каким-то толстым журналом в руках и сразу, с порога, произвела на Левашова впечатление, на которое, очевидно, и рассчитывал Воронцов. Самое интересное, что Воронцов тоже увидел ту девушку впервые в жизни, а увидев, с удовлетворением отметил, что Наташа поняла и выполнила возложенную на нее задачу безукоризненно.

При том, что девушка ни в коей мере не походила на воображаемый идеал, Левашов почувствовал непривычное и почти непреодолимое желание смотреть на нее не отрываясь. Она его сразу заинтриговала, вероятно, своим сумрачным, замкнутым лицом. «Как Медея, — подумал Олег. — А может — Цирцея...» — вспомнил он излюбленные Шульгиным мифологические сравнения.

Густые темные волосы обрамляли лицо девушки и свободно стекали на плечи тяжелой волной. Еще он заметил длинные ноги в до белизны вытертых джинсах и туго натянутый на груди черный свитер.

После краткой процедуры представления Лариса (так ее звали) протянула узкую руку. Воронцов ее просто пожал, а Олег, неожиданно для себя, наклонился и неловко эту руку поцеловал. Лариса не то удивленно, не то пренебрежительно взмахнула ресницами и вновь отвернулась, вновь села на диван, под-

жав ноги. Повисла мучительная пауза. Разрядил ее Воронцов утонченно-казарменной шуткой.

...Разговор вращался вокруг подходящих к случаю пустяков, как почти всегда в малознакомой компании такого круга. Левашов исподволь продолжал изучать девушку, отмечая, что на красивых пальцах Ларисы с темно-вишневыми ногтями нет ни единого кольца или перстня, что журнал, который она отложила при их появлении, — каталог Сотби и что, сославшись на встречу, о которой Н. А. ее, разумеется, предупредила, не следовало бы говорить таким скучающе-безразличным тоном.

«Тоже мне, королева в изгнании...» — старался он разозлиться и тем самым избавиться от овладевших им комплексов. Но получилось это плохо. К счастью, Воронцов вовремя понял его состояние. И предложил идею — отправиться в гости.

— Совершенно эстетно... — неожиданным в его устах тоном говорил Дмитрий. — Крупный писатель, роскошная дача под Древнюю Русь, всегда рад хорошей компании...

— Вы имеете в виду именно древнюю или средневековую? Это часто путают, — вдруг спросила Лариса.

— А черт ее знает, — не сбился с расслабленно-томного тона Воронцов, — я не специалист... Ну всякие там Мономахи, Марфы-посадницы и прочие Шуйские... Много дерева, свечей и оружия... Князь вам сам все точно изложит.

— Однако диапазон у вас — от Мономаха до Шуйского... А князь — это кличка такая?

— Отнюдь, скорее титул. Взаправдашний князь, вроде бы даже Рюрикович...

— И одновременно крупный писатель? Уже интересно.

— А вы что, Чивилихина недавно прочли или Балашовым увлекаетесь? — в диссонанс со своей исторической неграмотностью спросил Воронцов. Наталья Андреевна, не желая портить игру, отвернулась, скрывая улыбку.

— Да как сказать... — уклонилась от ответа Лариса, и Левашов подумал, что эта девочка (имея в виду разницу в возрасте лет около десяти) отнюдь не глупа. «Слава богу, хоть поговорить можно будет, а то вечно попадаются экземпляры с мозгами полевого облегченного образца...»

— ...Так я про дачу его, — продолжал валять дурака Воронцов. — Совершенная глушь, васнецовско-шишкинский пейзаж, река, никаких признаков цивилизации, и в то же время — все возможные удобства жизни. Первоклассная аппаратура, само собой — видео, а бар...

— И кто же тот писатель-князь? — спросила Наталья Андреевна. — Ты мне не говорил.

— Ты даже не представляешь, о чем я тебе еще не говорил. Андрей Новиков его зовут. Если не Маркес и не Грэм Грин, то по тиражам никак не ниже Семенова.

— Не слышала даже такого... — сказала Лариса.

— Он — призрак, — включился в розыгрыш Левашов. — Пишет, а подписываются другие. Но своя одна книга тоже есть. Широко известная в узком круге ограниченных людей.

— И какой же смысл писать за других, если он хороший писатель?

— О-о! — поднял палец Воронцов. — Особливый. Гораздо увлекательней быть неизвестным автором выдающихся трудов, нежели известной посредственностью.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением тряхнула волосами Лариса. — Отдает проституцией...

— Не судите, да не судимы будете, — вступился за Новикова Левашов. — Познакомитесь, тогда и составите мнение. А он отличный парень. Как Маяковский. Наступил на горло собственной песне... Во имя высших интересов.

— С собой что брать будем? — спросила Наташа, считая вопрос о поездке решенным.

— Да ничего не нужно. Только предметы личной гигиены и комплекты туалетов на ваше усмотрение, исходя из предстоящей программы: отдых на лоне природы, торжественный ужин...

— Лучше сказать — пир, — вставил Левашов. — Пир на Валгалле... — повторил он, словно пробуя это сочетание на вкус.

Воронцов кивнул, принимая поправку, и продолжил:

— И облачение для бани.

— Без бани теперь никуда, — съязвила Лариса. — Будто до этого век не мылись.

— Точно! — простодушно улыбнулся ей Воронцов. — Я тоже не очень понимаю, что за удовольствие пить водку в голом виде. Однако — ноблэс оближ... Но если вы этого не любите — обещаю не настаивать.

— Тогда мы будем собираться, — сказала Наташа.

— А мне придется домой ехать... — засомневалась Лариса. — А это далеко.

— Нет проблем. Пусть они нас пока тут подождут, а мы с вами сгоняем, — с энтузиазмом успокоил ее Левашов.

Пока он вез Ларису в Северное Чертаново, то все время пытался разговорить девушку, используя урок, преподанный ему

Воронцовым. И хоть Лариса держалась по-прежнему довольно замкнуто, путем настойчивых подходов с разных направлений он все же выяснил, что работает она ассистентом в историко-архивном, интересуется вопросами антирусской дипломатии в XIX веке, Пикуля недолюбливает, обожает Цветаеву и Ирвина Шоу, битлов и брейк, итальянское кино и сюрреализм. Еще она любила собак, кофе по-турецки, горные лыжи и осеннее море.

— Похоже, что у нас с вами есть точки соприкосновения, — обрадовался Левашов. Лариса постаралась не обратить на эти слова внимания и спросила, откуда у него такая машина.

— Ну откуда у меня взяться машине? Это Воронцова, с рук у кого-то взял...

Стараясь произвести на девушку впечатление, Левашов гнал отчаянно, поехал не через город, а по Окружной, и хоть вышло километров на двадцать дальше, приехали они быстрее, чем довез бы самый лихой таксист.

В дом она его не пригласила, и он с полчаса просидел в машине, размышляя, есть ли у него какие-нибудь шансы понравиться столь захватившей его воображение особе. Судя по всему, жениха или постоянного приятеля у нее нет, но это может быть как плюсом, так и наоборот, свидетельством об отвратительном характере и прочих недостатках. Свои личные качества он оценивал более-менее объективно, знал, что при должной сноровке можно покорить практически любую женщину, но знал-то он это чисто теоретически, а тут все дело в практике.

А какой походкой она всходила на крыльцо подъезда... На грани идеологической диверсии.

Лариса появилась, когда и должна была, по расчетам Олега. Он подумал, что это хороший признак. Не копается, не тянет нарочно времени, но и не спешит, уважая себя. На ней была та же одежда, только поверх свитера она надела короткую замшевую курточку, и на плече у нее висела туго набитая брезентовая сумка с надписью «Ройял айр форс». Когда она села в машину, вытянула ноги, откинулась на подголовник и попросила у него сигарету, Левашов уловил, что держится она уже не так отстраненно, как раньше. Сработал эффект психологического перерыва — хотя и прошло всего полчаса, но это теперь у них как бы вторая встреча, а значит, он ей человек уже знакомый, а не абы кто... Спасибо Новикову за его уроки. Воронцов с Наташей ждали их на улице.

— Ну, нашли общий язык? — весело поинтересовалась Наталья Андреевна, устраиваясь на заднем сиденье. Судя по ее

виду, она уже отрешилась от повседневных забот и полностью настроилась на предстоящие развлечения.

— Олег так увлеченно его искал, что три раза гораздо вероятнее был общий гроб, чем язык.

— Ошибаетесь. Настоящий шанс был один, и как раз не там, где вы думаете. А прочее — просто слишком эмоциональное восприятие реальностей дорожного движения.

До темноты он крутил «БМВ» по узким лесным дорогам Подмосковья и боялся одного — что опять произойдет какой-нибудь сбой и они въедут на Валгаллу днем. Объяснить такой пассаж будет трудно.

Когда он убедился, что ориентировку женщины потеряли давно и прочно, и темнота сгустилась достаточно, он остановил машину под предлогом, что где-то здесь должен быть съезд на ненадежный мост, прошел метров на тридцать вперед и возле приметного дерева включил дистанционный пульт.

На Валгалле была ночь. И опять шуршал тихий дождь.

— Капает с неба, а вроде ясно было, — сказал он, садясь за руль.

— Где капает, окна чистые? — удивилась Лариса.

— Сейчас увидите. — И медленно, на второй скорости пересек границу.

Лобовое стекло сразу покрылось влажной моросью.

— Удивительно — такой резкий переход. Дорога была совсем сухая... — сказала Наташа.

— Сзади она и сейчас сухая. Но ведь все где-то начинается и кончается.

Попали они точно, и через пять минут Левашов увидел впереди огонек на мачте ветряка.

— Здесь и дороги никакой нет? — спросила Лариса, глядя, как в свете мощных галогеновых фар мелькают необъятные стволы деревьев и уходит под колеса едва примятая трава: Сашка накануне учился ездить на бэтээре.

— Наш Андрей — большой анахорет. К нему мало кто ездит. Он предпочитает создавать бессмертные творения в глуши. Когда строили дачу — была грунтовка. Теперь заросла...

Говорить правду, если вообще ее говорить, друзья не спешили. Все из того же суеверного опасения перед необратимыми поступками. Рассказать все — значит неизбежно втянуть еще и этих двух женщин в историю, со всеми возможными последствиями... Остальные колонисты вернулись раньше, и Ирина уже осмотрелась и освоилась на «Даче». Шульгин для комплек-

та привез с собой довольно симпатичную девушку, по его словам — не то родственницу жены, не то аспирантку. Как-то он так ухитрился запутать этот вопрос, что никто ничего не понял.

Перезнакомившись, женщины, как водится, внимательно друг друга осмотрели, сделали, очевидно, определенные, только им понятные выводы, после чего вновь прибывшие отправились приводить себя в праздничный вид для первого номера программы.

Сумка Ларисы с эмблемами английских королевских ВВС оказалась поразительной емкости, потому что появилась ее владелица через положенное время совершенно преображенная. И будь Левашов попроницательнее в вопросах женской психологии, он догадался бы, что желательное для него впечатление он на Ларису произвел.

Зато это сразу отметили и Ирина, и Наташа. Ирина, не удержавшись от иронии, сказал об этом Андрею.

— Да ради бога, может, хоть здесь Олегу повезет... — пожал тот плечами и подумал: «Ну, бабы, во всех галактиках одинаковые. Что б, казалось, тебе до этой девчонки, будто своих проблем мало, а вот поди ж ты...»

Теперь Новиков как бы поменялся с Ириной местами, он прожил на Валгалле несколько месяцев, здесь уже наступает осень, ночи холодные, часто идут дожди, а Ирина в Ленинграде, похоже, и соскучиться не успела. А сам он от нее отвык и смотрел сейчас совсем по-другому, чем при прощании на вокзале. И почти готов был решить их взаимоотношения раз и навсегда, если бы... Если был бы уверен, что это не очередная вспышка влечения к ней после долгой разлуки. Сам злился на себя, но не мог перешагнуть через давно поставленный им нравственный барьер. Чересчур благородный по нынешним временам.

А вечер шел своим чередом. Как и было запланировано. Танцевали, причем Воронцов с Наташей неожиданно блеснули, вспомнив молодость, демонстрацией таких экзотических танцев, как чарльстон и твист. После пиковых физических и эмоциональных нагрузок сидели в креслах перед живым огнем, легко, но калорийно закусывали, вели приятные беседы. И это тоже было экзотикой для москвичек, давно уже отвыкших, а то и никогда не знавших по молодости лет о таких способах времяпрепровождения.

Потом Лариса захотела осмотреть дачу, и Олег повел ее вверх по широкой дубовой лестнице.

В вернем холле она надолго задержалась перед книжными стеллажами, содержащими невиданные и неслыханные изда-

ния, особенно ее почему-то ошеломили четырехтомные «Очерки русской смуты» А. И. Деникина.

— Я ведь историк, а даже не подозревала, что у нас такое издавалось, — с прямо-таки детской обидой сказала она. Чтобы ее успокоить и отвлечь, Олегу пришлось тут же ей этот труд подарить.

Перед застекленными шкафами и открытыми пирамидами с оружием она тоже задержалась, погладила пальцем полированные приклады и вороненые стволы. Судя по ее лицу, она и вправду начала верить, что Новиков действительно приличная величина как в литературном мире, так и по общей шкале жизни.

— По крайней мере, на валютчика он похож еще меньше, — сообщила она Левашову результат своих умозаключений, причем настолько серьезно, что он даже не понял, шутит она или нет.

— Я передам ему вашу лестную оценку, — пообещал Левашов. — Андрей будет польщен. Обычно его принимают за рядового хозяйственного расхитителя. Никто не верит, что честным трудом можно хоть что-нибудь заработать...

— А вы верите?

— В данном случае — да. Андрея я знаю всю жизнь. За границей он много работал, здесь тоже. А потом повезло, написал мемуары одному маршалу, опоздавшему к первой волне, удачно написал, и пошло... Платят прилично, а кто поблагороднее — и госпремиями делится. Но, увы, не все, не все... Жаден народ... Вот так-то.

Лариса присела на подоконник большого полуциркульного окна, одернула платье на коленях, потом, устраиваясь поудобнее, закинула ногу на ногу, снова поправила подол жестом девушки-скромницы, словно не она только что показывала в танце, где и что на ней надето, оперлась спиной на раму.

За окном стояла абсолютная тьма. Будто мир кончился здесь, и дальше, за толстым стеклом, не было вообще ничего. Ни огонька, ни отблеска далеких городов.

— Знаете что? — Посмотрела на Левашова внимательно и грустно. — Чтобы не было недоразумений... Из того, что я с вами согласилась поехать, еще ничего не следует.

Левашов улыбнулся.

— Бывали прецеденты?

— Это не прецеденты — это система. Если девушка едет на дачу с ночевкой, остальное подразумевается само собой. Не хотелось бы вас обижать...

— По-моему — не придется. Ребята у нас приличные во всех отношениях. Я тоже. Комнату свою вы видели. Там, правда, засова изнутри нет, но можно подпереть стулом... Вот за разговоры не могу поручиться — разговоры у нас иногда бывают довольно двусмысленные... Чтобы не сказать больше.

— Так далеко мои претензии не заходят. А ребята у вас действительно неплохие. Вот только ваш друг Воронцов...

— Что?

— Трудно объяснить... Я Наталью давно знаю, а в его присутствии она так меняется... Будто боится чего-то. Может, он ее бьет?

Левашов расхохотался. Ничего более дикого он и вообразить не мог. Впрочем, как Дмитрий умеет драться, он знал.

— Вы только ей не говорите... Он ее фотографию, единственную, двенадцать лет назад порвал, так потом, когда задумается, на чем придется по памяти портреты рисовал... Спохватится, сомнет и щекой дергает.. А боятся его только бичи в портах, официанты и начальники. О! — Левашов протянул Ларисе руку. — Пойдемте. Сейчас Андрей будет сольный концерт давать... Бывает весьма любопытно.

Лариса встала, опершись на его ладонь своей тонкой, но сильной кистью, и Олег, слегка задержав ее руку, вдруг пожалел о том, что она успела провести границу.

После того как Андрей спел, компания снова разбилась на отдельные группы. Шульгин собрал вокруг себя дам и показывал им забавные, хотя и несколько фривольные фокусы в стиле Акопяна, но соответствующим образом модернизированные. Воронцов пригласил Берестина и Левашова во двор — проветриться и развлечься стрельбой в цель, и Новиков оказался с Ириной вдвоем в дальнем углу холла, возле музыкального центра и стола, заваленного кассетами и пластинками.

— Тебе твоя комната понравилась? — спросил он. — Я старался...

— Спасибо, комната великолепная. Отдаю должное твоему вкусу и заботе. Вообще поразительно, как вы все это успели. Такой дворец...

— Старались, — повторил Новиков, перебирая конверты. «Нет, Ирина сильно изменилась, — думал он. — И не только внешне, хотя внешне тоже. Или непривычный костюм? Немного вызывающе. Как тогда, на даче у бывшего мужа... Что-то с ней произошло там, в Ленинграде».

— Я зайду к тебе сегодня, когда все кончится, — сказал он как бы между прочим.

— Да нет, не стоит, — неожиданно для него спокойно и почти безразлично ответила Ирина.

Он даже не понял сразу, вскинул голову, с недоумением посмотрел ей в глаза. Она ответила ему прямым и долгим взглядом.

— Видишь ли, в Ленинграде, куда ты меня так просто и, по-моему, с облегчением отправил, кое-что случилось... — Увидела, как дернулось у него лицо, успокоила снисходительно: — Нет-нет, не это. Хотя и могло бы... Алексей был достаточно настойчив. И жили мы с ним в однокомнатной квартире, что ты тоже не мог не знать. Вообрази мое положение — практически безвыходное. И я даже не могла сослаться на то, что у меня есть другой мужчина. А посвящать его в тонкости наших проблем — согласись, это глупо... Вот я и сказала, что по ряду причин — каких, неважно, до официального замужества ни в какие интимные связи вступать ни с кем не собираюсь. Он не удивился, по-моему, это его даже восхитило, и тут же предложил мне именно такой вариант. Как ты понимаешь, мне пришлось в деликатной форме отклонить и это предложение, как несвоевременное. И одновременно подтвердить, чтобы окончательно не травмировать человека, который этого не заслужил, что я не обещаю выйти именно за него, но что любовников у меня не будет — это обещать могу. На чем и закрыли тему. Так что... — она слегка развела руками и вновь улыбнулась, теперь уже грустно и сочувственно.

Андрей до боли прикусил нижнюю губу, но сразу же взял себя в руки.

— Да... Такой вариант я не предусмотрел. Прекрасная дама надела пояс верности, а ключ выбросила в море. И кому теперь суждено стать тем Поликратом? А в общем, ты права, дорогая. Именно так дураков и учат. Я не знаю, какие обеты, в свою очередь, принимал уважаемый мною товарищ Берестин, но раз уж настала пора обетов — в свою очередь клянусь и торжественно присягаю — до полного одоления супостата не искать благосклонности вашей милости, а по достижении оного одоления в первый же мирный день и час сделать вам и только вам официальное предложение... — Не глядя, он потянулся рукой к столу, нащупал первую попавшуюся пачку, резко встряхнул и поймал сигарету зубами. Прикурил от свечи, выпустил дым и тихо закончил фразу: — Или прямо сейчас. Сейчас я громко объявлю

о нашей помолвке или сразу свадьбе... Как прикажешь. Шампанское есть, кольцо тоже найдем. Вот только платья с фатой нету. Да они вроде и не обязательны?

Ирина протянула руку и погладила его по щеке, как когда-то.

— А вот это лишнее, Андрей. Не надо, это почти истерика. Ты хорошо начал, но сорвался... Пусть будет так, как ты сказал — сразу после победы.

— Да, ты права, извини. Пойдем к народу, там Сашка для вас еще много интересного приготовил...

— Так ты действительно ничего из того сна не помнишь? — спросил Воронцов Наташу. Они сидели вдвоем в библиотеке, на старомодном кожаном диване между книжными полками. Наташа посмотрела на него с удивлением:

— Почему ты опять об этом? Я ведь говорила — не помню. Так, обрывки... Мало ли что снится. Я больше всего удивилась совпадению — впервые за столько лет увидела тебя во сне, и тут же ты сам явился...

Воронцов постукивал пальцами по подлокотнику, смотрел в пол, и Наташа вновь ощутила неясную тревогу. Все же слишком сильно изменился Дмитрий, почти ничего в нем не осталось от того давнего, мягкого и доброго ее друга. Она была рада, даже счастлива, вновь его увидев, но это был совсем другой человек, к которому надо было привыкать совсем заново.

Он медленно, словно сомневаясь в необходимости того, что делал, вынул из внутреннего кармана коричневый тисненый бумажник, раскрыл его и протянул Наташе несколько пластиковых квадратиков моментальных кодаковских фотографий.

Наташа взяла их, взглянула.

— Что это такое? — прошептала она.

На снимках, словно на рекламных кадрах какого-то фильма, она увидела себя. В одеждах и декорациях того самого сна. Стоящей во весь рост посреди комнаты, сидящей у журнального столика в кресле и даже едва прикрытую прозрачным пеньюаром рядом с Дмитрием, одетым в старинную военную форму.

— Как это может быть? Не понимаю... — Она с недоумением и даже мольбой в глазах подалась к Воронцову.

— Ну, вспоминай, Наташа... Ты же все помнишь. Постарайся...

И она вдруг вспомнила. Все сразу. В мельчайших подробностях. Уронила фотографии на ковер.

Воронцов аккуратно их подобрал и вложил обратно в бумажник.

— Вот теперь порядок. Оно, конечно, все равно сон, но документально подтвержденный. Реальность высшего порядка. И успокойся ты наконец. Вдвоем как-нибудь выкрутимся. В Замке ты лучше держалась... Может, тебе кофе принести? Или бокал шампанского? Стрессы хорошо снимает...

Воронцов, несмотря на всю его проницательность, ошибся. Потому что привык за последние годы проницать по преимуществу в душах грубых и жуликоватых, всегда готовых сачкануть, объегорить и выгадать. Потому и неверно понял настроение Наталии Андреевны. Он вообразил, что она потрясена и напугана открывшейся истиной. На самом деле совсем иные чувства охватили ее.

С детства ее больше всего привлекали книги и фильмы, где героинями оказывались женщины отважные, сильные и решительные, переживающие необыкновенные приключения.

Оттого, не в последнюю очередь, она и порвала с Воронцовым, ибо что могло ей сулить супружество с флотским лейтенантом? Жизнь на базе и многомесячные ожидания? Вариант с мужем-внешторговцем сулил гораздо более яркие впечатления. Но действительность и здесь оказалась, увы, гораздо прозаичнее. Два года в прокаленном солнцем Адене, в замкнутом и жестко регламентированном мирке советской колонии, потом год в Москве и еще два года в Аддис-Абебе, где было ничуть не веселее.

А потом и совсем тоска. Развод и монотонная, отупляющая жизнь служащей женщины. Вопреки распространенному мнению, жизнь в столице во многом еще унылей и однообразней, чем в провинции. Два часа ежедневно в метро и троллейбусе, дефицит общения, сенсорный, если хотите, голод. Какие там театры, концерты и вернисажи, если, добравшись в полвосьмого вечера до своей квартиры, не можешь и не хочешь уже ничего. И так каждый день, без надежды и просвета...

Жизнь, считай, кончена, но вдруг — резкий перелом: сначала появляется давно вычеркнутый из жизни Воронцов, радость встречи, «свет в конце тоннеля», а теперь и вот это...

Прошли какие-то сутки, а она уже ощущает себя не той замученной жизнью одинокой женщиной, а совсем другой, молодой, красивой, сильной и энергичной — какой и мечтала быть, готовой к приключениям, острым ситуациям и бурным страстям. Словно кто-то резким взмахом стер пыль и муть со стек-

ла, через которое она смотрела на мир, и он засверкал яркими и сочными красками.

Она встала с дивана, и только тут Воронцов, увидев, как изменилось выражение ее лица, осанка, взгляд, кажется, начал догадываться, что с ней происходит. Абсолютно другая женщина стояла перед ним.

...Как всегда в конце долгого и насыщенного вечера, компания начала рассыпаться. Групповые развлечения иссякли, брала свое усталость, появились проблемы, которые необходимо решать с глазу на глаз.

Когда часы пробили два, Левашов увидел, что они с Ларисой остались в кают-компании вдвоем. Кто, когда и куда исчез, они не заметили.

А у них разговор, внезапно начавшийся, перешел в самую острую стадию. Смуглое лицо Ларисы раскраснелось, глаза блестели, и говорила она зло и взвинченно.

— Если бы вы знали, как я не выношу таких вот людей, как вы. Не вы лично, Олег, а все вместе. Богатые, благополучные, утонченные и рафинированные якобы. Все у вас есть, все вы можете. Напитки — самые заграничные, закуски — не иначе как из подсобок Елисеевского, аппаратура — «Акаи», телевизор «Сони», книги — и те читаете напоказ, обязательно вам Джойс, Марк Аврелий, Набоков, стихи — так не Асадов, не Евтушенко даже, а чтоб непременно Мандельштам, Гумилев, Ходасевич с Анненским... И женщин себе выискиваете штучных — Ирина эта, Наталья... Так не пойдет — заплатим, сколько скажет...

«Что с ней? — подумал Левашов. — Откуда вдруг такой срыв?»

Он положил руку на ее ладонь, чтобы успокоить, без всякой задней мысли, но она резко выдернула руку.

— Вот! И вы туда же... — вскочила, готовая убежать или сказать что-то еще более резкое, и Олегу пришлось применить силу.

— Сядьте! Успокойтесь! Если вам вино пить вредно, так валерьянки сейчас принесу! А злиться не надо. И не убегайте. Безопасность я вам уже гарантировал. Чем мы вас так обидели? Давайте поговорим спокойно. По пунктам...

Лариса и сама, кажется, устыдилась своей выходки, молча приняла из рук Левашова бокал вермута с лимонным соком и льдом.

— Прежде всего — вы форму принимаете за суть. Смешно, но здесь нет ни одного, в вашем понимании, благополучного

человека. Смотрите: Воронцов. По всем данным мог бы и должен занимать самые высокие посты в ВМФ. Все у него есть — верность идее, преданность делу, талант, способность принимать ответственные и верные решения. Готовый командующий флотом. Именно такие, как он, в переломные моменты истории и становятся вершителями... Да вы же сама историк, вспомните... А чем он занимается? Да и то все время кому-то на мозоль наступает и настроение портит. Потому что судьбу его решают люди, в присутствии которых просто невежливо быть талантливым.

Дальше — Новиков. Журналист типа и класса Стенли. У нас этот тип вообще не имеет права на существование, к сожалению. Мог бы быть «теневым послом» — есть такой термин. Из-за ерунды вылетел с загранработы, а причина та же, что и у Воронцова. Не отвечает критериям: нам умные не надобны, нам надобны верные... Шульгин. На вид из нас самый благополучный. Занимается любимым делом, но если разобраться — процентов пятнадцать проектной мощности. Сами в науке трудитесь, понимаете, о чем я... Один Берестин может картинки рисовать в свое удовольствие, да и то. Ни выставляться, когда и где хочет, ни продать за настоящую цену... Обо мне говорить не будем. Вот вам картинки нашего благополучия. А если вы на барахло слишком много внимания обращаете... Почему человек, если имеет желание и лишнюю валютную копейку, не может ту вещь купить, которая ему нравится? Ерунда все это. Как будто, если у него вместо «Акаи» — «Маяк» или «Юпитер», так он на порядок порядочнее... Прошу прощения за каламбур. Не в ту сторону смотрите. Мерзавец и подонок может с тем же успехом в ватнике ходить и щи лаптем хлебать. Известны прецеденты. Беда в другом. В нашу историческую эпоху определенный круг подонков имеет облегченный доступ к определенной категории товаров. И в целях социальной самозащиты насаждает идею о пагубности «вещизма». Для всех, кроме себя. Конечно, блюдя свою нравственную невинность, можно принципиально отказаться от всего, что доступно подонкам. Только это уже было. Снобизм с обратным знаком.

Левашов замолчал и сам удивился этой тираде. Прямо тебе Цицерон.

Лариса слушала его неожиданно внимательно.

— Над вашими словами стоит подумать... Пожалуй, кое в чем я действительно не права. Однако... Вы мне довольно доходчиво изложили все про вас и ваших друзей. Допустим, вы

действительно все такие талантливые и не понятые обществом. Честные и бескорыстные. Ужас как благородно. Прямо пожалеть вас хочется. Но только это еще хуже. Те, другие, нас хоть не презирают. С подонками у нас нормальные деловые отношения. Пусть наше поколение, на ваш взгляд — циники и рационалисты. А вы вот на нас плюете и умываете руки...

— Ерунду вы говорите, Лариса, — попробовал возразить Левашов. — С чего вы это взяли?

— Не спорьте, знаю. Ах, мы о возвышенном думали, мы стихи на площадях читали, романтические песни пели... В ваше время в МИФИ, в МФТИ конкурсы по 15 человек на место, а сейчас в торговый да на курсы официантов...

— Ну а если так, что из этого? У каждого поколения свои вкусы и наклонности. Стоит из-за этого так расстраиваться? Вот вы же историк все-таки, а не товаровед, так чего же? — Левашову не хотелось с ней спорить, и тема была не его, здесь бы Андрей к месту пришелся, поговорил бы на нужном языке. А Олега сейчас занимали другие проблемы.

Он думал о том, что его первое впечатление оказалось верным, девушка Лариса действительно далеко не ординарная, и жизнь у нее явно складывается далеко не лучшим образом, отсюда и нервно-взвинченный тон, и сама тема разговора, совсем не подходящая к месту и времени, и ее предупреждение о степени дозволенного поведения. И ему хотелось сделать для нее что-нибудь хорошее, успокоить по крайней мере, убедить в том, что, несмотря ни на что, доверять ему можно, и как раз здесь у них Лариса сможет избавиться от одолевающих ее комплексов.

А комплексов у нее явно было в избытке. Почти все слова Левашова наталкивались на непонимание или предубеждение, во всем она видела либо лицемерие представителей старшего поколения, к которому она относила и Левашова тоже, либо прямой корыстный умысел. И не воспринимала никаких разумных доводов.

— Так что вы все-таки сказать хотите? Не пойму, — развел наконец Олег руками. — Сами же согласились, что мы вас ничему плохому не учили, не совращали малолетних, не вводили во искушение... Вы сами нашли свои идеалы, да еще и гордились, насколько вы современнее и раскованнее нас...

Лариса с досадой ударила ладонью по перилам.

— Вот уж действительно... Представьте, есть у вас младшая сестра. Связалась с плохой компанией, пить стала, курить, ко-

лоться. А вам наплевать, вы со стороны посматриваете и губы кривите — взрослая, мол, уже, что хочет, то и делает, сама выбирала, я в ее годы такой гадостью не занимался... Вот ваша позиция!

Левашов пожал плечами.

— Сравнение яркое, конечно, но некорректное. Вы о частностях, а тут проблема социальная. Если я правильно думаю. Мы выросли в свое время, усвоили определенный набор принципов, сформировали свое мировоззрение, для всех разное, заметьте. Как и любое другое поколение, до нас и после. Потом времена изменились. Как известно, бытие определяет сознание. Как правило... Нас, вернее некоторых из нас, это бытие испортить уже не смогло. Сломать — да, ломало... А другие формировались уже по другой колодке. И винить теперь сотню-другую из тех, кто сумел хоть кое-как противостоять «террору среды» в том, что они не сумели саму эту среду отменить... Помните, как Остап обещал Хворобьеву в «Золотом теленке» устранить причину его дурных снов? А ваш пример с младшей сестрой... Трогательно, впечатляет, а на практике... Проповеди старших братьев никогда не срабатывали. Начни говорить, что так себя вести нехорошо, надо книжки умные читать, а не по мальчикам бегать, а тебе в ответ: «Что ты понимаешь, старик, ты несовременный, отвянь...» — или как теперь у вас говорят. Я не философ, я технарь, практик, и решения у меня технические... Если время у вас есть, оставайтесь здесь, с нами, хоть недельки на две, тогда, может быть, какие-то моменты вам станут яснее... Разумеется, все условия остаются в силе.

Лариса помолчала, словно обдумывая его слова, потом устало сказала:

— Ладно, бросим это... Не знаю, что на меня нашло. Может, правда вы другие.

...По внутренней лестнице Олег подвел Ларису к двери отведенной ей комнаты. Терем был спланирован так, что ни одна жилая каюта не соседствовала с другими, все они располагались по периметру холлов и прочих общественных помещений, сообщались с ними и главными лестницами отдельными коридорчиками, переходами, узкими потайными трапами.

— Ну вот ваша келья. Приятных снов. Тщусь надеждой, что, несмотря ни на что, вечер показался вам приятным... — Олег прищелкнул каблуками и наклонил голову, пародируя манеры Воронцова. Лариса вдруг обняла его за шею и слегка коснулась губами его щеки.

Он подавил острое желание обнять ее тоже, прижать к себе что есть силы, удержался. Слово есть слово, а она его от него не освобождала. Понимал в то же время, что ведет себя по-дурацки. Лариса отстранилась, две или три секунды смотрела ему в глаза, потом провела ладонью по той же щеке, будто стирая след поцелуя.

— Спасибо, — шепнула чуть слышно и скрылась за дверью.

Олег спустился на три ступеньки, потом остановился у узкого, как бойница, окошка, сел на лестницу, вытащил последнюю в пачке сигарету.

«Что за девушка? — думал он. — Что с ней происходит? Или они все теперь такие? Все же десять лет — огромная разница. Когда мне было двадцать, мы тоже... И за что спасибо? За утешение? За то, что удержался и не стал хватать ее руками? Есть о чем подумать. Только зачем? Не имея информации о ее характере и мыслях, ничего не надумаешь, и в любом случае не тебе решать. Что за поколение мы такое дурацкое, действительно? Может, лучше по-ихнему? Схватил за руку — и вперед! Сегодня ты моя девушка... Но ведь как раз от этого она и предостерегала... Вот и сиди теперь, как пацан-десятиклассник выпуска шестьдесят такого-то года, на пороге чужого подъезда. Ну и что? Я у себя дома, могу сидеть где угодно. Здесь в том числе...»

Он сидел и представлял, как в нескольких шагах от него, за бревенчатой перегородкой, она раздевается сейчас, ложится в постель и, чем черт не шутит, тоже думает о нем.

За спиной чуть скрипнула дверь. Он обернулся. Снизу вверх Олег увидел Ларису. С дрожащим огоньком свечи в руке. Ему показалось, что длилась эта немая сцена очень долго. Он успел, несмотря на полумрак, рассмотреть, что она совсем раздета. Кроме наброшенной на плечи темной рубашки мужского покроя, застегнутой на две пуговицы, на ней, кажется, ничего больше не было.

Потом Лариса приложила палец к губам и чуть кивнула ему. Он поднялся и вошел за ней в спальню. Она словно читала его мысли, пока он сидел под дверью, потому что, поставив свечу на стол и сев на кровать, сказала ровным тихим голосом:

— Ну что ты мучаешься? Дело совсем не в тебе. Хочешь послушать?

Отчетливо понимая, что совершенно не нужна сейчас ему ее исповедь, он тем не менее слушал с несколько даже болезненным любопытством, одновременно жалея Ларису и презирая се-

бя за то, что не может прервать ее спокойных, не соответствующих смыслу слов. Она рассказывала о вещах, сколь ужасных своей пошлостью и даже цинизмом, столь и банальных, совершенно обыденных в затхлой атмосфере общества «развитого социализма».

— ...Теперь ты понимаешь, отчего я так? И сегодня совсем не собиралась ехать сюда с вами. Наталья уговорила. Ей уж очень хотелось. Ну, черт с ней, думаю. Хоть вечер пройдет не в одиночестве. Надоело. А тут вдруг ты. Не зазнавайся только, ничего сверхъестественного ты из себя не представляешь, просто твоя застенчивость меня немного отогрела. В первый раз я вдруг почувствовала себя легко. Не знаю, поймешь ли... Был давно такой мальчик, в белом плаще с поднятым воротником... Стоял под дождем напротив моих окон и курил в кулак. А в школе краснел и отворачивался... И с тобой я почувствовала, как отпускает... Ты пил сегодня, а я не сдерживала, даже поощряла незаметно, чтобы проверить.

— «Джентльмен — это тот, кто ведет себя прилично, когда напьется». Уайльд, — вставил Левашов.

— Но до самого конца я все же не была уверена. И когда поцеловала тебя — тоже. Хотя благодарила вполне искренне. Давно мне не было так хорошо. Если бы ты не сдержался — это уже не испортило бы моего мнения. На сегодня. Но... Но ты вдобавок позволил мне уйти, не стал лезть в дверь, говорить жалкие или, напротив, нахальные слова. Я уже легла, и вдруг меня толкнуло. Подумала — если ты не ушел, позову и все расскажу...

Она словно только сейчас заметила, в каком виде сидит перед Левашовым, изменила позу и натянула на бедра полу рубашки, застегнула еще одну пуговицу на груди.

— Только не считай меня истеричкой. Просто мне давно не с кем было поговорить по-человечески. А дальше как знаешь...

Олег молча пожал плечами. Дождь за окном перешел в ливень и бил в стекла, словно крупной дробью. Сейчас самое время проститься и уйти. Красиво так будет, возвышенно, в стиле итальянского кино, которое она любит. А вдруг ей хочется совсем другого? Чтобы окончательно забыть прошлое и поверить в возможность иной жизни? И уйдя, будешь выглядеть... Ну, кем можно выглядеть в таком варианте? Чистоплюем, ханжой или просто дураком?

И на кой черт ему решать эти Буридановы задачи? Видел бы его сейчас Воронцов... Вздохнул бы сочувственно и развел ру-

ками? Или ободряюще подмигнул: вперед, мол, парень, за орденами?

Лариса смотрела на него с сочувствием:

— Тупик, милый? Оба мы в тупике. Оба не знаем, что делать и говорить дальше.

Из записок Андрея Новикова

...Пожалуй, на том вечере, посвященном, выражаясь официальным языком, торжественной сдаче в эксплуатацию военно-спортивного комплекса Валгалла, и можно подвести некую условную черту, окончательно делящую нашу жизнь на две неравные части. Фигуры расставлены, первые ходы сделаны, позиции определились. Все персонажи введены в действие. И дальше уже наша история начала развиваться по своим внутренним законам, никак от ничьей воли не зависящим. До Валгаллы мы еще могли что-то решать и выбирать. Оставалась, наконец, возможность просто отойти в сторону. Я об этом думал. Мы могли бы, используя установку Левашова, начать мотаться по Земле. День на Гавайях, два в Одессе, потом Рио и так далее. Скорее всего, пришельцы бы нас потеряли... Только вряд ли это было бы достойное решение.

При том, что ни один человек в целом свете не смог бы никого из нас ни в чем упрекнуть. Короче, какой-никакой выбор у нас был. А вот дальше — все! Когда ты уже пошел по канату, поздно оглядываться.

Но хоть до конца еще далеко, судя по всему, и ни один ясновидец не предскажет, чем эта история для нас кончится, я не могу сказать, даже наедине с дневником, что жалею о чем-нибудь или согласился бы переиграть, если б дали... И дело не только в шахматном правиле: «Взялся — ходи». Просто Одиссей не был бы Одиссеем, вернись он к Пенелопе с полдороги. Ерунда, будто заблудился хитроумный царь, карты у него там оказались ненадежные и гирокомпас забарахлил. Там по солнцу и звездам все Средиземное море вместе с Эгейским за две недели в любой конец проплыть можно. Просто интересно ему было жить, владельцу уютного острова. И долг он, похоже, ощущал. Перед будущим, предположим. Потомству в пример и вообще... Оттого до сих пор его и помнят, книгу третью тысячу лет читают...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

...Курортный сезон на Валгалле кончился. Не оттого, что начала портиться погода. До настоящей осени было еще далеко, и дождливые дни по-прежнему сменялись сухими и даже жаркими. Дело было в другом. Отдых хорош лишь как краткая передышка между более-менее длительными периодами осмысленной трудовой деятельности, неважно, физической или интеллектуальной. А вечный отдых... Наверное, его не будет даже в раю.

Здесь самой насущной работой представлялось исследование планеты. В отличие от колонистов острова Линкольна и других известных робинзонов, нашим героям не требовалось в поте лица добывать свой хлеб и искать способы добраться до цивилизованных краев. Зато географические исследования обеспечивали полную занятость и позволяли каждому реализовать как свои профессиональные способности, так и самые затаенные желания, в предыдущей жизни совершенно нереальные.

Возможности сухопутных экспедиций сразу ограничивались несколькими километрами, непосредственно прилегающими к Большой Западной поляне. Именно на столько сумел пробиться Шульгин на тяжелом гусеничном транспортере, старательно выискивая пролесок. А потом пошла такая чаща, что застрял бы и пятидесятитонный «Катерпиллер» с бульдозерным ножом. С наблюдательной площадки на вершине сорокаметровой сосны и в мощный бинокль не видно было конца и края зеленого моря тайги.

Но одно большое дело Шульгин все же сделал. Он вышел на гребень водораздела, откуда ручьи, сливаясь в узкую, но все же реку, начинали течь на юго-запад. Сейчас это не имело практического значения, но зимой, по льду, вполне можно было организовать поход, как это делали наши предки. Известно ведь, что транспортное сообщение между древнерусскими княжествами осуществлялось в основном санным путем. И Батый вторгся на Русь именно зимой.

А вот дорога по Большой реке, которой до сих пор не придумали названия, и по ее притокам была открыта и летом в любую сторону.

Для экспедиции был подготовлен большой мореходный катер, названный «Ермак Тимофеевич», Воронцов объявил себя

капитан-командором, а в поход, обещавший быть приятным и увлекательным, изъявили желание идти все.

Кроме Берестина. У Алексея были на то свои причины.

Перед самым отплытием Шульгин попросил увольнительную в Москву на пару часов.

Вернулся он позже, чем обещал, остановил «БМВ» перед крыльцом и пригласил женщин выйти из дома.

— Вот вам подарочек в дорогу, о прелестные амазонки! — И распахнул заднюю дверцу.

Наташа, самая экспансивная из женщин, даже вскрикнула от неожиданности и испуга. На заднем сиденье копошилась разноцветная мохнатая куча, поскуливающая и ворчащая.

Первой разобралась в обстановке Лариса и с криком: «Ой, какая прелесть!» — кинулась вперед. Выхватила из кучи крупного шоколадно-белого щенка, зарылась лицом в мохнатую шерсть.

— Выбирайте, — предложил Шульгин. — Кому какой нравится...

— Это мой!

— А мне вот этого, черненького! Нет, рыжий лучше. Смотри, какое у него умное лицо!

Шульгин скромно улыбался, готовясь принимать благодарности.

— И заметьте, поровну кобельков и, пардон, этих... девочек. Так что в дальнейшем можно открывать торговлю. По полторы сотни за штучку... Московская сторожевая. Необычайно морозоустойчивая. А уж зло-о-бная...

Наконец выбор был сделан. В дополнение к каждому щенку Сашка вручил еще и по солидному собаководческому справочнику.

— Теперь придумывайте имена, а я изготовлю персональные ошейники. А это тебе, Леша, чтоб не скучно было, — Шульгин показал на остальных собачек, больше похожих на медвежат. — Их тут вроде еще девять...

...Протяжно загудела сирена. «Ермак Тимофеевич» на малых оборотах отвалил от бревенчатого пирса. Воронцов поднес руку к козырьку фуражки. Женщины махали остающемуся Берестину со шканцев, Новиков поднял к плечу сжатый кулак, а Шульгин с бака дал в воздух короткую очередь из «бофорса». Потом он перебежал в рубку и на полную мощность врубил стодвадцативаттные динамики. «Ревела буря, дождь шумел...» — понеслось над рекой. Сбившиеся у ног Берестина щенки испу-

ганно завыли хором. Видно было, как Воронцов на мостике от чудовищного звука брезгливо поморщился и погрозил Шульгину кулаком.

В целом все это напоминало отправление экскурсионного трамвайчика где-нибудь в Сочи или Ялте.

Берестин подождал, пока «Ермак» описал по плесу крутую дугу и, набирая скорость, вышел на стрежень. Река — возможно, впервые от сотворения мира — получила законное право именоваться судоходной артерией. Или, если угодно, голубой магистралью.

Алексей сделал несколько снимков этого исторического момента и начал подниматься вверх по крутой, в полтораста ступеней, лестнице.

Он, наконец, остался один. По-настоящему один, с глазу на глаз с целой необъятной планетой. Оттого, что вверх по реке не так еще далеко отсюда двигался катер с друзьями и подругами, одиночество не становилось меньше. Да и вообще применимы ли количественные оценки к такому понятию?

Достаточно и того, что в пределах горизонта нет, кроме него, ни одного человека и не будет еще много дней, а значит, не нужно стараться выглядеть определенным образом в чужих глазах, не нужно думать, что и как сказать. Вот эта освобожденность и была ему нужна сейчас. Чтобы вернуть почти утраченное ощущение самого себя.

Первые дни он в форте только ночевал. Все остальное время проводил в долгих, многочасовых и многокилометровых прогулках по окрестным холмам, по берегу реки, по бесконечному вековому лесу. Когда ноги сами выбирают дорогу, глаза внимательно и цепко смотрят по сторонам, пальцы сжимают шейку приклада, а голова свободна от мелких и суетных забот, можно, оказывается, думать о вещах серьезных и важных.

О том, например, что лучшая часть жизни, считай, уже прожита, и, если бы не последние события, — прожита почти напрасно. Что толку от так называемых творческих успехов, если они — только бледная тень того, что могло быть? Хорошо, конечно, что удалось вовремя найти свой нынешний стиль, пусть и подражательский по большому счету, «певца гаммы». Пусть с ним не случилось того, что со многими близкими и не очень близкими знакомыми приятелями. Это, скорее, вопрос темперамента, чем сознательный выбор. Или, еще хуже, отсутствие той степени веры в себя, в свой талант, когда готов на все, на

эмиграцию или самоубийство, лишь бы сохранить личную и творческую свободу...

Но, может быть, не стоит судить себя столь строго? Ведь то, что он делал столько лет, получалось у него хорошо, душой он не кривил и совестью не торговал, никогда не вступал ни в какие коалиции и группировки, сам никого не трогал, и его не трогали. Может, дело лишь в том, что в юности он принял не самое верное решение? Не лучше ли было остаться в кадрах, служить, прыгать с парашютом и — не забивать себе голову интеллигентскими рефлексиями? А живопись бы и так никуда не делась. Рисовал бы на досуге, выставлялся в окружном Доме офицеров...

Не зря до сих пор так остро вспоминаются офицерские дни, особенно те, когда он хоть краешком ощутил причастность к настоящим событиям. Жаркие дни августа, бетон аэропорта, бледные вспышки дульного пламени и пронзительный вой рикошетов... Восхитительное ощущение, когда все кончилось, ты оказался живой, сидишь, расстегнув ремни и подставив голую грудь прохладному ветру, жадно куришь и разговариваешь с друзьями, тоже живыми, о том, что было только что и что из всего этого получится потом...

А чувство, когда генерал перед строем вручал ему первую и последнюю боевую медаль, которую с тех пор он не надевал ни разу...

Может, только в те мгновения и была настоящая осмысленная жизнь, а все остальное — суета сует и ловля ветра?

Как бы сложилась его жизнь, лучше или хуже? И сразу же вопрос: что случилось бы на Земле тогда с пришельцами, со всеми его новыми друзьями, если б не было здесь его и не его встретила бы Ирина холодным и ветреным вечером на Тверском бульваре?

Эти и подобные им мысли одолевали его днями, что становились все короче, и долгими вечерами, приходили и возвращались, ветвились по законам ассоциаций, иногда заводя в такие философские дебри, что куда там Гегелю с Кантом.

Но кроме них, были и другие мысли, простые и обычные, и было много практических забот, в том числе возня с собачками, которые росли на глазах и страшно много ели.

Самое интересное — меньше всего волновала его проблема пришельцев, хотя, казалось бы, что могло быть важнее? Кажется, у медиков это называется запредельным торможением. Слишком остро он пережил то, что связано с Ириной, с путе-

шествием в шестьдесят шестой год и четырьмя месяцами, прожитыми в параллельной реальности.

Зато теперь он обрел искомое душевное равновесие. Опростился, как Лев Толстой, однако в отличие от великого старца брился ежедневно и с удовольствием рассматривал в зеркале свое обветренное и загорелое, явно посвежевшее лицо, думал, что нет, жизнь еще далеко не вся, пожалуй, только сейчас она и начинается...

В Москву его совершенно не тянуло. Не потому, что он боялся пришельцев, а просто нечего ему там было делать. Свобода от мирских забот удивительно проясняет мысли, и он понял то, о чем предпочитал не думать в прошлой жизни.

Он сменил стиль одежды, несмотря на то, что видеть его сейчас было некому, а может быть, именно потому. Стал постоянно носить сапоги — в ненастную погоду яловые, в сухую и теплую легкие шевровые; узкие синие бриджи, свитер и кожаную куртку. Кроме всего прочего, такой наряд позволял не бояться змей и был наиболее удобен в лесу.

Невзирая на погоду, Алексей по утрам мылся до пояса ледяной водой во дворе, по вечерам почти каждый день топил баню и вообще — старательно, даже кое в чем пережимая, изгонял из себя въевшуюся за многие годы богемность, которой раньше рисовался.

Возвращаясь домой из походов, Берестин переодевался, кормил собак, чистил и осматривал свой карабин, разжигал камин и неторопливо ужинал, выходил на связь с «Ермаком», в очередной раз узнавал, что на борту все в порядке, сенсационных открытий нет и что девушки шлют ему приветы и воздушные поцелуи.

Потом читал или поднимался в холл второго этажа, брался за кисти. Вначале он попробовал писать местные пейзажи, но очень быстро понял, что ему это совершенно неинтересно. Зачем? Природа здесь настолько девственна и безразлична к случайному появлению человека, что пытаться придать ей какое-то настроение — заведомо безнадежная задача. Уж проще обойтись фотоаппаратом.

Но зато ему пришла неожиданная и, на первый взгляд, странная идея. Алексей подготовил холст и начал писать большое и как бы сюрреалистическое полотно. «Рыцари на лесоповале» — так он его назвал. Глухой, буреломный уголок здешнего леса и семь фигур в доспехах XIII века. Двое валят двуручными мечами мачтовые сосны, двое с помощью рыцарских, тоже

бронированных коней трелюют срубленные хлысты, а еще трое в углу картины перекуривают и закусывают, напоминая известных охотников на привале. В чем смысл и суть картины, он и сам пока не знал, просто ему так захотелось. При желании в замысле и исполнении можно было усмотреть и аллюзии, и некоторую аллегорию, обыгрывающую сопоставление определенных смыслов понятий «рыцарь» и «лесоповал». Но можно было и ничего не искать, а принять картину как живописную разновидность юмористических картинок «без слов». Это уж как кому взглянется. Однако он хотел закончить работу до возвращения друзей из экспедиции.

...Очередной день выдался как на заказ. За стенами порывами, то усиливаясь, то чуть стихая, завывал ветер, гоняя по двору всякий мелкий мусор. Шуршал и шуршал по крыше, по стеклам, по доскам веранды очередной обложной дождь. Над холодной пустыней речного плеса, над дальними пустошами заречья сгущалась сизо-серая мгла. Кажется, будто сумерки начинаются сразу после полудня и тянутся, тянутся так долго, как никогда не бывает на Земле, сопровождаемые размеренным стуком высоких башенных часов в эбеновом футляре и бессмысленно-мерными взмахами медного маятника. Во всем вокруг — ощущение неумолимого, заведомо предрешенного умирания жизни до неведомо когда могущей вернуться весны. И даже не очень верится, что она вообще когда-нибудь наступит, слишком все уныло и безнадежно вокруг. В холлах и комнатах почти темно. От окон тянет знобкими сквозняками.

Но есть огонь в камине, груда поленьев свалена рядом, снаружи под навесом сложен в поленницы не один десяток кубометров дров, гарантирующих тепло и жизнь в самую долгую и холодную зиму, для настроения можно сварить гусарский пунш и стоять с чарой в руке у полукруглого окна, смотреть через толстое стекло в ненастный день, на серые лужи и пузыри на них, на полосы ряби поперек оловянного зеркала плеса. И, может быть, именно это — счастье?

Главное — кончилось то утомительное безразличие, которое все сильнее овладевало им последние годы. После душевного и духовного подъема юношеских лет, которые Берестин назвал для себя «Время больших ожиданий», после ослепительных и близких перспектив, надежд на совсем уже вели-

колепную жизнь в скором будущем, все последующее сначала удивляло и разочаровывало, потом стало глухо озлоблять и вынудило все плотнее замыкаться в раковину личных проблем. И еще хорошо, что так. После смерти Брежнева надежды начали было возрождаться, но, увы, ненадолго. Слава богу, что подвернулась Валгалла. Во-первых, появилось дело, которому можно посвятить все обозримое будущее. Во-вторых, раз время на Земле все равно стоит, нет необходимости интересоваться новостями и можно спокойно читать, раз уж появится такое желание, глянцевые, желтоватые, чуть пахнущие пылью и тленом книжки журнала «Столица и усадьба» за десятые годы текущего века. Очень успокаивающее чтение. Кроме того, у Берестина вновь пробудился вкус к военной истории, и он увлекся трудами немецких полководцев минувшей войны: Манштейна, Гудериана, Меллентина, Типельскирха, Гальдера...

Чтобы настроение стало еще более отчетливым, Алексей оделся по погоде, закинул на плечо ремень карабина и вышел под ненастное небо. Сильно похолодало. Над головой без конца, гряда за грядой, тянулись пропитанные водой низкие тучи. Как мокрая серая вата из солдатских матрасов. Но где-то далеко все же пробивался солнечный луч и чуть подсвечивал розовато-желтым подвечерний горизонт.

Он прошел километров пять на юг. Где лес стоял не сплошняком, а прорезался широкими полянами и волнами пологих сопок. Непромокаемая куртка с капюшоном и высокие, хорошо промазанные сапоги делали прогулку под моросящим дождем своеобразно приятной. Особое ощущение независимости от погоды, автономного уюта.

Следы сапог на мокрой земле сразу расплывались, наполнялись влагой, дождевые капли чуть слышно шелестели о ткань капюшона, стены и крыши форта быстро растаяли в сероватой пелене, и Берестин подумал, что зря не взял с собой компас. По такой погоде заблудиться — плевое дело.

Ничто вокруг не напоминало, что он — на чужой планете. При желании можно было вообразить себя помещиком старых времен, бродящим по своим охотничьим угодьям. Опять же без всякого намерения романтизировать частную собственность на землю и присвоение прибавочного продукта, а так. Вроде Тургенева, Некрасова, да и самого Пушкина, весьма одобрявшего деревенскую, причем отнюдь не крестьянскую жизнь.

Алексей остановился, заслоняясь ладонями от дождя и вет-

ра, прикурил. А когда поднял голову, метрах в тридцати от него стоял диковинный зверь, непонятно как и откуда появившийся. Размером с уссурийского тигра, он пропорциями своими гораздо больше напоминал увеличенного до безобразия домашнего котенка: такой же головастый, пушистый, словно бы округлый и совсем, на первый взгляд, не страшный. Пепельно-серого цвета, с почти черными пятнами, в беспорядке разбросанными по телу. И с желто-зелеными глазами размером с фары «Жигулей». В других обстоятельствах, к примеру на фотографии, он мог бы показаться даже забавным. Но сейчас он смотрел на Берестина немигающими глазищами, и чувствовалось, что смотрит зверь не просто так, а может прыгнуть.

— Ух, черт... — прошептал Алексей. Он вспомнил те, виденные в первый день, следы чудовищных когтей.

За время строительства, когда здесь гудела и воняла соляром техника, шумели голоса многих людей и часто гремели тренировочные выстрелы, зверье, конечно, поразбежалось, попряталось, а теперь вот наступила первозданная тишина, и местная фауна начала возвращаться на свои исконные территории. Этот котик, возможно, еще не самое серьезное из того, что здесь обретается...

Карабин висел у Алексея на плече стволом вниз, и, самое главное, он никак не мог вспомнить, на предохранителе оружие или нет. Как взводил затвор, загонял в ствол маслянисто блестящий золотистый патрон, он помнил, а вот поднимал ли после этого флажок предохранителя? Обрубило начисто. Стараясь не делать порывистых движений, Берестин опустил руку, отвел назад, сжал пальцами цевье.

На такое он не охотился никогда. На кабана — да, приходилось, но там было совсем иначе. Большая компания, хороший обзор, сколько угодно времени. Кстати, кабан и тигр — все же разные объекты. А эта животина — черт ее знает, кто она вообще и на какие пакости способна?

Секунды тянулись, как в дурном сне, и страшнее всего было представить, что и дальше может быть, как в том же сне — когда жмешь на спуск, а выстрела нет. И плохо, что он не представляет характера неведомого зверя. Что лучше: резко шагнуть вперед — вдруг испугается — или, наоборот, медленно отступать, как от кобры, не раздражая хищника?

Инстинктивно Алексей выбрал третье решение. Резко отпрыгнул назад, одновременно вскидывая карабин. И зверь прыг-

нул тоже. Будто того и ждал. В чудовищно мощном броске пересек почти все разделяющее их пространство. Но чуть-чуть ему все же не хватило. Огромная туша бесшумно приземлилась метрах в пяти перед Берестиным, и тут же, словно сам по себе, загрохотал карабин. Как потом выяснилось, для такой охоты его калибр был совсем никуда, но оттого, что частые выстрелы заполыхали практически в упор, к острой боли от прошивающих могучее тело пуль прибавилось бьющее в глаза пламя, резкий пороховой запах, грохот — и зверь потерял момент, на какое-то решающее мгновение съежился, испуганно прижал уши и взвыл, оскаливая кривые десятидюймовые клыки.

Этой секунды Алексею и хватило. Гром выстрелов его, наоборот, успокоил, окружающий мир вновь приобрел четкость, он поправил прицел, и от нескольких пуль в голову зверь взвыл еще раз, теперь уже мучительно-жалобно, почти как котенок, прихваченный дверью, согнулся в дугу, потом резко выпрямился — и издох.

— Ни хрена себе каламбурчик... — хрипло сказал Берестин. Он никогда не считал себя слабонервным человеком, как сказано уже — воевал, но сейчас его затрясло. Надо думать — от неожиданности случившегося.

Сигарета его так и дымилась в траве, куда он ее уронил, и этот дымок в мокрой траве нагляднее всего демонстрировал мгновенность происшедшего. Он закурил новую сигарету, внимательно огляделся — не крадется ли где еще один суперкотик. Так, не задумываясь, он окрестил зверя, и так впоследствии это имя к нему и пристало.

Он осмотрел мертвого зверя. Четыре пули пробили череп и все остались внутри. Значит, прочность костей мало уступает рельсу. Дырки от остальных попаданий затерялись в мохнатой шкуре.

Добычу Алексей притащил в форт трактором и сразу принялся неумело, но старательно сдирать драгоценную шкуру, имея в виду поразить друзей изысканным трофеем. Литература по таксидермии имелась, он только не решил, что будет лучше — чучело или ковер под ногами. Закончив, распялил шкуру на наскоро сколоченной раме, тщательно отмыл от крови и жира руки и вдруг вспомнил слова одной из песен Новикова:

Но трусливых душ не было средь нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз...

— Вот именно, гражданин Новиков, — сказал он громко. — А вы как думали?

Дипломатическое интермеццо — 2

Встреча между высокими договаривающимися сторонами (разумеется — неофициальная) состоялась в маленьком отеле на берегу одного из норвежских фиордов. Антон приехал первым и, прогуливаясь во внутреннем дворике с позеленевшими медными пушками XVII века, обращенными в сторону моря, с интересом ждал появления своего коллеги-соперника.

До этого момента прямых контактов с представителями неприятеля ему осуществлять не приходилось. Хорошим тоном считалось вообще как бы не подозревать о самом существовании на Земле постоянных резидентур как той, так и другой стороны. И если и поступило предложение о переговорах, значит, разработанный Антоном план начал действовать.

Скрипнула чугунная кованая калитка в стене, сложенной из глыб серого дикого камня, Антон обернулся. Сопровождаемая шофером в коричневой фуражке с позументами, по пологой лестнице спускалась элегантная женщина. На улице крупного города или в холле отеля «Хилтон» она могла бы и не привлечь особого внимания, но здесь, где даже в разгар сезона бывают все больше небогатые туристы да агенты мелких торговых фирм, такая дама выглядела неожиданно. Лицо ее скрывали поля шляпы с короткой вуалью, но фигура, строгий и очень дорогой костюм, не рассчитанные на пешее хождение туфли, осанка, с которой она держалась, достаточно отчетливо указывали на ее общественное и финансовое положение.

Антону стало весело. Был у агтров все-таки некий дефект в подготовке, а может быть, даже в психике. Они словно не до конца понимали, в каком мире работают, и постоянно переигрывали. В то время как опыт земных разведок неопровержимо доказал, что лучшая тактика — это внешняя неприметность и высокий профессионализм, они все делали наоборот. Такое впечатление, будто весь свой опыт они черпали из наиболее низкопробных фильмов и книжек, считая наиболее массовую продукцию наиболее адекватной действительности... «Впрочем, не так уж они не правы, — подумал Антон. — Простой человек, обыватель, с большим уважением отнесется к такой вот странствующей миллионерше, чем к студентке в потертых джинсах. А нестандартно мыслящее меньшинство без серьезных оснований тоже не станет проявлять пристального внима-

ния к сильным мира сего. Короче, как любит выражаться мой друг Воронцов: «Стоп, сам себе думаю, а не дурак ли я?»

...Разговор у них сразу начался довольно резкий. По существу, а не по форме. По форме как раз было в порядке. Дама-дипломат предложила называть ее Сильвией, для беседы пригласила перейти в абонированный ею трехкомнатный номер на втором этаже отдельно стоящего флигеля, держалась обворожительно-любезно, непрерывно демонстрируя свое умение улыбаться, произносить остроумные сентенции, вставать, садиться и двигаться, подчеркивая наиболее выразительные линии своей фигуры.

Но все эти очаровательные ухищрения не мешали ей с первых же слов повторить все те обвинения, которые Антон уже слышал от Бандар-Бегавана. Они прозвучали даже еще более агрессивно, произносимые мелодичным и волнующим женским голосом.

— Надеюсь, дорогая (разговор шел по-английски, поэтому такое обращение имело несколько иной оттенок, чем в русском языке) Сильвия, наша беседа носит абсолютно частный характер? — спросил Антон, выслушав ее филиппику. — Потому что только в этом случае мы сможем прийти к должной степени взаимопонимания. Если нет — я готов представить письменное изложение моих доводов, и на этом — все. Пусть решают высшие инстанции. Приняв же мои условия, вы откроете путь к дальнейшим, весьма небесполезным контактам... В чем я, не скрою, заинтересован.

— Ну, разумеется. Только на такой исход нашей встречи я и рассчитываю.

— В таком случае я попросил бы вас отключить всю аппаратуру, могущую фиксировать ход нашей встречи. Чтобы не смущать вас — не буду называть ее характеристик и местоположения...

— Хорошо, согласна, — секунду подумав, ответила Сильвия. — Но этим условием вы ставите меня в затруднительное положение.

— Ну, о чем вы говорите... Неужели вы не сможете для отчета смонтировать любую устраивающую вас запись? Если нет — я помогу. Только обещайте познакомить меня с окончательным вариантом. Попытаетесь обмануть — я найду способ вас дезавуировать. Договорились?

— Боюсь, что ваши требования чрезмерны. Не выношу ультиматумов.

— Что вы, что вы! Какие ультиматумы? Это же просто правило хорошего тона. Заодно позвольте дать совет — если хотите вести действительно серьезную политику, определенная доля доверия необходима. Даже между противниками. И совсем не обязательно посвящать начальство во все тонкости. Ему хватит и результата. Что касается меня, то меньше всего я хотел бы видеть в вас врага. Профессионала, преследующего цели, в чем-то отличные от моих, — да, но не более. А вне службы мы вполне можем испытывать друг к другу симпатию...

Кажется, его слова Сильвии понравились. Она улыбнулась более естественно, чем прежде.

— Между нами говоря, такой подход мне тоже импонирует. Хотя, не скрою, он в корне расходится с нашими принципами.

— Боже мой! Не помню кто, кажется, Дизраэли, говорил, что принципы надо уметь вынимать из кармана и уметь вовремя прятать в карман. Я довольно долго работаю на этой планете и в достаточной мере усвоил здешнюю философию и политическую практику. Рекомендую не пренебрегать...

— Допустим, вы меня убедили. Я принимаю ваши условия. Но и вы в ответ обещайте соблюдать правила нашей игры. И для начала ответьте на поставленные вопросы.

Именно этого Антон и добивался. Установление доверительных, партнерских отношений являлось исходной позицией его замысла. И он действительно собирался соблюдать условия. Да иначе и невозможно, он отнюдь не собирался недооценивать противника и знал, что любая ложь будет легко разоблачена. Ну а то, что его партнером оказалась именно эта дама, — всего лишь подарок судьбы. Облегчающий дело, но ничего не меняющий в принципе. Будь на ее месте функционер с иным психо- и фенотипом, нашлись бы другие способы. И только...

— Нет ничего легче. Мне кажется, если бы мы с вами сразу догадались обсудить возникшие проблемы с глазу на глаз, не привлекая высокие инстанции, все вопросы снялись бы мгновенно.

— У нас и у вас разные методы работы. Но не будем отвлекаться.

Антон поудобнее устроился в кресле, налил себе в бокал чистого тоника, бросил два кубика льда.

— Не знаю, насколько внимательно вы изучали все подробности инцидента, но сегодня же еще раз тщательно просмотрите каждый зафиксированный вами эпизод. Наложите полученные данные на то, что вам известно о стиле и методах нашей

работы. Запросите справки из ваших архивов. Уверяю вас — ничего общего. Даже если бы мы специально постарались уйти от всех стереотипов, нам бы это не удалось. В любой, даже тщательнейше спланированной, операции невозможно избежать импровизаций, вызванных действиями противной стороны. И вот здесь обязательно проявится личность импровизатора. Убежден — в экстремальной ситуации вы, несмотря на всю вашу подготовку, ни за что не сумеете безупречно сыграть землянку. Подчеркиваю — даже землянку вообще, не говоря уже об англичанке, которую вы изображаете сейчас, или русскую, как та ваша агентесса... Вы не сумеете воспроизвести подсознательных реакций... А если при подготовке смоделируете и подсознание тоже, то перестанете быть сама собой. То есть произойдет как раз то, что случилось с этой девушкой... Ириной, кажется? Если вы сами до этого не додумались — дарю, можете вставить в отчет... Так что заряжайте материалы в анализатор и сразу увидите, что мы тут абсолютно ни при чем.

Можно было подумать, что Сильвия смутилась. Она будто в растерянности вертела в пальцах соломинку от коктейля. Заговорила, глядя мимо Антона.

— Мы при своих оценках исходили прежде всего из уровня технической оснащенности тех людей. Он настолько превосходит земной, что мысль о вашем вмешательстве напрашивалась сама собой. Никто, кроме вас, не мог бы снабдить их внепространственной техникой.

— Здесь вы тоже ошиблись. Техника землян и способ ее применения не имеет ничего общего с нашими. Мы так давно ушли от прямых пробоев пространства, что возврат к ним уже просто невозможен. Скорее, вам следует подумать об утечке информации через своих сотрудников.

— Исключено. Мы проверяли. На последнем этапе земляне использовали кое-что из снаряжения нашего агента, но основа у них оригинальная.

— Тем более. Вариантов тут два. Или они еще талантливее, чем вы и мы подозреваем, а потому умеют перескакивать через целые ряды необходимых этапов развития науки и техники, или...

Антон сделал многозначительную паузу.

— Что — или?

— Или здесь вмешивается некая третья сила. Такой вариант вы не допускаете?

— Это слишком смелое допущение, влекущее к непредставимым последствиям.

— Пора бы привыкнуть, что на Земле никакое допущение не бывает слишком смелым. Лично я вижу здесь интересный поворот сюжета... Неплохо бы предусмотреть взаимные консультации и на такой случай.

— Может быть, лучше оставаться в пределах известных нам фактов? У землян существует так называемый принцип Аккама, давайте пока следовать ему. Раз нет ничего лучшего.

— Давайте, — легко согласился Антон. И тут же сменил тему разговора. — Не откажите удовлетворить мое любопытство — зачем вы вообще тратите столько сил, чтобы отомстить этим людям? В чем смысл? В конце концов, они в своем праве. Они у себя дома, осуществляют законную самооборону... А вы, вмешавшись, нарушили конвенцию и продолжаете ее нарушать. В большей мере, чем это сделали бы мы, если б решили их поддержать. Не проще ли забыть этот инцидент, не усугублять конфликта? Есть ведь более важные дела и у вас, и у меня тоже...

Сильвия напряглась, лицо у нее стало злым. Теперь она больше соответствовала своей истинной сущности, как ее понимал Антон.

— А вот этого я бы вам не советовала касаться. Это дело наше и только наше!

Антон иронически хмыкнул, с нескрываемым интересом глядя ей прямо в глаза.

Опомнившись, она несколько сбавила тон.

— Здесь вопрос высших принципов. Предательница должна быть изъята с Земли и примерно наказана. Мы не имеем права прощать и тем самым вводить в искушение многих и многих. Это однозначно. А земляне... Прежде всего мы должны избавиться от ненужных свидетелей. Свидетелей нашего двойного просчета, пусть даже так. Нам необходимо изучить принципы действия их аппаратуры и способ, каким они пришли к своему открытию. И еще: только допросив землян, мы достоверно узнаем, кто их поддерживает. Вы или... другие. Видите, я с вами откровенна.

— Ценю... — Он снова не стал скрывать насмешки в голосе. — Мелковата цель для великой цивилизации, но вольному воля. Мешать я вам не буду. Больше того — готов вам помочь. На определенных условиях, естественно. Вы ведь их так до сих пор не нашли? При всех ваших возможностях...

— Да, — без удовольствия призналась Сильвия. — Это меня сильно и удивляет, и тревожит. Трижды они практически были у нас в руках и трижды ускользали. Такого с нами давно не случалось. А опыт у нас есть.

— В том и беда, что вы абсолютизируете прошлый опыт. Обстоятельства изменились, а стиль вашего мышления — нет. Не нужно считать противника глупее вас, к добру это не приведет. Особенно в данном случае.

— Знаете, — с чувством сказала Сильвия, — мне слегка уже надоели ваши нравоучения. Всему есть предел, вы не находите?

— Ради бога, простите. Возможно, я слегка увлекся. Давно не приходилось говорить со столь приятным собеседником. Столько лет на Земле, а большинство здешних обитателей далеко не так интересны, как ваши «объекты». Обещайте, что дадите мне возможность посмотреть на них, когда поймаете. А я за это вам подскажу одну идею, довольно забавную...

— Вы уже второй раз намекаете на помощь. В чем она заключается?

— А вот в чем. Раз вы до сих пор не нашли своих подопечных, хотя и использовали все средства, не логично ли допустить, что их уже нет на Земле? Что, если, просчитав ваши действия и намерения, они нашли эффективный контрход? Тем более что с ними та девушка... Вообразите, что по доступному им каналу они скрылись в то самое место, куда отправили ваших первых агентов? В расчете, что уж там вы их искать не будете, да и откуда вам знать, где та планета находится?

— Как вы сказали? На Таорэру? — И осеклась, поняв, что сказала лишнее.

— Так вам и название известно? Ну, тем более... Поищите. Зная землян, я отнюдь не исключаю столь парадоксального решения.

...Они еще некоторое время говорили на эту и близкие к ней темы, но Антон видел, что после высказанной им идеи Сильвия не может думать ни о чем другом. Ей, наверное, хотелось как можно скорее свернуть разговор и немедленно приступить к проверке. То ли лично, то ли передав сообщение на свою базу. Выдержка и невозмутимость явно не входили в число профессиональных качеств собеседницы. Так что игра с ней получалась малоинтересной. Как в покер с холериком. Он же, достигнув своей цели, склонен был поиграть еще.

— Нам с вами осталось решить всего один маленький во-

прос, и все. Можно будет с чистой совестью приступить к развлечениям, доступным на Земле лицам нашего положения.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась Сильвия.

— Ну, выбор развлечений здесь довольно широк, особенно если вы лишены предрассудков...

— Нет, — раздраженно тряхнула головой дама, — я о «маленьком вопросе». Про развлечения знаю не меньше вашего.

— Вот и чудесно. Вопрос такой — гарантии нашего «Ставангерского пакта». Возможно, под таким именем он войдет в историю. При всей моей симпатии лично к вам, дорогая, я не испытываю иллюзий насчет общего морального уровня вашей расы. Это не оскорбление, а лишь констатация. Потому надежные гарантии абсолютно необходимы...

— Вот вы как заговорили, — Сильвия недобро сузила глаза. — К вашему сведению, мои взгляды на вашу расу тоже далеки от христианских.

— Но это не должно помешать нам сохранить дружбу и взаимное уважение, — перебил ее Антон. — Зная, что мы не в силах обмануть доверие друг друга, мы тем самым избежим возможных разочарований. Мне бы этого крайне не хотелось...

Сильвия перехватила взгляд, направленный на ее сплетенные под креслом ноги, и чуть заметно улыбнулась. Она ведь, кроме всего прочего, обладала эмоциями и самосознанием земной женщины, внимание к ее внешности такого мужчины, как Антон, не могло не вызывать в ней отклика.

— Предположим, только я не представляю, какие именно гарантии вы полагаете достаточными и которые невозможно при необходимости нарушить... Видите, я тоже стараюсь быть откровенной с вами.

— Выхода у вас нет, кроме как быть откровенной. А гарантии удивительно простые и, безусловно, надежные. Сейчас я все расскажу, и вы убедитесь...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В один из дней позднего предзимья, когда холодные серые дожди все чаще стали сменяться первыми, еще нерешительными снегопадами, когда солнце, вставая, сразу же давало понять, что не намерено долго задерживается на небосводе, прокаты-

валось над острыми вершинами близких сосен и торопливо садилось за западными холмами, когда в буквальном смысле и собаку во двор не выгонишь, настолько там промозгло и ветрено, Новиков решил, что дела их плохи.

Ничто так не разлагает гарнизон отдаленных крепостей, как вынужденное безделье. А он, ощущая себя ответственным за моральное состояние друзей, которых сам же и втравил в это предприятие, не мог применить даже такие широко использовавшиеся в аналогичных условиях крепостного сидения и вполне эффективные методы, как учебные тревоги, марш-броски за полста километров или хотя бы четыре-пять часов строевой подготовки ежедневно. Настолько далеко его моральный авторитет не простирался.

Но и продолжать нынешнее бессмысленное существование тоже невозможно. Их пребывание на Валгалле потеряло цель, вот в чем дело. Скрываться от врагов — это не занятие для уважающего себя человека. Пока они, охваченные азартом первооткрывателей, высаживались на неведомой планете, строили форт, изучали окрестности да при этом все время ждали встречи с могущественным и коварным врагом, задумываться о смысле жизни было некогда.

Но вот прошло уже порядочно времени, новых идей ни у кого не возникало, а читать, спать и играть в преферанс доставляет удовольствие лишь до определенного предела.

И хотя пока внешне все выглядело почти по-прежнему, все вроде бы занимались своими делами с должным увлечением — Берестин писал свои картины, Шульгин целыми днями возился с машинами и арсеналом, Левашов приступил к физико-математическим обоснованиям пространственно-временных переходов, Воронцов запоем читал книги, которых не имел возможности прочесть в прошлой жизни, и выглядел наиболее из всех счастливым и безмятежным, девушки тоже нашли себе занятия по вкусу, — но внутреннее напряжение в компании нарастало. Новиков, как психолог, ощущал это отчетливо.

Меры следовало принимать незамедлительные и решительные. Иначе — неминуемый срыв.

Андрей воткнул топор в громадную колоду, на которой колол свою ежедневную норму дров. Эта работа его всегда успокаивала и помогала думать. Тем более что зима ожидалась длинная и холодная, искушенный в метеорологии Воронцов предсказывал с полной определенностью, что климат здесь близок к североканадскому. Так что дрова, сколько их ни запасай, лиш-

ними не будут. Когда повалят снега и завоют бураны, куда приятнее будет пользоваться готовым, чем заниматься лесозаготовками в зимней тайге.

Он выпрямил спину, с наслаждением потянулся и увидел, что сквозь окно третьего этажа на него смотрит Лариса со своим постоянным сумрачным выражением лица.

«Вот еще тоже загадка природы, — подумал он. — Интересная барышня, но до чего неконтактная, хоть и прожили бок о бок больше месяца... Удивительно, как она хоть с Одегом общий язык находит?» Он помахал ей рукой, девушка сдержанно кивнула и отвернулась.

— Психоаналитика тебе хорошего надо, подсознание раскрыть и неотреагированные эмоции снять, — негромко сказал Новиков вслух. — Впрочем, если бы только тебе...

За завтраком, который, по успевшей уже сложиться традиции, был обязательным для всех мероприятием и на котором не только и не столько питались, как обсуждали планы на текущий день, обменивались мнениями, используя этот час наподобие утренних производственных совещаний, что происходят ежедневно по всей великой советской стране от Командорских островов до Калининграда, Новиков, выбрав подходящий момент, спросил, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно небрежнее:

— Думал я сегодня от нечего делать на разные темы, и стало мне как-то совсем непонятно — а что же дальше? Впереди, похоже, суровая зима. Что будем делать?

— Оно и видно, что делать нечего, раз думать начал.

— А что тебе еще надо? Отдыхай...

— Построим трамплин на берегу и будем прыгать.

— Когда станет река — пройти по льду до устья.

Серию шутливых и язвительных ответов Новиков проигнорировал. Ничего другого он от своих друзей и не ждал. Гораздо больше его заинтересовало демонстративное молчание Воронцова, наглядно давшего понять, что на провокации он не поддается, и внимательный взгляд Наташи, тонко реагирующей на настроения своего друга. Этой парой стоит заняться отдельно.

— Я не об этом, — наконец сказал Андрей, убедившись, что Ирина тоже воздерживается от ответа. — Чем заняться, мы, конечно, найдем. Я в плане мировоззренческом. Вообще — что такое ваша Валгалла? Шикарный курорт для избранных? Или что-то большее?

Тут не выдержал Берестин:

— Не улавливаю, к чему это ты? Вроде все мы знаем, что, как и зачем... Или у тебя новые идеи появились? Так поделись, будь любезен.

— В том и дело, что идей нет. Одни сомнения. Ну, скрылись мы от супóстата, отсиживаемся, можно сказать. Никто на нас не напал. А может, и нападать некому. И сколько же нам тут еще сидеть и какие вообще перспективы? У всех землепроходцев, зимовщиков, конкистадоров, робинзонов даже — всегда была цель. А у нас? Жизнь тут прожить, ее же спасая? Как старцы в скиту? Для чего? А может, наплевать на все и домой вернуться? — Он сделал паузу. — У кого есть здравые соображения?

— Мне все едино, — тут же отозвался Шульгин. — Я здесь этот, как его... ландскнехт. Меня попросили. Если в моих услугах не нуждаются, я хоть сегодня могу домой.

— А ты, Ира, что скажешь? Я к тебе как к эксперту обращаюсь.

— В эксперты я не гожусь. Просто ничего не знаю. Не могу представить, какие шаги предпримут или уже предприняли... мои земляки. Может, действительно махнули на нас рукой, а может, ждут на Земле с нетерпением. Как хотите, так и решайте... не прощу только себе, если из-за меня и вы пострадаете...

— Ну, это совсем уже пессимизм и упадок духа. С таким настроением жить нельзя, — сказал Левашов, который и вообще был спокойнее и рассудительней прочих, а теперь, после того, как у него появилась Лариса, — особенно. — Я так думаю, что Андрей изобрел очередной изящный ход и морально нас к нему готовит... — добавил он.

— Переоцениваешь, брат. Ничего я не придумывал. Без всякой задней мысли спросил, причем даже не в разрезе пришельцев, а — вообще. Что для нас Валгалла и кто мы на Валгалле? Туристы, первопроходцы-исследователи, политэмигранты или, скажем, латифундисты-землевладельцы? Тоже вариант, доложу вам.

— А-а, тебя на классовый анализ потянуло, — догадался Шульгин. — Полезное дело. Ходил-ходил, окидывая глазом необъятные просторы, и задумался — а не передать ли все это богатство в дар отечеству?

Новиков, начиная разговор, о таком его перевороте даже не задумывался, однако изобразил неприкрытый интерес.

— Лихо ты меня вычислил. А ведь и вправду — неужто нам одним целой планетой владеть?

Он снова бросил короткий взгляд на Воронцова. Дмитрий, заметив его взгляд, едва заметно наклонил голову, будто одобряя слова Новикова.

— Если ты предлагаешь объявить официально о нашем открытии — резон в этом есть, — сказал Левашов. — Тут уж нам не смогут не поверить... Представляете, что будет?

— Что будет? Я тебе скажу — что, — с неожиданной угрозой в голосе вновь вмешался Шульгин. — Поверить-то нам поверят, когда мы им покажем твою... дырку в заборе. — Это сравнение ему так понравилось, что он помолчал и повторил: — Дырка в заборе. А за ней — прекрасный новый мир. Целая нетронутая планета. Только кому она нужна, если мы и России половину еще не освоили, а вторую уже загадили! Что здесь будет? Вторая целина? Виноват — третья, вторая уже есть. Или неуязвимый тыл на случай атомной войны? А то можно каторгу открыть — неограниченной вместимости...

— Ну-ну, Сашка, не заводись, — остановил Шульгина Андрей. — Хотя, пожалуй, в чем-то ты прав. И психологический аспект не стоит забывать. Созрели люди для всего этого? Как сия новость на них повлияет? А внешнеполитический резонанс? Конвенция какая-то существует насчет интернациональных прав на небесные тела... Нет, тут думать и думать надо, и не один день.

— Это ты верно говоришь — думать. Однако и снобизм из тебя прет... Люди, значит, не созрели. А ты, наоборот, созрел и оставляешь за собой право единолично определять судьбы миров... — Левашов пусть и редко, но все же мог иногда настроиться на такую вот ортодоксальную волну, и тогда спорить с ним становилось трудно.

— Не в снобизме дело. Спешить не надо. Поживем, посмотрим... Если хочешь — можешь на компьютере все варианты проиграть. Обстановка самая располагающая. А то ведь потом не получится: не пустят нас сюда. Объект особой важности тут будет, а не приют эскапистов...

— Например, каторга, — опять вставил Шульгин.

— Как бы и вообще куда-нибудь не деться, — кивнул Берестин. — Олег ладно, он ценный научный кадр, без него не обойдутся, а прочие для чего? Пользы от нас в государственном смысле ноль, а тайну хранить надо. И куда нас в этих целях пристроят?

— Ребята, бросьте, — наконец подал голос и Воронцов, — не

та проблема, чтобы за чаем решать. Толку не будет, а переругаемся вполне свободно.

— А что значит — эскаписты? — спросила Наташа.

— Если я правильно понял, Андрей имеет в виду принципиальный уход от действительности. Одни уходят в религию, другие в наркотики, а мы — в буквальном смысле — в мир иной.

— Да, в этом роде, — согласился Новиков, в очередной раз удивившись схожести их с Воронцовым мышления.

— Эскапизм, конечно, дело забавное, даже приятное, одна беда — из него очень трудно возвращаться в нормальный мир. Ты из-за этого и затеял нынешний разговор?

— Пожалуй, — медленно сказал Новиков. — Что-то такое я и имел в виду. Чем дольше мы тут сидим, тем труднее будет реадаптация. После нашей жизни опять начинать существование обычного человека... Работа с девяти до шести, троллейбусы, метро, очереди в магазинах...

Наташа передернула плечами. Слова Новикова будто прямо адресовались к ней. Она вела именно такую жизнь последние годы.

— Но ведь и окончательно порвать с предыдущей жизнью мы не готовы, не так ли? — с вызовом сказала она.

Новиков уже и не рад был, что начал разговор. Расшевелить друзей ему удалось, но проблема оказалась слишком острой и грозила непредсказуемыми последствиями для сложившегося образа жизни. Жить здесь. Все время ощущать, как рвутся одна за другой связи с человечеством (как бы высокопарно это ни звучало), или вернуться домой — и постоянно тосковать об утраченном? Или выбираться время от времени на Валгаллу, как на загородную дачу?

— Я смотрю, о пришельцах вы уже окончательно забыли. Или есть основания полагать, что они решили оставить нас в покое?

Слова Берестина прозвучали настолько неожиданно, что на секунду все замолчали, с недоумением глядя на него, а потом рассмеялись настолько дружно, будто услышали остроумный анекдот.

— Да... Вот блестящий образец стиля «а-ля Новиков», — сказала Ирина. — Надо же так заморочить всем головы...

Воронцов тут же вспомнил подходящий к случаю эпизод из своего военно-морского прошлого, и завтрак закончился в атмосфере веселого облегчения. Похоже, что все, подойдя к краю бездны и заглянув в нее, обрадовались возможности тут же

забыть об увиденном. Благо, что всерьез задуматься о том, что в ней открылось, пока не было неотложной необходимости.

...Новиков вышел на крыльцо, прикидывая, чем заняться до обеда, и главное — чем занять остальных. Можно было, к примеру, взять вездеход и прокатить девушек до дальнего распадка, где пострелять глухарей, или переправиться на тот берег, разведать, что скрывается за цепью голубых холмов, или даже попросить Левашова настроить канал перехода на пустынный атолл в Индийском океане, где сообразить нечто вроде праздника Нептуна с купанием и виндсерфингом. В любом случае требовалось действие, чтобы сбить минорный настрой. Даже самой интеллектуальной компании нужны иногда простые развлечения. И внезапно подумал, сколь часто подобные проблемы возникали перед диктаторами.

За спиной у него открылась дверь. Воронцов, уминая пальцем табак в большой вересковой трубке, подошел и сел боком на перила. Чиркнул спичкой и долго водил ею над жерлом своего курительного устройства, добиваясь, чтобы табак затлел равномерно и на должную глубину. Затянулся, неторопливо выдохнул дым, полюбовался, как он медленно поднимается вверх в сыром и неподвижном воздухе.

— Ты молодец, командир, сработал четко, минимум на неделю толпа успокоится. А мы с тобой что делать будем?

— С чего ты взял, что нам нужно что-то делать?

— Хозяин — барин. Можно и ничего. Просто я подумал, ты жаждешь определенности. В самом деле, чего вам ждать? Вдруг и вправду пришельцы давно про вас забыли?

— А если не забыли?

Воронцов помолчал, похрипел трубкой.

— Может, и не забыли. Только это — ваши проблемы. Мне как-то все надоело. Идея себя изжила, как говорил Остап.

— Постой, как тебя понимать? — с недоумением спросил Новиков.

— Как хочешь. Я с вами пожил, посмотрел... Надоело. Вы кого-то там боитесь, спасаетесь — ваша воля. При чем тут я? Ну, Олегу помощь была нужна. Что мог — сделал. Теперь, думаю, будет здесь четыре человека или пять — все равно. Если за вами сюда придут, из автоматов не отстреляемся. А мне на Земле привычнее. Вот так. Осуждай, не осуждай — я решил вернуться.

Новиков старательно рассматривал почерневшие от многодневных дождей ступеньки лестницы у себя под ногами, потом перевел взгляд на едва видимую сквозь туман реку. Он не знал,

что ответить Воронцову. Какой второй и третий смысл могут нести его слова? Ничего не мог сообразить. Думать, что Дмитрий струсил, Новиков не имел оснований. Поверить, что говорит правду, — не позволяли прожитые рядом с ним недели.

Он посмотрел на Воронцова в упор, ища в его глазах хотя бы намек на шутку или подтекст. Однако не смог уловить ничего.

— Постой, а как же все, что ты говорил раньше? Твой пришелец, война, сорок первый год? Не вяжется...

— А ты мне поверил? — Воронцов изумленно поднял бровь. — И не обратил внимания на все натяжки и несообразности? Ну что ж, или способный я рассказчик, или ты... — он замялся, подбирая слово. Не нашел подходящего и махнул рукой. — Впрочем, неважно. Просто скучно мне стало отдыхать, приехал к Олегу, а у вас тут такое... Вот и решил разговор поддержать... Так и запомни — ничего не было. В дальнейшем это тебе пригодится. Когда станешь очередные решения принимать. Чтобы не обольщаться бессмысленными надеждами...

— Теперь я, кажется, понял, за что тебя вышибли с флота, — сказал Новиков, неожиданно успокаиваясь. Очевидно, Воронцов затеял новую, пока непонятную партию. Пытаться разгадать ее смысл сейчас незачем, нет достаточной информации. Значит, правильнее всего ему подыграть. А дальше видно будет. Но ни в коем случае не надо раздражаться, лезть в спор, взывать к совести, чести и чувству долга. Тем более что от них, надо полагать, не отступает.

— Кто его знает, понял ты или нет, — пожал плечами Воронцов. — Но наверняка тот, кто меня вышибал, исходил из своих критериев, а не из твоих. А в целом все правильно, важен результат. Рад, что расстаемся без взаимных обид. — Он помолчал. — Впрочем, я не обещаю, что ухожу навсегда. Может, вернусь. Если и там скучно станет... — Снова помолчал и добавил: — Знаешь, если Лариска с Ириной захотят Наталье компанию составить — ты сильно не спорь. Что тут девчатам зимой делать? Холод, снега, скука... А я им на Земле что-нибудь придумаю. Потеплеет — вернутся.

Новиков был прав в своих догадках. Прошлой ночью Воронцова вызвал Антон и в категорической форме посоветовал покинуть Валгаллу.

— Вполне вероятно, что в ближайшее время там станет горячо, — сказал он.

На возражения Воронцова отреагировал так:

— Там ты своим друзьям ничем не поможешь. Хоть с пистолетом, хоть с пулеметом. Это не Земля. А отсюда помочь сможешь. А вот если в плен попадешь ты, тогда плохо. Поэтому сделай так, чтобы даже при желании ничего серьезного о тебе и твоих связях со мной никто сказать не смог...

— Как же это ты себе представляешь? Ребята все знают... Но если им все объяснить, будут молчать. Даже на самом серьезном допросе.

— На достаточно серьезном допросе даже на Земле заговорит любой, а уж там... Нужно, чтобы ни у кого о тебе достоверных данных не осталось бы. Уж постарайся. Затем Антон начал объяснять, что проще всего было бы вообще стереть всякие воспоминания о Воронцове из памяти его друзей, но это, увы, теперь невозможно. Пришельцы дважды видели Воронцова в обществе Левашова, даже вступали с ним в контакт.

— Особенно второй раз, — с мрачным юмором вставил Дмитрий.

— Вот именно. Поэтому остается только поддерживать твою легенду: да, был такой товарищ, в гостях, проездом, в силу неуравновешенного характера вмешался не в свое дело, стрелял в милиционеров, опомнился, перепугался, вместе со всеми бежал на Валгаллу, там успокоился и счел довольно опасным возвратиться обратно, где и затерялся бесследно... Все остальное узнаешь позже. У нас еще будет время. И еще ни в коем случае там не должна остаться Ирина. Пока ее не найдут, твоим парням ничего серьезного не угрожает.

Они обсудили еще целый ряд имеющих отношение к делу подробностей, после чего Воронцов, не убежденный до конца, но понимающий, что более разумного и надежного выхода у него все равно нет, возвратился на Валгаллу.

«Это ж только представить себе, какие невероятные последствия может иметь невинное желание отдохнуть на берегу теплого моря», — думал он, ворочаясь в постели и пытаясь заснуть. Следующий день обещал быть нелегким: врать придется много, и делать это надо будет непринужденно и убедительно.

— ...Ты ведь пишешь там что-то вроде мемуаров, — говорил он Новикову. — Вот и включи в них мою историю. Да распиши покрасивее. Война, бомбежки, романтический замок, прекрасная девушка и таинственный инопланетянин.

В самый раз будет. Все равно никто не поверит... И фантазии не жалей. Дозволяю разукрасить мой образ любыми живописными подробностями. А когда, даст бог, встретимся, я почитаю...

Воронцов засмеялся, покровительственно похлопал Новикова по плечу, словно не замечая театральной фальшивости этого жеста.

Андрей резким движением убрал его руку.

— Хозяин — барин. Делай, как знаешь, только в друзья больше не набивайся. Не люблю пижонов.

— Ладно-ладно, только не надо громких слов. Разойдемся красиво...

Он не успел закончить. Распахнулась дверь, и на крыльцо выбежали девушки, над чем-то смеющиеся, в разноцветных, отороченных мехом коротких дубленках, в джинсах, по-походному заправленных в сапоги. За ними Шульгин тащил на плече пять винтовок с оптическими прицелами.

— Одевайтесь, быстро! — крикнула Наташа. — Едем на охоту...

Воронцов и Новиков обменялись короткими взглядами и тут же отвернулись друг от друга.

«Черт с ним, — подумал Воронцов, имея в виду Антона. — Все, что нужно, я сказал, Андрей запомнил. А за его догадки я не отвечаю. Как там у классиков — «не осязаемый чувствами звук...».

— Чего ж не съездить, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Можно и поохотиться. На прощание.

— Почему на прощание? — тут же спросила Наташа с недоумением.

— Так... Потом расскажу. — И повернулся к Шульгину: — Что еще захватить? Патронов хватит?

— Все, что нужно, давно в машине.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

После ухода Воронцова, Наташи и, что особенно было странно — Ирины, в жизни колонистов Валгаллы словно надломилось что-то. И до того сомнительные основания их пребывания здесь стали еще более зыбкими и неопределенными. Появилось ощущение, что Ирина, ради спасения которой все и

затевалось, и Воронцов, предложивший идею отступления на этот далекий берег, их предали.

И что же теперь? Кто они здесь, зачем и для чего?

Правда, пессимистические настроения все же не достигли той степени, чтобы повлечь полный развал их хоть и ставшего совсем маленьким, но пока еще жизнеспособного мирка.

Левашов был счастлив тем, что Лариса не поддалась на уговоры подруг и осталась на планете. И он имел основания считать, что из-за него, хотя никаких практических подтверждений до сих пор не получил. Их с Ларисой условие оставалось в силе.

Новиков путем углубленных размышлений укрепился в своей догадке, что поступок Воронцова — не более чем очередной ход в сложной и запутанной игре, дирижером которой был таинственный Антон. Он верил в свои способности психолога и провидца, а посему — решил ждать. И пока, от нечего делать, трудился над беллетризованной хроникой своих приключений. Озаглавил он ее несколько претенциозно — «Одиссей покидает Итаку», но смысл в таком названии усматривался глубокий. Берестин уход Воронцова принял почти безразлично, а Ирины — даже с облегчением. Постоянное присутствие отвергшей его женщины не приносило ничего, кроме утомительной, как зубная боль, тоски. С Ириной у Берестина повторилось то же самое, что и с первой юношеской любовью. Запутался в рефлексиях, упустил момент, когда девушка была готова сдаться на милость победителя. Не хватило как раз того, без чего невозможна победа — в любви ли, в настоящей войне: умения определить время и место решительного удара.

Зато он завершил работу над картиной, которая получилась, без ложной скромности, необыкновенно удачной. Это признали друзья, да и сам он так считал. Жаль только, что в обозримом будущем ее нельзя будет выставить ни в одном московском зале. Члены выставкомов боятся всяких аллюзий куда сильнее, чем пресловутый черт ладана.

Шульгин же, несколько огорченный резким уменьшением женского населения Валгаллы, общение с которым доставляло ему чисто эстетическое наслаждение, с еще большей страстью и азартом переключился на амплуа покорителя новых миров, этакого конандойлевского лорда Джона Рокстона. Его комната, оба холла и библиотека постоянно пополнялись все новыми образцами стрелкового оружия, как наисовременнейшего, так и довольно старинного. Новиков не переставал удивляться, отку-

да у потомка тишайших земских медиков такая безудержная любовь к смертоносному железу.

— Погоди, — отвечал ему Сашка одной и той же фразой, — когда припрет, еще спасибо скажешь...

А осень тем временем наконец закончилась. Последние несколько дней холодный дождь то и дело сменялся ледяной крупой, покрывающей землю сплошным слоем, но через час или два тающей. Потом вдруг небо внезапно очистилось от туч, засияло неправдоподобной густоты синевой. И тут же из-за реки задул жгучий морозный ветер. Столбик термометра падал на глазах. Сначала тонкой прозрачной корочкой подернулись многочисленные лужи, потом затвердела земля. Высокая трава побелела и ломалась под сапогами со стеклянным хрустом. Будто гонимые порывами ветра, через реку потянулись неисчислимые стаи больших красно-синих птиц. Они шли волнами, как американские бомбардировщики при налетах на Дрезден и Кёльн.

Шульгин из винтовки сбил несколько штук. Птицы напоминали дроф и, как оказалось, годились в пищу.

Они летели над фортом весь день, и смотреть на них было тревожно. Как будто вслед за ними двигалась неведомая, грозная опасность. На земле такие миграции бывают, пожалуй, только при пожарах в тайге. К вечеру температура понизилась до минус пятнадцати, северо-западный край неба затянула сизая мгла.

— Да, ребята, пора поднимать катер на берег и растапливать все печи, — сказал Берестин. — Не удивлюсь, если к утру шарахнет мороз градусов в полста...

— Хорошо бы так, а если сто? — с интересом спросил Шульгин.

— Не будет. Лес не выдержит. А раз он здесь растет, примерно пятьдесят — предел, — серьезно ответил Берестин.

— Все равно холодно.

Около полуночи началась метель. Хлопья снега летели почти горизонтально, мгновенно покрыв плотным белым покрывалом черную землю, залепив стекла окон с наветренной стороны, наметая косые, быстро растущие сугробы везде, где встречали хоть какую-нибудь преграду. Свет трех ярких фонарей во дворе едва пробивался через плотную снеговую завесу.

— Изумительно... — Лариса стояла в холле, освещенном только светом огня в камине, прижавшись лбом к стеклу и

всматриваясь в буйство стихии за окном. — Давно я не видела такой чудной погоды.

— Еще насмотришься, — посулил ей Левашов. — Денька два так подует, и будем через трубу на крышу вылезать.

— Ничего удивительного, — сказал Берестин. — Помню, раз на Сахалине в тайфун один солдатик решил сбегать, извиняюсь, в гальюн, не удержался за леер, так только весной нашли...

— Нам, к счастью, это не грозит. Насчет гальюнов у нас все в порядке. — Шульгин не преминул сострить в своем обычном стиле.

— Только на это и надежда, — не оборачиваясь, ответила Лариса.

— Смех смехом, — сказал Новиков, — а собак надо в дом пустить.

Метель продолжалась ровно двое суток, а потом сразу прекратилась, и установилась тихая и морозная погода. До пятидесяти градусов дело не дошло, столбик красного спирта в большом термометре на веранде как остановился на минус двадцати восьми, так больше и не двигался. Причем, что удивительно, ночью тоже.

Где бульдозером, где просто лопатами вычистили от снега двор. Лариса подобрала всем лыжи и соответствующее снаряжение, доказав, что она в этом деле понимает, и жизнь вновь стала интересной.

Просто удивительно, как мало надо человеку. Вроде ничего не изменилось, кроме погоды, а настроение стало совсем другим.

Каждое утро — многокилометровые лыжные прогулки по радиальным маршрутам, хозяйственные работы в доме и вокруг, непременная баня по вечерам и долгие, за полночь, беседы у камина. Типичные интеллигентские беседы близких по взглядам и уровню интеллекта людей: о литературе, истории, политике...

Левашов поражался, как на глазах менялась Лариса. Глядя на остроумную, раскованную, иногда ехидную, но доброжелательную девушку, он уже с трудом верил, что совсем недавно она едва держалась на ногах под грузом своих комплексов, чуть что — ощетинивалась, как рассерженный еж, и приходилось тщательно взвешивать каждое обращенное к ней слово, чтобы не нарваться на резкость.

...Вся эта приятная и спокойная жизнь кончилась сразу. Как, впрочем, случается все или почти все в этой жизни, даже если какие-то явления предвидимы и даже ожидаемы. Что может быть, вообще говоря, банальнее, чем, допустим, смерть, однако почти каждый конкретный случай воспринимается как событие трагическое и совершенно внезапное. Но в данном случае речь идет не о смерти, а совсем даже напротив — об открытии на планете разумной жизни...

Рано утром, когда небо еще отливало темно-сиреневым перламутром и край солнца только-только показался над заснеженными холмами, Шульгин проделывал свой обычный получасовой комплекс силовой гимнастики на свежем воздухе. Он уже закончил упражнения, крепко растерся сухим и жестким снегом и собирался возвратиться в дом, чтобы завершить процедуру горячим душем. Поднявшись на крыльцо, скользнул взглядом по освещенным розовыми лучами окрестностям и увидел нечто вполне заслуживающее названия «неопознанный летающий объект».

Словно сигнальщик, опаздывающий на вахту, он взлетел по скобтрапу на смотровую площадку, укрепленную между ветвями растущей рядом с домом гигантской сосны. Ткнулся бровями в окаменевшую резину окуляров, завертел кремальеру стереотрубы, догоняя ускользающую цель. Чуть тронул барабан наводки на резкость, и между делениями угломерной сетки, на удалении километров в пять, вырисовывалось некое сооружение, медленно проплывающее курсом с востока на юго-запад на высоте около километра. Более всего наблюдаемый объект напоминал земной дирижабль, однако земное происхождение, по известным причинам, заведомо исключалось.

Первым ощущением Шульгина было такое прозаическое чувство, как досада. Оттого, что опять ломается налаженный образ жизни, возникает масса новых вопросов и проблем. Только что все было так обычно и спокойно. Не обернись он в эту сторону — стоял бы сейчас под тугими обжигающими струями и ни о чем бы не думал. Вот уж воистину — умножая знания, умножаешь скорби...

Шульгин выдернул из зажима трубку телефона. Пока разбуженные тревожным звонком колонисты одевались и карабкались наверх, через всю наличную оптику всматривались в артефакт, он, неторопливо удаляясь, растаял в блистающей синеве.

Но увидеть все успели достаточно.

Обмен мнениями состоялся уже внизу, в библиотеке.

— С точки зрения теории вероятностей — полный бред, — говорил Шульгин, прижимая к горячему печному кафелю окоченевшие кисти рук. — Сначала — пришельцы двух видов, теперь еще и местная цивилизация. Да так просто не может быть...

— Теория тут ни при чем, — возразил Левашов, — и допускает все, что угодно. Не обязательно при вероятности один на миллион делать миллион попыток. Может выйти с первого раза...

— Точно, — кивнул Берестин. — Особенно если не придавать специального значения собственной исключительности. В большой войне для конкретного индивида вероятность быть убитым первым равна единице, деленной на численность действующей армии, даже двух — своей и неприятельской, однако «счастливчик» выявляется сразу же, и никого, кроме него самого, это не удивляет...

— В вашей теоретической подготовленности я не сомневаюсь, — вновь заговорил Шульгин, — но меня больше занимает практика — обнаружили они нас или нет?

— Вряд ли... Белое на белом, среди леса, а и далеко, в общем-то.

— Главное — мы их обнаружили.

— А техника у них не фонтан. Дирижабль... Движки как бы не паровые — дымят здорово. И скоростишка не больше полусотни в час...

— Это еще ни о чем не говорит, — возразил Левашов. — Ты у нас мог бы увидеть телегу на лесной дороге, а делать из этого выводы...

— Тут есть разница, мне кажется. Телегу увидеть можно, а вот паровоз Стефенсона — вряд ли.

— Стоп, ребята! Делать-то что будем?

Шульгин словно опомнился от охватившего всех возбуждения.

— Думаю, спешить нам особо некуда. Ну — аборигены. Ну — полетели по своим делам. Впервые, заметим, за полгода. Вполне возможно, еще полгода вторично не прилетят. Так что позавтракать мы вполне успеем. А потом и продолжим военный совет в Филях.

К середине дня появилась программа действий, лаконичная, но чрезвычайно емкая.

1. Ввести военное положение.

2. Принять меры к обороне форта на случай внезапного нападения.

3. Развернуть широкие разведоперации на предельный радиус. После получения хоть какой-нибудь достоверной информации о разумных жителях планеты вернуться к вопросу о практических действиях.

...У колонистов опять появилась жизненная цель, в атмосфере планеты повис призрак новой опасности, сулящей острые ощущения и начисто снимающей настроения чуть апатичного эпикурейства. С жаром, может быть, даже чуть преувеличенным, все с головой погрузились в заботы и идеи, размножающиеся со скоростью цепной реакции.

Лариса, единственная из всех, сохранила благоразумие. Присутствуя на совете четырех мужчин, с которыми ее свела судьба, она смотрела на них и слушала со странным чувством. Каждый из них был старше ее на добрый десяток лет или близко к тому, и все же они производили впечатление азартных, не способных задуматься о последствиях своих поступков мальчишек. Решать проблемы, для которых следовало бы собрать чуть ли не сессию ООН, походя, за завтраком, отнюдь не забывая при этом закусывать и даже слегка выпивать. А с другой стороны — быстрота и четкость принятия решений в ситуации, к которой у них не было и не могло быть никакого навыка. Она достаточно много занималась историческими документами и имела представление, как, какими путями и способами разрешались те или иные критические ситуации. И не могла не признать, что ее друзья выглядели не худшим образом.

Пользуясь предоставленными ей правами, она тоже приняла участие в беседе и сказала, как думала, о том, что вряд ли они имеют основания брать на себя сложнейшее и ответственнейшее дело, способное изменить весь ход мировой истории, — контакт с иной цивилизацией. И даже если в прошлом они уже в такой контакт вступали, то это ничего не меняет, так как встреча произошла не по их вине и выбору, а по инициативе инопланетян. А сейчас другое дело, можно подождать, подумать, каким образом организовать эту встречу с разумными обитателями планеты, может быть, самим и не соваться...

Она хотела что-то еще продолжить в том же роде, но замолчала, споткнувшись о холодный и как бы сожалеющий взгляд Берестина. Он вообще среди всех присутствующих казался ей самым непонятным и жестким человеком.

— Милая девочка, — тихо сказал Берестин. — Ты всерьез считаешь или просто повторяешь трепотню своих старших коллег, что только они там, — он дернул головой вверх и в сто-

рону, — имеют прерогативу делить события на важные для мировой истории и не важные? И что есть люди, которым по чину положено совершать исторические поступки, и — остальные, которым это заказано? То есть — герои и быдло? Так эта теория уже в начале нашего века признана несостоятельной и в корне реакционной. И мы здесь все привыкли считать, что от каждого может зависеть все. Исторические поступки совершаются каждым и без мыслей о том, как бы не нарушить какие-то инструкции и табели о рангах...

Лариса, несколько оторопевшая от неожиданно серьезного и будто бы даже угрожающего тона Берестина, сразу не нашла, что ему ответить. Помог ей Шульгин, незаметно, но резко ударивший Берестина носком сапога по щиколотке.

— Видишь ли, Ларис, мы как бы представляем разные научные школы... Это как в медицине. Ученики академика Амосова говорят: в любом случае и обязательно резать. А последователи Аничкова не прибегают к ножу ни в каких обстоятельствах...

— Как историк-дипломат, ты поможешь нам на более поздних этапах, — сказал Левашов.

— Вот-вот, — поддержал его Новиков. — Сперва найдем, с кем и о чем разговаривать, а там и тебе карты в руки.

— Красные женщины в дипломатии — неподражаемы... — Шульгин поднял глаза к потолку и вытянул губы в трубочку.

Лариса не выдержала и рассмеялась.

— Ну вот и слава богу. (Берестин, как заметил Новиков, стал довольно часто в последнее время употреблять это присловье. Будто демонстративно отбросил некие привычки и традиции.) Тогда давайте займемся делом. Лично мне не терпится отправиться на поиски братьев по разуму. Вдруг они встретят меня с распростертыми объятиями, и я тут же начну сеять среди них доброе, вечное, а если выйдет, то и разумное...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

По своему маршруту Берестин шел один.

Настоящая мужская работа — сжимать тугие обрезиненные рукоятки фрикционов и гнать десятитонную броневую машину через белое безмолвие по двенадцать и более часов в сутки.

В плечах и руках — весь этот стальной вес и пятьсот лошадей дизеля, а транспортер идет, как глиссер, выхлестывая из-под гусениц снежные фонтаны, а то вдруг ухает в забитую снегом лощину, погружается вместе с башней, как подводная лодка, и, жутко рыча, стреляя выхлопами, выползает вновь на поверхность. Да если еще идти с открытым лобовым люком, чтоб лучше видеть, — ледяной ветер хлещет в лицо, обжигает щеки и садится инеем на черный ребристый шлем.

И можно подумать. О чем хочешь. Можно об инопланетянах, космосе, проблемах контактов и априорной гуманности разумов, достигших высокой степени развития.

Можно и о женщинах. Конкретно об одной Ирине, а то и о других тоже. Например, о Ларисе. Которая непонятно что нашла именно в Олеге. Не то чтобы Берестин считал его хуже других, а все равно странно.

И еще много о чем удается передумать, гусеничным следом рисуя на поверхности планеты гигантский расходящийся сектор.

И, конечно, он смотрел. Вперед по курсу и по сторонам. Валгалла раскрывала перед ним свои пейзажи, еще не виденные никем из землян.

Тот уголок планеты, который они успели освоить, был изумительно красив, но колонисты довольно поверхностно изучили лишь несколько сот квадратных километров, прилегающих к форту и берегам реки вверх по течению, а сейчас Берестин каждый день проходил двести, а то и триста километров. По вековым заснеженным лесам, где и деревья стояли так плотно, что только вдоль ручьев и по водоразделам рек удавалось находить дорогу для транспортера.

С заслоняющих небо крон срывались снеговые шапки, и в воздухе долго потом висел искрящийся туман. Грохот мотора многократно отражался от деревьев и откосов на излучинах рек, распугивая всякую местную живность на много километров вокруг, и Берестину попадались только свежие следы и недавние лежки, и еще иногда удавалось увидеть тяжелый медлительный полет белых свиноподобных птиц — возможно, просто крылатых свиней, на которых, наверное, в другое время можно было бы славно поохотиться.

Курсограф рисовал на голубой ленте запутанную ломаную линию, вдоль которой Алексей отмечал места ночевок и приметные детали рельефа. Картографам еще предстоит масса работы, если им доведется когда-либо посетить Валгаллу.

От блеска снега и бесконечно повторяющегося мелькания древесных стволов сильно уставали глаза, и даже ночью, во сне, он видел все те же бегущие полосы — черные на белом.

Иногда он выезжал на открытые пространства, но как бы велики ни были эти поляны, все равно по сторонам и впереди Берестин видел все тот же лес и только его. Уже не верилось, что он когда-нибудь кончится. На ночевки он останавливался уже в сумерках, выбирал подходящее место, расчищал до голой земли площадку, зажав фрикцион и раз двадцать крутнув транспортер на месте, потом разжигал костер и готовил горячий ужин (обедал обычно всухомятку, заглушив на полчаса двигатель).

Таял снег в котелке, трещали в огне сырые дрова, он сидел, протянув руки к костру, и с наслаждением ощущал, как постепенно отходят скованные многочасовым напряжением мышцы.

На сотни километров вокруг не было ни одной человеческой души, ни одного живого огня. Кроме вот этого, перед глазами.

Вода в котелке закипала, и он вытряхивал туда содержимое консервной банки или сыпал промерзшие пельмени, неторопливо и вдумчиво ел горячее варево, а потом долго пил огненный чай, пахнущий дымом и далекими тропическими странами, поглядывая в кружку, в которой плавали разваренные чаинки, попадались мелкие угли и чешуйки золы.

Первую кружку он выпивал с огромным количеством сахара — сахар снимает усталость и обостряет зрение, потом закуривал трубку или длинную темно-зеленую бразильскую сигару, и дальше пил чай уже без сахара, смакуя тонкий вкус. Употреблял он исключительно натуральный цейлонский, не гранулированный и ферментированный, а в листе.

Спиртное Берестин позволял себе только в исключительных случаях, как, например, в тот день, когда пять часов подряд на двадцатиградусном морозе менял порванную гусеницу и лопнувший от удара в гранитный валун ленивец.

Отужинав, глушил дизель, задраивал люк, влезал, непременно раздевшись, в спальный мешок и минут двадцать-тридцать, пока не начинал на выдохе идти пар изо рта, в стремительно промерзающем броневом корпусе читал при свете потолочного плафона. И, наконец, укрывшись с головой в двойной пуховый мешок, засыпал.

Утром не менее двух часов занимало приготовление завтрака, осмотр и техобслуживание машины, заправка горючим

(почти все боевое отделение было загружено бочками с соляром) — и снова вперед.

Но в конце концов лес однажды кончился, как кончается все, и плохое и хорошее на свете, распахнулась перед глазами бескрайняя, понижающаяся к юго-востоку лесостепь, и по мерзлому, чуть прикрытому тонким слоем снега грунту БТР понесся не хуже легкового автомобиля.

Окрестный пейзаж, с голыми стволами теперь уже лиственных деревьев, словно нарисованный разбавленной тушью на рыхлой серой бумаге, напоминал старые японские картины из серии «112 станций Токайдо».

«Летом, наверное, здесь совсем великолепно, — думал Алексей. — Холмы покрывает трава и яркие цветы; скрытые сейчас под снегом многочисленные речки и озера ярко голубеют под солнцем, а вокруг пасутся бесчисленные стада каких-нибудь антилоп или даже бизонов. Может быть, имеет смысл поставить здесь, на границе между тайгой и прерией, новую базу, пригласить с Земли добровольцев, единомышленников, приступить к систематическому освоению «прекрасного нового мира»...

Но почему же эта, по всем признакам, благодатная местность совсем не населена аборигенами? Может быть, здешние края аналогичны Сибири, Канаде или американским Великим равнинам до их освоения. Но ведь летают же здесь зачем-то местные дирижабли! А вдруг им посчастливилось заметить аппарат отчаянных, впервые проникших на край света землепроходцев, вроде наших Амундсена и Нобиле? Тогда надежды на встречу становятся крайне гипотетическими. А горючего остается максимум на трое суток пути. И — точка возврата».

Все решилось вдруг, для Берестина почти уже неожиданно. Слишком размагнитил его многодневный бесцельный поиск. Сразу после полудня, когда Алексей пересекал пологую, без единого дерева или любого другого укрытия лощину, дизель тянул одну и ту же низкую ноту, когда плавное раскачивание транспортера стало нагонять дрему, он совершенно случайно поднял глаза выше обычной линии обзора — и увидел идущий встречным курсом дирижабль.

До него оставалось совсем немного, может, чуть больше километра, и, конечно же, пилоты Берестина заметили, наверное, давно.

Спасла его случайность, и только во вторую очередь — быстрая реакция.

Дирижабль чуть опустил нос — весь он был тускло-синего цвета, а носовая часть и гондола почему-то оранжевые, — и от массивной угловатой гондолы отделился цилиндрический темный предмет. За ним потянулась полоса белесого не то дыма, не то пара.

В долю секунды Берестин понял, что предмет (бомба? ракета?) идет прямо на него. Алексей рванул рычаги фрикционов и до пола вдавил педаль газа. Оглушительно взревел двигатель. БТР крутнулся на месте и прыгнул под прямым углом влево. Над головой скользнула тень дирижабля, и справа — там, где еще клубился взрытый гусеницами снег, с шипением и свистом возник шар кипящего пламени. Ни грохота, ни удара, обычных при взрыве бомбы, Берестин не ощутил. Да и не до того ему сейчас было, чтобы анализировать, что именно на него бросили. Главное, что аборигены нанесли удар первыми. Ничем не спровоцированный удар. И сразу — на поражение. Без положенного предупреждения и выстрелов в воздух.

Ждать повторения стал бы только дурак или толстовец из самых заядлых.

Сбивая колени об острые углы брони, Берестин перебросил тело через кожух коробки передач вправо, на место башенного стрелка. Дирижабль разворачивался, молотя воздух лопастями двух разнесенных на решетчатых фермах винтов.

Алексей, наваливаясь всем телом, вывернул ствол пулемета вверх, воткнулся глазами в оптику прицела и, когда неуклюжая туша четко застряла между перекрестиями, вдавил ребристую кнопку спуска. В свое время его долго учили всем видам огня по воздушным целям: скоростным, низколетящим, по вертолетам, парашютистам... Стреляли и по мишеням, и по конусам, и по чучелам... Из оружия личного и группового, лежа, с колена и стоя. Гулкий грохот заполнил стальной объем башни, остро запахло сгорающим порохом. Рукоятки пулемета били в ладони, и Алексей знал, что тяжелые, черно-желто-красные пули все идут в цель.

Металлическая лента стремительно уползала в приемник, а дирижабль все летел, бесформенный, как грозовое облако (Алексей успел подумать — вот для чего ему такая раскраска: чтобы маскироваться в вечно пасмурном небе), и все не загорался и не падал.

Берестин на волосок снизил прицел, от гондолы полетели щепки и клочья, одновременно оболочка лопнула почти по всей ее длине. Дирижабль резко пошел вниз, раскачиваясь и

дергаясь — оттого, наверное, что газ из вспоротого брюха выходил неравномерно, а широкие лоскуты ткани работали как рули и парашюты.

Гондола с треском ударилась о землю, и ее накрыло огромное скомканное полотнище. С «парабеллумом» в руке Берестин спрыгнул на снег.

Пройдя большую излучину, снегоход, не встречая больше никаких препятствий, словно действительно вниз под горку, как с детства представлял себе направление на юг Левашов, заскользил по ледяному панцирю реки, между едва заметных вдоль берегов полосок леса, свободно разгоняясь до стокилометровой скорости.

Провожая Левашова, Шульгин веселился:

— Не дальняя разведка, а прямо тебе пикничок! Если и не на обочине, то в поисках оной...

«Да, не сравнить с тем, что достается сейчас Сашке и Алексею, — подумал Левашов. — Теснота, грохот, тряска, вонь солярки и дизельных выхлопов... А здесь — панорамные окна, мощная печка, просторный салон с мягкими креслами, газотурбинные двигатели... И не потому он выбрал этот пижонский «Сноуберд», что для реки такая штука в самый раз, а наоборот — маршрут подгонял под технику. «Если бы не Лариса, — решил Олег, — я бы тоже пошел на броневике. А куда денешься, если нож к горлу: или берешь меня с собой, или, мол, возвращаюсь в Москву насовсем... Отчего это бабы всегда могут ставить такие условия? Чего, казалось бы, проще — сказать в ответ: ну и как знаешь. Нет, не дает что-то так ответить...»

Но тем не менее, несмотря на все свои рефлексии, Олег был очень близок к тому, что называется счастьем. Свистят за спиной турбины, траки едва касаются твердого наста, солнце бьет через дымчатый козырек, рядом — тревожащая душу и неравнодушная к тебе девушка сидит, откинувшись в пологой чаше кресла, на губах у нее тень улыбки. И она только с тобой, и так будет долго...

Счетчик едва успевает отбивать километры. И день, и два, и еще. Река тянется и тянется без конца. Иногда ее сжимают стокилометровые скальные обрывы, потом она вновь выбегает на равнины, титаническая река, Амур или Амазонка здешних краев, и невозможно представить, где и в какое море она впадает.

Первые сутки Левашов еще чувствовал некоторую скован-

ность. Все же впервые они с Ларисой оказались настолько одни, почти как в космической капсуле. И были у него перед походом сомнения: как поведет себя выросшая на московских асфальтах и избалованная прошлой жизнью девушка? В плавании на «Ермаке» и тем более — в форте был и сервис другой, и женское общество... Зимний поход есть зимний поход, пусть и не на собаках по Юкону, забот и сложностей хватает. Однако держалась Лариса вполне подходяще, не хуже многих знакомых Левашову парней, а то и лучше, пожалуй. Выходит, что можно на нее положиться. Долгими часами на маршруте и на привалах они говорили много и о многом.

— Удивительная вещь — романтизм, — сказала как-то Лариса, когда они вспомнили вдруг Джека Лондона. — Моряк он был, знал жизнь во всех подробностях, а помнишь, как он описал последнее плавание Ван-Вейдена с Мод на шлюпке? В «Морском волке»?

Левашов в принципе помнил, хоть и напрочь забыл настоящую фамилию Хэмпа, и удивился, что Лариса сказала именно Ван-Вейден, а не Хэмп. Словно на литературоведческом семинаре.

— Ну, так они и после двух недель плавания сохранили возвышенно-салонный стиль отношений... А как это у них получилось? Представляешь, что значит две недели вдвоем в десятиметровой шлюпке?

Левашов, конечно, представлял. Но факт, что она отчего-то вспомнила об этом романе и наверняка провела параллель между его героиней и собой, говорил о многом.

— Сама же сказала — романтизм, — ответил он. — А иначе был бы соцреализм или даже натурализм...

— Вот я и думаю, а может, они и в самом деле так воспринимали мир?

— Возвышенно и чисто?

— Ага...

— Черт его знает. А в реальной жизни в открытую посещали бордели те самые романтики, и никого это не шокировало. Все может быть. Вон у нас довоенное кино... Смотришь, и оторопь берет — «Волга-Волга», «Светлый путь», а вокруг — тридцать седьмой год! И большинство верило, что настоящая правда — на экране... Или сейчас врут, что верили.

Хоть они и не на шлюпке по океану плыли, все же совместное многодневное пребывание в ограниченном объеме снегохода сильно упростило их взаимоотношения, чего, кажется,

Лариса и хотела. Такой несколько парадоксальный способ сближения был вполне в ее стиле, и все обошлось без пошлых, в ее понимании, признаний и обещаний.

...Монотонная гонка по бесконечному катку начинала надоедать, несмотря на все усилия Левашова разнообразить жизнь, включая обучение Ларисы вождению «Сноуберда», охоту, подледную рыбалку и даже солдатскую баню в палатке, организованную из столитровой бочки, камней и двух паяльных ламп.

— Так и до экватора доберемся, — меланхолически сказал Левашов, трогая снегоход после очередной ночевки.

— А далеко до него?

— Да тысяч пять наверняка будет. Или чуть больше...

Ежедневные сеансы связи с оставшимся на хозяйстве в форте Новиковым утешали только тем, что не приносили никаких известий об успехах Берестина и Шульгина, шедших, соответственно, на юго-восток и юго-запад.

«Или у здешних жителей совсем нечеловеческие вкусы и реки их не привлекают, либо северное полушарие у них вообще необитаемо», — решил Левашов.

Позади осталось больше тысячи километров — и ничего.

Однако библейские истины сохранили свое значение и в мирах потусторонних. Ибо сказано в Писании: «Ищите — и обрящете».

Пейзаж, уже порядком примелькавшийся, вдруг изменился. Береговой рельеф стал другим. Далекие берега, почти скрывавшиеся в морозной дымке, словно двинулись навстречу друг другу, сжимая ледяное русло реки зубчатыми откосами. Снегоход оказался на дне титанического каньона. Похоже, что здесь река пробила себе пусть сквозь отрог горного хребта, в минувшие геологические эпохи взломанный тектоническими катаклизмами. Зрелище было фантастическое и грозное.

Высокие темно-бордовые столбы обнаженного гранита или базальта встали из-за очередного поворота. Они упирались в небо, поразительно похожие на выстроенные рядком обоймы трехлинейных винтовых патронов. Их истинная высота осознавалась лишь тогда, когда становилось понятно, что зеленая щеточка внизу — не кустарник, а все тот же мачтовый лес.

И все же не пейзаж сам по себе создавал новое, непривычное ощущение. Было здесь что-то еще, неосознанное, но тревожное.

Олег довернул чуть правее, каменная гряда надвинулась, гу-

сеницы застучали по неровностям берегового припая, и Лариса схватила его за руку.

— Смотри...

Он увидел. Сначала громадное, черно-блестящее пятно оплавленного гранита на отвесной стене, а еще через мгновение — вмерзшее в лед сооружение, которое, несмотря на непривычные формы, не могло быть не чем иным, как кораблем, судном, одним словом — приспособлением для передвижения по воде. Было в нем нечто от китайской джонки, и от десантной баржи, и от парохода, плававшего по Миссисипи в середине прошлого века.

С полчаса Левашов лазил по этому бесспорному доказательству наличия на планете развитой цивилизации, пытаясь найти хоть что-нибудь пригодное для изучения. Но увы — только исковерканный, разбитый и выгоревший дотла корпус и свалка металлолома внизу, наводящая на мысль о пропущенном через мясорубку паровозе.

— Жутко мне здесь... — жалобно сказала Лариса.

— Да, местечко малоприятное. И кажется мне, что это не просто несчастный случай на транспорте. Пойдем-ка на берег, там тоже что-то виднеется.

Пройдя пятьдесят метров по льду, они вышли на широкую галечную косу, и Лариса молча вцепилась Олегу в руку.

Весь берег, насколько хватал глаз, был покрыт костями, явно человеческими. Кости лежали и в открытую, и присыпанные снегом, россыпью и целыми грудами — берцовые и бедренные кости, решетки грудных клеток и выбеленные, как голыши, черепа. Как будто здесь полностью полегла пехотная дивизия. Сходство с полем боя усиливали несколько обгорелых и проржавевших железных коробок, разбросанных среди того могильника.

— Что тут произошло? — почти прошептала Лариса. Отчего-то в таких местах у многих садится голос.

— Повоевали, видать, ребята. Истинно — братья по разуму... Десант, к примеру. Подошли, значит, на той коробке, стали высаживаться, а их из засады, в упор... А может, наоборот. Эти, допустим, лагерем стояли, а с реки их из пушек, или что там у них... — И вдруг у него перехватило дыхание. Совсем иными глазами он увидел и оплавленное пятно на скале, и горелый металл.

— А ну-ка, Лариса, давай бегом... Там, под правым сиденьем, в ящике кожаный футляр. Принеси.

Она посмотрела на Левашова с удивлением. Непонятным, да и бестактным показалось ей его поручение. Но Олег не обратил внимания на ее реакцию. Если тут действительно был ядерный взрыв, да не очень давний, за полчаса они могли схватить такую дозу, что не об этикете сейчас думать, а совсем о другом. В случае серьезного облучения помочь смогла бы только Ирина с ее чудодейственным браслетом или друг-пришелец Воронцова. А отсюда до форта не меньше четырех суток непрерывной гонки самым полным ходом. Вот и смотри...

Лариса вернулась с радиометром. Олег дрожащими пальцами отстегнул крышку футляра.

Слава богу, все чисто. Обычный фон.

Он сел на ближайший камень, с кривой улыбкой посмотрел на Ларису снизу вверх, закурил.

— Порядок. Еще чуток поживем...

Потом они продолжили обход плацдарма.

— Вот почему они своих не хоронили? Или хоронить некому было?

Рассуждая вслух, чуть громче, чем обычно, от пережитого и благополучно миновавшего страха, Левашов шел по смертному полю, но не находил ничего, кроме костей. Ни оружия, ни снаряжения, ничего, что имеют при себе в походах люди, хоть военные, хоть штатские. И сгоревшие машины, а это были именно боевые машины, а не грузовые, скажем, контейнеры, тоже ничего не объясняли. Размером с тяжелый танк, но ниже и шире, они пострадали настолько, что невозможно было понять даже способ их передвижения. Горела не только органика, горел и металл, застывая по бортам тяжелыми каплями.

— Чем же это так? Термитом, что ли? — удивлялся Олег.

— Давай уедем, не могу я здесь... — просила Лариса.

— Да ты что? Костей не видала? Мы же затем и ехали... Странно, что даже пуговицы никакой не валяется! — злился Олег.

Лариса наконец вспомнила, что она историк.

— Тут как раз ничего странного нет. У нас тоже в древности на полях великих сражений почти ничего, кроме костей, не оставалось. Живые все подбирали подчистую. Даже на Куликовом поле нашли не больше десятка мечей и шлемов...

Наконец они вернулись к снегоходу и, отъехав километров на десять ниже, остановились на ночевку.

Обычно Лариса спала на заднем диване в салоне, а Левашов устраивался в моторном отсеке, на плоском кожухе двигателя,

покрытом толстым поролоновым чехлом. Но сейчас Лариса не могла уснуть. Чернота ночи вплотную обступила машину, заглядывала в панорамные окна, и ей казалось, что тени, еще более черные, чем ночь, скользят за тонкими алюминиевыми бортами, приникают к стеклам, шуршат и поскрипывают жестким снегом. А закрывая глаза, она вновь и вновь видела безбрежное поле скелетов.

Левашов услышал, как Лариса встала и, ударившись в темноте обо что-то, от боли шумно втянула воздух. Он протянул руку, включил плафон.

Лариса в теплом тренировочном костюме, заменяющем ей пижаму, стояла в проеме двери и щурилась от внезапно вспыхнувшего света.

— Потуши. Не могу я там одна...

В темноте зашелестел снимаемый костюм. Олег подвинулся на своем ложе. В отсеке было тепло, тихонько гудел вентилятор электропечки, и он обходился без спального мешка.

Лариса легла рядом. Левашов обнял ее горячее тело. Лариса сама нашла его губы.

— Только молчи, — шепнула она, прерывая поцелуй. — Вообще молчи, ни слова...

Берестин подходил к дирижаблю как учили — собравшись для броска, чуть отстранив руку с пистолетом, готовый к чему угодно, даже если бы на него кинулся из-под складок оболочки гигантский паук с брызжущими ядом челюстями.

Но никто ниоткуда не выскочил, и Алексей долго разгребал груды тяжелой, похожей на прорезиненный брезент, ткани. Добрался до расколотой ударом гондолы с выбитыми стеклами и увидел наконец не чудовище и не разумную плесень, а совершенно обычных людей в желтых комбинезонах. Один был, безусловно, мертв, потому что четырнадцатимиллиметровая пуля попала ему в живот, а второй шевелился и в беспамятстве мычал.

Стало быть, он только что самолично убил человека. Однако Берестина это почти не взволновало. Его душевному равновесию способствовало пятно обожженной и даже, похоже, закипевшей от невероятного жара почвы в полусотне метров отсюда. Отчетливо тянуло горячим смрадным дымом. Еще чуть — и была бы ему самому там могила. Да и стрелял он не персонально в этого вот неудачника, а так, по направлению цели.

Алексей оттащил живого аэронавта подальше от его корабля, осмотрел. Кроме ссадин на лице, никаких увечий не обнаружил. Скорее всего, должен жить. Присев на лобовой лист транспортера, Берестин стал ждать.

«Удивительно получается, — думал он. — Каждая встреча с братьями по разуму сопровождается конфликтами и столкновениями. А где же ефремовское братство цивилизаций? Неужто и оно такая же прекрасная, но, увы, абстрактная мечта, как и стремление пролетариев всех стран к мировой революции? ...Но факт есть факт: валгаллъские аборигены, увидев впервые в жизни посланца Земли, — тут же его бомбой. Впрочем, раз бомбы у них наготове, значит, есть в кого их кидать? Весело они тут живут...»

Абориген пришел в себя довольно быстро. Сел, опираясь рукой о землю, другой рукой потрогал голову.

Потом он поднял взгляд и увидел Берестина. Алексей ожидал, естественно, негативной реакции, и пистолет был у него наготове, но пилот повел себя совершенно нестандартно. Вскочив на ноги, он начал что-то быстро говорить, энергично жестикулируя и показывая то на транспортер, то на Берестина. Язык жестов был у него развит даже лучше, чему у сицилийцев, но только один показался Алексею более-менее понятным — когда воздухоплаватель приложил большие пальцы к вискам и зашевелил остальными, отставленными в стороны.

— Ну-ну... Это еще неизвестно, кто из нас кто. Чего ж ты-то сразу начал бомбы кидать?

Он показал на дирижабль, на обугленное пятно земли, на ствол пулемета и развел руками.

Услышав голос Алексея, абориген насторожился, затем неуверенно произнес фразу явно на другом языке.

— Нет, этого я тоже не понимаю, — с сожалением показал головой Берестин. Но то, что потерпевший туземец не кидался на него врукопашную и вообще — не выглядел настроенным враждебно, сильно обнадеживало. Правда, бдительность Алексей не терял. Мало ли какие у них обычаи.

Дальнейшие действия пилота подтвердили первое впечатление. Он явно не собирался видеть в Берестине врага. Поняв, что речевой контакт не налаживается, валгаллец замолчал, подошел к транспортеру вплотную, потрогал броню, обошел вокруг, с интересом присел перед гусеницей. Обернулся к Алексею и что-то спросил.

Берестин уловил вопросительную интонацию и обрадовал-

ся. Значит, взаимопонимание в принципе возможно. Абориген сопроводил свои слова движениями рук вправо-влево. Надеясь, что понял правильно, Алексей ногами вперед нырнул в люк, нажал кнопку стартера. Из трубы с грохотом ударил столб синего дыма, и пилот невольно сделал шаг назад.

Берестин на первой скорости проехал метров двадцать, показал повороты, переключился на задний ход и вернулся на место. Заглушил дизель и вылез.

Демонстрация явно восхитила туземца, и он вновь разразился длинной тирадой.

— Нет, приятель, так у нас не получится, — ответил Алексей. — Начинать надо как-то по-другому...

Он подвел летчика к дирижаблю, показал на тело его товарища, сделал скорбное лицо и вновь развел руками.

Присев перед трупом, абориген бегло осмотрел его, кивнул, поднял на руки и отнес на десяток метров в сторону. Расстегнул комбинезон и что-то вытащил у убитого из-за пазухи. Может, документы, а может — смертельный медальон. Вернулся к гондоле, вынес из нее серый цилиндр размером с гильзу стомиллиметрового снаряда, положил на грудь покойника и жестом предложил Берестину отойти подальше.

Вспыхнуло ослепительно белое пламя, будто магниевое, и все. Осталось только черное пятно обгоревшей почвы, как и там, куда упала зажигательная бомба. И больше никаких следов.

Простота похоронного обряда удивила Алексея.

— Выходит, у вас тут тоже — жизнь копейка... — сказал он.

В течение ближайшего получаса они пытались найти взаимоприемлемые способы общения. Но если абориген свободно схватывал и повторял произносимые Алексеем слова, для Берестина чужая фонетика оказалась практически недоступной. Назвав себя и сопровождая имя постукиванием по груди, Алексей в ответ услышал длинную фразу. Ясно было, что летчик тоже представился, но из потока звуков Алексей выделил только сравнительно доступно звучащее слово «Сехмет» и повторил его, показав на собеседника. Тот ответил прежней фразой.

— Нет, это не для меня. Будешь Сехмет, и хватит. Ты — Сехмет. Так?

— Сехмет, — согласился абориген и тряхнул головой. Мол, что с тобой поделаешь...

Позже Алексей узнал, что Сехмет — не имя пилота, а часть

воинского звания, в приблизительном переводе означавшего нечто вроде: «Начальник отряда из четырех боевых дирижаблей охраны Севера такой-то», но так уж и остался абориген Сехметом.

Вместе с летчиком Алексей осмотрел остатки дирижабля. И поразился, насколько интересно развивалась здесь техническая мысль. Имея самые общие познания в механике, он тем не менее сразу сообразил, что на Валгалле царил затянувшийся на многие столетия век пара. Силовая установка дирижабля состояла из очень компактной паровой турбины, работающей на топливе из серых кристаллических брикетов. От редуктора к винтам шли толстые гибкие валы. Команды с пульта управления по гидравлическим приводам передавались на рулевые машинки, отклонявшие винты в любом направлении. Турбина свободно реверсировалась. Специальный змеевик позволял нагревать газ в баллоне и маневрировать по высоте.

Для навигации имелся оригинальный гирокомпас, тоже с паровым приводом, альтиметр и спидометр, замеряющий скорость встречного потока воздуха. Радиосвязи, правда, не было. Да и трудно ее вообразить в мире, где электричество неизвестно.

Вооружение состояло из двух десятков бомб того же типа, каким Сехмет чуть не спалил Берестина вместе с транспортером. Выбрасывались бомбы с помощью паровой катапульты. А прицел был примитивный, открытого типа. Ничего огнестрельного Алексей не обнаружил. Но когда они покидали место боя, Сехмет взял с собой тяжелое пружинное ружье, мечущее массивные оперенные болты весом с килограмм каждый.

Еще Сехмет забрал из гондолы рулон карт, в которых Берестин ничего не понял, так как система координат и проекция исходили из совершенно нечеловеческой логики.

Как нормальный военный человек, Сехмет на прощание зажег свой дирижабль, и, даже отъехав на километр, Берестин зажмурился, когда полыхнул боезапас.

Не переставая удивляться легкости достигнутого взаимопонимания, Алексей показал на себя, на Сехмета и махнул рукой на северо-восток, в сторону своей базы. Сехмет согласился охотно и сразу полез в БТР. Внутри ему понравилось, только грохот дизеля и запах солярки поначалу заставляли его морщиться. А в кресле он сидел свободно и даже небрежно, будто век тут ездил, все осмотрел и обтрогал. Оптический прицел его восхитил, как и мощь, и дальнобойность пулемета. Достаточно удалившись с места боя и вообще с открытого пространства,

где не исключалась (если в аборигенском воздухофлоте принято вылетать на патрулирование парами) еще одна встреча, Берестин выбрал подходящее место на дне заснеженного лесистого оврага, остановился и предложил пообедать. Консервы (тушеную баранину со специями) Сехмет есть не стал, а сыр чеддер, брауншвейгскую колбасу и маринованные грибы весьма одобрил. Сто граммов коньяку выпил, не поморщившись и даже почмокал губами, но от повторения отказался.

В спокойной обстановке Алексей рассмотрел своего нового знакомого повнимательней. Если сначала он показался ему вполне европеоидом, то сейчас стали заметны и отличия. Не настолько значительные, чтобы отнести его к какой-нибудь другой расе, но достаточные, чтобы, встретив подобный типаж на Земле, затрудниться определением национальной принадлежности. Скорее всего, дома Алексей принял бы его за центральноамериканца или жителя Антильских, к примеру, островов.

Кофе Сехмет попробовал, но пить не стал. Из предложенных на выбор пива, воды, апельсинового и мангового сока выбрал манго, курить после еды не стал, но к табачному дыму принюхивался с благожелательным интересом.

Они разговаривали, как это обычно делают не знающие языков друг друга люди, — сопровождая свои слова жестами, усиленной артикуляцией и назидательным тоном. Берестин еще раз и окончательно убедился, что язык Сехмета лежит далеко за пределами его лингвистических возможностей, абориген же воспроизводил русские слова отчетливо и осмысленно.

Устраиваясь на ночевку, Алексей предложил пленнику свою постель в боевом отделении, сам же устроился в кресле, задраив люк, соединяющий отсек.

...К концу второго дня пути Сехмет располагал уже приличным запасом слов, причем говорил практически без акцента.

— Мой отряд дирижаблей — самый северный из всего флота, — рассказывал он. — Мы контролируем территорию на расстоянии десяти часов полета на северо-запад и северо-восток. Дальше этой зоны никто никогда не бывал. Не хватит топлива. Можно лететь по ветру, с выключенными турбинами, но это незачем. С севера нет опасности появления врага. Враг всегда приходит с юга. Или со стороны большой воды. Там, где живешь ты, никто не живет.

— А что за враг? У вас сейчас война?

— У нас всегда война. Враг приходит уже триста лет. И с каждым годом продвигается все дальше. Приходит со стороны

моря и любой большой воды, которая соединяется с морем. На железных машинах, похожих на твою, но только в три-четыре раза больше. Сверху я сразу не понял, что твоя машина маленькая. Ориентиров для сравнения не было. И кто может знать, какие еще машины могут быть у врага? Таких, как твоя, мы никогда не видели.

— А зачем приходит враг? Как у вас ведется война? За что?

— Никто не знает, зачем он приходит. Там, куда приходит враг, мы уже жить не можем. Иногда он забирает с собой людей. Но сейчас люди уже не живут в маленьких поселках, которые были там, на юге. Мы постоянно патрулируем земли со всех четырех сторон. Если появляются машины врага — мы их сжигаем. Бывает, он уничтожает и дирижабли. Как — мы не знаем. Просто дирижабль падает, а люди умирают. Но у нас много дирижаблей, и смерти мы не боимся...

— Он приходит большими отрядами?

— Бывает по-разному. Две машины, пять. Раз в несколько лет бывает сто, двести.

— И вы их все уничтожаете?

Сехмет несколько замялся. Но ответил, кажется, честно.

— Нет, пять машин, семь, редко больше... Если приходит очень много — мы больше не бываем в тех краях... Никогда...

«Похоже, они проигрывают свою войну, — подумал Алексей. — Сдают территорию, отступают в малодоступные места. Только противник у них странный. Медлительный какой-то...»

— Что же это за враг? Соседняя империя? И при чем тут море? Они на другом материке живут? Ты хоть раз их видел?

— Сам не видел. Если мы уничтожаем машину, остается только корпус и зола внутри. Ты видел наши бомбы. Но «те, кто знает» («То ли большое начальство, то ли разведчики», — подумал Берестин), говорят, что враг не похож на людей. Он такой... — Сехмет сделал тот же жест: большие пальцы у висков, остальные оттопырены и шевелятся, — огромный, ужасный, убивающий взглядом, со многими конечностями, в белой костяной броне...

— Ни хрена себе, — выругался Берестин.

Ему впервые за многие месяцы стало вдруг по-настоящему жутковато. «Ну и залезли мы, — подумал он. — Тут, похоже, еще и разумные ракообразные имеются».

Знобкий холодок между лопатками появился у него не потому, что он испугался. Гуманоиды, негуманоиды — какая, в сущности, разница? Дело было в том, что поколебалось все его

представление о мире как о целостной, познаваемой и, если угодно, разумной системе. Все, что происходило раньше — начиная от встречи с Ириной и до этого вот момента, — в какие-то рамки все же укладывалось. А теперь он испытывал состояние человека, который, если использовать категории живописи, вдруг осознал, что существует он не в том мире, который изображали Репин, Шишкин, Левитан, и не в том даже, что на картинах Пикассо, а только исключительно в мире Босха и Сальвадора Дали!

Впрочем, эти мысли и ощущения проскользнули, словно тень облака по залитому солнцем лугу, хотя и оставив после себя смутное беспокойство. А сейчас нужно было приспосабливаться к новой реальности. Берестин во время армейской службы считался сильным тактиком и очень поднаторел в решении всяческих вводных, вплоть до самых неожиданных.

— Неужели никто из твоих товарищей не встречался с врагами лицом к лицу? Для чего тогда вам эти самострелы?

— Наверное, в твоих словах есть истина. Раз это оружие полагается иметь при себе, значит, кому-то приходилось встречаться с врагами близко. Но я о таких случаях не слышал.

Алексей вздохнул разочарованно. Сехмет не оправдывал его надежд. Впрочем, что взять с офицера глухого пограничного гарнизона? То же самое, что в лермонтовские времена беседовать с Максим Максимычем о тонкостях европейской политики. Но раз существуют «те, кто знает», есть и перспективы...

По своим следам, не тратя времени на поиски дороги и многочисленные объезды, обратный путь Берестин проделал почти в три раза быстрее и поздним вечером наконец различил сквозь разгулявшуюся опять метель сигнальный огонь на мачте ветряка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На заметенном свежим снегом крыльце Берестина встретил Новиков. Алексей сразу понял, что здесь что-то произошло. Спросил, старясь, чтобы вопрос прозвучал спокойно, даже небрежно:

— Что, капитан с девчатами вернулся? — Но по лицу Новикова понял, что ошибся.

Андрей пропустил его в тамбур, а когда Берестин собрался открыть дверь, ведущую из коридора в нижний холл, придержал за рукав.

— Подожди секунду. Тут у нас действительно кое-что приключилось...

— И ты по этому случаю в парадную форму вырядился? — равнодушно спросил Алексей. Раз Ирины здесь нет, остальное его волновало мало. Это в первый момент, когда он увидел элегантно одетого и свежевыбритого Андрея, у него дрогнуло сердце. Оказывается, ему только казалось, что он сумел смириться с разлукой, на самом деле он все время ждал, что Ирина не выдержит и вернется.

— Именно так, — с многозначительной улыбкой ответил Новиков. — Не знаю, как и сказать...

— Так и говори, без заходов из-за угла.

— Придется. Дело в том, что гости у нас.

— Ну и что? У меня вон тоже гость в машине сидит. Пограничник здешний. Обменялись любезностями согласно протоколу. Только я успел раньше... Ничего мужик, даже по-русски говорить уже научился.

Новиков присвистнул.

— Тоже неплохо. «Война продолжается», как пел Дин Рид, царство ему небесное. Но у меня новость все равно шикарнее. Я тут потомков от неминуемой смерти спас...

— В каком смысле потомков? — не понял Берестин.

— А черт его знает, в каком. Только они из двадцать третьего века. Звездолетчики. Потерпели аварию в окрестностях Валгаллы, катапультировались, выражаясь доступным тебе языком, и начали замерзать в степи глухой... Девушка по имени Альба и двое парней. Ребята спят, а Альба здесь, в холле.

Берестин помолчал, машинально сунул руку в карман за сигаретами, вспомнил, что пачка осталась в БТРе за солнцезащитным щитком, вытащил руку, щелкнул пальцами.

— А разве так бывает? — тихо спросил он. — Вообще все, что с нами творится, — так бывает с нормальными людьми? Надоело мне все...

— Ты, Алеша, переутомился, наверное... — голос и лицо Новикова выражали искреннюю тревогу. — Сейчас перекусишь, коньячку выпьешь — полегчает. А что бывает, что нет — нам о том еще долго узнавать придется... Только ты это, про пленного своего пока не говори.

— Почему?

— Не знаю, только чувствую — пока не надо. Давай его запрем наверху, а потом видно будет... Не убежит?

— Куда ему бежать.

Берестин вошел в холл и увидел сидящую в кресле у камина высокую девушку скандинавского типа.

— Знакомьтесь. Это Альба Нильсен, а это, как я и предполагал, — Алексей Берестин, десантник, художник и землепроходец... — очевидно, продолжая разговор, который был у них с девушкой до приезда Берестина, сказал Новиков.

— Точнее — землепроходимец... — хмуро поправил его Берестин. Альба протянула ему руку, и он, предварительно с сомнением посмотрев на свою исцарапанную и грязную ладонь, слегка ее пожал.

— Видишь, я как знал — головы не жалеет, — указал Новиков на заклеенный пластырем лоб Алексея.

— Ерунда, — махнул тот рукой. — Влетел в яму, немного стукнулся. Не стоит обращать внимание.

— Ты посиди пока, мы сейчас, — сказал Андрей девушке. Похоже, что они успели уже подружиться. Берестин сбросил куртку и свитер, с наслаждением обмылся до пояса горячей водой, Новиков заново перевязал ему голову, и они вернулись в холл.

Алексей подсел к столику и от прямого, рассматривающего и оценивающего взгляда девушки-звездолетчицы почувствовал некоторое смущение. Давно его никто так не рассматривал. «Да какого черта! — разозлился он про себя. — Кто тут, в конце концов, хозяева?»

— Извините, Альба, мою невоспитанность, но я не могу отказать себе в удовольствии съесть и выпить все, что здесь осталось. Если вы не возражаете, конечно. Знаете, десять часов за рычагами — это достаточно утомительно. Особенно когда перед глазами только снег... И трясет так, что рюмку не удержать...

Через пять минут на столе не осталось ни ветчины, ни сыра, ни маленьких бутербродов с икрой. Ничего, кроме нескольких лимонных долек на блюдце.

— Ну вот, укрепил слабеющие силы, — сказал Берестин несколько манерным и расслабленным тоном, сам не зная для чего избрав такую именно маску. Скорее всего потому, что в тепле наступила разрядка от многодневного напряжения, и оттого еще, что слишком уж удивленными глазами смотрела на него

девушка из будущего. — А теперь, в благодарность за угощение, я могу поведать вам свою историю.

Новиков шутливо поднял руки.

— Может, хватит на сегодня всяких историй? Лично я сегодня уже и наговорился и наслушался. Альба, по-моему, тоже...

— Оно, конечно, как желаете. Могу и завтра. Только имейте в виду — братья по разуму вооружены и агрессивны. Так что не теряйте мужества, худшее впереди.

— Что за братья по разуму? — спросила Альба, вновь удивив Берестина совершенно непривычным произношением. — Те, что на Земле были?

— Вряд ли... — протянул Берестин. — Эти порядков на пять примитивнее, я считаю. — И посмотрел на Новикова.

Тот кивнул успокаивающе.

— Все нормально, продолжай. Я ввел Альбу в курс дел.

Берестин хмыкнул скептически.

— Все торопишься, Андрей, как всегда, торопишься. Сам же пел: «Ямщик, не гони лошадей...» А вообще-то все равно. Хуже уже ничего не будет. Вы умеете стрелять, Альба? — вдруг повернулся он к девушке. — Я дам вам «парабеллум»... — И отрывисто рассмеялся.

Альба, не поняв, посмотрела на Новикова.

— Ничего. Это он «12 стульев» цитирует. Будет желание — прочтешь, в нашем времени вещь весьма популярная.

По лицу Альбы было видно, что слова Новикова мало что прояснили для нее, но от дальнейших вопросов она воздержалась.

— Не дергайся, Леша, — сказал Новиков. — Альба знает все, что можно и нужно на сей момент. Деваться нам некуда, Альбе с товарищами — тоже. Люди они высокоразвитые и опытные, особенно в делах космических. Глядишь, чем и помогут. Устроим завтра консилиум. Олег с Сашкой подъедут. Я их по радио вызвал, они в отличие от тебя дисциплину соблюдают, на связь регулярно выходят.

Упрек Алексей пропустил мимо внимания, снова усмехнулся кривовато, подошел к бару, вернулся с двумя бутылками «Боржоми».

— Черт знает, никак напиться не могу. Вода здесь все же поганая, солей каких-то не хватает...

Выпил большой бокал и облизал обветренные губы.

— Консилиум нам не повредит, — возвратился он к теме

разговора. — И тему сформулируем, например, так: «Куды бечь?»

— Ну, так или не так, видно будет. А разговаривать пока хватит. У тебя уже глаза не смотрят. Да и у меня язык не ворочается. Как у акына какого-нибудь, который три тома «Манаса» наизусть... Пойдем, Альба, я тебя провожу.

Альба встала, и Алексей тоже вскочил с кресла, прищелкнул каблуками сапог. Девушка протянула ему руку.

— Спокойной ночи, очень рада была с вами познакомиться. Я уже говорила Андрею — вы удивительные люди. В книгах о ваших современниках пишут совсем непохоже.

— Спокойной ночи, — ответил Берестин и опять не удержался: — Извините, если что не так. Мы все же народ темный, гимназиев не кончали...

Вечером следующего дня, когда вернувшиеся утром Левашов с Ларисой и подъехавший к полудню Шульгин отдохнули немного и познакомились с потерпевшими кораблекрушение потомками-звездоплавателями, в холле первого этажа был назначен торжественный ужин в честь общего сбора и прибытия гостей.

— Ну, без свидетелей — как будет дальше? — спросил Берестин, пока гости из будущего — Альба, Корнеев и Айер — смотрели наверху видеофильм о последних Олимпийских играх. — Для них-то мы кто? Предки, не знающие сомнений...

— Особливо ты, — бросил Шульгин, расставлявший по столу приборы, время от времени справляясь в дореволюционном наставлении для официантов.

— Для меня вопрос стоит так — ввязываться еще в одну заварушку или сматываться.

— Постой, а ты что, Альбу за свидетеля не считаешь? — с интересом спросила Лариса.

Действительно, не замеченная никем Альба уже спустилась до половины лестницы и, только услышав слова Ларисы, остановилась, в смущении переводя взгляд с Ларисы на Новикова. Тот сделал едва заметный для окружающих успокаивающий жест.

— Ты правильно улавливаешь мою мысль, — кивнул Берестин как ни в чем не бывало. — Андрей настолько глубоко ввел ее в курс наших дел, что она уже почти своя... Садитесь, Альба, — указал Алексей на кресло. — Если вы дочитали до конца новиковские мемуары, мы вас мало чем можем удивить.

— Пусть так, — кивнул Левашов, имея в виду поставленную Берестиным альтернативу. — Думаешь, третьего не дано?

— Я не вижу. Если мы остаемся здесь, наше участие в местной общественной жизни — только вопрос времени.

Все они уже знали о сражении Берестина с аборигенами и о находке Левашова и успели познакомиться с Сехметом, так что ход мыслей Берестина в принципе был понятен.

— Альба, — повернулся Берестин к девушке. — Вы говорили, что изучали лингвистику. Вы в состоянии разобраться в местном языке? Не нравится мне, что военнопленный нас понимает, а мы его нет.

— Не могу обещать, — честно призналась Альба. — Без соответствующих... — она замялась, подбирая слово, которое было бы понятно людям далекого, с ее точки зрения, прошлого. — Без таких машин, которые помогают совершать логические операции...

Все рассмеялись.

— Говори проще, Альба, — посоветовал Новиков. — Компьютеры это у нас называется.

— Да, именно так. Нужны компьютеры, лингвистические программы. А так... — она развела руками.

— И на том спасибо, — кивнул Берестин. — Жаль, конечно. Придется из Сехмета переводчика готовить.

— Постой, дорогой, — Шульгин отложил книгу. — Выходит, ты все решил, а мы тут так, за болвана?

— Отнюдь, — качнул головой Берестин. — Я просто обозначил свою позицию. А дальше думайте. Заранее согласен с любым решением общества. Только мы все как гонщики по вертикальной стене. Тормозить нельзя...

— Тормозить нельзя, а газок потихоньку сбросить — и вниз, на твердую землю, — сказал Левашов.

— И где ж ты ее теперь найдешь — твердую?

— Мужики, а вам не надоело? — спросила вдруг Лариса. — Слушаю вас, и тоскливо делается. Что делать, куда бежать... Хоть бы женщин постеснялись. Пойдем, Альба, на кухне мне поможешь... — И вышла, презрительно вскинув голову, почти силой утянув за руку растерявшуюся девушку.

— Вот вам, господа офицеры, — покусывая губу, сказал после паузы Шульгин. — Дорассуждались. Нет, чтобы, как гусарам положено, водку пить да девочек развлекать — на рефлексии вас тянет. Правильно Лариска врезала. Я тут кой-кого с Одиссеем сравнивал, так тот всегда знал, что делать.

— Оно, конечно, я про то и говорил... — начал Берестин и внезапно швырнул из-за спины в голову Шульгина тяжелый, как кирпич, том военно-морского справочника Джена. Сашка выбросил руку и перехватил книгу в полете. — Молодец, форму держишь. — Алексей соскочил со стола, на краю которого сидел боком. — А если действительно без трепа, так надо ехать туда, к ним. Хоть посмотрим, как настоящие инопланетяне у себя дома живут. И предлагаю: кто еще станет нытье разводить — высылать без права переписки. В обществе, тем более дамском, разговоры вести бодрые, поступки совершать отважные, а главное — при гостях тему аборигенов больше не поднимать, и вообще — пускай Олег с Воронцовым свяжется и отправит их деликатно через пару дней на Землю. Не хочу, чтобы они видели то, что здесь может произойти. И Ларису туда же, с ними. А наше дело солдатское.

Лариса с Альбой быстро нашли общий язык. Во-первых, обе они были женщины, к тому же, хоть и разделенные тремя веками, ровесницы, и сразу ощутили «классовую солидарность» в мужском обществе, а во-вторых, нашлось и в характерах нечто такое, что вызвало у них взаимную симпатию.

Пока Лариса занималась гусем с яблоками, томящимся в духовке, они успели выяснить целый ряд животрепещущих проблем чисто женского плана. Во время беглого, вроде бы бессвязного разговора Альба получила больше реальной информации о жизни в двадцатом веке, чем из обширных, но чересчур романтизированных записок Новикова, которые она читала всю ночь и утро.

Лариса дала четкие характеристики каждому из оставшихся в холле. Они не были злыми или обидными, но, доведись мужчинам узнать, как они выглядят со стороны, они испытали бы по крайней мере недоумение.

— А вот Алексей? — спросила Альба. — Когда я читала о нем, мне представлялся человек очень тонкий, погруженный в постоянные переживания, в полном смысле творческая личность. На самом деле ничего похожего. Скорее он напоминает звездного шерифа из американских гипнофильмов.

Лариса засмеялась.

— Подожди. Вот Ирина появится, увидишь, какой он есть.

— Она правда такая красавица, как Андрей ее описал?

— Не знаю, как он ее описал, не читала, от нас он пока скры-

вает, так что тебе оказана большая честь. Но телка действительно эффектная...

— Телка? — с недоумением подняла брови Альба.

— А, это сленг нынешний, извини, сорвалось. В смысле — девушка. Спорить нельзя, на мужиков убойное впечатление производит... Тут все правильно, у ребят вкус насчет этого в порядке, на кого зря не бросаются.

По ее интонации Альба поняла, что себя Лариса считает ничуть не хуже, но говорить об этом находит излишним.

Альба стала расспрашивать, каким образом складываются сейчас на Земле отношения между мужчинами и женщинами, и Лариса все ей подробно растолковала, все в той же своей манере называя многие деликатные вещи своими словами.

Шокировать Альбу не удалось просто потому, что та не имела представления об общепринятых нормах, но разговорить ее на темы сексуальных проблем трехвекового будущего Лариса сумела. Хотя ничего принципиально нового не узнала.

Но когда беседа вновь коснулась здешних мужчин, Лариса уловила в глазах Альбы тень смущения. Космонавтка спросила о Новикове — насколько верно то, что она прочитала о его любви к Ирине.

— Сказала же — не знаю, что он там насочинял. Не удостоилась. — В голосе Ларисы прозвучало раздражение. — Но не расстраивайся. По-моему, там все чисто. С его стороны, во всяком случае. Я баба наблюдательная. Спать он к ней ни разу не ходил. Тебя ведь это интересует? — И тут же спросила: — А почему именно Новиков? У тебя со своими никак? Штурман ваш — парень вполне. И на корабле никого не было?

Альба еще более смутилась. Лариса впрямую сказала о том, о чем у нее самой были пока первые, неуверенные еще мысли.

— Нет, не в таком смысле. Просто мы с ним вчера полдня и весь вечер разговаривали; потом читала... Он меня заинтересовал как первый человек из вашего времени...

— Да брось ты, не оправдывайся. Ну и понравился. Нормальный парень. Не знаю, как там у вас получится, главное — не теряйся. И попроще держись. Ты иногда совсем отвязанная, а то вдруг глазки опускаешь, как пятиклассница. — И сразу переключилась на кулинарные дела: — Готов гусь. Понесли. Хватит мужикам языки чесать. Представляю, до чего они там договориться успели без присмотра...

Из записок Андрея Новикова

Свое пребывание у нас в гостях местный житель начал с бестактности по отношению к Ларисе. Поначалу все было вполне «бон тон», вполне гладко прошла сцена взаимного представления и знакомства, я бы сказал — сплошное братство цивилизаций, а потом этот парень, Сехмет, подходит к Ларисе, в самом что ни на есть прусско-казарменном духе пялится на ее декольтированную грудь и намеревается проверить, неужели это все по правде. До сих пор удивляюсь, как он не заработал по морде. Чисто рефлекторно и, как минимум, от двоих сразу. Очевидно, заинтересованные стороны просто слегка обалдели от такого. А может, сработал гнусный российский инстинкт, что иностранцу все можно. Мало ли мы такого в реальной жизни видали?

Алексей, правда, ухитрился нейтрализовать ситуацию, а уж потом выяснилось, что у них тут, на Валгалле, существует сложная кастово-иерархическая структура, да вдобавок еще и своеобразная система вертикальной полигамии, при которой женщины низших разрядов автоматически доступны мужчинам вышестоящим. А по горизонтали строгая моногамия. Вот как.

Но при всем при этом я все же считаю, что наш гость глуп, хотя бы потому, что автоматически реализует свои привычки, не давая себе труда задуматься, соответствуют ли они обстоятельствам.

Что касается нашего форта, Сехмет сказал, что место «очень плохое»: рядом большая река, и в случае нападения врагов дело наше безнадежно. Несмотря на самые тщательные расспросы, ничего сверх того, что он говорил Берестину, мы не узнали. И это тоже говорит о его ограниченности. Впрочем, это может быть следствием их общественного устройства, в котором ни я, ни Лариса, специалисты по истории и социологии, ничего толком не поняли. Словарного запаса у нас мало для серьезных бесед, отсюда и недоумения.

Во главе державы стоит как бы император, абсолютный монарх, но мера его власти не та, что, допустим, у российских императоров, — чем-то и как-то она ограничена.

Но, как я могу вообразить, их глава нечто среднее между европейскими королями эпохи абсолютизма и японским «тенно»

времен сегунов. Есть у них еще советы старейших внутри каст и советы представителей каст, и власть их тоже велика, а также имеются отдельные военные органы руководства, вроде бы независимые от светской власти. И император у них не из высшей касты, как я понял, и сие тоже осложняет ему жизнь. И почти нет писаных законов, одни адаты, и система прецедентов, как в английском праве, и абсолютно непонятная экономика... Мрак. Да еще полное отсутствие того, что мы привыкли называть религией.

Надо сказать, все мы сейчас живем в предвкушении момента, когда наконец отправимся туда и на месте во всем разберемся. (Дай бог нашему телятi...)

Если попытаться воспроизвести их самоназвание, то ничего не получится. Начало — нечто напоминающее «Юунжлосскванги...» В переводе: разумные и достойные обитатели восточных и северных цветущих земель. И не менее.

Мы говорим проще — кванги. Бессмысленно, но хоть выговаривается за один раз. Наверное, придется в дальнейшем называть все, что можно, переводами или по аналогии, не будешь же каждый раз выдавливать из себя по полсотни жутко звучащих слогов. Здесь мы повторим ранний период земной географии. Кстати, вопрос — мы что, умнее предков или к языкам способнее? Запросто сейчас употребляем правильные названия, хоть Уагадугу какое-нибудь, хоть Йокнапатофа. А деды вместо Ораниенбаум — Рамбов говорили, вместо Хаапсалу — Гапсаль, и ничего. Или они просто ленивее нас были? Но я отвлекся. Наши друзья-потомки, Борис и Герард, так окончательно в себя и не пришли после кораблекрушения. Потерянные какие-то, безразличные. Понять-то я их понимаю. От белых отбился, к красным не пристал. Ситуация известная. Из-за забот наших и внимания им досталось гораздо меньше, чем надо было. Обидно, конечно. Вроде бы я попал назад лет на четыреста, а вокруг все только и спорят, что о земщине и опричнине, а на мои неприятности — ноль внимания.

Правда, Альба — другое дело. Она незаметно отдалилась от своих (и это их тоже задевает) и всеми силами адаптируется в нашем круге. Конечно, и характер у нее гибче, и желание есть прижиться в XX веке, и влияние Ларисы чувствуется (не всегда благотворное). Корнеев к этому спокойнее относится, а Герард психует. Считает ее предательницей, а может, просто ревнует. Женщины, они во все времена легко приспосабли-

вались, и даже гордые римлянки вполне уживались с варварами, если приходилось... Ну, хватит об этом.

... Вопрос о поездке в местную столицу решен окончательно. Бурные дебаты вызвал отбор кандидатов. Хотели, конечно, все. Что невозможно в принципе. Путем закулисных интриг и открытых дискуссий решили так. Олег с Ларисой остаются. Следить за аппаратурой, развлекать гостей и при первой возможности отправить их на Землю к Воронцову. Заодно Корнеев (кибернетик) попытается помочь Олегу на базе самых современных представлений XXIII века понять, что же он такое открыл. А вдруг удастся помочь ребятам вернуться домой? Ну а мы трое, значит, едем. Маловато, но где больше взять? Я бы не прочь, чтобы лихой вояка Воронцов был с нами, но... Ежели что, так троим, четверым — одинаково ничего не сделать.

Для похода берем один гусеничный БТР и танк «Леопард-2», который Олег скопировал с самой распоследней экспортной модели. Пушка солидная, и вид симпатичный. Аборигенам должен понравиться. Будем надеяться, что если придется с «ракообразными» встретиться, то их коробки пробьет. Не хотелось бы, честно говоря. С кем ни познакомимся, сразу стрельба... Правда, каждый раз они начинают первыми, а мы вроде защищаемся, что слегка успокаивает совесть.

Берестин постоянно выпытывал у Сехмета подробности их образа жизни и логично вывел, что в том обществе мы должны представительствовать в качестве членов высших каст нашего мира. Иначе ничего не достигнем. Он прав. И для торжественных случаев изобрел нам потрясающие туалеты. У квангов форма — это все. Хуже, чем в древнем Китае. Имеется, кажется, более двух тысяч высочайше утвержденных типов одежды. Олег с Ларисой не затруднились сгонять в Париж и по собственным эскизам построить у Кардена одежонку. Якобы для киносъемок. Расплатились долларами без запроса. И теперь я, например, должен изображать из себя члена клана мудрецов и поэтов (приятно, конечно). Есть у них там и такая официально признанная категория. А Берестин, напротив, из касты полководцев.

...Попрощались мы с ребятами, крутнули банкет напоследок, погрустили маленько — и вперед. Сашка сейчас сидит за рычагами, а я дописываю вот это, положив блокнот на колено. Мороз — примерно десять по Цельсию, яркое солнце, легкий ветер, в воздухе сверкают снежные искры. И что там нас ждет впереди?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Колонна из двух боевых машин, тянущих за собой сани, нагруженные бочками с горючим и ящиками с бое- и прочими припасами, двигалась достаточно быстро. Хотя и медленнее, чем прошел по этому пути Берестин. Но зато было не в пример веселее. И поговорить можно, и всегда есть кому сменить товарища за рычагами, и если поломается что вдруг — не страшно. А особенно хорошо вечерами, когда на площадке пылает костер, жарится мясо, звучит музыка.

Сехмет неподвижным взглядом смотрел на алые всплески огня. Новиков спросил его:

— Нравится тебе с нами? У вас бывают такие вечера?

Сехмет уже овладел русским настолько, что иногда становилось не по себе.

— Что значит «нравится» для воина? У нас так не говорят. Подобает — не подобает, вот наши слова. Мне с вами находиться не подобает: у нас слишком разное положение. С людьми вашего ранга я должен стоять в стороне, опустив глаза. Так. Но мне с вами хорошо. Это подобает, потому что способствует выполнению долга. А ночи у огня нам приходится проводить часто. Служба. Мой отряд стоит далеко от городов. Поэтому под крышей нам нравится больше.

«Вот сукин сын, — подумал Новиков. — Хоть бы из приличия сказал, как он благодарен нам за помощь и гуманное отношение. И еще — как ему понравился наш общественный строй, и что теперь он у себя тоже непременно будет строить социализм...»

— А как высоко ты можешь подняться в своей касте? — спросил Берестин. Это слово, конечно, употреблялось в условном смысле. Может быть, правильнее было бы сказать не каста, а орден.

— Как угодно высоко. Если служить долго и правильно, можно стать «самым почтенным устанавливающим порядок».

— Гроссмейстером, — пояснил Шульгин. — Или великим магистром.

— А дети магистра тоже начинают службу с самого начала?

— Так. У нас все служат с самого низшего звания.

— И что, сын магистра и простого пилота абсолютно равны в правах? — заинтересовался Новиков.

— Как может быть иначе? Или ты считаешь, что происхождение выше способностей и усердия? Это смешно, — ответил Сехмет.

Увы, о главном — какой у них способ производства, Сехмет понятия не имел.

— Меня, — сказал Новиков, — куда больше ракообразные интересуют. Пока мы все с гуманоидами сталкиваемся. И заметьте: даже убедившись, что гуманоидные братья далеко не гуманисты, заранее считаем, что «ракообразные» для нас враги. Танк вон для них приготовили. А может, все наоборот?

— Воспитание у нас такое. Вспомни, как с яслей учили. Красные хорошие, белые плохие. В Америке тоже белые плохие, хорошие — черные. Я лично до сих пор подсознательно удивляюсь, что черные тоже плохими бывают... — сказал Берестин.

— Может, и правильно воспитали, — ответил Новиков. — Время такое было. Крушение колониализма, пробуждающаяся Африка, наш друг Поль Робсон...

— А потом эти ребята как начали друг друга к стенкам ставить, — поддержал тему Шульгин.

Поговорили еще, перескакивая с темы на тему, но все — о прошлом, о земном. Потом Новиков взялся за гитару и, как всегда, извлек неизвестно из каких закоулков памяти эмигрантскую, рвущую сердце:

Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
Лишь печальные ветры степные
Панихиду поют над тобой...

...Любая дорога кончается, как и любая жизнь, и, когда обернешься назад, кажется неважным, что там было на ней, что видел, и что испытал, и сколько длилась она. Грустно только, что кончилась. Не зря ведь римляне придумали афоризм: «Виа эст вита». Если вдуматься, смыслов в нем больше, чем два. Город возник на горизонте, будто гигантский террикон. Или, можно сказать, муравейник. Потому что представлял он собой в полкилометра высотой и километра три в окружности единый массив слепленных друг с другом кубов, параллелепипедов, полу- и четвертьсфер. Позже выяснилось, что основу города составляла гора-лакколит, сплошь застроенная от подошвы до вершины, а внутри источенная галереями, штреками и штольнями, как бревно термитами.

Населяло город около двух миллионов квангов. Правда, название это имело отношение в основном к простолюдинам, а там были еще рафиринги, ранхаги, райнилайяривуни, асбухиманги и еще бог знает сколько чинов, классов и званий. Земляне по здешней табели о рангах приравнены были к амбинантасиндрану, что приблизительно означало нечто вроде дворян, род которых насчитывает не менее двухсот, но и не более пятисот лет, в звании между полковником и генерал-лейтенантом, допускаемых к особе императора нерегулярно, но и не нуждающихся в специальном на это разрешении, носящих одежду пяти верхних цветов, имеющих право жениться в пределах трех ближайших каст, обладать женщинами семнадцати определенных разрядов, а также имеющих еще кое-какие привилегии.

Немного сложновато на человеческий, точнее — на европейский взгляд, но здесь ориентировались в таких вопросах инстинктивно. Как старый армейский прапорщик в должностях, званиях и реальном авторитете офицеров своего полка.

Короче, встретили землян хорошо. В положенное время приняли их должностные лица подобающих рангов. Состоялись официальные переговоры, в ходе которых администраторы и военные эксперты определили статус и условия пребывания в столице гостей с далекой, но дружественной Земли. Идею о множественности обитаемых миров аборигены приняли спокойно, хотя Новиков по некоторым признакам предположил, что смысл в эту идею местные дипломаты вложили собственный. Не столько астрономический, сколько духовный.

Как космонавтов XXIII века в первый момент удивило спокойствие людей века двадцатого, без ажиотажа воспринявших факт их встречи, так сейчас Новикова с товарищами поставил в тупик равнодушный прагматизм хозяев города. Ну хорошо, мол, вы приехали, мы вас приняли и признали за равных себе, подтвердили ваши права и привилегии, теперь посмотрим, какая от вас может быть польза. И только. Никакого интереса к Земле, ее истории, местоположению, к способу, каким люди здесь оказались.

— Или они ко всему привычны, или у них это норма поведения, — говорил Новиков за ужином. — Многие земные народы тоже считают неприличным проявлять интерес к гостям...

— Возможно, что мы им действительно безразличны. Своих забот выше головы. Я тут побродил немного по городу, даже

жутковато делается: натуральный муравейник, — ответил Шульгин.

Изнутри город действительно производил угнетающее впечатление. Казалось, земная геометрия не имела тут никакой силы. У кого хватило бы воображения представить огромный клубок перепутанных лент Мебиуса? Вот такое устройство имела столица. Только на слово можно было поверить Сехмету (который, обретя титул переводчика, причисленного к генеральному штабу, вознесся из лейтенантов чуть ли не в полковники), что в городе есть какая-то планировка, что имеют физический смысл слова «этаж», «уровень», «горизонт», «улица»... Месяцами, да что там — годами можно было бы бродить по этому городу, оказываясь то на самом верху, то глубоко в недрах, выходя на галереи, повисшие над бездной, с которых открывались необозримые снежные просторы, и вновь оказываясь в лабиринте то узких, то широких коридоров, в которых жили, трудились (над чем?), развлекались и, наверное, умирали жители города, большинство которых никогда в жизни не выходило за пределы городских ворот. Титанические паровые машины снабжали столицу энергией, теплом, водой, приводили в движение станки, эскалаторы, ленточные транспортеры для перевозки людей и грузов, обеспечивали принудительную вентиляцию помещений, погребенных под сотнями метров камня.

Но в чем смысл жизни валгальльцев, оставалось для землян непонятным. Большую часть времени они проводили в беседах с экспертами. Шульгин с военными инженерами занимался дирижаблями — единственной, пожалуй, отраслью, в которой землянину разобраться не представляло труда и где он мог внести эффективные рацпредложения. Новиков безуспешно пытался понять способ производства, производственные отношения и систему государственной надстройки. Попутно изучал искусства: музыку и танцы. Художественной литературы здесь не существовало, живопись имела лишь прикладной характер и применялась при украшении помещений орнаментами и цветными пятнами, почему и не заинтересовала Берестина. Алексей, подружившись (так, по крайней мере, ему казалось) с ранхаги Разафитриму, высокопоставленным генералом, остро полюбившим виски «BAT-69», пытался понять суть и смысл войны, и самое главное — что же собой представляет враг. Ведь с точки зрения земного офицера невозможно представить что-нибудь более дикое, чем трехсотлетняя война неизвестно с кем, за что и почему.

Но как и Сехмет, генерал не знал о противнике практически ничего. Враг начал продвижение со стороны моря, использует большие железные машины, внутрь захваченной им территории проникнуть невозможно ни по земле, ни по воздуху; в плен противник не сдается, живьем его никто никогда не видел, что ему нужно — неизвестно. Когда Берестин рассказал о поле смерти, обнаруженном Левашовым, ранхаги очень заинтересовался. Оказывается, лет пять назад большой отряд войск из соседнего вассального города отправился на рекогносцировку вдоль большой реки и исчез бесследно.

— Нет, это черт знает что у вас делается! — вышел из себя Берестин. — Исчезла целая дивизия, и никто за пять лет не поинтересовался, что с ней и как!

Разафитриму тонко улыбнулся.

— Почтенный Алексей не понимает... Если бесследно пропала такая мощная группа войск, то посылать туда же меньшую силу бессмысленно, а большую — опасно. Вдруг и ее постигнет та же участь?

— Теперь я одно понимаю — вы эту войну проигрываете. Это точно. Где вас учат? Вы знаете, что такое разведка? Войсковая, стратегическая, агентурная?

— Если любезный амбинантисиндрану Алексей не откажется рассказать, я буду знать.

Берестин непереводимо выругался. Начинать здесь, похоже, надо с нуля. Оказалось, однако, что начинать уже поздно.

Началось очередное наступление врага. И отличалось оно невиданным ранее размахом. «Ракообразные» ввели в дело раза в три больше боевых машин, чем когда-либо.

— Мы отступаем и несем большие потери. Если не удержим перевал, будет очень плохо, — сообщил Сехмет.

— Далеко ли до перевала? — спросил Берестин.

— По-вашему — километров пятьдесят...

Пришлось собрать военный совет.

— Надо выйти на «леопарде» к линии фронта и посмотреть самим, что почем, — предложил Шульгин.

— Посмотришь, а дальше? — спросил Новиков.

— А дальше видно будет.

— Стратег, — с подчеркнутым уважением произнес Берестин.

— Ну а что же — здесь сидеть и ждать, когда наших друзей на фонарях вешать начнут? Глядишь, и сами сбежать не успеем...

— Есть резон, — согласился Берестин. — Только сначала я со своим генералитетом переговорю. Может, у них на сей счет какие-нибудь табу есть или иные точки зрения.

— Переговори, — кивнул Новиков. — Но я бы предпочел не ввязываться.

— Не понимаю тебя, князь, — возмутился Шульгин. — Ты ли это, непреклонный борец с пришельцами?

— В том-то и беда. Мы ведь уже и так... — Новиков, не закончив, махнул рукой.

— Не бойся, ничего не случится. Меня утешает мысль, что если таких вояк, как наши друзья, за триста лет и не разгромили окончательно, то раки тоже герои не из первых. И мы будем очень осторожны...

Медленно перематывая сверкающие ленты гусениц, словно на цыпочках, если так можно выразиться о пятидесятитонном танке с пушкой, как телеграфный столб, «леопард» выполз на гребень холмистой гряды.

Сражение отсюда выглядело совсем не страшным, даже красивым, как на ящике с песком во время штабных игр.

С юга наползала бесконечная, от горизонта до горизонта, цепь вражеских бронеходов, а сверху их атаковали дирижабли, торопливо и, похоже, неприцельно сбрасывая свои термитные бомбы. Несколько коробок горело, разбрасывая искристое, как бенгальский огонь, пламя.

Но дирижабли тоже падали, и довольно часто. Несмотря на сильную оптику биноклей, понять, чем их сбивают, было невозможно.

— Ну как они воюют, мать их... — Шульгин стукнул кулаком по просторной, как хоккейная площадка, крыше башни. — Не хрена браться, если не умеют... Тьфу, смотреть противно...

— Оно и так, — ответил Берестин, — но говоришь ты что-то не то. Словно презираешь их, друзей наших. А зря. Гибнут-то они всерьез. И смелости им не занимать. Воевать им, в сущности, нечем, а умирают они вполне достойно.

— Велика ли доблесть? — Шульгин опустил бинокль. — Восьмой упал. Если уж помирать без толку, так лучше уцелеть и без толку жить. Я понимаю: красиво умереть, когда твоя смерть — вклад в конечную победу. А так...

— Возможно, ты и прав. — Берестин продолжал наблюдать за полем боя. — А что сказать про доблесть обреченных? Я вот не могу не уважать господ офицеров, воевавших до конца в двадцатом и особенно в двадцать втором. Представь, Владиво-

сток, узкая полоска земли до Спасска — и все. От всей великой и неделимой.

— Чего там представлять, я там лично был. Впереди вся Россия, одиннадцать тысяч верст, а ты висишь, словно на вагонный буфер прицепился...

Новиков, не вмешиваясь в разговор, думал о Шульгине, который разговаривать серьезно мог только один на один, да и то не всегда. Еще есть аудитория — его уже несет. И за трепом, анекдотами, парадоксами и не всегда приличными шутками очень трудно понять, что же Сашка на самом деле думает и чувствует. Когда-то очень давно Новиков спросил Шульгина, зачем ему эта манера. На мгновение в глазах Сашки промелькнула тень. «А еще психолог, — скривил он губы. — Во-первых, так проще. Раз никто не знает, когда я ваньку валяю, а когда всерьез, — у меня всегда два темпа в запасе. А потом — большинство вообще ведь не такое умное, как ты, например, оно вторых смыслов не улавливает, значит, я для них ясен и безвреден. Да и веселее как-то...» Андрей тогда, после этого короткого признания, поразился, насколько однообразна и монотонна история, раз и тысячу лет назад, и сегодня находятся люди с одной и той же психологией, что шут при дворе Карла Великого, что Сашка. Оба ощущают себя (и есть на самом деле!) умнее большинства окружающих, но не в состоянии ничего вокруг себя изменить, вынуждены уступать и подчиняться дуракам...

А бой продолжался, и дирижабли продолжали падать.

— Ребята, может, хватит? — вмешался в разговор друзей Новиков. — Там люди гибнут, а вы разболтались, как патриции в цирке.

— Замолчать недолго, а кому от этого легче будет? Если мы военные советники, так понять же надо, что и как. А если ты себя зрителем считаешь, то конечно... — огрызнулся Шульгин.

— Чем они их сбивают? — пресек назревающую ссору Берестин. — Радиацией, пучком электронов, инфразвуком?

— Ничего мы тут не поймем и не вычислим так, умозрительно. А вот на практике, боюсь, сейчас выясним, — сообщил Берестин и показал рукой направо.

Из-за края плато, не далее чем в километре, появились плоские, тускло отсвечивающие прямоугольники. Фиолетовые стекла «Цейса» приблизили и сузили пейзаж, в котором чужеродным элементом возникла большая, машин в двадцать, группа бронеходов. На одинаковых интервалах и с одинаковой скоростью они наползали, словно исполинским бреднем захваты-

вая часть гряды с позицией землян в центре. Их медленное, как бы мертвое движение, оттого что ничего в них не перемещалось — ни колеса, ни гусеницы, ни ноги, — порождало не ужас, а безнадежную тоску.

— Вот и прихватили нас, гады, — сказал, кусая губы, Шульгин.

— Скорость у них примерно пятнадцать, через пять минут здесь будут, — прикинул Новиков. — Смываемся?

— Обожди... — сквозь зубы ответил Берестин, стискивая пальцами бинокль. — Все вниз, — коротко скомандовал он. — Сашка к прицелу, Андрей — заряжай. Заряд основной, бронебойный, прицел двадцать, смещение ноль...

— Воронцов рассказывал, у них командира лодки за грехи буксиром командовать назначили. Так он увидал в небе израильские «фантомы», скомандовал: «Срочное погружение!» — и с мостика по трапу в машинное шарахнул. — Шульгин со смешком полез в свой люк. Новиков внезапно почувствовал облегчение. После прощального разговора с Воронцовым он впал в некоторую депрессию. Да еще и Альба разбередила душу разговорами на моральные темы. Но раз так получилось: Берестин с Шульгиным готовы драться — быть по сему. Снова состояние необходимой обороны. Он еще успел удивиться — перед кем он оправдывается? Неужто перед Альбой с ее наивной верой в него, в человека славного и героического двадцатого века? Как там у Когана: «...мальчики иных веков, наверно, будут плакать ночью о времени большевиков». И написал-то эти стихи юный идеалист году как бы не в тридцать восьмом. Причем почти угадал, что будут плакать. Не угадал только отчего.

Он захлопнул за собой крышку люка.

...А и страшно же было Берестину, хотя со стороны никто ничего не замечал. Ведь выползает на тебя порождение неведомого разума, четвертого по счету за последние полгода, и внутри железных гробов — нелюдь, а может, и нежить. Красное, в хитиновой броне, глаза на стебельках, двигает пупырчатыми клешнями рычаги управления и смотрит в его сторону нечеловеческим взглядом. «И пахнет укропом», — добавил бы Сашка», — подумал он и чуть не рассмеялся истерически.

Чтобы не дать страху власти над собой, Берестин целиком погрузился в работу — осторожными оборотами маховичков сводил воедино сдвоенное изображение бронехода в растровом кольце, подгонял белый светящийся уголок к середине лобового листа крайней в ряду машины.

— Сашка, не мешай, давай к рычагам, заводи, — толкнул он локтем Шульгина, который все старался оттереть его от прицела, мечтая самому сделать первый выстрел в межзвездной войне, тогда как ему вновь предлагалась роль извозчика.

— Счет гонишь? И кот твой, и дирижабль, теперь бронеход...

— Кому сказано! — Теперь уже Новиков, выругавшись, сильно поддал Шульгину в спину. — Заводи и сразу втыкай заднюю, сцепление выжми и жди.

— Учи ученого, — огрызнулся Шульгин и полез вперед.

Все установки на месте, в казеннике замерла тяжелая чушка тридцатикилограммового снаряда, носок сапога на электроспуске. Словно мстя всем сразу пришельцам на свете и за себя, и за Ирину, и за здешних пилотов дирижаблей, погибающих в бессмысленной неравной схватке, Берестин нажал педаль.

С лязгом пронесся мимо плеча угловатый казенник, загудела броня, как под ударом гидравлического молота, из открывшегося затвора выкатилось сизое облако дыма и исчезло, всосанное электрорами.

Чиркнул в просветленных линзах белый огонь трассера, и грязно-пятнистый ящик лопнул вдоль, уткнулся развороченными лобовыми листами в землю и застыл. Остальные продолжали свое медленное движение.

— Ага, мать вашу? Ну давай. Что ж ты не горишь, сволочь? Бронебойными заряжай! Огонь! — командовал Новикову и самому себе Берестин срывающимся голосом. Снова саданула возле уха пушка, и второй бронеход вывернул наружу свои железные потроха.

— Молодец, Лешка! Как на полигоне бьешь! А ну, еще! — закричал в ТПУ Шульгин.

Ракообразные наверняка не изучали тактики танкового боя и вместо того, чтобы рассредоточиться и открыть беглый огонь, наоборот, начали поворачивать к своим терпящим бедствие собратьям.

Берестин точно положил еще два снаряда в открытые борта.

— Командир, не увлекайся, — зашелестел в наушниках голос Новикова. — Пора менять позицию.

Взревев, танк задним ходом выполз из укрытия. Подминая траками невысокий подлесок, сдвинулся на полсотни метров в сторону и въехал за естественный бруствер.

Шульгин приглушил дизель, и Алексей тут же выстрелил снова, практически не целясь. А чего тут целиться, на полкило-

метра, из стабилизированного орудия с электронным баллистическим вычислителем, по мишени размером с приличную избу?

— Броня у них никакая, совсем дерьмо, — прокомментировал Шульгин.

Берестин продолжал стрелять, удивляясь только тому, что подбитые машины не горят. Не это ли и спасло их? Горящие бронеходы были для неприятеля штукой знакомой и понятной, а то, что происходило сейчас, потребовало времени для осмысления.

Внезапно слева началось непонятное. Бесшумно, как в немом кино, рушились мощные деревья в бору, на дальней опушке которого они стояли. С тех, что поближе, обламывались, падали ветки и огромные сучья, сгибались и припадали к земле кусты. А тело будто наливалось ртутью. Танк взревел.

— Это гравитация, Лешка, гравитационная волна! — раздался хриплый голос Шульгина в переговорном устройстве.

Если бы не Сашка, тут бы им и пришел конец. Но Шульгин в какие-то секунды догадался, что происходит, а еще раньше, чем понял, уже начал действовать. До конца толкнув вперед сектор постоянного газа и упираясь обеими ногами, с хрустом в спине он включил демультипликатор и заднюю передачу.

Перегрузка наваливалась, как в космическом корабле на старте. Берестин чувствовал, что у него стекают вниз, к плечам, щеки и закрываются глаза. Танк ревел всей мощью своих лошадиных сил, но весил он теперь, наверное, тонн двести, широкие гусеницы погружались в твердый, промерзший грунт, как в болото.

Вся надежда была теперь только на Шульгина. Новиков никак не мог подняться с пола боевого отделения, Берестин тоже чувствовал, что сил перебраться в отделение водителя и чем-то ему помочь у него нет. И если Шульгин не справится... В наушниках уже не дыхание слышно, а хрип и стон пополам с коекак проталкиваемой через оплывшие губы бессвязной руганью. До ужаса медленно «леопард», коверкая землю, развернулся и заскользил вниз по склону.

— Де-муль-ти-пли-ка-тор... вы-ру-бай... Пятую... — выдавил из себя Берестин, понимая, что вот-вот потеряет сознание. В мыслях мелькнуло: летчики выдерживают до двенадцати «же», но они же тренируются... А у нас тут сколько? Вдруг полетят амортизаторы? И соляр тоже сейчас тяжелый, как жидкий свинец, форсунки могут в любой момент захлебнуться.

Непонятно, каким запасом сил обладал Шульгин, но он сумел все сделать правильно, и танк, увлекаемый тягой дизеля и весом, покатился под гору все быстрее. Тяжесть стала спадать. Еще их, наверное, заслонил холм, они опустились метров на пятьдесят ниже гребня, и волна сюда уже не доставала. Берестин смог наконец глубоко вздохнуть. Мотор выл на грани разноса, скорость быстро увеличивалась.

Берестин оглянулся. Леса позади уже не было, кое-где торчали голые ободранные хлысты.

Когда танк остановился, Шульгин сам выйти наружу не смог. Вдвоем они вытащили его через передний люк, и он лежал на лобовом листе, глотая воздух перекошенным ртом. Лицо выглядело, как после хорошей драки — не лицо, а сплошной синяк. Берестин поднес к его губам фляжку, а Шульгин долго пил, шумно глотая, и коньяк двумя струйками из углов рта стекал на кожанку.

— Как я мышцы не порвал, не знаю... — наконец сумел выговорить он. — Железный я мужик, похоже. Мне бы массаж теперь да баньку, иначе не выживу. Прикури сигарету, у меня руки дрожат... — Он затянулся несколько раз, прикрыл глаза. — А машина — зверь. Один бы только болт срезался — приходи, кума, любоваться.

— Наводчики у них ни к черту, — сказал Берестин.

— Они просто не поняли, что к чему, и начали шарить лучом наобум, не видя нас, — не согласился Новиков. — И еще: от центральной оси луча напряженность поля у них сильно падает. Видел, как лес обстрогало? Нас только самым краем задело. Повезло, в общем.

— И как же теперь с ними после всего этого воевать? — спросил Берестин.

— А тебе мало? Не навоевался? — поинтересовался Новиков, сплевывая.

— Сейчас прибросим, — сделав вид, что не слышит реплики, Берестин поднял к глазам бинокль и долго стоял на крыше башни, расставив ноги в сверкающих сапогах.

— Скобелев! — восхитился Сашка.

— Вот считай, — сказал наконец Берестин. — До нас было метров восемьсот, когда они дали луч. Леса там теперь нет, где мы стояли. А позади другая роща, до нее еще километр, так она целая. Все ветки на месте. Вот тебе их дальнобойность. А наша дура на пять километров прямой наводкой спроста возьмет.

— А вдруг они не на полную мощность били?

— Вряд ли. Они же не знали, где мы и кто мы.

— И мы не знаем еще, сколько стволов они собрали, — оживился Шульгин.

— Тоже верно. Вот тебе и тактика — стрелять с предельной дальности, из засад, а для страховки на километр вокруг мешки с грузом расставить. Если груз упадет — по газам и ходу...

— Слушай, давай проверим, — загорелся Шульгин. Коньяк уже начал действовать, и все пережитое уже было для него — дым.

Новиков видел, что друзья его в боевом азарте теряют чувство реальности и вполне способны вновь полезть в драку. Сам же он окончательно убедился, что делать им тут нечего. Уже давно не ландскнехтство, а какое-то сумасшествие получается, война ради войны. Единственное оправдание перед собственной совестью — кавказский обычай, по которому гость должен защищать хозяина, если на его дом напали. Но это уже такая натяжка...

Однако ни логических, ни моральных доводов его друзья сейчас слушать не станут, слишком они возбуждены. Поэтому Новиков привел довод неотразимый:

— Нечем воевать. Снарядов всего пять штук осталось, и все — картечь.

— Кстати, — неожиданно поддержал его Берестин, — враг бежит. Впервые, кажется, за всю эту бестолковую войну.

Действительно, видневшиеся вдали машины неприятеля исчезли. А когда Алексей, сменивший Шульгина за рычагами, вывел танк на вершину, они смогли увидеть, как укоротившаяся цепь бронеходов уплывает за южный горизонт.

— Тогда можно и по трофеи отправляться, — мечтательно сказал Шульгин, стирая платком с лица грязь и копоть.

Берестин с сомнением покрутил головой.

— Обождать надо. Врежет какой-нибудь недобитый, к чему тогда все?

— А что, так и бросать? Представляешь, там же чего только нет. И движки, и гравипушки. Да и раки в натуре...

— Оно конечно... — неуверенно сказал Берестин. Но что-то продолжало удерживать и его от опрометчивых шагов. Теперь их было двое с Новиковым, и они убедили Шульгина, что хоть до утра подождать надо.

— Если никакого шевеления не будет, тогда и сходим.

— Черт с вами. Тогда я спать полез, а вы сообразите, чего пожрать. Разбудите.

— Пойдет. Спи давай...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Шульгин появился на крыше Замка, словно видение из иного мира, потому что с райской обстановкой этого уголка совершенно не сочетался небритый, с рассеченной щекой и красными глазами человек в грязных джинсах и меховой кожанке, сжимающий в левой руке пулемет Калашникова.

Он постоял несколько секунд, обводя прищуренным взглядом овальный бассейн с изумрудной водой, тропическую зелень зимнего сада, загорелые тела женщин в шезлонгах, едва прикрытые ленточками бикини, словно выжидал, когда все здесь присутствующие заметят его прибытие, и только убедившись, что мизансцена по мотивам популярной картины Репина «Не ждали» выстроилась правильно, подрагивающим голосом спросил:

— Отдыхаете? Ну-ну... — и с грохотом бросил на узорчатый пол свое оружие.

Пошатываясь, он сделал три шага и почти упал в ближайшее плетеное кресло. За ним в проеме двери показались Левашов и Лариса.

Первой опомнилась Ирина. Вскочив, она подбежала к Шульгину.

— Что? Что там у вас случилось? Где Андрей? Алексей? Что с ними?

Сашка, подняв голову, скользнул взглядом по ее темно-бронзовому телу, провел ладонью по своему лицу, покрытому трехдневной щетиной, и отвернулся. Пробурчал что-то вроде: «Жарко тут у вас», — и начал стягивать куртку. При этом он морщился и шипел от боли.

Отстранив Ирину, к нему подошел Воронцов, тоже в одних плавках, помог вынуть руку из рукава.

— Что, ранен?

Шульгин отрицательно мотнул головой.

— Что вы все молчите? — неожиданно визгливо крикнула Ирина, обращаясь теперь уже к Левашову.

Вокруг уже столпились все — Наташа, Альба, Корнеев, Айер.

Лариса обняла Ирину за плечи.

— Успокойся, Ира, еще ничего не известно, главное, что они наверняка живы...

— Живы?! А где же они? Что там у вас произошло, можете вы наконец сказать? — И разрыдалась, уткнувшись лицом в грудь Ларисы. — Так я и знала... Я, я во всем виновата... из-за меня... и оба...

Женщины повели Ирину куда-то в угол, закрыв от мужчин и шепча успокаивающие слова.

— Ну так все-таки? В чем дело? — Воронцов обращался теперь только к Левашову.

— Конец Валгалле. Отвоевались... А ребята в плену. — Левашов отстегнул ремень с пистолетом, бросил его поверх Сашкиного пулемета, стянул через голову свитер, передернул плечами. Сел рядом с Шульгиным. — Попить чего-нибудь дайте.

— Коньяк, вино?

— Воды! А потом кофе. — И обращаясь к Воронцову, спросил: — Ты именно этого ждал? Потому и сорвался заблаговременно?

— Ты все же обрисуй сначала, что произошло. Пришельцы на форт напали?

— И это тоже. Но сначала был поход...

— Про поход я лучше доложу, — вмешался Шульгин. Губы у него неприятно кривились, а в голосе звучал непонятный сарказм, словно он испытывал злое удовлетворение от всего, что произошло.

Глазами он показал на столик с напитками, и Герард, с неожиданной для него самого предупредительностью, покатил его к Шульгину. Выпив полный бокал сухого вермута, Сашка коротко, но вполне исчерпывающе описал все, вплоть до момента боя с машинами «ракообразных».

— С чего вы взяли, что они именно ракообразные? — перебил его Воронцов.

— Вот именно — с чего? Кванги нам мозги задолбали... — Шульгин изобразил жест, которым Сехмет сопровождал свои слова о «врагах». — А они такие же ракообразные, как и мы. Скафандры это у них. Если пуля попадает, он взрывается — и даже мара не остается... Когда утром ребята пошли посмотреть, что мы там настреляли, — продолжал он, — я остался в танке. Прикрыть, если что. Они дошли до свалки вторчермета — так это все выглядело, полазили там, собрались уже возвращаться, а потом р-раз — и исчезли. Только что были — и никого нет. Чистое поле...

— Как с моей квартирой в Москве, — вставил Левашов.

— Я было выскочил, метнулся туда, а потом думаю — стой!

Если и меня прихватят — кому от этого польза? Вернулся в танк, люк задраил, жду... Часа два ждал — тихо. Или забыли про меня, или не заметили. Я по газам и в ставку главкома. У них там общий восторг — как же, впервые враг отброшен, наступать собираются. Но мне их игры уже... Я Сехмета за ворот: давай дирижабль! Вытряс, полетел в форт. Едва успел выгрузиться и все рассказать Олегу — прошу пана! Прямо перед фортом на поляне возникает такой же точно бронеход, с какими мы бились. Из него четверо в белых скафандрах — точно, издали на рака смахивают. А точнее — на глубоководный скафандр с манипуляторами. Я Олегу кричу — заводи машину, пора на Землю линять! Танка-то у нас больше не было, на танке теперь кванги катаются, а тут со стороны реки еще один сундук подплывает... — Шульгин замолчал, закашлялся, начал прикуривать дрожащими руками. Пока он наливал себе еще вермута, рассказ продолжил Левашов.

— Я включил канал — хорошо, что ты, Дим, оставил мне координаты: мы с Ларисой стали бегом собирать хоть что-то: видеокассеты, фотографии, записи наши; слышим — Сашка уже стреляет...

— Ага, — перебил его Шульгин. — Не зря я пулемет наверху приладил. Хоть придержу чуток, думаю. Тут они как дадут лучом. Крышу сразу снесло, как меня бревнами не поубивало, не знаю. Я вниз, к воротам, как рубану с рук, от пояса! В одного попал. Ты знаешь, словно в мыльный пузырь! Хлоп — и ничего нету... Они прицел не успели снизить, вторым залпом полдома снесло. Стою на карачках, а надо мной бревна порхают... Вижу, труба дело. Заскочил на веранду, а дальше не могу. Ноги отнялись. Хорошо, Олег меня за ворот втащил в подвал...

— В последнюю секунду выскочили, — подтвердил Левашов. — Я Сашку в «окно» просунул, Лариса с той стороны помогла. И вижу — перекрытия бетонные надо мною поднимаются. Медленно так, словно крышка гроба у панночки... — Он передернул плечами. — Лариска кричит от страха...

— Она не от страха, — вмешался Шульгин, — она такое крикнула, что я и не повторю... Олег схватил блок управления, прижал к животу, как регбист, и — на нашу сторону. Я успел увидеть, как потолок рухнул — и все. Кабель перерубило, «окно» исчезло. А мы стоим в каком-то коридоре. Осмотрелись, ощупали друг друга, руки-ноги целы, и пошли вас искать...

Рассказ Шульгина и Левашова произвел впечатление прежде всего на космонавтов. Они выглядели по меньшей мере оша-

рашенными. Двух дней на Валгалле и трех в Замке (а здесь прошло именно лишь три дня, пока длилась эпопея на Валгалле) им явно не хватило, чтобы полностью адаптироваться к иному времени и образу жизни.

Воронцов же выслушал все совершенно спокойно. Как будто просто выяснил для себя некоторые мелкие подробности.

Это заметил и Шульгин. И в глазах у него появился прежний блеск.

— Сдается мне, капитан, что дело здесь нечисто. Не нравишься мне ты... Знал, что так и будет?

— Откуда бы? Я, что ли, тебя под руку толкал, когда вы кордебаталию открыли? Или все же вы сами додумались? Но кое-какие соображения имелись, не скрою. Почему я от вас ушел? Вот как раз поэтому. Если ребят в плену сейчас на детекторах крутят, память им зондируют, они про меня ничего, кроме того, что был такой, сказать и вспомнить не смогут. А сейчас только мы с Антоном помочь сможем.

— Понял... Вы, значит, тоже гамбиты разыгрываете. Ясненько. Хочется мне с Антоном твоим повидаться, сказать, что я о нем думаю...

— Давай, говори. Внимательно выслушаю.

Шульгин и Левашов обернулись. Возле мохнатой веерной пальмы стоял широкоплечий парень лет тридцати, в безукоризненном светлом костюме, при галстуке в тонкую красную полоску, похожий на американца с рекламного плаката сигарет «Лорд».

— А? Наконец-то имеем честь лицезреть!.. — Шульгин подошел к нему, рассматривая, как восковую куклу в музее Тюссо. — Хорошо... — И неожиданно для всех сделал резкое движение рукой.

— Не стоит, — с широкой улыбкой сказал Антон, легко парировав выпад Шульгина. — Хоть ты и ниндзя, как я слышал, реакция у меня лучше.

— Жаль, но похоже... — вздохнул Сашка, безнадежно уронив руки. Дальнейшего не уловил никто. Словно черная молния блеснула перед глазами, и Антон, отлетев метра на три, рухнул навзничь.

В полной тишине он начал подниматься, сначала на колени, потом выпрямился во весь рост. Губы у него были в крови.

Вдруг в полной тишине раздались аплодисменты. Это хлопала в ладоши Альба, с восторгом глядя на Шульгина, который суженными в щелочки глазами следил за Антоном.

А тот вытер кровь платком, аккуратно сложил его, спрятал в карман и снова улыбнулся.

— Да, пожалуй, я был не прав... Молодец. Надеюсь, теперь ты доволен? Спустил пар? Тогда пойдем. Пора поговорить серьезно.

Из записок Андрея Новикова

... За окном глухая ночь, а может, уже и утро. Если сейчас проснуться, то уже раннее утро, а если до сих пор не ложился — то, пожалуй, еще ночь. «Час быка» называл такое время Ефремов. Об этом диалектическом переходе еще и Прутков писал: «Желающий трапезовать слишком поздно рискует трапезовать рано поутру».

Так вот — ночь, как условились, и ветер хлещет в окно дождевою осенней печалью, и единственное в жизни утешение, что в отличие от прочих нормальных граждан мне не нужно в мутных рассветных сумерках продирать глаза и, проклиная судьбу и горсовет, ждать троллейбуса на остановке, насквозь простреливаемой струями ледяного дождя. Напротив, в самый для трудящихся отвратительный час с полным правом задерну шторы, укутаюсь пледом, как шотландский лорд, и буду спать, сколько пожелаю.

Отчего это так много в моей жизни дождей, туманов, метелей и прочих чудес природы?

А тогда звенело утро, весеннее, солнечное, почти теплое. И словно не было накануне нашей, не скрою, страшной битвы. Страшной не только и не столько обычным в бою страхом смерти, а своей ирреальностью. Ничего подобного мы не испытывали раньше ни на Земле, когда работали с Иркиными «приятелями», ни здесь...

Вечером Сашка сразу уснул, а мы с Алексеем, прокопченные кордитным дымом, вымотанные до последней крайности, сидели на свернутых чехлах на полу боевого отделения и разговаривали. И что удивительно, не о войне, а на самые нейтральные темы.

А когда рассвело, перекусили на скорую руку и пошли. Сашка остался для подстраховки. Чувствовал он себя так, словно его долго ногами били, потому и остался без особых протестов.

Поле боя впечатление производило... Было в том изломанном железе что-то настолько нездешнее, гораздо более нечеловеческое, чем все ранее виденное. Вчера, в горячке боя, мы этого не заметили, а сейчас сразу в глаза бросилось. Бронеходы разбитые прямо кричали, что они из мира, ничего общего с человеческими понятиями не имеющего. В них не было ни одной линии, ни одной плоскости, согласующейся с нашей геометрией. Как бы это поточнее описать — ну, если представить себе рисунок, выполненный сразу и в прямой и в обратной перспективе. Как будто видишь сразу то, что одновременно видеть никак невозможно. Как будто у прямоугольника все четыре угла — тупые. Но все это настолько неуловимо, что понять, в чем фокус, — невозможно.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спрашиваю я у Алексея чисто риторически.

— Честно говоря — мало, — отвечает. — Такой геометрии быть не должно. Так только Морис Эшер рисует.

Полазали мы внутри. Там тоже ничего хоть приблизительно понятного. Никаких ракообразных не обнаружили. Неракообразных тоже. А содержимое бронеходов больше всего напоминало внутренности ламповой ЭВМ пятидесятых годов, как я ее себе представляю, если ее долго, сладострастно крушить ломом. Еще там были такие как бы струны или стеклянные световоды, и ничего больше. Как эти штуки ездили, чем или кем управлялись, где у них двигатели и где оружие — полный туман.

Часа полтора мы бродили по тому кладбищу, можно сказать — одурели от никчемной информации и мало-помалу прониклись комплексом неполноценности пополам с унылой злостью. Решили перекурить.

— Тупые мы с тобой, братец, — на удивление смиренно сказал Берестин.

— Ну, это еще вопрос, — не согласился я: гордость не позволяла. — Возьми самого признанного титана мысли, хоть Ломоносова, и покажи ему «F-16», сбитый зенитной ракетой. Много ли он там сообразит? А разница всего две сотни лет, и техника земная.

— Ну что ж, — говорит Берестин. — Мы еще неплохо держимся. Другие на нашем месте давно бы в футурошок впали...

— Конечно. Представь, как бы на все это гоголевские старосветские помещики реагировали или купцы из пьес Островского.

— Ну и что купцы? — вдруг завелся Алексей. — Мало ли как

их там Островский обрисовал! А те самые купцы, имей в виду, и Калифорнию с Аляской завоевывали, и Афанасий Никитин, тоже купец, сам знаешь, куда ходил. Не нужно зря на людей клепать.

— Что это вдруг? Сам вроде не из купцов происходишь?

— Ну и что? Снобизма не нужно. Может, девяносто процентов галактического населения еще и не то видели, а мы из своего захолустья попали в чуть более населенные места и уже вообразили, что достигли вершин немыслимого. А все это, быть может, просто невинная игра в крысу, как говаривал тот же Остап Ибрагимович, по другому, впрочем, поводу...

Я с ним согласился. Нельзя жить и делать свое дело, если воспринимать действительность как невероятность. Что есть, то и есть. Достаточно того, что мы сознаем уникальность текущего момента в рамках нашего опыта и стараемся соответствовать.

И вот тут, среди нашей глубокомысленной беседы о текущем моменте, произошло то самое, что окончательно уводит сюжет моего повествования за всякие пределы соцреализма в его ждановской трактовке, ну, помните: «...не о том, что есть, а о том, что должно быть».

Слов у меня, чтобы все описать, разумеется, нет. А если попросту — в одну из секунд нашего перекура я перестал осознавать себя как личность. Но даже в таком бессознательном состоянии мне было очень, пардон, хреново. Как если бы... ну скажем, броситься с гранатой под гусеницы танка, граната не взрывается, и тебя долго и больно гусеницы перемешивают с грунтом. А потом все кончилось, в глазах посветлело, и я осознал себя внутри белого шарового объема, довольно значительного, хотя и неопределенного, потому что стены его не выглядели твердыми, а словно из кучевых облаков вылеплены, и я внутри сферы. Никаких неприятных или болезненных ощущений у меня не осталось, чувствовал я себя свежим и бодрым, но и обалдевшим, признаюсь.

И сразу у меня внутри головы возник голос. Именно внутри, я четко понимал, что слышу его отнюдь не ушами. Какая-то есть хитрость в физиологии, позволяющая это определить. Наверно, так бывает у шизофреников. Я их понимаю. Дословно услышанного я сейчас не восстановлю, потому как подозреваю, что и не было никакого «дословно», я сразу получил весь пакет информации и только потом развернул его в некую последовательность.

Короче, мы оказались в плену, или, скажем так, в гостях у тех самых соплеменников Ирины, которые гонялись-гонялись за нами и наконец достали. Впрочем, претензий к нам ни за историю с агентами, ни за танковое сражение предъявлено не было. Все происшедшее было расценено ими как недоразумение, тем более что бронеходы — всего лишь автоматические устройства. А нам предлагался дружеский контакт и переговоры по взаимно интересующим нас вопросам.

Я в принципе не возражал, но сразу же поставил условие: воссоединить нас с Берестиным и переговоры проводить в привычной для нас обстановке и традиционным способом. Через некий провал в сознании я очутился в весьма пристойном помещении, похожем на большой гостиничный номер. На диване, обтянутом золотистым велюром, сидел Берестин и смотрел на меня без всякого удивления. Обменявшись мнениями, мы установили, что с ним беседа велась по той же программе.

Мы тщательно осмотрели помещение и убедились, что подлинность вещей и предметов стопроцентная. Как правило, нормальный человек может принять сон за реальность, но никогда не примет реальность за сон, поэтому нам пришлось поверить в действительность происходящего.

Я тут же вспомнил историю Воронцова. Сходство прослеживалось. Хотя бы в смысле того, что ему для контакта тоже сымитировали роскошный земной интерьерчик. Правда, у нас дверь из комнаты не открывалась, и за окном клубилась белая муть, смотреть на которую было неприятно.

Тут входная дверь открылась, и перед нами возникла царственная дама — иначе не скажешь, даже при всем моем отвращении к высокопарности и изысканности слога. На вид было ей около тридцати пяти, чуть ближе к сорока. Укутанная, обернутая (Бабель бы сказал — завороченная) в подобие индийского сари, атласно-муаровое, черно-красно-золотое, шуршащее и переливающееся, при движении то облегающее и подчеркивающее формы тела, то скрывающее все, развязывающее руки воображению...

Мы с Берестиным глянули на нее, потом друг на друга и — расхохотались. И не истерическим смехом, а самым обычным. Как выяснилось — одновременно вспомнили анекдот про бандершу, которая, исчерпав резервы, выходит к клиентам сама.

Гостью такой прием если и удивил, то самую малость. Она приподняла брови, грациозно прошелестела через помещение и опустилась в третье кресло, слегка напротив нас с Алексеем.

Вставать мы не стали. Предположив в ее появлении очередной фокус. Очередная серия прекрасных незнакомок — не много ли?

Лема мы в свое время почитывали. И помним, что он там, в «Сумме технологии», насчет фантоматики пишет. Любая достаточно развитая цивилизация в состоянии создавать иллюзии, не отличимые от реальности никакими разумными способами. Сей случай вполне мог быть из этой же оперы. На самом деле небось наша матрона — то самое ракообразное, в которое положено стрелять железным болтом из арбалета (не зря же наши меньшие братья-кванги вечно их при себе таскают!). И, разумеется, они — то есть пришельцы — уверены: земляне настолько примитивные и сексуально озабоченные существа, что сам факт появления перед ними достаточно привлекательной особы гарантирует сговорчивость вплоть до полной капитуляции.

Увы, не так уж они и не правы. Берестин, например, на это и попался. Будь на месте Ирины мужик, или будь она сама чуть пострашнее — стал бы он таскать им каштаны из огня (из прошлого то есть)? И Воронцов, само собой. Правда, у него причина несколько иная, но без ля фам все равно не обошлось. А теперь вот и третий заход все в ту же масть.

— Меня зовут Даяна, — представилась гостья. — Я уполномочена провести с вами переговоры.

Голос у нее, надо отметить, тоже был великолепный, здорово поставленный, чуть низковатый. В качестве диктора ТВ в западном вкусе цены бы ей не было.

Сообщила нам она практически ту же легенду, которой Ирина забивала мозги Берестину, вербуя его в помощники. Насчет цивилизаций с обратным знаком, мировых линий, при столкновении грозящих катастрофой их и нашей вселенным, и о необходимости произвести коррекцию земной истории. Эту, мол, благородную миссию выполняла на Земле Ирина и подобные ей специалисты, а в определенной мере и товарищ Берестин, когда прогулялся в прошлое и помог тем самым святому делу.

Тут Алексей разволновался и агрессивно спросил: какого же в таком случае черта они пытались похитить Ирину, да и с нами обошлись не слишком вежливо?

— Наши сотрудники ошиблись. Они решили, что Ирину завербовали враги, представители другой, весьма зловредной ци-

вилизации, которые мечтают захватить Землю и сделать ее своей зависимой территорией.

— А что означает война, которую вы ведете против здешних аборигенов? В чем они перед вами провинились?

На этот вопрос Даяна сообщила, что для физического присутствия в нашей вселенной им нужна операционная база. На Таорэре — то есть по-нашему Валгалле — развернуты станции Обращенного времени, а так называемая война есть не что иное, как процесс расширения переходной зоны, где время имеет знак «Ноль», то есть нейтрально по отношению и к нашему, и к их времени. Бронеходы же, с которыми мы сражались, — передвижные станции-генераторы времени. Фронт их передвижения — терминатор времен.

Тут мы возмутились: а как же права квангов?

Даяна с великолепной небрежностью ответила, что, во-первых, расширение зоны не планируется за пределы половины территории планеты, квангам место останется, а во-вторых, нас это не должно касаться.

— Но ведь со временем цивилизация кванґов будет развиваться, конфликт все равно неизбежен. У нас такие действия называются колониализмом и категорически осуждаются всеми цивилизованными народами.

— Не забывайте, — ответила наша матрона, — что мы имеем возможность зондировать время и знаем: местная раса лишена будущего. Это — тупиковая ветвь, замкнутое на себя общество, лишенное внутренних движущих сил. Еще несколько тысячелетий угасания, и они исчезнут.

В голосе Даяны звучало спокойное безразличие. Да и у нас, если честно признать, сейчас не было настроения вникать в проблемы Валгаллы-Таорэры. В своих бы разобраться.

Мы попробовали задать ей ряд прямых вопросов об их цивилизации, о врагах, с которыми они соперничают за контроль над Землей, наконец, об их настоящем, подлинном облике.

И все вопросы она ловко отклонила.

Вообще она показала себя дипломатом цепким и жестким. Не бандерша, а Талейран в сари. Правда, одно другого не исключает.

Алексей, гораздо больше, чем я, поднаторевший в дискуссиях с Ириной на инопланетные темы, затеял было спор о правомерности вмешательства кого бы то ни было в наши человеческие дела, пригрозил прервать переговоры, поскольку считает их неравноправными.

Вот тут она показала зубы. Фигурально выражаясь, разумеется. Она спросила: как бы мы отнеслись к перспективе провести месяц-другой в каменоломнях Древнего Рима, к примеру? На предмет большей сговорчивости.

Против такого довода возражать было сложно. И мы сказали, что размышлять можно и здесь. На том и порешили.

Даяна сказала, что на первый раз хватит. Мы вольны делать, что нам угодно. Любые пожелания в смысле обеспечения комфорта будут удовлетворены. Заявки можно подавать по телефону, который стоит в соседней комнате.

В общем, тюрьму наш быт не напоминал. Скорее, положение русских послов в ставке монгольских ханов.

В ходе следующих бесед мы не сдавались, но медленно отступали. Удалось выяснить, что Сашка плена избежал и, скорее всего, сумел вернуться в форт. А вот вырвались ли они на Землю, мы не знали. Даяна намекнула, что наша несговорчивость может вредно отразиться на судьбах друзей, но убедительности в ее интонациях не хватало. Зато она долго и въедливо выбивала из нас информацию о Воронцове. Вот его она считала агентом своих соперников. Мы отговорились незнанием, ведь Воронцов — друг Левашова, мы же его видели всего несколько раз и не имели оснований считать его не обычным торговым мореманом, а кем-либо другим. Но как мы ни ловчили, а к стене она нас приперла. То есть: или мы выполняем их задание, или... Не такое уж мы сокровище, чтобы долго на нас красноречие тратить. Найдутся и другие. Конечно, мы произвели благоприятное впечатление: как Лешкиными делами в прошлом, так и умением держаться в нестандартных ситуациях. Но и только. Незаменимых нет.

Суть же задачи была проста, но грандиозна.

Те мелкие и деликатные воздействия на историю, а тем самым и на мировые линии земной цивилизации на сей день себя исчерпали. Угроза нарастает, враги не дремлют, и необходимо основательное макровоздействие. Итогом которого станет решение всех проблем разом. Необходимо добиться, чтобы на Земле возникло единое правительство или одна из держав стала настолько могучей, что могла бы диктовать свою волю остальным. В крайнем случае — чтобы все прочие державы не смогли воспрепятствовать ее действиям.

— Кажется, это называется мировое господство?

Даяна сказала, что она тоже так считает.

А нужно это для того, чтобы от имени всей Земли заклю-

чить договор с нашими пришельцами, позволить им разместить на нашей планете установки для преобразования времени и тем самым спасти обе наши цивилизации и Вселенную в целом.

Вот и вся проблема.

Наша цивилизация с помощью пришельцев, разумеется, достигнет необыкновенного расцвета, навсегда исчезнет опасность войн, эпидемий, экологических кризисов...

Тонко улыбнувшись, Даяна добавила:

— Дружба наших цивилизаций может иметь и ещё один аспект. Вы уже убедились, что наши женщины довольно привлекательны. Генетически мы стопроцентно идентичны, так что в перспективе можно представить союз не только политический и экономический, но подлинное братство по крови...

И в заключение она поставила последние точки.

— У нас разработана техника, обеспечивающая перенос через пространство-время матрицы любой личности с наложением ее на личность избранного объекта...

Обмен разумов, одним словом. Смотри Шекли и ряд других авторов. Мы, стало быть, должны перевоплотиться в какие-нибудь подходящие фигуры нашей истории, чтобы, значит, их руками...

— А вы, значит, нашими руками? — сказал Берестин.

Даяна ответила, что исполнителями должны быть земляне, иначе враги получат право на контрмеры, а это — грандиозная галактическая война, за исход которой нельзя поручиться.

Что ж, вполне известная в дипломатической практике ситуация.

В натуре обмен разумов выглядел так. Личность «драйвера» (термин придумал я, от английского «водитель», «рулевой») накладывается на личность «реципиента» так, что отключает у него высшие уровни сознания и получает в свое распоряжение его память, навыки, инстинкты. Для окружающих нет никаких способов распознать подмену, если только драйвер не станет вести себя слишком уж неадекватно. Но и тогда это будет проблема психиатров, не более.

Когда драйвер уходит (а для этого не нужно никакой специальной аппаратуры), у реципиента остаются все воспоминания, но без осознания того факта, что он находился под чьим-то управлением. Реципиент, конечно, может удивиться, как ему пришло в голову поступать так, а не иначе, но это уже его заботы.

Проблемы выживания наших тел, лишенных сознания, тоже не стояло, поскольку в зоне «Ноль» внешнее время нас не касалось. Мы всегда вернемся в точку начала отсчета. С этим феноменом мы уже сталкивались при своих переходах с Земли на Валгаллу.

Считая, что мы на все согласны, Даяна предложила нам подумать о точке вмешательства. Их, в принципе, были тысячи. Но если Даяне все равно, в каком времени производить воздействие, то нам — нет. Мне, к примеру, отнюдь не льстило оказаться в шкуре Чингисхана и прожить в ней годы. Это зря писал Азимов, что достаточно переложить ящик с полки на полку или заклинить сцепление в автомобиле. Время, история — штуки упругие. С огромной инерцией. Ты считаешь — свергли царя, тирана и даже что-нибудь еще более грандиозное учинили — и готово? Ан нет. Побурлит все, поволнуется — и опять все как было. Так, штришок, зарубка на древе истории. Тут нужны именно годы. Кроме того, нам никак не интересно было изменять историю слишком далеко от наших дней и оказаться потом в абсолютно чужом мире. Как это уже описано у Андерсона в «Патруле времени».

И после долгих споров мы нашли то самое решение. Не скрою, поначалу мы с Алексеем сами оторопели от своего невероятного нахальства. Вроде как коснулись абсолютного табу. Однако поразмышляли, отрешились от стереотипов и спросили друг друга: ну а почему бы и нет?

Теоретически все получилось. Ну а последние сомнения рассеяла Даяна. Мы с ней постепенно как бы подружились даже. Хоть и своеобразно. Разговаривали запросто, без церемоний.

— Выбор у вас всегда есть, — сказала она, сочувственно улыбаясь. — Если не каменоломни, то можно предложить должность евнуха в гареме царя Соломона... Семьсот жен и триста наложниц. Только там хуже, чем в сказках «Тысяча и одной ночи». Жарко, глинобитный дворец без воды и канализации, женщины вонючие, грязные, мухи, скорпионы и очень строгие правила внутреннего распорядка...

Короче, мы согласились. Без всяких пыток, насилия, совершенно добровольно.

Согласились и начали готовиться.

Подготовка была не такая уж сложная, просто очень много надо было запомнить.

А главное — нас не оставляла надежда, что Воронцов со своим другом Антоном нас не бросят. Иначе зачем все?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КОГДА НАС В БОЙ ПОШЛЕТ ТОВАРИЩ СТАЛИН

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
А солнце даже в полдень было ало.

Н. Гумилев

Как трубный глас, возвещающий второе пришествие, прозвучала команда, и с дальних архивных полок, таких далеких, что никто на них и не собирался никогда заглядывать, несмотря на наклеенный в правом верхнем углу ярлычок с отметкой о бессрочном хранении, чьи-то руки сняли со своих мест несколько тонких серых папок и передали их в другие руки.

Люди с кубарями на малиновых петлицах вручили «дела» тем, кто носил шпалы и ромбы. Потом серые папки легли в портфель, машина прошелестела покрышками вниз по Охотному ряду, мимо Александровского сада, налево, через мост, в Боровицкие ворота, еще раз налево, потом их понесли уже пешком, по ступенькам, коридорам и со многими поворотами, по длинной красной дорожке, через дубовую дверь в приемную, еще одну дверь — и все!

Папки ложатся на стол, и к ним прикасаются наконец те руки, которые единственно и могут что-то изменить в судьбах наглухо запертых внутри плотных картонных обложек. Секретарь ЦК ВКП(б), вождь и учитель, гениальный продолжатель дела Ленина, лучший друг детей, физкультурников, нацменьшинств и прочая, и прочая, и прочая, развязывает ботиночные шнурки: «Марков Сергей Петрович, 1902 года рождения, русский, командарм 2-го ранга, член ВКП(б) с 1940 года, в Красной армии с 1918 г...»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...К апрелю 1941 года жизнь в лагерях уже устоялась, вошла в некие обыденные, регулярные рамки. Беспорядочное оживление, суета и неразбериха предыдущих годов сменилась угрюмым покоем, и не только во внешних проявлениях жизни, но и в душах людей.

Все приговоренные к высшей мере давно расстреляны, слабые — умерли на этапах, замерзли в наскоро сколоченных холодных бараках, не выдержали смертельной тоски, непосильной работы, цинги и тифа. Писавшие апелляции или личные письма Сталину — либо освобождены, либо потеряли последнюю надежду.

Все прочие как-то свыклись с обрушившимся на них. Как-никак, а жить-то все равно надо. И тянули, и тянули лагерную тягомотную житуху — в меру сил и характера. Одни впали в глубокую депрессию, ни во что больше не веря и ни на что не надеясь. Другие, напротив, собрали волю в кулак, припомнив — вот уж довелось! — еще и дореволюционный опыт. Третьи сумели и там найти удобные, теплые, хлебные места. А в общем и целом — жизнь текла.

Хотя, конечно, какая это жизнь для человека, отдавшего все борьбе за освобождение рабочего класса и всего угнетенного человечества, за дело Ленина — Сталина, успевшего увидеть за минувшую четверть века и мрак царизма, и две войны, две революции, дожившего до Конституции победившего социализма?

И вот тут-то — после ромбов в петлицах, орденов, служебных «ЗИСов» и «Паккардов», квартир на улице Горького и Дворцовой набережной, после славы, власти, всенародного признания — арест, тюрьма, допросы, безумные обвинения, ужасное чувство отчаяния и бессилия, когда невозможно ничего доказать, объяснить, опровергнуть...

А еще чуть раньше — состояние, когда вдруг начинаешь понимать, что в стране, партии происходит явное не то, когда при всей преданности и убежденности ощущаешь... нет, не неверие или протест, а пока только — сомнение. Затем — да и то не у всех, лишь у наиболее самостоятельно мыслящих — внезапное и страшное прозрение: то, что случилось с сотнями других, может случиться и с тобой.

И приходит твой час.

Комкор Марков Сергей Петрович, дважды краснознаменец, герой гражданской и боев на КВЖД, арестован был уже в конце второй волны — летом тридцать восьмого года. Как раз тогда наступило вроде бы некоторое смягчение. Так показалось.

Но в один из дней, придя в штаб, он увидел невыгоревший свежий прямоугольник от снятой таблички и дыры от шурупов на двери кабинета члена Военного совета округа, ярого обличителя и ортодокса, потом поймал ускользающий взгляд начальника Особого отдела, и все стало пронзительно ясно.

Он плотно закрыл дверь своего большого, с видом на море кабинета, наскоро перебрал бумаги, чтобы невзначай не подставить еще кого-нибудь из немногих уцелевших друзей, и поехал домой. Сжег письма, фотографии, брошюры с ныне запретными именами и фактами, сохранившиеся с прошлых времен, и стал ждать, пытаясь настроиться на то, что ему предстоит.

Приехали за ним сразу после полуночи.

В отдельном купе тюремного вагона привезли в Москву. Во внутреннюю тюрьму на Лубянке. В камере сидели сначала вчетвером: он сам, знакомый по Дальнему Востоку комбриг, два крупных сотрудника НКИДа.

Допрашивали Маркова не так долго — месяца три. По стандартной схеме. Раз служил в Народной армии ДВР — японский шпион. В Белоруссии — польский. Да командировка в Италию в тридцать пятом году. Да бесчисленные связи с врагами народа.

Следователь был то подчеркнуто вежлив и любезен, то дико кричал. Сутками заставлял стоять навытяжку. Давал читать доносы и устраивал очные ставки. Смотреть в глаза клевещущих на него сослуживцев Маркову было невыносимо стыдно.

Однако били его на удивление мало.

И вот настал день суда. Он пошел на него, за все время следствия ничего не подписав и не дав ни на кого показаний.

Приговор был: десять плюс пять. Формула мягкая — КРД (контрреволюционная деятельность), без троцкизма и терроризма.

Он вполне готов был к высшей мере. Точнее, убедил себя, что готов. К его званию и должности высшая мера была бы в самый раз. Поэтому, услышав приговор, испытал в первый момент облегчение. Главное — жить будет. Но представил себе эти десять и еще пять, и до того стало муторно! Помыслить страшно — до 1953 года сидеть. (Он не имел возможности оценить символичность даты.) Когда срок кончится, ему уже шестой десяток пойдет. Кончена жизнь, как ни крути. Да и то, если доживет, если позволят дожить...

Поначалу он считал, что жизнь ему спасло упорство. Потому что обнаружил, беседуя с себе подобными, что судьи и те, кто ими руководил, придерживались определенной, хоть и извращенной, логики. Признавшихся, раскаявшихся, активно помогавших следствию — расстреливали, а упорных, «закоренелых», вроде него, — нет. При полном пренебрежении всякими правовыми и моральными нормами через это правило Военная коллегия и сам Сталин, как говорили, обычно не переступали. Из всех проходивших по первым процессам вместе с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и прочими не признавал себя виновным один комкор Тодорский, и он единственный уцелел, сидел одно время вместе с Марковым. От остальных не осталось и могил.

Только потом, много раз передумывая одно и то же, Марков сообразил, что ничего от него не зависело. Он сам по себе не интересовал следователя: не вырисовывалось за ним никакого крупного дела. И показания его в общем тоже не требовались — все, с кем Марков был связан, исчезли раньше его. Готовилась смена караула в недрах самого НКВД, Ежов доживал последние дни, механизм крутился по инерции. Могли бы и вообще про Маркова забыть, а могли расстрелять без процедуры... Но все же как ни смотри, а повезло.

За три лагерных года было с ним много всякого. И несмотря ни на что, он не позволял себе согнуться и смириться. Ни перед начальством лагерным, ни перед уголовниками, которым была в зонах полная воля и даже негласное поощрение. Они ведь были «социально близкие элементы», а не «враги народа».

Били его поначалу сильно, и он до последней возможности давал сдачи. Как его не зарезали в камере или вагоне — бог весть. Потом, на пересылке, вдруг встретил своего бывшего бойца, ставшего большим паханом, который, оказывается, сохранил добрую память о комвзвода Маркове. С тех пор его не трогали. Даже вернули отнятые хромовые сапоги.

Рапортуя в качестве дневального или дежурного по бараку, он всегда называл свое звание: «комкор Марков», и это производило на лагерных лейтенантов и капитанов определенное впечатление.

К исходу первого года заключения он поддался слабости и написал письмо в Верховный Совет — тогда как раз освободили большую группу бывших военных, но ответа не получил.

1 мая 1941 года был нерабочий день даже для врагов народа, и они провели его хорошо — грелись на первом весеннем солн-

це, на подсохшем южном склоне сопки внутри зоны, вспоминали, кто и как праздновал этот день на воле. А второго мая началось непонятное. С утра среди начальства замечалась необычная суета. Марков как раз мыл полы в канцелярии. Из-за двери начальника лагпункта неразборчиво гудели голоса и столбом тянулся табачный дым. На обед были вызваны даже дальние бригады, которым обычно пищу возили в тайгу. Потом лагерь построили, и толстенький «кум», косолапо ступая кривыми ногами в надраенных сапогах, вышел к строю и начал вызывать заключенных по длинному списку. Они выходили и выстраивались в шеренгу.

Вызвали больше ста человек, в том числе Маркова. Затем бригады увели на работу, а вызванные остались на линейке. Начальство исчезло. Поскольку не было команды разойтись, но не было и другой команды, заключенные помаленьку начали сбиваться в группки и закуривать.

Марков с удивлением, а больше с тревогой заметил, что здесь только бывшие военные, 58-я статья. Это могло означать что угодно, но скорее — плохое. От хорошего успели отвыкнуть.

Потом появился «кум» и объявил, что сейчас все пойдут в баню.

Беспокойство прибавилось. Но баня — всегда баня, тем более без уголовных, натоплена она была хорошо, и никого не торопили, и мыла дали по половине большого куска, поэтому мылись долго, с удовольствием.

— Наверное, в другой лагерь переводить будут. Особый, политический, — предположил кто-то. Мысль посчитали дельной.

После помывки выдали белье. Всем — новое.

Вернулись в бараки. От непонятности и непривычного безделья разговоры достигли невероятного накала, доходя моментами до вещей совсем фантастических.

Через час Маркова вызвали в канцелярию. С ним еще пятерых. Двух комкоров, двух комдивов и одного корпусного комиссара. Больше представителей высшего комсостава на лагпункте не было.

Майор, начальник лагпункта, покрутился перед ними с минуту, видимо, не зная, с чего начать, потом, глядя в сторону, сообщил, что поступила команда срочно доставить их шестерых в Хабаровск. Настолько срочно, что через час за ними прибудет самолет. После чего выразил надежду, что все может повернуться по-разному, но если что — граждане бывшие командиры не должны быть в обиде. Служба есть служба.

Начальник вообще был человек не злой, скорее просто глупый, но жить давал.

Они вышли на улицу ошарашенные, даже потрясенные, сжимая в кулаках щедро розданные майором папиросы — по три на брата. У каждого в душе колотилась сумасшедшая надежда, только комкор Погорелов желчно сказал:

— Рано радуетесь, зэки, как бы не загреметь всерьез и окончательно.

— Брось. Для этого самолетом не возят.

— Ну-ну, поглядим...

Примерно через час над рекой проревел моторами гидроплан, заходя против ветра, подрулил к причалу, и вскоре они все сидели на узкой алюминиевой скамейке внутри холодного и пустого фюзеляжа. По бокам — два конвоира с карабинами. Один из конвоиров всю дорогу ужасно трусил, кусал губы, потом его укачало, и он начал блевать, не выпуская из рук карабина и вытирая рот рукавом шинели.

Три часа выматывало душу тряской и гулом, наконец днище гидроплана заколотило на короткой и крутой амурской волне. Самолет уткнулся носом в пирс. «Черный ворон» доставил их не в тюрьму, как они привычно ждали, а на окружную таупвахту. В роскошной, по нынешним их понятиям, камере старшего комсостава они наконец расслабились.

Марков за дорогу передумал многое и, кажется, начал догадываться. Вошел капитан-начкар, сказал, что ужин будет через полчаса, и выдал на всех две пачки папирос «Норд». Это было совсем невероятно.

Погорелов, как самый старший, поделил курево, две оставшихся папиросы, прикурив, пустил по кругу.

— А теперь какие мнения будут? Амнистия?

— Нет, братцы, война. Большая война, — ответил Марков.

Рано утром их разбудили и вновь повезли. На военный аэродром, где выдали полушубки и погрузили в транспортный «ТБ-3».

— На Чукотку, что ли? — спросил Погорелов у бортмеханика.

— Чего ради? — удивился тот. — В Москву летим...

После двухсуточного, с несколькими посадками полета «черный ворон» вез их по Москве. От утомления и нервной перегрузки никто уже не мог разговаривать. Сквозь зарешеченное окошко под крышей Марков видел улицы, легковые машины, свободных и веселых людей. Еще не везде была снята первомайская праздничная иллюминация. Когда сворачивали с улицы Горького на Садовое кольцо, «ворон» притормозил, и со-

всем рядом Марков увидел стайку девушек в легких платьях, с голыми ногами... Он и забыл, что такое еще бывает на свете.

Ночь на гауптвахте МВО он не спал. Неужели все кончилось? Неужели скоро он выйдет на улицу без конвоя? Иначе привезли бы в тюрьму. А так вроде считают их военнослужащими.

С утра фантасмагория продолжилась. Снова баня. Парикмахерская. Завтрак по комсоставской норме. Вместо лагерного тряпья выдали командирскую форму. Хоть и полевую, хлопчатобумажную, хоть и без знаков различия. И новые хромовые сапоги.

Но никто ничего не объяснял. Замкнутые лица, сжатые губы, убегающие взгляды чекистов.

После каптерки их развели по одиночкам. Маркову досталась свежевыбеленная камера на пятом этаже. Дали еще папирос, теперь уже — «Казбек»! И свежую «Правду».

Марков взял газету, и в глаза бросилась черная рамка. «Берия Лаврентий Павлович. Генеральный комиссар госбезопасности... скоропостижно... верный сын...» — глаза выхватывали отдельные строчки. Когда его арестовывали, Берии еще не было, был Ежов. Про Берию он кое-что слышал. Уже в лагерях. Скончался первого... А все началось второго. Газета от третьего. Сегодня пятое. День печати. Почему дали именно эту газету? Не вчерашнюю, не сегодняшнюю, а эту?

Дверь щелкнула, вошел пожилой майор госбезопасности. Марков почти непроизвольно протянул ему газету и сказал:

— Соболезную...

Майор дернул щекой. Но не более. Сделал вид, что не услышал. Помолчал секунд двадцать, пристально глядя на Маркова. Тот напрягся.

— Жалобы, заявления, претензии есть? — спросил майор негромко. — Нет? Хорошо. Прошу вас приготовиться. В двадцать три часа вас примет товарищ Сталин.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Маркова провели через боковое крыльцо, по полутемной узкой лестнице; после короткого ожидания в небольшой комнате без окон сказали: «Входите», и он вошел в кабинет.

Сталин сидел в тени, за пределами светового круга. Лампа

под зеленым абажуром освещала только середину стола, где лежали какие-то бумаги.

Услышав, как скрипнула паркетная плитка, Сталин поднял голову. Стараясь, чтобы голос не дрогнул, Марков отрапортовал, с трудом убеждая себя, что все происходящее — правда, что он действительно стоит в кремлевском кабинете, а всего четыре дня назад был на Дальнем Востоке и ничего хорошего вообще уже не ждал от жизни, даже такой малости, как посылка, потому что и посылок слать ему было некому.

Сталин вышел из-за стола, сделал несколько шагов и остановился рядом. Одет он был так же, как пять лет назад, когда Марков видел его на выпуске Академии. Марков пожал протянутую руку, подчиняясь приглашающему жесту, подошел к столу для совещаний, где они оба сели.

— Как ваше здоровье, товарищ Марков? — спросил Сталин, негромко и без отчетливо выраженной интонации, как он говорил почти всегда. Но то, что он назвал Маркова товарищем, сразу поставило все на свои места. Комкор ощутил буквально физическое облегчение, будто сбросил с плеч пятипудовый мешок и разогнул наконец спину. А вместе с облегчением пришло ощущение независимости. Вопреки всему, что с ним было и что, строго говоря, отнюдь еще не кончилось. Но раз его назвали товарищем, он снова почувствовал себя обязанным подчиняться законам, дисциплине, присяге — долгу, как он его понимал, но не личной воле кого-то одного, произвольно взятого человека. Кем бы он ни был. Хоть и самим Сталиным.

Сталин и раньше представлялся ему великими именно как вождь великой партии и великой страны, а потребности искать в нем черты личного величия, гениальности Марков никогда не испытывал. Оттого, наверное, и загремел...

Он оказался с глазу на глаз с человеком, который причинил так много горя и несчастий не только ему лично, но и всей армии, всему народу: масштабы репрессий в лагерях были известны гораздо точнее, чем на воле. Своим обращением «товарищ» Сталин дал понять, что все обвинения сняты: что, скорее всего, Маркова снова возвращают в строй. И тем самым ему возвращается право вновь быть самим собой и держать себя так, как он считает должным.

— Спасибо, товарищ Сталин, здоровье пока в порядке.

— Это хорошо, здоровье вам понадобится. Лечиться сейчас некогда. — И вдруг спросил без перехода: — Наверно, обижены на нас?

Марков не захотел отвечать так, как хотел этого Сталин, но и не рискнул сказать правду. Уклонился от прямого ответа:

— Я всегда верил, что недоразумение будет исправлено. Рад, что не ошибся.

Сталин посмотрел на него пристально, с интересом даже, словно изучая экспонат из музея той давней истории, когда с ним еще не боялись говорить вот так, и спорить, и голосовать против, и доказывать его неправоту.

— Вы правильно делали, что верили, — тихо сказал Сталин. — Мы можем ошибаться. Мы тоже живые люди. Но ошибки надо уметь исправлять. Эту ошибку мы тоже исправляем. Надеюсь — почти вовремя. Вы посидели в тюрьме. Я тоже сидел с тюрьме. Но после тюрьмы я еще много успел...

«Да уж», — подумал Марков и еще подумал, что был прав: война очень близка.

— Личные просьбы у вас есть? — спросил Сталин, поднимаясь.

— Нет, товарищ Сталин. Прошу окончательно решить мой вопрос, и если можно — направить в войска.

— Хорошо. Мы подумаем, как вас использовать. До свидания, товарищ Марков. Думаю, вскоре мы с вами еще встретимся.

Марков хотел выйти в ту дверь, через которую вошел, но Сталин остановил его:

— Пройдите сюда. — И показал, куда именно.

В другой, большой, приемной его встретил человек, которого Марков раньше не видел. Лысый, коренастый, с серым лицом и в серой гимнастерке без знаков различия.

Человек оценивающе осмотрел Маркова, а тот не знал, что же ему теперь делать. Подумал даже, что вновь может появиться конвой, без конвоя он уже отвык передвигаться, но секретарь быстро сел за свой стол слева от двери, выдвинул ящик и выложил перед собой пухлый конверт из грубой коричневой бумаги с сургучными печатями по углам. Взрезал наискось.

— Получите, товарищ командарм второго ранга. — На стол из конверта выскользнули два ордена Красного Знамени, петлицы с четырьмя ромбами, удостоверение личности в сафьяновой обложке и толстые пачки денег. — Ордена ваши, петлицы и удостоверение новые, денежное довольствие — за шесть месяцев. Остальное, за весь срок, получите позже в кассе наркомата.

Марков взял в руки ордена, машинально глянул на номера. Действительно, ордена те же, что арестовавший его чекист по-

лось поскорее пройти по улицам Москвы, ощутить, что все происшедшее не сон, не бред, что он снова человек и снова не из последних.

Провел рукой по щеке. Даже побриться было нечем. Ну ничего, можно зайти в хорошую парикмахерскую. Бритье, стрижка, компресс, одеколон «Красный мак»... С дрожью отвращения он вспомнил лагерные парикмахерские с одной на всех грязной простыней и вонючим мылом.

Идя вверх по улице Горького, он заново переживал свою встречу со Сталиным. Теперь она удивляла его своей явной бесполезностью. Стоило ли приглашать к себе освобожденного из заключения, чтобы обменяться с ним парой ничего не значащих фраз? Впрочем, ему, может быть, просто требовалось взглянуть на Маркова. Все он о нем знал, и доносы прочел, и личное дело, и материалы «суда», а вот наяву не видел. И захотел составить мнение, перед тем как принять окончательное решение.

Вполне возможно. От такого человека, как Сталин, можно этого ждать.

За годы заключения Марков думал о нем, наверное, каждый день. Старался понять смысл происходящего в стране, понять, зачем Сталину потребовалось то, что он делал. Он не мог согласиться с товарищами по лагерю, которые убеждали себя и других, что Сталин ничего не знает, верит Ежову, Берии, еще кому-то. Сказочка про доброго царя и злых придворных на новый лад. Если бы Сталин ничего не знал, он заслуживал бы еще меньшего уважения. Какова цена вождю, который, полагаясь на чье-то слово, позволил ликвидировать практически все руководство армии, вплоть до полкового звена? На это не пошел бы даже идиот. Не попытавшись разобраться, не встретившись лично ни с кем из тех, кто был с ним рядом еще с дореволюционных времен... Поверить в это совершенно невозможно. Вон, Николай Первый сам контролировал все следствие по делу декабристов и счел возможным казнить только пятерых...

В конце концов, у вождя, уничтожающего собственную армию, должен быть хотя бы инстинкт самосохранения. Но если он не дурак, то кто?

Марков увидел на левой стороне улицы вывеску небольшой парикмахерской. Через окно было видно, что зал пуст.

В зале стояло три кресла, но парикмахер — только один. Женщина лет под пятьдесят с желтоватым утомленным лицом. Как-то рассеянно она накрыла его простыней, спросила:

— Что будем делать? Постричь, побрить?

— Делайте все сразу. — Прикрыв глаза, он вновь погрузился в свои мысли.

Женщина работала очень умело и аккуратно, и Марков, кажется, даже начал задремывать, когда вдруг услышал ее голос.

— Извините, товарищ командарм, вы оттуда?

— Что? — не совсем проснувшись, вскинул голову.

— Осторожнее, я могу вас поранить... Я спросила — вы недавно вернулись оттуда?

Марков внимательно посмотрел на ее отражение в зеркале и догадался, отчего у нее выражение постоянной тоски и усталости, нездоровый, болезненный цвет лица.

— А у вас что, там кто-то есть? — спросил он.

— Да, муж. Полковник Селиверстов. Он преподавал в Военно-политической академии. Арестовали в тридцать девятом, дали десять лет... Меня уволили с работы, хорошо хоть здесь держат. Мне показалось, что вы только что вернулись в Москву.

— Неужели так заметно? — удивился Марков.

— Мне — заметно. Когда целыми днями выстаиваешь в очередях в приемной НКВД, разговариваешь с людьми, становишься очень наблюдательной ко всему, что относится к этой стороне жизни.

— Что ж, вы правы. Только вчера вернулся.

— Разобрались, полностью оправдали?

— Похоже, да...

— Господи, — женщина беззвучно заплакала. — Неужели все кончится? И мой Иван Егорович тоже вернется? А у него язва желудка... — Она испуганно оглянулась, хотя в зале по-прежнему никого не было. — Вы знаете, когда сообщили о смерти Берии, я сразу подумала: что-то должно измениться, не может быть, чтобы не изменилось...

— Успокойтесь. Я совершенно уверен, что в ближайшие дни многое действительно изменится. И ваш муж тоже вернется.

Уходя, Марков кивнул ей и ободряюще улыбнулся. Через стекло увидел, что женщина снова плачет. Его появление, конечно, внушило ей некоторую надежду, но и расстроило, разбередило рану. Вот кто-то вышел и гуляет по Москве с ромбами и орденами, а ее муж сидит и, возможно, будет сидеть, и этот факт, наверное, угнетает еще больше, чем сознание, что все сидят...

Он впервые задумался, как будут складываться его отношения с людьми, как повлияет все происшедшее на дальнейшую жизнь и службу.

До обеда он бесцельно проходил по улицам, просто глядя новым, обострившимся взглядом на людей, новостройки, витрины магазинов.

При всем, что случилось с ним и тысячами ему подобных, жизнь продолжалась. Он не мог не отметить, что Москва похорошела, люди в массе выглядят довольными и веселыми, а в магазинах товаров гораздо больше, чем три года назад.

Почти непрерывно ему приходилось отвечать на приветствия встречных военнослужащих, и он ловил удивленные и заинтересованные взгляды. Командармы и в свое время не так часто попадались на улицах, их и было пятнадцать на всю Красную армию, а сейчас, год спустя, как ввели генеральские звания, командарм с двумя орденами Красного Знамени выглядел видением прошлого, о котором большинство старалось не вспоминать.

В центральном военторге Марков купил небольшой чемодан желтой тисненой кожи варшавского производства — трофей освободительного похода. У него не было ничего, никаких личных вещей, и пришлось приобрести многое, от бритвенного прибора и носовых платков до габардинового обмундирования и плаща. Ходить по Москве в плохо сшитом полевом х/б он не считал удобным в своем звании.

К часу дня он уже был в гостинице.

Звонок прозвучал около восьми часов вечера.

— Марков? — услышал он грубый бас порученца Сталина. — Спускайтесь вниз, за вами вышла машина.

Иосиф Виссарионович встретил Маркова почти по-дружески. И лицо его, и глаза выражали радушие, словно он был хозяином, принимающим дорогого гостя, а не главой партии и государства.

— Садитесь, товарищ Марков. Я вижу, вы уже освоились в своем новом положении? — Очевидно, Сталин имел в виду новую форму Маркова и вообще весь его подтянутый, даже щеголеватый вид.

— Стараюсь, товарищ Сталин, — ответил Марков, следя глазами за медленно прохаживающимся по кабинету хозяином.

— Это хорошо. У вас крепкая нервная система. Некоторые товарищи с похожей биографией сломались и сейчас ни на что не годятся. Хотя и оправданы полностью. А нам, старым большевикам, приходилось сидеть в тюрьмах и подольше... Я же сказал, садитесь, — и показал на ближайший стул. — Что бы вы

сказали, товарищ Марков, если бы мы предложили вам возглавить Генеральный штаб?

Марков, хоть и был подготовлен вчерашними словами Погорелова, все же несколько опешил.

— Не знаю, товарищ Сталин, не думал об этом. Я, вообще говоря, войсковик. И кроме того... несколько отстал, по-моему.

— Это не очень страшно. В курс дела вы войдете быстро. А отсиживаться на маленькой и спокойной должности сейчас не время. Главное, чтобы у вас сохранились те качества, которые отмечали многие авторитетные товарищи. Сейчас это особенно важно. Армия перевооружается, меняются уставы, и способность нешаблонно мыслить, принимать быстрые и обоснованные решения важнее, чем многое другое.

«Это он про тех, казненных, говорит: авторитетные товарищи...» — подумал Марков и увидел, что перед Сталиным лежат его старые аттестации, среди них, конечно, и те, что подписывали и Уборевич, и Егоров, и Каширин...

— Вы имели возможность следить за ходом войны в Европе? — продолжал Сталин. — В чем, на ваш взгляд, главная особенность немецкой стратегии сегодня?

— Применение массированных подвижных соединений, быстрый прорыв обороны противника и развитие наступления на всю глубину стратегического развертывания.

— А как вы считаете, если Гитлер все-таки нападет на нас, сколько времени пройдет от начала войны до ввода в действие его главных сил?

— Я, товарищ Сталин, не имею необходимых данных... но могу предположить, что это произойдет на первые-вторые сутки.

— Значит, опыт Первой мировой войны нам не пригодится? И мы не будем иметь времени на проведение мобилизации?

— Считаю, что нет, товарищ Сталин...

Наступила пауза. Сталин пристально смотрел на Маркова, прямо ему в глаза. И тому показалось, что его затягивает взгляд желтых, тигриных глаз. И вот Сталин медленно произнес длинную непонятную фразу.

...Мгла перед глазами рассеялась. Совсем рядом с собой Берестин увидел Сталина. Такого же, как на фотографиях, портретах и в кинофильмах, но и не совсем такого. Живой человек отличается от своих изображений массой подробностей.

«Получилось, значит», — подумал он. И тут же осознал себя не только Алексеем Берестиным, но и Сергеем Марковым то-

же. Вернее, не осознал, а вспомнил все, что составляло личность Маркова, все, что с ним было, вплоть до последних слов Сталина, которые были акустической формулой включения психоматрицы.

— Ну здравствуйте, товарищ Сталин... — произнес он, прислушиваясь к звучанию чужого голоса. — Как ты тут обжился?

— Нормально, — улыбнулся Сталин, и это выглядело довольно странно, если не сказать — дико: новиковская улыбка на совсем не приспособленном для нее лице. — Хоть и тоскливо черт знает как... В город тянет выйти, по улицам походить, а нельзя.

— Да, тебе не позавидуешь. Зато — положение! Но дай я посмотрю, как мой Марков выглядит. У тебя тут зеркало есть?

— Пройди вон туда, — Новиков показал незаметную дверь за портьерой.

То, что увидел Берестин в зеркале, ему понравилось. Молодой еще человек с правильными и мужественными чертами лица. Скулы, конечно, чересчур выдаются, обтянутые сухой шелушащейся кожей со следами морозных ожогов. Глаза запавшие, настороженные — видно, что досталось ему крепко, но ни страха, ни забитости не чувствуется, скорее непреклонность и жестокая воля. Неординарный мужчина. Да и по внутренним ощущениям ничего. А если что в организме не в порядке после лагеря, так с новой матрицей тело Маркова регенерирует до генетического оптимума за два-три дня.

Новиков подтвердил, что, попав в тело Сталина, вначале чувствовал себя отвратительно, а теперь готов кросс бегать.

— Да, вот смотри. — Андрей присел и левой рукой, которая у Сталина была полупарализована, поднял тяжелый стул за переднюю ножку, подкинул вверх, поймал и снова поставил. — Видал? Вот то-то... Одно плохо: рост. До сих пор кажется, что хожу, присев на корточки. Знаешь, командарм, сейчас мы поедем ко мне на дачу, там я тебя подробно введу в курс. Заодно и поужинаем.

В салоне длинного «ЗИС-101», за поднятой стеклянной стенкой, в полутьме, озаряемой вспышками папирос и уличными фонарями, Новиков короткими штрихами изображал общую ситуацию. Он провел в сорок первом году больше недели и кое-что успел.

Если не смотреть на собеседника, а в окно, на мелькающие по сторонам картинки ночных улиц, было полное впечатление, что говорит настоящий Новиков: его манера, интонация, лек-

сика, даже акцент исчез, но если повернуться... Сцена самодеятельного спектакля, где актер не в силах справиться с образом. Берестин предпочел снова отвернуться к окну. Машина сворачивала с улицы Горького на Садовое. Только вчера его везли здесь в «черном вороне», а теперь вон как. Да нет, впрочем, не его, а только Маркова.

Сталин никогда не ездил этой дорогой, и шофера, наверное, удивляла внезапно прорезавшаяся страсть вождя к ночным автопрогулкам. Она же приводила в отчаяние управление охраны. Каждую ночь Сталин по пути на ближайшую дачу час-полтора приказывал крутить по улицам и неотрывно смотрел в окно. Андрею невыносимо хотелось как-нибудь и самому сесть за руль мощной машины в стиле ретро, но... Это Брежнев себе такое мог позволить.

Берестин смотрел на Москву, и в нем переплетались и путались четыре ощущения: он помнил эти места своей памятью восемьдесят четвертого года и шестьдесят шестого, когда провел здесь день по поручению Ирины, а Марков, наоборот, вспомнил эти же места с позиций тридцать восьмого года, и оба жадно впитывали майскую ночь сорок первого.

— Как только немного пришел в себя, — продолжал рассказывать Новиков, — вызвал я к себе Берию. «Лаврентий, — говорю, — прикажи там, чтобы доставили мне списки на всех из старшего комсостава, кто еще жив, и полностью дела на всех комкоров и выше». — «Зачем тебе это, Коба?» — спрашивает по-грузински. Мы с ним, оказывается, на такие темы всегда по-грузински разговаривали. «Есть у меня сомнение, — отвечаю. — Вдруг ошибка вышла. Не тех посадили и не с теми остались». — «Ну и что? — отвечает мой друг Лаврентий. — Если даже и ошиблись кое-где, это ерунда. Люди в принципе все одинаковые, и если бы сейчас Блюхер был здесь, а Тимошенко там, никто бы и не заметил». Начинаю я раздражаться. Внутренне. Потому что раньше я про этого Лаврентия анекдоты рассказывал из известного цикла, да вот еще в пятьдесят третьем помню, в пионерлагере ребята портрет со стены содрали и весь день над ним измывались, пока вечером не сожгли. Такие вот у нас с ним до этого отношения были, а тут он мне возражать вздумал. Хозяин же, напротив, знает его вдоль и поперек, и получается у нас некоторая равнодействующая в мыслях. Словно бы я начинаю понимать, что Лаврентий парень ничего. Хам, конечно, сволочь местами, но фигура вполне нужная и для нашего дела незаменимая. Я делаю над собой усилие, загоняю

Иосифа Виссарионовича в подсознание к нему же и говорю: «Не прав ты, Лаврентий. Вот сидел бы передо мной сейчас, скажем, Фриновский или Берзинь, а ты — лес пилил. Как, по-твоему?» — «Не нравится мне такой разговор», — отвечает Берия. Я заканчиваю беседу, еще раз напоминаю, чтоб списки и дела были, и уже у порога задерживаю его. Не смог удержаться. «Послушай, — говорю, — Лаврентий, а мне Вячеслав говорил, что ты еврей...» — и дальше все по анекдоту. Цирк, одним словом.

Берестин представил эту сцену и рассмеялся.

— Знаешь, командарм, я, наверное, все анекдоты постепенно в дело введу, пусть потом разбираются, где причина и где следствие... — отвлекся на мгновение от повествования Новиков. Машина проезжала мимо Курского вокзала, по тускло освещенной площади, и был он совсем не похож на тот, что стоит здесь в конце века, но до боли знаком по временам ранней юности. Андрей впервые уезжал с этого вокзала на юг с родителями в шестьдесят первом году, году XXII съезда, когда Сталин лежал еще в мавзолее, и он видел его там, а сейчас — носит ту самую оболочку, что лежала под хрустальным колпаком... Было в этом нечто настолько запредельное, что Новиков передернул плечами.

— Послушай, вождь, — прервал его мысли Берестин, — может, выпишешь, пока не поздно, контейнер сигарет из Штатов? А то война начнется, так и будем до начала ленд-лиза на папиросах сидеть, а у меня от них язык щиплет...

Видели бы товарищи по лагерю, с кем комкор Марков катается по Москве в одной машине и что при этом говорит.

И настолько сильным был всплеск эмоций Маркова, что и Берестин почувствовал острое желание, чтобы все, с кем он вместе сидел, и все другие во всех лагерях, сколько их есть, как можно быстрее вернулись обратно — не только потому, что они нужны, а просто из пронзительного сочувствия к ним.

— Андрей, нужно завтра же подписать указ об исключении из кодекса пятьдесят восьмой статьи и полной амнистии всех, кто по ней сидит.

— Думал я уже... Сразу вряд ли выйдет. Надо поэтапно. Сначала высший состав, через пару недель остальных военных, потом гражданских... Иначе у нас дороги захлебнутся. А по ним войска возить. Так слушай дальше...

Машина завершила круг по кольцу и рванула по прямой в сторону кунцевской дачи.

— Посмотрел я дела, — продолжал Новиков, — и решил, что

лучше Маркова не найти. Из тех, кто остался. Сталин на него тогда еще виды имел, отчего и в звании повысил, когда других к стенке ставил. Но передумал. Даже не передумал, как мне сейчас кажется, а тень сомнения высказал. Ежовской братии того оказалось достаточно, и сомнения подкрепили, и материальчик наскребли. И поехал Сергей Петрович совсем в другие места.

— Вот так и делалось? — поразился Берестин. — Я все же считал, что какая-то логика во всем этом была...

— Поначалу — да! Первые заходы мой И.В. действительно долго обдумывал, просчитывал... К Тухачевскому у него «претензии» еще с польской кампании были. Другие тоже мешали спокойно жить и править, претендовали на право «свое суждение иметь». А уж дальше понеслось... Как бог на душу положит. Иногда по принципу «нам умные не надобны», иногда вообще черт знает. Старался я разобраться в его побуждениях, но получается слабо.

Новиков замолчал, по-сталински пыхнул трубкой раз, другой, однако дым проходил через мундштук слабо и был неприятно резок. Он раздраженно бросил ее в пепельницу.

— Нет, но объяснил, что все это было? Переворот? — Берестину отчего-то важнее всего казалось сейчас услышать из сталинских уст правду или, вернее, его собственную трактовку того, что он совершил со страной, с народом, да и со всем миром...

— Да, переворот. Как же иначе? Уничтожение системы государственной власти, разгром партии, физическое уничтожение ЦКК, Верховного Совета, аппарата управления... Пиночет какой-нибудь в тысячи раз меньше людей и структур ликвидировал, а сомнения ни у кого его акция не вызвала. А всего-то делов, что Сталин старую фразеологию оставил. А детали... Я кое-что набрасываю сейчас для памяти, однако много еще не понимаю. Столько крови и грязи, что просто оторопь берет... Боюсь, и в наше время этого не расскажешь.

Андрей замолчал, а Берестин подумал, что не к месту завел разговор, который тяжело дается Новикову, несмотря на его всегдашнее хладнокровие и легкость характера. А может, это сталинское подсознание бунтует, не хочет тайнами делиться?

— Однако я тебе про Берию недосказал... Значит, после обеда все разъехались, он остался. Мы еще поговорили на разные практические темы. Я еще решения окончательного не принял, а Сталин мне уже подсказывает, как такие вещи делаются. Личности-то у него нет, а навыки остались, и раз я задачу себе задаю, его подкорка мне тут же автоматический ответ... Вышел

я в кабинет, позвонил куда следует. А мы с ним в столовой сидели. «Давай, — говорю, — Лаврентий, выпьем еще понемногу. «Хванчкара» больно удачная попалась. Кто знает, когда еще попробовать придется». Чутье у него, конечно, звериное. Опять же опыт. А поскольку голова у него только в одну сторону работать способна, начинает он мне закидывать, какая обстановка тяжелая, враг, мол, не дремлет. Есть, говорит, у него материал еще на одну большую группу военных — Смушкевич, Штерн и так далее, он уже начал меры принимать, через неделю-другую все будет в порядке.

Мне даже легче на душе стало. Слушаю, поддакиваю, смотрю в лицо его круглое, глазки за стеклами поросячьи, но словно поросенок не просто так, а бешеный или вообще оборотень, и так мне интересно стало, как он себя поведет, когда его — к стенке. Но понимаю, что это скорее Сталину интересно, а не мне... Снова я вышел из столовой. Ребята уже подъехали. Верные, сталинские ребята. Им что Берия, что Калинин с Буденным. Майор у них старший, такой, знаешь, паренек сухощавый, симпатичный даже, но смотреть на него неприятно. Даже страшно вообразить, что есть у него нормальная жизнь, что с кем-то общается, выпивает или там с женщинами... Проще представить, что вне функции его просто выключают и ставят в шкаф до случая. Я его папиросой угостил, в двух словах объяснил задачу. В технические детали не вдавался, он их лучше меня знает. «Есть, — говорит, — товарищ Сталин». Честь отдал, повернулся и вышел, папиросу на улице докуривать. Ну и все, в общем. Попрощался я с Лаврентием, по плечу похлопал, а потом стал у окна за шторку и смотрел, как его на крыльце под руки взяли. Он и не вырывался, только шею выворачивал, на окна смотрел — знал ведь, что я где-то. Крикнуть хотел, но ему не дали. И потом Лаврентия Павловича я только в гробу увидел. Лицо было спокойное, словно и вправду во сне умер.

Берестин дослушал рассказ. Говорить ничего не хотелось. Средневековье какое-то, двор Цезаря Борджиа.

На ближней даче их уже ждал ужин — не такой уж скромный, как принято было писать в романах из жизни вождя, и напитки имелись, за которыми просидели до багровой рассветной полоски над лесом, то обмениваясь своими ощущениями, то набрасывая планы ближайших мероприятий по всем аспектам грядущей войны. Новиков уже успел поставить перед Жу-

ковым, Тимошенко и Шапошниковым задачи, полностью меняющие принятую военную доктрину, и завтра решил представить им Маркова как нового командующего Западным округом.

— Так что на Запад поедешь. Эх, Леша, хорошо тебе — жить можешь, как человек, а я... Кремлевский затворник, — с внезапной тоской сказал Новиков.

— Ну чего ты вдруг гайки отдавать начал? Нагуляемся, когда домой вернемся... Слушай, — загорелся неожиданно Берестин, — а почему тебе не начать ломать стереотипы? Кремль открой, балы, приемы устраивай, начинай выезжать, на фронтах бывай лично... В Касабланку сгоняй, если и здесь позовут союзнички. Авторитет поднимешь на небывалую высоту. А соратников стесняешься — разгони их всех. Молотова послом отправь в Берлин. Кагановича — директором метро его имени, Буденного — инспектором кавалерии в ТуркВО, и так далее, а себя, как Кеннеди, окружи учеными и поэтами... Вообще переставь все вверх ногами, чтобы, когда уйдем, здесь обратного хода не было.

Берестин, в восторге от своих планов, начал рисовать впечатляющие картины политического и духовного ренессанса, будто забыв о войне, до которой оставалось всего сорок семь дней.

— Подумать надо, — соглашался с ним Новиков. — Как оно пойдет. Только знаешь, какая ерунда получается? Вот ты говоришь — езжай в Касабланку, а я уже думаю: вдруг что-нибудь со мной в дороге случится? И из-за такой мелочи все рухнет. Кто, кроме меня, знает все на полста лет вперед, кто имеет такую волю и авторитет? Этот гений в квадрате — и вдруг его не станет?

Берестин захохотал.

— Ну все, готов Андрюха! Быстро же он тебя! Ты смотри, а то и вправду возомнишь. Меня ликвидируешь на всякий случай и начнешь вершить судьбы мира единолично. Силен в тебе хозяин...

— Да нет, просто способ мышления тебе демонстрирую. А в принципе, тебе, конечно, легче: Макаров твой — парень что надо. Звони мне почаще — исповедоваться, что ли, буду, чтобы среда не задавила...

В глазах и в голосе Новикова мелькнула не снятая вином и шутками тревога. Действительно, как образуется взаимодействие между личностями? И что в конце концов победит? Не

слишком ли опрометчиво кинулись они в сию авантюру? Но ведь выбора все равно не было.

— Давай, Андрей, пока дела не завертели, еще раз прикинем, какой в нашей деятельности... — заговорил Берестин, — реальный смысл.

— Вроде бы обговорено сто раз. Если мы в истинном прошлом находимся, так представляешь, что будет, если мы без тогдашних потерь победим? И культа не будет, и ошибок всех, что были...

— Представляю, только где и как мы с тобой жить станем, если вернемся?

— Ну вот... То я Альбу успокаивал, а теперь надо и тебя. Если правду хочешь знать, не верю я, что мы на своей линии находимся. Не верю, и все. Должны быть альтернативные миры... Но жить здесь надо так, будто все по правде. Кто-то должен восстановить историческую справедливость. Вот пусть — мы!

Берестин вышел в сад. Чуть-чуть рассвело, и неподвижный воздух был весь пропитан тишиной, запахами сырой земли, прошлогодних прелых листьев, свежей зелени.

Если повернуться лицом к востоку, тогда не видны ворота и караульная будка, а только густые темные заросли и багровые отсветы зари на серовато-синих тучах. Красиво и тревожно, при желании можно этот сумрачный рассвет истолковать символически.

Берестин впервые не отстраненно-рассудочно, а эмоционально понял и поверил, что вокруг действительно весна сорок первого года, и все, что должно случиться, — еще впереди. С самого раннего детства, с первых книг и фильмов о войне и до сего дня лето этого года постоянно жило в нем как неутихающая, болезненная ссадина в душе. Не только пониманием тяжести вынесенных страной и народом испытаний, миллионами напрасных жертв, ощущением того страшного края, на который вынесло державу. Нет, была еще одна сторона в стратегической странице книги судеб, необъяснимая необязательность всего тогда случившегося.

Есть события, железно детерминированные, которые наступают неуклонно и неизбежно, почти что независимо от желаний и дел людских. Вроде как начало Первой мировой или поражение Японии во Второй. Здесь все было не так. А скорее — как на шахматной доске, когда чемпион мира делает ход необъ-

яснимо слабый, даже для любителя очевидно проигрышный, теряет корону, и всем остается только гадать, почему оказался возможным такой грубейший зевок. Так и здесь. До последнего дня сохранилась возможность сыграть правильно. В разработках теоретиков содержались все варианты действий, позволявших отразить и сокрушить агрессора. И все делалось как раз наоборот. Если русско-японская война на море была проиграна из-за рокового стечения нелепых случайностей, то здесь даже на случайности нельзя сослаться. Кое-кто пишет теперь, что легко, мол, судить из будущего, когда все уже известно и рассекречено, а вот тогда... Наивное оправдание, извинительное лишь тем, что старые люди ощущают собственную долю вины и, стремясь подавить в себе это чувство, хотят доказать, что допущенные просчеты были закономерны и неизбежны. В чем же тогда назначение политика и полководца, как не в том, чтобы проникнуть в замысел врага, чтобы найти ход, ведущий к победе? И ведь через пару лет это уже в большинстве случаев удавалось.

А теперь Берестину с Новиковым придется на практике выяснить, можно ли что-нибудь сделать за полтора оставшихся месяца. Если ко всем возможностям, что тогда существовали, прибавить самую малость: здравый смысл и знание хода истории на сорок лет вперед. Впрочем, откуда такая цифра — сорок? Месяца на два-три, пожалуй. А потом начнутся такие расхождения, что конкретные знания будут ни к чему.

Правда, останется знание техники и военной науки, понимание логики развития событий... например, Алексей ясно помнил все, что относилось к созданию бомбы и у нас, и у американцев. Достаточно, чтобы помочь Курчатову и сэкономить лет пять-шесть, если возникнет такая необходимость. Но еще проще он мог бы сорвать Манхэттенский проект и вообще исключить ядерное оружие из реальностей данного мира.

Вот тут Берестин вообразил, что Новиков-то, пожалуй, прав: удивительно глупо было бы погибнуть от нелепой случайности, лишив этот мир своего присутствия. И все те беды и несчастья, которые он в состоянии предотвратить, обрушатся на человечество. А отсюда вытекает, что если он, Берестин, прав в своих рассуждениях, то прав был и тот, реальный, Сталин. Будучи неопровержимо уверен в своей гениальности, он не мог не прийти к мысли о своей особой ценности для истории. Если с ним произойдет несчастье, он не сможет осуществить своего пред-

назначения, а раз так — оправданно все, что ему во благо, и подлежит уничтожению все, стоящее на его пути.

Единственная разница — Берестин и Новиков владели сейчас истиной объективной, Сталин же — лишь субъективной. Но с точки зрения экзистенциализма — никакой разницы нет.

Увлекшись этими философскими построениями, Берестин не заметил, как забрел в самый глухой угол сада. Все здесь было словно декорация в «Сказке о спящей царевне». Полуразвалившийся фонтан, потрескавшиеся и проросшие травой асфальтовые дорожки, бузина, буйно захватившая некогда ухоженные клумбы. Внизу — темная, смутно шелестящая зелень, вверху — пасмурное небо, через которое так и не смогло пробиться солнце. Будто ожившая картина в стиле художников «Мира искусств»... Алексей залюбовался ею, присел на край фонтана. Потом рывком поднялся. «Изящно, но маловато исторического оптимизма...» — сказал он вслух.

...В приемной кремлевского кабинета Сталина уже ждали вызванные Поскребышевым Тимошенко, Шапошников, Жуков. Все они были давно знакомы с Марковым, все знали, где Марков должен был сейчас находиться, и его появление рядом со Сталиным их поразило. Но только лишь более крепкие, чем обычно, рукопожатия выдали их реакцию. Впрочем, появление Маркова-командарма (а все его помнили комкором) вызвало у присутствующих не просто радость за товарища. Факт мгновенного возвращения и даже взлета вычеркнутого из жизни Маркова, самого, кстати, молодого из них, наводил на размышления. Это могло быть — в особенности на фоне скоропостижной кончины Берии — знаком меняющейся государственной и кадровой политики.

Три дня назад Сталин дал им задание представить ему план действий на случай внезапной агрессии фашистской Германии, теоретически возможной в первой половине июня. С одной стороны, такое задание выглядело как дальнейшее развитие зимней военной игры, в которой Жуков, командуя синими, наголову разгромил красных во главе с Павловым. С другой — не стоило исключать вероятности, что Сталин изменил точку зрения на перспективы развития советско-германских отношений, и все предыдущие установки уже потеряли силу. Ошибаться тут было нельзя, ошибка в прогнозах могла обойтись дорого. А тут еще Марков, раскованный, почти веселый.

— Есть мнение, — сказал Сталин, когда все заняли свои мес-

та, — назначить товарища Маркова командующим Западным военным округом.

Такое выражение означало, что вопрос им решен и от присутствующих требуется принять его к сведению.

Все трое обменялись мгновенными взглядами, означавшими одно и то же. Конечно, они знали Маркова как способного, даже талантливого командира, но три года в заключении чего-нибудь да значат. И менять командующего, хоть и на гения, конечно, на самом пороге большой войны — не самое лучшее решение.

— А с Павловым что? — вырвалось у Тимошенко.

— А товарищу Павлову мы дадим работу, более соответствующую его способностям, — усмехнулся Сталин. — Он же у нас танкист... — И тут же, без паузы, перешел к делу, ради которого их собрал. — Я познакомился с планом. Мне кажется, товарищи не совсем поняли, что от них требуется. Я думал, три таких выдающихся военачальника создадут документ исключительной силы, чтобы ни прибавить, ни убавить было нечего. Нам не нужно повторять наши же благие пожелания. Ускорить, усилить, признать необходимым... Это не те слова. Вы писали для товарища Сталина. Как он к этому отнесется, понравится ему или нет. А сейчас нет времени играть в игры. Если мы думали, что оно у нас есть, мы ошибались.

В устах Сталина такие слова звучали невероятно. По крайней мере, никто из присутствующих, исключая, конечно, Маркова, ничего подобного не слышал.

— Да, это наш просчет. Не будем сейчас вдаваться в анализ, кто больше виноват, это непринципиально. Сейчас следует искать путь, который нас выведет из очень... неприятного положения. У нас есть полтора месяца. До пятнадцатого июня максимум. Вы готовы к войне, товарищ Тимошенко?

Нарком обороны Тимошенко под взглядом Сталина рывком поднялся.

— Сидите, товарищ Тимошенко. Я вас слушаю.

Маршал был поражен не столько критикой в адрес их плана и не тем даже, что война, по словам Сталина, так близка, а тем, словно говорил не Сталин, а совсем другой человек. Конечно, Тимошенко не мог и вообразить, как близок оказался к истине.

— Товарищ Сталин! Вы знаете, что мы уже год делаем все, чтобы подготовиться к отражению агрессии. — Он начал перечислять все, что делалось и намечалось.

— Не надо нам этого рассказывать. Мы это знаем не хуже вас. Скажите откровенно, как будто здесь нет товарища Стали-

на, как вы видите развитие событий, если немцы нанесут внезапный удар всеми силами? Сколько у них там сил?

— По нашим данным — около восьмидесяти дивизий...

— Рекомендую вам это число удвоить. Тем более что немецкая дивизия полного состава на тридцать процентов больше нашей, а у нас далеко не все дивизии укомплектованы по штату... Правильно, товарищ Жуков?

— Так точно, не все.

— Вот товарищ Жуков однажды разгромил Павлова при равном соотношении сил. Возможно, Марков будет удачливее Павлова? Вы на это надеетесь? Не стоит. Марков действительно способнее Павлова, но этого мало. Мы с вами, кажется, готовимся еще к одному Халхин-Голу. А будет совсем другая война. Короче... — прервал он сам себя, зажег спичку и старательно раскурил трубку. — Короче, план нужно переписать. Весь. Пусть будет короткий и ясный документ. И перестаньте думать категориями мирного времени. Если мы сейчас начнем прикидывать, как о наших действиях подумают там-то и там-то, если станем считать, во сколько рублей обойдется каждое мероприятие — позже придется платить совсем другую цену. Кровью наших людей будем платить, землей нашей будем платить...

Берестин смотрел на говорящего эти слова и думал, что сейчас Сталин выглядит как раз таким, каким его воображали себе миллионы советских людей, искренне считавших его гением, мудрым и заботливым вождем, который во все вникает и всегда знает единственно верное решение. Если бы он на самом деле был таким...

— Нужно написать так. — Он начал диктовать. — В течение мая месяца провести скрытую мобилизацию сил и средств для отражения массированной агрессии фашистской Германии. Основные войска вторых эшелонов развернуть на линии укреплений старой границы. Срочно привести оборонительные сооружения в боеспособное состояние, для чего создать специальное полевое управление во главе с генерал-лейтенантом Карбышевым. Для проведения работ использовать войска вторых эшелонов всех приграничных округов и вновь направляемые на Запад соединения. Произвести досрочный выпуск военных училищ без экзаменов. Выпускников использовать для доукомплектования имеющихся и формирования новых частей и соединений. Направить для участия в подготовке линии обороны слушателей старших курсов всех военных академий. В течение двух недель провести мобилизацию всех командиров запаса и

младших командиров, проходивших действительную военную службу в период тридцать пятого — сорокового годов. Использовать их для подготовки районов формирования новых подразделений. По объявлении всеобщей мобилизации в первую очередь призвать лиц, проходивших действительную военную службу в строевых подразделениях после тридцатого года. — Сталин прекратил диктовать и пояснил: — Но не нужно сразу призывать слишком много людей. Лучше мы призовем треть подлежащих мобилизации, но это будут готовые к бою солдаты...

Все непроизвольно коротко переглянулись, так как сразу заметили слово «солдаты», которое Сталин употребил впервые после революции — и на два года раньше, чем это случилось в реальной истории.

— Может быть, нам вообще не придется призывать всех. Воюют не числом, а умением, — снова усмехнулся Сталин. — Но об этом мы еще успеем подумать. Дальше. Для подготовки линии обороны по старой границе использовать специалистов, не занятых в оборонной промышленности, и технику, имеющуюся в народном хозяйстве. Я имею в виду, например, метрострой... Для вооружения дотов использовать артиллерию флота, в том числе предназначенную для строящихся кораблей и с устаревших судов. Морских сражений может и не быть, а вот если не удержим границу... Отвести на линию дотов всю тяжелую артиллерию округов, не имеющую механической тяги. Изъять со складов наличные запасы пулеметов, в том числе трофейные, к которым имеются боеприпасы, для вооружения временных огневых точек. Провести в приграничной полосе скрытую подготовку к широкому использованию минно-взрывных заграждений и лесных завалов на танкоопасных направлениях. Отвести за линию старой границы танковые части, не полностью укомплектованные техникой и вооруженные танками старых образцов. Неисправные танки и танки, выработавшие моторесурс, использовать как неподвижные огневые точки в промежутках между дотами. С учетом указанных требований произвести переформирование соединений первого эшелона. Возложить на них задачу упорными оборонительными боями обеспечить стабилизацию фронта по линии старой границы. Территорию Западной Украины и Западной Белоруссии считать стратегическим предпольем. Рассредоточить авиацию на полевых аэродромах, к концу мая привести ее в состояние полной боеготовности. Заблаговременно определить цели и задачи авиации на период приграничного сражения и спланировать тесное взаимодействие с сухопутными

войсками. Вывести за старую границу все имеющиеся склады армейского и окружного подчинения. С корпусных и дивизионных складов все имущество раздать в войска из расчета двух-трехнедельных автономных действий. Обеспечить полную секретность всех проводимых мероприятий и разработать меры тактической, стратегической и дипломатической дезинформации противника. — Он сделал паузу. — В течение десяти суток после начала войны развернуть за счет войск вторых стратегических эшелонов и вновь формируемых соединений Резервный фронт по линии Псков — Витебск — Могилев — Гомель — Киев — Одесса. В Прибалтике после отхода от границы обеспечить безусловное удержание линии Любава — Рига — Даугавпилс. — Вновь небольшая пауза. — Главной задачей флота считать безусловное господство на Черном море; на Балтике — не допустить прорыва вражеского флота в Рижский и Финский заливы, сохранить за собой Ханко и Моонзундский архипелаг. — Сталин замолчал, пососал погасшую трубку, положил ее в тяжелую хрустальную пепельницу и взял папиросу. — Вот что должно быть отражено в документе. Я, конечно, многое упустил и не все сказал. Даю вам сутки на подготовку грамотного во всех отношениях проекта. Развить, детализировать, указать номера соединений, ответственных лиц, сроки. Чтобы легче было работать, не задумывайтесь о технической стороне плана. Исполнение его мы обеспечим.

Сталин подошел к сейфу, достал оттуда большую карту. На ней Марков рано утром нанес расположение немецких войск на двадцать первое июня. На полях были аккуратно выписаны номера дивизий, корпусов и армий, количество танков, артиллерии и самолетов. Развернул карту на столе и похлопал ладонью.

— Может быть, было бы правильней, если бы вы мне показали такую карту, товарищ Жуков. Вам подготовлено помещение здесь, в Кремле. Завтра в это время жду ваших предложений. Еще раз советую принять следующую вводную: территорию бывших Западных Украины и Белоруссии мы удержать не сможем. Будем сражаться за каждую удобную позицию и медленно отходить. Главное — заставить противника потерять темп, ввести в бой оперативные и по возможности стратегические резервы. Любой ценой выиграть время. Любой! Изобретайте новую тактику, вспоминайте опыт Первой мировой, что хотите, но на три хотя бы недели немцев надо удержать перед старой границей. И не бойтесь товарища Сталина, если он будет вас критиковать, у него такая должность. Хуже того, что вам

могут сделать немцы, он вам не сделает... Можете идти. Товарищ Марков, задержитесь...

Они остались одни. Новиков, забыв привычки Сталина, отдернул глухую кремовую штору, открыл окно, нервно курил, глядя в темный и пустой внутренний дворик.

— Ну как? — наконец спросил он.

— Лихо! Я прямо обалдел. Представляю себе самочувствие товарищей... Кино!

— Слушай, а может, действительно кино? Играем, дураки, а те — смотрят, любуются и ставят галочки в журнал наблюдений.

— Было уже. И я так думал, а особенно Воронцов. Это у тебя с непривычки. Пусть хоть десять, хоть один процент за то, что все на самом деле, я буду играть.

— Ну ладно, идите, товарищ Марков, — сказал Сталин, и тут же Новиков спохватился: — Ты смотри, только чуть отвлечешься — и пожалуйста...

Берестин усмехнулся.

— Ничего, так не страшно. Ты смотри в другую сторону не ошибись.

— Да... Хорошо, ты действительно иди к ним, а я тут вооруженцев вызвал. Воодушевлю и идей накидаю. И еще. Я приказал под Москвой создать лагерь... тьфу, черт, лагерем-то нельзя называть, ну, в общем, учебно-тренировочную базу санаторного типа для оздоровления и переподготовки освобождаемого из заключения комсостава.

— И большая база получается?

— Большая, но меньше, чем хотелось бы. Нам бы с тридцать шестого года сюда попасть.

— С тридцать шестого не выдержали бы. Мы же с тобой дилетанты, как ни крути. Спринтеры. Про себя не знаю, а тебя Сталин рано или поздно стопчет... Извини, если не так сказал.

— Ладно, иди... — махнул рукой Новиков. — До завтра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда дверь отведенного им кабинета закрылась и полководцы остались одни, какое-то время они молчали, не глядя друг на друга. Поворот, происшедший не только в стратегической концепции, но и в самой личности Сталина, в его манере разгово-

ра, даже в стиле мышления был настолько разителен, что требовал серьезного осмысления. У Сталина и раньше бывали смены настроения, и смены политической линии тоже, но был сейчас штрих, который сразу заметил Шапошников, ощутил Жуков и не понял только Тимошенко: все предыдущие политические эволюции Сталина так или иначе вели к усилению его личной власти и сопровождались безудержным воспеванием прозорливости и дальновидности вождя. Теперь же он начал с признания своих ошибок.

Но, в любом случае, надо выполнять приказ и ждать развития событий. А события надвигались явно грозные.

Жуков испытывал тайную радость от того, что Сталин так недвусмысленно признал его правоту и наконец развязал ему руки, сняв с души невыносимую тяжесть собственного бессилия.

Шапошников, как теоретик по преимуществу, не отвлекаясь на детали, пытался на ходу выстроить наметки новой теории начального периода войны — теории, свободной от догматического и бессмысленного лозунга «Малой кровью, на чужой территории». Особенно бессмысленного после разгрома Франции и Дюнкеркской катастрофы англичан. Царская Россия, чья армия была гораздо лучше готова к войне, чем нынешняя Красная армия, едва-едва удерживала германский фронт при том, что больше половины вражеских сил отвлекали союзники. Отказ от нереалистической военной доктрины позволит сохранить силы до более благоприятных времен.

Тимошенко же, как нарком обороны, думал о реальном. Если в течение летне-осенней кампании удастся удержать фронт по старой границе — это уже будет крупный успех. Но войска неукомплектованы наполовину, формирование мехкорпусов в самом начале, техники для них нет, соединения и части первых эшелонов вытянуты в нитку, на дивизию приходится по семьдесят-сто километров...

Вошел Марков, и все повернулись к нему с такими лицами, словно то, что они видели у Сталина, еще никак не подтверждало факт его возвращения и только теперь появилась возможность рассмотреть командарма и убедиться, что это действительно он, и он жив и здоров.

Но прямого вопроса задать не решился никто. Обменялись несколькими фразами общего характера — и все. Берестин их понимал.

— Так вот. Чтобы неясностей не было, — сказал он. — Не только меня выпустили, как кое-кого раньше, а вообще всех.

Товарищ Сталин сказал, что если кто виноват — свое уже получил, невиновные должны понять и забыть, и в любом случае каждый принесет больше пользы на фронте, чем там...

— Что ж, это очень хорошо, — осторожно сказал Тимошенко. — И на какое же количество людей мы можем рассчитывать? — Он делал вид, что не имеет представления о масштабах репрессий. Даже после слов Маркова тема казалась настолько запретной, что остальные молчаливо согласились не развивать ее, а подождать более весомых подтверждений.

Только Марков ничего не боялся.

— За вычетом расстрелянных, умерших, больных, ослабевших и морально сломленных, до начала войны можно рассчитывать на восемь-десять тысяч старших командиров.

Бесшумно вошли два лейтенанта в форме войск НКВД, внесли подносы с термосами, стаканами, горой бутербродов, коробками папирос. Сервировали стол в углу и так же бесшумно исчезли.

— Приступим, что ли... — сказал Берестин, разворачивая на столе карту. — Меня сейчас вот что интересует. Какому... пришло в голову так размещать войска в Белостокском выступе? Что, вместе с Тухачевским и стратегию как науку тоже отменили?

...Берестин категорически не собирался признавать общепринятой тогда манеры просиживать на службе по двадцать часов в сутки, демонстрируя якобы незаменимость и полное самоотречение. Он считал, что такой стиль работы идет либо от неумения организовать ее плодотворно и целенаправленно, либо это вынужденное подражание Сталину. Но никак это не подлинная необходимость. Ведь даже во время войны и союзники, и немцы ухитрялись, как правило, исполнять свои обязанности в пределах нормального рабочего дня. А Черчилль вообще всю войну уикенды непременно проводил в своем имении.

Поэтому после завершения работы в Кремле он не поехал в ГлавПУР, куда собирался, легко изменив свои планы на вечер, — после того, как в длинном коридоре встретил вдруг старого знакомого Маркова — дивизионного комиссара, редактора военной газеты, с которым тот виделся последний раз на маневрах тридцать шестого года. Как и прежде, редактор был невероятно подвижен, говорил, словно не поспевая за собственными мыслями, и ни на секунду он не подал виду, что за прошедшие пять лет в судьбе Маркова происходило что-то не совсем обычное.

— Слушай, как у тебя со временем? У меня тут просвет выдался, собирается небольшое общество, ну — писатели кое-кто, артисты... Толстой обещал быть. Ты как смотришь?

Берестин, конечно, смотрел положительно. Войти наконец в здешнюю жизнь по-настоящему, на уровне не вождей, не маршалов, а обычных людей — творческой интеллигенции, более свободной от официальностей и предрассудков, — это было не только необходимо в целях миссии, но и просто интересно. Тем более — Толстой. Через месяц он заканчивает «Хождение по мукам». Надо же...

— Согласен.

— Тогда бывай. Там и поговорим. В двадцать два подъезжай в редакцию.

Погорелова он в гостинице не застал, комкор получил две недели отпуска для розыска семьи — жену с детьми закатали куда-то за Барнаул. Берестин решил перед вечером немного отдохнуть, прийти в себя после водоворота событий, в который теперь, кроме него с Новиковым, уже автоматически втягивались все новые и новые люди.

Пару часов он вздремнул. На самой грани сна Берестин утратил контроль над Марковым, почти растворился в нем и с необыкновенной остротой пережил чувства человека, который без перехода сменил лагерные нары и набитый опилками тюфяк на купеческую роскошь постели в «Москве».

Интересная жизнь — царей свергли, социализм, по словам товарища Сталина, построили, а вкус и представления о комфорте у руководящих товарищей не дворянские даже, а вполне мещанско-купеческие. Хоть какой ты марксист и новатор, а выше своего культурного уровня не прыгнешь...

И вдруг ему стало невыносимо страшно: показалось, что все окружающее его сейчас — это сонные грезы, и он не здесь, в гостинице, а там, на нарах, и вместо вечера в приятной компании его ждет проверка, знобящая сырость барака, кашель, хрипы, мат соседей, привычная сосущая тоска, а впереди бесконечный срок и никакой надежды.

Он рывком сел на постели, увидел, что вокруг по-прежнему стены гостиничного номера, и глубоко вздохнул, стараясь успокоить бьющееся у горла сердце. Взглянул на часы. Оказывается, сонный кошмар длился не секунды, как ему показалось, а почти два часа. И только потом окончательно сообразил, что он все-таки Берестин, а не Марков.

В огромной, сверкающей цветным кафелем ванной он долго,

со вкусом брился, рассматривая в зеркале принадлежащее ему лицо. Еще неделю назад Марков выглядел намного старше своих тридцати девяти, как, впрочем, большинство ответственных работников того времени, да и лагерь добавил возраста, а теперь лицо Маркова заметно посвежело, разгладились наметившиеся морщины, волосы приобрели здоровый сочный цвет, и выглядел он лет на тридцать пять, причем в стиле не сороковых, а восьмидесятых годов. То есть, по-здешнему, совсем почти юношей.

По вечерней Москве он дошел до редакции.

На открытом редакторском «ЗИСе» по улице Горького, Охотному ряду, Манежной площади они выехали к Москве-реке, потом ехали по набережным, через Крымский мост, и Берестин увидел, что привезли его в тот самый дом, где жил Новиков и где все они собирались после победы над пришельцами в предыдущей жизни. Или — последующей, можно и так сказать.

Только теперь дом этот был только что отстроен. И в подъезд они вошли в другой, но квартира была однотипная. С длинным и широким, как пульмановский вагон, коридором, огромными проходными комнатами, двадцатиметровой кухней и с мебелью, которую тогдашний человек со вкусом и деньгами мог за бесценок приобрести в так называемых «магазинах случайных вещей». Эвфемизм для обозначения имущества, изъятого у «врагов народа». Павловская гостиная, кабинет в стиле одного из «Луев», по выражению Маяковского, много резного дуба и палисандра, кресла и диван, обтянутые мягким сафьяном, башенные часы и готический буфет в столовой.

Людей собралось много. И хотя Толстой, к великому сожалению Берестина, не пришел, но был тут юный Симонов с Серовой, Лапин и Хацревин, Москвин, еще несколько актеров известных театров и другие незнакомые люди, чьих имен история не сохранила, хотя в своем времени, они, похоже, пользовались определенной известностью.

За ужином с общей беседой и позже, разговаривая по отдельности то с Симоновым, то с другими, Берестин думал — знали бы они, что этот командарм, чья судьба им была, конечно, известна, на самом деле представляет собой Кассандру, графа Калиостро и пушкинских волхвов в одном лице. И знает все. И может сказать тому же Симонову, что он напишет и когда умрет.

Но после третьей, кажется, рюмки Андрей вдруг осознал,

что ерунда все это — ничего он не знает. Пусть Симонов в его мире уцелел под Могилевом и в Одессе, и в Заполярье тоже, в грядущей войне он будет в других местах, там его вполне свободно может достать смерть. В куда менее опасной ситуации, чем те, что он сумел пережить в предшествовавшей реальности. К примеру, его убьют под Минском, а Лапин с Хацревиным благополучно выйдут из окружения, из которого они не вышли на самом деле, да и окружения того просто не будет. И только что вошедший запоздавший Петров, редактор «Огонька», не полетит на самолете, упавшем под Харьковом, вместо него убьют его брата Валентина Катаева, и мир никогда не прочитает «Кубик», «Траву забвения», «Алмазный мой венец», зато Петров допишет неоконченный фантастический роман о грядущей войне, который Берестин не так давно разыскал в томе «Литературного наследства». И так далее, и так далее, и так далее...

Потом его затащил в угловой, заставленный книжными шкафами кабинет хозяин дома, плотно закрыл двери, извлек откуда-то бутылку и стал цепко и въедливо добывать информацию о том, что слышно в Кремле и около.

Жадно, как человек, получивший наконец возможность говорить о запретном, дивкомиссар расспрашивал Берестина о людях, которых они оба знали, о жизни в лагерях и главное — о Сталине.

— Как тебе он показался?

— Знаешь, раньше я с ним не встречался. Сейчас же — производит впечатление умного человека. — При этих словах редактор непроизвольно дернулся. — Вывод такой: скоро начнется. У тебя, конечно, свое начальство есть, товарищ Мехлис, но его скоро снимут. Так ты меня послушай. Готовься к работе в военных условиях. Фронтовые бригады создавай, над техническим обеспечением своих репортеров подумай. Если что — помогу. Прессе будет режим наибольшего благоприятствования. Лишь бы правду писали, без оглядки на редактора и выше...

Заговорили о перспективах — как понимал Берестин и как — дивизионный комиссар. Но тут дверь открылась, и на пороге возникла молодая женщина, лет двадцати пяти, наверное.

— Товарищи командиры! — капризно и кокетливо, как, видимо, было принято, воскликнула она. — Нельзя же так! Спрятались, а у нас начинаются танцы! Пойдемте...

— Сейчас, сейчас, — невольно отмахнулся редактор.

— А что, пойдем, действительно, — поднялся Берестин. На-

доела ему вдруг большая политика, а Маркову — Маркову, после своих трех лет вынужденной монашеской жизни, просто захотелось ощутить в руках стройное тело.

— Ну идем, идем, — мотнул головой хозяин, и, когда женщина, поняв, что помешала, прикрыла дверь, Берестин спросил:

— Кто такая?

— Артисточка. Из мюзик-холла, по-моему, Леной зовут. Ничего не составляет, на третьих ролях. Она тут при Головинском. Не знаешь? Довольно модный дирижер... А что, заинтересовала?

— Меня сейчас нетрудно заинтересовать, — криво усмехнулся Марков и вздохнул.

В столовой играл патефон. Хороший, немецкий, но звук...

Берестин подумал, что бытовой электроники, конечно, тут не хватает. Но жизнь здесь, за этим исключением, для хорошо оплачиваемого человека как бы не лучше, чем в конце века. Можно удовлетворить практически все мыслимые потребности.

В восьмидесятые годы дела пойдут не так... Зона нереализованных и нереализуемых в принципе потребностей в берестинское время возросла многократно. И будь ты хоть генералом, хоть лауреатом, обладать можешь только тем, что удастся раздобыть, выпросить или получить в виде милости — иногда от того, кому в нормальном обществе зазорно и руку подать. А такое положение дел никак не способствует самоуважению... Скорее, наоборот.

Толстая и хрупкая пластинка Апрелевского завода продолжала крутиться на диске, обтянутом синим сукном, причудливо искривленная блестящая штанга звукоснимателя подрагивала на глубоких бороздках, дребезжащая стальная мембрана наполняла комнату звуками танго. Люди танцевали.

Берестин нашел глазами ту самую Лену. В кружке женщин возле открытой балконной двери она оживленно участвовала в разговоре и в то же время постреливала по сторонам глазами. Алексей поймал ее взгляд и слегка кивнул, улыбнувшись. Как здесь принято затевать флирт, не знал ни он, ни Марков. Тому все некогда было, да и вращался он больше по провинциальным гарнизонам. А когда попал в Одессу и могла представиться возможность поучиться — сталинские органы воспрепятствовали.

Берестин решил действовать без всяких поправок на время, как выйдет, предполагая, что некоторое нарушение правил и обычаев можно будет списать на тяжелое прошлое.

После первого танца с Леной, когда он убедился, что зрение

его не обмануло: у нее все везде в полном порядке, а особенно хороши и необычны глаза, он решил дать Маркову полную волю. Себе же определил роль стороннего наблюдателя и консультанта. Потому что отметил — девушка попалась очень нестандартная. Каждому времени свое, и ее слегка восточный разрез глаз, приподнятые скулы, резко очерченная нижняя часть лица и довольно крупный рот современникам, скорее всего, казались некрасивыми на фоне той же кукольной Серовой и ей подобных, чья внешность вписывалась в эстетику конца тридцатых годов.

— Промахнулась ты по времени лет на двадцать пять, — сказал он ей чуть позже, когда они вышли на балкон глотнуть свежего воздуха.

— Почему? — не поняла Лена.

— Потому, что только тогда войдут в моду такие женщины. В шестьдесят пятом ты бы произвела фурор в Москве. Как Софи Лорен.

— Мне тогда будет уже пятьдесят, — засмеялась Лена. — А кто такая Софи Лорен?

— Актриса итальянская. У нас пока неизвестная... Через четверть века все девушки будут стремиться к твоему стилю. Все будут длинноногие, гибкие и раскованные. В рестораны станут ходить в синих американских брюках, гонять на немецких мотоциклах и итальянских мотороллерах «Веспа» и «Ламбретта», петь под гитару опасные песни и танцевать такое, что сейчас и не приснится.

— Вы так говорите, будто только что оттуда. Воображение у вас яркое! А платья какие будут носить, тоже знаете, или только американские брюки? И почему именно американские, а не французские, к примеру?

— Французская будет косметика, а брюки точно американские... — Берестин развеселился, его несла волна приятного легко опьянения, и он ничем не рисковал. Удивлять же девушку было забавно. Как раз по системе Шульгина: говоришь чистую правду, но так, что никто не верит. — А платья... Можно и про платья, только рассказать трудно, я лучше нарисую.

В кабинете, на листах из большого бювара Алексей летящими линиями изобразил несколько эффектных моделей шестидесятых и восьмидесятых годов. Манекенщицы все, как одна, были удивительно похожи на Лену, особенно на первом рисунке, в мини-юбке, черных колготках и туфлях на высоченной шпильке. Хоть выглядели туалеты непривычно, местами и не-

прилично, но женским чутьем и вкусом Лена уловила их прелесть.

— Товарищ командарм, вы гений! Вам бы модельером работать и романы писать, как Беляеву... Расскажите еще что-нибудь про будущее.

— Долго рассказывать, потом как-нибудь. Пойдем лучше шампанского выпьем, а потом я песню спою, тоже из будущего...

С шутками и смехом, напрочь забыв про свое звание и положение, Алексей организовал у стола свой кружок, рассказал пару анекдотов якобы из жизни царских офицеров, делая вид, что не замечает предостерегающих жестов хозяина, потом потребовал гитару и в стиле Боярского и почти его голосом, что было несложно, спел: «Лишь о том, что все пройдет, вспоминать не надо». После короткой недоуменной тишины раздались бурные аплодисменты женщин.

— Что это было? — привязался к нему крепко подвыпивший тот самый Головинский, друг и покровитель Елены. — Слегка коряво, но явно талантливо. Это что же, вы написали?

— Я, не я — какая разница? Давайте лучше выпьем. Вам не понять, как может быть приятен вкус тонкого вина...

Берестин увидел, что редактор делает ему знаки, и замолчал. Пригубил бокал шампанского и, кивнув окружающим, пошел в кабинет.

— Что с тобой происходит? Кровь играет? Так ты поосторожнее, Сергей, ты же в форме, и люди тут всякие...

— Вот не думал, товарищ комиссар, что вы у себя всяких принимаете.

— Все же прими совет... будь осторожнее.

— Не трусь, комиссар, ты же храбрый мужик, на Халхин-Голе, говорят, геройствовал... Пока я живой — ничего не бойся. Теперь все можно. Говори, что думаешь. Как Ленин писал, помнишь?

Редактор дернул головой вверх и в сторону знакомым жестом крайнего раздражения. Но предпочел не связываться с пьяным, на его взгляд, человеком.

— Тебе что, вправду понравилась Елена? — сменил он тему, но и тут поддел: — Как лейтенант перед ней перья распушил...

— Перья — распушил! Стилист! Откуда в тебе занудливость взялась? Раньше не замечал. Ясность тебе во всем подавай. А она тебе нужна? Вот начнется через месяц-другой большая заваруха, хоть вспомним, как развлекались на прощание... Семен Давидович, пойдем еще, по-гусарски, пока оно все есть —

вино, женщины, музыка... А паренек твой, этот Симонов, видать, зверский талант, ты его береги. Я слышал, как он сегодня стихи свои читал. Может, новый поручик Лермонтов созревает.

— Я знаю. Но шалопай большой. Держать его надо железно и спуску не давать, тогда, может, толк и выйдет.

— Ну давай, инженер. А также садовник, мичуринец. Жаль, у Лермонтова такого друга-редактора не было...

Пока Берестин беседовал с дивкомиссаром, Лена успела очень грамотно, с точки зрения Станиславского, разыграть этюд «Ссора с любовником». Вышло очень убедительно — уцепилась за первое попавшееся слово, спровоцировала другое, завязка, кульминация, переход на личности, голос на грани истерики, завершающий мазок — и готова сцена. Известный дирижер был заведен и деморализован настолько, что, косо водрузив на голову шляпу и ни с кем не попрощавшись, исчез, а Елена смогла полностью посвятить себя Маркову, наивно считая, что это она охмуряет молодого командарма.

Когда пришло время расходиться, практически трезвый редактор, которому предстояло ехать вычитывать номер — чего он не доверял никому, справедливо считая, что голова дороже трех часов сна, — предложил Маркову машину. Алексей, не менее трезвым голосом, чем у хозяина, отказался, сказав, что желает прогуляться по ночной Москве, и попросил не тревожиться, но дать на всякий случай пистолет, ибо не успел еще получить свой.

В то время, хоть и считался каждый второй потенциальным врагом народа, до мысли разоружить комсостав армии никто не успел додуматься, и вообще пистолеты имели почти все, и военные, и партийные, и даже хозяйственные работники.

Редактор с легкостью, немыслимой в последующие времена, предложил на выбор маленький «маузер» или «коровин». Алексей выбрал «коровин», который был полегче, передернул затвор и сунул пистолет в карман. Хоть и принято думать, что до войны порядка было больше, но профессиональная преступность процветала вполне официально, и встреча с грабителями в два часа ночи не исключалась. Зато и стрелять в них каждый, располагающий оружием, имел полное право. Без каких-либо последствий.

Он шел под руку с Еленой по пустынным улицам, вдыхая воздух, свободный от радиоактивных осадков, солей тяжелых металлов, гербицидов, пестицидов и прочих продуктов прогресса. Лена, касаясь бедром его ноги и чуть сильнее, чем нужно,

сжимая его руку, рассказывала кое-что о себе. О тяжелой жизни в театре, где сплошные интриги, террор примадонн и любовниц главрежа, о коммунальной квартире на девять семей и других сложностях. Заработок совсем маленький...

Рублей семьдесят по-нашему, прикинул Алексей. Действительно мало. В восьмидесятые годы, к тому же, для актрисы есть какие-то возможности подработать — то на телевидении, то на радио, то мультфильмы озвучивать, в кино хоть эпизодиком сняться, концерты халтурные. А здесь иначе. Здесь еще не знают принципа «нигде ничего нет, но у всех все есть...» Возможностей меньше, и если уж чего нет, так нет. А хочется, конечно, Лене много.

Она действительно поспешила родиться. В общем нормальные для 41-го года бытовые сложности задевали ее куда больше, чем многих других. И значит, ее характер и наклонности больше соответствовали грядущим десятилетиям.

— Вам бы, Лена, на телевидении работать. Как раз для вас: возможность крупных планов, непосредственный контакт со зрителями, синтез разных видов искусства. Здесь все ваши особенности играли бы на вас. А на обычной сцене, да на задних планах, вы, наверное, теряетесь...

— Где же это на нем можно работать? Насколько я знаю, там уже три года одни картинки передают. Только в конце года обещают кино показать. Я, правда, сама не видела, но в газетах читала.

— Э, Лена, это все опыты. А представьте через несколько лет. Специальные студии, самые разнообразные программы: развлекательные, политические, познавательные. «В мире животных», «Музыкальный киоск», «Утренняя почта»... И везде нужны ведущие — красивые, элегантные, остроумные. И все в цвете и вот на таком экране.

— Ну и воображение у вас! Вы это телевидение сами видели? Там, говорят, вот такой экранчик, как почтовая открытка, все серое и расплывчатое.

— Мелочи, Лена. Раз идея воплощена, довести ее до совершенства — дело простое. Чего далеко ходить, когда я попал на Гражданскую, у нас на всю армию был один «Сопвич». Два пуда дерева и перкаля, сто верст в час, летал на смеси самогона с керосином. А сейчас? Я не говорю про высадку на полюс, я человек военный, и мне важнее, что эти бывшие этажерки всего через двадцать лет в щебень разнесли Гернику, Варшаву, Роттердам... Вот вам и темпы прогресса.

— Вы воевали в Гражданскую? Так сколько же вам лет?

Вот истинный парадокс времени. Девятнадцать лет, отделявшие окончание Гражданской войны от начала Отечественной, воспринимались всеми как огромный отрезок, и не так уж наивна была Лена, поразившаяся, что моложавый командарм воевал в легендарные времена вместе с Буденным, Ворошиловым, Чапаевым.

— Не пугайся, милая Элен! Не так уж и много. Всего лишь тридцать девять. Да и то не совсем. И три из них можно не считать.

Лена замолчала и прижалась к его плечу щекой.

— Сергей Петрович, а там очень страшно? У нас, я раньше в другом театре работала, худрук тоже врагом народа оказался...

— «Тоже...» Хорошо сказано.

— Ой, простите, я совсем не так хотела сказать...

— Ничего, Лена, я понимаю. Запомните — не было никаких врагов народа и нет, да, наверное, и быть не может. Никто не враг своего народа. Может быть разное понимание интересов народа, но все в принципе желают своему народу блага, а не вреда. Даже и белогвардейцы, а я на них в свое время насмотрелся. Нормальные люди, за родину головы клали...

— Да что вы такое говорите! — Лена искренне возмутилась. — Они же царя вернуть хотели, за имения свои воевали, рабочих и крестьян вешали!

Берестин вздохнул. Зря он затеял такой разговор. Но ведь надо как-то начинать восстановление исторической справедливости. Сейчас — так, а потом и в печати осторожно...

— Надеюсь, вы меня монархистом не считаете? Воевал я с ними до последнего, а все равно жалко. Какие там у армейских прапорщиков и подпоручиков имения? Которые с имениями, те в штыковые атаки не ходили и в Севастополе на пирсах не стрелялись... Беда тогда начинается, когда появляются люди, думающие, что только они знают, что народу нужно. И не согласных с ними без суда к стенке ставят.

— Но как же? Ведь товарищ Сталин...

— Оставим пока. Об этом надо говорить в другой обстановке.

И подумал: вот взять бы и привезти девочку к товарищу Сталину на дачу...

Через Зарядье они вышли к Красной площади, и обоим уже было ясно, что идут они к Маркову в гостиницу, хотя об этом не было сказано ни слова. Когда можно было свернуть к Лене на

Балчуг, она промолчала, а Берестин еще раньше решил, что пусть все выйдет, как выйдет.

У входа в огромный сумрачный вестибюль гостиницы швейцар, похожий на адмирала Рождественского, отдал командиру честь, помня службу в гвардейской роте дворцовых гренадеров, а затем во всех классных гостиницах и ресторанах Москвы. Заботу о нравственности клиентов он не считал входящей в свои функции, да и мистического часа — двадцать три, определенного постояльцам для решения личных проблем, тогда еще не было установлено, и ночных рейдов по номерам на предмет укрепления нравственности администрация не проводила.

Лена попала в роскошь люксовских номеров первый раз в жизни и хоть старалась не подавать виду, но весь здешний бархат, ковры, карельская береза, запах воска, которым натирали полы, китайская ваза в рост человека в углу — все приметы недоступной, сказочной жизни произвели на нее впечатление. Ее выдавали только глаза, слишком уж оживленно скользящие по деталям обстановки.

— Ох, а вид какой! — воскликнула она, выйдя на балкон. Вид отсюда нравился и Берестину. С двенадцатого этажа Москва тогдашняя видна была, почитай, вся, а там, где сейчас был мрак, он мог представить огни и небоскребы Калининского проспекта, университета, Смоленской площади... А прямо напротив сияли недавно установленные звезды Кремля.

...Перед самым рассветом Берестин проснулся, стараясь не шуметь, вышел в холл, присел на подоконник. Внизу, на Манежной, было пусто. Ни людей, ни машин, если не считать изредка проскакивающих через проезд Исторического музея «эмок» и «ЗИСов». В его Москве поток машин не иссякал никогда, даже недоумение возникало — как могут люди мотаться по городу круглые сутки?

Он думал о Лене. Добрая, молодая, красивая, во вред себе доверчивая Лена. Что с ней будет через полтора месяца? Война, эвакуация, какая-нибудь Алма-Ата или Ташкент, если не Чита, к примеру. Голодный паек служащей, карточки, случайные связи с театральным начальством или офицерами запасных полков, то ли от одиночества, то ли даже от голода. А ведь заслуживает она совсем другой жизни. Жаль, а что поделаешь?

Он вернулся в спальню, лег и мгновенно провалился в сон, в котором не было ничьих сновидений — ни своих, ни марковских.

Резко, как колокол громкого боя, зазвонил телефон. Бере-

стин мгновенно сел на постели, сразу поняв, кто звонит, и боясь только одного — чтобы трубку не подняла Лена. Конечно, не командарм Марков боялся, просто Алексею было бы неудобно перед Андреем, лишенным по общему согласию таких вот радостей жизни. Мельком он глянул на часы — половина одиннадцатого. Лена, уже одетая, шла к телефону, и пришлось остановить ее.

— Где болтаешься всю ночь, начальник? — зазвучал в трубке близкий, через Красную площадь всего, голос.

— Прошу извинения, у приятеля одного посидели...

— Откуда у тебя тут приятели?

— У меня точно нет, а у пациента имеются.

Лена стояла рядом, и Берестину приходилось говорить так, чтобы она не поняла, с кем и о чем идет речь.

— Водку, значит, пьешь, а товарищу Сталину одному войну выигрывать... Так вот что, если выспался — приезжай, я тебе подарок приготовил. — И по-сталински резко Новиков повесил трубку.

Берестин посмотрел на Лену при свете дня. Без накрашенных глаз, губ и прочего макияжа смотрится не так, как могла бы, исходя из фактуры. Наивное время естественности.

— В Генштаб вызывают, дела... Давай, собирайся, позавтракаем вместе.

Он привычно быстро оделся, затянул ремни, глянул в зеркало. Брился вечером, можно обойтись, остальное тоже в порядке.

Вошла Лена, в своем — нет, ей-богу, ужасном платье. И босоножки эти, а особенно белые носки с голубой каемочкой... Как раз такой временной интервал, когда старая мода кажется до предела карикатурной.

Огромный зал ресторана был пуст. Только в середине сидели два немца в авиационной форме и ели сосиски. Много сосисок. После берлинских карточек. Увидев Маркова, вскочили и щелкнули каблуками. Он им кивнул и улыбнулся. Вот чем хороши немцы, так это уважением к мундиру. Наши бы орлы, году в восьмидесятом, в кабаке, глубоко плевать хотели бы на любого заграничного хоть фельдмаршала.

Что этим немцам за их вежливость пожелать? Остаться в Москве, интернироваться и потом активно строить новую, демократическую Германию? Или геройски пасть в боях за фатерланд?

При своих недостатках Берестин все же был интернационалистом и, даже готовясь к беспощадной борьбе с фашизмом,

против конкретных немцев зла пока не имел. Вдобавок он хорошо помнил, как во время своей лейтенантской службы приходилось тесно взаимодействовать с ребятами в такой же, только без орла над карманом, форме.

Хорошо завтракать в пустом ресторане. Тихо, прохладно, спокойно. Официанты внимательны, и ничто не мешает верить, что простокваша действительно вкуснее и полезнее белого хлебного вина.

В разговоре Берестин упомянул, что завтра ему уже, наверное, придется уехать. Лена на мгновение опечалилась. Но потом, преодолев что-то в себе, с улыбкой сказала:

— Сергей Петрович, я с вами попросту сейчас говорю... (Ночью они были на «ты», а при свете дня, при рубиновом блеске его орденов и ромбов она снова перешла на «вы».) Если хотите — я с вами поеду. О женитьбе и прочем — никаких разговоров, но если я вам хоть в чем-то нужна, хоть только рубашки стирать, я поеду... Мне рядом с вами быть, и все... — Голос у нее осекся.

«Так она всегда и проигрывает», — подумал Берестин.

— Не так ты говоришь, Лена, совсем не так. Во-первых, «вы» тут никак не к месту. А во-вторых, это я тебя должен на коленях уговаривать, а ты бы из особого ко мне расположения обещала подумать.

— Вы надо мной смеетесь? — веря и не веря, спросила она.

— Ты, Лена, ты, а не вы. И не смеюсь я, счастлив был бы, если бы ты со мной поехала. Но подумай, я еду командовать округом. Времени у меня будет минус десять часов в сутки. А там, может, и война...

— Сергей, я поеду! Если даже раз в неделю видеться будем... Лишь бы знать, что я тебе нужна... — У нее, похоже, даже слезы блеснули.

На игру это не было похоже, но у Берестина все же мелькнуло сомнение: для горячей любви не мал ли срок?

Лена, очевидно, уловила на лице Маркова отражение берестинских мыслей.

— Сергей, я не навязываюсь, но ты не думай, если раньше у меня что было, это ничего не значит, лучше меня для тебя... Я готовлю хорошо, шить умею...

Алексею стало даже чуть не по себе. В своем забывшем об искренности чувств времени он не привык к таким излияниям. Ирония, даже легкий налет цинизма сильно обедняли жизнь, но отучили от простоты и откровенности. «Женюсь на ней в

Минске, — решил он, — хоть генеральский аттестат и привилегии получать будет до конца войны. Не все ж американцам фильмы про золушек снимать. И Марков пусть спасибо скажет, когда я уйду. Из лагеря я его вытащил, чины вернул, национальным героем сделаю, да еще женщину подарю такую...»

— Ладно, Лена, поговорили. Хватит пока. Мне надо идти. Вот ключ. Жди меня вечером. Если хочешь. — Он встал. — Да, вот еще. Раз уж мы так поговорили интересно... — он достал из нагрудного кармана пачку сторублевок. — С театром ты завязывай... (Он машинально употребил слово явно не из того ряда, но Лена не обратила внимания на это — она была слишком взволнована.) Походи лучше по магазинам, подбери себе что-нибудь.

И, не давая возможности ей возразить или, упаси бог, благодарить за этот — черт его знает, может, и не совсем приличный — поступок, коротко кивнул и быстро пошел через зал к выходу.

Он понимал, конечно, что вряд ли возьмет ее с собой, но и оставить теперь ее просто так казалось и неразумным, и неблагодарным. Лучше всего организовать ей в Москве отдельную квартиру, одновременно и себе запасную базу на всякий случай. На такое дело у Сталина власти хватит. А перед возвращением действительно женить на ней Маркова. Хватит ему, в самом деле, в холостяках ходить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Не задерживаясь в приемной, только слегка кивнув Поскребышеву, который в последние дни пребывал в состоянии тягостного недоумения от всего происходящего, Берестин прошел в кабинет.

Кроме Сталина, там был еще один человек, невысокий, коренастый, в несвежем генеральском кителе без нашивок, петлиц и наград, от которых остались только многочисленные дырки на груди.

Берестин никогда не видел его фотографии (даже для статьи в военной энциклопедии не нашлось), но ошибиться не мог — это был не кто иной, как Герой Советского Союза, начальник Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенант Рычагов

Павел Васильевич, тридцати лет от роду. Бывший. Все бывший — и по должности, и по званию. Забрали его перед самой войной, и куда делся — неизвестно. Про других хоть год смерти указан, а ему и этого не досталось. Но пока, значит, жив, раз здесь сидит... Рычагов ходил у Сталина в любимцах, звания и должности сыпались на него, как ни на кого другого в то время. А потом все сразу кончилось. Не понравилось вождю, что молодой главком авиации начал говорить, что думает, и руководить своим ведомством, исходя из интересов дела, а не применительно к настояниям хозяина и его подручных.

Как радушный хозяин, Сталин представил друг другу Маркова и Рычагова.

Рычагов был сейчас не то чтобы мрачен, а подавлен и угнетен. Глаза у него прятались под полуопущенными веками, и рукопожатие вышло вялое, он смотрел мимо Берестина и мимо Сталина, словно видел где-то в углу кабинета свой настоящий конец, а в инсценировку, что разыгрывалась сейчас,— не верил. «Зачем все это? Не мучили бы уж...» — нечто подобное прочитал Берестин в его взгляде, и словно холодок пробежал между лопаток.

Новиков тоже ощутил ужас, мелькнувший по комнате, как крыло гигантской ночной бабочки, и решил разрядить обстановку.

— Товарищ Берия, — обратился Сталин к Берестину, словно приглашая его включиться в разговор, который вели здесь до него, — товарищ Берия (при этом имени Рычагов вздрогнул) несколько погорячился. Неправильно оценил слова и поступки товарища Рычагова и, не посоветовавшись с Политбюро, задержал его. А у нас, к сожалению, не нашлось времени спросить: а куда это вдруг пропал товарищ Рычагов? А когда узнали куда, недопустимо долго не могли выяснить, кто прав: товарищ Берия или...

Он взглянул на Рычагова, смущенно развел руками. Так уж, мол, получилось...

Берестин попробовал поставить себя на место Павла — Паши, как звал его за глаза весь воздушный флот. Как он это воспринимает? Как извинение или как продолжение дьявольской игры? И что ждет от будущего? Не сломался ли насовсем, как многие из тех, кто побывал в гостях у Николая Ивановича и Лаврентия Павловича? Не должен бы... Нервы у него молодые, летчик-истребитель, сидел недолго, да и сел как раз из-за сильного характера. Правда, если он верил в Сталина — как в бога,

а потом понял, что богом прикидывался дьявол, тогда случай тяжелый.

Единственный, наверное, из выдвиженцев тех лет, он воспринял свой взлет так, как и следовало. Не скрывал, что многого еще не знает, и не стеснялся учиться всему, чему надо. И одновременно поведением своим и словами напоминал каждому: меня назначили на этот пост, я — главком и буду говорить и делать то, что считаю нужным. Так и поступал.

Вот и рубил с трибуны на всесоюзном совещании высшего комсостава РККА в декабре сорокового года, что завоевание господства в воздухе в грядущей войне — под большим вопросом, оттого, мол, и оттого, а за этими «оттого» — и неправильное определение приоритетов в авиапромышленности, и неправильная установка в подготовке личного состава, и технический авантюризм некоторых КБ, и ни в какие ворота не лезущая передача контроля за строительством аэродромов НКВД, и т.д., и т.п. Такое мало кому прощалось даже в келейных разговорах, а тут — с высокой трибуны! Через три месяца с небольшим генерал-лейтенант Рычагов после резкого, на грани крика разговора по ВЧ с Берией о том, что девяносто процентов аэродромов прифронтовой зоны запланированы под одновременную реконструкцию, самолеты стоят сотнями, крыло к крылу, и им неоткуда взлетать, заявил, что прямо из Минска он идет на доклад к Сталину. И... никуда больше не пришел, кроме отдельной камеры Лубянской внутренней тюрьмы, где с ним раз в неделю беседовал лично Берия, а в промежутках — его ближайшие помощники.

Сталин вдруг изменил тон. Теперь чувствовался только Новиков.

— Значит, Павел Васильевич, что было — забудем. Разбираться некогда. И не с кем. На Кавказе говорят: кто бежал — бежал, кто убит — убит. Война рядом. На вашем посту сейчас другой человек. Вновь переигрывать — нецелесообразно. Чтобы вы могли проявить себя в деле, поедете в Минск командовать авиацией округа. Вот ваш прямой начальник, командующий округом. Надеюсь — сработаетесь. Взгляды у вас совпадающие. Если будет острая необходимость — звоните лично мне. Но, думаю, и с товарищем Марковым все решите. Нынешнего начальника ВВС округа используйте по своему усмотрению.

Рычагов поднял голову.

— А кто сейчас на моем месте?

— Ваш бывший заместитель.

— А, Жигарев... Наверное, справится.

— Вам надо отдохнуть, Павел Васильевич. Вам есть куда поехать сейчас?

— Не знаю...

— Товарищ Сталин, — вступил в разговор Берестин. — Пусть генерала отвезут в мой номер, доставят ему свежую форму, ордена и прочее, он придет в себя, а потом мы все решим.

— Согласны, товарищ Рычагов?

— Как прикажете...

— Вот так и прикажем. Езжайте, все будет сделано. Закажите обед в номер, сами никуда не ходите, можете выпить, но не слишком, и ждите своего командующего.

Когда Рычагов ушел в сопровождении старшего политрука — но не из НКВД, а армейского (Новиков все же осуществил в Кремле смену караулов), Андрей уже ходил по кабинету, потом сел напротив Берестина.

— Ужас, что делается... А Паша мне не нравится. Раскис.

— Нет. Он не раскис, а сорвался. Приготовился, может, к концу, когда из камеры вывели и за ворота повезли, а тут сразу вот как... Как с размаху в отпертую дверь... К утру он отойдет. Жену его надо разыскать, она у него тоже летчица, не знаю — посадил ты ее тоже или как?

— Сейчас выясню.

— Давай. Если сидит — тоже пусть в порядок приведут, и завтра встречу устроим. Послезавтра — в Минск. Время жмет.

— Так где же ты ночь провел? Доложи вождю...

Берестин рассказал, не скрыв и планов по отношению к Лене.

— Хитер... — усмехнулся Новиков и жестом пресек возражения Алексея. — Не хуже тебя все понимаю. Ладно. Квартирный вопрос решим, не проблема. А в загс, конечно, ходить не нужно, мы рекламы не любим. Сделаем красиво и оригинально. Напишем справку, что такая-то есть жена такого-то, и попроси лично Калинина подписать... Во ксива будет! Музейная. Когда станешь экспонатом истории, пусть биографы изумляются, в чем причина... Но на фронт ее с собой — не брать. Марков пусть потом как знает, а Берестин мне нужен свободным от мирских сует. Я же обхожусь.

— Ну, у тебя же другое. Власть! Самый сладкий наркотик. А власть у тебя немыслимая. Гений всех времен, дядя Джо...

— Кстати, о дяде. Надо ему усы малость опалить. Чтоб, когда мы уйдем, возврата не было. Я уже набросал тут. Партия чтоб

осталась только политической силой. Власть — действительно передать Советам, землю — крестьянам. И главное — устранить монополизм. Думаю, без многопартийной системы и независимой прессы даже настоящих выборов не организуешь... Но вопросов много, надо посоветоваться. А сейчас ты у меня за гения сыграешь. Там ракетчики в приемной ждут. Я с ними поговорил о формировании работы по «катюшам», чтоб к началу успеть.

— Если бы установок двести было... Полсотни надо сделать на танковых шасси. От БТ. И по сорок восемь направляющих... Очень пригодится.

— Ты пока, чтоб времени не терять, нарисуй в деталях РПГ, СПГ и фаустпатрон на всякий случай. Предположим, как твое изобретение.

— Счас сделаем. Зови своих ракетчиков.

Группа специалистов из ракетного КБ была, разумеется, крайне поражена, когда Сталин не только очень грамотно поговорил о возможностях, какие сулит широкое применение ракетного оружия, но и сугубо категорически осудил все задержки, имевшие место как по вине ГАУ, так и по недостаточной активности самих ракетчиков, не умеющих отстаивать, как должно, свое изделие. (О репрессированных основателях КБ он решил пока не вспоминать.)

— Считайте приказом — в течение трех недель довести выпуск изделий до двадцати штук в сутки. Любыми способами. Вводите трехсменную работу, занимайте любые производственные мощности, подходящие по профилю, упрощайте технологию. Для поощрения лучших рабочих и ИТР выделим какие угодно суммы. Вносите предложения. График выпуска докладывать еженедельно. Пока все. А теперь давайте послушаем товарища Маркова...

Берестин с интересом присутствовал на совещании. Перед ним сидели люди, мгновенно вознесенные из жалкого и унизительного положения полупризнанных изобретателей к вершинам славы. Одобрение Сталина воспринималось именно так. Что бы они могли испытывать еще час назад, кроме глухого раздражения и горестного недоумения? Понимая, что создали великолепное оружие, далеко опередив свое время, и не имея возможности это доказать, поскольку увешанные звездами вожди армии поставили на изобретении жирный крест: оно, мол, не обеспечивает точности попадания (отдельного снаряда!),

сравнимого с меткостью орудия образца 1902—1927 годов. И хоть ты лопни, наподобие снаряда названного орудия!

Дав ракетчикам немного переварить полученные указания, Берестин встал и заговорил с интонациями лектора общества «Знание».

— Товарищи, мне придется напомнить вам некоторые аспекты только что завершившихся операций в Западной Европе. Если вы следили за печатью, то не могли не обратить внимание на то, что немецкая армия с постоянством — впрочем, вполне оправданным — применяла один и тот же прием: прорыв фронта на всю глубину обороны танковыми клиньями и последующую дезорганизацию всей стратегической структуры противника. Исходя из этого, позволим себе задать вопрос — что, на ваш взгляд, можно противопоставить такому приему?

Присутствующие явно были удивлены таким резким переходом от сталинской категоричности к академическому тону незнакомого командарма. В то время и на таком уровне обычно разговаривали по-другому.

После короткой паузы сидевший у дальнего конца стола бригинженер сказал:

— Ну, это очевидно — сильную противотанковую артиллерию.

— Совершенно верно. Но, прошу заметить, мы пока не располагаем артиллерией, способной решать данную задачу. Не имеем подходящей организационной структуры артчастей, соответствующей матчасти. И не всегда нам удастся вовремя определять направления главных ударов. Если противник использует, допустим, пятьсот танков одновременно... Поэтому напрашивается вывод — надо иметь мощное и маневренное противотанковое оружие в каждой роте, даже каждом взводе.

— Это не новость, — разочарованно сказал тот же бригинженер. — Противотанковые ружья известны давно, но итоги польской кампании не подтвердили их эффективности.

Берестин подошел к нему, остановился рядом.

— Вы правы. Эффективность была невысокая, хотя это, возможно, объясняется не только техническими причинами. Но мне начинает казаться, что вы — представители самого революционного направления в артиллерии — сами до конца не представляете, на что годится ваше изобретение. Вот я, прошу прощения за нескромность, имел возможность довольно долго думать над вашими реактивными снарядами. И возникают до-

вольно простые идеи. Например, взять снаряд с одной направляющей, поставить на легкий станок, и... — Берестин с ожиданием посмотрел на присутствующих, без спросу взял со стола Сталина папиросу и закурил.

— Рассеивание... — подал кто-то голос.

— Точно! Такие ракеты известны с прошлого века и из-за рассеивания сошли со сцены. Ваш отдельно взятый снаряд тоже имеет порядочное рассеивание. Хотя на Халхин-Голе летчики попадали эрэсами в самолеты японцев... А теперь идем дальше. Уменьшаем вес заряда вдвое, танку хватит, вместо фугасного делаем кумулятивный. — На листе бумаги Берестин заранее изобразил схему и предъявил ее сейчас присутствующим. — Вместо активно-реактивного двигателя делаем вот такой, попроще, а чтобы запускать снаряд, нам потребуется приспособление... — Алексей предъявил соответствующие эскизы.

Дело пошло. Посыпались вопросы, на которые ракетчики отвечали друг другу уже сами. Берестин только направлял разговор. Понадобится порох с иными весьма специфическими свойствами? Пожалуйста: вот его формула и характеристики.

«Хорошо, — подумал Берестин, — что в этой реальности не принято задавать лишних вопросов. Взять хотя бы этот порох: молодые гении наших дней стали бы добиваться, как выведена формула, да где, кто испытывал и почему им об этом неизвестно...» А здесь товарищ Сталин прервал свою олимпийскую созерцательность, спросил: «Все ясно, товарищи? Опытный экземпляр представить на испытания через две недели, ответственный за проект бригинженер... — он не вспомнил фамилии и указал трубкой: — Ну вот вы... Вы вольны вносить любые необходимые изменения, при условии сохранения оговоренных здесь тактико-технических данных. Все свободны». — И окрыленные ракетчики покинули кабинет. Удивителен и неизъясним ход человеческой мысли, об этом Берестин задумывался уже давно. Одни озарения опережают свое время на тысячелетия, а вроде бы лежащие на поверхности идеи, для которых созрели и технические возможности, и социальная обстановка, не реализуются годами, а то и веками.

Отечественные народовольцы с упорством, достойным удивления, но не поощрения, рыли тоннель под насыпь, чтобы взорвать царский поезд, и — опоздали, хотя трудились два месяца без отдыха, потом Степан Халтурин таскал за пазухой динамит в подвал Зимнего дворца, собрал три пуда, разнес в щепки целое крыло здания, убил семнадцать солдат охраны, а царь

уцелел. Невероятной сложности достигла тактика бомбометания, появилась и философия этого дела, а казалось бы, чего проще? Винтовка Бердана № 2 имела прицельную дальность семьсот сажен, пятнадцатиграммовая пуля била весьма точно и надежно, царь любил прогуливаться пешком и проводить разводы караула перед дворцом, и после двух недель тренировки хороший стрелок с подходящей крыши положил бы его без труда и риска... Но до такой простой мысли пришлось доходить целых восемьдесят два года, до шестьдесят третьего, когда застрелили Кеннеди.

Еще пример — все читали «Как закалялась сталь» и помнят трудности с прокладкой узкоколейки. Бандиты, ночевки на голом цементе в полуразрушенном здании. А если бы положить первые двадцать метров, поставить на рельсы платформы и теплушки, и дальше класть путь с колес? И спать есть где, и все под руками, на крышу — пулемет для отражения бандитов... Но — не нашлось рационализаторов.

Сейчас Берестин с удовольствием отметил, что ракетчики искренне воодушевлены, и поверил, что к двадцать второму июня получит партию гранатометов. Они остались с Новиковым вдвоем. В небольшой комнате отдыха, где у Сталина раньше ничего не было, кроме кожаного дивана и столика, теперь появилась электроплитка, кофейник, мини-бар, здоровенный приемник «Телефункен» и еще многое из того, что можно было изыскать для придания уюта помещению, где вождь проводил больше половины своего времени, никак не разделенного на рабочее и личное.

Они пили кофе, и Новиков рассказывал Берестину, что он уже успел в области формирования подготовки к войне. И в области технико-экономической, и организационной, и политической...

— А ведь то, что ты придумал, — сказал Берестин, — нашим пришельцам здорово не понравится. Они нас зачем послали? Выиграть войну и установить мировое господство. А ты затеял десталинизацию, демократизацию общества. Не сковырнут ли они нас с тобой?

— До конца войны — не должны бы. И я еще думаю: неужели Воронцов без дела сидит?

— Побачим. Пока главное— первый удар выдержать. Я знаешь до чего додумался? Нам ведь вообще всеобщая мобилизация может не потребоваться. Сам считай — пленными тот раз в первые месяцы потратили почти четыре миллиона. Террито-

рию сдали, на которой еще миллионов семьдесят жило, по военным расчетам — семь миллионов призывного контингента. Одномоментно. И каждый год еще по столько же... Значит, не допустив немцев до Москвы и Сталинграда, мы уже компенсируем, как минимум, десять миллионов призывников. Отсюда следует, что при нормальном развитии событий можно в два-три раза снизить мобилизационное напряжение. Нравится?

— Выходит, можно будет отказаться и от курсов офицерских трехмесячных, пацанов на убой не гнать, дурость свою покрывая. Оставим нормальные училища с полной программой, а потери во взводных командирах лучше покрывать на месте из кадровых сержантов и старшин. Первый год наступать нам не придется, в обороне справятся, зато от роты и выше будем иметь полноценный комсостав.

— И обязательно восстановить старое правило, чтоб раненые возвращались только в свои части...

— И отпуска чтоб были. Две недели через полгода. Немцы до самого конца домой ездили, а у нас, как в орде, забрали — и все, домой после победы...

— Все сделаем, но сейчас поближе заботы есть, — прервал поток идей Новиков. — Я приказы подготовил, Жуков принимает Киевский округ. Пока он там нужнее, чем в штабе. Петров — Прибалтийский. С Павловым — как хочешь решай. В ЦК Белоруссии я звонил, подтвердил тебе полный карт-бланш по всем вопросам. Уже начата переброска четырех армий из Сибири и ТуркВО к тебе и трех — к Жукову. Сразу по приезде начинай скрытую мобилизацию и программу дезинформации. Остальное будем согласовывать по телефону. Жаль мне с тобой расставаться. Одиноко здесь... — Новиков помолчал, глядя через окно на плывущие над Кремлем пухлые, белые, пронизанные солнцем кучевые облака. — Сейчас едем на дачу. Приглашены Жуков, Шапошников, Петров, если успеет прилететь, Тимошенко, Кузнецов, Василевский, еще люди... Надо Карбышева тоже взять. Последняя тайная вечеря.

На Ивановской площади уже стояли длинные черные машины.

...Вагон плавно раскачивало на закруглениях, потом он выходил на очередную прямую, и только частый, ритмичный стук колес, иногда срывающийся на торопливую дробь, напоминал, что Берестин с Рычаговым все же в поезде, а не в каюте старого парохода.

Вагон им достался роскошный — много начищенной брон-

зы, полированного дерева, хрусталя и бархата, купе раза в два больше, чем в послевоенных СВ немецкой постройки, постельное белье и салфетки накрахмалены до жестяной твердости.

Поезд шел сплошными лесами, возникали и мгновенно исчезали позади то подсвеченные закатным солнцем меднокожие кондовые сосны — совсем как на Валгалле, то глухие заросли темной, почти черной лиственной зелени, а то вдруг поезд вылетал на большую прогалину, и в глаза ударял вечерний свет, купе наполнялось золотистой искристой дымкой, чуть сплющенный багровый сгусток солнца повисал между зубчатой грядой горизонта и низкими лимонно-серыми облаками. Тогда казалось, что даже через толстые зеркальные стекла доносится в купе запах нагретой солнцем сосновой коры, свежей весенней зелени, пропитанных шпал и паровозного дыма. Мгновенное видение исчезало, в вагоне становилось почти темно, мимо окон вновь неслась сплошная мелькающая полоса.

— Что ли свет включить? — с сомнением спросил Берестин.

— Не стоит, так лучше, — отозвался Рычагов. — Приятно, лес за окнами, солнце вот... А я два месяца вообще дневного света не видел.

— Что, даже на допросы не водили? — тоном знатока спросил Андрей.

— Днем не водили. Все по ночам. А окно в камере синей краской замазано. И после шести утра спать нельзя, а приводили с допросов в полшестого. Только зарядка и выручала. Я, когда в Китае был, научился. Почти без внешних движений, а все мышцы разминает, как хороший татарин в Сандунах.

— Слушай, давай не будем про это: и я в тюрьме был три месяца, да в Особлаге три года. Так и будем друг друга развлекать?

— Вы правы, не будем. Давайте о приятном... — Рычагов едва заметно улыбнулся, будто представил что-то приятное. Впрочем, после встречи с женой он сильно изменился и опять стал похож на того Пашу, которым был в свои недавние лейтенантские и полковничьи годы.

На вагонном столике громоздилась исконная русская дорожная пища: жареная курица (Лена постаралась, Берестин как увидел эту курицу, так прямо изумился), баночка паюсной икры, твердокопченая колбаса и купленные на придорожных базарчиках отварная картошка, соленые огурцы, розовое сало. И то, что к такой закуске полагается, тоже имелось. Наливали они понемногу, отпивали по глотку, чтобы растянуть удоволь-

ствие и возможность неформального общения. Но больше половины бутылки «Московской» уже одолели.

— Я, товарищ командующий, вот о чем думаю... Я с ним последний год очень часто встречался, видел, что он старается сделать все возможное, чтобы подготовиться к войне. Но в то же время войну он себе представлял совершенно не так. Будто она должна вестись не с настоящим противником, а с таким... Воображаемым. Который будет делать только то и тогда, что нам нужно. Ни Халхин-Гол, ни финская на него никак не повлияли. Отчего он и на Жукова так взъярился, когда тот Павлова раздолбал... Хотя сразу после игры Павлова немедленно снимать надо было! Ему не фронтом, ему полком только-только командовать, на расстоянии прямой видимости... Я погорел как раз за то, что пытался принимать немцев всерьез. Не зря Берия говорил, что Сталина больше всего возмутили мои слова насчет того, что «мессершмитты» лучше «ишаков»... А сейчас товарища Сталина будто подменили. Неужели понял?.. — и опять Рычагов непроизвольно оглянулся, не стоит ли за спиной кто.

Берестин коротко хмыкнул. Рычагов поднял на него глаза, но ничего не спросил. Продолжал свое.

— И мне приказано сейчас делать то, что я безуспешно пытался делать тогда, когда это было гораздо более возможно...

— Я советую тебе, Павел Васильевич, в такие дебри не лезть. Считай, что не зря доказывал свое, кое-что и запомнилось. Товарищ Сталин слишком долго слушал Берию и Ворошилова с Буденным, а они умели говорить то, что ему хотелось слышать. Кавалеристы! — Это прозвучало как грубое ругательство. — Теперь, похоже, он решил жить своим умом. Ну и слава богу. Но мы с тобой исполнители, вот и давай порассуждаем, что еще можно успеть, исходя из реальности. Что ты предлагаешь сделать в первую очередь?

Рычагов долго молчал, жевал мундштук папиросы. Видно было, что ему не хотелось отвечать. Но все же он решился.

— Я, Сергей Петрович, вот что скажу. Завоевать превосходство в воздухе мы сейчас не в силах. Немцы сильнее нас качественно. Но я с ними воевал в Испании. Грамотные летчики. Техника пилотирования хорошая и даже отличная у многих. Но умирать они не любят.

— Я, кстати, тоже не люблю, — вставил Берестин.

— Тут другой момент. Немец вообще, если учесть явный шанс гробануться, в бой предпочитает не ввязываться. Если зажмешь — да, дерется, но как только сможет — из боя выско-

чит. Поэтому мы втроем с Серовым и Полыниным нападали на десять-пятнадцать немцев из «Кондора» и били их, как собак. Они чувствуют, что я на таран пойду, но не отступлю, и начинают не столько драться, как друг за друга прятаться, а если ведущего завалишь, остальные сразу врассыпную. Этим мы и держались три года.

— Так какой из твоих слов вывод?

— Самое главное — чтобы они нас врасплох не застали.

— События будут развиваться примерно так. Одним не слишком приятным летним утром, на самом рассвете, немцы поднимут всю свою авиацию и ударят. По тем самым бериевским аэродромам, где полки стоят крыло к крылу — без маскировки, без зенитного прикрытия, а то и без патронов. Летчики — кто спит, а кто с барышнями догуливает. И через час от всей твоей авиации останется... Ну, сам придумай, что. Какой-нибудь генерал Захаров или полковник Копец на верном «ишаке» собьет штук пять «юнкерсов» или «мессеров», его потом тоже приложат, и останется генерал Рычагов при полсотне самолетов против всего люфтваффе. И что ему делать? Стреляться от невыносимого отчаяния или гнать «ТБ-3» днем без прикрытия, чтоб хоть как-то помочь избиваемой пехоте? Похоже я излагаю?

— Товарищ командующий! — почти со стоном выкрикнул Рычагов. — Почти то же самое я доказывал до последней минуты, даже там, на Лубянке... Или здесь самая настоящая измена, или настолько беспросветная глупость, что представить невозможно! А мне говорят: «Ты паникер и провокатор». Я боюсь об этом говорить, но мне все время кажется, что враги не мы с вами и подобные нам, а совсем другие люди. Которые притворяются коммунистами, но думают только об одном — о своих чинах, о благе, о том, чтобы, упаси бог, не ошибиться, угадать мнение...

— И у них не хватит ума даже на то, чтобы понять: успокоительные цифры, громкие слова и красивые сводки не спасут даже их самих, когда придет время, не говоря о миллионах других, — продолжил Берестин. — Ты так хотел сказать?

— Да, товарищ командарм.

— Как видишь, кое-что меняется. С этими «товарищами» мы очень скоро разберемся — придет час, а пока надо исправлять то, что можно исправить. Права у нас с тобой неограниченные, и надо их на всю катушку использовать. Чтобы наша с тобой картинка будущего только гипотезой осталась, ты, генерал Рычагов, с завтрашнего дня облетишь и объедешь весь округ, лич-

но подберешь два десятка подходящих для полевых аэродромов площадок, в полной тайне завезешь туда все необходимое, и в час икс перекинешь на эти аэродромы всю свою авиацию. Еще ты разведаешь на немецкой стороне все их аэродромы, составишь схемы и графики прикрытия войск округа и воздействия по тылам противника, создашь службу наблюдения и оповещения, чтобы через минуту после пересечения их самолетами границы все твои истребители были в воздухе и перехватили цель, а через двадцать минут бомбардировщики уже бомбили немецкие аэродромы. И чтоб в каждой дивизии были твои представители для наведения авиации с земли, чтоб непрерывно велась воздушная разведка в интересах армий и корпусов. Вот тогда у нас, может, что и получится... А общие соображения по тактике и стратегии предстоящей войны я тебе чуть позже изложу, когда ты твердо возьмешь округ в свои руки, без оглядки на Москву, и докажешь, что стоило делать тебя в тридцать лет генералом, и доложишь мне всю картину в мелких подробностях, вплоть до того, сколько летчиков на самом деле воевать готовы, а кто только взлетать и садиться научился, и лучше их в тылу доучить, чем на убой посылать для успокоения начальства числом самолетовылетов.

— Я все сделаю, товарищ командующий! Но когда вы успели все спланировать? Вы же три года... — Он осекся.

— Все верно. Только я там, — Берестин показал пальцем себе за спину, — не только лес валил, я еще и думал каждый день и час. И за вас, летчиков, думал, и за моряков, и за пехоту. Оказалось — не зря.

Говоря эти слова, Берестин не старался, опираясь на свои знания, выставить Маркова умнее и предусмотрительнее, чем он был. Командарм действительно, находясь в заключении, считал себя по-прежнему полководцем, ждал грядущей войны и, как мог, прогнозировал ее ход и свои действия, если ему вдруг довелось бы в ней участвовать. Так что его, Берестина, знания только наложились удачно на мысли Маркова.

Невыносимо горько было думать, что совсем другая вышла бы война, если бы Красной армией на самом деле руководили Марков, Тухачевский, Егоров, Уборевич, Блюхер, Кутяков, Каширин и еще почти тысяча таких, как они, заслуженно носивших свои ромбы и маршальские звезды, а не полуграмотные выдвиженцы, не то что не написавшие, а и не прочитавшие ни одного серьезного теоретического труда, вроде Ворошилова с Буденным. Мало, чрезвычайно мало уцелело талантливых вое-

начальников! Жуков, Василевский, еще два-три... И все! Остальные платили за науку миллионами солдатских жизней! Остановили врага горами тел, реками крови! И до самого конца войны несли потери в два, три, пять раз больше, чем немцы. А могло бы быть...

— Давай, Павел Васильевич, пока эти разговоры отставим. — Берестин усилием воли отогнал от себя сто раз передуманные мысли. — А пойдем-ка в ресторан. Горячего съедим да кофейку выпьем.

Они заказали цыпленка с грибами (подавались, оказывается, и такие блюда), бутылочку сухого шампанского и мало кем спрашиваемого, но имевшегося в меню кофе. Глядя на мелькающий за окном томительный закатный пейзаж — сиреневые сумерки, багровая полоса над лесом, к которой с грохотом и выкриками гудка несся скорый поезд, одинокие будки обходчиков и скудные деревеньки с почерневшими соломенными крышами, взблескивающие озерца и речки, — они негромко беседовали, теперь уже не о войне и тюрьмах, а о вещах простых и приятных, и намеревались просидеть так по меньшей мере до полуночи.

Однако судьба или политическая практика тех дней срежиссировали иначе. В проходе вдруг появился вальяжный, несмотря на колесный образ жизни, директор ресторана и хорошо поставленным голосом уважающего себя лакея попросил товарищей пассажиров рассчитаться и освободить помещение, так как сейчас состоится спецобслуживание. Почти тут же подошел официант. Рычагов полез было в карман, но Берестов его остановил.

— Вы, уважаемый, нам не мешайте, — сказал он официанту. — Мы еще не поужинали. Принесите лучше еще по сто коньячку к кофе.

— Не могу, — сочувственно сказал официант. Клиенты ему нравились, хотя он, конечно, не мог знать, кто они такие: Берестин пришел в ресторан в гимнастерке без знаков различия, как тогда ходила тьма ответственных и полуответственных работников, а Рычагов поверх белой рубашки с галстуком надел легкую кожаную куртку, еще испанскую, и тоже выглядел то ли гэвээфовцем, то ли вообще не поймешь кем. — Прошу рассчитаться.

— Пригласите директора.

Директор явился. С лицом хотя и почтительным, но также и

хамоватым, по причине той воли и власти, что сейчас стояла за ним.

— Товарищи, попрошу. Не обостряйте. Если не догуляли, возьмите с собой. И приходите завтра. Рады будем обслужить. А сейчас пожалуйста.

— Не свадьбу же вы тут собираетесь играть? У вас тридцать восемь мест, а нас двое. Как-нибудь поместимся. — Берестин старался говорить вежливо и даже изобразил некое заискивание. Но директор закаменел.

— Попрошу, иначе могут быть серьезные неприятности.

— Ну-ну! — Берестину стало интересно, и он увидел, что и Рычагов заиграл желваками. Не понравилось ему, только что вдохнувшему свободы, вновь почувствовать некий аромат произвола. — В таком случае, уважаемый, оставьте нас. Мы свои права знаем...

Слова о правах прозвучали дико для директора. Он резко повернулся и исчез.

— Что тут они затевают? — спросил Рычагов.

— Вот сейчас и посмотрим.

Действительно, буквально через минуту по вагону словно пронесся леденящий ветер. Скрипя заказными сапогами, отсвечивая рубином шпал, глядя сверляще, возле столика возник старший лейтенант госбезопасности.

— Хотите больших неприятностей? — резким, жестяным голосом спросил он, явно привыкший, что сам факт его появления вселяет как минимум трепет.

— Нет, — честно ответил Берестин.

— А будут.

— Отчего же?

— Вам приказано!

— Нам ничего не приказано. И не может быть приказано, потому что здесь ресторан, а не Лубянка. Это к слову. Нас попросили. Мы не снизошли. Что дальше?

Чекист, похоже, обалдел от невиданной наглости. И, возможно, даже в чем-то усомнился. Но поскольку к тонким душевным движениям не привык, то быстро взял себя в руки.

— Предъявите документы!

— Знаете, лейтенант, не мешайте нам. Идите, займитесь делом. — Берестин отвернулся от него и взял за ножку бокал.

Очевидно, чекист попал в ситуацию, выходящую за пределы его компетенции. И убыл — за консультацией или подкреплением.

— Может, не стоит, товарищ командарм? — осторожно спросил Рычагов.

— Ничего, сиди и не вмешивайся.

События развивались. Вновь появился давешний старлей — в сопровождении капитана того же ведомства и еще какого-то штатского.

— Вот, — торжественно сообщил старлейт, указывая на Берестина.

Капитан был моложе, но строже. И либеральничать не намеревался.

— Встать! Вы задержаны!

— О! Это интересно. Ваши полномочия?

Капитан положил руку на кобуру.

— Остальное — у меня в купе. Прошу!

Под конвоем Берестин с Рычаговым вышли в коридор, через гремящую площадку перешли в соседний вагон, и капитан довольно грубо втолкнул Алексея в полуоткрытую дверь.

— А теперь — документы!

Алексей спокойно протянул удостоверение. И с удовольствием смотрел, как капитан его раскрывает. Челюсть у него не отвисла, но глаза округлились.

— Товарищ командарм...

— Всем выйти! — резко сказал Берестин. Никто ничего не понял, но вид капитана словно вымел остальных из купе.

— Товарищ командующий... Я не знал, меня не предупредили...

— Фамилия, должность?

— Капитан Лавров, старший уполномоченный при протокольном отделе НКВД.

— Ну и что? Что за цирк вы устроили?

— В поезде едет немецкая военная делегация. По программе у них ужин.

— Сколько их?

— Четыре человека.

— И ради этого вы позволили себе?!

— Товарищ командующий, я не знал... Мне приказано обеспечить условия и не допустить...

— Для этого надо выгнать из ресторана больше двадцати советских людей? В том числе двух генералов, четырех полковников? Да и остальные, наверное, не менее уважаемые товарищи!

— Я не знал... — тупо повторил капитан.

— Вы — кретин. Это даже не оскорбление, а диагноз. И должность участкового в Верхоянске — самое лучшее, на что

вам следует рассчитывать. Причем, с вашей точки зрения, я непростительно гуманен. Учтите это. Если у меня будет время, я о вас не забуду. Можете кормить своих немцев на общих основаниях. Или в купе им подавайте. Сам, раз такой заботливый! О нашем разговоре доложите по команде. И если вы еще не в курсе, знайте, что с завтрашнего дня ваше ведомство распускается. Кончилась лафа с бериевскими цацками, — Берестин показал на полковничьи знаки различия капитана и нашивки на рукавах. — У меня все.

Он вышел в коридор, оставив окаменевшего капитана в купе. Рычагова до сих пор блокировали два сотрудника, хотя руками не трогали.

— Пошли, товарищ генерал, — добродушно сказал Берестин. — А то у нас кофе остынет. Если уже остыл — потребуем свежего за их счет...

В ресторане было пусто. Только минут через двадцать пришедшие в себя никидовцы и их кураторы привели наконец своих немцев, скромно усадили их в дальний угол вагона, не забывая время от времени пугливо озираться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Белостокский выступ, образовавшийся в результате Освободительного похода 1939 года, представлял чрезвычайно удобную позицию, если бы с началом войны Красная армия решила провести восточно-прусскую наступательную операцию по образцу августовского наступления 1914 года. Ударом на северо-запад отрезалась вся группа армий «Север», и при удачном развитии событий выход к Балтике и захват Данцига сломали бы все стратегические планы гитлеровского командования.

Но на такой вариант Берестин в силу известных обстоятельств рассчитывать никак не мог.

В прошлый раз этот проклятый выступ стал, пожалуй, главной причиной разгрома Западного фронта. Почти двадцать стрелковых и механизированных дивизий оказались отрезаны танковыми клиньями немцев, под Волковыском и Новогрудском схвачены тугой петлей окружения и через две недели героических и безнадежных боев — вслепую, без знания обстановки, без связи с высшим командованием, а на пятый день войны

уже и без боеприпасов, горючего и продовольствия — эти двадцать дивизий, почти триста тысяч вооруженных людей, перестали существовать. В других условиях они могли бы совершить многое.

...Под крыльями «Р-5» долго тянулись сплошные массивы леса, кое-где прорезанные нитками дорог. Беловежская пуща. Берестин смотрел сейчас на великолепно-дикий вид внизу не как турист (хотя и посещал эти места туристом), а как и положено командующему, рекогносцируя незнакомый театр в предвидении грядущих сражений.

Весь этот огромный район — почти тридцать тысяч квадратных километров — пересекают всего три мощенные булыжником дороги, и их можно намертво блокировать незначительными силами, все остальное оттянув для действия на флангах фронта, там, где вторая и третья танковые группы немцев нанесут главные удары. Если бы это в свое время понял Павлов. А он вытянул дивизии в нитку вдоль границы, и две армии, Третья и Десятая, сразу оказались в глубоком вражеском тылу, и уже им пришлось отступать по трем узким дорогам в безнадежной попытке выскочить из захлопнувшейся мышеловки. Пешком, под непрерывными атаками с воздуха...

В небо прямо по курсу воткнулись шпили двух гигантских костелов, красного и белого, форпостов католичества на границе православного мира, и самолет покатился по траве аэродрома. Здесь Маркова по протоколу встречали командарм-10 генерал-майор Голубев с чинами штаба.

Город с тех пор, как его видел Берестин в семьдесят девятом, изменился мало. Не было, конечно, новых зданий, зато он увидел много старинных, не сохранившихся после и придававших городу особую прелесть. Белый костел, построенный совсем недавно, в тридцать восьмом, сверкал свежей штукатуркой. А центральная улица, Липовая, была совсем такая же, и на месте стоял отель «Кристалл». Алексей подумал, что его поселят в нем, лучшего в городе не было, но кортеж проскочил дальше, свернул за угол и через глубокие арки с филигранными чугунными воротами въехал во двор «Восточного Версаля» — дворца графов Браницких. Здесь помещался штаб Десятой армии.

Многое во дворце осталось так, как было при поспешно сбежавших хозяевах, по крайней мере, в тех помещениях, которые Берестин успел увидеть. Ему отвели две богато обставленные комнаты на втором этаже, с окнами в парк и огромным балконом.

Приказав собрать на двадцать часов старших командиров и политработников армии, Алексей остался один. Вышел на балкон. Да, к концу века от всего дворцового великолепия действительно осталась жалкая тень. Прав был экскурсовод. Парк, запущенный, конечно, за два года, выглядел прелестно со своими прудами, искусственными водопадами и гротами, с аллеями, посыпанными желтым песком и толченым кирпичом, шпалерами деревьев и кустарников, подстриженных самым причудливым образом, с яркой, совсем еще свежей майской зеленью, первыми цветами на клумбах. Здесь бы действительно отдыхать и наслаждаться жизнью, а не воевать.

Берестин вынес из комнат позолоченное кресло с выгнутой спинкой, поставил его так, чтобы склоняющееся к закату солнце не било в глаза, и раскрыл большой блокнот с именной бумагой, подбирая в уме слова, с которых начнет совещание. За кустами довольно мерзко кричали бывшие графские, а ныне рабоче-крестьянские павлины.

У Алексея выработалась уже довольно стройная и эффектная техника взаимодействия с личностью Маркова. Сейчас ему надо расслабиться, почти забыть о себе самом, посмотреть вокруг чужими глазами, будто впервые увидев окружающий мир, представить себя Марковым и только им, и начинать писать. Рука сама изложит все, что должен сказать командующий, и в той именно форме, что принята сейчас. А потом нужно будет снова переключиться, чтобы пройтись по готовому тексту уже только своей рукой.

В нижнем беломраморном зале с мозаичным паркетом и лепными плафонами на потолке собралось больше полусотни человек. Генералы, полковники, полковые и бригадные комиссары.

Опять же — бывшие уже раз покойниками. К этому Берестин привыкнуть так и не смог. Пусть он был свободен от любых предрассудков, почти усвоил теорию прямых, обратных и многослойных временных потоков, но душой понять, как давно умершие люди могут жить рядом с ним, он не сумел до сих пор. Относиться ко всему происходящему, как к прокручиваемой второй раз кинопленке, у него не получалось, допустить идентичность окружающих с погибшими сорок лет назад — тоже. Принять, что это другие люди, другая временная линия и другая история, — затея теряла всякий смысл. Только великолепная психическая и психологическая упругость спасали его от шизофрении.

Может, из-за этих именно душевных качеств и подошел он на роль агента-исполнителя? За краткий срок во второй раз посещает прошлое, встретился с гостями из будущего, да плюс с тремя расами разумных инопланетян — и ничего...

Отвлекшись от своих мистических размышлений, которые со стороны выглядели как суровая сосредоточенность полководца, Алексей взглянул на сидящих перед ним и ждущих его слов командиров иначе. Как на безусловно живых людей, которыми ему положено командовать в неотвратимой войне.

То, что все здесь собравшиеся уже один раз умерли за родину, делало им честь, но не принесло славы. Многим просто не повезло, или пострадали они через чужую глупость. Но многие и сами виноваты. Будто забыли они за последние четыре года все, чему учились всю предыдущую военную службу... Как может военный человек, всю жизнь прослуживший в армии, уверовать в бессмысленную до идиотизма доктрину: «Малой кровью, на чужой территории»? Сколь бы высока ни была трибуна, с которой данная истина провозглашается! Уверовать всего через двадцать лет после окончания Первой и на втором году Второй мировой войны, имея представление, что такое германская армия, каков немецкий солдат и немецкая техника, и зная правду о своей армии — всю правду, а не то, что так упоительно подается на парадах, показных маневрах и в кинофильмах типа «Если завтра война».

Можно понять, когда страшно человеку оспорить высочайше утвержденную теорию — ведь это значит пойти вслед за тысячами других в лагеря и к стенке, умереть с клеймом врага народа. Но ведь молча, для себя, в своей дивизии можно же и нужно делать то, что требует долг и здравый смысл? Или же и этого нельзя? Неужели русский человек неисправим, и только смертельная опасность, грань национальной катастрофы в состоянии пробудить в людях героизм, талант, гражданское мужество? А во всех других случаях ему проще и приятнее без рассуждений, без попытки сохранить в себе здравый смысл и совесть выполнять указания любого, кто прорвался к кормилу власти, как бы преступны или просто глупы эти указания ни были?

Разберутся ли когда-нибудь историки и психологи в этой загадке первой половины века?

Все это приходило Берестину в голову и раньше, и по другим поводам, но то были вполне отвлеченные мысли или пустопорожний интеллигентский треп за рюмкой или чашкой кофе, а

сейчас перед ним была реальность. Вот они — подлинные статисты величайшей, может быть, в истории человечества трагедии. Виновники и жертвы небывалой расплаты миллионов людей за бессмысленную верность тирану, узурпировавшему святую идею.

Почему при проклятом, сгнившем на корню самодержавии его верные слуги могли понять опасность, исходившую от самого помазанника божия, находили силы спорить с государем и верховным главнокомандующим, доказывать ему его же бездарность, грозить отставкой? Как тот же генерал Брусилов в шестнадцатом году: «В случае же, если мое мнение не будет принято во внимание, я буду вынужден считать мое пребывание на посту главнокомандующего не только бесполезным, но и вредным. Прошу меня в этом случае сменить». Такие слова говорил Брусилов царю публично, что зафиксировано в протоколах высочайшего совещания в Ставке 28 марта 1916 года. Или здесь дело в том, что вольности дворянства предполагали известную независимость внутри этого круга, или настолько очевидной была истина, что честь в любом случае дороже и положения, и самой жизни, и только дальнейший прогресс, социальный и культурный, отмел этот феодально-помещичий пережиток? Или, наконец, все дело в том, что четыре года мировой и пять лет гражданской настолько выбили всех наиболее честных и отважных с обеих сторон, что некому стало на практике воплощать нравственные императивы?

Под влиянием таких мыслей новый командующий и начал свое выступление перед командным и политическим составом Третьей и Десятой армий.

Представившись и вкратце рассказав о себе основные сведения — где служил и воевал, чем командовал, Берестин-Марков сразу перешел к сути.

— Генерал Павлов смещен за то, что поставил округ фактически в катастрофическое положение. Любому из вас, если он достоин своего звания и положения, это должно быть очевидно при первом взгляде на карту. Независимо от того, что говорят политические деятели (все поняли, кого он имел в виду, и содрогнулись), мы с вами люди военные. Должны исходить из того, что война может начаться в любой день и час, и делать все каждый на своем месте, чтобы встретить врага во всеоружии. И материально, и морально. А к чему готовитесь вы? — Он обвел взглядом зал, остановился на средних лет плотном генерале

с наголо бритой головой. Указкой, словно рапирой, нацелился ему в грудь. — Вот вы...

— Командир Девятого армейского корпуса генерал-майор Леденев.

— Очень приятно. — Берестин знал, что Девятый АК занимал стокилометровую полосу на юго-западном фасе выступа. — Немцы делают вот что... — Берестин двумя взмахами указки изобразил направление ударов с севера, от Сувалков, и с юга, от Седльце, отрезающих обе армии и смыкающихся далеко в тылу группировки, восточнее Волковыска. — Что вы станете делать, имея в виду, что у противника и так двойное превосходство в силах, а на направлениях главных ударов будет и десятикратное? Садитесь. Но каждый из присутствующих может поставить себя на место генерала Леденева. Да и на своих местах радости у вас будет мало. И пусть каждый ответит сам себе... — Алексей почувствовал, что начал говорить слишком возбужденно, и сбавил тон. — Я сейчас не собираюсь устраивать военную игру или командно-штабные учения. Времени на это нет. Я хочу, чтобы все усвоили простую мысль — если война начнется завтра, мы ее уже почти проиграли. Не нужно пугаться моих слов. Нужно осознать положение дел и, не теряя дня и часа, начать действовать. Я смотрю, товарищи увлеченно меня конспектируют, — он повернулся к полковнику с орденом Ленина. — Назовите себя, пожалуйста.

— Начальник особого отдела Десятой армии полковник Лобанов. — Взгляд у полковника был неприятный. Особенно с точки зрения Маркова.

— Если вы конспектируете, чтобы сообщить куда следует о вредных мыслях и пораженческих настроениях командующего, то не советую. Времена несколько изменились. Ну, честно?

Лобанов молчал, только дергался мускул на щеке.

— Не хотите отвечать — настаивать не буду. Но имейте в виду, не тем занимаетесь. В таком качестве вы мне не нужны. Автономия ваша кончилась, будете бороться со шпионами и диверсантами на фронте, а не выискивать их среди товарищей. Вместе с начальником особого отдела Третьей армии и командирами погранотрядов завтра приказываю прибыть в Минск. В двадцать два ноль-ноль. Садитесь.

По залу прошел легкий гул. Полковник сел — красный и потный.

— Для того, чтобы избежать катастрофы, — продолжал Берестин, — мы с вами должны сейчас забыть все, что до этого го-

ворилось о грядущей войне. Война будет тяжелая и долгая. Враг сегодня сильнее нас, и именно сознание этой неприятной, но объективной истины должно мобилизовать нас на предельное напряжение воли и решимости победить. Наступать мы сейчас, конечно, не в состоянии. Поэтому красные пакеты в ваших сейфах немедленно по возвращении уничтожьте. Цель у нас теперь одна — стратегическая оборона. Но оборона не значит, что немец будет нас бить, где хочет, а мы — «стоять насмерть». Стоять насмерть нужно только тогда, когда это диктует обстановка или прямой приказ. А в любом другом случае нужно умно и грамотно наносить врагу максимальный ущерб, насколько можно сберегая собственные силы. А иначе вас раздавят, пройдут по вашим трупам и будут бить следующих. Необходимо создать мощные группировки на главных направлениях, встречать противника на самых выгодных рубежах, не пугаться прорывов и обходов, отсекать подвижные части от пехоты и тылов, обходящих — обходить в свою очередь. Если немцы прорвут фронт, не стараться догнать его и снова стать «нерушимой стеной» перед острием удара, вы его танки все равно не догоните, а войска растеряете, и пехота вас добьет. В таких случаях надо быть готовыми мгновенно организовывать фланговые удары, перерезать коммуникации, громить тылы. Танки без горючего сами станут, и чем глубже прорвутся, тем вернее погибнут... Я говорю вам сейчас почти прописные истины. Вы должны бы мне сказать сейчас: товарищ командующий, мы не лейтенанты, мы все это знаем, мы подробно разобрали на картах и макетах все операции гитлеровской армии во Франции и Польше, мы давно учли все ошибки англичан при отходе к Дюнкерку, мы наизусть знаем приемы Гудериана... Мы не сидели два года зря, готовясь к войне по речам товарища Ворошилова да романам Шпанова и Павленко. И я бы с вами согласился. Но — увы. Поэтому приказываю... — Он начал называть номера корпусов и дивизий, указывать им новые места дислокаций, рубежи развертываний и прикрытий, диктовать наиболее неотложные мероприятия. Бегло, конспективно, но четко.

Наконец, часа через полтора, он закончил. Разрешил всем курить и сам достал папиросу. Присел на край стола, показывая, что официальная часть закончена.

— Соответствующие приказы вы получите в установленном порядке и в должное время, а сейчас я хотел бы, чтобы вы все уяснили нашу основную стратегическую концепцию. Немцы

во все времена очень точно и детально разрабатывали свои планы и диспозиции. Значит, наша задача — с первого дня сломать все их расчеты. Они привыкли и умеют вести войну регулярную, они доказывали это. И еще докажут нам не раз. Что можем предложить им мы? В существующих условиях? Армию, готовую «умереть за СССР»? Мало. Ленин писал, что в современной войне побеждает тот, кто имеет «высочайшую организацию и лучшие машины». Как у вас насчет «лучших машин», товарищ генерал? — обратился Берестин к генерал-майору с танковыми эмблемами.

— Командир одиннадцатого мехкорпуса генерал Гоцеридзе, — представился тот. — В составе корпуса девятьсот десять танков всех типов, из них «Т-34» шестьдесят шесть штук, «КВ-1» пятьдесят, «КВ-2» двадцать один. Остальные — «Т-35», «ВТ-5», «БТ-7» и «Т-26». Нуждаются в среднем ремонте двести пятьдесят пять танков, в капитальном — сто девяносто семь...

— Хорошо, товарищ Гоцеридзе. В том смысле хорошо, что владеете обстановкой. А так, конечно, хреново. Значит, я буду рассчитывать на корпус и задачи ставить соответственные, а у вас едва дивизия. Павлову до сего дня рапортовали, что у вас корпус? Так?

— Не совсем, товарищ командующий.

— Значит, вы молодец и докладывали правду, а Павлов врал выше уже самостоятельно. Для фронта в целом и для вас лично от этого ничего не меняется. Садитесь. У остальных, как я понимаю, не намного лучше. А война, как я вам говорил, может начаться в любой следующий день. Когда она начнется, мы можем оказаться без планов развертывания и взаимодействия, без связи, без информации об общей обстановке. Но в таком случае каждый из вас должен усвоить, как раньше «Отче наш», а теперь «Краткий курс»: единственное, чем вы сможете принести пользу, потеряв связь со мной и соседями, это искать и находить способы нанести немцам максимальный ущерб. Только! Если не получите больше никаких приказов — действуйте, как Денис Давыдов. Наплевать вам на линию фронта, на количество врагов — бейте, где найдете и сможете, причем так, чтобы наши потери были меньше вражеских. Если позволит обстановка — с боями прорывайтесь к старой границе. Сумеете — занимайте выгодные для обороны рубежи, населенные пункты, укрепрайоны и держитесь до тех пор, пока в состоянии наносить врагу ущерб больший, чем ваши потери. Завтра же начните подробную рекогносцировку, спланируйте все мыслимые

варианты действий, пути подвоза и эвакуации, маневры вдоль фронта и в глубину. Возьмите на учет весь гражданский транспорт и продумайте способ его мгновенной мобилизации в нужный момент. Раздайте в войсках двух-трехнедельный запас боеприпасов, горючего и продовольствия, остальное оттяните на тыловые рубежи, туда же заблаговременно эвакуируйте неисправную и ненадежную технику. Особенно танки. Из мехкорпусов необходимо выделить отряды, укомплектовать их наиболее боеспособными машинами, пусть это будут полки или бригады, но полного штата и готовые выполнить любую задачу. В открытых боях — танки против танков — разрешаю использовать только «Т-34» и «КВ», да и то в редких случаях, остальные танки — только из засад. Если мы все это успеем запомнить и усвоить — врасплох нас не застанут. Разумеется, все это я говорю вам именно на тот случай, если мы больше не сумеем встретиться. Но в ближайшие дни я намереваюсь лично посетить большинство соединений. Тогда поговорим с каждым и более конкретно. Вопросы есть?

После товарищеского ужина Берестин остался вдвоем с членом военного совета Третьей армии, дивизионным комиссаром Кирилловым, с которым сейчас прогуливался по темному, освещенному лишь полной луной парку. Комиссар, мужчина лет тридцати пяти, попавший на свою должность год назад с поста зав. кафедрой истории партии ИФЛИ, показался Берестину мыслящим человеком, захотелось пообщаться с ним неофициально. Однако разговор не получался, Алексей уже чувствовал раздражение.

— Вы тут за последние годы настолько перепугались сами и запугали всех окружающих, что я и не знаю, как теперь людей перевоспитывать. И вы, политработники, к этому руку приложили.

— Как раз напротив, мы воспитываем людей в духе превосходства нашей идеи.

— Бросьте. С одной стороны, вы внушаете людям, что вероятный противник не только слаб, но и готов рухнуть при первом ударе, а немецкий пролетариат непременно поднимет восстание, как только Гитлер на нас нападет. А с другой — вы настолько этого же Гитлера боитесь, что готовы вообще у бойцов винтовки отобрать, только бы, боже упаси, не спровоцировать фашистов на нападение. И немцы все отлично видят и смеются над нами! Разве так к большой войне готовятся?

— А вы считаете, что нужно пропагандировать силу врага?

— Безусловно. Солдат должен знать прежде всего сильные стороны неприятеля. Тогда он сможет мобилизовать для борьбы все свои силы и возможности.

— А партия считает, что необходимо прежде всего внушить бойцам веру в несокрушимую мощь нашей армии и неминуемое поражение любого агрессора...

Берестин резко повернулся, размалывая каблуками кирпичную крошку. Схватил комиссара за ремень портупеи и с яростью почти выкрикнул ему в лицо (вот когда, наконец, не выдержали нервы!):

— Вы кто: идиот или провокатор? Какая партия так считает? Вспомните работы Ленина, перечитайте материалы ЦК времен Гражданской войны! Или же убирайтесь лучше из армии к чертовой матери! В партшколу для дефективных активистов! С немцами завтра воевать, двести дивизий и пять тысяч танков завтра начнут нас с вами в дерьмо растирать, а вы чему войска учите?

— Товарищ командарм!... — отшатнулся Кириллов. В голосе его звучали возмущение и обида.

— Что — командарм? — Берестин выпустил из руки портупею. Отступил на шаг и сел на подвернувшуюся скамейку. Закурил и затянулся, успокаиваясь. Потом даже улыбнулся. — Не понравилось? Интересные вы все же люди. Когда в глаза правду сказал — возмутился комиссар. А когда не мою — ленинскую правду при вас черт знает во что превращают — это вы принимаете спокойно.

Берестин увидел на лице комиссара прежде всего растерянность. Для него слова командующего выходили за пределы мыслимого. «Жаль, — подумал Алексей. — А вроде на вид ничего парень».

— Закури, комиссар. И не бойся. Я же не боюсь. Большевики за свою правду и на каторгу, и в петлю шли, а ты чего испугался?

Кириллов, очевидно, сообразил, что от командира не следует ждать непосредственной опасности, но продолжал гнуть свое:

— В условиях капиталистического окружения любая дискуссия в партии...

— Да хватит тебе... Редкий шанс теряешь — с командующим по душам поговорить. Насчет этого трепа я тоже мастер, почти кандидат философии, да такой, что тебе и не снилось.

— Как это так? — профессионально вскинулся Кириллов. — Я как раз кандидат и именно философии.

— А много ли ты знаешь об экзистенциализме, бихеовио-

ризме, неотомизме, прагматизме, о трудах Сартра, Адорно, Хайдеггера, Маркузе, Тойнби, Ростоу? О теории стадийного роста, постиндустриального общества, неоиндивидуализме и еврокоммунизме? Вижу, что мало... — Берестина опять понесло. Не потому, что он потерял над собой контроль, ему просто интересно было подбрасывать подходящим людям опережающую информацию. Кириллов показался ему подходящим.

— Западной философией я мало занимался, и переводят у нас далеко не все. Языков же я не знаю... — честно признался комиссар.

— Я не в упрек, а к тому, что есть многое на свете, друг Горацио... Ну а как историк партии, ты никогда не думал, что слепой догматизм опаснее любой оппозиции?

— Обострение классовой борьбы требует монолитного единства.

— Опять штампы. Если ты лично во всем этом так уверен — мне тебя жаль, Михаил Николаевич. А если думаешь одно, а пропагандируешь другое...

— Сергей Петрович, — Кириллов вроде на что-то решился. — Неужели не страшно знать, что ты прав, и все же умереть врагом?

— Значит, все же были и у тебя сомнения? Конечно, страшно. А как декабристам было? Уж тех вообще никто понять не мог, ни свои, ни чужие. Выходит, бывают моменты, когда следует решать, что тебе дороже, шкура или идея. Но я вижу, что к разговору ты не готов. Поэтому оставим. Библию читал? «Не вводи во искушение малых сих...» Об этом тоже подумай, как и о том, что я вот думал и делал, что считал правильным, отсидел, сколь пришлось, но сейчас — командующий, а ваш Павлов делал, что прикажут, и даже предвосхищал, а сейчас снят, и слава богу, а то мог кончить куда хуже и с собой в могилу еще с полмиллиона прихватить.

— Сергей Петрович, я вижу, что политическая линия поменялась, но прямых указаний ведь не было. Я не хочу в нашем теперешнем состоянии вдаваться в причины, я прошу сказать, что политсостав армии должен сейчас делать. И лучше бы в письменной форме.

— Писать мне некогда. Вы внимательно меня слушали? Вот и директива. Пакт — это далекая политика. Мы — солдаты. Наша задача — защита родины. Враг рядом, и он силен, умен и коварен. Ежеминутная готовность и уверенность в конечной победе. Для рядового состава — убей врага! «Сколько раз ты

встретишь его, столько раз его и убей!» У нас население двести миллионов, у них — восемьдесят. Если каждый боец убьет своего противника — война кончится через неделю. Это для рядовых задача. Для командиров разъясняйте посерьезнее и поподробнее. У немцев техника, опыт, организация, но нет объединяющей цели войны. За нами традиция дедов-прадедов и российская держава, которую нужно защитить. Про пролетарский интернационализм пока советую забыть. Для вас персонально, как для философа — линия водораздела проходит сегодня не по классовому признаку, а по национально-государственному. Против государства рабочих и крестьян идет войною немецкий рабочий, которому сегодня глубоко наплевать на наш интернационализм и идеи солидарности. Учтите это и не питайте иллюзий. Про свою классовую принадлежность они вспомнят, когда мы их в плен брать начнем десятками тысяч или Одер форсируем. Не раньше.

Комиссар снова протестующе взмахнул рукой.

— Я здесь не могу с вами согласиться. Классовое сознание...

Берестин ощутил злость, теперь уже холодную, прозрачную, не затуманивающую голову.

— Вы бы, дивизионный, не сейчас спорили. А хоть пару месяцев назад, с Павловым и Мехлисом. А то поняли, что я вас в особый отряд не отправлю и за несогласие с должности не сниму, потому и осмелели, вспомнили о чистоте идеи и теории. А мне сейчас этого не требуется. Считайте мои слова приказом и исполняйте. Спокойной ночи. Я в вас разочарован. Надеюсь, хоть в бою вы окажетесь на высоте. Как подобает профессиональному борцу за дело Ленина-Сталина... Если появится желание донос на меня написать — не советую. Читать все равно некому.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Только сейчас Берестин начал понимать, какой неимоверный груз он возложил на себя, приняв командование округом в канун войны. Даже опыт и знания Маркова мало помогали, потому что объем дел, которые надо было сделать сверхсрочно, проблем, требующих решения, превосходил все мыслимое им раньше. Ведь, кроме стратегических разработок, на него сва-

лилась вся черная работа. Проверить, добиться, согласовать, скоординировать, заставить, снять, назначить кого-то взамен — все это надо было самому, и на это не хватало ни дня, ни ночи.

Насколько наивными теперь казались Алексею мысли о нормальном рабочем дне. Он мог бы быть возможен, но лишь в том случае, если бы все остальное было нормально, все исполнители понимали бы свои задачи и обладали необходимыми качествами для их выполнения. А здесь... Берестин видел, как глубоко укоренилась привычка к бездумному подчинению директивам. Причем неоднократно он убеждался, что приказы глупые и вредные исполняются даже охотнее и эффективнее, чем умные и жизненно необходимые.

Почти постоянно он сталкивался с фактами противодействия. Начальник фронтовых складов артвооружения, которому приказано было сдать в войска все трофейные польские пулеметы с боезапасом, начинал ссылаться на черт знает какие и чьи инструкции, звонить в Москву, и даже после подтверждения правомочности приказа не прекращал своей волынки. Что он с этого имел, Алексей понять не мог. В таких случаях он приходил в ярость, снимал с должностей и лишал званий, тут же сталкиваясь с необходимостью искать замену. Не успевал он решить проблему с пулеметами, как являлся начальник штаба округа (прошлый раз по приказу Сталина расстрелянный) с протестом против распоряжения о передаче сотни танков из одной армии в другую...

За неделю Берестин объехал и облетел всю полосу будущего фронта, побывал в дивизионных и даже полковых штабах. Положение дел всюду оказывалось даже хуже того, что он представлял. Одно дело — прочесть в исторических трудах, что такая-то дивизия встретила войну, имея сорок процентов штатного состава, двадцать процентов техники и вооружения и будучи растянута на сто километров по фронту и семьдесят в глубину. И совсем другое — видеть все это в реальности, тут же на месте принимая решение: что делать? То ли переформировывать дивизию в полк, то ли неизвестно за счет чего доукомплектовывать. А кадровые вопросы, а взаимоотношения с местными партийными властями, которые, ссылаясь на предстоящие сельхозработы, категорически были против изъятия у колхозов тракторов и грузовых машин. И еще необходимость эвакуировать семьи командиров из прифронтовой полосы — так, чтобы скрыть эвакуацию от немецких шпионов.

Из пяти с лишним тысяч списочных танков набиралось новых образцов всего 960 штук, а исправных старых — около по-

лутора тысяч. Автомашин не насчитывалось и половины потребного количества, зенитных орудий тоже не хватало почти половины. За оставшиеся дни кое-что еще успеет подойти из внутренних округов, но мало. Все равно до отчаяния мало.

Укрепрайоны по новой границе были частично построены и еще в меньшей степени частично вооружены, смысл в них Берестин видел только тот, что они до последней возможности, ничего не прикрывая, просто будут приковывать к себе какое-то количество вражеских войск. Если полк в укрепрайоне за неделю-две свяжет полевую дивизию — вечная ему слава. И такая же память.

В целом, сделал вывод Марков, армия к сорок первому году утратила многое из того, что она знала и умела в тридцать шестом.

Но в одной из дивизий произошла у него встреча и удивившая, и растрогавшая его, вселившая даже некоторый оптимизм, нужду в котором он сейчас испытывал. Мелочь, как говорится, но приятная.

На строевом смотру увидел он подполковника с грубым унтер-офицерским лицом, с медалями «За отвагу» и «XX лет РККА», значком за Халхин-Гол. Увидел и сразу узнал. Ямщиков Александр Иванович. В двадцать восьмом году они служили в одном полку. Марков комполка, а Ямщиков у него начальником штаба. Теперь Марков командарм и командующий округом, а Ямщиков — только командир полка.

Если это не загадка и не тайна, то что же? Человек служит в армии с первого дня Первой мировой войны, кажется, имел «Георгия», а может, и двух, в Красную армию вступил сразу же, в восемнадцатом году, считался, как помнит Марков, надежным и грамотным командиром — и до сих пор, в сорок пять лет, все еще подполковник. При том, что такие пережил времена, в которые человек или исчезал бесследно, или за год-два становился генералом высших разрядов. Или и то и другое вместе.

Они поговорили немного на плацу, как старые сослуживцы, но и с чувством дистанции, которую тактично обозначил Ямщиков, и на другой же день Берестин вызвал его в Белосток.

— Александр Иванович, — сказал он в своем кабинете, когда все уставные слова были произнесены. — Давай забудем, кто ты и кто я, пусть будет, как в Знаменке, в нашем старом полку.

Они вышли на балкон, одинаковым жестом облокотились о перила, переглянулись. Вздохнули.

— Как ты обстановку оцениваешь? — спросил Марков.

— Хреново оцениваю. Воевать скоро надо, а мы не готовы, а воевать все одно надо...

— Совсем не готовы? А твой полк? Мне показалось, что полк в порядке.

— Мой-то в порядке. За то, может, и держат, чтобы было что показывать. А ты другие видел?

— Видел. Так отчего ж так? Я за три года приотстал, так ты меня просвети.

— Что просвещать? Я в армии двадцать семь лет, да на полку пять, а до этого — сам знаешь. И службу постиг, и ничего не боюсь, и поперек дороги никому не стою, вот у меня и порядок, а про остальное пусть комдив думает.

Березин поразился столь простой и четкой формуле душевного комфорта.

— Что же ты других не научил? В своей хоть дивизии?

Ямщиков усмехнулся с чувством превосходства.

— Или ты вчера родился, Сергей Петрович? Чему научить? Устав, он для всех один. Его исполнять надо, и все. А если, полк получив, о том думать, как кому на мозоль не наступить, или в академию пристроиться, или на дивизию махнуть — я им не учитель. В старое время если на полк стал — так, считай, и все. Оттуда только в отставку. Я графьев-князей не беру, из них начальники дивизий выходили, точно, а из простых подковых — в мирное время никогда. Поэтому тут только настоящая служба и есть, тут ум поболе генеральского нужен, потому как генералы умными людьми командуют, а полковник — всякими, кем приведется, и офицерами, и унтерами, и кашеварами.

— Мудро говоришь, я до этого в свое время не додумался.

— А когда тебе было? На полку-то год сидел? Но я тебя в виду не имею, ты службу хорошо понимал, хоть и старой не хлебнул. Ты лет на десять меня моложе?

— На семь.

— Ну ничего, все же послужил... И опять же у тебя хорошо повернулось. Я, когда узнал, переживал, но раз так — ничего... Тюрьма, она, бывает, тоже в науку.

— Да уж это верно. Но я тебя за другим пригласил. Дивизию как, потянешь?

— А ты как думаешь?

— Ну молодец. Хитрый ты мужик...

— Нам без хитрости нельзя.

— И я так считаю. Поэтому мы с тобой сделаем дивизию, какой еще не было. Раз войны не миновать, нужна мне хоть одна надежная дивизия на самый крайний случай. Вроде гвардейской. Из лучших частей соберем, и ты ее за месяц сколотишь так, чтоб хоть в Сухуми, а хоть в Одессу... Я вот чего представ-

ляю — три мотострелковых полка, танковый из «Т-34», гаубичный полк, противотанковый, мотоциклетный полк пограничников, мощный зенитный дивизион, ну и остальное по штатам... Всю пехоту посадим на машины, в каждой роте взвод автоматчиков, остальным — СВТ, двойной комплект пулеметов, в штат взводов по два снайпера — очень могут пригодиться, командиров сам подберешь вплоть да комполков, и вообще только мне лично будешь подчинен. Приказ на полковника я тебе уже подписал. Так что поздравляю. Устраивает тебя такой вариант?

Ямщиков задумался.

— Я что ж, человек военный, и если начальство видит тебя комдивом, спорить с ним не положено. Однако ты большую силу забрал, Сергей Петрович. Наместник как бы. Гвардию себе создаешь... Оно, может, и правильно по нынешнему времени... — Похоже, Ямщиков намекал на то, что, если бы у некоторых репрессированных были лично им преданные войска, все могло и иначе повернуться. А почему бы ему так не думать? Ума он был хоть и крестьянского, неотшлифованного, но большого, идеологические стереотипы силы над ним не имели, страстной любви к вождю народов ему испытывать было не за что, да и вряд ли человек его склада способен на такие иррациональные чувства.

Берестин подумал, что побуждение Маркова было правильным. Если бы не встретился такой Ямщиков Маркову, то Берестину следовало бы его выдумать.

— А разрешите предложить, товарищ командующий, если я новых стрелковых полков брать не буду, а свои три батальона в полки разверну? Так понадежнее будет... А танки и артиллерию действительно готовые можно.

— Годится. Делай, как считаешь нужным. Сегодня и приступай. С начштаба округа решишь все вопросы. Место дислокации вот, — Берестин показал на карте. — Через две недели жду рапорта о готовности дивизии. Смотр проведу лично. Ты вот что — каждого бойца танками окатай. Чтобы в окопе посидели, пока танк сверху ползет, гранату вслед бросить могли, а то и на ровном месте между гусеницами пусть полежат... Очень способствует, — вспомнил он любимое присловье Новикова. — Я тебе вскоре одну новинку подброшу, а для нее смелые люди нужны... — Он уже решил, что первую партию гранатометов направит именно Ямщикову. — На этом и порешим. И давай, по старой дружбе, за встречу, за звание и все прочее... — Берестин показал на дверь в соседнюю комнату, где уже был накрыт стол на двоих.

Из записок Андрея Новикова

И вот, значит, достиг я высшей власти, как говаривал Борис Годунов. И царствую, не в пример ему, спокойно, потому как у него зарезанный царевич за плечами имелся, а у меня только Берия, что не так трагично, его все равно казнили по приговору, а я только в исполнение привел на двенадцать лет раньше.

В остальном же хлопотно. Правда, с первых дней я снял с себя девяносто процентов сталинских забот, раздал дела по принадлежности, оставил себе только войну и надзор за внешней политикой, а гражданские дела вообще потихоньку стал свертывать. Но и того, что осталось, хватало под завязку. Много помогал авторитет отца народов и гения всех времен — все, что я предлагал, изобретал, воспринималось как должное.

Вчера вот товарищ Кузнецов у меня сидел напротив, Николай Герасимович. Доложил, что сформировано десять дивизионов морской артиллерии для обслуживания укрепрайонов и что со всем оборудованием и приборами они уже отбыли на позиции. Это он молодец, даже график опередил.

Поблагодарил я его и развел разговор, ради которого и пригласил. Что немец на Балтике силен, но пресечь его нужно, потому что морские перевозки из Швеции и Финляндии для него жизненно важны. А для этого следует немецкий флот стратегически упредить. Лучше всего, числа так десятого — пятнадцатого вывести в море все боеготовые лодки, указать им позиции в районах Данцигской бухты, Гамбурга, Бремена, Киля и приказать по получении сигнала развернуть неограниченную подводную войну. Основная цель — в первый же момент нанести шоковые удары и запереть немцев в их базах. Всем заградителям и переоборудованным торговым судам принять на борт мины и ночью накануне часа икс поставить минные поля и банки в западной части Балтики и на траверзе Готланда. Надводному флоту утром первого дня войны нанести всеми силами, включая и линкоры (которые прошлый раз так и простояли до победы в Маркизовой луже), удары по Кенигсбергу и Пиллау. Тогда есть шанс сразу же вывести немецкий и финский флот из активной борьбы на море. То есть повторить на Балтике кампанию четырнадцатого года. На Черном море то же самое

изобразить в отношении Румынии. Огнем с моря и авиацией атаковать Констанцу, высадить десанты в устье Дуная.

Мои указания он принял с восторгом, потому что вряд ли приятно было тридцатишестилетнему адмиралу подчиняться импотентскому приказу «Не поддаваться на провокации». Расстались мы довольные друг другом.

Берестин же свирепствовал на своем Западном. Что работал он хорошо, я видел не только из его докладов, но и из других источников тоже. За две недели его командования я получил на него шесть доносов из разных источников. Маркова обвиняли: в клевете на Сталина, в подрыве политико-морального состояния, в троцкизме, в намерении спровоцировать войну и в заговоре с целью свержения советской власти. Все эти доносы я с удовольствием переслал ему с приказом принять меры. И он их принял.

С блеском прошли испытания «БМ-13» и «БМ-26Т» (на танковом шасси). Залп с сорока восьми направляющих впечатлил даже меня, не говоря о прочих товарищах.

Из гранатомета же я сам пальнул разок, тряхнув якобы стариной и вспомнив свои мнимые, но широко распропагандированные заслуги в обороне Царицына. Эта штука била не хуже настоящего «РПГ», даже громче, и за мной принялась стрелять вся свита, а потом весь день они трясли звенящими головами и ковыряли пальцами в заложенных ушах.

Все участники разработки и исполнения были обласканы, и к первому июня первая сотня гранатометов и дивизионных «РМС» отправились в распоряжение Берестина.

С Вячеславом Михайловичем мы развернули грандиозную дезинформацию на дипломатическом фронте. Широко объявили о готовящихся на начало июля больших маневрах Западного и Киевского округов по типу маневров тридцать шестого года, пригласили на них высшее руководство вермахта, причем район маневров определили аж под Бобруйском, фронтом на Могилев. Немцы, наверное, хихикая про себя, приглашение с благодарностью приняли. Тогда мы, продолжая изображать из себя идиотов, обратились с просьбой до начала маневров познакомить наших генералов с опытом боев на Западе и принять к себе на стажировку сотню-другую наших летчиков. В знак подтверждения горячей дружбы. Они и на это согласились. Они-то считали, что еще более усыпляют нашу бдительность. Да еще Молотов намекнул через Шуленбурга, что не против обсудить новые предложения о разделе сфер влияния и о Ближнем

Востоке. А в качестве акта доброй воли, мол, не исключен пропуск немецких войск через нашу территорию в Индию! Вот бы смех был, если б они вправду согласились!

На столе у меня постоянно лежал график движения армий из Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Эшелоны шли по ночам, плотно, как в войну, а днем замирали на глухих разъездах и полустанках.

Но времени все равно не хватало, и я придумал еще одну хитрость, до которой тогда не дошла еще военная мысль. Для каждой дивизии и корпуса были заранее определены позиции развертывания, командиры переброшены туда самолетами и там с помощью личного состава местных частей приступили к разметке районов дислокации, оборудованию КП, уяснению задач, рекогносцировке и прочему. Войска в эшелонах шли тоже не как придется, а по схеме: впереди всех комендантские взводы полков, батареи управления и артразведки, саперные подразделения, и лишь потом — собственно пехота. В результате сроки боеготовности сокращались, наверное, раз в пять. Я хорошо помню (по книгам, конечно), что бывало, когда в начале войны полки и дивизии сгружались из поездов в чистом поле и сразу попадали в заваруху. Пехота здесь, артиллерия за двадцать километров, а где штаб — вообще никто не знает...

Надежда не пустить гитлеровцев за старую границу постепенно представлялась все более реальной.

А дни мелькали. Закончился май, покатился к середине июнь. Я до того сжился с натурой Сталина, что почти уже и не чувствовал, что это не он. Я просто был самим собой, знающим и умеющим все, что требуется.

Тело Сталина настолько помолодело, что приходилось всеми силами это маскировать. Но Молотов все же сказал: «Поделись секретом, Коба, столько работаешь, а посвежел, как после двух месяцев на Рице». Отшутился как-то. Но Молотова решил окончательно от себя удалить. Слишком настырный.

Работа и власть, конечно, увлекали, и посторонние мысли редко приходили в голову, но иногда до того хотелось расслабиться, учинить что-нибудь этакое... Еще — зверски надоела серая сталинская униформа. Сменить бы ее. Только на что? Думать надо. Объявить, что ли, себя маршалом? Тогда погоны нужно вводить, не дожидаясь сорок третьего года. Решил все же отложить до первой победы.

В общем, шапка Мономаха действительно тяжела.

Проблемы возникали ежедневно и ежечасно. То звонил Кар-

бышев и докладывал, что наличными силами не успевает привести в порядок старую границу и одновременно оборудовать предполье, и приходилось искать способы двинуть вперед две армии Резервного фронта, на ходу меняя графики перевозок. Выяснилось, что не хватает средств связи, и я снова должен был лично приказывать, в каких областях и районах демонтировать гражданские телефонные и телеграфные линии. В формируемых моторизованных частях образовался острый дефицит механиков-водителей, и по всему Союзу приходилось выдергивать шоферов и трактористов, да так, чтобы и это не слишком бросалось в глаза. Кто так уж сразу заметит, что вдруг в Ярославле, Тбилиси и Ленинграде почти невозможно стало поймать свободное такси?

И так далее, и тому подобное. Да к тому же надо напрягать память, соображая, какой еще опыт грядущего может пригодиться и какая еще самоочевидная глупость осталась незамеченной и неисправленной. Нередко вспоминалось действительно важное, но тогда следовало ломать только-только налаженное и делать все наоборот.

Попутно я продолжал изучать личность своего «альтер эго», разработав систему тестов. Непросто было сообразить, каким образом ставить самому себе вопросы и получать объективные, не зависящие от позднейшего знания ответы. Однако придумал, чем и горжусь.

И результат тоже получился нетривиальный.

Товарищ Сталин, оказывается, отнюдь не столь гениален, проницателен и злокознен, как принято считать. То есть никакой он не грандиозный стратег, на многие годы вперед определивший методику захвата власти, неторопливо и тщательно плетущий интриги, продумывающий партию, как Алехин. Это для него слишком лестное сравнение, придающее И. В. пусть мрачное, но величие.

Единственно, что Сталин действительно умел, так это создавать у ближайшего окружения иллюзию железной воли и абсолютной непогрешимости своих решений и поступков. И — «чувств никаких не изведав» — ликвидировать тех, на кого гипноз и обаяние его личности не действовали или действовали не в должной мере.

Сам по себе товарищ Сталин был человеком довольно средних умственных способностей, вдобавок почти напрочь лишенным альтернативного мышления и умения предвидеть более-менее отдаленные последствия своих действий. Продол-

жая шахматные сравнения, скажу, что он видел игру максимум на два-три хода. Отсюда и все его шараханья в теории и практике. К примеру: возникли осложнения с хлебом — отнять его у крестьянина силой. Не хочет, сопротивляется — послать войска, начать сплошную коллективизацию. Увидел, что перегнул — тут же статейку «Головокружение от успехов». Ну и так далее. Снизилась трудовая дисциплина на заводах — нате вам закон об уголовной ответственности за опоздания и прогулы. За Кирова кто-то там на съезде голосует — чего разбираться. Кирова убрать, делегатов перестрелять. Заметил, что Тухачевский задумываться сверх меры начал, там, где надо только в ладоши хлопать, — к стенке Тухачевкого и еще пол-армии за компанию... Всегда, в любой ситуации, принимается решение самое примитивное, самое лобовое, без малейшего представления о последствиях, даже для себя лично, как перед войной...

Главное ведь в том, что приход к власти именно такого человека в таком качестве оказался практически неизбежен — после всего, что уже было наворочено. Похоже, что Ленин понял это, в трагическом бессилье своей болезни пытаясь повлиять на ход событий, но «завещание» его не сработало.

А вообще, не хочу больше об этом писать. Сердце ныть начинает от бессильной злости и стыда за великий народ и великую державу. Добро бы хоть покорились тирану, стиснув кулаки и зубы, с мечтой об освобождении, как в иные-прочие времена, так ведь нет же — обожали, преклонялись, добровольно признали живым богом и «Лениным сегодня». Похоронную Ходынку сами себе устроили... И не нашлось ни Штауфенберга своего, ни Гриневицкого! Разве что Рютин, напрасный герой, преданный своими же товарищами... Ох и тошно обо всем этом думать, даже сейчас, когда вроде бы делаю невозможное. Только наяву ли?

Но хватит, не время душу травить.

11 июня я собрал у себя расширенное совещание. На нем утвердили состав ставки Верховного Главнокомандующего. Окончательно согласовали план первого этапа войны.

Ближайшая задача — измотать врага маневренной обороной и остановить на линии Лиепая — Шяуляй — Вильнюс — линия старой границы — Кишинев — Измаил. Последующая — позиционная оборона в течение двух-трех месяцев с возможными прорывами противника на главных операционных направлениях. В любом случае — утверждение сплошного фронта западнее Днепра.

Цель кампании сорок первого года — подготовка зимнего контрнаступления.

Выходило довольно убедительно. И, казалось, можно в будущее смотреть спокойно, делать свое дело без нервов и лишней суеты. Однако были еще и сны.

По заведенному Иосифом Виссарионовичем порядку вначале я приезжал на ближайшую дачу в час, бывало и в два, пил ночной кефир, хотя хотелось кофе (но тело чужое — и запросы чужие), и быстро засыпал, чтоб встать в десять-одиннадцать. Затем постепенно мы пришли с ним к историческому компромиссу, дела я стал заканчивать не позднее двадцати трех. Сменил постоянного, еще с тридцать первого года, шофера и за городом сам садился за руль — час-полтора носился, как черный призрак, на длинном «Паккарде» по пустым дорогам и просекам. Освеженный прибывал на дачу, сам себе заваривал кофе, гулял по саду, среди кустов и деревьев, освещенных луной, где мучительно пахло ночной фиалкой...

Но потом начались сны.

Они возникли неожиданно, на третьей примерно неделе моего перевоплощения. Яркие, цветные, без обычной в снах неопределенности и недоговоренности. И довольно целенаправленные, как я понял.

Значит, так. Я, ощущавший себя именно Сталиным, а не Новиковым, оказываюсь в неизвестном городе. Похожем на старый Тифлис конца прошлого века. И хожу, хожу по узким улицам, вьющимся по склону горы, захожу в тесные дворики, в полуразрушенные дома, ищу людей, которые должны объяснить, зачем я здесь.

Вместе с тем, что я Сталин, я одновременно и кто-то другой, помнящий то, что Сталин помнить не может, например — пронзительно синий и морозный день его смерти и пасмурно-туманный день похорон, серые полубезумные толпы на улицах, военные патрули, бронетранспортеры, рыдания и крики раздавливаемых о броню и стены людей.

Но самое главное, что в этом городе я встречаю Гитлера. Встречаю и не ощущаю в нем злодея, напротив, это глубоко утомленный жизнью человек, и мы едем с ним на рыбалку на озеро, похожее и на Рицу, и на Селигер. Там за ухой и рюмкой «Московской» он открывает мне душу.

«Андрей, — говорит он, — я про тебя все знаю. А ты про меня? Ты думаешь, мне легко быть Гитлером? Это ведь теперь и не фамилия, а некая формула. Гитлер! Никому не интересно,

что я был человеком, о чем-то думал, что-то любил, а что-то нет. Гитлер, и все. А я такой же Гитлер, как ты — Сталин. Я, может, ничего не хотел в жизни, кроме как бродить по Гарцу с этюдником, писать акварели, выставляться, заслужить имя... Но меня призвала судьба. А тебя разве нет? И вот мы, величайшие люди в истории, стали величайшими врагами. А нужно ли это нам и нашим народам? Представь себе, что два последних века именно Германия и Россия были наиболее близки и могли бы определять судьбы Европы и мира. Не случайно у нас был Маркс, а его идеи воплотил в жизнь ваш Ленин. А теперь ты и я! Мы взысканы судьбой. И если мы с тобой объединимся и объединенной силой сокрушим мировую плутократию? Они же враги одинаково и тебе и мне! И во всем мире останется только Германия и Россия, неужели мы не договоримся с тобой и не разделим мир по справедливости? Ведь когда ты победишь меня, тебе будет очень и очень плохо. С тобой мы поймем друг друга, а Черчилль и Трумен тебя никогда не поймут. А мировой сионизм? Что ты сможешь без меня? Одного тебя просто раздавят...»

Я просыпался и глядел в синеющее окно, пытаясь поймать грань между сном и явью, и, когда наконец понимал, кто я и на каком я свете, начинал думать. Не о том, что слышал во сне, а откуда это взялось. Не из моего же подсознания, потому что я, Новиков, так думать не могу. Значит, из него, из Сталина? Он что, всерьез обдумывал такой поворот? Может, поэтому и в войну не верил, не готовился к ней? Ждал, когда Гитлер на самом деле придет к нему с предложением союза? Начало-то ведь и на самом деле было положено: Договор о дружбе, пунктуальнейшие поставки сырья и хлеба, предательство западных коммунистов и социал-демократов. Отчего не допустить, что он верил, будто Гитлер и вправду его «альтер эго» и судьба страны — в союзе с Германией?

Ведь и вправду, от союзов с Англией и Францией Россия только и неизменно проигрывала. Все нами пользовались, обманывали, наживались на нашей крови... А если б в Первую мировую Россия с Германией — против Антанты? Бьоркский договор в действии. Что бы получилось тогда, как изменился бы мир?

Скажет кто-то: союз с Гитлером аморален! Так он и аморален только потому, что гитлеровцы столько натворили именно у нас. А наоборот посмотреть! Союзнички наши, американцы, англичане, французы разлюбезные, прочие объединенные нации? Такие уж они гуманисты? Китай, Алжир, Корея, Вьет-

нам, Ближний Восток, Камбоджа, Африка, Куба, Чили, Никарагуа, Сальвадор... Что, меньше убитых, меньше садизма, меньше подлости и предательства? И атомные бомбежки, и атомный шантаж, и гонка вооружений, и все, и все прочее...

В то же время я чувствовал, что и это — не мои мысли, хоть и выглядят моими, не мои чувства. Для меня — в чистом виде Новикова — союз с Гитлером все равно невозможен, потому что фашизм — всегда фашизм, а перечисленные грехи западных демократий — отклонения, большинство народов и даже правительств тех стран их так или иначе осуждали.

Грехи и даже преступления демократических стран я простить могу, а самый великолепный гитлеровский и сталинский порядок — никогда!

Как-никак, на Западе я прожил почти три года.

А сны с теми или иными вариациями повторялись и суть в них была одна. Пока я наконец не догадался, что, наверное, начали меня корректировать мои хозяева-пришельцы, что не устраивает их наша с Алексеем политика, что не такого от меня ждали поворота.

А когда тебе слишком грубо навязывают чужую волю, даже и с тем, с чем раньше был согласен, начинаешь не соглашаться. И я решил — нет, ребята! По-вашему не будет. Пока я здесь и жив — не будет! И все равно сделаю так, что даже когда вы меня убьете или выдернете из сталинского тела — не допущу. Еще не знаю как, но не допущу. Это же страшно представить, что они вдвоем сделают с миром...

Но сны по-прежнему снились еженощно, и еще более яркие и убедительные, и все против моей дневной политики. Выходит, значит, что не могут они теперь на меня впрямую влиять? Выпустили джинна, а справиться не могут. Ну а уж из-за угла им со мной не сладить! Какая там у них личная история, не знаю, но человеческую они не понимают. Что-то есть в нас запредельное, алогичное, но выводящее на такие рубежи, с которых и захочешь, а не собьешь!

На всякий случай я прекратил выезды на дачу. Перестала она мне нравиться. Или именно глушь лесная виновата, где глазу некуда глянуть, кроме как на заборы высокие, или прицел у них туда наведен? В Кремле действительно стало легче.

Я спускался в глухую полночь с малого крыльца, проходил через Ивановскую площадь, по наклонным аллеям спускался к Тайницкому саду и медленно прогуливался по его аллеям, глядя через зубцы стен на мигающее тусклыми огнями Зарядье. А в уме

набрасывал политическое завещание. Такое, чтоб вернуться к идеям свободы, чтоб никто больше не смог повторить сталинский вариант.

Потом я изложил «Завещание» на бумаге для одновременного опубликования его во всех газетах, по радио, на съезде партии и сессии Верховного Совета, через персонально верных мне людей.

...После заседания Ставки я с Берестиным стоял у парапета Кремлевской стены и говорил с ним так, будто не надеялся больше встретиться.

— Старик, — отвечал мне Алексей. — Наверняка мы с тобой слишком хороши для этого мира. Ты бы знал, товарищ Сталин, какая огромная инерция. Я считал себя резким парнем, но, ей-богу, мне муторно жить. У меня уже не хватает воли. Я читал книги, но раньше не верил! Мне казалось, что можно убедить и увлечь любого, если все правильно рассказать. Но я увидел, что нет. Что люди, которым положено быть умными и честными по положению, являются или идиотами, или саботажниками. Им лучше сталинская пуля и палка, чем моя свобода, демократия и ответственность. Я вызываю к себе первого секретаря обкома и говорю, что нужно делать. А он мне начинает плести санкционированные тобой благоглупости. Я говорю: какая тебе пятилетка, через неделю немцы твой хлеб жрать будут, а он: товарищ Сталин не допустит. Я их не то что смещать, я их завтра пересажаю всех на окружную гауптвахту!

— Ну и давай, — говорю я ему.

— Трудно, — отвечает Алексей. — Они все же наши люди. Смотрю я на него и знаю, что в тот раз он геройски погиб, отстреливаясь от танковой дивизии СС из именного «ТТ»... А другой, знаю, Власову пойдет служить. И что с ним сейчас делать? Повесить в гараже или оставить, как есть, только отправить в глубокий тыл и, лишив возможности предать, позволить стать героем труда?

— Да, — говорю, — достали они тебя. А мне, думаешь, легче? Как только сталинский террор закончился, все такие смелые стали, только и норовят спасти сталинизм от товарища Сталина. Да еще и пришельцы...

Вкратце описал ему историю со снами. И свои планы.

— Все верно, — говорит. — Если что — отдай власть мне. Или Жукову. Только не политикам. И я, и ты знаем им цену. Я не выношу американцев, но их политическая система двести лет спасает от диктатуры...

— А сам диктаторских полномочий просишь.

— Только на военное время. А потом пусть по-твоему.

— Если ты захочешь власть сдать... Кстати, не думал, как потом жить будем? Если домой вернемся? После такой власти — и опять никто! Приятно будет доживать пикейным жилетом?

Он засмеялся.

— Ничего. Как-нибудь. За себя я спокоен. Опять картины писать буду. А ты фантастический роман соорудишь — в американском стиле. «Человек, который был Сталиным»...

Посмеялись. Он достал из кармана бриджей серебряную фляжку граммов на триста, протянул мне.

— Попробуй, из графских подвалов. Бочковой коньяк.

— Ты не много пить стал? — спросил я.

— Нет, отнюдь. Даже наркомовскую норму не выбираю. Но стрессы снимаю. Черчилль вон всю жизнь в пять раз больше пил — и алкашом не стал. Так что за меня не бойся... Помнишь, что товарищ Сталин по этому поводу писал? В «Книге о вкусной и здоровой пище», издания 1951 года?

— Помню.

— Андрей, — сказал он, отдышавшись и закурив. — У меня с Жуковым серьезные разногласия. Я предлагаю в первый день войны ввести в промежуток между группами армий «Юг» и «Центр» корпус кавалерии и танковую дивизию в глубокий рейд по их тылам. Рубить коммуникации, сеять панику и так далее.

— А он?

— А он возражает. Представь — десять тысяч кавалерии и полтысячи танков в глубоких немецких тылах. Во вторых эшелонах групп армий. Там ведь почти не останется подвижных соединений. Две-три недели они смогут гулять там, как хотят. И даже, если не вернутся, наворочают такого, что на фронте и две армии не свершат! Я спланировал для них прорыв до Варшавы. По-ковпаковски. По лесам, втихаря, ночами. Придадим им поляков из пленных, коммунистов... Ковпак сходил до Сана и Вислы, стал дважды Героем. А чем регулярная кавалерия и танки хуже крестьян? Доватора можно на это дело назначить.

И тут мне вдруг разговор наш показался сценой из любительского спектакля. Вот бы отключиться от всего, сбрить усы и пойти с Алексеем в знакомый кабачок в подвале на Пушкинской. Мне будет хорошо. Но без усов меня не поймут. Я попался, я в тисках формы, как живой бог, как очередное воплощение Будды...

— Слушай, командарм, — сказал я Алексею, — давай я не буду сегодня больше Сталиным. Я устал. Хоть сегодня, в последний раз.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

А июнь все быстрее скатывался к своему самому длинному дню и самой короткой ночи. Но для Берестина уже исчезло это разделение суток на день и ночь, остался один бесконечный рабочий день, прерываемый случайным, как и где придется, отдыхом. Приходилось все самому контролировать, и тащить за шиворот, и бить мордой об стол, и срывать в приступе священной, какой-то петровской ярости кое с кого петлицы, совершая обратный процесс — из генералов в комбаты, потому что разучились многие работать самостоятельно и творчески, а многие изначально не умели, воспитанные в роковое последнее десятилетие, а иные и не хотели — рискуя, но ожидая, что может и обратно все повернуться.

Но дело тем не менее шло, и все чаще Берестин думал, что, пожалуй, он успел и теперь даже без него — обратного хода нет, война пойдет по-другому.

На легких «Р-5» или «У-2» командарм носился по всей гигантской площади округа.

...По узкой, но хорошо укатанной и посыпанной щебнем дороге его провели через линию отсечных позиций второй полосы обороны.

Здесь должны были сойтись острия танковых клиньев второй и третьей танковых групп немцев и, соединившись, рвануть на оперативный простор, по кратчайшему направлению к Москве.

То, что Берестин видел, его устраивало. Шесть линий хорошо оборудованных окопов, орудийные дворики и танковые аппарели, соединенные ходами сообщения, обеспечивали надежный и скрытый маневр силами и огнем, промежутки между позициями хорошо фланкировали, лес на сотни метров в глубину подготовлен к сооружению завалов на танкодоступных направлениях, размечены сектора обстрела и составлены огневые карточки и таблицы на каждое орудие. Прорыв такой обороны даже у хорошо подготовленного врага займет не одни сутки.

Берестин со свитой, своей и из местных командиров, миновал окопы боевого охранения. Лес кончился, открылась пологая, чуть всхолмленная равнина, покрытая редким кустарником, пересеченная несколькими ручьями и поблескивающими в за-

рослях осоки не то озерцами, не то болотцами. На западе, примерно в километре, поднималась гряда холмов.

По карте Берестин знал, что и как здесь размещается, но на местности видел впервые.

До холмов они домчались в минуты.

— Справа и слева минные поля, — сообщил саперный подполковник. — Три линии через сто метров, и все пристреляны.

От площадки у подножия холма, перед которой машины стали, вела вверх бетонная лестница, заканчивающаяся массивной железной дверью. У двери стоял часовой. Потом они шли длинными бетонными коридорами, тоже с железными дверьми по сторонам, и вышли в конце концов в тускло освещенный пасмурным дневным светом капонир. В центре на вращающейся металлической платформе грузно прижималась к смазанным тавотом рельсам длинноствольная пушка солидного калибра.

Старший лейтенант в рабочем флотском кителе, увидев сияющую нашивками и петлицами процессию, отчаянно выкрикнул «Смирно!» и кинулся рапортовать.

— Орудие, конечно, не новое, — извиняющимся тоном сказал оказавшийся тут же морской полковник — командир боевого участка, — но мощное. Восьмидюймовка системы Канэ, дальнобойность сто кабельтовых, то есть почти девятнадцать километров, вес снаряда четыре пуда...

Берестин выглянул в длинную амбразуру, вдоль которой на полозьях могла двигаться полуметровой толщины стальная заслонка.

Вид отсюда открывался великолепный. Распахнутая на десяток километров равнина, с дорогами, рощами, реками и озерами, крышами деревень и бывших панских фольварков. В километре перед УРом тянулся глубокий, разветвленный овраг. Чуть правее виднелась линия железной дороги на Барановичи — Брест — Варшаву. По ней можно было подбросить для усиления обороны железнодорожные транспортеры со стовосьмидесятимиллиметровыми морскими орудиями.

Берестин, как и Марков, не представлял пока, как бы он повел себя на месте немецкого генерала, внезапно упершегося в такую позицию. Расчет-то у немцев на то, что эти УРы давно демонтированы и даже взорваны. Так ведь оно и было в той действительности. Еще одна загадка сталинской стратегии... А теперь вражеским танкам придется наступать десять километров по открытой местности, под огнем тяжелой артиллерии.

Невозможно вообразить, о чем думали наши полководцы.

Ну ладно, признали линию ненужной, оставили, разоружили, бросили, пусть зарастает травой и кустарником. Но ведь завозили по две-три машины тротила под бронемассив и взрывали! Да и то некоторые доты только трещины давали. Что, взрывчатку некуда было девать? Рабочей силы выше головы? Новую линию строить не успевали, а чтобы ломать старую — и время, и люди были в избытке... Взять бы кое-кого за усы, намотать на кулак, да поспрашивать с пристрастием.

Берестин сплюнул.

Этот центральный узел обороны потянулся по фронту на двести с лишним километров, прикрывая минское, а значит, и московское направление, и взять ее в разумные для немцев сроки им не удастся. Можно только обойти.

Конечно, командиры боевых участков и войск полевого заполнения доложили Берестину о множестве недоделок и прочих трудностях объективного и субъективного планов, но теперь трагедии в этом Берестин не видел. Ничего подобного не имел ни один генерал прошлого сорок первого года. А ведь там, где войска заняли укрепрайоны вовремя — по Днестру на Южном фронте, — немцы с румынами за полтора месяца выбить их так и не смогли, и УРовские батальоны оставили свои позиции по приказу, когда фронт прогнулся аж до Николаева.

Берестин не стал осматривать другие доты, он увидел главное для себя и вновь погнал свой кортеж к аэродрому.

Недалеко от Смоленска он посетил лагерь пленных поляков. Почти пятнадцать тысяч солдат и офицеров старого Войска Польского жили в довольно приличных условиях — намного лучше тех, которые довелось узнать Маркову.

Берестин лично обошел бараки, выслушал претензии и пожелания, ответил на вопросы, и честные, и «провокационные», еще раз подивился, как мало изменился польский характер по сравнению с семьдесят девятым годом, а потом собрал в столовой человек полтораста из наиболее авторитетных. Им и сказал, что хотел. Даже здесь, среди самой образованной и культурной части пленных, ему пришлось не очень просто.

— Пан командарм, — поднялся из первых рядов худощавый симпатичный капитан. — Пусть я лично готов воевать и за черта и за дьявола, лишь бы против немца, но так то я. А другие спросят — не хотят ли русские руками поляков побить немца, а

потом, когда не останется ни немцев, ни поляков, снова забрать Варшаву себе? Как уже забрали Белосток?

— Пан капитан не читал Ленина?

— Нет, прошу пана, у меня были другие интересы.

— Если пан поверит мне на слово, я скажу, что Ленин и партия большевиков неизменно выступали за независимость Польши. Что и было подтверждено в восемнадцатом году.

Алексей кивнул адъютанту, тот исчез и вскоре вернулся с целой стопой коробок папирос и сигарет.

— Панове, курите и чувствуйте себя свободно. Не скрою, у меня масса дел, и я нашел бы лучшее применение своему времени, чем беседа с вами, не в обиду будь сказано, но я давно и серьезно интересуюсь польским вопросом и сейчас имею наверняка последний случай спокойно поговорить с настоящими поляками. Конечно, считаю своим долгом предупредить, что после нашей беседы ни один из вас в ближайшие две недели не увидит никого из своих товарищей, кроме сидящих здесь...

По залу прошел гул.

— Спокойно, панове. Вы военные люди, а я уже сказал вам столько, что не могу рисковать. Те из вас, кто согласится на мои предложения, получат соответствующие возможности, прочие будут изолированы вплоть до эвакуации лагеря в глубь страны, потому что на территории, которая на днях станет театром военных действий, мы вас, конечно, не оставим.

Вскочил толстый полковник.

— Не будет так, что вы нас просто... ликвидируете?

Берестин пожал плечами.

— Зачем, пан полковник? Мы вас врагами не считаем. А за некоторые... исторические недоразумения... ни вы, ни я личной ответственности не несем. К тому же я ведь немедленно обещаю дать любому из вас в руки оружие.

— Ваш СССР способен выставить на фронт десятимиллионную армию. А нас две-три дивизии. Зачем мы вам?

— Мы — братья по крови, хоть судьба и история долго нас разводили. Под Грюнвальдом мы сражались вместе, к вам на помощь пришли русские полки. Какую личную выгоду имели те, кто там погиб? Вот и я, с одной стороны, хочу, чтобы каждый, кто способен и желает воевать против общего врага, делал это. Раз! Пример нескольких тысяч воюющих поляков поднимет на борьбу еще десятки тысяч — это два. А десятки тысяч бойцов в тылу врага — уже серьезная для нас помощь. Польская армия, сражающаяся в одном строю с нашей, — серьез-

ный аргумент за изменение послевоенных границ в пользу той же Польши. Три.

— А какие это будут границы? — выкрикнул кто-то.

— Ну, я не Лига Наций. Не скажу точно. Но думаю, что все исконно польские будут польскими. Что вашими не будут ни Смоленск, ни Киев — могу ручаться...

В зале сдержанно засмеялись. Очевидно, идеи Пилсудского разделяли далеко не все.

В общем, Берестин беседовал здесь три часа, и результаты его удовлетворили.

В западной части округа Берестин с удовлетворением отметил, что намеченные меры маскировки и дезинформации уже действуют. С десятого июня были запрещены всякие самостоятельные передвижения военнослужащих, чтобы исключить возможность действия абверовской агентуры. Теперь каждый боец и командир, обнаруженный за пределами части, подлежал задержанию и строгой проверке, если только не имел специального, ежедневно заменяемого пропуска. И за первые дни действия этой меры было задержано не меньше сотни агентов в нашей военной форме. Введена была строжайшая охрана линий связи, вокзалов, автодорог и мостов, постоянная радиопеленгация, и агенты, не отловленные сразу, глубоко легли на дно, неведомо чего ожидая.

В то же время пограничники, чекисты и прибывшие в округ выпускники военных училищ имитировали бурную деятельность в давно покинутых военных городках, болтали лишнее в местах скопления людей, гоняли по привычным маршрутам машины, оборудовали для немецких воздушных разведчиков ложные аэродромы.

Рычагов, встретивший Берестина в приемной штаба округа, доложил, что за те дни, в которые командующий отсутствовал, авиация перехватила над нашей территорией тридцать два немецких разведчика. Два сбиты, восемь посажены у нас, остальные отогнаны. В Москву поступило пять серьезных нот.

— Про ноты знаю. Наплевать и забыть. Но работать надо аккуратней. Не всех отгонять. Там, где у нас ложные позиции, — пусть летают. Прочих деликатно сажать. И скажи особистам — пусть они организуют от двух-трех экипажей просьбы о предоставлении политического убежища, они, наверное, еще не разучились? Пусть признаются, что готовится нападение на СССР. Посмотрим, как Берлин отреагирует.

Рычагов доложил о готовности аэродромов перехвата и о

развертывании придуманных им зенитных батарей-ловушек. Все шло по плану.

— Запомни, Рычагов, — высказал Берестин наболевшую мысль. — Если со мной что случится, главное — массированное использование авиации. В первое время ты неизбежно окажешься слабее, и упаси тебя бог пытаться успеть везде. У тебя будут требовать прикрытия и поддержки все, но ты не поддавайся. Не позволяй раздергивать авиацию по эскадрильям и звеньям. Пусть где-то останутся дырки, но меньше чем полками, самолеты не выпускай. Полк не разобьют, а поштучно запросто расколошматят.

Он-то помнил, как оно было в тот вариант — хоть парой, хоть одним самолетом, но прикрой переправу, хоть звено, да подними на штурмовку... Даже из Москвы такие приказы поступали.

И опять все дело сводилось к тому, что несчетному легиону «ответственных людей» всегда проще и понятнее казалось и кажется имитировать деятельность, не считаясь с ценой и кровью — исполнять любые указания и намеки сверху. Что корпус спалить без пользы к юбилейной дате, что кукурузу в Вологде сажать, что личных коров резать для приближения коммунизма — для этого ряда «партийных» деятелей все едино.

— Товарищ командующий, — вдруг встал Рычагов, — разрешите доложить: своей властью арестовал ряд ответственных работников НКВД за саботаж и пособничество врагу.

— Ну-ка? — заинтересовался Берестин.

— Такие-то и такие-то вопреки моему прямому приказу отказались выполнить распоряжение об изменении планов строительства аэродрома. Задерживали отправку техники и рабочей силы, ссылаясь на не отмененный для них приказ наркома... То есть Берии... Некоторые сотрудники того же ведомства вызывали к себе моих командиров, в особенности зенитчиков, угрожали им и требовали невыполнения моих приказов и даже ваших... Под большим секретом и под роспись сообщали, что мы с вами — пробравшиеся в войска враги, злоупотребившие доверием товарища Сталина.

— Интересно, — развеселился Берестин. — Прежде всего они там плохие стилисты. Как могут враги — злоупотребить? Это их естественная обязанность — вредить. Я бы с удовольствием с этими ортодоксами побеседовал. Но недосуг. Ты уж сам разберись. Дураков вышли за пределы округа, врагов — сам знаешь. В общем, по закону.

— Товарищ командующий, среди них — начальник особого отдела ВВС округа.

— Ну и что? — не понял пафоса Алексей.

— Это он доносил на меня Берии еще раньше. И не успокоился до сих пор.

— Тем более...

— Я бы не хотел, чтобы это выглядело как месть.

— Оставь эти слюни! — рявкнул Берестин. — Война на носу! Считаешь нужным — суди и расстреливай. Или перевоспитывай. Твое дело. А у меня сейчас другие заботы.

...Счетчик отщелкал свое. Та часть отечественной истории, которая на десятилетия получила неконкретное, но пронзительно ясное и грустное наименование «до войны», — эта часть завершилась.

Рычагов в последний раз пролетел вдоль западной границы девятнадцатого июня. На «Чайке» — своем любимом истребителе, очень удобном для разведки. Приличная скорость, отличный обзор.

Приграничные районы на польской стороне были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные и совсем не замаскированные танки, бронетранспортеры, орудия. По дорогам непрерывно мотались мотоциклисты — во всех направлениях. Пылали легковые машины, скорее всего — штабные. Полякам в этих местах ездить не на чем. Где-то в глубине огромного пространства, у самой Атлантики, зарождалось грозное движение, прокатывалось по всей Европе и притормаживало здесь, у нашей границы, упираясь в нее, как в плотину. И все это, волнующееся, подспудно бурлящее, булькающее и хлюпающее, как грязевой вулкан, поднимается все выше и выше, вот-вот перехлестнет через край.

Ощущение близости войны было у Рычагова почти физическим. И вдруг, налагаясь на все это, с отвратительной четкостью возникло ощущение, несмотря на яркое солнце и бьющий в лицо ветер, что он не здесь, не в кабине истребителя, а в мрачной, провонявшей парашей и карболкой камере, и все окружающее ему только грезится, как после особо пристрастных допросов мерещилось небо Испании.

Рычагов свалил «Чайку» в пике, крутанул несколько нисходящих бочек, то влипая в чашку сиденья, то повисая на ремнях,

снова горкой набрал высоту, и немного отступило, пусть и не до конца...

Вернувшись в Минск, остальные двое суток Рычагов уже практически не спал. Доложив обстановку Маркову, он уехал в свой штаб и полдня работал над последним предвоенным приказом, без всякой дипломатии ставя задачи полкам и дивизиям.

Вновь приехал в штаб округа и, глядя, как Марков черкает толстым красным карандашом черновик, пишет на полях поправки и дополнения, Рычагов впервые — раньше недосуг было — попытался понять: а что же такое командарм Марков?

Он видел всяких общевойсковых командиров, и они часто ставили ему задачи, а он их исполнял, но всегда это были задачи общего, оперативного характера, выражающие конкретные потребности войск, без учета специфики и возможностей авиации как самостоятельного рода войск: бомбардировать, прикрыть, уничтожить. А как, чем, почему — несущественно.

Марков же писал такое, что даже ему, начальнику ВВС, было в новинку, и, только сделав усилие, он проникал в глубину и целесообразность мысли командующего.

К примеру: «Бомбардировщикам нанести массированные удары по аэродромам противника, имея следующее построение: группа разведки объектов действия, эшелон обеспечения, эшелон бомбардировки, группа контроля, группа прикрытия отхода от цели. Эшелон обеспечения состоит из группы наведения и целеуказания, группы подавления ПВО, группа прикрытия отхода задерживается над целью и не допускает взлета уцелевших самолетов противника. Всем командирам полков и эскадрилий в обязательном порядке иметь графики подхода по времени и высоте, такие же — отхода, схемы маневрирования над целью». Рычагов служил в авиации десять лет, но о таком и не думал. Нормальным считалось, когда самолеты грамотно выходили на цель и вываливали бомбовой груз, а там как бог на душу положит... Он попытался представить в натуре то, о чем писал Марков. Удивительно красиво и рационально. Общие потери удастся свести к небывало низким цифрам. Но он-то, Рычагов, понял это только сейчас, а смог бы он сам, без чужой помощи, это придумать? И честно ответил: повоевал бы с год да выжил — смог бы.

Но Марков вообще никогда не воевал в авиации!

Рычагов испытал нечто вроде мистического восхищения. Как обычный человек, наблюдающий игру шахматного гения на тридцати досках вслепую.

Но Рычагов понимал и то, что указания Маркова, увы, пока не исполнимы в полном объеме. Не тот уровень подготовки летчиков, не та слетанность. Тем не менее пробовать надо. Не выйдет сразу — выйдет по частям, но потери все равно будут меньше. И последние сутки Рычагов потратил на то, чтобы хоть в первом приближении осуществить идеи командующего.

С вечера до субботы все самолеты округа были на исходных позициях. Подвешены бомбы и «РС», заряжены пушки и пулеметы, готовы к работе заправщики и машины-пускачи, экипажи сидят под крыльями. Всем пилотам выдан американский тонизирующий шоколад, полковые врачи имеют запасы фенамина и схемы для его использования для поддержания сил летчиков.

Те, кто сегодня выживет, смогут сделать по пять-шесть вылетов, а значит, наши ВВС, на день 22 июня несколько превосходящие силы люфтваффе количественно, но уступающие им качественно, за счет невозможного для немцев боевого напряжения получат как бы тройное превосходство. Если же обратиться к идее стратегической внезапности, на которую и делают ставку гитлеровцы, то, введя новый критерий — «стратегическая внезапность обороны», — наша авиация имеет великолепный шанс за первые сутки если и не завоевать господство в воздухе, то добиться такого паритета, который, с учетом морального перевеса, создаст возможность превосходства в ближайшие дни.

И тогда вся идея блицкрига рухнет просто потому, что строилась она именно на этом — абсолютном господстве в воздухе! Наши войска, лишенные прикрытия сверху, видимые, как на ящике с песком, не знающие положения не только противника, но и своих соседей, геройски умирали, избиваемые с фронта, флангов, тыла и сверху! Пытались вырываться из клещей и мешков, тоже не зная — куда, в какую сторону. Не имели огневой поддержки, снабжения и связи — тоже поэтому. Из-за висящих над головой «юнкерсов», «хейнкелей», «мессершмиттов» и «фоккевульфов». Кадровые дивизии растрепывались начисто на марше, не имея даже шансов дойти до соприкосновения с врагом — и все из-за этого трижды проклятого вражеского господства в воздухе. А как же иначе, если к полудню первого дня войны мы потеряли тысячу двести боевых самолетов?

А если все будет наоборот?

На границе двух эпох, двух миров, двух сильнейших вооруженных сил двадцатого века все зависло в неустойчивом рав-

новесии. И ближайшие двадцать четыре часа должны определить — куда качнется чаша весов. К бесконечно тяжелым четырем годам Отечественной войны? Победоносной, но до конца ничего не решившей, в самой своей победе несущей семена грядущих сорок лет бесконечных конфронтаций, многих маленьких локальных войн и одной большой холодной. Или?..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В три пятьдесят загудел телефон и представитель штаба ВВС округа из Ломжи доложил, что слышит нарастающий гул многих авиационных моторов, а вот сейчас над ним плотным строем проходит девять бомбардировщиков. Не меньше сотни, «юнкерсы»...

Несмотря на то, что иного этот ранний звонок сообщить не мог, именно в ожидании такого сообщения он и сидел сейчас на своем КП, Рычагов почувствовал нечто вроде невесомости. Даже слегка зазвенело в голове. Сдернув трубку соседнего телефона, он отдал короткий кодированный приказ командиру сорок первой истребительной авиадивизии генералу Черных, за ним — командирам сорок третьей Захарову и сорок пятой — Ганичеву. По этой команде пошли на взлет все семьсот истребителей округа — «И-153», «И-16», «МИГи», «Яки» и «ЛАГГи». Из Белостока, Гродно, Кобрина — сразу же, из Минска, Барановичей, Слуцка и Пинска — через десять минут. Строго по графику. И тут же начали раскручивать моторы пятьсот пятьдесят бомбардировщиков «ДБ-3ф», «СП» и «ПЕ-2». Три сотни тяжелых «ТБ-2» пока ждали своего часа.

Самое-самое раннее летнее утро. Когда небо на востоке уже сильно зарозовело, а на западе еще темно-синяя мгла, когда просыпаются первые птицы и начинают что-то такое высвистывать и чирикать, а припоздавшие петухи торопятся докричать свое, когда густая роса насквозь пробивает модные брезентовые сапоги и, пересиливая запахи бензина, масла и нитролака, в кабины залетает ветер, пахнущий полевыми цветами и печным дымком из ближних сел и хуторов.

Не воевать бы в такое утро, а, к примеру, ждать первых поклевок на Нарве и Припяти...

Замолотили воздух винты, взревели на взлетном режиме мо-

торы, прижалась к земле под тугими струями воздуха седая от росы трава. Началось!

...С трехкилометровой высоты в утренней мгле на фоне сплошных лесов не сразу заметны плывущие внизу, километром ниже, ровные, как нарисованные на целлулоиде планшетов, девятки «Ю-88» и «ХЕ-111». А потом, как на загадочной картинке, где, когда присмотришься, ничего, кроме основного рисунка, уже не увидишь, все поле зрения заполнили идущие, как на параде, бомбардировщики. Взблескивают в восходящем солнце фонари кабин, туманятся круги винтов, за плитами бронестекла-флинтгласса сидят молодые, бравые, прославленные в кинохрониках «Ди Дойче вохеншау» герои сокрушительных ударов по Лондону, Нарвику, Варшаве, Афинам, Роттердаму, двадцатипяти- и тридцатилетние обер-лейтенанты, гауптманы и майоры, кавалеры бронзовых, железных и рыцарских крестов всех классов и категорий, готовые к новым победам и очередным наградам.

Четко идут, умело, красиво. И — без истребительного прикрытия. А зачем оно? Не курносых же «ишаков» бояться, что спят сейчас внизу и которым не суждено больше взлететь. Восемьсот должно их сгореть прямо на стоянках многих действующих, давно разведанных, вдоль и поперек заснятых аэродромов. Еще четыреста будут сбиты в воздухе пятикратно превосходящим противником.

Так все и было.

Поэтому, надо думать, первое, что испытали герои люфтваффе, успевшие увидеть пикирующие на них «И-шестнадцатые» и «Чайки», — удивление. Искреннее и даже возмущенное. Так ведь не договаривались!

Ведущий полка свалился на крыло и, прибавляя тягу мотора к силе земного притяжения, обрушился вниз. Поймав в кольцо прицела крутой купол пилотской кабины вражеского самолета, откинув предохранительную скобу с гашетки, майор впервые в жизни ударил огнем четырех стволов по живому, шевелящемуся там, внутри стеклянного яйца. «Юнкерс», с разнесенным фонарем и искромсанным пулями стабилизатором, нехотя накренился, медленно опрокинулся вверх брюхом, а потом, войдя в крутой штопор, посыпался вниз так стремительно и неудержимо, будто никогда и не умел летать.

Может быть, эти три немца, уже готовившиеся, наверное, открыть бомболюки, оказались первыми жертвами последней гитлеровской авантюры. А уже через несколько секунд среди

первых убитых в этой новой войне нельзя было определить, кто погиб раньше, кто позже.

Сто шестьдесят первый авиаполк — шестьдесят два истребителя, сто шестьдесят второй — пятьдесят четыре, сто шестьдесят третий — пятьдесят девять, сто шестидесятый — шестьдесят; вся истребительная авиадивизия неслыханного после двадцать второго июня состава (в ходе войны дивизии были меньше, чем сейчас полки) обрушилась на бомбардировщики второго воздушного флота, нанося свой внезапный и страшный удар. И много, наверное, проклятий прозвучало в эти минуты в эфире в адрес своих авиационных генералов, Господа Бога и самого фюрера из сгорающих в пламени авиационного бензина и дюраля уст героев люфтваффе.

Наверное, происходящее можно сравнить только с тем, что должно было произойти не с немецкими, а с советскими ВВС в это утро, когда пылали забитые рядами самолетов аэродромы, и те, кто не был убит сразу, еще во сне, в отчаянии метались, глотая слезы бессильной ярости, или пытались взлететь под огнем, зачастую даже с незаряженными пулеметами.

Наверное, первым ударом было сбито не менее полусотни бомбардировщиков. Но бой потерял стройность. Если бы на «ишаках» и «чайках» были рации, если бы летчики имели боевой опыт... Но таких (испанских, халхин-гольских, китайских) бойцов были единицы. Строй полков и эскадрилий рассыпался, каждый начал свою личную войну, хорошо еще, если ведомые не теряли ведущих. Гонялись, догоняли, сбивали, но и сами попадали под огонь кормовых, верхних, нижних блистеров, расположения которых на «юнкерсах» толком и не знали отчаянные лейтенанты.

Постепенно немцы начали оправляться от растерянности. Сбиваясь в тесные группы, вывалив вниз бомбовой груз, бомбардировщики разворачивались на обратный курс, прибавляя газу, огрызаясь плотным организованным огнем. И, натыкаясь на густые потоки трасс, вспыхивали и падали вниз верткие лобастые машины — гроза испанского неба.

Но свою задачу они выполнили до конца. Сокрушающего и внезапного удара по ничего не подозревающим аэродромам, военным городкам, мостам и складам у немцев не получилось. Генерал Захаров докладывал Рычагову через час, что его дивизия, потеряв около сорока машин, уничтожила примерно сто пятьдесят — сто шестьдесят. Потери один к четырем. По сравнению с тем, что было — десять к одному, — успех блестящий.

Примерно такое же соотношение выходило и по другим дивизиям.

Даже как итог первого дня это было бы прекрасно, а на самом деле разыгрывался только дебют.

Еще садились опаленные огнем истребители первого эшелона, а навстречу им уже шли скоростные бомбардировщики «СБ» и пикировщики «П-2» под прикрытием «чаек», на две тысячи метров выше — «Ил-4», а с превышением еще в километр — три полка «ЛАГГов» и «МИГов».

Все дальнейшее происходило, как на плохих учениях, где заранее расписаны победители и побежденные.

Взлетевшие на прикрытие своих избиваемых бомбардировщиков «мессеры» в упор наткнулись на волны «СБ» и ввязались в бой с «чайками» на скорости в полтораста с лишним километров, но тут бой диктовался скоростями «СБ», и верткие бипланы, по маневру явно переигрывая немцев, при необходимости легко уходили под защиту своих бомбардировщиков.

И пока воздушная карусель, стреляющая, ревущая моторами и перечеркнутая сверху вниз дымом горящих машин над самой землей, медленно (триста пятьдесят километров в час) смещалась к западу, группы «Ил-4» и «ДБ-3ф» почти незамеченными проскочили выше и накрыли бомбовым ковром аэродромы, где только что приземлились остатки первой волны немцев.

Всегдашней слабостью германского командования, что кайзеровского, что гитлеровского, оказывалось то, что оно легко впадало в состояние, близкое к панике, при резком, непредусмотренном изменении обстановки.

Вот и сейчас торопливые команды снизу заставили повернуть свои истребители на парирование новой непосредственной опасности. Воздушное сражение происходило на весьма ограниченном театре, и маневр силами не составлял труда. В иных обстоятельствах это могло быть и плюсом для немцев. Не исчерпав и половины своего запаса горючего, «мессершмитты» повернули на запад, к своим базам, рассчитывая на значительный выигрыш в скорости. И успели перехватить бомбящие с горизонта «ИЛы».

Ловушка сработала. С высоты на немцев обрушились «МИГи» и «ЛАГГи», как раз те самолеты, которые превосходили «мессеров» по своим тактико-техническим данным, и вдобавок с полным боезапасом.

Наконец-то впервые за два года люфтваффе почувствовали, что значит воевать хотя бы с равным противником.

И, наконец, садиться выходящим из боя истребителям пришлось как раз в тот момент, когда к цели начали подходить приотставшие «СБ».

В подобной ситуации, наверное, за всю мировую войну оказывались только японские летчики во время сражения у атолла Мидуэй.

Когда же ожесточение воздушных схваток на какое-то время утихло — все, кому было суждено, догорали на земле, а уцелевшие на последних литрах бензина садились, кто куда мог, — в очистившемся небе появились «ТБ-3», массивные, неуклюжие и медлительные, но несущие огромный по тем временам бомбовый груз. Десятки тысяч мелких осколочных бомб они стали вываливать на разворачивающиеся в боевые порядки, только что начавшие форсирование границы гитлеровские войска.

Мотопехота на грузовиках и бронетранспортерах, забившая все прифронтовые дороги, огневые позиции открыто стоящей артиллерии, танковые колонны — такая цель, что лучше и не придумать. И потери сухопутных войск, еще даже не успевших вступить в боевое соприкосновение с частями Красной армии, оказались для немцев немыслимо большими.

...Есть в объективных законах войны один, не до конца, кажется, проясненный. Закон, по которому ничем не примечательная точка фронта вдруг становится объектом приложения главных сил противоборствующих сторон и центром лавинообразного нарастания масштабов операций. Такими точками, например, становились Верден и Перемышль в Первой, Сталинград во Второй мировой войнах. Упорное сопротивление на одном участке вдруг вызывает у противника непреодолимую потребность подавить это сопротивление именно здесь, потребность, ничем разумным не диктуемую.

И наши, и немецкие историки задним числом пытались обосновать некую особую важность именно Сталинграда. Узел коммуникаций и так далее. Но кто мешал тем же войскам Паулюса свободно, под прикрытием уже идущих боев внезапно перенести направление удара на полсотни километров южнее, десятком дивизий форсировать Волгу там, где почти не было советских войск, и взять Астрахань — вместо того, чтобы с бессмысленным упорством сжигать людей и технику в уличных боях Сталинграда? И с другой стороны: кто и что заставляло Сталина губить десятки тысяч бойцов на ликвидации котла? Ведь куда как проще было оставить немцев вымерзать в разрушенном и блокированном городе, а наличными силами стремительно

прорываться к Таганрогу, отрезая на Кавказе всю группу армий «А».

Вот этот иррациональный закон и заставил командование люфтваффе бросать все, что у него было, в отчаянные воздушные бои над Белостоком, далеко превосходящие по ожесточенности битву за Англию.

Рычаговская карусель, при которой две трети истребительной авиации округа непрерывно крутились над полем боя севернее этого, не такого уж значительного города, притягивала к себе все, чем располагали здесь сначала второй, а затем и части первого и четвертого воздушных флотов. И в этом как раз и заключалась для них главная стратегическая ловушка. Прежде всего бои шли над советской территорией, значит, наши самолеты имели лишних полчаса по запасу горючего, во-вторых — «МИГи» значительно превосходили «М-109» по скорости на высотах и, ходя над главным горизонтом схваток, могли безнаказанно перехватывать их тогда, когда те пытались реализовать свой главный козырь — скороподъемность и маневр на вертикалях. На горизонталях же «И-16» и «И-153» имели серьезное превосходство.

И, разумеется, все больше и больше срабатывал тот фактор, который немцы так и не научились учитывать — безусловное моральное превосходство русского, а теперь советского солдата.

К двум часам дня обе стороны понесли очень тяжелые потери, наверное, самые тяжелые за все известные воздушные битвы современности. Только если учесть, что по сравнению с предыдущим вариантом истории советская авиация в первый день войны потеряла самолетов в три раза меньше, а немецкая вчетверо больше, то реальный итог выглядел совсем иначе, нежели при чисто арифметическом подходе. Как под Курском в сорок третьем году был сломан хребет немецких танковых войск, то сегодня, 22 июня, может, и не сломался, но крепко затрещал хребет люфтваффе.

Нельзя быть сильным везде, говорил Наполеон, а может, и Мольтке-старший. Сейчас Рычагов вполне сознательно решил быть сильным в одном месте и ни разу не позволил своим комдивам выпустить самолеты меньше, чем полком, как и учил Марков. И плоды были налицо.

К вечеру немцы почти не летали, даже на поддержку своих штурмующих границу и избиваемых с воздуха войск.

А на ночь у него было и еще кое-что. Тоже из других времен. Собранные по всем учебным полкам и аэроклубам две сотни

«У-2» и «О-5». Опять же по совету Маркова. Пять групп по сорок машин для непрерывного воздействия по ближним тылам осколочными бомбами и просто ручными гранатами.

Вот примерно с семнадцати часов 22 июня и начало проясняться то, что история все-таки перевела стрелку... Берестин провел этот день так, как и хотел, как полагалось крупному полководцу. Без лишних нервов, без паники, без надрыва и суматошно-бессмысленных выездов в войска. Как это отличалось от того, что было на самом деле — когда несчастный Павлов находил тень успокоения, мотаясь по тем корпусам и дивизиям, куда мог прорваться, и окончательно теряя управление остальными.

Берестин сидел в своем огромном и прохладном кабинете в Минске. Высокие готические окна, столетние липы за ними, зеленый полумрак и тишина создавали атмосферу отстраненности от жары, дыма и крови, что царили сейчас за пределами двухметровых стен, на западе самого западного из округов.

Он мог позволить себе быть полководцем, экспертом и аналитиком, потому что работала связь, операторы штаба исправно наносили на карты обстановку, Минск не превращали в щебенку армады «юнкерсов», и начальник ВВС не застрелился от нестерпимого чувства вины и отчаяния, как сделал это в иной реальности полковник Копец. И сам Берестин, командующий теперь уже не округом, а фронтом, мог руководить войной — тяжелой, конечно, на которой ежеминутно сгорали сотни жизней, однако — нормальной войной.

Правильной, если брать это слово в научном, а не нравственном смысле.

Враг превосходил пока что в живой силе и технике, однако не мог делать того, что готовился и хотел. Не было прорывов фронта в первые часы, потому что не было линии фронта в том смысле, как его рассчитывали видеть немцы. Одно дело, когда подвижные соединения уходят на оперативный простор, как хотят, рубят незащищенные тылы, оставляя позади растрепанные и неуправляемые массы людей, и совсем другое, если танковые клинья на главных направлениях обязательно натыкаются на хорошо подготовленную и эшелонированную оборону, а прорывы если и происходят, то в пустоту, словно с разбегу в отпертую дверь, а пока встаешь — сзади поленом по затылку.

К исходу дня, судя по картам, немцам нигде не удалось захватить стратегическую инициативу, в отдельных местах они продвинулись на пятнадцать — двадцать километров, но это и

предполагалось, зато в других точках фланги атакующих соединений подвергались непрерывным ударам, и потери вражеских вторых эшелонов были тяжелыми.

Нигде наши войска не побежали и не были окружены, от самой границы немецкая пехота вынуждена была развернуть боевые порядки в полном соответствии со своими уставами, то и дело натыкаясь на плотный заградительный огонь артиллерии, залегая и местами даже окапываясь. Тем самым все графики выполнения ближайших и последующих задач оказались сорванными в самом начале.

И если бы гитлеровский генштаб к вечеру первого дня боев посчитал темпы продвижения и потери, соотнес их с расстоянием до Москвы или хотя бы Смоленска, то, возможно, пришел бы к оптимальному решению оттянуть, пока не поздно, армию вторжения назад, за линию границы и выдать все случившееся за крупный пограничный конфликт. Как это сделали японцы при Халхин-Голе. Пожалуй, так было бы лучше для всех.

Но такого вывода сделано не было. Напротив, решено было, наращивая усилия, все же прорвать фронт в надежде, что дальше все пойдет, как задумано.

Берестин даже имел время и возможность пить кофе, в полдень прослушать по радио речь Сталина, в которой тот с совершенно новиковскими интонациями сообщил народу о фашистской агрессии, глубоко проанализировал предысторию и перспективы, не скрыл допущенных в подготовке к войне просчетов и ошибок, признал свою долю вины и призвал все народы Советского Союза временно забыть обо всем, что было раньше, и мобилизовать все силы на отпор врагу. Обратился в своей речи Новиков и к Русской православной церкви, и ко всем иным церквам, и к соотечественникам за границей, и ко всему свободолюбивому человечеству. Говорил он почти два часа. Берестин слушал, стоя у окна, иногда восхищенно хмыкал и крутил головой. Андрей превзошел самого себя, и впечатление от его речи, конечно, у народа было огромное. Он мог судить об этом по лицам людей, слушавших речь из уличных громкоговорителей. Такого они не слышали никогда, но, наверное, именно это и мечтали когда-нибудь услышать от родного и любимого.

Закончил Андрей так, как и ожидал Берестин: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

Первая сводка Совинформбюро, переданная после обеда, почти дословно повторяла ту, что прозвучала и в прошлой реальности. Почти на всем протяжении госграницы наши войска

успешно дают отпор агрессору, имеются незначительные вклинения противника на советскую территорию, полевые части Красной армии выдвигаются навстречу врагу, чтобы разгромить и уничтожить. Единственным отличием этой сводки от той была степень достоверности информации. Там была сплошная ложь, здесь — чистая правда.

От Жукова и Петрова Берестин узнал, что на их фронтах положение дел тоже достаточно удовлетворительное.

А в 22 часа поступило сообщение, что осуществилось и последнее важное предприятие первого дня.

Немцы грамотно спланировали первый удар — с флангов своей группы армий «Центр» охватом на Минск. Но на вершине белостокского выступа войск у них практически не было, да они там были и не нужны по любым канонам. Это вполне подтвердилось прошлый раз. Но сейчас у них все пошло не так, и пока наступление с флангов хоть как-то, но развивалось, в мягкое, как у развернувшегося ежа, подбрюшье группы армий вонзился клинок. С наступлением темноты через восточно-польские леса рванула вперед военно-механизированная группа генерала Доватора: две кавдивизии усиленного состава, три польских полка и дивизия легких танков «БТ-7», самых новых, что были в округе.

А от границы до Варшавы по мощеным дорогам всего сто километров.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КАК КОНЧАЮТСЯ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

От битв отрекаясь, ты жаждал спасения,
Но сильного слезы пред Богом не правы,
И Бог не слыхал твоего отречения,
Ты встанешь заутра, и встанешь для славы.

Н. Гумилев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Воронцову не хотелось дожидаться рассвета в броневике. Там и удобнее, чем снаружи, и дождь не достанет, а все же — не совсем приятно. Глухая темнота вокруг, и все время кажется, что враг может подобраться по лесу вплотную. Пусть и неоткуда взяться немцам за десяток километров от фронта, а все же... Снаружи как-то спокойнее.

Он включил фары, прикрытые светомаскировочными щитками. Натянул брезентовый тент между двумя елями, закрепил оттяжки, бросил под тент на толстый слой опавшей хвои подушку сиденья.

Мелкий, но частый дождь успокоительно зашелестел по брезенту.

Дмитрий разжег крошечный костерок — не для тепла, а так, для уюта. Выключил фары. Светящиеся стрелки часов показывали половину третьего.

«Есть во всей этой истории с пришельцами какая-то непонятная система, — думал Воронцов, глядя на огонь. — Все события словно удваиваются, повторяют сами себя, пусть и на другом уровне. Вернее, каждый из нас, взявшись, обречен на повторение похожих событий. Как в болезненном сне. Просыпаешься, стряхиваешь с себя утомительный и липкий кошмар, таращишь глаза в потолок, успокаиваешься, начинаешь задремывать — и все начинается снова. Чуть-чуть иначе, но то же самое...» Думал, с чем уж там, а с войной кончено. И пожалуйста — снова тот же броневик, этот же год и та же война... И Бе-

рестин опять в прошлом, только поглубже, чем пришлось в первый раз, а Новиков продолжает разыгрывать гамбиты, будто других комбинаций не существует. Как в болоте. Чем сильнее барахтаешься, тем глубже засасывает.

Воронцов был совершенно прав. Он только не думал сейчас о том, что выбор был сделан им совершенно добровольно, еще при первой встрече с Антоном. А потом вступила в свои права неумолимая логика событий...

Сцепление обстоятельств, приведших его опять в прифронтовой лес осени сорок первого года, было логически обоснованно и даже неизбежно при данном раскладе карт (как угодно — и военно-стратегических, и пасьянсных, если предположить, что судьба имеет обыкновение раскладывать пасьянсы).

После серьезного, моментами весьма напряженного разговора, состоявшегося с Антоном в Замке, стало наконец ясно, в чем заключался его замысел и какая роль отводилась каждому из землян. Антон, конечно, получил по морде за дело, Воронцов и сам с удовольствием повторил бы Сашкин демарш. Однако, отвлекаясь от эмоций, нельзя было не признать, что операцию Антон задумал и провел красиво.

В ней нашлось место каждому человеку и каждому ранее происшедшему событию, вроде бы не имевшему вообще никакого отношения к конечной цели. Антон просчитал, предвосхитил и упредил все самые потаенные планы и замыслы противника, нашел контрходы, которые до последнего момента не могли ему внушать и тени беспокойства. В общем, партия выглядела выигранной безусловно, если бы... Если бы ее завершение снова не ложилось бы целиком на плечи Воронцова, Шульгина и иже с ними.

Разумеется, Антон заверил, что риска практически нет. На больших трехмерных экранах анализаторов он продемонстрировал варианты, доказывая безопасность предстоящих действий для их участников.

— Вы же понимаете, — говорил он, — никакой аналогии с вашими мушкетерско-ковбойскими эскападами нет и быть не может. У нас не тот уровень. Стрельба, мордобой... — он выразительно глянул на Шульгина, — гонки на мотоциклах и прыжки с вертолета на плохо натянутый канат совершенно исключаются. Одно дело, когда инициатива исходила от вас. А если я беру руководство в свои руки, все будет нормально. Вам и делать-то почти ничего не придется...

— Ну и сделал бы все сам, — желчно заметил Шульгин. — И никакого испорченного телефона. Не нужно трудиться, нас,

дураков, учить. Я вот за себя не ручаюсь. Могу забыть что-нибудь в ответственный момент, перепутать.

Шульгин говорил это вполне серьезно, якобы болея за дело. Мол, смелости нам не занимать, а вот ума и сообразительности... Антон тоже, не поймешь — всерьез или подыгрывая Сашке, ответил успокаивающе:

— Не бойся. Я так объясню, что и захочешь, не перепутаешь. А насчет чтобы самому, я уже объяснял. Вот Дмитрию, кстати. Земля — ваша, Валгалла — тоже выходит, что ваша, раз вы ее открыли и застолбили. Пришельцы на вашу историю посягают, чтобы своих целей добиться, я здесь совсем как бы и ни при чем. Меня физически не существует. Я могу и уйти, если настаиваете. Сами во всем разбирайтесь. Когда Дмитрий мне Книгу отдавать не захотел — я разве спорил? Сейчас тоже не стану. Между прочим, Книга еще свою роль сыграет. Когда аггры протест заявят, что мы конвенцию нарушаем и землян против них вооружили, и выяснится, кто ее первый нарушил, когда и как. Факты там неопровержимые.

Воронцов тогда согласился, что Антон в принципе прав. Да ведь и нельзя было не согласиться, раз Новиков с Берестиным, вернее, их тела оставались на Валгалле в руках пришельцев, и без помощи Антона спасти их шансов не просматривалось. Дмитрий сам вызвался еще раз сходить в сорок первый год. Кому же, как не ему? Опыт есть, обстановку знает, форму носить не разучился. Шульгин, при всех его достоинствах, человек не военный. Левашов тем более. Вот на втором этапе, на Валгалле, у них лучше получилось.

Дмитрию даже готовиться не нужно было. Броневик его стоял во дворе Замка, где Воронцов его оставил, вернувшись с Книгой, требовалось только скорректировать карты с учетом вновь возникших обстоятельств.

Последний час перед отправлением Воронцов провел с Наташей в том самом кабинете, где они встретились.

— Я боюсь, Дим, — говорила она, держа его за руку. — Ты не обижайся, но какое-то предчувствие меня мучит. Понимаю, что не нужно говорить, и ничего не могу поделать... Война ведь там настоящая.

— Какая там война... Я в тыл иду. В наш и в глубокий. А что может случиться в глубоком тылу с личным другом товарища Сталина? Почтительный прием, оркестр играет встречный марш. Садись перед экраном и наблюдай за отдаваемыми мне воинскими почестями.

Сказал и понял, что сказал не то. Хорошо, что Наташа не уловила прямого смысла последней фразы.

Но он и вправду не видел в намеченном предприятии особого риска. Появиться в штабе фронта, встретиться с Берестиным, потом вместе с ним поехать в Москву к Новикову и обеспечить внезапное для пришельцев возвращение их в Валгаллу. И на этом все. Он с неожиданным удивлением отметил, что его тянет туда, в войну.

Когда он раньше с ностальгической грустью вспоминал дни, проведенные на разминировании Суэцкого канала, ему казалось, что он тоскует по молодости и любимому делу, а теперь выходило, что и воспоминания о риске и пережитой смертельной опасности тоже имеют свою прелесть. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...»

...Он высадился километрах в двадцати южнее Минска. Можно было бы и поближе, хоть прямо во дворе штаба фронта, но при этом возрастала опасность ошибки хронологической.

Выгоднее всего было избрать условный квадрат десять на десять километров, свободный от войск, появиться в нем в точно определенное время и добраться до места своим ходом, заодно и посмотрев вблизи, что там теперь и как.

Воронцов ненадолго задремал, слушая шорох дождя, а проснулся от гула многих самолетных моторов над головой. Еще не совсем рассвело, вдобавок самолеты шли выше туч, но ясно было, что летят немцы, звук их Дмитрий с прошлого раза запомнил хорошо. «Минск пошли бомбить», — подумал он. Здесь немцы для массированных налетов предпочитали ночные и предутренние часы, днем им слишком мешали советские истребители. Тоже примета иных стратегических взаимоотношений.

Минут через пятнадцать издалека донеслись глухие взрывы и частые залпы зениток.

Воронцов свернул тент и не спеша тронулся в путь. Через полчаса налет наверняка закончится, и он проскочит в город.

Наверное, так бы все и получилось, если бы не вмешались высшие силы. В данном случае — ОКХ (главное командование сухопутных войск вермахта).

Война продолжалась уже третий месяц, а ничего почти из намеченного по плану летней кампании выполнено не было. Стратегической внезапности не получилось, завоевание господства в воздухе осталось недостижимой мечтой, Красная армия хоть и отступала, но возмутительно медленно, фронт каким-то чудом держался, многообещающие прорывы неизмен-

но парировались ударами из глубины, и были все основания предполагать, что на «линии Сталина» русские надеются перейти к позиционной обороне.

Позиционная же война для вермахта являлась синонимом поражения. Опыт Первой мировой войны его генералы и фельдмаршалы помнили слишком хорошо. Следовало немедленно принимать решительные меры.

И как раз утром 30 августа войска Второй немецкой армии перешли в наступление, нанося удар тремя танковыми корпусами по кратчайшему направлению на Минск, одновременно выбросив в тыл обороняющихся частей Красной армии крупные воздушные десанты.

Одновременно отвлекающие операции начались на стыках с Юго-Западным и Северо-Западным фронтами.

Вводя в бой свои основные резервы, гитлеровское командование шло на серьезный риск, но расчет строился на том, что после прорыва главной полосы обороны Западный фронт рухнет и сил для выполнения задачи летней кампании все-таки хватит. Другого выбора у него все равно не было.

«Вот тебе и гарантии безопасности», — удивительно спокойно подумал Воронцов, увидев бледно-серое небо, сплошь покрытое медленно опускающимися парашютами. Под самыми облаками скользили десятки угловатых, только что отцепившихся от буксировщиков десантных планеров. Раскинувшееся справа обширное поле отлично подходило для их посадки.

Воронцов затормозил, соображая, что теперь делать. Напрямую не прорваться, дорога же перерезана. Множество брошенных парашютных полотнищ белело вдали по ее обочинам.

Он включил заднюю передачу, надеясь успеть скрыться в лесу. До которого было не больше километра.

Но все равно опоздал. Из кустов, покрывавших взгорок в сотне метров левее, короткими прицельными очередями застучал пулемет «МГ». Похоже, что немцы давно уже заметили броневик, рассчитывали взять «языка» и открыли огонь, поняв, что добыча уходит.

Целились они точно, несколько пуль ударили по башне и лобовым листам брони, и тут же машина осела набок. Пробило сразу два левых ската. Дергаясь из стороны в сторону, скрежеща сминаемыми дисками, броневик кое-как прополз еще полпути до спасительного леса и стал окончательно. Одна из тяжелых бронебойных пуль влетела в щель приоткрытых моторных

жалюзи, густо запарил пробитый радиатор. Еще два пулемета заработали с правого фланга.

Инстинктивно Воронцов сделал движение в сторону своего башенного «ДТ», из которого так удачно стрелял прошлый раз старшина, но тут же осознал нелепость своего порыва. Что он, с десантным полком воевать собрался? Не тот случай. Надо хватать автомат, планшетку, вещмешок — и ходу. Но и на это времени ему не дали. Сразу три тяжелых удара почти без пауз встряхнули неподвижный броневик, в лицо Воронцову плеснуло желтое пламя.

Он вывалился на дорогу. Не разум, а интуиция, основанная на множестве прочитанных книг из партизанской жизни, подсказала ему единственно правильное решение. Хотя левая обочина была ближе, Дмитрий рывком перекатился через грунтовку, упал в неглубокий кювет, прополз метров двадцать и осторожно выглянул. По полю в его сторону бежало до десятка парашютистов, но далеко. Раньше чем через пять минут не успеют.

Внутри броневика ухнуло, огонь и дым выхлестнулись через дверцы и верхний люк. Пригибаясь, падая и вновь вскакивая через неравные промежутки времени, чтобы не дать пулеметчикам прицелиться, Дмитрий пересек обращенный к немцам склон лощины, перевалил через гребень, еще не меньше километра бежал перпендикулярно дороге, путаясь ногами в густой траве, и, только врезавшись в плотные заросли орешника, упал на землю, запаленно дыша.

Еще раз вывернулся. Судьба, значит.

Только здесь, успокоившись, он понял, что заставило его выбрать, смертельно рискуя, именно это направление, а не скрыться в близком лесу по ту сторону дороги.

Кажется, Вершигора в «Людях с чистой совестью» писал, что самое трудное и опасное во вражеском тылу — форсирование дорог.

Если немцы действительно прорвали фронт — а на это похоже, иначе к чему десант, — очень скоро рокадное шоссе будет сплошь забито колоннами танков и мотопехоты, и кто знает, когда ему удалось бы выбраться за кольцо окружения.

Не зря утверждают, что мозг превосходит любой компьютер. Как он сумел в считанные секунды вспомнить строки давно уже всеми забытой книги, оценить не только сиюминутную, а и стратегическую ситуацию, принять парадоксальное, но спасительное решение?

Судя по всему, Берестин должен будет спешно перебазиро-

вать штаб фронта на северо-восток, в Борисов или в Оршу. Еще один вариант — Могилев, но вряд ли. Главные бои все равно развернутся на Смоленском направлении, туда и нужно выбираться.

Третий месяц полыхала над страной самая страшная с достопамятного тринадцатого века война. Несравнимая количественно, потому что в одном дневном бою погибало подчас больше бойцов, чем их было во всех княжеских дружинах и Владимира, и Суздаля, и Рязани, но сходная по масштабам бедствий, человеческих потрясений, судеб страны и истории.

В двухсоткилометровом предполье перед линией укреплений старой границы сгорали полки и дивизии, атакуемые с фронта и флангов, попадающие в клещи и вновь вырывающиеся из них, сражающиеся с гораздо более сильным и опытным противником, но страшным напряжением сил не дающие ему вырваться на оперативный простор и значит — выполняющие свою главную и единственную задачу.

Что позволяло до сих пор войскам сдерживать немыслимый напор врага? Прежде всего — эшелонированная, пусть и не в той мере, как планировалось, линия обороны, сильные группировки танковых и механизированных корпусов во втором эшелоне, которыми Берестину удавалось парировать наиболее опасные прорывы и вклинения гитлеровцев. И еще — практически неограниченное количество боеприпасов с выдвинутых в свое время к самой границе окружных складов, которые в прошлой истории в первые же дни войны попали в руки немцев.

По числу же артиллерийских и пулеметных стволов Красная армия даже в сорок первом году значительно превосходила вермахт.

Вдобавок достаточно надежное воздушное прикрытие. Люфтваффе так и не сумели завоевать превосходства, понесли совершенно неожиданные и немыслимые для них потери, уже к исходу первой недели значительно снизили свою активность и, несмотря на непрерывные жалобы ОКХ самому фюреру, ничего, кроме непосредственной поддержки пехоты и ночных бомбежек прифронтовой полосы, сделать пока не могли.

Да и Геринг вполне резонно не желал в угоду Гальдеру и прочим браухичам, бокам и леебам оставаться перед решающим сражением без самолетов, а главное — без лучших своих летчиков.

Казалось бы, Новиков имел все основания гордиться достигнутыми под его мудрым руководством успехами. Потери Красной армии в людях и технике были не сравнимы с потерями в «предыдущей редакции» тех же событий. Стратегическая обстановка на фронтах напоминала ситуацию примерно ноября 1941 года, когда немцы при полном напряжении сил еще могли наступать, но каждый километр оплачивался ценой вдесятеро выше той, чем могли себе позволить. Только происходило все не на окраинах Москвы, а у старой границы.

Однако при всем этом Новиков впервые в жизни испытывал нравственные терзания в духе Достоевского. По поводу цели, которая то ли оправдывает средства, то ли нет. Раньше ему просто не приходилось всерьез о таком задумываться. И очутившись в роли практически единоличного вершителя судеб миллионов людей, поначалу тоже не до конца осознавал, какую принимает на себя тяжесть. Разработанный стратегический план казался ясным и логически оправданным.

Конечно же, это вполне разумно — отразить первый, самый страшный и внезапный натиск гитлеровских войск силами кадровых частей, одновременно создавая в тылу практически новую армию, которая и нанесет по измотанному и потерявшему наступательный порыв противнику сокрушительный удар, перейдет в контрнаступление и погонит его на запад, до Берлина, а то и до Атлантики. Новиков и сейчас по-прежнему считал, что в военном смысле план безупречен. А в моральном?

На войне никто никому не может дать гарантий личной безопасности. Почему так неприятно читать о последних днях обороны Севастополя в сорок втором? Все уже ясно, город удержать не удалось, командование отбыло на Кавказ, а кому-то приказано — оставаться, биться до последнего, в буквальном смысле, солдата и патрона, потому что права на плен тоже нет.

То же самое — идея камикадзе. Наша мораль ее отрицает. Почему? Вроде бы летчики сорок первого года были такими же камикадзе, готовыми на гибель, на таран, на подвиг Гастелло, и никто почти из них не дожил до победы. Неужели все дело как раз в этом «почти»?

Если бы погибающие сейчас на западе дивизии имели нормальные шансы через положенное время отойти на переформирование, на отдых, получить подкрепления, потом снова воевать — все их жертвы выглядели бы совсем иначе. Но возможности вывести их сейчас из боя не было. Им нужно любой це-

ной продержаться еще минимум месяц. А для скольких такая необходимость означает верную смерть?

В общем, известная страсть российского интеллигента к рефлексиям не миновала Новикова и здесь. Он даже подумал, что главное преимущество Сталина и ему подобных в том и заключается, что на пути к достижению цели — неважно, какой — они свободны от расслабляющей способности войти в чье-то положение, ощутить чужую боль, задуматься: а вдруг кто-то другой прав не меньше, чем ты? Как без такой способности лидеру? Ибо, если он будет исходить из чувств, обычных для нормальных людей, то как сможет принимать решения, гибельные для отдельно взятых личностей, но необходимые для чего-то высшего?

Жаль только, что невозможно четко определить, с какого поста и с какого момента человек получает право мыслить и поступать как лидер. А ну как он вообразит, что ему уже все можно, а на самом деле — еще нельзя?

В старое время проще было, там такие права давались в силу происхождения.

Но то, что Новиков на своем посту имел возможность сейчас не только руководить воюющей стороной, но вдобавок и рефлектировать таким образом — это уже был хороший признак. Это свидетельствовало, во-первых, о том, что все идет по плану, а во-вторых, что он остается самим собой, натура Сталина не имеет власти над личностью Новикова.

«Телексная связь по СТ-35. Минск, Марков, Сталину лично. Прошу к аппарату.

— Сталин здесь, да, слушаю вас.

— Здесь товарищ Марков. Товарищ Сталин, обстановка крайне обострилась. Непрерывные атаки значительно превосходящего противника. Войска держатся только силой воли. Резервы практически исчерпаны. Прошу оказать помощь минимум тремя армиями из глубины.

— Товарищ Марков, вы хорошо знаете обстановку, наши возможности. Не поддавайтесь влиянию момента. Больше выдержки. Удерживайте фронт наличными силами. Ближайшую неделю помощи оказать не можем. Сталин.

— Товарищ Сталин, ответственно заявляю: фронт может рухнуть. Держаться нечем. Наметился разрыв фронта непосредственно в районе Минска. У орудий прогорают стволы. Настоятельно прошу помощи.

— Марков, окажем поддержку авиацией, назовите цели. Отдам приказ соседям усилить нажим противника с флангов.

Изыскивайте резервы. Напоминаю, в аналогичной обстановке под Смоленском Тимошенко держался. У вас до сих пор преимущество плюс четыре армии. Не паникуйте.

— Товарищ Сталин, на самом деле все гораздо хуже, чем кажется сразу. Я утверждаю с полной ответственностью. Если фронт посыплется, будет труднее. Введу в бой последний резерв — дивизию Ямщикова, а так, как хотите.

— Марков, Ямщикова не трогайте, он нужен для другого, удерживайте фронт еще трое суток, почаще вспоминайте, что было, что будет».

Берестин оборвал ленту с аппарата, еще раз перечитал. Конечно, Андрею там проще. Он видит только листы карты с красными и синими обозначениями. Дужки, стрелки и прочее. По ним легко планировать грядущие победы. И не так отчетливо осознаешь, что кроется за каждой стрелкой. Вот провел он сейчас по глянцевой бумаге хорошо отточенным карандашом «Делегатский», и через несколько часов сколькими еще потоками крови, пачками похоронок его жест обернется...

Линия фронта на карте почти зримо дрожит от чудовищного напряжения. Как перетянутая тетива.

Черкни по ней ножом... Если немцы пробьют брешь в обороне — все. До Смоленска их не остановишь. Разве только Жуков сумеет оттянуть на себя вторую танковую группу, если сейчас же начнет наступать на север.

Резервов действительно нет. Дивизия Ямщикова и Борисовское танковое училище. Это все. Похоже на китайско-вьетнамский конфликт марта 1979 года. Там тоже пограничники и ополченцы месяц держали фронт, а вся вьетнамская армия стояла и смотрела, чем дело кончится. И за спиной Западного фронта тоже стоит трехмиллионная армия, но она предназначена для грядущего наступления. Разумно, но очень тяжело...

Пожалуй, пора штаб фронта из Минска выводить. Не трусость, а осознанная необходимость. Переместиться восточнее Борисова, прикрыть Минское шоссе курсантами, туда же оттянуть Ямщикова. Даст бог — обойдется.

И еще был у Берестина последний, так сказать, подкожный резерв, который он ни в каких схемах не учитывал, а только в глубине подсознания держал, чтобы не поддаться настроению момента — три сводных полка пограничников, на самый распоследний случай. И при них сто гранатометов. Андрей прав — Тимошенко было гораздо хуже, когда он принимал фронт после ареста Павлова.

Берестин снял трубку телефона...

Знания, талант, воля даже такого полководца, как Марков, — это еще не все на войне. Есть и другие факторы. При всем героизме войск никак нельзя забывать, что армия-то была все же армией сорок первого, а не сорок четвертого года. То есть не имеющей серьезного боевого опыта, не располагающей кадрами командиров, способных решать возникающие поминутно и сложные даже для подготовленных военачальников проблемы. Не случайно ведь только на третьем году войны Советская армия научилась проводить операции с решительными результатами.

И если сегодня в обороне войсками еще удавалось стоять насмерть, то маневренные действия получались гораздо хуже.

Если бы Маркову удалось сохранить сплошной фронт, его войска, медленно отходя с рубежа на рубеж, выиграли бы еще несколько дней, но так не получилось. К исходу дня прорыв расширился до тридцати километров по фронту и почти на сорок в глубину.

Берестин отдал приказ начать общий отход к Днепру.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Воронцов шел на восток, немного уклоняясь к северу и избегая дорог. Положение, в котором он оказался, сильно отличалось от запланированного. Один, без оружия, если не считать пистолета «ТТ» с двумя обоймами, без броневика и даже без карты. И не сутки-двое предстоит здесь провести, а неизвестно сколько. Если Антон не вытащит.

Но непонятным образом Дмитрий предчувствовал, что нет, не вытащит, придется самому выбираться из окружения, разыскивать штаб фронта и решать все остальные задачи. Какой в происходящем заключается высший смысл, он пока не понимал, просто подтвердилась открытая им закономерность повторяемости событий. Тут же он вспомнил слова Антона, что опыт поведения Воронцова в окружении может еще пригодиться. Выходит, продолжается поставленный над ним эксперимент?

Впрочем, предполагать, что Антону и его соотечественникам просто нравится развлекаться, устраивая нечто вроде гладиаторских игр, вряд ли правомерно. Разумнее будет исходить из идеи о неких капитальных свойствах времени, параллельных ми-

ров, из независимости от воли даже самого могущественного разума. По крайней мере, Воронцову казалось достойнее осознавать себя объектом игры законов природы, нежели каких угодно пришельцев.

Продолжая идти по пустынному, пронизанному серебристо-серым светом лесу, Воронцов от мировоззренческих и философских проблем незаметно перешел к практическим, имеющим непосредственное отношение к текущему моменту.

Судя по далеким звукам артиллерийской стрельбы, прорыв немцам удался. Минск либо оставляется без боя, либо наступающие войска обходят его южнее, не желая терять время на лобовые атаки. Это плохо. Танковый клин может углубиться километров на сто, если не больше, отрезая Воронцова от Берестина с его штабом. Они словно оказались сейчас на разных берегах прорвавшего плотину бушующего потока. Переправиться через него — затея безнадежная. Хуже того, клин неминуемо будет расширяться, отжимая Воронцова (разумеется, вместе со всеми корпусами и дивизиями левого фланга фронтов) все дальше к югу.

Надо спешить. Лучше всего — разжиться транспортом и постараться обогнать передовые отряды второй танковой группы.

Воронцов проверил свои запасы. Еды никакой, но пока терпимо. Папирос две полные пачки, компас, пистолет, верный «спринг-найф». Пятьсот рублей денег, документы и вмонтированный в часы прибор, с помощью которого он должен осуществить возвращение личностей Берестина и Новикова на предназначенное им природой место.

Докурив, Дмитрий сказал, глядя в пространство перед собой: «Ничего, ребята, капитана Воронцова без хрена не съешь!» Если Наталья и остальные наблюдают сейчас за ним, пусть знают, что он, как всегда, в порядке.

Оружие он нашел даже быстрее, чем рассчитывал. На берегу заболоченного ручья, возле недавно прогоревшего кострища, где валялись пустые банки из-под тушенки, махорочные окурки и обрывки красноармейских книжек, он увидел брошенные винтовки. Три трехлинейки с примкнутыми штыками и «СВТ» без штыка. Понятное дело, ножевой штык от самозарядки такая вещь, что и дезертирам сгодится.

Но ориентируются ребята быстро, без естественной на его месте злости, подумал Воронцов. «Когда страна быть прикажет героем», таковым становится далеко не «любой». И удивляться тут нечему. Если уж весьма высокопоставленные и проверен-

ные люди оказывались отнюдь не на высоте в эти дни, чего уж ждать от рядовых, может, всего месяц назад призванных по мобилизации из мест, только второй год как ставших советскими.

Хорошо еще, если просто по домам двинули, когда представилась возможность, а то и в полицаи пойдут, если немцы здесь задержатся надолго.

Но зрелище брошенных винтовок все равно производило не то чтобы неприятное, а слегка нереальное впечатление. Привыкшему к строгостям своего времени Воронцову бесхозное и доступное оружие все еще казалось такой же невозможной вещью, как, допустим, сторублевки, рассыпанные по улице Горького. При том, что прошлый раз он уже немного познакомился с реальностями войны.

Он поднял одну трехлинейку. Сжал в руках грубовато выстроганную, но удобную шейку приклада, ощутил исходящую от оружия надежность.

Да, конечно, много чего напридумывали люди для уничтожения себе подобных за следующие за данным моментом десятилетия, а все же... Если разобраться, как эти четыре килограмма дерева и стали, обработанные и скомпонованные определенным образом, куда эффективнее многомиллионной стоимости самонаводящих ракет, лазерных устройств и прочих суперсложных изделий. В том смысле, что в конце XX века стоимость уничтожения одного вражеского солдата составляет более ста тысяч долларов (по иностранным источникам), а в те годы, когда капитан Мосин создавал свой шедевр, названная сумма никак не превышала полусотни золотых рублей. Остальное каждый может посчитать сам. Вот еще один довод против милитаризованного мышления.

За десятую долю денег, что Англия потратила в Фолклендском конфликте, можно просто купить не только острова, но и пол-Аргентины.

Усмехнувшись этим неожиданным здесь и сейчас мыслям, Воронцов выщелкнул на ладонь тяжелые — с медными, а не латунными, как в наше время, гильзами — патроны, размахнувшись, забросил винтовку в ручей. За ней — остальные. Себе он оставил «СВТ». Пусть и охаяли ее авторы повестей и романов про войну, а все же при грамотном обращении, тем более летом — оружие вполне подходящее. Десятизарядная, автоматическая, с мощным боем. Хорошая вещь.

Забросив винтовку за плечо, Воронцов размеренным пехотным шагом двинулся дальше.

Тучи рассеялись, выглянуло солнце. Воронцов шел, посвистывая, и, поскольку делать было нечего, продолжал размышлять на общие темы.

Почему, например, ему совсем не страшно и даже спокойно на душе? Казалось бы, война, окружение, одиночество, угроза смерти — такой букет отрицательных факторов, а ему хоть бы что... Загадка психики, недомыслие, вера в своевременную помощь?

Не то. Суть, скорее всего, в том, что он не отсюда. Только для современника его время самое сложное. Со стороны страхи и трагедии прошлого выглядят иначе.

Нет слов, Вторая мировая была ужасным бедствием. Но для кого? Для тех, кто не знал худшего. А как воспринимает ее он, проживший жизнь после Хиросимы, после вьетнамской и всех других войн? В которых людей убивали столь изощренно, с применением таких технических усовершенствований и достижений химии, физики, биологии и психологии, что ныне происходящая война способна вызвать даже ощущение несерьезности грозящих опасностей.

Самолет здесь оповещает о своем приближении характерным и издалека слышным гулом, скорость у него совсем игрушечная, пятьсот максимум, да и то для истребителей. А бомбардировщик ползет по небу так медленно, что можно перекурить, увидев его, дождаться, пока долетит, рассмотреть и посчитать сброшенные бомбы, прикинуть, куда они упадут, и лишь потом начинать прятаться.

Танк — тем более. Скорость около тридцати, обзора почти не имеет, пушка не стабилизирована, самонаведение снарядов — про такое здесь и не слышали.

Стрелковое оружие — простая, честная пуля, которая, даже попав, чаще всего не убивает насмерть, не то что гидродинамические пули, оперенные иглы и прочая гадость.

А самое главное, сознание того, что если тебя нельзя увидеть в полевой цейсовский бинокль по открытой прямой директрисе, — значит, и вообще нельзя. Какие там фотографии со спутников ночью при свете твоей же горящей сигареты...

И еще — темп жизни и способ реагирования. У людей сороковых и восьмидесятых годов они настолько отличаются, что даже трудно сравнивать. Кто желает, может посмотреть таблицы спортивных рекордов или средние скорости движения автотранспорта. Еще в пятидесятые годы машины по улицам ездили километров по тридцать в час. Кто жил тогда — помнит,

как катались на коньках, зацепившись крюком за идущую полуторку. Сейчас получится?

Неспешно жили люди и воевали так же.

За день Воронцов отшагал не меньше двадцати километров и не встретил никого и ничего. Левее все время грохотали морские пушки укрепрайонов, и означало это, что укрепрайон нормально держится. В таких условиях слишком зарываться гудериановские танкисты не будут, скоро остановятся, подождут подтягивания пехоты. Шансы на выход к своим тем самым повышаются. Найти хотя бы мотоцикл... А для этого придется выходить к дороге. Знать бы, где ее искать, глушь вокруг неимоверная.

По небу время от времени пролетали немецкие самолеты, на восток — четким строем, а обратно — как придется, группами и в одиночку, значит, над фронтом им доставалось прилично.

Один раз он увидел и наши самолеты. Штук двадцать «П-2» низко пронеслись над лесом, а минут через пятнадцать они же вернулись, тесной стаей, крыло к крылу, до предела форсируя двигатели и отстреливаясь из всех стволов от преследующих «мессершмиттов».

Насколько мог судить на глаз Воронцов, потерь теперь они не имели, и на скорости, почти не уступающей истребителям, могли благополучно долететь до своего аэродрома.

Он пожелал им всяческой удачи.

Ночь наступала медленно, словно нехотя. В десятом часу небо еще оставалось бледно-серым, однако в лесу тропа стала едва различимой. Ночевать на голой земле Воронцову не хотелось, и он продолжал идти, надеясь выйти на поляну со стожками сена, какие не раз встречались раньше.

А потом он увидел впереди свет. Едва уловимый, на пределе восприятия, свет костра.

Сойдя с тропы, маскируясь за деревьями, Воронцов с винтовкой наперевес, словно индеец Фенимора Купера, подобрался к огню вплотную, удачно миновав охранение, если оно вообще было выставлено.

Костер на поляне горел не один, а пять. Между ними двигались темные силуэты, много людей толпилось у огня, еще сколько-то невидимых оповещали о своем присутствии всевозможными звуками, а родные армейские словосочетания не оставляли сомнений в их национальной и профессиональной принадлежности.

Воронцов забросил винтовку за плечо на ремень и походкой своего человека направился к ближайшему костру.

Здесь сидели, лежали, дремали, подложив под голову вещмешок или просто прикрытый пилоткой кулак, курили, разговаривали, жевали хлеб, сухари, свежесваренную картошку человек пятнадцать бойцов. Были они из разных частей и родов войск, окруженцы первого дня, не потерявшие пока воинского вида. Все в форме, со знаками различия и оружием. Люди, сомнения не вызывающие.

На Воронцове поверх гимнастерки была надета танкистская кожанка без знаков различия, поэтому внимания его появление не привлекло, тем более что и вооружен он был по-солдатски.

Разговор у костра тянулся, похоже, давно, и тема его была та же, что у сотен других подобных костров, в окопах переднего края, в бесчисленных ротах, батареях, эскадронах и эскадрильях. О войне. Почему она все же началась, почему немцы нас жмут, когда это все кончится, что нужно делать командованию.

У этого костра разговором владел немолодой, лет за сорок, кавалерийский капитан. Говорил он вещи по тем временам смелые. О том, что царская армия, при всех ее недостатках, к войне была подготовлена лучше, не зря же ее первые операции были активно-наступательные, и если бы не Ренненкампф, Восточно-Прусскую операцию она бы безусловно выиграла. А мы, напротив, если бы не спохватились в последний миг, сейчас вообще неизвестно где были бы. Может, и под Москвой уже.

Воронцов поразился, насколько четко капитан уловил суть событий. И подумал, что, как всегда, люди, умеющие непредвзято, здраво и широко мыслить, отчего-то оказываются совсем не на том месте, не в той роли и не в тех чинах, что заслуживают. И как требуют интересы дела. Ну кто этот капитан? Командир эскадрона, помначштаба полка, никак не выше, а мог бы и на генеральских должностях служить, если б вовремя его рассмотрели кому положено. Или лес пилить, что вернее, тут же решил Дмитрий. А может, уже и попилил...

— Забываетесь, капитан, — прозвучал с другой стороны костра уверенный и начальственный голос, подтверждая правоту последней мысли Воронцова. — Думайте, что говорите, вас бойцы слушают.

— Ну и пусть слушают, на пользу пойдет. То, что я сказал, в любом учебнике написано. В середине августа четырнадцато-

го, если помните, русские войска на всех фронтах наступали, так что немцы из Франции, в разгар наступления на Париж, войска снимать начали. Не так? А чем мы с вами, товарищ старший батальонный, сейчас занимаемся? Поясните, если я чего не понимаю...

Возражал капитану, как рассмотрел Воронцов, старший батальонный комиссар с малиновыми пехотными петлицами. И возражения его были вполне для тех, и не только для тех, времен стандартными. Насчет коварства, внезапности, гения товарища Сталина и неизбежной грядущей победы. По сути близко к истине, но настолько не к месту, что даже и среди бойцов, к кому он апеллировал, поддержки его слова не встретили.

Впрямую, конечно, никто не возразил, но все как-то отвлеклись. Кто начал колоть штыком картошку в котелке, проверяя, не сварилась ли, кто заговорил о своем вполголоса. Комиссар это тоже ощутил, и то ли он тоже был умный человек и говорил по должности, то ли решил подождать другого момента, но бросил беззлобно:

— Вот, пожалуйста, и результаты ваших речей. — И без паузы спросил: — Закурить ни у кого не найдется? Весь день без табака...

Воронцов протянул ему свою «Пальмиру». Нашлись и еще желающие, пачку расхватали вмиг, оставив деликатно хозяину четыре штуки.

Дмитрий продвинулся поближе к капитану. Тот его заинтересовал, и свою компанию заводить требовалось, одиночкой долго не просуществуешь.

— Вы не историк? — спросил Воронцов.

— Нет, я экономист. А история... Ленин, кстати, писал: «Смешно не знать военной истории».

— Это верно. Однако, — понизил голос Воронцов, — иногда и Ленина нужно цитировать поаккуратнее...

Капитан посмотрел на Воронцова пристальнее.

— Полковник? Или полковой комиссар?

— Комиссар, — не стал уточнять Воронцов.

— Что-то я вас раньше не приметил.

— Я только что на вас вышел. Весь день в одиночку пробирался. Машина сгорела. Кто тут у вас старший? Или каждый сам по себе?

— Нечто среднее. Начальников много, толку мало. Есть тут один майор, пытается руководить, но выходит у него слабо. Беда, что ядра нет. Был бы хоть один взвод со своим лейтенантом,

тогда вокруг него и остальные бы формировались. А так... У меня есть пять бойцов, но я пока присматриваюсь. — Капитан махнул рукой. — Еще посмотрю, да, может, снова сам пойду. Обидно из-за чужого бардака пропадать...

— Ну-ну, — сказал Воронцов. — Утром сориентируемся. Вы возле меня держитесь со своими людьми, может, что и придумаем. У вас кони есть или пешком пробираетесь?

— Коня как раз найдем, — обрадовался капитан. — Будем знакомы. Коротков, Виктор Петрович. Начфин полка. Из запаса, разумеется. Но вы не думайте, я не только деньги считать умею. Учился в Николаевском кавалерийском, не окончил, правда. При Керенском прапорщика получил, воевал два месяца. Потом год присматривался, с девятнадцатого в Красной армии взводом командовал. С двадцать первого в запасе, при переаттестации дали шпалу...

— Ну, с таким опытом вы скоро полком командовать будете.

— Посмотрим. Война — дело долгое... — не стал жеманиться Коротков.

Воронцов о себе распространяться с младшими по званию не счел нужным, назвал только фамилию.

— Присмотрите за моей винтовкой, — попросил он капитана, — а я тут прогуляюсь.

Ничего особо интересного он при обходе ночного бивуака не обнаружил, но получил общее представление о составе, количестве и настроениях людей, подсаживаясь к разным группам, вступая в разговоры.

В итоге ему стало ясно, что лучше всего будет изложить капитану Короткову свою легенду и уходить с его пятеркой конников. И время он выиграет, и верхом сейчас надежнее, чем на механическом транспорте.

Без шума, по лесным тропкам...

Штаб фронта развернулся в каменных строениях бывшего панского имения (в предвоенные годы — МТС) в пяти километрах южнее дороги Борисов — Орша. Силами срочно выдвинутой из состава Резервного фронта ударной армии прорыв немца удалось пока сдержать, на неподготовленных рубежах третий день продолжались ожесточенные бои.

Берестин надеялся, что, получив еще одну армию и пару танковых корпусов, он сможет фланговыми ударами под основание Борисовского выступа восстановить положение и вернуть Минск. Тем более что три дивизии Минского укрепрайона продолжали держаться, заняв круговую оборону. За дверями его

кабинета на втором этаже эмтээсовской конторы послышался непонятный шум, потом она распахнулась, и, отталкивая майора-порученца, в кабинет буквально ввалился небритый расхристанный человек в грязных сапогах. Порученец на глазах командующего осмелел, еще раз демонстративно попытался загородить вход своей грудью, но незваный гость взял его за ремень портупеи и, приблизив к себе, отчетливо выговорил сложное военно-морское ругательство. Потом резко толкнул назад и захлопнул дверь.

Берестин настолько сжился за истекшие два месяца с личностью Маркова, что испытал самый настоящий генеральский гнев. Лишь через секунду он узнал и голос, и самого возмутителя спокойствия.

Воронцов же без тени улыбки сел на ближайший стул, вытянул ноги, постучал пальцами по столу.

— Хреново воюете, генерал армии. Не понимаю, почему вас до сих пор не расстреляли.

— Ты? Откуда? — Берестин почувствовал необыкновенную радость, почти восторг. Впервые за два месяца родной человек. С Андреем он ведь только по телефону и прямому проводу общался, а тут Димка собственной персоной. В реальном своем обличье, без всяких обменов разумов!

— Я, ваше превосходительство, самым натуральным образом. Ты лучше налей мне что-нибудь от генеральских щедрот, я ведь и не пивши и не жрамши цельную, почитай, неделю. Зато войну повидал. Лично. Очень рекомендую. Это вам не по картам стратегии разводить. Генералы...

Воронцов выпил сто граммов, строго по норме, закусил кружочком сухой колбасы. С отвращением посмотрел на свои грязные руки.

— Помыться бы. И покурить чего... У нас и махорки не было. Там мои ребята на улице, распорядись. Красиво мы по тылам погуляли. К орденам бы их, пока ты еще здесь главный.

— Все сделаем. Только ты скажи, что случилось? Почему в таком виде? Тебя Антон прислал или вы с Олегом сами?

— Что ты засуетился? — Глаза у Воронцова заблестели. От выпитой водки и от того, что он наконец добрался до цели, настроение у него стало дурашливое, его забавляла растерянность и нетерпение Берестина. — Веди себя по-генеральски. Как начал: строгость взора, металл в голосе. Тебе идет. Ну — все, все... Кончено. Еще стопарь — и хватит.

— Не развезет тебя с голодухи? Я сейчас распоряжусь — обед принесут.

— Распорядись обязательно. И лучше сразу два обеда. Тогда и поговорим по делу. Как в русских сказках — напои, накорми, а потом расспрашивай.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Они въехали в Москву пронзительно солнечным и холодным сентябрьским утром.

Колонна машин, возглавляемая пятнистым закамуфлированным «ЗИСом», по Можайскому шоссе и Большой Дорогомиловской вывернули через Смоленскую площадь к Арбату. Теперь уже Воронцов, как недавно Берестин, жадно, не отрываясь, всматривался в мелькающую за открытыми окнами московскую жизнь. Что ни говори, а только здесь по-настоящему ощущается невероятность происходящего. На фронте все иначе, фронт, он и есть фронт. А видеть наяву то, что видел недавно лишь на старых фотографиях, в кадрах кинохроники или снятых в жанре «бюрократического романтизма» художественных фильмах вроде «Светлого пути» — совсем другое дело.

А Берестина кольнула в сердце на углу Староконюшенного, где и началась вся эта «космическая опера» его встречей с Ириной. Не зря он тогда ощутил какое-то потустороннее дуновение неведомой опасности, увидев молодую стройную женщину в черном кожаном плаще.

Алексей невольно усмехнулся, вспомнив свое тогдашнее сожаление, что не для него уже свидания с загадочными красавицами и что жизнь почти прошла, не оставив надежд на какие-то неожиданности и яркие впечатления.

— Смотри, — прервал его воспоминания Воронцов, — и не скажешь, что фронтовой город.

— А ты ждал, будет как шестнадцатого октября?

— Нет, но все же...

— Так и должно быть. Фронт далеко, сводки спокойные, бомбежек не было, ополченцев не призывают... Мужчин, конечно, поменьше, а так все в порядке. Кое в чем даже лучше. Страху меньше, по ночам не арестовывают, десятки тысяч из лагерей вернулись, наш великий друг в регулярных выступле-

ниях обещает народу близкое и светлое будущее, кино бесплатно крутят, рестораны работают до утра... — Берестин невольно заговорил с нотками человека, имеющего основание гордиться своей причастностью ко всем названным преимуществам нынешней московской жизни над довоенной.

Впереди блеснули купола кремлевских соборов, и Воронцов, невольно напрягшись, вернулся к теме, которая его волновала гораздо больше, чем бытовые подробности.

— Как хочешь, а опасаюсь я... Меня как учили — самым сложным моментом десантной операции является обратная амбаркация, сиречь возвращение войск на корабли с вражеского берега... Вас-то я отправлю, а сам останусь с глазу на глаз с натуральным Иосифом Виссарионычем. Что, ежели его ранее угнетенная личность развернется, как пружина из пулеметного магазина? Помнишь, как оно бывает?

— Чего ж не помнить? Сколько мои солдатики пальцев поотбивали, а один как-то чуть без глаз не остался... — кивнул Берестин.

— Вот именно. У вас, конечно, на Валгалле тоже свои проблемы возникнут, но там хоть на ребят надежда, они вроде все продумали, а я выкручиваться должен...

— Выкрутишься, — Берестин не выразил готовности разделить тревоги Воронцова. Его больше занимали государственные заботы. — Хоть и понимаю я, что нас дальнейшее вроде и касаться не должно, может, и вообще ничего после нас не будет, а обидно, что Сталин все на круги свои вернет. Сумеет Марков запомнить и сделать, как намечено? Или история все-таки необратима и не имеет альтернатив?

— Серьезный вопрос. Если судить по моему прошлому походу — может, и не имеет...

Философскую беседу пришлось прервать, потому что «ЗИС» притормозил перед закрытыми Боровицкими воротами.

Лейтенант в форме НКВД чересчур внимательно принялся изучать документы Маркова и Воронцова, чем вызвал раздраженный генеральский окрик:

— Вас что, не предупредили? Или до сих пор от бериевских привычек не избавились? Открывайте! На фронт вам всем пора, опухли тут от безделья. Ротами командовать некому, а они впятером ворота сторожат! Вон, гляди, морда в окне не помещается...

Воронцов, не сдержавшись, расхохотался. Действительно, круглая и конопатая физиономия выглянувшего на шум часо-

вого раза в полтора превышала размеры обычного человеческого лица. Да и внезапный переход от берестинской интеллигентной манеры к начальственной грубости Маркова тоже его позабавил.

Но желаемый эффект был достигнут. Створки ворот распахнулись. Берестин уже захлопнул дверцу, как из глубины башни возник еще один чин кремлевской охраны, с двумя шпалами на петлицах и рыхло-серым лицом человека, лишь изредка бывающего на свежем воздухе. Можно было предположить, что вся его жизнь протекает в недрах подвалов и казематов. Возможно, так оно и было.

— Попугаев, вы что? — закричал подземный обитатель, даже крик которого был странно похож на шепот. — Грузовики не пропускать!

— Тьфу! Еще и Попугаев! — изумился Берестин. — Придумают же!

Он оглянулся. Колонна запыленных пятитонок, в которой вместе с ним прибыл передовой отряд дивизии Ямщикова, вытянулась на добрую сотню метров и, естественно, перепугала охранителя.

Берестин мог бы позвонить коменданту Кремля, самому Сталину, недоразумение разрешилось бы в минуту, однако не он, а Марков со дня своего ареста ненавидел подобный тип сотрудников НКВД спокойной и презрительной ненавистью, и не потому, что лично ему они причинили массу неприятностей, а в принципе — как особую породу безмерно жестоких и абсолютно безнравственных существ. И не упускал случая поставить любого из них на подобающее место.

— Ты что себе позволяешь? Ты как стоишь перед генералом армии? А ну, смирно! — на последних словах голос у него даже зазвенел от сдерживаемой ярости. Он взмахнул зажатой в кулаке перчаткой, и через несколько секунд бойцы с первой машины с автоматами наизготовку окружили и обезоружили охрану ворот.

— Репетиция государственного переворота? — поинтересовался Воронцов, когда Берестин отдал комбату все необходимые распоряжения и пошел в караулку к телефону.

— Но ты же хочешь спокойно вернуться домой? — ответил Алексей вопросом на вопрос. — Зачем вводить товарища Сталина в искушение? Тем более что армейская охрана не в пример надежнее. Когда подойдет вся дивизия, всякие недоразумения будут исключены... — Берестин сделал жест, предлагаю-

щий Воронцову замолчать, потому что на том конце провода подняли трубку. — Кто? Пригласите товарища Сталина. Марков. Не поняли? Повторяю: Мар-ков... Я вас приветствую, товарищ Сталин. Так точно, прибыл. Через пять минут. Хорошо. Да, кстати, скажи там, кому надо, что охрану Кремля я беру на себя. Чтоб сдуру оружием махать не начали, а то мои орлы шутить не обучены. Нет, серьезно. Со мной пока батальон, а дивизия подтянется в течение суток. А этих на фронт, разумеется... Ладно, придем и все обсудим... С кем? Тогда и увидишь.

Берестин опустил трубку на рычаги.

— Вождь нас ждет. Заинтригованы. Так что готовься предстать.

Подозвав к себе комбата, который, казалось, только и делал, что регулярно захватывал правительственные здания, так он был деловит и спокоен.

— Направьте по взводу к каждым воротам. Свои КП развернете в Спасской башне. Временно назначаю вас комендантом. Конфликтов с бывшими сотрудниками не допускать. Со спецификой службы вас ознакомят. Ничьих указаний, кроме моих, причем отданных лично, не выполнять. У меня все. Действуйте.

Берестин подождал, пока последний грузовик въехал внутрь и ворота вновь закрылись.

— С этим порядок. Трогай... — скомандовал он водителю.

— А если твоему майору «сам» что-нибудь прикажет? — спросил Воронцов.

— Я же сказал — ничьих. Что ж, думаешь, я не знаю, кому что говорю? Для справки — майор Терешин у Маркова адъютантом был. Когда Маркова посадили, его из партии исключили и со службы выгнали. Почему не арестовали, как пособника врага народа, сказать затрудняюсь. Война началась — он в газете мою фотографию увидел и письмо прислал... Вряд ли он Сталина слушать станет... Обидчивый и хорошо соображает.

...Новиков принял их в своей комнате отдыха, оформленной так, чтобы как можно больше соответствовать стилю просвещенного лидера воюющей державы. Мебель, ковры и драпировки светлых пастельных тонов разительно контрастировали с оставленным в неприкосновенности интерьером рабочего кабинета.

А о том, что хозяин этого помещения не только отдыхает здесь, но и государственно мыслит, говорили стеллажи с военно-историческими трудами им же уничтоженных авторов, справочниками по иностранным армиям и флотам, карты всех

существующих и еще только могущих возникнуть театров военных действий.

После взаимных приветствий, удивленных возгласов и иных, принятых в кругу друзей выражений, эмоций Воронцов, осмотрев комнату, повернулся к Новикову.

— Знаешь, Андрей, чего здесь не хватает? Хорошего компьютера с программой «Война на Востоке». Видел я такую игрушку в Нью-Орлеане. Там как раз наш случай предусмотрен. Записаны все данные о Красной и немецкой армиях, вся тактика и стратегия и еще уйма всего. Компьютер играет за русских, а хозяин за немцев. Цель игры — взять Москву. Для достоверности на дисплей проецируются карты, хроника, звуковое сопровождение. Роскошная забава. Там даже сводки погоды заложены подлинные. Вот бы ее тебе... Как это мне в голову не пришло? Сидели бы и гоняли варианты...

— Я всегда знал, что ты умный парень, — усмехнулся в усы Новиков, — только поучения апостолов плохо знаешь.

— А что?

— Да апостол Павел говорил: «Не будьте слишком мудрыми, но будьте мудрыми в меру».

Воронцов развел руками.

— Так что? Нужно понимать — финиш? Ну, рассказывай....

Воронцов в деталях повторил все, что уже раньше говорил Берестину.

— Понятно... — помолчав, будто еще раз представив себе картину во всех деталях, сказал Новиков. — Стало быть, практически наша служба закончена. Мы возвращаемся в свои телесные оболочки, Сашка с Олегом тут же выдергивают нас в Замок, и на этом все? Прочую работу делают Герард и Корнеев. А как с гарантиями? Вдруг наших тел на месте не окажется? Или ребята не сумеют к нам прорваться? Тогда как?

— Я доктор? Я знаю? — неожиданно вспомнил Воронцов одесское присловье. — По Антоновой схеме предполагается, что я вас перекидываю туда, когда парни будут на месте. То есть риск как бы исключен.

— Утешил. Если они не прорвутся, мы останемся здесь, только и всего. Отрадная перспектива... Может, Алексею нравится, а я свою рожу в зеркале уже видеть не могу.

— Ну, это ты зря. Смирение паче гордости, так, что ли? Вид у тебя очень даже ничего... Бравый.

К этому моменту Новиков сбросил зеленый армейский китель, который с началом войны стал носить вместо надоевшей

серой «сталинки», подвернул рукава белой крахмальной рубашки и в узких синих бриджах и щегольских кавалерийских сапогах походил скорее на старорежимного казачьего полковника, чем на всем известные изображения вождя.

— Благодарю, — кивнул Новиков. — Посмотреть бы, что ты скажешь, наедине с данным персонажем оставшись, когда нас с Лешей здесь не будет... — С обычной прозорливостью он угадал болевую точку Воронцова. Дмитрий передернул плечами.

— Надеюсь, бог не выдаст, свинья не съест.

Берестин повернул верньер большого «Телефункена», стоявшего на столике в углу. Медленно разгорелся зеленый глазок, через шипенье и треск разрядов вдруг отчетливо и чисто прорвалась музыка. Алексей поправил настройку. Комнату заполнили звуки «Сент-Луис блюза».

— Надо приказать, чтоб и наши радиостанции почаще приличные концерты передавали... — сказал Новиков, выходя из комнаты. Через минуту он вернулся с толстой красной папкой в руках, из которой торчали края и углы торопливо собранных со стола бумаг. — Тут у меня целая куча недописанных... — начал он, но Воронцов предостерегающе поднял руку, и Новиков замолчал.

Музыка прервалась, и диктор Би-би-си мягким баритоном начал читать сводку последних известий. После сообщения о действиях королевского флота и очередных налетах на Берлин он перешел к новостям с Восточного фронта.

Ссылаясь на германские и нейтральные источники, диктор говорил о том, что Красной армии, очевидно, удалось приостановить наступление противника на Смоленском направлении. В целом военный обозреватель Би-би-си оценивал обстановку как тяжелую, но не катастрофическую. Особенно было отмечено твердое и квалифицированное руководство войсками Западного фронта со стороны его командующего генерала Маркова. При этих словах Новиков одобрительно подмигнул Берестину, а Воронцов перевел столь лестную характеристику, потому что Алексей со своей школьно-вузовской подготовкой улавливал в передаче только отдельные слова.

Затем англичане сообщили, что на Балтике активизировались действия русского флота. Ударное соединение в составе двух линкоров, двух крейсеров, двух лидеров и десяти эсминцев подвергло бомбардировке Мемель, Пиллау и приморский фланг наступающих на Лиепаю немецких войск. По сообщению шведского радио, советские подводные лодки полностью

парализовали морские перевозки между портами Германии и восточного побережья Швеции...

— Вот так, — удовлетворенно сказал Новиков. — Пусть знают, что в Маркизовой луже не отсиживаемся. А завтра и Черноморский флот свое слово скажет. Константу в щебенку размолотим, Плоештинские нефтепромыслы сожжем... Пусть тогда водой из кранов танки и самолеты заправляют.

— Кстати, поясни, если не трудно, почему вы тут втемную играть начали? — спросил Берестин, когда последние известия закончились и опять пошла музыка. Из «Серенады солнечной долины». — Мы договорились, ты сотню «катюш» обещал и пару армий из резерва.

— А мы тут с людьми посоветовались — неглупыми людьми — и решили не спешить...

— Решили! Вы тут решаете, а немцы через неделю к Смоленску могут прорваться! Ты бы видел, что на фронте творится! Гранатометов и то не дал, сколько нужно. И новых самолетов. Рычагов каждый день по полсотни машин теряет и на меня как на последнего трепача смотрит.

— Вот, завелся... — с сожалением сказал Новиков. — У тебя, Алексей, началась профессиональная деформация. Ты слишком уж тесно отождествляешь себя с Марковым. Это для него такие вопросы и настроения естественны, а не для тебя. Тем более в последний день службы...

— Вот именно что в последний! Мне, знаешь, не безразлично, что здесь дальше будет! Я не для пришельцев стараюсь, чтоб им... Я всерьез воюю, хочу, чтоб здесь не двадцать миллионов погибло, а максимум два... — Берестин оборвал себя, нервничая, закурил, сломав две спички. — Глупость какая... — будто с удивлением сказал он. — Что это значит: «хочу, чтоб погибло два миллиона...»? Я хочу, чтоб вообще никто не погибал, хотя и понимаю, что так не бывает...

— Нет, ты точно переутомился. Ну сказал и сказал, мы ж тебя правильно поняли, — сочувственно покачал головой Новиков. — Когда мы с тобой по картам планировали, не во всем, оказывается, разобрались как следует. Тебе-то там, на передке, думать на перспективу, конечно, некогда было, а я находил возможность. Хотя и без компьютера. И вот чего надумал. Незачем нам сейчас резервы к тебе направлять и о контрнаступлениях мечтать. Ерунда получится, очень свободно можем все преимущества растерять. Как на юге в сорок втором...

— Так, идея ясна, а твои варианты? — Берестин сам не раз

думал в этом направлении, но непосредственные заботы фронта и в самом деле не давали ему возможности размышлять о далеких стратегических перспективах.

— А очень просто. Кроме нас троих, здесь присутствующих, все остальные те же, кто и тогда воевал. И рядовые, и генералы... Никто выше себя не прыгает. Вспомни, как они в тот раз наступали. Если б по-грамотному, и немцев бы от Москвы не на сто-триста километров отбросили бы, а на пятьсот минимум, и потерь бы в два раза меньше понесли.

— Так и то, что сделали, было выше сил человеческих!

— А я разве спорю? И никого не хочу обидеть или принизить! И героизм был, и все прочее. А умения — не хватало. Дальше пойдем — харьковское наступление, крымское... а что потом? Напомнить или сам знаешь? Так и сейчас то же самое выйдет. Сил мы уже собрали достаточно, если по цифрам смотреть. А тактическая подготовка, а стратегия? Обороняться у нас получается, худо-бедно. А наступать — не знаю. Не справимся, снова кровью захлебываться будем, технику зря погубим. Немцы вон даже после Сталинграда и Курской дуги очень даже здорово нам давать умели. Сейчас — тем более. Не так я говорю?

— Так, — нехотя согласился Берестин. Он представлял, как может все получиться. Пусть даст ему Новиков сорок свежих дивизий. Необстрелянных, не знающих и не умеющих ничего, кроме как ударить в штыки на дистанции прямой видимости. Лобовыми атаками они смогут потеснить немецкие войска, заставить их перейти к обороне, но и только. В удобный момент какой-нибудь Клейст или Манштейн найдет подходящее место, танковым тараном пробьет фронт и снова пойдет гулять по тылам.

Войны немцы ни в коем варианте не выиграют, но лишней крови прольется море.

— Хорошо, согласен. И что ты изобрел?

— Да уж изобрел. С учетом того, что нас здесь не будет. Я хоть и не знал, когда нас устранят, но весь месяц последний только к этому и готовился. Смотри... — Он указал на карту Европы. — На твоем фронте оставим немцев и перейдем к позиционной войне. Спешить нам некуда. А все резервы, новые танковые армии, «катюши» и прочее сосредотачиваем на юге, от Винницы до Кишинева. И весной двинем через Венгрию, Румынию, Болгарию. Глубокий обход к Южной Германии, а потом из Прибалтики через Восточную Пруссию и север Польши... Тогда, глядишь, к сорок третьему войну и вправду можно выиг-

рать без лишних жертв и в совсем другой внешнеполитической ситуации. А группой «Центр» в самый последний момент займемся, вот где настоящий котел получится, от Смоленска до Варшавы... Все ясно?

— В принципе красиво, — ответил Берестин, — а как на практике получится, думать надо...

— Вот пусть товарищ Марков остается здесь и думает, на то его главковерхом и назначаем... Наброски я заготовил, а на подробную разработку зимы ему хватит.

— Жаль только, что мы не узнаем, как все случится... Годик бы я тут еще посидел, — с сожалением ответил ему Берестин.

Ему действительно трудно было осознать, что с их уходом исчезнет вся сейчас существующая реальность, и генерал Марков, и новый Сталин, и еще два миллиарда человек, для которых история начала уже меняться, чтобы стать гораздо счастливее и правильнее, без пятидесяти миллионов напрасно погибших людей, без Хиросимы и Нагасаки, без холодной войны, без всего страшного, бессмысленного и жестокого, что однажды состоялось, но чего может и не быть, если все пойдет так, как они задумали и в меру сил пытаются исполнить.

— Кто его знает, а вдруг и удастся посмотреть... — сказал Воронцов, имея в виду возможности Антона и его техники в Замке, а может, и не только это, — мы уже в такие дебри влезли, что ни за что ручаться нельзя. Лишь бы Иосиф Виссарионович опять все на круги прежние не повернул.

— Включи плитку там, в шкафчике... — Новиков раскрыл свою красную папку. — Кофе свари, отвлечемся немного. Коньяк есть, хороший, только понемногу, ночь длинная, и я вам еще кое-что хочу показать.

Тихо загудел телефон на подоконнике. Звонил один из трех новых помощников Сталина, заменивших Поскребышева. Бывший сотрудник НКИД, эксперт и аналитик, два года отсидевший в бериевских подвалах, но не сломавшийся и никого не предавший. Все новое окружение Сталина состояло теперь из таких людей.

— Приехали редакторы газет. Ждут, — сообщил он.

— Пусть подождут полчасика. Я вызову... — ответил Новиков и, подумав, прибавил: — Скажите, чтоб задержали выпуски и освободили на первых полосах побольше места.

Опустил трубку, помолчал, не снимая с нее руки. Сейчас он вдруг снова стал похож на Сталина с бесчисленных парадных картин.

— Может повернуть по-старому, запросто... — сказал Андрей и вздохнул. — Я все время об этом думаю. Если б, как ты, Леша, говоришь, еще годик, может, и сломали бы его окончательно... А так он еще покажет, что почем.

Усмехнулся, вернулся к столу, взял поданную Воронцовым чашку кофе. Отхлебнул, обжигая губы.

— Вся беда, что народ не готов понять и принять все, что можно бы сказать и сделать. Поэтому нам удается только смягчить крайности режима. Обставить вождя флажками, за которые не так просто будет выбраться, чтобы не показаться совсем уже сумасшедшим... Вот у меня тут целая куча декретов и указов, подпишу — и сразу в печать, для того редакторов вызвал. А раз вы тоже здесь, давайте прикинем, что еще надо успеть.

Новиков начал размашисто подписывать бумаги и передавать их Берестину и Воронцову.

Вот указ об отмене смертной казни. Взамен десять лет или штрафные роты. И только по суду, никаких «троек» или «особых совещаний». Пересмотреть можно только после окончания войны. Покойников и на фронте хватит... Новое положение о прохождении службы в действующей армии. Двухнедельные отпуска каждые полгода, льготы фронтовикам и членам их семей, демобилизация и запрещение впредь призыва единственных сыновей и единственных кормильцев, еще тут разные пункты... Решение Политбюро о разграничении функций ЦК, ГКО и Ставки Верховного Главнокомандующего. Главком становится членом Политбюро и может быть смещен только съездом. А съезд еще когда будет... Так что спи, Марков, спокойно. А вот совсем интересно — передовая «Правды». Здесь я признаю утратившей силу идею об обострении классовой борьбы. Наоборот — нерушимое единство народа, право на свободу мнений внутри и вне партии, роль церкви как выразительницы народного духа, призыв ко всем соотечественникам дома и за рубежом сплотиться, независимо от прошлых разногласий на единой платформе защиты Родины, намек на послевоенную демократию...

— Крепко завернул, — похвалил Воронцов, пробежав глазами текст. — После такого и не знаю, что наш клиент делать станет.

— Да, — согласился Берестин, — когда это на весь мир прогремит, задний ход сразу давать неудобно. Тем более что «органов» у него не осталось...

— На что и надеюсь. — Новиков, не поднимая головы, под-

писал еще несколько листов. — Тут еще о некоторых текущих вопросах... Согласны? Можно редакторов звать?

— Зови, — разрешил Воронцов. — Неплохо бы еще завтра, если успеем, пресс-конференцию устроить, с разъяснением и углублением позиций. И иностранных корреспондентов нужно пригласить побольше.

— Годится. Так и сделаем. Пошли, Леша, я тебя заодно как главкома представлю и прикажу впредь по всем вопросам освещения войны к тебе обращаться. Товарищу Сталину некогда всякой ерундой заниматься, у него заботы глобальные... А потом... — Новиков улыбнулся добро и лукаво, как и подобает хрестоматийному Сталину, персонажу святочных рассказов для младших школьников, — есть мнение на все наплевать, переодеться в штатское и прогуляться по ночной Москве. Чем я хуже Гарун-аль-Рашида?

— А террористов не боишься? — спросил Воронцов.

— Товарищ Сталин никого не боится. Товарищ Сталин всегда был на самых опасных участках Гражданской войны. Товарищ Сталин на экспроприации ходил, с каторги бежал... Прошу всегда это помнить! — Новиков гордо разгладил усы, надел и оправил перед зеркалом китель. — Пошли. Нельзя заставлять прессу ждать слишком долго!

...Воронцов, как это часто бывает, проснулся за несколько секунд до звонка. То, что на этот раз роль будильника играл тактильный зуммер устройства для переноса психоматриц, дела не меняло.

Он открыл глаза, не совсем понимая, где находится, потом увидел сереющий прямоугольник окна, ощутил острый запах кожи дивана, на котором лежал, неудобно подвернув руку, и вспомнил. Нащупал у изголовья предусмотрительно откупоренную бутылочку «Боржоми», сделал несколько глотков, смывая горечь несчитанных сигарет и чашек кофе. И только после этих автоматических действий, уже окончательно проснувшись, Дмитрий почувствовал, как жужжаще завибрировала на запястье нижняя крышка прибора.

Этот сигнал означал, что у него осталось три часа, чтобы закончить свои дела, подготовить Новикова и Берестина к переброске туда, где должны находиться их тела, а потом и самому уйти по вневременному каналу.

Воронцов полежал еще немного, испытывая сильное жела-

ние заснуть хотя бы на час, чтобы поменьше думать о том, что ему предстоит сделать. Тоже привычка, оставшаяся с детства. Но сон не возвращался. Наоборот, голова прояснилась так быстро, словно он принял пару таблеток фенамина. «Видно, не судьба, — подумал Воронцов и сел. — Живы будем, дома отоспимся...»

Окончательное решение он принял ночью, когда они втроем возвращались из Москвы на дачу. Шутили, много смеялись, вспоминая забавные ситуации своей нелепой (имея в виду служебное положение Новикова и Берестина) выходки. Роль пожилого грузина, только что спустившегося с гор, Андрею удалась вполне.

Воронцов тоже веселился и развлекал друзей подходящими к случаю анекдотами, в то же время просчитывая варианты. И не находил никаких альтернатив.

Нельзя сказать, что такое решение ему далось легко. Он добросовестно рассмотрел все доводы против, которые сумел придумать, и счел их неосновательными. Для него самого риск тоже был огромный, но как раз это занимало Воронцова меньше всего. К риску он привык и надеялся, что в критический момент сумеет действовать правильно.

Дмитрий не спеша оделся, приоткрыл дверь в комнату, где спал Берестин, и прислушался. Дыхание ровное, даже чуть похрапывает.

Бесшумно, по ковровой дорожке Воронцов подошел, на спинке стула нащупал ремень с маленькой кобурой. По своему генеральскому чину Алексей не обременял себя ношением настоящего боевого оружия, обходился «браунингом № 1».

Дмитрий вынул обойму, выщелкал на ладонь патроны, проверил ствол, обезвреженный пистолет положил на место.

Патроны он выбросил в унитаз, после чего зажег свет в ванной и начал бриться, насвистывая.

Через час он разбудил друзей, заставил их встать, не сказав, впрочем, о причине. Ограничился общими рассуждениями о необходимости спешить, возвращаться в Кремль, лично знакомиться с первой реакцией членов ЦК, правительства, дипкорпуса на утренние выпуски газет.

Почему не стоит говорить о скором возвращении, Воронцов и сам не знал, просто ему не хотелось этого делать. А в неясных случаях он предпочитал доверять своей интуиции.

Зато завтрак он постарался затянуть так, чтобы выехать не

более чем за полчаса до момента «Ч», выражаясь языком военных приказов.

Выходя из дома, он чуть приотстал от Берестина, оглянулся, нет ли поблизости кого из охраны, и быстрым движением переложил свой «ТТ» из кобуры в карман галифе. Раньше этого сделать было нельзя, длинный пистолет был бы замечен.

— Давай я сяду за руль... — сказал Воронцов Новикову. — Вряд ли когда еще доведется сталинский «ЗИС» пилотировать.

Водитель, когда Новиков приказал ему выйти, спросил растерянно:

— А мне как же?

— Оставайтесь здесь. Я за вами «эмку» пришлю. А пока отдыхайте...

После вчерашней «смены караула» в Кремле обычной охраны на трех таких же точно черных «ЗИСах» с Новиковым не было, и это тоже оказалось на руку Воронцову. Если б охрана присутствовала, его план не имел бы ни малейших шансов. Он бы и затеваться не стал.

Дмитрий вел машину, сообразуясь с сигналами зуммера, который давал теперь уже непрерывный отсчет времени.

Солнце поднималось над лесом тусклое и малиновое, но небо было чистое и день, судя во всему, ожидался теплый.

— Все-таки интересно, — вернулся Воронцов к теме, занимавшей все его мысли, — может ли Сталин перевоспитаться? Я условно говорю — перевоспитаться. Точнее — пересмотреть свои позиции? Все же старый человек, седьмой десяток... Друзей-помощников никого не осталось, новых завербовать вряд ли успеет. А тут война, победоносная, само собой. Рядом верный соратник Марков, да и другие.... Возможен ли такой вариант, чтобы он, как вот ты, Андрей, ему импульс дал, по инерции до самого 53-го года делать не то, что его левая нога хочет, а к пользе отечества?

— Нет, Дим, вряд ли он перевоспитается, — серьезно и грустно ответил Новиков. А Берестин только фыркнул. — То, что мы сделали и делаем, конечно, как-то его ограничит. На год, на два, до Победы. А там... Не знаю, как именно, настолько далеко заглянуть ему в душу я не могу, но то, что он не смирится с ограничением своего самодержавия — уверен.

— Новый террор развернет или еще почище пакость придумает, — вставил Берестин.

— А где же он для террора силы возьмет? — спросил Воронцов. У него оставалось еще четыре минуты.

— Ну, капитан, ты совсем в политических науках дикий... Чего-чего, а на это добровольцев всегда хватит. Только свистни...

Воронцов снял ногу с акселератора, чуть подвернул руль вправо. Машина плавно остановилась.

— Ты чего? Прогуляться захотел? — удивленно приподнял бровь Новиков.

— Да нет. Приехали. Пора вам, ребята.

— Что, уже? — Берестин даже возмутился, потому что имел совсем другие планы на ближайшее время.

Но Воронцов не дал ему времени на споры и размышления.

— Уже, уже. Приготовьтесь. На все — минута. Спокойно. Леша, подвинься ближе к Виссарионычу, как на семейной фотографии, чтоб за раз захватить...

Учащающиеся импульсы с прибора перешли в непрерывный пульсирующий сигнал. Воронцов повернул руку с часами циферблатом внутрь машины. От пронзительного ультразвукового визга заныли корни зубов, и сразу наступила глухая тишина утреннего подмосковного леса. Такая тишина, которую нарушал только ветер, шелестящий в желто-красной листве.

Одновременно он опустил руку в карман, сжал пластмассовую ребристую рукоятку пистолета.

Воронцов решил закончить эту затянувшуюся, давно вышедшую из-под контроля историю очень просто, хотя и аморально.

Два выстрела в голову Сталина — и все проблемы мира и социализма будут решены хотя бы в здешней исторической реальности.

Прибор сработал — Новиков и Берестин только что перенеслись из этих тел в свои, плавающие в капсуле нулевого времени на «далеком берегу», на Валгалле, в трех десятках парсеков от Земли.

Момент перехода Воронцов уловил по ставшим бессмысленными глазам Новикова (нет, теперь уже только Сталина), еще секунду назад смотревшими на него с удивлением.

Этого Воронцов и ждал. Сейчас он стреляет в Сталина — вот когда наконец история по-настоящему изменит свой ход. Тут уж без вариантов — кто бы ни пришел на смену тирану, его политической линии он продолжить не сможет.

Друзьям о своем плане он не сказал не только потому, что боялся возражений. Хотя, конечно, трудно сказать человеку, что через пять минут он будет тобой убит. Прежде всего Дмитрий опасался, что его намерение станет известно пришельцам.

И тем, и другим. А вот им как раз он и хотел показать, кто хозяин ситуации. Вы строили свои планы? Ну так нате, получите! Мне плевать, на какой вариант вы рассчитывали, вот вам мой, и подавитесь!

Сейчас он выстрелит Сталину в голову, отскочит на пару шагов от машины и постарается ранить Маркова, лучше всего — в плечо и в ногу. Чтобы у него было моральное оправдание. Юридическое ему не нужно. Если не дурак — сумеет найти выход.

Воронцов вскинул пистолет, нажимая спуск, непроизвольно зажмурился, представив, как брызнет кровь и мозги от выстрела почти в упор.

Только выстрела не получилось.

Вокруг него сомкнулись стенки вдруг отвердевшего пространства, втянувшие Воронцова в тот же внутренний двор Замка, из которого он начал свое очередное путешествие.

— Все, капитан, отбой, — услышал он голос Антона и открыл глаза. Почувствовал не то чтобы разочарование, а облегчение и злость сразу. Пришелец вновь оказался умнее. Но зато и убивать не пришлось.

Пусть величайшего в истории преступника, а все же...

Однако палец Воронцов не остановил. Пистолет бросило в руке раз, второй и третий. От гулкого грохота заложило уши.

«А если бы я сейчас в тебя, под запал?» — подумал он, поковбойски, как Юл Бриннер в «Великолепной семерке», дунул в ствол и опустил «ТТ» в кобуру...

— Знал бы ты, братец, как ты мне надоел... — сказал Воронцов подчеркнуто небрежно. Чем еще мог он выразить свои чувства? Жизнь не научила его сложным формам проявления эмоций, подобных тем, какими пользуются персонажи «интеллектуальной прозы».

— Сам виноват, — ответил Антон. — Все время стараешься что-то мне доказать. Зачем? Никак не поймешь, что я ведь не человек...

— Пожалуй. Что сделаешь — антропоцентризм. Не могу выйти из круга врожденных предрассудков... — вздохнул Воронцов. Но при этом подумал: врешь ты, парень. Или я совсем уж законченный дурак, или ты человек гораздо больше, чем сам о себе догадываешься. Ну да ничего, еще не вечер...

— Из-за своего гонора ты чуть все не испортил, — продолжал выговаривать ему Антон. — Мы ведь все очень четко с тобой спланировали. Весь смысл интриги в том и заключается, чтобы Сталин оставался в измененной реальности. Твои дру-

зья и без этого порядочно поднапортили. Неужели трудно обойтись без импровизаций? Мне даже страшно представить, что произошло бы, успей ты выстрелить...

— Так нечего и темнить! — огрызнулся Воронцов. — Поискал бы себе по вкусу, сговорчивых и дисциплинированных. А с нами лучше сразу начистоту.

Они перешли двор, поднялись в лифте и шли теперь по тому коридору, что вел к адмиральскому кабинету, постоянной уже резиденции Воронцова, где начинались и заканчивались циклы его приключений.

— Нельзя все сразу объяснить, я же говорил...

— Ну на нет и суда нет, есть «особое совещание», как любил говаривать мой друг Андрей. Хотел чистой импровизации — получил, чего тебе еще? Однако, надеюсь, до правды мы все-таки доберемся?

— Обязательно. Не далее, чем в ближайший час.

Антон толкнул тяжелую даже на вид дверь, но не ту, что вела в кабинет, а напротив, Воронцов и не помнил, чтобы она здесь была. Ну, на то он и Замок.

За дверью Дмитрий увидел полукруглый зал, похожий на Центр управления полетами на Байконуре, только поменьше. Но с таким же количеством экранов, цветных дисплеев, пультов управления и прочих элементов научно-технического интерьера.

На центральном, самом большом из экранов застыло изображение того участка Можайского шоссе, где только что был Воронцов, и так же стоял сталинский «ЗИС» с открытыми дверцами, и сидели на своих местах Сталин и Марков. Стоп-кадр.

В креслах перед экраном, словно в просмотровом зале для «узкого круга ограниченных людей», оживленно о чем-то спорили Лариса, Ирина, Наташа и Альба. Впрочем, Наташа в дискуссии практически не участвовала, она ждала и первая заметила, как открылась дверь.

Слишком порывистое движение, с которым она встала с кресла, выдавало степень тревоги.

Такое непосредственное и почти непроизвольное проявление чувств не могло не тронуть Воронцова, но одновременно он ощутил и раздражение. Все ж таки Антон выставил его перед девушками дураком.

Он-то жил там, принимая все за чистую монету, бегая под пулями, вжимаясь в землю среди рушащихся от немецкой бомбежки деревьев, и выражений не выбирал в разговорах и ко-

мандах, а они смотрели и слушали, и знали, что в любую секунду все можно прекратить.

Пустили дебила в Диснейленд...

Воронцов коснулся губами щеки Наташи, показав глазами, что иные знаки внимания здесь неуместны, поздоровался с девушками, словно вообще ничего не было и расстались они не далее, как прошлым вечером. Предупреждая возможные неискренние слова, слышать которые он не хотел, Дмитрий предпочел заведомо снизить планку.

— Интересное кино? — кивнул он на экран. — Только чуток длинноватое... — Присел рядом с Наташей. — Ну, крути дальше, поглядим, что они делать будут.

Антон понял его мысли.

— С этим придется подождать. Самое главное сейчас начнется на Валгалле. А чтобы смотреть интереснее было, имей в виду, что тут далеко не кино. И даже не видеозапись, а прямой репортаж. Если с кем случится что, почти наверняка вытащим, но последствия... — он поджал губы и покрутил головой. — Впрочем, будем оптимистами. Все должно быть хорошо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Здесь Валгалла выглядела совсем другой планетой, и на Землю она походила единственно тем, что атмосфера оставалась кислородной, да и это сейчас особой роли не играло. Потому что в противном случае пришлось бы всего лишь добавить еще один баллон дыхательного прибора ко всему снаряжению, которое несли на себе «галактические рейнджеры».

Вскользь оброненный, с обычной долей самоиронии, термин, которым Шульгин окрестил членов своей группы, так к ним и пристал, поскольку соответствовал действительности не только по форме, но и по сути их теперешней деятельности.

Как еще назвать людей, выполняющих сложную диверсионную задачу в глубоком вражеском тылу, причем являющихся не солдатами регулярной армии одной из воюющих сторон, а в полном смысле наемниками?

Правда, сейчас нравственные проблемы никого из них не занимали, даже Герарда Айера, который был самым упорным и последовательным противником какого угодно вмешательства

в дела земные, а тем более космические. Но с тех пор, как его убедили, что единственный путь в родное время (пусть даже не наверняка) лежит через Валгаллу, он успел доказать, что в XXIII веке кого зря в экипажи дальних разведчиков не принимают.

Так вот — тот пейзаж, что лежал сейчас перед ним, настолько отличался от типичного валгалльского, что не мог быть не чем иным, как частью совсем другой, неизвестной планеты, перенесенной оттуда или смоделированной на месте пришельцами, не чуждыми самой обычной ностальгии.

Почву покрывал плотный слой синевато-желтой растительности, похожей на тундровый мох или на водоросли, которыми обрастают прибрежные камни в южных морях. Чтобы ландшафт не выглядел слишком монотонным и мрачным, его устроители добавили деревьев — низких, с корявыми черными стволами и плоскими игольчатыми кронами, похожими на расправленные для просушки шкуры гигантских ежей. Этот лес, а может, и сад, наподобие бесконечных садов Молдавии, тянулся до горизонта, и даже в сильный бинокль нельзя было увидеть, где он кончается. Между деревьями, где поодиночке, а где обширными скоплениями были разбросаны отливающие малахитовой зеленью валуны, примерно от метра до трех в диаметре.

И в довершение всего небо над этим потусторонним пейзажем тоже было иным. Всего в сотне метров позади оно сияло нормальной синевой, а по другую сторону границы его покрывали низкие, свинцово-серые, а кое-где желтоватые неподвижные тучи.

— Понятно... — сказал Шульгин, опустив бинокль.

— Что именно? — поинтересовался Левашов. — Если можно, конечно.

— Почему Ирина предпочла просить у нас политического убежища. Нормальному человеку здесь в два счета свернуться можно.

— Но если это ее родина... — воспринял всерьез Сашкины слова Айер.

— Но ведь факт налицо. Не захотела возвращаться к родным... э-э-э... березам. Тем более что Андрей злонамеренно возил ее по Сочам, Селигерам и прочим Домбаям... Представь, после Домбая — сюда. Пожизненно!

Герард наконец уловил шульгинский юмор и вежливо хмыкнул.

— Ну что? Отдохнули? Налились бронзовой силой? Тогда вперед.

...Их высадка на Валгалле была организована в лучших традициях разведывательно-диверсионных операций середины XX века.

Короткий, двухсекундный пробой пространства-времени с помощью установки Левашова, высадившей группу рядом с разрешенным фортом.

Если агтры его зафиксируют, то скорее всего предположат, что земляне интересуются именно фортом, чем-то в нем, что не успели забрать при своей поспешной эвакуации. Так считал Антон, исходя из своей модели, и Шульгин с Левашовым не нашли в его расчетах изъяна. Правда, Шульгин попробовал включить в схему предположение о знании агтрами принципа логических связей высших порядков, но Антон его быстро и доказательно отвел как неплодотворное.

Осмотревшись на месте, «рейнджеры» убедились, что форт разрушен, что называется, дотла, как будто здесь побывали не высокоразвитые инопланетяне, а варвары и вандалы, одержимые яростью к бессмысленным погромам.

Но грустить и горевать на родном пепелище времени не было. Азбука тайной войны предписывает как можно скорее покидать место десантирования, по возможности путая следы. С этой целью Антон предоставил землянам легкий антигравитационный диск, вмещающий как раз четверых, скоростной и маневренный.

— А как же насчет правил? — ехидно спросил его Шульгин. — Ты же доказывал, что нельзя нам доверять не соответствующую нашему развитию технику?

— Теперь можно. Теперь уже все можно. Если сработаете, как надо, претензий предъявлять будет некому.

— А вдруг не сработаем? — не успокаивался Сашка, профессионально изводивший Антона бесконечными придирками.

— Тогда тем более ни меня, ни тебя такая мелочь не должна волновать. Снявши голову...

На диске они пролетели километров пятьсот к югу, по сложному ломаному маршруту. В заранее выбранном месте вышли к реке, и Айер резко спланировал на низкий каменистый остров ближе к левому берегу.

Минуты хватило, чтобы сбросить на берег надежно упакованные контейнеры с оружием, снаряжением и запасом продовольствия. Герард включил автопилот, и диск, беззвучно скользнув над водой, растаял за кромкой леса.

На случай, если агтры засекли момент высадки и отслежива-

ли своими локаторами полет, на диске имелись имитаторы биополей каждого из землян.

— Нарочно мы по нужде остановку сделали... — прокомментировал эту уловку Шульгин.

В одном из контейнеров имелась большая надувная лодка с подвесным мотором, на которой «рейнджеры» переправились на побережье, в узкий распадок между гранитных скал.

Там, никуда больше не торопясь, поужинали.

— Кто бы мог подумать, что в наше время происходили такие невероятные события, — сказал Корнеев, глядя, как Шульгин и Левашов, распаковав очередной контейнер, собирают портативные автоматы «Хеклер-Кох», набивают патронами магазины, вставляют запалы в фотопарализующие гранаты.

— В ваше или в наше — какая разница, — ответил ему Левашов. — Вопрос совсем не в этом. Куда забавнее, что разумные существа, которые запросто вперед-назад гоняют время, мгновенно пересекают Вселенную и умеют из ничего создать такие штуки, как антоновский Замок, в конце концов не придумали лучше, как обратиться за решением своих проблем к питекантропам вроде нас.

— Гордиться должен... — бросил Шульгин.

— А я считаю, что все это великолепно подтверждает принцип Оккама, — сказал Герард. — К чему искать сложные решения, когда есть простые. Очевидно, наш вариант наиболее рационален. Вместо битвы галактических титанов — аккуратная, бескровная диверсия.

— Молодец, Герард, очень все четко. А поначалу сомневался — как это можно, вмешательство в объективный ход истории, волюнтаризм и нигилизм! Все можно, поскольку в любом случае мы не знаем, что из наших поступков воспоследует. — Шульгин закончил сборку последнего автомата, передернул затвор, щелкнул бойком, потом вставил на место магазин. — Иль погибнем мы со славой, иль покажем чудеса...

Корнеев вдруг высказал мысль, которая, судя по всему, мучила его уже давно, потому что он успел ее не только обдумать со всех сторон, но и аргументировать достаточно убедительно. О том, что, возможно, Антон тоже не совсем тот, за кого себя выдает. Резидент или пусть тайный дипломатический представитель — это представить можно. Если бы он только присутствовал на земле, собирал информацию, составлял отчеты. Но он далеко выходит за пределы, организует сложные акции, ведет, прямо сказать, тотальную войну. И при всем этом опирается

только на нескольких местных авантюристов, чего уж тут деликатничать. Несоответствие получается. Судьбы галактик ставятся в зависимость от ловкости, смелости, беспринципности, если хотите, не слишком развитых и вряд ли до конца разумных личностей. Сообразуется это с тем уровнем цивилизации, что так называемый Антон представляет? И не следует ли предположить, что он сам — тоже авантюрист, преследующий неизвестно какие, скорее всего не очень чистые цели?

— Резонно... — заметил Левашов. — Только что из того?

— Пока мы Андрея с Лешкой не вытащим, говорить не о чем, — кивнул Шульгин. — Если для этого нужно стрелять — будем стрелять. И все остальное тоже придется исполнять, пока на Землю не вернемся. А там и Антона спросим, куда он денется...

Оттого, что Шульгин говорил тихо, без выражения, скучающе глядя в предвечернее небо, слова его прозвучали тем более веско.

— Но вообще у него распланировано на редкость грамотно. Сначала сделать все, что он хочет, а только тогда ребят забирать.

— Если бы иначе — где гарантии, что мы доведем дело до конца? — ответил Корнеев.

— Да уж, конечно, стал бы я уродоваться...

— Что бы мы сейчас ни говорили, а теоретически возразить нечего. Если принять исходную посылку о сущности аггров, их целях, свойствах времени, то иного выхода, как точно выполнять все указания Антона, у нас нет. Без этого и нам домой не вернуться, и вам спокойно не жить. — Герард невольно подчеркнул сейчас свое германское происхождение и иной, не славянский стиль мышления. Эта разница еще ярче проявилась, когда Шульгин оборвал беседу вопросом-утверждением: «А я что говорю...» — и встал. Хотя говорили они как раз о совершенно противоположных вещах.

...Всю ночь и следующий день они под мотором шли вниз по течению и философских вопросов, словно по взаимному договору, не касались. Любовались еще невиданными пейзажами южной Валгаллы. Шульгин долго и подробно расспрашивал звездолетчиков об обыденных реальностях XXIII столетия. Левашов, наоборот, пытался уяснить, в каком направлении развивались в следующие века физика и математика. И с тайной тоской думал, что, наверное, не суждено им всем вернуться домой. Потому что не мог себе представить, как можно будет жить в своем нормальном, спокойном, но слишком уж безнадежно-скучном мире после всего, что они пережили и узнали. Никому их знания не нужны, никто им не поверит, да никто и

выслушать не захочет. А вздумай Андрей даже в виде фантастического романа все изложить — ни за что не напечатают...

Речная часть маршрута закончилась, когда на левом траверзе обозначилась отдельно стоящая снеговая вершина, очертаниями напоминающая Ключевскую сопку. Она отчетливо выделялась на фоне розовеющего закатного неба и казалась совсем близкой, однако привычным взглядом моряка Левашов определил, что до нее не меньше тридцати километров.

Лодку затащили в прибрежные заросли, переночевали, не разводя костра, и, как принято было писать в романах XIX века, с первыми лучами солнца выступили в пеший поход. Груза на каждого приходилось порядочно, не меньше чем по два пуда, но шли легко. Местность была родная, лес редкий и чистый.

Все происходящее напоминало Шульгину постановку по мотивам книг Майн Рида или Буссенара «Приключения бура в Южной Америке», а также «Похитители бриллиантов». Экзотический пейзаж вокруг, верный автомат на плече (это немножко из другой оперы, но несущественно), за спиной идут след в след надежные друзья, впереди жестокая схватка с ужасными злодеями, разумеется — победа, увенчание лаврами, слава и богатство.

Над головой индигового цвета небо, нежаркое солнце, легкий ветерок доносит тревожащие душу запахи...

— Знаешь, что меня беспокоит, — обернулся он к Левашову. — Как у нас с расчетом времени?

— По-моему, все нормально. Ничего нас не лимитирует. Когда выйдем к цели, тогда и отсчет начнется...

— Да я не об этом. На Земле как? Я считал-считал и запутался.

— А-а! — Левашов не сдержал короткого смешка. — Ты лучше брось, не ломай голову. На Земле для нас никакого времени вообще нет. Вот когда Антон соизволит нас домой переправить, какое-нибудь появится. Ты ему напомни, чтоб пару дней форы дал. Валентина когда приезжает?

— Двадцать восьмого... — Сказал и сам удивился. Повторил, пробуя слова на вкус: — Двадцать восьмого августа восемьдесят четвертого года... — Сделал попытку пожать плечами, но помешала поклажа за спиной.

— Вот двадцать шестого и вернешься, как раз успеешь квартиру прибрать и цветы купить.

— Шуточки, вашу хронофизическую мать...

И вот наконец цель их пути. Не окончательная цель, промежуточная, но оттого не менее, скорее, даже более пугающая.

Граница между Вселенными.

По эту сторону Валгаллы, далекий от Земли, но все же понятный, привычный уже мир. А там, за барьером, — начинается настоящее Неведомое. Не только потому, что там другая растительность и другое небо, «логово врага» — база пришельцев. Это как раз не проблема.

Не по себе становилось от сознания, что за барьером — противоположно текущее время. Больше, чем Антимир. Про Антимир еще в школьные годы читали: вместо электрона — позитрон и тому подобное. Опять же поэма «Антимиры» Вознесенского. Вот другое время... Не прошлое, не будущее, вообще другое, совершенно, ничего общего с нашим не имеющее. Труднее смириться, чем простому средневековому инквизитору с идеями Джордано Бруно. Но смиряйся — не смиряйся, а работать надо...

Для того и продвигались неудержимо бронеходы аггров, чтобы устанавливать и раздвигать границу «меж двух времен», чтобы расширять плацдарм, опираясь на который в некий, возможно, уже назначенный час «Ч» осуществить инверсию темпорального поля, включить нашу Галактику в свою противоестественную реальность.

Грандиозно и непостижимо, как постулат о бесконечности Вселенной во времени и пространстве.

Для форсирования межвременного барьера имелись хрононланги — тонкие черные скафандры из почти невесомой пленки с плоскими ранцами за спиной. И не скажешь, глядя на них, что они защищают от самого непонятного и нематериального, что только может быть — от времени. Без этого снаряжения любой биологический объект мгновенно перестал бы здесь существовать в виде хоть сколько-нибудь упорядоченной структуры: распался бы до уровня элементарных частиц, а то и мельче, до хроноквантов, если они действительно имеют физический смысл.

Левашов высказал интересное предположение, отчего Антону потребовались именно люди.

— Любое оружие форзейлей основано на крайне сложных принципах: гравитация, внутриядерный резонанс, нейронная десенсибилизация и тому подобное. В условиях антивремени действовать оно не будет, а старое доброе огнестрельное — вполне свободно. Пороху все равно, где гореть, кристаллическая решетка металла тоже не зависит от скорости и направления временного потока.

Также очевидно, что стрелять из столь архаичного и варварского оружия должны те, кто его изобрел и привык им пользоваться, в случае чего с них и спрос. Цивилизованному гуманоиду претит на дистанции прямой видимости прошибать в брате по разуму сквозные дырки без антисептики и местного наркоза. Как нам с тобой прокрутить живого человека через ручную мясорубку...

Образ показался Шульгину убедительным, а Герард непроизвольно сделал глотательное движение, подавляя тошноту.

— Вполне вероятно, что и так, — согласился Корнеев.

Борис нес самое главное — «информационную бомбу». Массивный куб с закругленными ребрами, обтянутый тем же материалом, что на скафандрах, и снабженный мягкими плечевыми ремнями. Ради того, чтобы «взорвать» это устройство в нужный момент и в нужном месте, все и затевалось. Вся интрига с момента встречи Антона и Воронцова на ступенях Новоафонского храма.

— Вперед, — сказал Шульгин.

...Барьер они пересекли свободно, словно его и не было вообще. При попытке же форсировать его без хронеланга он встал бы непреодолимой стеной, причем совершенно прозрачной. Не стена из вещества и не поле, а всего лишь — пленка поверхностного натяжения на границе раздела противотекущих времен.

Мир по ту сторону ощущался настолько чужим и опасным, что не хотелось даже ни к чему прикасаться, ни к деревьям, ни к камням. Классический случай ксенофобии, сказала бы Альба.

Валгалла таких эмоций не вызывала.

Шли быстро, бесшумно, как индейцы Фенимора Купера по тропе войны. Без крайней необходимости старались не разговаривать, а если и обменивались парой слов, то вполголоса. Впрочем, прямой необходимости в подобных предосторожностях не было. Пришельцы здесь наверняка чувствуют себя в полной безопасности, караульной службы не несут. А если бы знали о вторжении землян, наверняка встретили бы их на дальних подступах.

Одним броском, без привалов, отшагали не меньше тридцати километров, а пейзаж оставался прежним. Поразительное однообразие — тот же мох под ногами, те же камни. И мутное небо над головами. Без специального «компаса» Шульгин, бессменно возглавлявший группу, давно бы начал кружить на одном месте.

— Стоп. Пришли. — Шульгин поднял руку.

Главная база пришельцев выглядела как гигантская бронзо-

вая шестеренка, с маху брошенная на мягкую почву и косо застывшая под острым углом к горизонту.

У Айера это сооружение вызвало иную ассоциацию.

— Копия — новый Берлинский стадион, — прошептал Герард, становясь рядом с Левашовым.

— Откуда там такой? — машинально возразил Шульгин и лишь потом сообразил, что через триста лет новый стадион в Берлине вполне мог появиться.

— Что-то мне не нравится, — сказал Корнеев, проглотив последний кусок паштета. — Все идет слишком гладко.

Они сидели в тесной герметической палатке, натянутой с обратной по отношению к базе стороны крупного валуна. Без такой палатки, изолирующей от местного времени, землянам не удалось бы съесть ни крошки пищи. И выпить что-нибудь, кроме чистой воды. Любая органика, извлеченная из контейнера, исчезала мгновенно и бесследно.

— Не понимаю, — ответил Шульгин, доставая сигарету. — Мы так и рассчитывали. Если будет не гладко, нам труба...

— Не кури, мы тут задохнемся, — попросил Айер.

— Не задохнемся. Это для времени стенки герметичные, а воздух вполне проходит, — успокоил его Левашов, — а то б давно уже задохнулся.

Корнеев продолжал свою мысль:

— Понимаешь, есть разные степени нормы. Иногда показатели агрегатов и систем гуляют плюс-минус в пределах допусков. Это обычное рабочее состояние, можно не тревожиться и играть с напарником в нарды. А бывает, правда, редко, когда параметры настолько точно выдерживаются, что хоть инструкции иллюстрируй. Тогда я в нарды не играю, а сижу и жду аварии...

— Слушай, точно... — поддержал коллегу Левашов. — Вот у меня раз был случай, шли мы на Новороссийск из Алжира с вином в танках...

— Обожди, Олег, не гони порожняк. Излагай дальше, Борис Николаевич. Деловые предложения имеешь? — Слова Корнеева в какой-то мере были созвучны неясной тревоге, не оставлявшей Шульгина с момента пересечения барьера Рубикона, фигурально выражаясь. Тут же всплыла сказанная Воронцовым, пусть и по другому поводу, фраза: «Жребий брошен. Вместе со всем прочим имуществом, при попытке обратно перейти Рубикон». Изящно, но не про нас будь сказано.

— Людская психика — дело такое, — назидательно произнес Шульгин, внимательно выслушав Корнеева. — Она, мо-

жет, и иррациональна, но в то же время... Одним словом, если предчувствие есть, к нему лучше прислушаться. Мало ли... Мне в Туве один лама на эту тему много чего рассказывал. Короче, сделаем так — вы пока тут посидите, а я на разведку схожу. Не сейчас, попозже, как стемнеет. Осмотрюсь, потом вы пойдете.

Все возражения он отвел как несерьезные.

— Один я себя буду ощущать куда свободнее. А придется сматываться, вы отсюда огнем прикроете, позиция удобная. Один сверху, двое из-за камней с флангов... Главное, чтоб у вас рации все время на прием работали, только прием. Если все в порядке будет, я на секунду включусь, скажу: «Вперед» и встречу у входа. Ну а если что — сами соображайте. Туда больше не лезьте. Пусть Антон думает...

Аггры даже световой режим в зоне приспособили под свои привычки. В положенное на Валгалле время ночь не наступила, вместо этого яркость пепельного неба стала равномерно снижаться, как бывает при полном солнечном затмении, потом серые сумерки начали лиловеть, лиловый оттенок превращался в фиолетовый, и на том все кончилось.

Не темнота, но и не свет, а неприятное пограничное состояние, будто в фотолаборатории с плохо прикрытой дверью.

Шульгин надеялся, что постепенно глаза адаптируются и видимость улучшится, но время шло и ничего не менялось.

— Похоже, что у них система двойной звезды, — сказал понимающий в таких делах толк штурман Герард. — Одна — серый карлик, другая — выгоревший красный гигант. А планета вращается почти на боку, отсюда такой эффект.

— Серый карлик? — удивился Левашов. — Разве такие бывают? Белый знаю, красный, а серый — это как? Такого цвета в природе нет, откуда он в спектре?

— Галилей, наверное, и про белый ничего не знал, — вместо ответа по существу не совсем удачно отшутился Айер.

Олег сделал вид, что не обратил на его слова внимания, но Шульгин посмотрел в глаза штурмана настолько выразительно, что тот, смутившись, начал длинно, чересчур подробно излагать новейшую звездную классификацию.

Убедившись, что ждать больше нечего, Шульгин еще раз проверил, легко ли двигается затвор автомата, попробовал, как выходит из ножен пристегнутый над правым коленом метательный кинжал, поднял ремень с шестью магазинами.

— В общем, я пошел...

Еще когда было относительно светло, он тщательно наметил

свой маршрут от камня к камню, запомнил азимуты на каждый ориентир, достаточно точно определил расстояние между ними, и сейчас шел быстро, не боясь сбиться с пути, хотя видимость не превышала десятка метров.

Сложность была в другом. Даже Антон, при всех своих почти неограниченных возможностях, почти ничего не знал о внутреннем устройстве базы. Общие представления об архитектуре такого рода сооружений — и только. Шульгин возлагал определенные надежды на Ирину, настойчиво пытался заставить ее вспомнить, что там и как. Но и из этого ничего не получилось. Как она ни напрягала свою память, кроме отрывочных картин учебных классов, где ей преподавали русский язык, правила поведения и спецдисциплины, вспомнить ей ничего не удавалось. Да и то Ирина не могла поручиться, здесь ли все происходило или на родной ее планете.

Оставшись наедине с Антоном, Шульгин спросил его в лоб:

— Ты что, не можешь как следует прозондировать ей память? Там же наверняка все есть...

— Увы, Саша, к нашему глубокому сожалению, ничего не получится. Мозг у нее настолько перестроен, что, кроме минимума воспоминаний, необходимых для осознания своей видимой принадлежности и программы действий как агента, все остальное там чисто человеческое. Грубо говоря — ваша Ирина технический брак. На ваше счастье.

— Как сказать. Будь она полноценным экземпляром, мы вообще ничего не знали бы и жили спокойно...

Антон покачал головой.

— Не уверен. Только давай вернемся к этому в другой раз. Возможно, к тому времени я смогу сообщить вам кое-что интересное.

Шульгин потом долго думал, на что Антон намекает, и, как ему показалось, догадался. Только правильно, не время сейчас, есть проблемы поактуальнее, чем Иркина биография.

Он чуть не наткнулся на трехглавый камень с заостренной средней вершиной. И порадовался, как у него все четко получилось. Почти два километра в этом фиолетовом мраке — и не сбился ни на шаг.

Ему показалось, что он уже различает впереди темную громаду станции.

Оставалось найти выход.

Однако искать его Шульгин решил совсем не там, где следовало бы. Парадный подъезд его никак не устраивал — слишком

уж велик риск, то ли автоматика какая может помешать, то ли просто на одного из хозяев наткнешься — кто знает, спят они по ночам или, наоборот, сволочи, прогуливаться по холодку предпочитают...

Подойдя вплотную, Шульгин убедился, что план, который он для себя наметил, имеет шансы на успех. Насаженный, как колесо на ось, на цилиндрическую опору, плоский барабан станции своим левым боком касался почвы, в то время как правый не был даже виден, теряясь в грязно-фиолетовой мути. На глаз прикинув диаметр и угол наклона, Шульгин определил, что до него не меньше тридцати метров.

Впрочем, эта тригонометрия практического значения сейчас не имела, разве только помогла Сашке убедиться, что он в полном порядке. Важным было только одно — фактура внешнего покрытия станции. Если она гладкая — ничего не выйдет. Шульгин даже ускорил шаг, чтобы быстрее это проверить.

Сто шагов под плавно закругляющимся внешним ребром — и уже можно коснуться рукой стены. Она чуть теплая на ощупь, шероховатая, как грубо отесанный ракушечник, явно не монолитная. Пальцы подтверждают то, что на минуту раньше отметили глаза.

Блоки, из которых стена сложена, скорее всего не каменные, а керамические (пользуясь привычной аналогией) и разделены швами глубиной в два, а то и в три сантиметра.

Почему это так, какой смысл, технологический или эстетический, Шульгин задумываться не стал. Мало ли у кого какие обычаи. Еще в студенческие годы, путешествуя по Кавказу, в глухом ущелье он наткнулся на развалины дореволюционного железнодорожного моста. Вот когда он удивился: четыре двадцатиметровые опоры, облицованные рустованным диабазом, уместны были бы в центре Москвы, но никак не в десятках километров от ближайшей станции. «Кому это надо, и главное — кто это видит?» — вспомнился старый анекдот. По молодости лет он счел труд безвестных строителей никчемным и лишь гораздо позже изменил точку зрения.

Сейчас же Сашку удивило другое — каким образом ему пришла в голову мысль, что по стене можно подняться на крышу? Ведь ни о чем подобном и речи не было, они с Антоном проигрывали совсем другие варианты.

Интуиция? Но интуиция, как говорится, дочь информации, а информации у него как раз не имелось. Было только желание

поступить нестандартно. Вызванное и словами Корнеева, и собственной любовью к парадоксальным поступкам.

...Лезть было довольно легко. Значительно легче, чем по скальным стенкам на Ушбе в семьдесят пятом. Конечно, без страховки не слишком приятно, но тут уж ничего не поделаешь. Японские ниндзя умели ползать по практически гладким стенам, а здесь через полкилометра такие стыки, что ботинок входит на глубину ранта и можно даже постоять, дать пальцам отдохнуть. Последний раз подтянувшись, Шульгин перебросил ногу через край крыши, осмотрелся, стоя на коленях.

Подумал с досадой, что, если бы с самого начала догадаться, можно было потребовать от Антона снимки станции сверху. При его возможностях — плевое дело. Или хотя бы вооружиться прибором ночного видения. Правда, фонарь у него есть, но стоит ли его включать? Да черт с ним, чего бояться? Если у пришельцев охрана налажена, они его и так обнаружат, со светом или без света...

Узкий голубоватый луч выхватил из мрака плоскую красноватую поверхность крыши, уперся в сложную решетчатую конструкцию из десятка блестящих труб или стержней, напоминающую татлинский памятник Третьему Интернационалу. Вдали виднелось еще несколько подобных же сооружений.

С некоторой опаской Шульгин подошел, медленно приблизил ладонь к одной из труб, рассчитывая, что, если она, допустим, под напряжением, он сумеет это вовремя ощутить.

Дотронулся пальцем. Ничего не произошло. Труба была прохладная, полированная, явно металлическая.

Пока этого было достаточно. Он снял с пояса стометровый моток тонкого капронового шнура, привязал к трубе. Подергал как следует. Держит нормально.

Выключил фонарь, сел на край крыши и начал разматывать шнур.

Потом нажал кнопку рации.

— Вперед, — сказал он негромко и сверх условленного добавил: — Ориентир — две короткие вспышки через каждые пять минут. Пять-десять метров выше горизонта.

«Ничего, — подумал Шульгин. — Я был в эфире четыре секунды, не засекут. Они вообще забыли, что такое радио...» Ему вдруг стало смешно. От всего происходящего. Уму непостижимо! Где он сейчас находится, что делает и о чем думает?

После полугода, вместившего событий больше, чем предыдущие пять лет, приняв участие в массе приключений, вполне достаточных для того, чтобы всю оставшуюся жизнь рассказы-

вать страшные и нелепые истории случайным собутыльникам, он, Сашка Шульгин, так ничему и не научившись, воображает себя персонажем давнего приключенческого романа. «Зеленые цепочки», точно. Чердаки, крыши, чекисты и немецкие агенты-ракетчики. Совершенно такой же уровень... Видно, правильно было написано в одной статье из журнала «Знание — сила»: человек способен полностью понять и усвоить только те идеи и явления, которые существовали в мире до начала его интеллектуального самоопределения. Все остальные восприятия только по аналогиям. И его сейчас можно сравнить с человеком, оказавшимся в холерном бараке и озабоченного единственно тем, чтобы не испачкать свои начищенные сапоги...

Последним на крышу поднялся Левашов. Перевел дыхание, освободился от шнура.

— Чего это ты придумал? — спросил он у Шульгина, оглядываясь.

— Так. Показалось, что сверху виднее будет. Нормальные герои всегда идут в обход. Теперь я на вас полагаюсь. Вы специалисты, вы и действуйте. Найдем какой-нибудь вывод коммуникаций или вентиляционную шахту, а может, солярий у них здесь есть, вертолетная площадка, мало ли... В любом случае охраняются они хуже. Войдем внутрь, там разберемся.

— Он прав, — сказал Корнеев. — Надо двигаться к центру крыши. Думаю, что центральный ствол проходит насквозь. Простая инженерная логика. А попутно и все остальное осмотрим. Любой люк или шахту наш детектор обнаружит.

— Тогда так, — распорядился Шульгин. — Вы ищете дорогу, я обеспечиваю боевое охранение. В случае чего — прикрываю отход. По тросу спускаться быстро, интервал десять метров. Впрочем, это я к слову. Если нас засекут, никуда мы не уйдем...

Стоявший напротив него Айер демонстративно пожал плечами, выражая этим свое отношение к взятой на себя Шульгиным роли. «И к качеству ее исполнения». Сам Герард считал, что все нужно делать совсем иначе. На принципиально другом интеллектуальном и техническом уровне.

Шульгин понял смысл его жеста и еще более демонстративно упер в бок локоть руки с зажатым в ней автоматом.

— Однако жизнь свою продадим подороже... Как учили. Так что не дрейфь, Гера!

Левашов толкнул Сашку с другой стороны, мол, хватит дурака валять, не тот случай и не тот объект.

— Все-все, умолкаю. Надо же было товарищей сориентировать...

Пока Корнеев медленно продвигался вперед, водя перед собой раструбом детектора, Шульгин, приотстав, тихо спросил Левашова:

— А если действительно там, внутри, что-нибудь вроде как у Стругацких в «Пикнике»?

— Нет, не думаю. Слишком они все-таки человекообразные... Технологическая цивилизация. Или ты по-прежнему Антону не веришь?

— Я вообще никому не верю, ты меня знаешь. Чем не вариант — бомба у нас никакая не информационная, а самая простая, тротиловая? Включил замыкатель — и привет. Скажешь, не было так? Сколько угодно. Нормальный гангстерский прием.

Левашов ничего на это не ответил, да Сашка и не нуждался в его ответе. Корнеев тихо свистнул и поднял руку. Шульгин с Левашовым подошли.

— Люк, — сказал Борис, показывая себе под ноги. Это было видно и без пояснений. Приподнятое на полметра над уровнем крыши цилиндрическое возвышение, около пяти метров в диаметре, вертикальные стенки ребристые, того же цвета, что и крыша, а торец гладкий, тускло серебристый, и на нем отчетливо видны перекрывающие друг друга дугообразные лепестки.

— Ирисовая диафрагма, — сказал Левашов.

— Именно, — кивнул Корнеев.

— А под ней — ракетная шахта... — добавил Шульгин.

— С тем же успехом — терминал внепространственного канала или банальный лифт, — возразил Айер. — Самое главное — сумеем ли мы открыть или нет. — Левашов обошел возвышение вокруг, светя под ноги фонарем. Не обнаружил ничего примечательного.

— Сейчас мы его проинтроскопируем, найдем энерговоды, сервоприводы, тогда и думать будем... — Корнеев начал разворачивать свою аппаратуру.

Задача сложной не казалась. Если внешне устройство соответствует известным образцам, то и внутренне не может представлять ничего принципиально непостижимого. Левашов присел на корточки рядом, всматриваясь в возникшее на экране интроскопа изображение.

Когда лепестки диафрагмы дрогнули и медленно, беззвучно раскрылись, каждый из четверых испытал сложное чувство. Нечто вроде торжества от того, что чужая техника покорилась,

и, значит, они и здесь оказались отнюдь не дикарями, не питекантропами перед пультом компьютера. И вновь обострилось ощущение опасности, такое же, а то и более сильное, чем перед барьером обратного времени. Промелькнуло даже что-то похожее на досаду — как будто, если бы люк открыть не удалось, можно было с чистой совестью вернуться. Операция, мол, сорвалась по независящим обстоятельствам. В этой последней мысли никто из них, конечно, вслух не признался бы, но было такое, было... «Мелкие мысли бывают у каждого, — подумал Шульгин, — главное, не позволить им превратиться в мелкие поступки...» — и шагнул вперед, выставив перед собой ствол автомата.

— Давайте сначала я. Взгляну, что там и как.

— Да хватит тебе джеймсбондовщину разводить, — почти зло бросил ему Левашов. — Пусть Борис, тут по его специальности.

Темнота в шахте была абсолютная. Но когда Корнеев направил в нее раструб детектора, прибор показал на глубине четырех метров сплошное металлическое препятствие.

— Свети... — скомандовал он Айеру.

Действительно, снизу цилиндрическая камера перекрывалась черной, слегка вогнутой плитой. Но в боковых стенках имелись три симметричных овальных окна, из которых тянуло теплым, странно пахнущим воздухом.

— Ну что, попробуем? — спросил Корнеев.

Шульгин кивнул Левашову, у которого на поясе висел второй моток шнура. Олег отмерил десяток метров, поискал глазами, за что зацепить конец. Ничего подходящего в поле зрения не попадалось.

— Да перекинь через плечо, и все. Удержишь. Мне только попробовать — если дно не провалится, просто спрыгнете, а я приму.

— Еще и вылезать придется...

— Это как раз вряд ли. При любом раскладе...

Левашов сообразил, что Сашка прав. План действий предполагал совсем другой способ возвращения.

Овальные окна выходили на кольцевую площадку, окружавшую ствол шахты. С нее открывался вид на весь внутренний объем станции. Зрелище было впечатляющее.

Весь гигантский барабан, более чем стометрового диаметра и пятидесятикилометровой высоты, оказался практически пустым.

То есть, конечно, кое-какая начинка в нем была. Сверху вниз проходили разной толщины колонны, некоторые глухие, а не-

которые прозрачные, наполненные фиолетовым мерцающим светом, к стене крепились какие-то фигурные многогранники, ярусами спускались застекленные и открытые галереи, на самом дне отсвечивали белым четыре ребристые полусферы, а между ними зеленели не то газоны, не то заросшие тиной пруды, разделенные причудливым геометрическим узором будто бы дорожек. И освещал все это неприятный, но довольно яркий сиреневый свет.

— Ну и что с этого будет, Беня? — ни к кому не обращаясь, спросил Шульгин.

Корнеев не понял, какого именно Беню имеет в виду Шульгин, но в интонации разобрался правильно.

— Вот. Как раз для нас приготовлено, — он показал на подходящую снизу к площадке гофрированную трубку, похожую на противогазную, но диаметром не меньше двух метров.

Изгибаясь, она уходила к внутренней стене станции и, насколько было видно, с небольшим наклоном спускалась к крыше верхней галереи.

— Пойдем по ней. Снизу нас не увидеть, черных на черном фоне. Высоты никто не боится? — спросил Корнеев, будто забыв, каким образом Шульгин с Левашовым попали на крышу. Впрочем, он мог учитывать, что подъем по стене и ходьба без опоры над пропастью — несколько разные вещи. Левашов промолчал, а Шульгин возмущенно фыркнул.

— Тела Новикова и Берестина должны находиться в одной из тех полусфер, — сказал Айер. Ему, как профессиональному штурману, был доверен индикатор направления, настроенный на фоновые излучения мозга каждого из пленников.

— Языка бы... — мечтательно сказал Шульгин. — Оно вернее, чем ваша техника.

— Снаряжение лучше оставить здесь, — не обратив внимания на его слова, предложил Корнеев. — Кроме бомбы, нам больше ничего не понадобится.

Он был прав. Оставалось лишь всего доставить бомбу вниз, к основанию капсулы, в которой заключены материальные оболочки друзей, и включить взрыватель.

— ...Ну, раз уж мы пришли к этому разговору, тогда слушайте, — сказал Антон, пригласив их всех в свой рабочий кабинет, или, вернее сказать, центральный пост управления операцией. — Безусловно, вы имеете право обвинять меня в чем угодно: и в цинизме, и в жестокости по отношению к вам и к вашим товарищам, попавшим в плен... Я вполне вас понимаю. И не обижа-

юсь. На твой жест тоже... — он вновь слегка улыбнулся Шульгину, и все увидели, что губы у него совершенно целые, будто и не промокал он только что обильно сочащуюся алую кровь.

«Вот регенерация! — с завистью подумал Сашка. — А там ведь не только ссадины на слизистой, там и зубов пара-тройка вылететь должна...»

— Но я, по-моему, все довольно подробно изложил Воронцову. И тогда, при нашей с ним первой встрече, и позже... — продолжал Антон. — И считал, что в общем мы сошлись во мнениях. Видимо, я переоценил свои возможности популяризатора. Или ваша позиция изменилась. Так?

— Не знаю, как вы там с Воронцовым сговаривались, но нас с ребятами ты подставил капитально. Мы тебе что — белые наемники? Или эти, сипаи?

В тот раз Шульгин впервые заявил себя на роль лидера, обозначил расстановку сил, как сам ее понимал. Он, Левашов и девушки, включая Альбу, — одна группа, которую он и счел возможным возглавить. Корнеев и Айер — нейтралы, Воронцов, представляющий лишь самого себя, и — Антон. И манеру поведения он избрал резкую, почти грубую, что тоже произвело впечатление на всех, кроме Левашова.

— В общем, пока мы Андрея с Лешкой оттуда не вытащим, никаких дел у нас с тобой не будет. Уяснил?

— Об этом мы и будем говорить. Разумеется, мы их вернем, как принято говорить — в целости и сохранности. Своих друзей мы в беде не оставляем. Да и о беде здесь говорить вряд ли стоит. Новиков и Берестин сейчас вполне довольны своим положением, вы в этом убедитесь. Такого приключения почти никому из людей переживать не удавалось, можете мне поверить. Я помог им реализовать самые их смелые и невероятные желания...

Продемонстрировав на огромном трехмерном экране встречу Новикова с Берестиным в кремлевском кабинете, Антон продолжал:

— Как я уже говорил Дмитрию, в нашей так называемой войне мы избегаем прямых насильственных действий. Скорее напрашивается аналогия с шахматной партией.

— Надо же, мы дураки-дураки, а практически до того же самого додумались... — подмигнул Шульгин Ирине.

— Шахматы, конечно, не ваши, а многомерные, миллионноклеточные, с тысячами фигур и особыми правилами, но тем не менее... А в данной кампании стратегическая ситуация складывается так... — На экране возникла сложная графическая

схема. — Наш противник, как вам известно, существует во Вселенной с противоположным темпоральным знаком. Эта ситуация их не устраивает хотя бы потому, что без специальных, очень сложных ухищрений в наш мир они проникнуть не могут. Поэтому они приняли решение — осуществить инверсию своего времени в достаточно больших масштабах и выйти в нормальную, нашу с вами Вселенную. По ряду причин такое решение не устраивает нас. Но об этом позже. Вас указанное решение должно устраивать еще меньше. Вы же, земляне, самостоятельно противостоять столь наглой агрессии не можете. На нынешнем этапе вашего развития. Попытка проинформировать ваши правительства и привлечь их к сотрудничеству может повлечь... Вы лучше меня знаете что. Поэтому я и решил обойтись контактами на индивидуальном уровне. Тем более что так странно совпало... — он развел руками. — Я бы сказал — невероятное стечение обстоятельств.

— Только ли обстоятельств? — не поверил Корнеев.

— Можете мне верить. Просчитав ситуацию, я был поражен не меньше вашего. Как говорится, перед случаем бессильны даже боги. Однако продолжу. Цель деятельности Ирины и ее коллег состояла в том, чтобы путем малозаметных вмешательств создать на Земле политическую и техническую обстановку, благоприятствующую инверсии.

Он заметил невольный протестующий жест Ирины и остановил ее:

— Я представлю вам все имеющиеся у меня материалы... Потом. Пока слушайте. Вмешательство в ваши внутренние дела Андрея с товарищами вселило в авторов и руководителей проекта «Земля» новые лучезарные надежды. Вместо нудной, кропотливой, может быть, многовековой работы — один блистательный удар. И цель достигнута, война выиграна! А замысел таков. Новиков и Берестин, заняв высшие посты в государстве, должны переиграть Вторую мировую войну, одержать в ней настоящую победу, а не ту, что у вас принято называть таковой, в следующие сорок лет превратить СССР в абсолютного экономического, политического и военного гегемона в мире, и вот тогда, не опасаясь больше никаких случайностей, наши аггры выйдут из подполья и спокойно приступят к реализации программы инверсии. При таком положении дел наш Галактический союз не будет иметь никаких оснований для протестов...

— Лихо... — протянул Шульгин.

— Но позвольте! — вскочил Айер. — Мы в своем времени ни

о чем подобном не знали. В том числе и о вашем Галактическом союзе. Значит...

— Нет, — понял его смысл Антон. — Пока «значит» только одно: вы, Борис и Альба существуете только и единственно здесь, в двадцатом веке, нет никакого двадцать третьего, нигде нет, и вас тоже там нет, разумеется. То время, в котором вы успели родиться и некоторое время пожить, с точки зрения настоящего момента не более чем иллюзия.

— Выходит, мы действительно обречены остаться здесь навсегда? — стараясь оставаться спокойным, спросил Корнеев.

— Тоже не совсем так. Но пока — об агграх. Я не хочу быть несправедливым, не нужно представлять дело так, будто Земля станет их колонией, а люди превратятся в бесправных рабов. Кое в чем они даже выигрывают в этом новом мире. Но свою историю, свой единственный путь развития вы, безусловно, утратите. И никогда не сможете войти, как равные, в Галактический союз... Ну и вам, всем здесь присутствующим, места в том мире не найдется.

— Вот даже как? А отчего вдруг? Ликвидируют, как врагов режима? — не выдержала теперь уже Наташа.

— Все гораздо проще. Если Новиков и Берестин свою программу выполнят, возникнет совершенно иное настоящее, в котором просто будут жить другие люди. С другой психологией, другой памятью о прошлом. Война закончится там на два года раньше, останутся в живых многие миллионы, да и погибнут совсем не те, кто в прошлый раз. Изменятся миграционные потоки, ваши родители, вполне вероятно, не встретятся, не поженятся и так далее. Как видите, перспективы не самые обнадеживающие.

— Хорошо, допустим так. Впечатляюще ты все объяснил, но давай ближе к теме, — перебил Антона Левашов.

— Мне бы заодно хотелось узнать, — поддержал его Шульгин, — чего это вообще так много совпадений? Как правило — с довольно популярной литературой? Может быть, ты нас правда за дураков держишь?

— Ну зачем же так сразу? — в голосе Антона прозвучала обида. — Совсем напротив! Я ведь говорил Дмитрию, что вы очень талантливая раса. Интуиция, способность к гениальным озарениям, эвристическое мышление — здесь вы почти что вне конкуренции. Галактика очень многое потеряет, если вы упустите свой шанс... Вот и писатели ваши смогли очень многое предвосхитить. И мы, и наши противники очень внимательно

но штудируем земную фантастику. Многое используем в своей работе. Правда, Ирина?..

Левашов заметил, как на мгновение пальцы Ирины стиснули подлокотник кресла. Он ожидал вспышки гнева, потому что даже на его взгляд бестактность Антона по отношению к ней переходила допустимые границы. Однако Ирина сохранила выдержку.

— Конечно, правда, Антон, — Ирина мило улыбнулась. — А я все мучилась, не могла сообразить, откуда у тебя такой менторский тон и словесное недержание. А ты, наверное, у Немцова лишку перебрал.

— О'кей, Иришка, молодец! — радостно заржал Шульгин. — Два ноль в твою пользу! — Антон сокрушенно поднял голову.

— Неужели так заметно? Приношу свои извинения. Но, собственно, я уже подошел к концу. Буквально несколько слов... В общем, я сумел просчитать планы и намерения неприятеля, кое в чем даже помог их осуществлению. В результате действий Новикова и Берестина параллельная реальность сформирована. И задача заключается вот в чем. Поскольку база агтров на Таорэре (Валгалле) напрямую связана сейчас именно с той реальностью... — Антон указал на появившуюся на экране новую схему: — Вот, видите эту развилку, здесь прежняя, пока еще существующая мировая линия, а здесь — новая, но нам нужно всего лишь заблокировать обратный путь. Вот так... В итоге они навсегда исчезнут из нашего мира. Причем все должно произойти одновременно, переброс психоматриц Новикова и Берестина в их тела на Таорэре, блокада временной развилки, возвращение ребят сюда и ликвидация любых следов пребывания агтров в нашей Вселенной и в нашем времени. Технически это будет выглядеть так...

Главное, что понял Шульгин в ходе беседы: и форзейли, и их противники в ходе своей так называемой войны зашли в абсолютный стратегический тупик.

Вот тут и пришло Антону в голову ввести в игру некий «фактор Х». И натолкнул его на эту идею внезапно возникший и неожиданно разрешившийся конфликт между четверкой отчаянных земных парней и инопланетными агентами.

Остальное было делом техники.

После серии сложных психологических комбинаций и интриг позиция упростилась до предела. Выражаясь тем же шахматным языком, следующим ходом черных становился мат, неизбежный, как крушение капитализма.

Сложность была лишь одна. В распоряжении Антона и всего их Галактического союза не было средств, чтобы дистанционным путем пробить межвременной барьер. Вернее, пробить его, проломить сверхмощным энергетическим пучком было можно, но тогда мгновенно погибнет и станция со всем своим гарнизоном, и, разумеется, Новиков с Берестиным. А цель все равно достигнута не будет.

А вот если группа специально подготовленных людей отважится проникнуть в район станции, то все решится наилучшим образом. В момент «взрыва» информационно-энтропийной бомбы не только база, как материальный объект, но и сам факт ее существования будет стерт из прошлого, настоящего и будущего данной реальности. Соответственно исчезнет и зона обратного времени на Валгалле, исчезнет окружающий ее барьер. Сформированный аппаратурой Замка внепространственный канал, ориентированный по точке «взрыва», накроет своим раструбом бойцов десантной группы и капсулу с телами Новикова и Берестина.

При этом, самое поразительное, агтры — и здесь, на базе, и в своей метрополии — тоже не заметят ничего. Они продолжат существование во вновь созданной реальности и будут абсолютно уверены, что успешно достигли своих целей.

Одним словом, выходило так, что война завершится абсолютной, окончательной победой, достигнутой, кроме того, без единой жертвы с обеих сторон.

...Путь вниз занял почти два часа. По трубам, по крышам галерей, снова по трубам, но уже другим, пологой спиралью обвивающим нижнюю часть станции.

И на протяжении всего пути десантники не заметили никаких признаков присутствия хозяев: то ли персонал станции спит по ночам, как нормальные люди, то ли вообще все разъехались по служебным и личным надобностям.

Индикатор Айера вполне определенно указывал на купол, под которым находились тела друзей. Оставалось спрыгнуть на верхнюю плоскость того самого многогранника, который нависал над пологим пандусом, ведущим к центру зала.

Но не зря Шульгин до последнего не верил в благополучный исход предприятия.

Правда, здесь он, поддавшись общему настроению, тоже слегка расслабился и не заметил, как на переходном мостике по ту сторону зала, метрах в пятидесяти по прямой и ярус выше, появилась фигура в снежно-белом комбинезоне.

Первым увидел ее Корнеев и от неожиданности замер. Шульгин окликнул Бориса: «Ты что!» — и тоже увидел пришельца.

А они все четверо оказались как раз под ярко-сиреневым плафоном, на желтой поверхности, в пронзительно-черных скафандрах, и не разглядеть их мог только слепой. Счет пошел на секунды.

Решение Шульгина было вполне инстинктивным, по-земному традиционным и, пожалуй, единственно правильным.

Длинной, на полмагазина, очередью от бедра он хлестнул на ладонь выше головы аггра, так что гулко заныл не то металл, не то пластик. Брызнули, разлетаясь, абстрактные витражи галереи, а сам гуманоид, будто недавно пройдя курс молодого бойца, проворно упал ничком, прикрывая руками затылок.

— Борис! Вперед, к куполу! Взрывай! — сквозь гром автомата, удесятеренный обрушивающимся со всех сторон эхом, закричал Шульгин. — Олег! Гера! Беглый огонь! По фонарям! Перебежками! Вы прикрывайте Бориса, а я вас!

Шульгин не собирался кого-нибудь убивать, смысла в этом не было, сейчас, по крайней мере, главное — побольше шума, паники,бестолкового сплетения трасс, визга и воя рикошетных пуль. Выиграть время — секунд пятнадцать-двадцать всего-то.

Он крутнулся на каблуках, охватив взглядом всю внутренность станции. Откуда-то, словно муравьи из ходов подожженного случайным окурком муравейника, вдруг начали возникать пришельцы.

Одних Шульгин видел отчетливо, присутствие других только ощущал — по мельканию теней, по толчкам в спину и грудь чужих, сосредоточенных и ненавидящих взглядов. Очертил себя, словно меловым кругом, длинной прерывистой очередью.

Снизу отозвались автоматы Левашова и Айера.

«Только бы не успели, — подумал Шульгин про пришельцев, — запустить какую-нибудь пакость, вроде гравитации. Тогда нам конец. Не должны успеть, вряд ли они готовились к боям на свой территории».

Подсознательно он еще и считал, оказывается, количество своих выстрелов: последняя гильза не вылетела из патронника, а Сашка уже отщелкнул пустой магазин, воткнул в приемник новый. Получилось на удивление четко, будто всю жизнь практиковался.

Шульгин шагнул назад и сорвался. Выстрелы считал, а про то, что рядом край, забыл напрочь. Да и поверхность под ногами вдруг стала слишком скользкой.

Упал он плохо, на спину, боль отдалась сразу и в голову, и в живот, секунду или две невозможно было ни вздохнуть, ни пошевельнуться.

Но видел он нормально. Сверху наискось сверкнула белая молния, в том месте, где он только что стоял, вспух пузырь, похожий на гриб-дождевик, замер на миг, чуть пульсируя, сжался в тугую сверкающую каплю и рванулся обратно, в темноту верхних галерей.

«Вот, очнулся наконец!» — пришла на удивление спокойная мысль, а руки, вновь обретшие способность двигаться, уже вскинули автомат.

Все тридцать пуль он вколотил точно в то место, откуда прилетело неведомое, но омерзительное, как хвостовой крючок скорпиона, устройство.

Наверное, попал, потому что вверху треснуло, заискрило, вспыхнуло и погасло что-то бледно-лиловое.

В огромном объеме станции стало почти темно. Он попытался перевернуться на живот и попробовать встать.

— Живой? — услышал Сашка голос Левашова рядом.

— Почти, — выдохнул он.

Левашов взвалил Шульгина на спину и боком, как краб, чтобы не покатиться кубарем по крутому спуску пандуса, побежал-заскользил вниз. На полпути к куполу, где ждал их Корнеев, из темноты выскочил Айер, попытался помочь, подхватив волочащиеся по полу ноги Шульгина.

— Брось, я сам, прикрывай сзади...

Олег, будто в сонном кошмаре, спешил изо всех сил, а расстояние, совсем никакое по нормальным меркам, метров, может быть, тридцать, не сокращалось, словно бежал он не по твердому полю, а вверх по эскалатору, идущему вниз.

Но все же и бесконечные пять или шесть секунд кончились.

Левашов упал на колени, ткнулся лбом в тугое и теплое покрытие купола. Шульгин кулем сполз с его спины, откинулся набок, разбросав руки. Левая намертво сжала цевье автомата.

Корнеев сидел на боку, его пальцы вздрагивали на рифленой спусковой кнопке бомбы.

— Давай, рви! — со всхлипом крикнул Левашов.

— Герард далеко, не в фокусе...

До Айера действительно было далековато.

«И он словно не спешил, неужели у него такая тевтонская выдержка, — подумал Левашов, — или просто оцепенел от стрессов?»

На самом деле Айер, точно выполняя команду Олега, прикрывал отход, медленно пятясь и вытянув перед собой вздрагивающий и рассыпающий золотистые блестки гильз автомат. Он явно никуда не целился, а просто водил стволом, как пожарный брандспойтом. Наконец патроны у него кончились, он отшвырнул оружие и в два прыжка оказался рядом с куполом.

Корнеев нажал кнопку.

Последнее, что увидел Левашов, — протянувшиеся к ним сразу с нескольких сторон дымные ярко-зеленые лучи.

«Не успели!» — подумал Левашов, и сам не понял, о ком это он. О себе или о пришельцах.

В следующее мгновение наступила абсолютная и леденящая тьма.

Из записок
Андрея Новикова

...Жизнь, оказывается, гораздо более приятная штука, чем я считал до последнего времени. Чтобы это понять, потребовалось всего-то провести четыре месяца в сталинском обличье.

Может быть, когда-нибудь я сумею описать все, что я там понял и почувствовал. Но не сейчас. Слишком все близко и неясно.

Иосиф Виссарионович, он-то в доступной мне части своего сознания отнюдь не держал объективную картинку своей деятельности. Даже напротив. Каждый поступок, каждое преступление (а по сути, вся его жизнь — сплошная цепь преступлений против чего угодно, против чести, совести, человечности, истории, научного социализма) он так и трактовал, что выходило совсем наоборот. Удивляюсь, как я вообще сохранял здравый рассудок под постоянным давлением его личности и психики. Одно это с моей стороны уже подвиг, выражаясь без ложной скромности.

И еще вот деталь. Сейчас, когда я пишу, мне очень трудно заставить себя верить, что все было на самом деле. А если даже и было, то именно так, как вспоминается.

Придется серьезно поработать, чтобы хоть как-то добраться до истины. И написать. Правда, не знаю, кому моя писанина понадобится. Даже в виде фантастического романа такого не издашь. В обозримом, сопоставимом с временем моей жизни будущем.

Но зато каким восхитительным чувством было чувство

возвращения к нормальной жизни! Легкость в теле и в мыслях необычайная! И свобода. Вернее — освобожденность. Не знаю, какому нормальному человеку может доставлять удовольствие хоть малейшая власть.

Самое главное — я вновь ощутил свой рост. Сто восемьдесят пять после сталинских полутора метров — непередаваемо! Будто отросли ампутированные по колени ноги.

Однако речь сейчас пойдет не об этом.

Мы наконец собрались вместе, живые и здоровые, что по меньшей мере удивительно. Сашку тоже вылечили в одночасье, да у него всего-то и оказался перелом позвоночника и разрыв почки — сущий пустяк для форзейлевской медицины.

Забавным оказалось то, что, собравшись вместе, мы никак не могли разобраться, кто сколько прожил локального времени. Пришлось обратиться за помощью к Антону. Он рассчитал и каждому выдал карточки, вроде тех, что используются для учета суммарных доз радиации.

Вообще первые дни после победы протекали во взвинченно-эйфорической атмосфере. На то и победа.

Даже погоду нам Антон обеспечил штучную. А может, и само так получилось. Я, по рассказам Воронцова, воображал, что тут все время туман и дожди, но к нашему возвращению наступила настоящая картинно-золотая осень. Мягкая синева моря и неба, густая зелень можжевельника, красные листья канадских кленов, все оттенки желтого цвета дубовых рощ и вересковых полей... Сказка.

Мы с Ириной впервые вышли за ограду Замка на второй день после моего с Алексеем возвращения, медленно пошли к ближайшим холмам.

Наконец-то она стала по-настоящему спокойна. Я не помнил ее такой с самого семьдесят пятого — года нашего знакомства. Все наконец решилось, исчезла мучительная раздвоенность, теперь она только землянка, никаких пришельцев вообще не было в нынешней реальности. Живи и радуйся. Она даже помолодела, так мне показалось.

Но уже через полчаса я ощутил в ее отношении ко мне тщательно скрываемый холодок. И не стал делать вид, что этого не замечаю.

— Что, Ирок, начинаем пятый круг?

— Ты о чем? — вроде бы удивилась она.

— Разве неясно? Четыре варианта отношений мы пережи-

ли. Семьдесят пятый — семьдесят шестой, потом лето восьмидесятого, прошлые зима-лето, от пропажи Берестина до ухода на Валгаллу, сама Валгалла, и вот теперь... Помнишь, что ты мне пообещала?

— Я помню, а ты? Ты хорошо все помнишь?

— Безусловно. Супостата мы одолели, главное условие выполнено. Я от своего предложения не отказываюсь. Кольца и шампанское за мной. Осталось решить насчет платья и фаты...

Она остановилась, прислонилась спиной к раздвоенному стволу молодого клена.

— Мне бы радоваться сейчас, на шею тебе броситься... А вместо этого плакать хочется. Нет, ты не думай, я счастлива. Ты думаешь, ты не изменился?

— С чего вдруг? — спросил я, но сам понимал, что она и сейчас права.

— Ты знаешь. Разве сможешь ты жить теперь, как все нормальные люди. Иметь свой дом, семью? Работать, детей воспитывать?

Я вздохнул. Уж точно. Отравлены мы навсегда. Оно и раньше плохо получалось — делать вид, что все вокруг нормально и «все действительное разумно», а уж теперь...

— А хоть и так, Ириша? Все равно же мы будем вместе. Пусть здесь или на планете у Антона — он ведь приглашал, или с ребятами отправимся двадцать третий век искать.

— Вот именно. С ребятами... Нас одиннадцать человек здесь. И как ты все дальнейшее представляешь, если нам придется до смерти друг возле друга держаться? Олег с Ларисой, Дмитрий с Наташей, у них проще. А с Алексеем как быть? И еще Альба, она с тебя глаз не сводит, уверена, что рано или поздно тебя отобьет... — покачала головой, улыбнулась грустно.

— У нее пройдет, молодая... — только и нашел я, что ответить.

— Я тоже была молодая, однако не прошло.

— Слушай! — вдруг сорвался я. — Так что, всю жизнь и будем по сторонам озираться, как бы невзначай не обидеть кого? С Алексеем это твоя проблема, нужно ли было ему что-то обещать...

— Видишь, как плохо. Еще ничего не решили, а ты уже готов в нем чуть ли не врага видеть. Давай подождем... немного. Ведь больше ждали.

Она протянула руку, чтобы погладить меня по щеке, как часто делала раньше. Я чуть было не отстранился, но вовремя опомнился. Она-то в чем виновата?

Но этот чисто личный эпизод как-то разрядил обстановку. Видимо, подобную же беседу она провела и с Берестиным, на ближайшее время обеспечив мир и спокойствие.

Да и Антон, как радушный хозяин, делал все, чтобы мы чувствовали себя в его владениях, как на фешенебельном курорте, тем более что возможности у него для этого имелись.

Каждого из нас такое положение вполне устраивало, ведь даже между собой мы инстинктивно избегали разговоров о будущем.

Только Борис с Герардом проявляли нетерпение. Но их понять было можно.

И день, по-моему, на седьмой, когда, собравшись вечером в большом холле, мы смотрели трехмерный видеофильм о родной планете Антона, Борис поставил вопрос ребром. В том смысле, что бессмысленное времяпрепровождение им надоело и не пора ли уже Антону выполнять свои обещания. Я заметил, как при этих словах Альба вздрогнула.

— Ну, раз так, давайте поговорим, — согласился Антон. — Для меня лично технической проблемы тут нет. Прямо сейчас я могу организовать переход в любую точку Земли в 2228 год. Вы в этом году стартовали? Проблема возникает у вас. Первое — вы готовы разумно объяснить своим современникам и соотечественникам, как получилось, что вы вернулись втроем и без корабля?

— Объясним так, как есть на самом деле, — сгоряча выкрикнул Герард, но Борис его не поддержал, а, напротив, помрачнел. Я понял, о чем он задумался.

— Допустим, — согласился Антон. — Хотя не думаю, что это будет так уж просто сделать. Однако против факта вашего возвращения никто спорить не сможет и все как-нибудь устроится. Беда в другом. Вашего мира, в котором вы жили, в данный момент физически не существует. Это понятно? Он не более чем одна из вероятностей. Если вы туда вернетесь, вероятность зафиксируется. Именно в том виде, как вы ее помните. Но в вашем мире отсутствовала информация о тех событиях, что происходят на Земле сейчас. Значит, их быть не должно. И тогда вашим товарищам, — Антон широким жестом показал на всех нас, — возвращаться будет некуда. Они смогут после вашего ухода попасть лишь в ту единственную реальность, которая определяет необходимость и возможность вашего существования в вашем варианте XXIII века... А она

сильно отличается от привычной для них... Как вы на это смотрите?

Удар получился сокрушительный. Однако Борис сохранил самообладание.

— А если наоборот? — спросил он. — Сначала они возвращаются домой, а потом мы?

— Та же история. Зафиксировав нынешний вариант реальности, мы получим в XXIII веке ситуацию, в которой земляне знают о существовании Галактического союза, поддерживают с ним постоянные дружеские отношения, имеют колонию на Валгалле и так далее. Согласны вы вернуться в такой мир?

Мне показалось, что Антону доставляет даже своеобразное удовольствие говорить то, что он говорил.

И еще я подумал, что почти то же самое я говорил Альбе во время нашей первой беседы на Валгалле, чисто интуитивно догадавшись о возможности такого вот пассажа. Оттого, может быть, она сейчас выглядела спокойнее и Айера, и Корнеева.

— Тогда как вообще могло получиться, что мы встретились? — спросил Борис.

— В этом все и дело. Совместными усилиями всех здесь присутствующих, — Антон позволил себе слегка усмехнуться, имея в виду и себя, и нас, и Ирину, как представительницу третьей стороны конфликта, — в районе Валгаллы все причинно-следственные и пространственно-временные связи настолько деформировались, что флюктуации задели и ваш маршрутный тоннель. Он ведь вневременной...

— Обычное дело, — вдруг вставил Воронцов, — во время войны нейтральные корабли нередко налетают на мины, поставленные не для них.

— Нам от этого не легче, — огрызнулся Айер. Он, кажется, всерьез решил, что мы перед ним виноваты. А может, он и прав. Кого должен винить человек, на своем дачном участке подорвавшийся на гранате, оставшейся с Гражданской войны? Белых, красных, Октябрьскую революцию или сразу Карла Маркса?

В ходе разгоревшейся многочасовой дискуссии, перешедшей, к счастью, в общетеоретический план, выяснились многие интересные вещи.

Поскольку и в «обычных» условиях количество причинно-следственных связей так велико, что их невозможно просчитать ни на одном компьютере сколь угодно большой мощно-

сти, а в нашем случае естественный ход событий нарушался слишком уж грубо, теперь уж никто не в состоянии достоверно определить, что из случившегося и в какой мере является артефактом.

То есть вполне возможно, что первый поход Берестина в 1966 год создал условия для моего знакомства с Ириной, деятельность Воронцова в 1941 году спровоцировала ее появление на Земле, наше проникновение на Валгаллу предопределило полет в тот район «Кальмара», и так далее.

— Одним словом, если я правильно тебя понял, — с ледяным спокойствием обратился к Антону Воронцов, — в лучшем случае ты оказываешься... дилетантом, — но это научное слово прозвучало у Дмитрия как хлесткое оскорбление, — а в худшем — провокатором. Нет? Вспомни наш с тобой самый первый разговор...

— В какой-то мере должен признать, что определенную некомпетентность я проявил... — согласился с ним Антон, по-прежнему невозмутимый. — Хотя следует еще определить, можно ли назвать это так, то есть возможна ли вообще компетентность в вещах, в принципе непредсказуемых. Но пусть даже и так. Я не хочу оправдываться. Каждая наука — а дипломатия — наука в гораздо большей степени, чем какая-нибудь математика, физика и тому подобное — всегда исходит из реальностей психологии, истории, метеорологии даже, если угодно. И мною были учтены и просчитаны все доступные прогнозированию вероятности. Если бы каждый фигурант нашего дела точно и правильно выполнял свои функции — говорить было бы не о чем. Вот и получается, что, как бы я ни ошибался, а только и ваша вина тут не последняя. Простите, вы-то вели как себя? Сколько импульсивности, безудержной самодеятельности, страсти к самоутверждению... А ведь каждый шаг в сторону, как любишь повторять ты, Андрей, может перевернуть всю дальнейшую жизнь... Возьми даже твою последнюю выходку, Дмитрий, когда ты собрался застрелить Сталина.

— Раз уж об этом речь зашла, — перебил его Берестин, — чем там все-таки закончится? Как Марков из положения выйдет и как с войной будет?

— А главное — что плохого, если б и ликвидировал я его? — вопрос этот, очевидно, остро занимал Дмитрия. — В пятьдесят третьем мир не рухнул, в сорок первом, по-моему, тем более... Да Марков и вообще мог бы о его смерти не объявлять.

В эти, мать их так, времена, что угодно можно было сделать... Хоть сам себя Сталиным назови, хоть скажи, что Ленин воскрес и принял на себя руководство государством... Им, тогдашним, абсолютно все равно...

— Интересный вопрос, — Антон явно обрадовался возможности сменить тему. И приготовился прочитать нам очередную лекцию, но ему не дали.

Айер, Корнеев и внезапно присоединившийся к ним Сашка. Ну да, конечно, проблема возвращения его тоже волновала. Супруга, сами понимаете, которая все никак не может доехать до Москвы из своего Кисловодска. Я забавы ради представил себе, как сие могло бы выглядеть. Она садится в поезд на старинном кисловодском вокзале, рассчитывая через тридцать часов быть дома и обнять горячо любимого мужа, но не тутто было... Дорога все удлиняется и удлиняется, как до Владивостока и дальше, пассажиры ничего не понимают, и едут, и едут, и едут... Четыре месяца едут. Одичали все, перессорились, денег ни у кого не осталось, на станциях подаянием кормятся... Кое у кого и дети скоро рождаться начнут от тесноты путевой жизни. А в более оптимистическом варианте — удлиняется не дорога, а срок путевки.

Короче, ни до чего мы в тот вечер не договорились. Антон предложил на выбор целую серию вариантов, но все они таили в себе тот или иной изъян, этический, философский или чисто бытовой.

Разумеется, у космонавтов причины стремиться домой были более основательные. Честно — при всем моем показном, а также и наигранном оптимизме, с которым я рисовал им картины адаптации и дальнейшей счастливой жизни в нашем светлом настоящем, — вообразить себя на их месте я без тоски и страха не мог. Мне и моего опыта достаточно. Так одно дело — сорок три года назад, и совсем другое — триста! Ну пусть двести сорок четыре, если совсем точно.

Я бы, наверное, совсем в иной тональности с Антоном разговаривал, предложи он мне подобную перспективу. А ребята — нет, ничего, вели себя на удивление корректно. Культура будущего, никуда не денешься. Не зря мы, выходит, молодежь воспитываем...

В каждом из названных вариантов, кроме прочего, отчетливо просматривалось желание Антона (или это моя чрезмерная подозрительность срабатывала) решить проблему обяза-

тельно и только за наш счет, поскольку сами форзейли в любом случае оставались при своем интересе. А хорошо бы придумать наоборот — чтобы им по-крупному чем-то поступиться — и тогда посмотреть, как Антон себя поведет. Только вот ничего не придумывалось.

Единственным рациональным итогом дискуссии, которая проходила на поразительно несопоставимом уровне — я имею в виду нас, Герарда с Борисом и Антона, — можно назвать наметившийся, пусть и в очень первом приближении, вариант выхода. И предложил его самый из всех необразованный (из них, технарей-интеллектуалов, про нас, гуманитариев, речи вообще нет) — Олег Левашов. На мой взгляд, выход остроумный — попытаться произвести одновременный переброс, пока все реальности равновероятны, пусть Антон настроит каналы, и — все разом! Как стрельцы со стены в «Иван Васильевиче...» Хотя это, как я понял, пока только голая идея. Ее еще считать и считать...

— Не знаю, не знаю... — Антон с сомнением потер подбородок. — Насколько мне известно, таких опытов не производил никто и никогда...

— А все остальное, что мы тут нагородили, у вас регулярно производят? — прищуриваясь, спросил Воронцов. Я с удивлением заметил впервые, что они чем-то неуловимым очень напоминают друг друга. То ли мимикой, то ли интонациями. А скорее всего тем, что без особой разницы их можно мысленно поменять местами...

Антон оставил его реплику без внимания. Он просто размышлял вслух.

— Но просчитать можно... Два канала, абсолютная синхронизация по времени и напряженности поля, размерность стрелки прогиба мировых линий... Работа не на один час и даже не на день... Очень может быть, что для этого придется создать специальную лабораторию...

— Я бы в той лаборатории с удовольствием поработал... — мечтательно улыбнулся Олег.

Еще бы... Ему дай волю, и никакая Земля на ближайшие годы интересовать его не будет. Хронофизику станет изучать, потом, глядишь, до Единой теории поля дело дойдет, и так далее. И в итоге его оставят при кафедре, если и с тамошними мэтрами отношения не испортит. А нам каково, простым, необра-

зованным людям? Сидеть и ждать, пока они варианты просчитывают?

Я подошел к открытой балконной двери. На уровне глаз колыхались под легким бризом вершины деревьев. Вдали плавно накатывались на берег волны, доносился их негромкий, но мощный гул.

Нет, интересно все же. Хорошо нам здесь, удобно, вокруг все так красиво и изысканно, и в природе, и в Замке.

Дома, на Земле, тоже полный порядок, по-прежнему тянется нескончаемый август восемьдесят четвертого года.

А на самом деле, может, и нет уже ни Земли, ни того самого августа, и нас самих тоже нет. И не было никогда. Потому что стоит нам перешагнуть порог — и полная неизвестность. Глобальная и космическая.

Скоро год, как я в эти игры играю, а понять хоть что-нибудь не могу. Зато привык ко всему, в том числе и к непониманию тоже. И живу в полное свое удовольствие.

Нет, ведь и действительно, без всяких шуток и иронических усмешек, что еще возможно и следует желать?

Не считая ставших уже привычными неограниченных материальных возможностей и благ (даже этого многим и многим было бы более чем достаточно), я пережил и самые невероятные приключения, даже вот и диктатором побывал, у меня есть верные друзья, мне, скажем так, симпатизируют две очень неординарные женщины, так чего же ты хочешь, братец?

Зачем я сейчас участвую в этом «мозговом штурме»?

Какого результата жду лично для себя?

В чем вообще проблема?

А друзья мои продолжали говорить и спорить, только смысл их слов пролетал мимо моего сознания.

Я просто смотрел на них, на каждого в отдельности.

Ирина, моя несчастная красавица, сидит, сцепив пальцы на высоко открытом колене, покусывает нижнюю губу, а мысли ее далеко-далеко отсюда...

Берестин, хоть и бросает какие-то реплики, сам все больше косится на Ирину, пожалуй, что и непроизвольно, от подсознательной потребности видеть, что она здесь.

Шульгин, безусловно, развлекается, если и есть у него более глубокие эмоции, их достоверно вычислить невозможно.

С Левашовым же понятно все. Как и с его Ларисой.

Остается сфинкс — Воронцов, но вот его заботы волнуют меня меньше всего. Этот не пропадет.

И, значит, получается, что единственно, о ком стоит сейчас позаботиться, — о наших друзьях-потомках.

Только им по-настоящему плохо, и только они в буквальном смысле невинные жертвы посторонних игр.

А я, как главный виновник всей заварушки, должен взять сейчас и сказать, что незачем размазывать манную кашу по чистому столу, нужно просто отправить ребят домой, в их не такой уж, наверное, плохой мир, а самим — как придется...

Честно рассуждая — если б не мои, чего скрывать, вполне пижонские выходки, начиная с первой с Ириной встречи на мосту, ничего абсолютно бы не было. По крайней мере — для этих троих страдальцев...

А мы, все прочие — ну что, в конце концов, теряем? Время все равно останется наше, родной XX век. Изменится кое-что, так и ладно. Прямо уж наша реальность самая лучшая была из всех возможных? Найдем себе место. Возьму вон Ирку, да и в Новую Зеландию махну, виллу куплю на берегу пролива, романы буду писать и павлинов разводить... Остальные тоже не пропадут. Даже интересно, какой там мир нашими усилиями образуется.

Тем более что Альба говорила, будто бы в ее истории Вторая мировая в сорок третьем закончилась.

Однако пока я обо всем этом размышлял и готовился, по обыкновению, очередным парадоксом общество развлечь, Сашка опередил меня.

— Знаете-ка что, господа-товарищи, с меня на сей раз хватит... Нервная система у меня не выдержит, думать конструктивно я до завтрашнего дня отказываюсь и вам не советую, а у нашего хозяина считаю нужным попросить подать на стол чего-нибудь такого-этакого... — он прищелкнул пальцами. — Коньяку желательно, причем самого дорогого и старого...

С облегчением подыгравший ему Антон соответствующим образом распорядился, искомый продукт и все ему соответствующее было получено.

Вот когда мы продегустировали, оценили букет и вкус, повторили еще и снова, атмосфера воцарилась, как в лучшие времена, самая непринужденная, только-только до танцев дело не дошло, негодяй Шульгин и выдал.

— Сидите теперь, как бы не в пожизненном заключении, думаете, что мировые проблемы решаете, — сказал он со слиш-

ком хорошо мне знакомой многообещающей усмешкой. — А я ведь давно говорил, что от твоих классических увлечений добра не жди. — Налил себе одному и единым глотком выпил.

— Одиссей, Одиссей! Сидел бы этот мелкий феодал на своей Итаке, как нормальному царю положено, и ничего бы не было. И Троя до сих пор на месте бы стояла, и прочие персонажи потолкались бы под стенами и спокойно домой вернулись. Им и плыть всего километров сто оттуда... А прекрасная Елена, насколько мне помнится, с Парисом добровольно сбежала... Бабы — они бабы и есть. Всегда одинаковые.

И в первый момент никто даже не нашелся, что ему ответить, но я увидел, как у Ирины вдруг задрожали губы.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга I. ГАМБИТ БУБНОВОЙ ДАМЫ 9

Книга II. ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ 169

Часть первая. КРИТЕРИИ ОТБОРА 171

Часть вторая. НА ДАЛЕКОМ БЕРЕГУ 249

Часть третья. КОГДА НАС В БОЙ ПОШЛЕТ ТОВАРИЩ СТАЛИН 463

Часть четвертая. КАК КОНЧАЮТСЯ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ 566

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Д. Мытников*
Корректор *Т. Павлова*

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — **info@ eksmo.ru**

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде и Челябинске:
ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.
ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.11.2003.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 36,1.
Тираж 6 000 экз. Зак. № 8584.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина,109 .

МИР ФАНТАСТИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФЭНТЕЗИ И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

Фантастика и ее многочисленные подвиды — научная, боевая, киберпанк, фэнтези — пользуется все большей популярностью. А рост популярности жанра требует новых источников информации о нем. Журнал "Мир фантастики" призван стать подобным источником.

В последние годы мы наблюдаем взаимопроникновение художественных форм, в которых воплощаются фантастические произведения. Вселенные, созданные писателями, попадают на широкий экран, сюжеты кинофильмов становятся основой для компьютерных игр, герои популярных игр обретают новую жизнь на книжных страницах. Фантастические миры сталкиваются и порождают новые пространства для приключений.

Мы уделяем внимание всем направлениям и всем областям, в которые проникает фантастика. Это не только художественная литература, но и кино, игры, интернет и иные отрасли развлечений — все сферы, которые интересны настоящим поклонникам фэнтези и sci-fi.

КНИЖНЫЙ РЯД

Анонсы всех новых фантастических книг, обзоры жанров и грандиозных вселенных.

ВИДЕОДРОМ

Все премьеры кинотеатров и новинки видео, горячие новости со съемочной площадки.

ИГРОВОЙ КЛУБ

Обширная информация по самым выдающимся компьютерным и настольным играм настоящего времени.

КОНТАКТ

Интереснейшие беседы с известными писателями-фантастами.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Неожиданные статьи о средневековом быте, передовых технологиях и будущем фэнтези-культуры.

РАССКАЗЫ

В первом же номере вы сможете прочесть рассказы Александра Зорича "Второй подвиг Зигфрида", Гельмута Пеша "Песнь волны" и Александра Тюрина "Транзитный космодром".

СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ"
ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛУЧШИХ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ

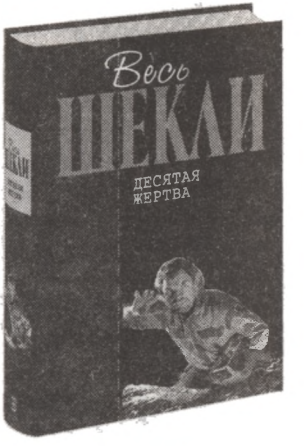
ТАКЖЕ В СЕРИИ:

Д. Янковский
«Властелин вероятности»
«Правила подводной охоты»
Л. Алехин «Падшие ангелы Мультиверсума»
М. Кликин «Идеальный враг»
Е. Прошкин «Эвакуация»
В. Звягинцев «Дырка для ордена»
К. Бенедиктов «Война за «Асгард»

РОБЕРТ ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ»



Все произведения знаменитого американского писателя Роберта Шекли в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

Земля становится ареной тайной и продолжительной войны, которую ведут две могущественные космические цивилизации, мечтающие заставить людей вершить свою историю в интересах пришельцев. Но не все земляне согласны быть безвольными марионетками в чужом театре. И на далекой планете Валгалла, и в Советской России, вступающей в Великую Отечественную войну, – везде Андрей Новиков и его друзья доказывают, что никогда не станут слепым орудием в руках представителей «высшего разума».

ISBN 5-699-04816-2